

**ПАРТИЯ
СОЦИАЛИСТОВ-
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ**

**Ассоциация «Российская
политическая энциклопедия»
The Association «The Russian
Political Encyclopedia»**

**Федеральная архивная служба
России
Federal Archival Service of Russia**

**Российский государственный архив
социально-политической истории
Russian State Archive
for Social-Political History**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ
Конец XIX – первая треть XX века
Документальное наследие

Партия
социалистов-революционеров

Документы и материалы

1900–1925 гг.

В 3 томах

Москва
РОССПЭН
2001

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ
Конец XIX – первая треть XX века
Документальное наследие

Партия
социалистов-революционеров

Документы и материалы

Том 2

Июнь 1907 г. – февраль 1917 г.

Москва
РОССПЭН
2001

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 01-01-16179

Работа над изданием осуществлена при поддержке
Carnegie Corporation of New York

Редакционный совет:

О.В.Волобуев, доктор исторических наук, профессор;
В.В.Журавлев, доктор исторических наук, профессор;
М.К.Горшков, доктор философских наук;
Козлов В.П., чл.-корр. РАН; **С.В.Мироненко**, доктор
исторических наук; **А.П.Ненароков**, доктор исторических
наук, профессор; **А.К.Сорокин**, кандидат исторических наук;
В.В.Шелохаев (руководитель проекта), доктор исторических
наук, профессор

Редакционная коллегия:

О.В.Волобуев, Н.Д.Ерофеев, доктор исторических наук,
В.В.Журавлев, А.К.Сорокин, В.В.Шелохаев
(ответственный редактор)

«Составитель, автор предисловия,
введения и комментариев **Н.Д.Ерофеев**

П 18 Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 2. Июнь 1907 г. — февраль 1917 г. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 584 с.

Во второй том настоящего издания вошли документы и материалы, отражающие историю партии эсеров в межреволюционный период (июнь 1907 г. — февраль 1917 г.). Подавляющее большинство из них — это документы высших и центральных органов партии: III, IV и V Советов партии, первой общепартийной конференции, ЦК партии, его Заграничной делегации, редакции ЦО — газеты «Знамя труда» и видных деятелей партии, освещающих принципиальные вопросы партийной жизни. Документы представляют весь спектр позиций и мнений, которые существовали в партии по идеологическим, политическим, тактическим и организационным вопросам.

ББК 63.3(2)52

ISBN 5-86004-064-4
ISBN 5-8243-0170-0

© Ерофеев Н.Д. — Предисловие, составление, справочный аппарат, 2001.
© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
© Документы — Архивы, предоставившие материалы для данной публикации, 2001.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй том включены основные документы и материалы, отражающие историю партии эсеров в межреволюционный (июнь 1907 г. — февраль 1917 г.) период.

В течение всего этого периода партия эсеров находилась в состоянии перманентного идейного, тактического и организационного кризиса. Впрочем, подобное положение не являлось исключительным только для эсеров. Время было трудное и для других российских политических партий. Но для партии эсеров кризис был глубже и болезненнее, так как аграрная реформа правительства, направленная на ликвидацию общины, подрывала основу основ партии, ее аграрную программу, а существовавшие при третьиюньском политическом режиме определенные легитимные возможности для политической борьбы (Государственная дума, прессы, различные союзы и объединения), поддерживая в обществе иллюзию возможности мирной эволюции страны, лишали террор былой поддержки со стороны этого общества. Разоблачение провокатора Азефа, бывшего одним из основателей и лидеров партии, главой ее Боевой организации, еще более усугубило положение. Оно не только способствовало росту недоверия к партии в обществе, но и разрушительно действовало внутри партии: ухудшало в ней морально-нравственную атмосферу, сеяло подозрительность, страх, неуверенность, сомнения в подполье, усиливало отток членов из партии и сокращало приток в нее новых членов.

Стратегия и тактика российских политических партий в послереволюционный период определялась в значительной мере их оценками третьиюньской политической системы и перспективы новой революции. Эсеры считали, что Россия происшедшим государственным переворотом была возвращена к своему дореволюционному состоянию. Государственная дума рассматривалась ими лишь как конституционная фикция, простая декорация на фасаде прежнего самодержавно-полицейского режима. Сохранялись, по их мнению, и те общие причины, которые вызвали революцию. Исходя из таких представлений о послереволюционной действительности делался вывод, что новая революция неизбежна. Эсеры, как известно, никогда не отличались монолитностью ни в одной из сфер партийного проявления. В рассматриваемый период их партия, как организационная структура, постепенно превратилась в «рассыпанную храмину», а в идейном отношении почти в совокупность различных направлений, течений и оттенков. Однако независимо от того, какое место в эсеровском движении занимала та или иная группа, в центре ли, на правом или левом фланге, для каждой из них идея революции оставалась руководящей идеей.

Расхождения касались главным образом вопроса о том, каким путем идти к революции, каким формам, методам и средствам ее подготовки уделять первостепенное внимание. На разногласии в данном вопросе влияли также и имевшиеся различия в представлениях о характере и задачах революции, о возможных ее сроках.

Считая, что в России практически ничего не изменилось, а репрессии против антиправительственных сил даже усилились, эсеры заключали, что надо все «начинать сначала», вернуться к прежним, нелегальным формам организации, методам и средствам борьбы. Первым серьезным актом всероссийского масштаба для российских политических партий стало их отношение к III Государственной думе. С точки зрения демократов и социалистов эсеры были правы, оценивая Думу как «господскую» и реакционную. Но подобная классовая оценка была чересчур общей и потому недостаточной для выработки правильной тактики в той конкретной обстановке постреволюционной действительности. Она не учитывала те серьезные изменения, которые произошли в характере правящего режима, а также в настроениях населения и общества. Революция, несмотря на свое поражение, заставила самодержавие несколько модернизироваться. Но лишь этим дело не ограничивалось. Созданная под воздействием революции третьеиюньская политическая система предназначалась для того, чтобы сохранить самодержавие в новой думской форме, и одновременно стать тем механизмом, с помощью которого обновленное самодержавие могло бы выполнить роль восприемника революции, по-своему разрешить ее задачи. Обновленному самодержавию историей как бы предоставлялся еще один шанс не только выжить самому, но и мирным реформистским путем модернизировать страну. Об этом свидетельствовало и то, что со своей стороны народные массы и общество, устав от более чем двухлетних революционных потрясений, добившись в революции некоторого улучшения своего материального и политического положения, хотели стабильности и порядка и им в какой-то мере было все равно, под каким флагом, под чьим руководством будет произведена модернизация, лишь бы она была произведена. Резкий спад революционного движения был, прежде всего, следствием этих причин, хотя и в немалой степени сказывались правительственные репрессии. Новый революционный подъем мог начаться не раньше того времени, когда выяснились бы не только нежелание, но и неспособность третьеиюньского самодержавия произвести нужные стране реформы, когда сами массы изжили бы реформистские иллюзии. Эсеры же, придавая чрезмерное значение роли субъективного фактора в истории, считали, что общество и народные массы могут быть выведены из состояния относительного покоя искусственно. Для этого, по их мнению, необходимо было, прежде всего, чтобы сама партия была бы стойкой, не делала отступлений от своей революционной позиции, не поддавалась бы на конституционные соблазны третьеиюньского режима. В этой связи большое значение придавалось бойко-

ту Государственной думы. Идти в Государственную думу, твердили они, могут лишь те, «кто утратил веру в революцию». Бойкот этого высшего общероссийского представительного учреждения рассматривался ими и как наиболее сильный и внушительный ответ на третьеиюньский переворот, и как средство революционизации и организации масс. По вопросу о бойкоте III Думы среди эсеров сколько-нибудь заметных разногласий не было. Но избирательная кампания в Думу наглядно выявила расхождения этой бойкотистской тактики с настроениями масс. По свидетельству эсеровской печати, отказались участвовать в выборах лишь крестьяне 928 волостей из почти 14 тысяч. Бойкот Думы не принес эсерам каких-либо политических дивидендов. Последствия его для партии были скорее негативными, чем позитивными. Такой левацкой тактикой эсеры лишали сами себя возможности пользоваться думской трибуной для пропаганды своих идей, а в лице своего думского представительства и легального пропагандистского и организационного центра. Потерпев неудачу с бойкотом выборов, эсеры продолжали свою левацкую тактику в отношении Думы призывами отзыва из нее левых депутатов.

Кроме «бойкотизма» и «отзовизма» важное место в арсенале эсеровской тактики занимал «боевизм». Состоявшийся вскоре после третьеиюньского переворота III Совет партии назвал «боевизм» первоочередной задачей. Эсеры признавали, что в условиях, когда самодержавие укрепило свои позиции, а в обществе господствует усталость, разочарование, когда скована революционная энергия трудовых масс, вооруженное восстание не может быть фактом ближайшего времени, но без него не обойтись и к нему партия должна готовиться сама и готовить народ. В этих целях рекомендовались такие меры, как создание боевых дружин и обучение ими населения приемам вооруженной борьбы. Приветствовались также «частичные боевые выступления» в войсках.

Однако по мере того, как угасала инерция революции, все более призрачными становились надежды на ее подъем в скором времени, тактика «боевизма» теряла свою былую привлекательность в эсеровской среде. В ней начинало все явственнее выкристаллизовываться более реалистическое течение во главе с молодым членом ЦК, доктором философии, ярким публицистом и способным организатором Н.Д.Авксентьевым. Выступая на 1-й общепартийной конференции (Лондон, август 1908 г.) содокладчиком В.М.Чернова по вопросу о тактике, он настойчиво призывал отказаться от тактики «боевизма» и подготовки к вооруженному восстанию и сосредоточиться на пропагандистско-организационной работе и центральном терроре. И в ЦК, и на конференции преобладание позиции Чернова было минимальным. В результате разрешено было заниматься боевой работой только сильным партийным организациям, ведущим «серьезную социалистическую работу».

Среди эсеров лишь по вопросу об усилении центрального террора длительное время существовало полное единодушие. После

ретьеиюньского переворота они окончательно решили для себя вопрос о покушении на царя, об ударе «в центр центров». С этим ктом связывались большие надежды. Его успех, по предположениям партийного руководства, должен был пробудить страну от царгического сна реакции, укрепить партию и поставить ее во главе революционного движения. Однако сбыться этому было не уждено. Все попытки организовать покушения на царя провалились. Одни из них просто имитировались Азефом, над которым в о время уже нависла реальная угроза разоблачения, и этой имиацией он рассчитывал избавиться от нее. На неудачу других повлияли случайности. Б.В.Савинков, взявшийся восстановить авторитет террора после разоблачения Азефа, оказался неспособным даже организовать надлежащим образом Боевую организацию. Впрочем, надо подчеркнуть, что его неудача лишь частично может быть объяснена, с одной стороны, недостатком в нем надлежащих для данного дела качеств, а с другой — действиями охраны, сумевшей внедрить в организовывавшуюся боевую группу своих агентов. Главное было в том, что террор в то время уже лишился надлежащей поддержки у общества, так как в лице Думы появилась определенная возможность для решения конфликтов между обществом и властью мирным, конституционным путем.

Неудачи с террором, реакция правительственная и общественная сковывали деятельность партии, но они не были столь опасны для партии, сколь столыпинская аграрная реформа. Последняя покусалась на крестьянскую общину — один из основных устоев серовской программы социализации земли, составлявшей своеобразие эсеровского социализма. Сразу же после начала этой реформы эсеры объявили ей решительную борьбу. При этом они были правы, считая, что исходом этой борьбы надолго определится история страны. Касаясь целей реформы, они указывали, прежде всего, на ее антиреволюционную и антисоциалистическую направленность, подчеркивали, что своей реформой правительство рассчитывает подорвать социальные и экономические корни революции, успокоить крестьянство мелкими подачками, внести в него разлад путем поощрения расхищения общинной земли, распылить его усиленным насаждением личной земельной собственности и хуторского хозяйства, создать серьезные препятствия для осуществления аграрной программы партии. Для борьбы с правительственной ломкой деревни предлагался ряд мер: отказ от выделов из общины, не только бойкот, но и борьба, «как с изменниками», с теми крестьянами, которые выйдут из общины; отказ от продажи, покупки и закладки земель; бойкот землеустроительных комиссий, дворянского и Крестьянского банков. Вместе с тем руководство партии строго предупреждало против использования тактики аграрного террора в отношении помещиков и состоятельных крестьян, считая, что она приведет к тому, что помещики начнут продавать свою землю крестьянам, число собственников среди крестьян возрастет, расслоение деревни ускорится, отношения между

ее различными слоями обострятся, а это затруднит борьбу не только за социализацию земли, но и за политическую свободу. В качестве конструктивных мер против выделов из общины предлагались: совершенствование общинных распорядков в целях большей их справедливости и согласованности с требованиями хозяйственного прогресса (переделы, правильная разверстка платежей, уменьшение чересполосицы и т.д.); пресечение выделов путем общественных приговоров, соглашения с переселенцами и пролетаризованными элементами деревни, желавшими расстаться с наделенной землей на условиях выдачи им пособий и т.п.

Открытые выступления крестьян в период революции показали, что народнические представления о них, как социалистах по природе, значительно расходятся с истиной. Столыпинская реформа была ориентирована на крестьянский индивидуализм, имела цель развить и укрепить у крестьян чувство собственности, уважение к ней. И неслучайно поэтому одной из своих важнейших задач в послереволюционный период эсеры ставили расширение и углубление социалистической пропаганды в деревне, укрепление там партийных организаций в виде крестьянских братств и союзов.

Пока остается неизученным вопрос о том, как конкретно на местах, исполнялись решения эсеров по борьбе с правительственной аграрной реформой, но, судя по итогам этой реформы (к началу войны на хутора и отруба вышло 1,5 млн (10%) крестьянских дворов), усилия эсеров особенно эффективными не были. Сами эсеры признавали «внешний успех» реформы. Но его было вполне достаточно для того, что породить сумятицу и разногласия в их рядах. Оптимисты утверждали, что особо волноваться не следует: независимо от того, как сложится судьба общины, оснований для пересмотра партийной программы нет, ибо она покоится не на самом факте общинного землевладения, а на том комплексе идей, чувств и навыков, на той психологии, которые воспитаны в крестьянстве всей предыдущей историей и всей практикой общинного землевладения. Пессимисты заявляли, что если рухнет община, то рухнет и социализация земли, как требование минимальной части партийной программы. Они не разделяли мнение, что с разложением общины в крестьянстве сохранятся общинные и трудовые воззрения и традиции, прежде всего взгляд на землю как на общее достояние. Оптимистов они упрекали в том, что их позиция расслабляет волю и решительность, настраивает на бездеятельность в то ответственное время, когда требуется максимально напрячь усилия, чтобы успешно противостоять правительственному натиску на общину.

Много места в эсеровских замыслах и делах рассматриваемого времени занимала кооперация. Внимание к ней повышалось в связи с тем, что, с одной стороны, росли сомнения относительно устойчивости общины, а с другой стороны, развитие кооперации в послереволюционной деревне делало заметные успехи. Программа эсеров уделяла большое место кооперации, особенно в своей мак-

имальной части. Кооперация считалась одной из важных форм перерастания мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные. Идея кооперативного социализма будет впоследствии заимствована В.И. Лениным у эсеров, но в рассматриваемое время большевики, основные политические соперники эсеров, относились к ней с подозрением, подчеркивали ее капиталистический характер, резко критиковали эсеров за их увлечения кооперацией. Эсеры соглашались с тем, что кооперация действительно может смягчить недовольство в деревне, но вместе с тем уверяли, что она воей повседневной практикой будет давать крестьянству достаточно поводов не забывать о коренном противоречии крестьянства с оподствующими классами, что сам ее рост «состоит в непрерывной борьбе с эксплуатацией». Достоинства кооперации эсеры видели также в том, что она, будто бы, была способна сохранить крестьянство как опору демократии, как союзника рабочих, содействовать его организации и накоплению сил для будущей революции. И.И. Фондаминский (И. Бунаков), один из эсеровских специалистов по аграрному вопросу, заявлял даже, что старая формула народничества — «через земельную реформу к кооперации» должна быть заменена новой — «через кооперацию к земельной реформе».

Одновременно с идейным и тактическим кризисом партия эсеров все более погружалась в кризис организационный. Симптомы того были налицо уже во второй половине 1907 г. Целый ряд организаций, еще недавно процветавших, или едва подавали признаки жизни, или вовсе прекращали свое существование. В.М. Чернов в своем выступлении на Лондонской общепартийной конференции, обобщая сведения с мест, констатировал, что «организация растаяла, улетучилась», партия оторвалась от масс, «ужасающих размеров» достигла эмиграция. Место пребывания ЦК и издание центральных печатных органов «Знамя труда», «Земля и воля», «За парод!» — вновь были перенесены за границу.

Форумами, имевшими в послереволюционный период общепартийное значение, были Лондонская общепартийная конференция (август 1908 г.), III (июль 1907 г.), IV (август 1908 г.) и V (май 1909 г.) Советы партии. Центральные органы — ЦК и его Заграничная делегация — постепенно теряли свое значение. На V Совете ушел в отставку признавший себя политически и морально ответственным за Азефа состав ЦК, избранный на 2-м партийном съезде. Вновь избранный ЦК не смог развернуть надлежащим образом свою работу в силу целого ряда причин объективного и субъективного плана. Среди них немаловажное значение имело то, что вновь избранные члены ЦК не пользовались таким авторитетом, какой был у прежних членов ЦК, к тому же одни из них вскоре были арестованы, другие отошли от активной деятельности. По мере того, как падала роль ЦК, возрастала руководящая роль его Заграничной делегации, в состав которой вошли многие члены ЦК, ушедшие в отставку в 1909 г. Однако и ее деятельность

в значительной мере парализовывалась имевшимися в ней разногласиями. После опубликования в 1911 г. «Заключения судебно-следственной комиссии ЦК партии социалистов-революционеров по делу Азефа» ряд лидеров партии, среди них и В.М.Чернов, недовольных определениями этой комиссии в адрес прежних ЦК и БО, фактически отстранились от текущей руководящей партийной работы и почти целиком сосредоточились на литературной деятельности. Слабевший центр все более терял бразды правления партией. Слабели, а то и вовсе обрывались не только вертикальные, но и горизонтальные партийные связи. Большинство сохранявшихся местных организаций жило своей автономной жизнью. Партия превращалась в «рассыпанную храмину».

Свидетельством глубокого кризиса, в который все более погружалась партия эсеров, являлось появление в ней различных группировок, наиболее значительными из которых были группы «инициативного меньшинства» и «Почина». Обе они возникли в Париже, в среде эсеровской эмиграции. Основателями и лидерами группы «инициативного меньшинства» были видные деятели партии Я.Л.Юделевский (Волин) и В.К.Агафонов (Сиверский). В 1908—1909 гг. эта группа издавала газету «Революционная мысль», в которой резкой критике подвергались все стороны эсеровской официальной партийности: идейная, программная, тактическая и организационная. В частности, заявлялось, что эсеровская доктрина чрезмерно засорена марксистскими догматами, народнические начала о роли личности и инициативного меньшинства подавлены в ней положениями о первенствующем значении объективных факторов и классовой борьбы. Неправильным, в связи с этим, они считали деление программы партии на программу-минимум и программу-максимум. Ошибкой им казалось то, что революционные партии во время революции стремились одновременно разрешить политические и социальные вопросы. Сначала следовало бы целиком и полностью сосредоточиться на борьбе с самодержавием, и лишь после его свержения, в условиях отвоеванной демократии, решать социальные вопросы. Утопией они называли идею всенародного вооруженного восстания против самодержавия. Единственным эффективным средством политического освобождения России они считали террор, осуществляемый «инициативным меньшинством», т.е. силами одной политической партии. Чтобы провокация одного лица, вроде Азефа, не могла нанести скольконибудь значительного вреда партии и ее боевому делу, предлагалось децентрализовать террор, вместо одной Боевой организацией, создать несколько автономных боевых групп, а централистский принцип построения партии заменить принципом федерации. Летом 1909 г. группа «инициативного меньшинства» вышла из партии, образовав «Союз левых эсеров». Эта группа была одним из выразителей левацких, экстремистских взглядов и настроений в партии.

Группа «Почин» выражала точку зрения представителей правого крыла партии, более реалистически оценивавших послереволюционную обстановку и возможности партийной деятельности в ней. Представляли эту группу такие влиятельные члены эсеровского руководства, как Н.Д.Авксентьев, И.И.Фондаминский (И.Бунаков), С.Н.Слетов (С.Нечетный) и др. В 1912 г., в период избирательной кампании в IV Государственную думу они выпустили первый и оказавшийся единственным номер журнала «Почин». «Починовцы» не отказывались от стратегических целей партии. Расхождения их с официальной линией партии касались лишь вопросов тактики. Они считали несоответствующими моменту такие тактические средства, как «бойкотизм», «отзовизм», «боевизм». Они высказывали сомнения и в целесообразности террора. Усилия партии, по их мнению, должны были быть сосредоточены, прежде всего, на легальных формах деятельности партии, на работе в Государственной думе, в профсоюзах, кооперации, просветительных и других организациях. «Починовцы» представляли собой эсеровскую разновидность «ликвидаторства». Однако сами они подчеркивали, что не покушаются на сложившуюся структуру партии, не думают о ее расколе, об образовании особой фракции, останутся лишь литературной группой, ведущей пропаганду своих идей внутри партии.

Следствием кризисного состояния эсеровской партии было то, что она не оказала практически сколько-нибудь заметного влияния на начало нового революционного подъема. По констатации ее центрального органа, газеты «Знамя труда», партия в этот момент оказалась в «нетях». Начавшись без влияния эсеров, революционный подъем внес, однако оживление в их среду. Причем, оживление было более заметным в эсеровских низах, особенно в таких крупных центрах политической борьбы, как Петербург, Москва, Харьков, Баку. Накануне войны эсеровские организации существовали почти на всех крупных столичных промышленных предприятиях. Возрождались организации на Урале, во Владимире, в Киеве, в Донбассе, в Одессе и ряде других городов. Велась работа и среди крестьян в Полтавской, Киевской, Харьковской, Черниговской, Воронежской, Херсонской, Могилевской и Витебской губерниях, а также в Прибалтике, в Северном Поволжье, на Северном Кавказе, в Сибири. Однако отдача от этой работы была не столь впечатляема, сколь ее «география». Сами эсеры признавали, что деревня, «как активная сила», в новом революционном подъеме «пока отсутствует». В свою очередь, прежде всего отсутствием сколько-нибудь широкого крестьянского движения в период нового революционного подъема, объясняется то, что эсеры так и не смогли вплоть до начала войны преодолеть своего внутреннего кризиса, хотя тенденция в этом направлении уже намечалась. Об этом свидетельствуют и расширявшиеся и крепнувшие связи между отдельными организациями, и появление общероссийских легальных газет: «Трудовой голос», затем «Мысль», с изменявши-

мися из-за цензурных соображений эпитетами — «живая», «заветная», «стойкая» и т.п., и все чаще и настойчивее раздававшиеся голоса о необходимости созыва съезда партии. Однако эта тенденция была прервана начавшейся первой мировой войной.

Война поставила перед эсерами, как и перед другими социалистами, целый комплекс новых трудных вопросов, осложнила решение прежних. Надо было с позиций своего мировоззрения определить причины и характер войны, отношение к ней социалистов, обстоятельно разобраться в таких традиционных понятиях, как патриотизм и интернационализм, выяснить, каким должно быть их соотношение в конкретных условиях данной войны, выработать тактику по отношению к правительству, возглавившему борьбу с внешним врагом отечества, решить вопрос о применимости классовой борьбы в условиях войны, а также о том, каковы должны быть ее формы, методы и средства и каким должен быть выход из войны, наиболее приемлемый для социалистов. Война к тому же значительно ухудшила условия существования партии. До предела были затруднены связи между партийными организациями в России и особенно связи этих организаций с партийными центрами, находившимися в эмиграции. В первые же дни войны были закрыты российские легальные эсеровские печатные органы, выполнявшие не малую роль в деле идейного, тактического и организационного единения эсеровской среды. Чуть не каждой организации, а то и отдельному члену партии приходилось самостоятельно искать решения выдвинутых войной вопросов. В связи с этим разногласия в партии, с момента своего образования не отличавшейся монолитностью, еще более усилилась. Выработать единую платформу по отношению к войне эсеры не смогли. Основной спектр точек зрения и разногласий, порожденный войной в эсеровской среде, выявился уже в самом начале войны на частном совещании ряда видных деятелей партии (Н.Д.Авксентьев, А.А.Аргунов, Е.Е.Лазарев, М.А.Натансон, В.В.Руднев, И.И.Фондаминский, В.М.Чернов и др.), состоявшемся 22 августа 1914 г. в Швейцарии, в местечке Божи.

На этом совещании последовательную интернационалистскую позицию отстаивал один лишь М.А.Натансон. Он говорил, что трудящиеся не имеют отечества и для социалистов даже в условиях войны позиция единства нации не приемлема, они не должны забывать о том, что интересы правящих классов и интересы народа остаются противоположными, и потому классовая борьба, борьба против правительства во всех формах не должна прекращаться. В.М.Чернов, чья позиция по важнейшим партийным вопросам была, как правило, наиболее близкой партийному большинству, на данном совещании отстаивал центристскую интернационалистскую позицию. Согласно этой позиции, социалисты обязаны были выступить против войны, восстановить II Интернационал, превратиться в «третью силу», которая своим давлением на два империалистических блока, схватившихся в кровавом поединке, должна

добиться мира без аннексий и контрибуций. Русские социалисты в своей стране не должны были оказывать никакой поддержки своему правительству, поскольку оно вело не оборонительную, а завоевательную войну, защищало не народные, а свои династические интересы. Следует особо отметить, что ни Натансон, ни тем более Чернов в своем неприятии войны и русского правительства не доходили до ленинского радикализма: до призывов превращения империалистической войны в гражданскую войну и поражения своего правительства.

Большинство участников совещания оказалось оборонцами. Они рассуждали, что если война разразилась, то социалисты должны вместе с народом защищать свою страну против иноземного империализма. Признание войны антинародной считалось вредным для национальной обороны. Формально не отрекаясь от политической и классовой борьбы в период войны, оборонцы вместе с тем подчеркивали, что эта борьба должна вестись в формах и средствами, непосредственно не подрывающими национальную оборону.

Выработать единую платформу совещанию не удалось. Не могла сделать это и Заграничная делегация, так как в ней оказалось равным (4:4) представительство от интернационалистов и оборонцев. Вследствие такого соотношения сил работа этого, тогда единственно еще существовавшего общепартийного органа, была полностью парализована. Углубление и обострение обнаружившихся разногласий породило стремление лидеров противостоявших сторон к консолидации своих последователей. Первыми приступили к этому интернационалисты. Уже в ноябре 1914 г. они стали издавать в Париже газету «Мысль». В первых номерах этой газеты В.М.Черновым была опубликована серия «тезисов», в которых теоретически обосновывалась позиция эсеров — интернационалистов по вопросам войны, мира, революции и социализма. Чернов, естественно, не преминул в очередной раз подчеркнуть преимущество эсеровского интегрального социалистического учения над якобы односторонним индустриальным марксизмом, оказавшимся неспособным предотвратить войну и занять в войне строго интернационалистскую позицию. Происхождение войны Чернов связывал прежде всего со вступлением капитализма в «национально-империалистическую фазу», на которой он в развитых странах якобы приобрел одностороннее индустриальное развитие. Одна ненормальность породила другую — односторонний индустриальный, марксистский социализм, который акцентировал внимание лишь на созидательной роли капитализма и игнорировал его отрицательные, разрушительные стороны, связывал судьбу социализма целиком и полностью с успехами капитализма, с его способностью обобществлять производство, подготавливать материальную базу для социализма. Отводя земледелию роль придатка торжествующей индустрии, марксизм оставлял вне своего поля зрения те многочисленные слои, которые не были связаны с этой отраслью,

проявлял недоверие всякому обобществлению, шедшему не сверху, под руководством капитализма, а снизу, по инициативе самого трудового народа (община, артель, кооперация, муниципализация и т.п.). Марксизм, по мнению Чернова, рассматривал капитализм как «друго-врага или враго-друга пролетариата», так, согласно сути этого учения, пролетариат был заинтересован в развитии и процветании капитализма. Поскольку война поставила на карту судьбы капитализма в развитых странах, то пролетариат, чье благополучие было связано с процветанием капитализма, не мог остаться безучастным к войне. В этой связи Чернову виделась главная причина «массового националистического грехопадения социализма». Кризис, в котором оказался марксистский социализм, мог быть преодолен лишь путем его очищения от негативных сторон, порожденных «односторонне-индустриалистской» и «национально-империалистической» фазой капиталистического развития. Повторяя одно из основных положений своего учения, Чернов писал, что социалисты не должны делать себе кумира из одного трудящегося класса, в том числе и пролетариата, а их партия не может быть только лишь пролетарской партией. Прекратить войну, добиться справедливого мира, мира без аннексий и контрибуций можно лишь объединенными усилиями не одного пролетариата, а всех трудящихся классов под знаменем интегрального, а не одностороннего марксистского социализма. В этом Чернов видел одну из задач времени.

Исходя из этой задачи, лидеры интернационалистского течения среди эсеров участвовали в Циммервальдской (сентябрь 1915 г.) и Кинтальской (апрель 1916 г.) международных конференциях социалистов-интернационалистов. На Циммервальдской конференции присутствовали М.А.Натансон и В.М.Чернов, однако последний не поставил свою подпись под манифестом, выработанным конференцией, так как не были учтены его поправки в духе эсеровского интегрального социализма.

Война породила новые комбинации сил в социалистической среде. В то же время, когда происходила Циммервальдская конференция, положившая начало консолидации социалистов-интернационалистов марксистов и эсеров, в Женеве состоялось совещание русских социалистов-оборонцев, эсеров и социал-демократов. Исходной идеей манифеста этого совещания была идея, что «к свободе... нельзя придти иначе, как идя по пути национальной самообороны». Положение о необходимости для народа и для социалистов защищать свое отечество обосновывалось обстоятельно и с разных сторон. Прежде всего, с точки зрения жизненных экономических интересов народа. Указывалось, в частности, на то, что поражение России превратит ее в германскую колонию, затруднит развитие ее производительных сил, ухудшит положение трудящихся, ибо выплата контрибуции вызовет увеличение налогов. Все это замедлит рост сознательности трудящихся классов, что, в конечном счете, отодвинет срок окончательной гибели царизма.

Вместе с тем социалисты-оборонцы заверяли, что они отнюдь не являются сторонниками внутреннего мира, не отказываются от борьбы с правительством и буржуазией. Не исключалась даже такая возможность, что ради победы в войне свержение самодержавия станет необходимым. В то же время делалась оговорка, что надо быть мудрым и осторожным, избегать революционного вспышkopуcкательcтва, которое может квалифицироваться как измена в тылу воюющей армии. Прежде чем прибегать даже к стачке, необходимо тщательно подумать о ее военно-технических, политических и нравственных последствиях, не повредит ли она делу обороны страны. Лучшим приложением сил для социалистов называлось их деятельное участие во всех общественных организациях, работавших на нужды войны — военно-промышленных комитетах, земских и городских учреждениях, органах сельского самоуправления, кооперациях и т.п. Чем прочнее социалисты утвердятся в таких организациях, считали оборонцы, тем легче им будет вести борьбу «за избавление России от ее внутреннего врага». Социалисты-оборонцы также считали, что одной из гарантий развития России по пути демократии станет ее участие в войне на стороне Антанты, в союзе со странами западной демократии. Путь к справедливому миру они видели лишь в победе Антанты над германским милитаризмом. Эсерами-эмигрантами, стоящими на оборонческих позициях (Н.Д.Авксентьев, А.А.Аргунов, И.И.Фондаминский и др.) издавались газеты «За рубежом» и «Новости». Рупором оборонческого блока эсеров и социал-демократов являлась газета «Призыв», издававшаяся в Париже с октября 1915 г. по март 1917 г.

Среди эсеров в России разногласия были еще больше, чем среди эмигрантов, однако преобладали те же два течения — интернационалистское и оборонческое. О степени влияния каждого из этих течений и числе их сторонников в самой эсеровской среде судить трудно, но вряд ли можно ошибиться, если сказать, что в ходе войны соотношение между этими двумя течениями изменялось по мере того, как изменялись события на фронте и положение в стране в целом. В целом же оборончество, особенно в начале войны, скорее всего, преобладало, так как народ в массе своей хотя и воспринимал войну как зло, но в то же время понимал, что это зло никак не преодолеешь, кроме как обороной своей страны от напавших на нее врагов. Он рассуждал приблизительно так: «Ничего не поделаешь, надо воевать». Ничего шовинистического в таких рассуждениях не было, о захвате чьих-то чужих земель и покорении других народов он, конечно, не думал.

По мере того, как в ходе войны выявлялась неспособность самодержавия обеспечить победоносное ведение войны, предотвратить хозяйственную разруху и финансовые трудности, недовольство им в стране возрастало, в оппозицию к нему переходит либеральная общественность, образовав в августе 1915 г. Прогрессивный блок из буржуазных фракций Государственной думы и части

Государственного совета. Более решительной становилась и позиция социал-оборончества. Народники, стоявшие на этой позиции, предприняли попытку консолидировать свои ряды. В июле 1915 г. в Петрограде состоялось нелегальное совещание эсеров, энесов и трудовиков. Инициатором его был лидер думской трудовой группы адвокат А.Ф.Керенский, молодой, тщеславный, ставший известным участием в ряде громких политических процессов (по поводу ленских событий, дела Бейлиса и др.) и резкими выступлениями в Государственной думе. Участники совещания заявили, что они стремятся к скорейшему воссозданию международной солидарности социалистов в целях прекращения войны, однако до того, как это будет достигнуто, участие социалистов в обороне страны остается неизбежным. Признавалось также, что социалисты должны добиваться от своих правительств отказа от завоевательных планов, от принудительного присоединения захваченных земель. В связи с тем, что самодержавие оказалось неспособным справиться с проблемами войны, довело страну до полного расстройств, провозглашалось, что «наступил момент для борьбы за решительное изменение системы государственного управления». Требованиями должны были стать: амнистия всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, гражданские и политические свободы, равенство перед законом всех граждан без различия национальности и вероисповедания, полная демократизация государственного строя, свобода профессиональных, кооперативных и других организаций трудящихся, справедливая система налогообложения. В отношении Государственной думы говорилось, что она бессильна вывести страну из кризиса, но до созыва «истинного народного представительства» ее трибуной необходимо пользоваться в целях организации народных сил. Рупором решений, принятых совещанием, должна была стать Трудовая группа.

Совещание призвало всех народников к объединению на выработанной им компромиссной платформе. Этот призыв был встречен сочувственно в России и за границей. Эсеры-оборонцы приветствовали идею защиты страны, а эсеры-интернационалисты — стремление к восстановлению международной солидарности социалистов в целях прекращения войны, признание необходимости борьбы за решительное изменение государственного управления Россией. Однако этот призыв к объединению не имел каких-либо практических последствий. Идейная и тактическая разногласия, организационная распыленность в эсеровской среде не были преодолены вплоть до Февральской революции. Характерной в этом отношении являлась позиция эсеров в вопросе, касающемся рабочей группы Военно-промышленного комитета. На первых выборах этой группы эсеры блокировались с большевиками и способствовали победе их резолюции об отказе рабочих участвовать в ВПК; а на повторных выборах они голосовали уже за участие, объясняя это тем, что рабочие, избранные в ВПК, должны добиваться созыва рабочего съезда или создания Совета рабочих депутатов. Раз-

ные мнения высказывались эсеровскими представителями и на заседаниях рабочей группы. В одних из них критиковалось поражение большевиков, в других — содержались призывы к обороне и коалиции с буржуазией, выступавшей против царизма, в третьих — выражалась солидарность с циммервальдцами.

Идеи левых эсеров-интернационалистов в начале войны не пользовались сколько-нибудь заметным влиянием, но по мере ухудшения положения на фронте, нарастания в стране экономического и политического кризиса, они находили все больших сторонников. Так, в январе 1916 г. Петроградский комитет партии эсеров выработал тезисы, в которых говорилось, что «главной задачей дня является организация трудящихся классов для революционного переворота, ибо только при захвате ими власти ликвидация войны и всех ее последствий будет проведена в интересах трудовой демократии». Под этими тезисами поставили свои подписи петроградский студенческий комитет партии эсеров, петроградская инициативная издательская комиссия и провинциальная инициативная группа.

Война губительно сказалась на организационной структуре партии эсеров. В.М.Зензинов, член нефункционировавшего тогда ЦК, находившийся во время войны в Москве, свидетельствует, что организаций партии «почти нигде не существовало... все попытки в этом направлении пресекались в самом начале и серьезного начала не имели». Вряд ли преувеличивал и Департамент полиции, констатировав в конце 1916 г., что партии эсеров, как «таковой, в России не существует». Что касается такого заключения, то надо иметь в виду, что оно касалось лишь понятия партии как некоего организационного целого, структурированной системы. Распалась сама система, порвались связи между ее элементами, но большинство самих элементов в целом сохранились. Эсеровские идеи и их программные положения о демократизации политического строя и земельной собственности, прикрытые социалистической оболочкой, сохраняли свою популярность. В межреволюционное десятилетие организационно расплылись, но не исчезли, продолжали жить и сохранять в какой-то мере верность идеям партии те многотысячные массы людей, которые входили в партию или близко к ней примыкали в период первой российской революции. Не только местами отбывания наказаний, но и своего рода курсами повышения квалификации для эсеровских работников являлись тюрьмы, каторга и ссылка. Те члены партии, которые организационно порывали с ней, оставались связанными с ней духовно. Сосредоточиваясь на легальной работе в земствах, профсоюзах, кооперациях, различных просветительских и благотворительных организациях, они разрыхляли почву для эсеровских идей, расширяли поле их влияния. В целом сохранилась, укрывшись в эмиграции, руководящая верхушка партии. Лишь имея в виду все это, можно понять и объяснить в достаточной мере то быстрое возрождение и взлет, которые произошли с партией эсеров в дни и сразу

же после Февральской революции. А.И.Спиридович во втором издании своего капитального труда по истории партии, готовившегося в 1917 г., когда эсеры были в зените своего влияния, а в руках их представителя А.Ф.Керенского было верховное правосудие, явно преувеличил, заключив свою книгу словами, что «социалисты-революционеры много способствовали как самому взрыву, так и успеху Февральской революции» (Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Изд. 2-е. Пг., 1918. С. 545). Точнее будет, если сказать, что эсеры готовили революцию, но готовили скорее потенциально, чем непосредственно.

ВВЕДЕНИЕ

Содержание данного тома составляют документы и материалы, разнообразные по своему происхождению, характеру, типу и виду. Подавляющее большинство из них исходит от высших и центральных органов партии: первой общепартийной конференции, III, IV и V Советов партии, ряда совещаний, имеющих немаловажное общепартийное значение, а также от ЦК партии, его Заграничной делегации, редакции Центрального органа, газеты «Знамя труда» и видных деятелей партии, освещающих принципиальные вопросы партийной жизни.

Документы и материалы размещены по проблемно-хронологическому принципу, который в свою очередь обусловлен теми периодами и этапами, которые переживала партия в своей межреволюционной истории. В истории партии эсеров межреволюционного времени определенно выделяются два периода: первый — от третьейюньюнского переворота до начала первой мировой войны; второй — от начала войны до Февральской революции. Изменения, происходившие в партийной жизни каждого из названных периодов, дают основания для их более частной периодизации. Так первый период явственно делится на три существенно разнящихся этапа: первый — до разоблачения провокаторства Е.Ф.Азефа и V Совета партии (май 1905 г.), занимавшегося главным образом этому вопросу. Второй этап составляют 1910—1911 г. Это было время самого глубокого кризиса партии: прекратили свое существование большинство местных партийных организаций, а сохранившиеся едва подавали признаки жизни. Центральный комитет превратился фактически в номинальный орган. Закончилась неудачей попытка возродить Боевую организацию и центральный террор. Значительно сократились финансовые возможности партии, центральные печатные органы из периодических стали эпизодическими. Третий этап приходится приблизительно на предвоенные два с лишним года. Революционный подъем этого времени благотворно подействовал на эсеровскую среду, налицо был ряд признаков оживления во всех сферах партийной жизни.

Во втором периоде можно выделить два этапа: первый — с начала войны до лета 1915 г., второй — с лета 1915 г. до Февраля 1917 г. В течение первого этапа в эсеровской среде формируются два главных направления: оборонческое и интернационалистское, и их оттенки. Во втором периоде, в связи с осложнениями на фронте и в тылу, ростом оппозиционных настроений в обществе, происходит известная радикализация оборонческого течения, оно начинает приобретать революционно-оборонческий оттенок. В это же время усиливаются настроения к единению и среди эсеров, и

среди народнического направления в целом, о чем свидетельствуют Петроградская народническая конференция (июль 1915 г.) и сочувственный отклик на ее решения со стороны эсеровской эмигрантской верхушки, как оборонцев, так и интернационалистов. На этом же этапе приобретает реальные очертания и другая тенденция — сближение эсеровских течений с родственными им течениями в российской социал-демократии, что находит свое проявление прежде всего в совместном участии эсеров-интернационалистов с большевиками в Циммервальдской и Кинтальской конференциях, а эсеров-оборонцев вместе с социал-демократами-оборонцами в Женевской (сентябрь 1915 г.), а также издание последними совместной газеты «Призыв».

Подавляющее большинство документов, включенных в настоящее издание, это материалы высших и центральных органов партии: первой общепартийной конференции, III, IV и V Советов партии, ряда совещаний, а также ЦК партии, его Заграничной делегации, редакции Центрального органа и видных деятелей партии. Оригиналы протоколов конференции и Советов хранятся в Амстердаме в архиве Международного института социальной истории (фонд партии социалистов-революционеров: период 1900—1934 гг.). Мы использовали публикацию протоколов конференции, осуществленную ЦК партии вскоре после конференции. Не имея возможности ознакомиться с оригиналами протоколов, нам, естественно, трудно говорить о полноте и качестве их публикации. Протоколы конференции, как и протоколы партийных съездов, являются уникальным по своему содержанию источником. Они содержат большой объем различной по характеру, но достаточно достоверной информации, позволяющей судить о положении дел в партии эсеров не только на момент конференции, но и на более ранних этапах. Особенно обстоятельно анализировалась деятельность партии в период революции. Эта информация позволяет также представить весь спектр позиций, мнений и настроений, которые существовали в партии эсеров по всем волнующим ее тогда вопросам, уяснить степень влияния в ней различных группировок, соотношение сил и характер взаимоотношений между ними. Протоколы, в частности, свидетельствуют о том, что, партия в целом, несмотря на то, что прошло уже более года, как закончилась революция, продолжала жить ее инерцией, в ней еще преобладал настрой на непосредственную вооруженную борьбу с существовавшим режимом. В то же время протоколы говорят и о том, что в партии было уже достаточно влиятельным и другое, более умеренное течение во главе с Н.Д.Авксентьевым, предлагавшее отказаться от использования вооруженной борьбы в какой бы то ни было форме и полностью сосредоточиться на социалистической работе и терроре. На самой конференции разногласия между боевистским большинством и умеренным меньшинством проявлялось в достаточно корректной форме, но консенсуса между ними достигнуто не было ни на конференции, ни после, о чем свидетельствует тот

факт, что Авксентьев вскоре после конференции вышел из состава ЦК. Таким образом, есть достаточно оснований считать, что самостоятельным выступлением умеренных на конференции со своими содокладом и резолюцией по главному вопросу о текущем моменте и тактике партии было положено начало оформлению правого крыла в партии.

Протоколы Советов партии не публиковались. Некоторое исключение составляют лишь извлечения из протоколов V Совета партии по вопросу о терроре. Эти извлечения были опубликованы в 1910 г. во втором номере эсеровского литературно-политического обозрения «Социалист-революционер». Кроме этой публикации, в настоящем издании использованы резолюции Советов. Они были опубликованы в извещениях о Советах и в «Своде постановлений общепартийных Советов и съездов», помещенном в первом выпуске «Памятной книжки социалиста-революционера», вышедшей в Париже в 1911 г. Резолюции содержат информацию, позволяющую выяснить позицию партии по всем важнейшим вопросам ее деятельности и внутренней жизни, отношений с другими партиями и организациями. Сравнение этих резолюций открывает возможность выяснить те изменения, которые претерпевала позиция партии по всем этим вопросам.

Признание индивидуального террора как средства политической борьбы являлось одной из главных отличительных черт партии эсеров. Вопросы террора занимали большое место в теории и практике этой партии, что в достаточной мере объясняет, почему в настоящем издании целый ряд документов и материалов относится к данному вопросу. Среди них большой интерес представляет статистика террористических актов, совершенных партией в 1902—1911 гг. В это время о терроре не только говорили, но его и делали, хотя и не с одинаковой интенсивностью на разных этапах. В последующее время практика эсеровского террора прекратилась, но говорить о нем продолжали много. Последний всплеск активного обсуждения этого вопроса в эсеровской среде был вызван убийством в сентябре 1911 г. председателя Совета министров П.А.Столыпина. По поводу этого террористического акта ЦК партии эсеров сделал специальное заявление, что партия одобряет этот акт, но не имеет к нему никакого отношения. Стоит подчеркнуть, что это краткое заявление ЦК было последним публичным проявлением его руководящей функции. Кстати этим обстоятельством объясняется то, что в нашем издании с этого времени отсутствуют документы, исходящие от руководящих инстанций партии, просто эти инстанции перестали функционировать: не было съездов, конференций, Советов, замер ЦК, чисто номинальным органом являлась его Заграничная делегация.

У эсеров были особые счеты с П.А.Столыпиным не только как с вдохновителем реакции, но, прежде всего как с инициатором и энергичным проводником политики разрушения крестьянской общины, одной из основ эсеровской аграрной программы. В связи с

этим ряд документов, включенных в настоящее издание, характеризует отношение эсеров к столыпинской аграрной реформе, содержит анализ и оценки эсерами личности Столыпина и его политического курса.

Большой интерес представляет вопрос об отношении эсеров к выборам в IV Государственную думу. Выработать единую позицию по этому вопросу, имевшему большое общероссийское значение, эсеры не смогли. Рекомендации «Знамени труда» бойкотировать выборы выражали скорее не мнение партийного большинства, а мнение редакции этого органа. Публикуемые нами документы позволяют представить в какой-то мере тот спектр мнений, который выявился в эсеровской среде по данному вопросу.

Целый ряд документов и материалов отражает идейные разногласия среди эсеров в рассматриваемый период, прежде всего позиции наиболее оформившихся течений — левого инициативного меньшинства, издававшего газету «Революционная мысль», и правого, выпустившего журнал «Почин».

Сведения о положении партии накануне войны, ее деятельности, роли в предвоенном революционном подъеме содержатся в публикуемом докладе, подготовленном партией Венскому конгрессу II Интернационала, не состоявшемуся из-за начавшейся войны.

Раздел, посвященный истории эсеров в период войны, по своему объему значительно меньше, чем ему предшествующий. Опять же это объясняется, прежде всего, состоянием партии. Из партии она превратилась, по существу, в движение разрозненных, спорадически возникавших и исчезающих организаций, идейно разделенных на два течения: интернационалистское и оборонческое, каждое из которых имело немало различных оттенков. С учетом того, что названное деление было четче всего среди эсеровской эмигрантской верхушки и одним из принципов издания является публикация документов, исходящих от партийных верхов, в издание включены в основном документы, относящиеся к эсеровской эмиграции эпохи войны, так или иначе характеризующие сложившиеся в ней два течения. Раздел открывается воспоминаниями видного деятеля партии В.В.Руднева о частном совещании эсеровских лидеров в Швейцарии, состоявшемся вскоре после начала войны. Воспоминания интересны не только в том отношении, что достаточно полно характеризуют эту не удачную попытку лидеров партии выработать единую платформу партии по отношению к войне, дают развернутое изложение аргументов эсеров-интернационалистов и оборонцев, но и в отношении психологическом. Автор подробно останавливается на своих личных чувствах и переживаниях, вызванных войной, и с этой точки зрения объясняет занятую им оборонческую позицию. Определенное представление о положении дел в эсеровской среде в России дают такие документы издания, как резолюции народнического совещания, состоявшегося в июле 1915 г. в Петрограде, и доклад, представленный эсерами-интернационалистами на Кинтальскую международную социалисти-

ческую конференцию. Мы посчитали нужным включить в издание две полемические заметки одного из лидеров партии А.Кубова (А.А.Аргунова), занимавшего оборонческую позицию. Эти заметки интересны не столько своей позитивной информацией, сколько своей критикой преувеличений, которыми полны, по мнению автора, сообщения эсеров-интернационалистов о степени своего влияния в России. Таким образом, исследователям, занимающимся историей политических партий, как бы напоминает лишний раз золотое правило: относиться особенно критически к тому, что пишут и говорят политические лидеры и политические партии о себе и своей деятельности.

Раздел I

**ПАРТИЯ
СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ
В 1907—1914 гг.**

РЕЗОЛЮЦИИ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ

1. О тактике современного момента

Принимая во внимание,

1) что общие причины, вызвавшие русскую революцию и углубляющие ее социальное содержание, не только не прекратили своего действия, но продолжают развиваться с возрастающей силой;

2) что развитие хозяйственного кризиса, с его естественными последствиями — голодом и безработицей — является длительным процессом, в котором отдельные урожайные годы и благоприятные изменения рынка производят лишь временные колебания, не изменяющие общего направления процесса;

3) что правительственные мероприятия не только не устраняют парализованности всех производительных сил страны, но еще более запутывают общее положение, —

Совет п.с.-р. высказывает твердое убеждение, что вопреки всем надеждам реакционных элементов, революция в России не только не подавлена, но напротив, приобретает все более и более надежную точку опоры, в росте недовольства и сознательности масс.

Исходя из этой точки зрения, Совет рассматривает истекший период лишь как пролог революции, лишь как первый взрыв общего недовольства, осложненного многими иллюзиями, от которых только горьким опытом последних событий народ научается освобождаться.

Настоящий момент Совет рассматривает как эпоху организации контрреволюционных сил, для концентрации которых вокруг фактически восстановленного самодержавия и предназначается III Государственная дума². Выгодную сторону этого момента Совет рассматривает в полном выяснении политического положения, разрушении последних остатков думских «конституционных иллюзий» и обнаружении для народа истинного характера монархии и династии.

Невыгодную сторону современного положения является:

1) сравнительное укрепление позиций самодержавия, вследствие поворота в сторону реакции тех общественных элементов, которых отпугнула развернувшаяся широта социального содержания революции; 2) усталость, разочарование и разброд в значительной части интеллигенции, как наиболее подвижной, восприимчивой, но и наиболее нервно-впечатлительной части общества; 3) скованность революционной энергии трудовых масс, всякое открытое выступление которых беспощадно подавляется неслыханными репрессиями и 4), как результат этой скованности, при одновременном обострении недовольства, распыление борьбы и ее вырождение в бесплодных индивидуальных эксцессах.

Ввиду этого современный момент является для нас одновременно моментом организационного собирания сил и усиления боевой тактики.

Собирание сил необходимо, как в видах восстановления стройности и широты партийной организации, пострадавшей от провалов, наряду с проведением в ней начал партийного единства и строгой демократической дисциплины, так и в другой сфере, — в области организации масс посредством борьбы и для борьбы.

Особенный характер современного момента, усиленный напор ободренных политической реакцией хозяев с целью отобрать у рабочих их недавние завоевания, при частичном оживлении некоторых отраслей промышленности — обуславливают собою обострение как оборонительной, так и наступательной борьбы труда против капитала, в ряде стачек и локаутов, охватывающих широкие районы.

Тесные связи этого явления с политическими событиями последнего времени отражаются и на дальнейшем революционизировании органов этого движения, быстро растущих профессиональных союзов. Прочно связаться с ними и усилить в них степень участия и работы членов партии диктуются поэтому не только общими принципиальными основаниями, но и стратегическими задачами момента.

В частности, по-прежнему особенную важность имеет приобретение прочной точки опоры в союзах, от которых зависит функционирование путей сообщения (ж.д.³, почтово-тел.⁴, судоходн.⁵, морская «регистрация»⁶ и т.п.).

В крестьянских массах особенное значение приобретают все методы борьбы, по существу своему требующие организованного массового действия и побуждающие к широкой массовой организации. Считая мелкие разрозненные вспышки отдельных сел бесплодной тратой сил, партия ставит целью: 1) способствовать развитию партизанской борьбы крестьян против агентов власти; 2) готовить и организовывать крестьянство для стачечной борьбы с землевладельцами и 3) вносить организованность и планомерность во всякое естественно вытекающее широкое массовое выступление против властей и современного строя.

Усиление боевой тактики должно иметь своею целью внесение расстройств и деморализацию в ряды врагов и расковывание революционной энергии масс. Ввиду необходимости систематизировать и направить на более крупные задачи местную террористическую борьбу Совет находит необходимым особенное сосредоточение специальных боевых сил партии в пределах областей и проявление их по возможности единовременно, по общему для многих мест плану.

При этом Совет исходит из той точки зрения, что вооруженное восстание не нужно представлять себе как единовременный и повсеместный взрыв по раз данному сигналу, а как естественное явление, в которое могут разрастись достаточно широкие и удачные

местные движения. Наряду с террористической борьбой, задачи которой благодаря выяснившемуся политическому положению сразу крайне расширяются и осложняются, наибольшее дезорганизующее влияние на правительство и развязывающее влияние на революционную энергию масс оказывают движения в войсках.

Усиление в этой области организованной и сосредоточенной в важнейших стратегических пунктах работы не должно отступать и перед частичными выступлениями, в тех случаях, где обостренное настроение солдат угрожает стихийным волнением и где внесение в него организованности и выработанного плана дает серьезные шансы для хотя бы местного и временного, но широкого успеха.

Не находя в условиях переживаемого момента достаточных данных для того, чтобы поставить вооруженное восстание конкретной задачей ближайшего времени, партия продолжает готовиться к нему и готовить к нему народ, организуясь и организуя его в процессе непрерывной борьбы.

*Знамя труда*⁷, 1907, № 2, 12 июля.

2. О бойкоте Государственной думы⁸

Рассматривая, как и прежде, вопрос об участии или неучастии в Государственной думе не как вопрос отвлеченного принципа, а как вопрос тактики и политической целесообразности; принимая во внимание:

1) что реакционным переворотом 3-го июня⁹ у народа отнята даже та незначительная доля политических прав, которою он до сих пор обладал;

2) что опыт двух Дум достаточно доказал стране наивность и беспочвенность «конституционных иллюзий»;

3) что бывшие надежды на Думу в народной среде сменяются разочарованием;

4) что даже вторую Государственную думу¹⁰ социалистическим ее элементам не удалось превратить в один из организующих центров народного движения, вследствие поворота вправо всей несоциалистической оппозиции, напуганной развернувшимся во всю широту социальным содержанием русской революции;

5) что третья Дума неизбежно явится формой организации черносотенной и мнимоконституционной, в общем итоге — противореволюционных сил;

6) что участие в выборах народных масс только облегчит для правительства возможность ссылаться на мнимую народную санкцию государственного переворота;

7) что участие в Думе левых элементов только поможет правительству придать будущей Думе внешность авторитетного парламента;

8) что этим будет усилено финансовое и международное положение правительства;

9) что передовые слои города и деревни в настоящее время достаточно подготовлены к восприятию идеи бойкота и могут увлечь за собою значительную часть трудящихся масс;

10) что при таких условиях бойкот выборов и Думы гораздо лучше, чем участие в них, может содействовать революционизированию и организации масс;

11) что этот бойкот явится наиболее сильным и внушительным ответом на государственный переворот 3-го июня и выражением разрыва масс с монархией и династией;

12) что при таких условиях идти в третью Думу было бы логично только для тех, кто утратил веру в революцию, и для кого поэтому отказ от выборов в Думу равносителен пассивности и бездействию.

Совет п.с.-р. постановляет:

1) принять самое энергичное и всестороннее участие в предвыборной агитации для пропаганды широкого и демонстративного бойкота населением как выборов в Думу, так и самой Думы;

2) соответственно этому отказаться от всякого, официального или официозного, прямого или замаскированного выставления партийных кандидатов во всех стадиях выборов, категорически запретив его всем членам партии;

3) воздержаться при агитации за бойкот от пользования всякими насильственными средствами, способными только озлобить ту часть населения, которая еще продолжает слепо ждать чего-то от третьей Думы, и тем самым могущими еще более затемнить ее сознание;

4) продолжить энергичную агитацию извне, со стороны, среди избранных населением, несмотря на пропаганду бойкота, левых уполномоченных и выборщиков, с целью склонить их примкнуть к движению бойкота хотя бы на последних стадиях, путем, например, демонстративного ухода с губернских избирательных собраний;

5) подготовить давление народного и общественного мнения на левых депутатов Думы, если таковые будут, с целью побудить их демонстративно удалиться из третьей Думы, предоставив последнюю ее естественной жалкой участи.

Вместе с тем Совет п.с.-р. призывает к содействию партии в этом деле всех, кто не изменил революции, не изверился в нее, не ослабел духом, не идет на примиренческую политику и не хочет невольно сыграть в руку правительства и противореволюционных сил.

Знамя труда, 1907, № 2, 12 июля.

3. О боевых дружинах¹¹

Принимая во внимание, что необходимая для активных выступлений боевая подготовка должна быть разлита во всей организованной в рядах партии массе;

что в партии не может быть особого мирного или штатского состава и особого военного;

что тип местных боевых дружин, организуемых в качестве авангарда для будущего восстания, со специальным, обособленным от остальной массы и оторванным от общепартийной работы составом, не удовлетворяет своему назначению и ведет к целому ряду крайне отрицательных явлений, —

Совет партии находит необходимым и своевременным произвести частичную реорганизацию современной постановки боевого дела, заменив этот тип местных дружин организациями для обучения членов партии обращению с оружием и различным боевым приемам, при широко поставленном инструкторстве, причем через эти организации должна проходить возможно более широкая масса, не покидая рядов общей организации партии и выступая для боевых целей в качестве партийной милиции. Наряду с этим для целей специально-террористических необходима организация Летучих боевых отрядов в ведении областного комитета или тех губернских комитетов, которым он передоверит это право, и при непосредственном вмешательстве ЦК в случае распада, уничтожения или ослабления областной организации.

4. Об экспроприациях

Совет партии находит совершенно недопустимым существование организаций, посвящающих себя специально экспроприаторской деятельности, и не исключая совершенно возможности совершения казенных экспроприаций террористическими «Летучими отрядами», считает более желательным составление для этого временных отрядов, каждый раз для вполне определенных предприятий, исключительно из строго партийных людей, под руководством особо доверенного лица.

5. Об организации работы среди пролетариата

Настойчиво указывается членам партии, что их обязанность — организовываться для борьбы не только в рядах партийных организаций, но и профессионально.

6. Работа в профессиональных союзах

Полагая, что профессиональные союзы должны стремиться к тому, чтобы охватить в каждом из отдельных слоев рабочего класса все те элементы, которые проснулись к борьбе за свои интересы, Совет п.с.-р. находит, что эта цель лучше всего достигается беспартийностью профессионального союза.

Эта беспартийность не должна, однако, иметь ничего общего с политическим индифферентизмом или безразличием и должна состоять в полной организационной автономии профессиональных союзов и в независимости их от партии.

Совет полагает, что политическая и профессиональная организация равно являются взаимно друг друга дополняющими формами организации рабочего класса, равноценными и равно необходимыми для успеха его борьбы за свое полное освобождение.

Поэтому Совет находит, что взаимные отношения между общеполитической (партия) и профессиональной организацией рабочего класса должны основываться на началах самостоятельности той и другой их соглашений во все важнейшие моменты борьбы и координации действий против врагов рабочего класса.

Полагая, что в рабочей жизни и борьбе политика неотделима от экономики, Совет энергично осуждает всякие попытки ограничить сферу деятельности профессиональных союзов одною экономикой и монополизировать политику в ведение партий.

В то же время Совет полагает, что необходимый синтез профессионализма и политики в союзах не должен выражаться во включении в устав какого-либо совершенно конкретного минимума политических требований, составляющего условие принятия в союз.

Напротив того, цель союза должна быть формулирована в уставе более обще, как борьба за материальные, правовые и духовные интересы рабочих данной профессии, согласованная с общей борьбой рабочего класса против всех видов его угнетения и эксплуатации, за полное освобождение.

Совет находит, что такая более общая формулировка, во-первых, более соответствует самой сущности профессионального союза, который, в отличие от политической партии, начинает не с готовой теории и программы, для которых вербует приверженцев, а с прямой борьбы, в процессе которой безостановочно разворачивается и углубляется сознание охваченной союзом массы; и что, во-вторых, такая формулировка не замыкает союза в узких рамках борьбы на почве буржуазных отношений, а открывает дорогу пониманию исторической миссии профессиональных союзов как факторов при переходе к новому социальному строю и как естественных органов будущего социалистического хозяйства.

7. Об организации при ЦК бюро по профессиональному делу

Признать настоятельно необходимым организацию при ЦК особого бюро по профессиональному делу для содействия работе на местах и руководства ею;

равным образом признать желательным организовать при этом бюро теоретическую и практическую школу для подготовки достаточного контингента работников на этом поприще.

Свод постановлений общепартийных Советов и съездов //
*Памятная книжка социалиста-революционера*¹².
Выпуск I. Б.м., 1911. С. 15—17.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СОВЕТА П.С.-Р.

Самым важным вопросом, который предстояло решить III Совету партии, был вопрос об отношении к третьей Думе и к выборам в нее. И в то же время решение этого вопроса было для Совета в высшей степени легким: на нем не оказалось ни одного сторонника участия в третьей Думе. Некоторые споры возникли только о формах бойкота и о способах его проведения. Такое единодушие Совета относительно этого важнейшего вопроса современной политической жизни не было случайным: отражало такое же единодушие местных организаций партии, которые в свою очередь опирались на настроение широких народных масс. С характеристики этого настроения мы и начнем.

К сожалению, в тот короткий промежуток времени, который отделял 3 июня от Совета партии, местные организации не успели подробно и обстоятельно ознакомиться с настроением широких трудовых масс; тем более, что население только еще ознакомлялось с содержанием государственного переворота и вырабатывало отношение к нему. И тем не менее для местных работников в большинстве мест выяснялось полное разочарование крестьян и рабочих в Думе. Даже темные и отсталые слои крестьянства не ждут ничего от Думы. Крестьяне рассуждают так: левой Думе царь не даст ничего сделать, а черносотенная нам не нужна. Большинство отзывов говорят, что крестьяне будут уклоняться от выборов; если и будут выбирать, то только по обязанности, из боязни послушаться начальства. На крестьянском съезде, бывшем в одном из уездов Петербургской губернии, слышались такие отзывы: «крестьяне выбирать не собираются», «от выборов уклоняются», «выбирать не будут, так как это все равно, что в помойную яму» и т.д. В Псковской губернии на съезде крестьянские представители высказались за бойкот. В Черниговской губернии — крестьяне собираются бойкотировать. В Смоленской губернии рабочие, примыкающие к партии с.-р., высказались за бойкот в Вязьме — «в выборах принимать участие нужно, так как во время выборов будет "послабление" и легче будет агитация, но Думу бойкотировать». В Еленинском у. опрошены организации 4 волостей — все за бойкот, большинство за пассивный. В Рославльском у. «крестьяне относятся к выборам отрицательно»; даже «малосознательная» волость с черносотенными элементами «не хочет» выбирать и не по черносотенству своему, так как на земских выборах она послала левого. Подобные же сведения идут из Поволжья, из Нижегородской губернии, из Центральной области, с Украины, с Юга. На Северном Кавказе есть склонность даже к активному бойкоту. Наконец, в столице среди рабочих, примыкающих к партии с.-р., безусловно преобладает бойкотистское настроение: в Петербурге за участие в выборах высказался только один район, но насколько

это случайно показывает тот факт, что именно в этом районе с.-д. рабочие высказались за бойкот.

Итак, широкие непартийные крестьянские и рабочие массы разочаровались в Думе, не ждут от нее удовлетворения своих нужд; массы, примыкающие к партии и стоящие под ее влиянием, собираются бойкотировать Думу. Для партии, все время твердившей народу о бессилии Думы, о невозможности через нее решить неотложные вопросы о земле и воле, все время доказывавшей, что только свергнув царское правительство путем вооруженного восстания, народ добьется земли и воли — для такой партии разочарование, несомненно, очень широких масс трудящегося народа в Думе диктует вполне определенную тактику: бойкот Думы и организации масс для непосредственной борьбы. И действительно: почти все местные организации, от которых к Совету были получены резолюции об их отношении к третьей Думе, высказались за бойкот. Вот эти партийные учреждения: в Северной области за бойкот высказались все районы г. Петербурга, кроме одного, Ямбургский уездный съезд, Юрьевская (Дерптская) группа (единогласно), Череповецкая группа. Рижский комитет пишет, что в местной организации «за участие в выборах нет ни одного голоса»; Псковский губернский съезд единогласно решил бойкот и притом против 4 голосов, активный «как единственно ведущий к цели — не допустить созыва дворянской Думы, а также как могущий, путем вовлечения широких народных масс в действие, поднять настроение и вылиться в массовое выступление». Новгородская дума также единогласно решила бойкот и разногласия были только относительно мотивировки: одна треть членов настаивала на признании «деятельности Государственной думы безусловно вредной для народа в смысле угашения боевого духа трудовых масс». Наконец, конференция Северной области 14 голосами против 1, при 1 воздержавшемся также решила бойкотировать третью Думу. В Центральной области за бойкот высказались: Орловская городская группа — бойкот активный 21 голос, против — 2, при 2 воздержавшихся; Владимирский комитет — активный; Нижегородская конференция — активный и пассивный, какой возможен по местным условиям, единогласно; Нижегородский съезд крестьянских работников — активный; Московский окружной комитет — активный; Первый Сергачевский районный комитет объединенных крестьянских братств, Калужский комитет — активный. За деятельное участие в выборах, не предпринимая вопроса о возможности выступления в Думе, высказалось только Центральное бюро Волжской судоходной организации п.с.-р. В Северо-Западной области: губернская конференция Минской организации прежде всего констатировала, что в большинстве местных организаций господствует бойкотистское стремление, а затем и сама 10 голосами, против 2, высказалась за бойкот. Несколько (по-видимому, 4) братских собраний в Новозыбковском у. также приняли бойкот; Витебская губернская конференция 8 голосами против 3, считая и совещатель-

ный голос, и III конференция Польского района (Ковенская губерния с частью Сувалковской) 14 голосами против 1, при 1 воздержавшемся, высказались за бойкот. В Смоленской губернии конференцию не успели собрать, но насколько выяснилось настроение, и Смоленская организация, и уездные группы, и сельские братства против участия в Думе, но за деятельное участие в предвыборной агитации. Наконец, VII очередной съезд Северо-Западной области 6 голосами, против 1, принял бойкот. За активное участие в выборах высказался только Двинский район 6 голосами против 4, при 1 воздержавшемся. В Поволжье областной съезд решил бойкотировать третью Думу; резолюции местных организаций не доставлены, но представитель области на Совете партии говорил об общем бойкотистском настроении комитетов. Из Уральской области имеются 4 бойкотистских резолюции: областного съезда, Камышловского съезда, съезда крестьян работников Белебеевской группы и Екатеринбургской организации; две последние говорят об активном бойкоте. За участие в Думе — ни одной резолюции. Из Украинской области — 2 резолюции: областного съезда 11 за, 3 против и 1 воздержался, и экстренного собрания партийных работников Харьковской организации, и обе за активный бойкот, но без «насилий над волей избирателя»; Севастопольский комитет засвидетельствовал свое бойкотистское настроение прокламацией, выпущенной немедленно после государственного переворота 3-го июня; Симферопольский комитет принял бойкот. По Донской обл., Северному Кавказу и Закавказью резолюций не доставлено, но делегаты на Совете говорили об общем бойкотистском настроении местных организаций. Наконец, из-за границы доставлено 2 резолюции об отношении к третьей Думе: Парижской и Лозаннской групп, и обе высказываются за бойкот.

Как видно из приведенного перечня, довольно много организаций высказывались за активный бойкот, не определяя более детально, в каких формах этот активный бойкот должен проявляться. Вот наиболее определенные резолюции: 1) Калужский комитет постановил: «признать население к активному бойкоту 3-й Государственной думы, стараться проводить его всеми силами и усилить на время выборов центральный и местный террор»; 2) Московский окружной комитет признает «наиболее целесообразным проводить активный бойкот 3-й Государственной думы, принимая все меры к отказу крестьян и рабочих от участия в выборах и к срыванию избирательных собраний». В остальных резолюциях слово «активный» никак не определяется. Возможно, что оно во многих случаях означает только одно: что организация не считает возможным ограничиться одним пассивным воздержанием от участия в выборах.

Редко какое-нибудь решение принималось с таким единодушием и подкреплялось бы таким вполне определенным желанием широких партийных кругов и масс, среди которых действует партия.

Это дает возможность надеяться, что линия бойкота пройдет дружно и будет использована в самых широких размерах.

Знамя труда, 1907, № 4, 30 августа.

№ 3

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА П.С.-Р.

По вопросу об аграрном и фабричном терроре

В последнее время в рядах партии снова и снова поднимается вопрос об аграрном и фабричном терроре. Это явление в жизни партии порождается крайне обострившейся и в городе, и в деревне классовой борьбой, в которой капиталисты, и особенно землевладельцы, не брезгают прибегать к самому беззастенчивому пользованию полицейской и военной силой государства для решения своих чисто экономических споров с работающим на них населением; причем помещики нередко превращают свои усадьбы в настоящие укрепленные замки, терроризирующие окрестное «подвластное» население.

Ввиду этого ЦК напоминает постановление по этому вопросу I съезда партии, редактирование которого было ему поручено в развитие принятых съездом директив, изложенных в речи тов. Базарова¹³. (См. «Протоколы первого съезда», стр. 323—333 и 336—338.)¹⁴ Директивы эти, сохраняющие силу и в настоящее время, следующие: абсолютно недопустим террор аграрный и фабричный в собственном смысле этого слова, предпринимаемый как средство для решения экономических споров трудового народа с эксплуататорами. Партия считает возможным практиковать только политический террор, направляя его против представителей власти и лишь в редких случаях против частных лиц, систематически и грубо нарушающих свой нейтралитет в войне между правительством и революционным народом и ставящих себя тем самым в ряды наиболее ненавистных носителей власти. Совершенно недопустимо применение террора против идейных вдохновителей реакции, хотя бы они и являлись апологетами погромов и других насильственных действий против трудового народа и революционных партий. Ввиду сложности возникающих при этом вопросов и опасности слишком распространительных толкований, террористические акты против частных лиц могут быть совершаемы не иначе, как с санкции областного комитета. (Это ограничение не относится к провокаторам и шпионам.) Истребление и порча частного имущества во время экономической борьбы, с целью нанесения экономического ущерба противной стороне, не должна практиковаться партийными организациями.

Знамя труда, 1907, № 3, 1 августа.

ИЗВЕЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА П.С.-Р. О СОЗЫВЕ ОБЩЕПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Товарищи!

Нет надобности доказывать вам давно назревшую необходимость созыва третьего съезда партии.

Русская жизнь вступила в новую полосу. Множество тактических и организационных вопросов выдвинуто ею. Они настолько сложны, что правильное, всестороннее и достаточно компетентное рассмотрение их возможно только на широком съезде, который бы суммировал опыт, смысл и волю всех действующих партийных организаций.

На долю центральных учреждений партии, столько времени не подвергавшихся перевыбору, лежала нелегкая обязанность — принимать целый ряд существеннейших решений исключительно на свою ответственность в такое трудное время, когда они особенно нуждались в том, чтобы разделить эту ответственность со всею партией.

Но до сих пор не представлялось возможности не только организовать новый съезд партии, но даже и сделать решительные предварительные шаги по его созыву.

Основания созыва нового съезда были намечены на предыдущих съездах партии и разработаны Советом ее. Но принципы этого созыва — обязательность непосредственного участия каждого члена партии в выборах делегатов и недопустимость представительства партийных комитетов, как таковых, — были предрешированы в условиях, совершенно не похожих на те, среди которых ныне приходится действовать. Необходимо выработать новые принципы распределения и самой внутренней организации партийного представительства. Для этого, однако, Центральный Комитет, в силу действующего устава, не имеет необходимых полномочий. И даже Совету партии пришлось бы для выполнения возлагаемой на него уставом обязанности — непосредственно определить основания съезда — пойти на чрезвычайную меру — не считаться с общими директивами, которые были выработаны предыдущими съездами — правда, предполагавшими для третьего съезда совершенно иную, более свободную общеполитическую обстановку.

Вместе с этим впредь до созыва нового съезда, который по необходимости тем самым отсрочивается и непосредственно Ц.К.-ом созван быть не может — ближайшему Совету партии пришлось бы решить и целый ряд других организационных и тактических вопросов, выдвинутых жизнью, которая не ждет и не допускает отсрочек.

Товарищи! Всем вам, конечно, ясны размеры и тяжесть той ответственности, которая ложится на ближайшее собрание Совета. Ему придется предрешать много таких вопросов, от которых в значительной степени зависит и физиономия нового съезда.

Ввиду всего этого, чувствуя всю необходимость в этом деле возможно непосредственное опереться на общественное мнение всей партии, Ц.К. постановляет собрать одновременно с Советом партии общерусскую конференцию партийных работников, для предварительного обсуждения и подачи своего голоса по всем вопросам, подлежащим решению Совета.

Все местные партийные организации, имеющие право представительства на съездах, губернские комитеты или действующие на одних с ними основаниях уездные и городские, получившие законную санкцию на основаниях, изложенных в уставе, а равно комитеты, бюро и конференции областные — получают право на посылку делегата для общерусской конференции. Центральный Комитет со своей стороны привлечет к участию в конференции отдельных лиц, участие которых он признает особенно ценным для работ ее, и озаботится более непосредственным представительством чистокрестьянских и рабочих организаций и там, где они успели достаточно стать на ноги и где разгромленность или слабость местных объединяющих центров служит препятствием для достижения достаточной полноты представительства местных партийных интересов и потребностей.

Согласно уставу, все постановления такой конференции будут носить **совещательный** характер. Но последующие заседания Совета могут придать им силу временного **закона** для партии, впредь до созыва ее **третьего съезда**. Таким образом Центральный Комитет надеется гармонически сочетать **формальную законность** решений с той **внутренней ценностью** и **моральным весом**, которые могут быть обеспечены лишь широким участием всей партии в решении вопросов, имеющих для последней такое экстраординарное значение, как те, которые выдвинуты жизнью в настоящее время.

Со своей стороны Центральный Комитет постарается принять самое непосредственное участие в деле подготовки и созыва Совета и конференции и войти в соглашение с местными организациями по вопросу о способах наилучшего осуществления ими своих прав по участию в конференции.

Что касается срока и места созыва конференции, то организации одновременно с этим будут извещены о них особо, достаточно конспиративными организационными путями.

Ц.К. прилагает при этом в краткой и, по необходимости, далеко не разработанной формулировке, изложение своего предварительного мнения по стоящим на очереди тактическим и организационным вопросам, не как проект окончательных резолюций, вносимых на конференцию, а лишь как канву для обсуждения на местах соответствующих вопросов.

Май 1908 г.

ЦК П.С.-Р.

*Протоколы первой Общепартийной конференции П.С.-Р.
Август 1908 г. Издание ЦК П.С.-Р. Париж, 1908.*

ПРОГРАММА ВОПРОСОВ И ПРОЕКТЫ РЕЗОЛЮЦИЙ, ПОДЛЕЖАЩИХ ОБСУЖДЕНИЮ НА ПРЕДСТОЯЩИХ КОНФЕРЕНЦИИ И СОВЕТЕ

1) Современный момент и тактика партии (общая характеристика момента в связи с правительственной политикой и настроением масс; главные задачи партии: усиление пропагандистской и организационной работы, центральный террор. Вопросы о частичных массовых выступлениях и о боевой подготовке масс).

2) Вопросы рабочей и крестьянской политики. Политическая, профессиональная и кооперативная организации масс и их взаимное отношение. Кооперативы производительные и потребительные. Коллективный договор. Борьба с локаутами. Стачки. Фабричный террор. Формы и средства борьбы крестьянства с земельным законодательством и помещиками. Аграрный террор.

3) Организационный вопрос (желательные изменения в организационном строительстве партии ввиду изменившихся условий).

4) Отчеты и доклады местных, областных организаций и Центрального Комитета.

К современному моменту и тактике партии

Анализируя условия переживаемого момента, приходится констатировать следующие основные явления:

1) Позиции правительства заметно укрепились благодаря тому, что восстановление во всей силе старого режима репрессий способствовало дальнейшей организации реакционных общественных сил, которые до революционных событий находились в распыленном состоянии и не чувствовали потребности в самостоятельном активном выступлении на арену политической борьбы.

2) Тем не менее под этим укреплением правительственной позиции отсутствует прочный исторический фундамент, так как ни состояние наших финансов, ни развитие промышленности, ни благосостояние земледельческого населения не получили нового базиса и рост обнищания страны обуславливает собою неизбежность в будущем новых потрясений*.

3) Промышленное оживление, захватившее главным образом текстильное производство, является: а) частью мнимым и преходящим, поскольку, напр., оживление центрального промышленного района происходило насчет упадка промышленности в Польше и поскольку увеличение сбыта бумажных тканей происходило насчет сокращения сбыта шерстяных продуктов и б) не сопровожда-

---

* В связи с этим находится и то, что несмотря на покровительство и материальную помощь правительства, реакционные силы достигают сплочения только на прежнем и даже суживающемся фундаменте. — *Прим. док.*

ется таким повышением уровня благосостояния пролетариата, который мог бы действовать на него успокоительным образом, наоборот — не мешает капиталистам, пользуясь покровительством власти, разгромом рабочих организаций шаг за шагом отнимать у них недавние завоевания.

4) Ввиду этого, как в рабочей, так особенно и в крестьянской среде наблюдается рост недовольства и озлобления, внешние проявления которого лишь временно сковываются: а) сознанием физического бессилия перед вооруженными силами правительства и б) развивающимся, в результате горького опыта, более серьезным отношением к вопросу об активных выступлениях, как делу крайне сложному и трудному.

5) Этот факт скованности массовой народной жизни приводит одновременно к двум резко различным последствиям: а) к иррегулярной, не организованной, распыленной борьбе более нетерпеливых и выбитых из колеи элементов, выражающейся в актах мести, в экономическом терроре и особенно во всякого рода экспроприациях, где эти элементы смешиваются с деморализованным люмпен-пролетариатом и б) на другом полюсе — среди более сознательных элементов — к усиленному стремлению к делу самостоятельной, идущей снизу, вставшей на свои ноги организации рабочих масс города и деревни, как залого более сильного и серьезного движения в будущем.

В интеллигенции, как наиболее впечатлительной части населения, заметно переутомление, идейный разброд и отлив сил от революционной борьбы, часто сопровождаемой болезненными симптомами — разочарованием, апатией и общественным индифферентизмом.

Принимая во внимание все эти изменения в общественной конъюнктуре, партия должна сосредоточить в настоящий момент свои главные силы на следующих задачах:

1) на таком углублении своей пропагандистской работы среди всех слоев населения, которое отвечало бы как интенсивному духовному брожению в массах, так и стремлению интеллигенции разобраться в пережитых событиях и подвести им итоги.

2) На организационном строительстве, имеющем целью: а) бороться с процессом распыления сил массы, б) выработать типы организации, жизнеспособные при современных полицейских условиях и в) сосредоточить партийные силы в одно стройное целое, проникнутое тактическим единством и революционной дисциплиной.

3) На разрушении престижа правительственной силы ударами центрального террора;

Ввиду этого партия должна: а) особенно усиленно выступать за все те методы борьбы, которые, предполагая сговор, сами толкают массы к дальнейшей, более широкой и прочной организации; б) решительно отрицательно относиться, из практических соображений, к проектам частным массовых выступлений, в которых по

условиям настоящего момента может происходить бесплодная трата народной энергии.

Вопросы рабочей и крестьянской политики

Политическая, профессиональная и кооперативная организации

Точка зрения партии с.-р. на взаимное отношение политической, профессиональной и кооперативной организации рабочего класса выражается тремя словами: одинаковая их **необходимость**, автономное **развитие** и **согласованность** действий на основах равноправия.

Все три вида организации рабочего класса имеют значение и для завоевания непосредственных улучшений в рамках досоциалистического строя, и для коренного переустройства в будущем его.

Политическая организация прежде всего и более всего служит:

а) для **завоевания органов государства** в широком смысле этого слова (как центральных, так и местных, как городских, так и сельских), б) для организованного использования уже завоеванных и в) для давления на еще не завоеванные.

Политическая организация **исходит** из совершенно определенной программы общественного переустройства и подбирает людей путем пропаганды этой программы, охватывая массы по мере того, как они поднимаются до известной высоты сознательности.

Применительно к характеру своих задач политическая партия кладет в основу своей организации территориальный принцип.

Профессиональная организация прежде всего и более всего служит: а) для непосредственного улучшения положения рабочего класса путем взаимопомощи и непосредственно экономической борьбы (стачки, бойкоты, лебелъ) против эксплуатации промышленного капитала на почве современного порядка; б) для боевого сплочения, вне партии и направления, самых широких масс, способных дружно выступать в защиту интересов всего рабочего класса во всех серьезных общественно-политических конфликтах; в) для образования внутри современного строя организованных трудовых ячеек, завоевывающих у государства и хозяев все большую и большую сумму прав, вырабатывающих в своих внутренних отношениях новое рабочее право и способных после социальной революции взять в свои руки ближайшее заведование производством в соответственных его отраслях.

Профессиональная организация стремится охватить, без различия политических воззрений, всех рабочих, пробудившихся для борьбы за свои непосредственные интересы, ведя их путем опыта борьбы к все более и более глубокому пониманию этих интересов и условий их удовлетворения.

Профессиональные союзы, объединяя пролетариев, как производителей, кладут в основу своей организации производственный принцип, объединяя в одно целое всех работников определенной отрасли промышленности и затем федерируя между собою рабочих различных отраслей.

Кооперативная организация прежде всего и более всего служит: а) для непосредственного улучшения положения трудовых масс, защищая их от эксплуатации торгового и денежного капитала, объединяя их то как потребителей, то как лиц, нуждающихся в кредите, то как продавцов товара и закупщиков сырья, то как самостоятельных производителей, не имеющих возможности применять разрозненно улучшенные приемы и орудия современной техники; б) для развития в рабочих местах умения и опыта вести, на началах демократического самоуправления, сложное дело крупного хозяйства; в) для создания трудовых ячеек, связующим центром которых служит организованное потребление, к которому с успехом могут примыкать ассоциации для производства и сбыта, составляя таким образом сложные формы свободного, идущего снизу объединения труда и собственности, способные органически вращаться в государство будущего.

Кооперативная организация рабочего класса исходит из единства и смежности чисто хозяйственных интересов трудового населения, исключая в своей организации всякую привилегию вкладов капитала и предполагая полную демократию в деле хозяйственного самоуправления.

Применительно к характеру своих задач, кооперация кладет в основу своей организации смешанный принцип территориального соседства и качественного схождения интересов.

Политическая организация, основываясь на идейном единстве, стремится, через посредство своих членов, распределяющихся по профессиональным и кооперативным союзам, углублять и расширять их деятельность, одушевляя ее более широкими перспективами, и также содействовать развитию этих организаций устранением враждебного им законодательства.

Кооперативная организация при помощи своих хозяйственных ресурсов содействует другим формам организации в моменты наиболее острой трудовой борьбы.

Профессиональная организация содействует усилиям других форм организации, приводя в движение для их поддержки массовую силу охватываемых ею снизу рабочих слоев.

Осуществляя на началах равноправия согласованность своих действий, эти три формы организации только в своем гармоническом объединении: а) осуществляют шансы дружного отпора эксплуататорским тенденциям капитализма и решительного натиска на самые его основы и б) образуют в недрах старого общества растущий эмбрион нового, рабочего мира, основанного на принципе свободы и планомерной организации коллективного труда для коллективного развития.

Признавая всю важность развития самостоятельности индустриального пролетариата, партия стоит:

а) за образование чисто пролетарских потребительных коопераций, способствующих сплочению пролетариата, освобождающих его от эксплуатации мелким торговым и ростовщическим капиталом и в дальнейшей стадии развития способных образовывать фонд для материальной поддержки его боевых организаций и выступлений:

б) за образование производительных коопераций, поскольку они основываются как придаток потребительных кооперативов и т.п. рабочих союзов и вызваны их нуждами. Самостоятельное развитие производительных коопераций индустриального пролетариата партия считает явлением нежелательным, ибо по самому своему существу и в силу условий современного производства они служат не к сплочению и организации всего пролетариата, не к облегчению его борьбы с капиталом, а к выделению из массы рабочего класса более обеспеченных групп, поставленных в исключительное положение и к выработке из них мелкой и средней буржуазии*

При этом партия высказывается за полную автономность кооперативов и против подчинения их каким-либо иным организациям пролетариата (напр., профессиональным союзам). Партия считает необходимым объединение рабочих кооперативов между собой и согласование действий на началах равноправия с общей профессиональной и политической организацией рабочего класса. При этом необходимым условием такого согласования является приобретение самими кооперациями достаточной силы, прочности, широкого развития деятельности, так как только эти условия могут обеспечить самостоятельность организации и не отразятся вредно на пробуждении самодеятельности членов кооператива.

О локаутах

В вопросе о борьбе против локаутов партия стоит на следующей точке зрения:

Локауты являются органической составной частью развитого капиталистического общества, и в пределах этого общества не существует средств, способных с полным успехом служить борьбе против них. Только уничтожение капиталистического строя может гарантировать рабочий класс от всех бедствий, связанных с этими забастовками объединенных предпринимателей.

Единственным сколько-нибудь действительным средством обороны против локаутов на почве современного строя является:

---

* Здесь не имеются в виду так называемые простые кооперативы главным образом городских ремесленников — портных, сапожников и т.д. Эти последние вырастают на почве безработицы, как одно из средств борьбы с нею, и не имеют глубокого и длительного социального значения. — *Прим. док.*

а) рост политической силы рабочего класса, подрывающей возможность обращать все средства правительственной репрессии на помощь локауту и б) такая степень экономической организации рабочего класса, которая дает возможность: а) ответить на локаут всеобщей стачкой или, вообще, расширить размеры экономического конфликта до пределов, невыгодных инициаторам локаута, б) перемещать рабочие силы из пораженных локаутом районов в соседние и в) продлить период, в течение которого рабочие могут выдерживать локаут до таких пределов, за которыми для хозяев утрачивается самая хозяйственная выгода локаута.

О фабричном терроре

Что касается до фабричного террора, как средства борьбы против хозяев вообще и против локаутов в частности, то партия находит:

1) Что опыт всего рабочего движения России и Запада свидетельствует о бессилии этого средства борьбы и о фактической невозможности терроризировать целый общественный класс, занимающий преобладающее значение в народном хозяйстве.

2) Что фабричный террор, ни мало не гарантируя от локаутов и т.п. явлений, скорее способен вызвать их и даже приводит к закрытию заводов, роспуску рабочих и подрыву условий их собственного существования.

3) Что фабричный террор обычно вносит разделение и раздор в рабочую среду, порождая распри среди рабочих и благоприятствуя созданию желтых синдикатов.

4) Что, наконец, фабричный террор по самому существу своему соответствует элементарной стихийной стадии развития рабочего движения, и не только не содержит в себе организующего начала, а, наоборот, представляет наклонную плоскость по направлению к случайным вспышкам, сведению личных счетов и т.п.

По этим основаниям п.с.-р. предостерегает рабочую массу от фабричного террора и отвергает включение его, как системы организованной борьбы, в программу своих действий, как против капитала вообще, так и против локаутов в частности.

О коллективном договоре

Партия с.-р. относится положительно к заключению коллективного договора между рабочими и предпринимателями.

1) Так как они по самому существу еще более сплачивают массы и укрепляют в них идею солидарности их интересов.

2) Гарантируют в известной мере пролетариат от нападений капитала на отдельные группы рабочих, занятых в данном производстве.

3) Укрепляют идею необходимости участие рабочих в организации производства и увеличивают фактически дело этого участия.

Оставляя в стороне условия, которые могут в данном месте и в данный момент изменить общее принципиальное отношение к заключению коллективного договора, общим условием для заключения его партия считает наличность настолько прочной организации пролетариата (той или иной местности и отрасли труда), при которой он действительно способен был бы активно следить за выполнением договора со стороны капиталистов и отстаивать это выполнение.

О борьбе с земельным законодательством

Правительство, подавив попытки открытых восстаний и захвата земель в деревнях, поставило своей целью: а) успокоить крестьянскую массу мелкими подачками в сфере экономической и правовой; б) ввести в них разлад, поощряя расхищение общинных земель кулаками и в) окончательно распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности и хуторов. Всякий успех правительства в этом направлении, диаметрально противоположному тому, который указывается нашей партией, наносит серьезный ущерб делу революции и социализма.

При таких условиях деревня является наиболее боевым (в социально-политическом смысле) пунктом. Исход борьбы в ней определит надолго историю нашей страны. Поэтому партия должна обратить самое серьезное внимание на свои задачи в деревне и на вопросы крестьянской политики.

Земельное законодательство правительства и временное торжество помещичьего класса делает прежде всего необходимым:

1) углубление партийной пропаганды в направлении критики частной собственности на землю и аграрных мероприятий правительства и подробному выяснению, в условиях данного места, основных положений нашего аграрного законопроекта, внесенного во вторую Думу;

2) обсуждение в крестьянских организациях и на съездах их представителей способов борьбы с разлагающим влиянием аграрного законодательства и с помещиками, выработка решений, осуществимых в условиях данной местности;

3) укрепление партийных организаций в деревне и сплочение вокруг них трудового крестьянства на почве борьбы с земельным законодательством правительства, землевладельцами и с Крестьянским банком из-за аренды земли и найма на работы.

Переходя, в частности, к борьбе с выделом из общины, представляется целесообразным: а) пропагандировать усовершенствование распорядков в духе принципов, положенных в основу нашего аграрного законопроекта, в целях большей их справедливости и согласованности с требованием хозяйственного прогресса; б) всячески противиться требованиям о выделе общественными приговорами и т.д.; в) бойкотировать кулаков и тех членов общины, которые стремятся выделиться из общины в целях захвата большого

количества общинной земли, чем какая причиталась бы на их семью в случае нового передела; г) вступать в соглашение с переселенцами и с пролетаризированными элементами деревни, стремящимися развязаться с наделной землей потому, что не могут или не хотят вести на ней собственное хозяйство (напр., выдача им пособий на известных условиях и т.п.).

О борьбе с землевладельцами

В отношении борьбы с землевладельцами необходимо усиленно рекомендовать устройство стачек при аренде земли и при найме на работы, для чего или определять условия аренды и найма на сходах, или создавать специальные стачечные организации, как из местных, так и пришлых рабочих, принимая меры к поддержанию пришлых рабочих во время забастовки. Против помещиков, упорно противящихся требованиям крестьян и рабочих, и особенно враждебных им, рекомендовать применять бойкот.

Кооперации в деревне

По отношению к кооперации в деревне: не сосредоточивая искусственно внимания крестьянства в этом направлении, отнюдь не раздувая значения коопераций в смысле удовлетворения крестьянских нужд, наши сельские организации тем не менее не должны игнорировать кооперативного движения, предоставляя захватывать и эксплуатировать его партиям и элементам, враждебным социализму, к чему уже есть попытки. По отношению к кооперативному движению партийным организациям следует ставить такие задачи:

I. А) Вступать в существующие уже кооперации и вытеснять из них элементы, враждебные трудовому крестьянству и пролетариату, или, по крайней мере, лишать их всякого влияния на ход дел в кооперациях.

Б) Основывать новые кооперации, обеспечивая однородность их состава.

В) Проводить в кооперациях общие социалистические принципы, борясь против всяких попыток пропитать их духом капитализма и заставить их служить капиталу.

II. Особенное внимание следует обращать: а) на образование сельскохозяйственных обществ малого района, дающих трудовому населению возможность собираться и обсуждать свои нужды и интересы, и полезных как непосредственными услугами, которые они могут оказывать трудовому крестьянству, так и косвенными, но не менее ценными услугами, сплавивая его и помогая ему сговариваться и организовываться; и б) на кредитные товарищества и потреб. лавки, помогающие трудовому крестьянству в его борьбе с ростовщическим и торговым капиталом.

Об экономическом терроре вообще и аграрном терроре в частности

П.с.-р. есть партия социалистическая, стремящаяся к коренному социальному перевороту путем организации трудовых масс; для достижения как своей конечной, так и ближайших целей, она не остановится и перед насильственными средствами в тот момент, когда признает организацию масс достаточно зрелой для открытого восстания или когда политическая конъюнктура будет для него особенно благоприятной. Вне этих революционных моментов партия ставит своей задачей организацию трудовых масс и борьбу за их интересы мирными средствами. Террористические акты она вводит в круг своих средств борьбы только постольку, поскольку политический строй страны отрицает элементарные права личности на свободу слова, печати, собраний и т.п., ставит неодолимые препятствия широкой организации масс. Поэтому партия признает только террор политический и относится вполне отрицательно к террору экономическому (аграрному и фабричному) как средству борьбы в экономических столкновениях и спорах.

Хотя нередко предприниматели, пользуясь царящим в стране полицейским и административным произволом, сами становятся во главе наемных разбойничьих банд, ингушей, черкесов и т.п. и превращают свои усадьбы или заводы в вооруженные замки для угнетения окрестного населения и, хотя применение насильственных мер против таких лиц (вплоть до их уничтожения) является уже проявлением террора не экономического, а политического, и не противоречит принципам партии, — тем не менее партия из соображения экономии сил не может в настоящее время поставить себе задачей распространить свою террористическую деятельность на совокупность такого рода лиц и может допустить террористические акты такого рода лишь в крайнем случае, в виде редкого исключения.

Ввиду сложности и запутанности относящихся сюда случаев, опасности расширительного толкования влияния мотивов личной мести и раздражения и т.п. партия может допустить совершение таких актов лишь с разрешения Областного комитета или уполномоченного Ц.К. по области.

Что касается, в частности, аграрного террора, то:

1) Партия не может изменить своего отрицательного к нему отношения: что касается того, что аграрный террор якобы может явиться путем к социализации земли, то партия полагает, что такие надежды являются совершенно необоснованными, так как:

а) ни при каких усилиях организации нельзя рассчитывать на такое развитие аграрного террора, при котором стало бы совершенно невозможным не только собственное хозяйство помещиков, но и эксплуатация населения при помощи сдачи земли в аренду;

б) если бы даже это было и так, то и в таком случае мы имели бы постепенную распродажу владельческой земли в Кр. банк и

через него крестьянам и прогрессирующее раскалывание крестьянской массы;

в) аграрный террор, направленный против помещного землевладения, ничем не затрагивает ни мелкого, ни среднего землевладения и потому уже не может подкапывать их существования, напротив того, он неминуемо ведет к развитию мелкой и средней собственности, вызывая распродажу крупных имений, ставших бездоходными или малопродуктивными.

2) Если же распространить аграрный террор и на среднее и мелкое землевладение, превышающее некоторый минимум, то мы будем иметь, ввиду многочисленности этого слоя землевладельцев, бессмысленную и жестокую поножевщину в деревне, из которой ничего не может выйти, кроме крайнего усиления полицейского произвола и деспотизма.

3) Не может партия изменить своего отрицательного отношения к аграрному террору ввиду того, что якобы при помощи его можно запугать помещное дворянство и таким образом влиять на внутреннюю политику страны. Эти надежды представляются эфемерными, так как:

а) как ни малочисленно помещное сословие, оно все же слишком значительно, чтобы его можно было запугать;

б) при всех усилиях партии, она вряд ли могла бы вызвать более сильное аграрное движение, нанести помещному сословию больший ущерб и нагнать на него больший страх, чем движение осени 1905 года;

в) наиболее влиятельные элементы помещного сословия, благодаря своему богатству и влиянию, настолько хорошо охраняются, что очень мало страдают не только от аграрного террора, но даже и в такие моменты, как движение 1905 года.

Партия полагает, что социализация земли может быть осуществлена только в результате открытого восстания трудовых масс при достаточной их организованности на платформе обобществления земли.

К организационному вопросу

1. Основной задачей организационной политики в настоящее время является сплочение существующих организаций вокруг местных, областных и общепартийных центров путем: а) расширения компетенции Центрального Комитета, б) усиления взаимной связи Ц.К. с местными, и в особенности областными организациями, и в) путем последовательного проведения в жизнь правил дисциплины и контроля.

2. Изменившиеся политические условия делают невозможным строительство партии на широких демократических началах, требуют усиления начал кооптации и назначения сверху и ослабления выборного начала.

3. Осуществление означенных задач должно совершаться постепенно, без радикальной ломки, в строгом соответствии с разнообразием местных условий и, с одной стороны, обеспечивать самостоятельность масс, а, с другой, прочность организации и ее руководящих органов при условиях конспиративной работы.

4. Как общее правило, непосредственное участие масс в деле устройства и функционирования партийных органов осуществляется главным образом в организациях первичного характера (фабрично-заводские, районные комитеты, группы, братства, районные организации т.п.). Что же касается организации высшего порядка (городские, губернские и областные комитеты), то выборное начало при образовании их должно быть осуществляемо в большинстве случаев лишь в ограниченных размерах по соображениям конспиративности и полицейской безопасности.

5. Центральному Комитету предоставляется право приостанавливать, по вышеуказанным соображениям, действие выборного начала в отдельных случаях и образовывать городские, губернские и областные комитеты путем назначения их сверху. В тех местностях, где функционируют областные комитеты, на них переносится право приостанавливать действие выборного начала по отношению к городским и губернским комитетам.

6. Роспуск комитетов в случае уклонения их от программы и тактики партии, в случае бездеятельности или в видах полицейской безопасности, совершается Областными комитетами при предварительном согласии на то Ц.К. или непосредственно Ц.К.

7. Изменения в существующем организационном уставе партии должны быть обсуждены местными организациями на предстоящей конференции и окончательно санкционированы будущим общепартийным съездом или за невозможностью созыва его — референдумом.

Порядок дня [предстоящей конференции]:

- I. Отчеты с мест и Ц.К.
- II. К современному моменту и тактике партии.
- III. Организационный вопрос.
- IV. Вопросы аграрной политики.
- V. Вопросы рабочей политики.
- VI. Экономический террор.
- VII. Национальный вопрос.
- VIII. Прочие вопросы.

*Протоколы первой Общепартийной конференции П.С.-Р.
Август 1908 г. Издание ЦК П.С.-Р. Париж, 1908.*

ПЕРВАЯ ОБЩЕПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ П.С.-Р.

(Париж, август 1908 г.)

ПРОТОКОЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

1-е заседание

4 августа, 11 часов утра

По назначению Центрального Комитета заседания конференции открываются под председательством старейшего члена ее, Ф.В.Волховского¹⁵, ассистируемого тов Береславцевым¹⁶ и тов. Народовольцевой¹⁷, при временном секретаре Зотове¹⁸.

Тов. **Ф.В.Волховской** обращается к собранию со следующей речью:

Дорогие товарищи!

Случаю угодно было, чтобы я оказался старшим по летам среди вас. Благодаря этой случайности на мою долю выпала честь открыть настоящее собрание. Чувство удовлетворения, связанное с этой почетной обязанностью, отравляется для меня, однако, мыслью, что если бы не временное, случайное торжество нашего врага, то вместо меня на эстраде стояло бы лицо, которое по праву заняло бы это почетное место не только по старшинству лет, но и по старшинству революционной работы, революционных заслуг, — по старшинству духовному. Я говорю о нашей милой, дорогой «бабушке» — о бабушке русской революции и матери нашей партии, Екатерине Брешковской¹⁹, так как она — одна из основательниц нашей партии, она далеко от нас, она — в плену, она отгорожена от нас и не может слышать, с какой любовью и благоговением произносится ее имя товарищами; но это не мешает нашим сердцам биться в такт с ее сердцем в народном деле.

Товарищи, старшинство лет, старость — не радость, но есть у него и одно преимущество: человек, проживший много лет, может окинуть личным взглядом большее пространство. И я воспользуюсь этим преимуществом, чтобы сказать несколько слов против того уныния, в которое впала значительная часть интеллигенции (массы отнюдь не унывают — только интеллигенция) и которое коснулось и нашей партии благодаря временному торжеству контрреволюции.

Моя политическая карьера началась с так называемого «Рублевого общества»²⁰, предшествовавшего нечаевщине²¹, но я лучше начну с чайковщины²². Как известно, чайковцы начали очень скромно: с распространения легальных книг среди интеллигенции, а потом — и рабочих. Капитал, с которым они начали подрывать основы российского самодержавия и капитализма, равнялся 150 рублям, вырученным за шубу одного из присутствующих здесь и справедливо уважаемых наших товарищей²³. Нас было в Одессе 17 человек, да в Питере не многим больше; был кое-кто и в других местах; но если бы протянуть прямую линию от Одессы до Пите-

ра, то на всей этой линии не оказалось бы ни одного человека. Однако, смотрите: из Одесского кружка вышли такие деятели, как Андрей Франжоли²⁴, Ланганс²⁵, Желябов²⁶, — в Питерском между прочим были: Чайковский²⁷, Клеменц²⁸, Ник. Морозов²⁹ и Перовская³⁰. Теперь славная «Народная Воля»³¹, потрясая самодержавие, с какими средствами действовала? — Ее месячный бюджет равнялся 15.000 руб. и самая большая сумма, полученная ею зараз равнялась 20.000 руб. Крупных взносов было мало, главные средства собирались по рублям и полтинникам с учащейся молодежи. Наш нормальный бюджет исчислен в 30.000 руб. ежемесячных. Он вдвое крупнее народовольческого. Правда, в трудные времена (которые бывают и у нашего врага) бюджет этот был скоплен до 21.000 руб., но этой суммы никогда в действительности не хватало. Мы получали взносы по 30.000 руб., и как Девет, часто ведем войну на счет неприятеля. Я нарочно остановился на финансовой стороне дел. Недаром англичане называют деньги «the sinews of war» — «сухожилиями войны». Размер возможных трат определяет размеры работы.

Возьмем другую иллюстрацию. В былые времена мы искали крестьян, чтобы с невероятными трудностями переложить в их головы наши идеи. Я помню, как покойный Лангенс и Маковеев, переодевшись в крестьянское платье, пошли отыскивать этого самого мужика и нашли его только благодаря счастливой ошибке: зайдя в деревню в пятницу в штундистскую хату, они попросили молока. Это несоблюдение поста, которое было бы роковым для их сближения с православными, заставило штундистов принять наших эмиссаров за «своих», вселило к ним доверие и впервые открыло нам доступ к херсонскому крестьянству. Не то — теперь. Теперь крестьяне нас ищут. Они посылают за «оратором» подводу, оберегают его, считают лучшим своим другом и просветителем.

Быть может, мне возразят: «Да, народ нас ищет, но кого он найдет? Много ли нас осталось при теперешнем торжестве реакции»...

Вопрос этот — тяжелый вопрос. Им бережутся наши сердечные раны. Я не вижу здесь столько дорогих, столько милых, столько крупных лиц. Я прежде всего не вижу здесь Гр. Гершуни³² с его необыкновенными, стальными глазами, взгляд которых, как острый гвоздь, проникал не только в душу тех, кто имел таковую, но и в нутро субъектов, у которых вместо души — пустое место: в нутро бездушных судей и жандармов. Гершуни — наша сила и слава — мертв. Я не вижу прелестной девушки, перед которой я, — старый, испытанный революционный работник, — готов пасть и целовать следы ног ее. Я говорю о Рагозинниковой³³. Здесь нет Карла³⁴ и Кальвино-Лебединцева³⁵ с их семерыми сподвижниками³⁶, из которых некоторых, как Леву Синегуба³⁷, давно ли я обнимал, полного здоровья и энергии, — и все они погибли. Я не вижу здесь Крафта³⁸, поднимавшего на своих болезненных плечах, и притом в самое горячее время — во время выбо-

ров во вторую Думу, всю исполнительную работу, которую теперь делает целая коллегия — Организационное бюро. Я не вижу Никитенка³⁹ — этого офицера, вместе с другими немногими спасшего честь русского офицерства в памяти русского народа, — этого олицетворения честности, который с одинаковой прямолинейностью был лояльным монархистом, пока считал это своим делом, и революционером, как только открылись его глаза на гнилую подкладку этого лоялизма. Нет здесь и другого же офицера, героя без страха и упрека, — Глинского⁴⁰; нет целой плеяды героев из матросов и солдат, как Николай Егоров⁴¹ и Комарницкий⁴², — героев, которых надо считать сотнями и которых я не сумел бы назвать, потому что они погибли без имени. Подумайте, товарищи, о высоте этого героизма и преданности идее и родному народу. — «На миру и смерть красна» — говорит этот народ. Но каково умирать в застенке или на виселице безвестным, не имея даже утешения, —

«Что в будущие времена
Произнесутся с уважением,
С любовью — наши имена».

А между тем сколько таких героев. Мы все читали о казни «Гронского»⁴³ и «Штифтаря»⁴⁴; но многие ли знают, кто скрывался под этими псевдонимами? — Я когда-то обнимал этих юношей, — я любил их, как родных детей, но, читая реляцию о их смерти, не подозревал даже, что они уже отдали свои молодые жизни родине...

Но я лучше прерву перечень этих дорогих имен. Каждая из этих жизней вырвана из наших сердец с куском живого мяса и оставила после себя вечно сочащуюся рану. Это — страшные потери; но я привел их не для того, чтобы поддаваться тоске, а чтобы вы отчетливее, ярче вспомнили, **какими** людьми богата русская земля, а, следовательно, и наша партия, ибо она представляет все самые жизненные и самые настоятельные народные требования. А если народ давал из себя такие силы в прошлом, то нет оснований думать, что он не выдвинет их и в будущем. Напротив: чем дальше, тем большие массы захватываются сознательной политической жизнью, а, следовательно, тем обширнее становится почва, из которой вырастают деятели. Потери велики; но никакие потери не могут остановить движение. Вспомним прошлое.

Когда в 1903 году был арестован Гершуни, партия наша, в то время едва народившаяся, еще не оперившаяся, содрогнулась. Одновременно с потерей такой силы, в Петербурге постиг нас страшный провал, соединенный с захватом множества адресов, поведших к провалам по всей России. Казалось, все погибло. Многие так думали. И однако дело не только не погибло, но пошло шире и глубже, пока вся Россия не вскрикнула радостно от разрыва сазоновской бомбы⁴⁵.

Другой пример. После разгона 1-й Думы на нас посыпался целый ряд ударов. Довольно сказать, что от всего Центрального Комитета осталось у дел сначала всего два, потом три члена, которым и приходилось делать все и поспевать всюду. Силам человеческим есть предел, и в партийной работе то там, то здесь оказывались прорехи. Самые жизнерадостные люди ходили с затуманенными лицами. И все-таки ничего не погибло: мы оправились, мы наглядно доказали это хотя бы тем, что провели во 2-ю Думу своих кандидатов, опубликовали через нее наш аграрный проект⁴⁶, — силы партии разрослись.

Было время, целых два долгих месяца, наша партия существовала в долг. Положение ужасное, оправдывавшее, казалось, уныние. Но если мы могли существовать в долг, то, стало быть, имели кредит; а партия, имеющая кредит, имеет по общему признанию, будущность: иначе ей никто бы не доверил и ломаной копейки.

Итак, товарищи, нет причин вешать голову. Окидывая взглядом прожитые годы, я прихожу к заключению, что русское освободительное движение идет не по прямой линии, а по волнистой, и притом — так, что каждое падение волны ниже предыдущего, но за то и каждый следующий подъем выше предшествующего. Мы теперь переживаем период падения волны, но уже заметно нарастание следующей. Обезд, предпринятый нашими центральными учреждениями, показал, что народ не потерял веры в революцию, а только ищет новых путей. Партия значительно дезорганизована, но не разбита. Финансы ее снова сравнительно в хорошем состоянии. Все, что нам нужно, это — учесть свои силы, получше узнать настроение народа, столкнуться в образе действий. Для этого и созвана настоящая конференция.

Итак, товарищи, за работу.

Тов. Народовольцева. Мне приходится в первый раз быть на собрании товарищей, съехавшихся для обсуждения дел партии. Ни на предшествовавших съездах, ни на Советах я не была. В сравнении с этой конференцией те собрания отличались большею многочисленностью перспективы, раскрывавшейся перед ними, были более блестящи. Но и это собрание будет иметь как для России, так и для заграницы, большое, быть может, даже очень большое значение. Уже самый факт созыва конференции для всестороннего освещения состояния дел партии в смутный период общей реакции и подавленности не может не оказать бодрящего влияния на всех, кому дороги интересы русской революции. Связь между отдельными частями партии, несомненно расшатавшаяся в силу тяжелых условий современного момента, может и должна быть на этой конференции восстановлена и упрочена. Наконец, на этой конференции, по сведениям из первоисточников, будет отчетливо нарисована картина всего того, что есть и чего нет у партии. Что касается заграницы, то здесь немало людей, прежде работавших в России, но покинувших ее года полтора-два назад. С тех пор они потеряли связи и за все время не имели определенных сведений ни о настроении народных масс, ни об общем положении дел партии. Оторванные и

неосведомленные, многие из них думали, что все позиции партии потеряны, всякая почва для деятельности утрачена.

Когда же я сообщала им, что документы с самых различных мест единодушно свидетельствуют, что народное сознание растет, что настроение деревни несколько не падает и что повсюду чувствуется лишь недостаток работников — эти люди выражали радость и заявляли, что ожидали совсем других вестей, вестей самого мрачного характера. Тем больший материал для правильной оценки действительного положения вещей дадут им товарищи, съехавшиеся сюда с разных концов России.

Итак, перед конференцией стоит прежде всего задача изобразить действительность так, как она есть, безбоязненно взглянуть в глаза правде, какова бы она ни была. Исходя из существующего, она должна начертить план действий для будущего, для того чтобы затем партия следовала твердо и неуклонно по той линии поведения, какую она себе наметит. (*Аплодисменты.*)

Тов. Береславцев. Товарищи, организованный международный социализм с радостью узнает о новой попытке объединения социально-революционных сил, которая является предметом конференции, созванной Центральным Комитетом. Хотя эта конференция имеет только совещательный характер, но она, быть может, именно поэтому будет иметь большое значение в деле выяснения положения дел в России: представители областей и партийные работники, приглашенные Ц.К., могут свободно и вполне правдиво сказать то, что есть, раскрыть все ошибки и промахи местных, центральных и других партийных учреждений, с единственной целью воспользоваться уроками прошлого для более правильной ориентировки работы будущего. Принято говорить, что революция потерпела поражение. Конечно, те, которые пристали к партии, в надежде на скорую и легкую победу, те должны быть разочарованы и уйти из нашего лагеря. Победа рисовалась этим элементам так, как она рисуется борющимся буржуазным партиям, в виде удовлетворения appetitов и дележа добычи. Такой победы ни одна социалистическая партия не будет никогда праздновать. Такую победу предоставим кадетам, октябристам и тому подобным. Связав свою судьбу с судьбою рабочего класса, партия будет торжествовать только с этим классом, когда он в борьбе обретет свои политические и экономические права. Пока не наступил этот момент, партия будет мерить иным мерилom свои успехи и свои поражения. В сложной борьбе, посреди невероятной силы сопротивления старого режима и сплетающихся интересов разных слоев класса эксплуататоров, поражением партии было бы непризнание жизнью верности того пути и тех методов борьбы, которым она следовала в согласии со своей программой и тактикой. Но в этом отношении партия соц.-револ., сосчитав все огромные жертвы, может сознательно и гордо сказать, что она победоносно выходит из испытания. Объединение трудового крестьянства с городским пролетариатом на почве сознанных классовых интересов, организованная борьба во имя идеала социализма с отжившим строем бюрократи-

ческого, сословного самодержавия, планомерный синтез всех средств, начиная от энергичной пропаганды идей вплоть до самых острых средств вооруженной борьбы, — этот путь не только не опроверг уроками прошлого, но является выводом из всего сложного комплекса пережитых событий.

Конференция может поэтому спокойно работать, вдохновляясь программой партии и общими директивами международного рабочего социализма, которого она составляет один из энергичнейших и славнейших отрядов.

Принося вам привет международного организованного социализма, который сам еще находится в периоде своего начального строительства, я выражаю непреклонную уверенность, что конференция оправдывает серьезностью своих работ те ожидания, которые возложены на нее партией, сознательной Россией и, можно сказать без преувеличения, всем социалистическим миром. Партия выйдет победоносно из временных затруднений и станет снова притягательным центром объединения всех социалистических и революционных сил России.

(Громкие и продолжительные аплодисменты.)

Тов. **председатель** предлагает приступить к выбору постоянного президиума.

Предложение принято.

Выбраны в председатели: **Штейн**⁴⁷ — 38 голосами, **Соломин**⁴⁸ — 38, **Вронский**⁴⁹ — 29; в секретари: **Зотов**, **Фурман**⁵⁰, **Семенова**⁵¹, **Иванов**⁵², **Арагвин**⁵³ и **Лаврецкий**⁵⁴.

Ф.В.Волховский сообщает о результатах выборов и передает председательство одному из членов новоизбранного президиума тов. **Соломину**.

Предс. **Соломин** предлагает приступить к обсуждению регламента конференции.

Читается следующий проект регламента, выработанный Центральным Комитетом.

1. — На первом предварительном собрании избирается президиум из трех председателей и шести секретарей.

2. — Конференция продолжается 7 дней (4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 августа н.с. 1908 г.) по одному заседанию в день от 9 час. утра до 6 час. вечера с перерывом в полтора часа (от часа до половины второго дня).

3. — Все прения подробно протоколируются, и резолюции голосуются, причем в протокол вносятся результаты голосования.

4. — Докладчики по вопросам, стоящим в порядке дня, имеют полчаса для доклада и 20 минут для заключительного слова, без права вмешательства в прения.

5. — Содокладчики, назначенные комиссиями и самой конференцией, имеют полчаса на доклад и 20 минут перед заключительным словом докладчика.

6. — В прениях по каждому вопросу члены конференции могут говорить дважды, один раз — 20 минут, другой раз — 5 минут.

7. — Личные замечания допускаются по окончании прений, и для этого дается оратору не больше 2-х минут.

8. — Предложения к порядку ведения прений исчерпываются предоставлением слова одному оратору **за, одному — против** предложения, каждому не более 3-х минут.

9. — Протоколы составляются секретарями и читаются через одно заседание, в начале, если этого требует конференция; в противном случае предоставляется каждому члену конференции право просматривать вместе с соответствующим секретарем интересующую его часть протоколов и делать необходимые поправки, причем секретариату вменяется в обязанность обращаться к конференции, если между ним и вносящим поправку возникает конфликт.

После обмена мнений, в котором приняли участие тов. **Большов**⁵⁵, **Грачев**⁵⁶, **Хренов**⁵⁷, **Юровский**⁵⁸, **Чижевский**⁵⁹, **Волховской** и **Бюзанд**⁶⁰, первый пункт регламента принят большинством: 27 голосов против 11.

Второй пункт регламента принят большинством 26 голосов против 12.

Тов. **Иванов** предлагает принять остальные пункты регламента без прений. Предложение это принято большинством 24 голосов против 15.

Тов. **Чижевский** предлагает внести в регламент пункт об именном голосовании по требованию одной четверти наличных членов собрания. Предложение это, поддержанное тов. **Олениным**⁶¹, принято 32 голосами.

Тов. **Хренов** предлагает читать протоколы через день после собрания. Предложение принято.

Тов. **Чижевский** предлагает вносить фактические поправки письменно. Предложение **отвергнуто**.

Регламент с поправками принять.

Тов. **Голубев**⁶² докладывает от имени назначенной Центральным Комитетом комиссии мандатов, что состав конференции таков:

членов, прибывших из России, — 48,

в том числе членов Центрального Комитета — 6,

членов, прибывших из-за границы — 14,

всего решающих голосов — 62,

гостей по приглашению Центрального Комитета и конференции — 7.

Еще не прибыло из России около 15 членов, об отъезде которых с мест было дано знать Организационному бюро.

Предс. **Соломин** закрывает заседание.

2-е заседание

4-го августа, после обеда

В 4 ч. заседание открывается под председательством тов. **Соломина**.

В зал заседаний вводятся тов. **Hyndman** (Гайндман)⁶³, представитель английской социал-демократической федерации в Международном Бюро и тов. **Green** (Грин)⁶⁴. По этому случаю тов. **Со-**

ломини передает председательство тов. Береславцеву, представителю партии социалистов-революционеров в Международном Бюро.

Предс. Береславцев приветствует тов. Hyndman'a на французском языке и дает ему слово.

Тов. Гайндман. Товарищи! Я не принадлежу к той фракции международного социализма, представителями которой являетесь вы, здесь собравшиеся. Но это не уменьшает того нравственного удовлетворения, которое я испытываю, выполняя возложенный на меня долг — приветствовать вас, делегатов партии социалистов-революционеров, от имени английских социалистов и высказать вам чувства глубокого уважения и искренней симпатии, которые мы питаем к вам. Долг этот диктуется нам не только социалистической солидарностью, которая объединяет социалистов всех стран и всех фракций в одну великую семью, но еще в некотором роде чувством стыда перед вами. Нам, западноевропейским социалистам, стыдно за то, что вы героически проливаете свою кровь и терпите мученичество за дело освобождения труда, в то время как мы поставлены в такие условия, при которых искреннее служение делу пролетариата не мешает нам вести более или менее благополучное существование.

Это чувство стыда усугубляется еще тем, что, борясь за освобождение вашей родины от тирании самодержавно-капиталистической коалиции, вы боретесь и за нас. Мы с животрепещущим интересом следим за перипетиями борьбы, которую вы ведете, потому что ваша победа будет нашей победой, ваше поражение будет нашим поражением. Служа примером западноевропейскому пролетариату, ваша борьба является могучим орудием развития его классового самосознания и поднятия его активности. Ваша победа будет вне всякого сомнения сигналом наступательного движения нашего пролетариата против существующего строя. С другой стороны, ваше поражение отзовется и на нас увеличением политического и экономического гнета. В этом смысле мы с полным правом можем сказать, что вы сражаетесь не только за себя, но и за всех.

Вы теперь переживаете кризис, и реакционеры всех стран торжествуют, провозглашая всюду, что ваша революция окончательно поражена. Но это поражение только кажущееся. В русской революции произошел знаменательный перелом: из общенациональной она стала строго классовой. В революции остались рабочие и крестьяне, т.е., представители труда, в контрреволюции под эгидой все еще самодержавного правительства сгруппировались все капиталистические общественные элементы. При таких условиях говорить искренно о полном поражении, понесенном русской революцией, могут только очень близорукие люди. А ваша партия, которая опирается на многомиллионную крестьянскую массу, впервые пробудившуюся к сознательной политической жизни, может смело сказать: революция продолжается! К старому возврата нет!

(Аплодисменты.)

Товарищи, я очень жалею, что мне приходится говорить с вами на языке, который понятен только очень немногим из вас. Я хотел бы на вашем родном языке сказать вам следующее: когда я смотрю на вас, посланных сюда с разных концов России для обсуждения дел вашей партии, для выработки планов дальнейшей борьбы за освобождение трудящихся вашей родины, когда я вижу ваши лица, на которых лежит печать ума, энергии и благородства, я — помимо всяких других соображений — не могу не верить в торжество русской революции. Сумма живых моральных и интеллектуальных сил, которая представлена в этом собрании, так велика, что она не может не произвести своего действия. И в этом смысле русская революция будет интеллектуальной и моральной *par excellence*⁶⁵.

Дорогие товарищи! Если я не сомневаюсь насчет исхода той борьбы, которую социалистическая интеллигенция ведет теперь в России во главе пролетариата, то я не делаю себе иллюзий относительно тех страшных жертв, ценою которых будет куплена победа. И я смотрю на вас со смешанным чувством счастья и скорби. Я счастлив тем, что мне дано было близко видеть столько бесстрашных борцов, беззаветно любящих свой народ и до полного самопожертвования преданных великой социалистической идее. Но в то же время сердце мое содрогается при мысли о том, что среди вас уже есть жертвы обреченные, что на многих головах здесь невидимо лежат мученические венцы...

Принося вам привет английских социалистов, я не могу обойти молчанием тот прискорбный для нас факт, что официальный представитель свободолюбивой Англии был гостем российского тирана в той самой провинции, где разыгралась самая кровавая правительственная репрессия, какую претерпело русское освободительное движение. Верный слуга английского капитала, король⁶⁶, ездил к царю, чтобы уладить отношения между обеими странами и расчистить путь для проникновения этого капитала в Россию. Ибо английские капиталисты, подобно континентальным, предпочитают иметь дело с царским правительством, защищающим интересы капиталистического класса, чем с русской революцией, которая раскрывает перед пролетариатом всех стран новые горизонты.

Должно быть, за грехи наши мы, английские социалисты, наказаны тем, что мы не можем оказать вам должное гостеприимство, не можем даже обеспечить вам неприкосновенность вашего собрания. Правительство наше прежде всего заботится об интересах своего класса и не откажет русскому правительству в дружественной услуге, если оно потребует ее. Но английский народ в общем не имеет симпатии к русскому правительству, и недалеко уже время, когда английские социалисты в состоянии будут оказывать активную помощь своим русским братьям.

Товарищи, я заканчиваю свою речь, чтобы не отнимать у вас драгоценного времени. Я многое мог бы еще сказать вам. Скажу только это: ваша жизнь, вся ваша деятельность делает честь не только русскому народу, но и всему человечеству. И поэтому всюду, куда ведет вас ваш тернистый путь, вас сопровождают бла-

гоговейное уважение и глубокая симпатия лучшей части человечества.

(Продолжительные аплодисменты.)

(Свою речь тов. Нундман произнес по-английски, но она сейчас же была переведена на русский язык секретарем тов. Зотовым. Так же было и с речью тов. Грина.)

По выслушании перевода члены собрания поднимаются с места и выражают тов. Нундман'у свои чувства продолжительными аплодисментами.

Тов. Грин. Товарищи! После прекрасной и возвышенной речи моего вождя и друга Гайндмана те немногие слова, какие я хочу сказать вам, покажутся вам неинтересными. Но позвольте мне сказать их, чтобы выразить вам всю мою преданность делу освобождения русского народа. Мне, маленькому человеку, выпала честь и счастье в течение многих лет быть в общении с такими людьми, как Волховский, Шишко⁶⁷, Лазарев⁶⁸, и оказывать посильную и увы! незначительную помощь тому делу, которому они так беззаветно служили. Я назвал присутствующих. Но здесь нет Степняка⁶⁹, которого слепой случай вырвал навсегда из рядов во цвете сил и надежд, здесь нет Чайковского, который на старости лет томится в ужасной Петропавловской крепости. Верьте, товарищи, что в сердцах многих англичан хранится теплое воспоминание об этих незаурядных людях. По этому поводу я хочу обратиться к вам с просьбой. Я вполне понимаю и разделяю то негодование, которое вызвано было в вас поездкой короля Эдуарда к царю. Но я прошу вас не смешивать официальной Англии с английским народом. Не только английские социалисты, но и большая часть всего английского народа, без различия партий, относится с отвращением к русскому правительству. И если поездка Эдуарда вызвала в массах меньше протестов, чем следовало ожидать, то виною этому не равнодушие англичан к русскому освободительному движению, а слепая традиция, в силу которой действия короля не подлежат порицанию. Я не погрешу против истины, когда скажу вам, что лучшая и бескорыстнейшая часть английского народа отдает все свои симпатии вам. Я не сомневаюсь, что, если бы она могла, она присоединилась бы теперь ко мне в пожелании успеха вашему собранию и торжества вашему великому и благородному делу.

(Громкие аплодисменты.)

Тов. Волховский благодарит наших английских товарищей за выраженные ими мысли и чувства.

Предс. Береславцев объявляет перерыв заседания на 10 минут, и гости конференции провожаются аплодисментами до выхода.

Заседание открыто в 5 час. вечера.

Подвергается обсуждению порядок дня.

После обмена мнений порядок дня, предложенный Организационным бюро, принимается с тою поправкой, что доклад о кооперации и обсуждение его выделены в отдельный пункт (п. 6-й).

Принятый порядок дня таков:

- I. Отчеты с мест и Центрального Комитета.
- II. К современному моменту и тактике партии.
- III. Организационный вопрос.
- IV. Вопросы аграрной политики.
- V. Вопросы рабочей политики.
- VI. Кооперация.
- VII. Экономический террор.
- VIII. Национальный вопрос.
- IX. Прочие вопросы.

Заседание закрыто в 7 час. вечера.

3-е заседание 5 августа утром

Заседание открывается под председательством тов. **Штейна** в 9 час. утра. Согласно принятому порядку дня приступают к выслушиванию докладов с мест. Председатель дает слово для доклада тов. **Бородкину**⁷⁰, представителю Северной области.

Тов. **Бородин**. Подробный отчет о положении дел на местах дадут вам другие товарищи: один — от Областного бюро (тов. **Алексеев**)⁷¹, другой — от Вологодской губ. (тов. **Февралев**)⁷². Мне же придется лишь вкратце набросать общий очерк работы.

Товарищи! Пережитый год тяжело сказался на положении работы в нашей Северной области: всюду было много провалов и разгромов местных организаций. Сильно пострадали организации в Прибалтийском крае — в Риге, Ревеле, Юрьеве и др. местах. Работа там только теперь начинает понемногу восстанавливаться. Коренным недостатком нашей работы в Прибалтийском крае является отсутствие литературы на латышском и эстонском языках — без этого почти немыслима работа.

Псковская губ. пережила целый ряд провалов организаций как в Пскове, так и в уездах. Особенно много было арестов прошлой осенью в связи с провокацией Еремина⁷³; тогда же по расшифрованным адресам было много арестов по всей губернии. Провалились потом организации в Острове, Порхове, Великих Луках. Более чем вероятно, что и тут играла роль провокация. В настоящее время в Пскове нет комитета, но работа начинает восстанавливаться. Большого внимания заслуживает отношение псковских крестьян к закону 9-го ноября. По сведениям, добытым псковскими товарищами, там происходит массовая подача заявлений о выходе из общины. — Должен добавить еще о Пскове, что там совсем недавно были новые обыски и аресты (до 40 человек) после того, как **Фалевич**⁷⁴ стрелял в провокатора Еремина (это было, кажется, 1 мая).

В Новгородской губ. работа почти совсем затихла. Большая часть работников — учащаяся молодежь; зимой их нет, а потому работа почти прекращается. Все же в Новгороде товарищи использовали, насколько могли, деятельность в народном клубе, а также

поддерживали связи с некоторыми профессиональными союзами. В Новгородском уезде, как и в ближайших пяти смежных уездах, широкой работы в крестьянстве нет — за отсутствием достаточно числа работников. Литература рассылается, связи поддерживаются, и это все. От прежней широкой работы среди солдат по Новгородской губ. и следа не осталось. Военные организации распались, так как были арестованы почти все работники. Новгородским Комитетом издается газета «Новгородский вечевой колокол». Вышло уже 6 номеров. Издание очень нравится, особенно крестьянам, но, к сожалению, оно выходит нерегулярно. Относительно выхода из общины по Новгородской губ. точных сведений у товарищей — местных работников не имеется, но, по их мнению, сейчас нет этого, как широкого явления. Если и выходит, так отдельные лица, и то в небольшом количестве. Пять северных уездов совершенно не связаны с Губернским комитетом за дальностью расстояния. Все они лежат по пути Северной жел. дороги (Петербург — Вологда) или около нее. Давно уже было решено на областном съезде образовать там районный комитет на правах губернского, но пока что этого нельзя осуществить за неимением на месте (в каком-либо уезде) организации, достаточно сильной и годной для комитетской работы. Сравнительно лучше дело стоит в Череповце. Там издается ежемесячный орган «Борьба» — гектографированная етрадь до 40—50 страниц. Вышло в этом году 4 номера. Ведется работа среди учащихся, крестьян, поддерживаются через судоходчиков со Шексне связи с Волжской судоходной организацией⁷⁵. В Белозерском уезде много групп среди крестьян, но там нет совсем уездного центра. Вообще, Белозерский уезд — лучший по настроению и активности крестьян. В других уездах Новгородской губ. работа ведется спорадически: имеются связи, использовать которые не удастся за недостатком сил.

По Петербургской губ. работа ведется в 5 уездах сравнительно лучше, чем во всех предыдущих губерниях, но и здесь работа не велика. Здесь же обращено внимание на кооперативы в деревне. Нужно отметить, что в Петербургской губ. выход из общины имеет место и, по словам товарищей, иногда в значительных размерах. По Ямбургскому уезду были случаи выхода из общины целыми деревнями. Надо еще упомянуть, что в Нарве у нас была хорошая рабочая организация, но погибла из-за провокации. Там же велась работа и среди эстонцев. Вообще, в Петербургской губ. нужна литература и на эстонском языке, так как эстонцев здесь довольно много.

В Олонецкой губ. работа небольшая, — частью в городе, частью по деревням среди крестьян и рабочих. Точных сведений о самом последнем времени сейчас не имеется.

В Архангельске работает небольшая группа среди рабочих, среди приказчиков и учащихся. Изредка издается небольшая газетка «Северянка». В Архангельском уезде и на Печоре есть связи среди крестьян и учителей. Вообще, работа не достигает больших размеров. В прошлом году были провалы.

Наилучше поставленной и более прочной мы считаем работу в **Вологодской губ.** где, между прочим, наши товарищи лучше, чем в других местах, использовали работу в кооперативах — производительных и потребительных — по деревням.

В заключение два — три слова вообще об области.

В конце июня был областной съезд, присутствовали товарищи из Риги, Новгорода, Псковской губ. (2), Петербургской (3) и 4 человека из областного бюро. Товарищи из Юрьева и Вологодской губ. опоздали и прибыли под самый конец съезда. На съезде не удалось избрать областной комитет, так как местные организации не могли дать работников для областного дела. Пришлось пока остаться при прежнем областном бюро из 2—3 человек, которое образовалось в январе месяце, за выбытием прежнего областного комитета.

Тов. **Нечайч**⁷⁶ в дополнении к докладу тов. Бородкина приводит некоторые хронологические данные о положении партийной работы в Псковской губ. Работа началась там в 1905 г., а в 1907—1908 гг. по различным с.-р.-ским делам было арестовано несколько сот человек. Тем не менее работа там продолжается.

По предложению **председателя** собрание **разрешает** членам собрания задавать докладчикам вопросы со своих мест.

Тов. **Алексеев**, в качестве второго делегата от Северной области, докладывает о деятельности областного комитета Северной области и о состоянии партийной работы в Прибалтийском крае. — Он указывает на то, что страшный разгром партийных организаций, который произошел в конце 1907 г. и в начале 1908, в значительной степени ослабил партийную действительность в Северной области, но не уничтожил ее. Теперь в ней начинает замечаться несомненное оживление работы и углубление партийного влияния в массах. В Риге, несмотря на жесточайшие репрессии правительства, работа стала с начала текущего года налаживаться, и теперь там имеется около 15 кружков, более или менее организованных, среди рабочих и учащихся. Ведется там также работа и среди войска. (Докладчик сообщает ряд сведений, которые не подлежат опубликованию.) В других главных пунктах Прибалтийского края разбитые партийные организации еще не возобновлены, хотя работа в них ведется отдельными лицами и партийные связи сохранены. В Ревеле имеется комитет, которому, однако, до сих пор еще не удалось восстановить планомерную работу. Докладчик указывает далее на то, что для развития партийной деятельности в Прибалтийском крае необходимо создать с.-р.-скую литературу на местных наречиях. Народные массы охотно идут навстречу нашим идеям, но благодаря недостатку организационных сил и отсутствию литературы сфера действия партии до сих пор довольно ограничена. Что касается партийной работы в губерниях Псковской, Новгородской, Олонецкой и Архангельской, то докладчик дополняет общий доклад тов. Бородкина целым рядом указаний на имеющиеся в различных пунктах этих местностей организации, как крестьянские, так и интеллигентские. 20 января этого года состоялась конференция работников этой области. Подробные доклады с

мест также как и все сведения, поступившие в областную организацию до самого последнего времени, дают такую картину партийной деятельности в этой области. Крепких, правильно функционирующих организаций, за исключением 3—4 пунктов, нет. Конечно, во всех 22 местностях, связанных с областной организацией, работа идет, но хорошо ли она идет — это другой вопрос. Жесткая нужда в партийных работниках, а не равнодушие масс, — вот причина (помимо правительственных репрессий) замедления или полной приостановки партийной работы. Все работники с мест в один голос утверждают, что массы с распростертыми объятиями принимают всякого появляющегося партийного работника. Но сил мало, и вследствие этого в рабочей массе замечается даже уход некоторой части ее из организации. Словом, есть возможность широкой партийной работы, но не хватает сил для использования ее.

Тов. **Февралев**, представитель Вологодской организации, рассказывает о положении дел в Вологодской губ. Он дает общий очерк условий, в которых протекает партийная деятельность в Вологодской губ. и характеризует крестьянскую массу тех мест как пассивно-восприимчивую к пропаганде наших идей. Благодаря редкости населения в губернии и сравнительно большей обеспеченности крестьянского существования, борьба за землю не носит здесь того острого характера, какой замечается в других местах России. Докладчик дает сведения о развитии кооперативного движения в Вологодской губ. и указывает на то, что отношение крестьянства к нашим партийным работникам значительно улучшилось с тех пор, как последние начали интересоваться кооперациями.

По выслушании докладчиков Северной области, им были заданы вопросы, на которые они ответили следующее:

Тов. **Бородкин**: 1) Относительно влияния петербургских рабочих на крестьянские массы должно сказать, что уроженцы Петербургской губ. берут литературу при поездках домой; они не раз давали связи для деревенской работы; наконец, бывали случаи, когда некоторые рабочие переходили к крестьянской работе. 2) Крайне затруднительно и даже невозможно дать точный ответ о формах выхода из общины. От губернских организаций не поступает в область тех данных и сведений о выходе из общины, какие имеются в губернских присутствиях и уездных съездах. Доставать эти сведения крайне затруднительно. Но данные о Псковском уезде были получены псковскими товарищами из съезда. Вообще, о выходе из общины можно сказать, что почти всегда он бывает против согласия общества и чаще всего он бывает индивидуальный, т.е. выходят отдельные хозяева, а не целые селения. Впрочем, бывают случаи, когда выходят из общины и целыми деревнями. Такой случай был, например, в Ямбургском уезде Петербургской губ. 3) Насколько различно в разных местах сказалась реакционная политика на настроении крестьян, — об этом свидетельствует, например, тот факт, что представители Петербургской губ. на своем губернском съезде и областном говорили, что роста озлобления и недовольства в крестьянстве, как заметного явления, у них не наблюдает-

ся. 4) Что касается того, как именно использована кооперация и кооперативное движение вообще в Вологодской губ. нашими товарищами, то, по-видимому, между нами (докладчиками) и собранием происходит недоразумение. Говоря о Вологодской губ., я употребил слово «использовали» в том смысле, что сравнительно с остальными губерниями нашей области, за исключением разве Ямбургского уезда, Вологодская организация больше всех прочих обратила внимание на кооперативное движение в деревне и приняла участие в устройстве маслоделен и потребительных лавок. 5) Черносотенное движение в нашей области по деревням не существует, как широкое массовое движение. Есть отдельные лица, группы (кулаки, попы и т.д.). Крестьяне относятся к черносотенству отрицательно. Черносотенцы не сильны и не организованы. Если местами они и вредят работе, так своими доносами. На это жаловались, например, из Петербургского уезда. 6) Отношение к 3-й Думе вообще отрицательное, как к «господской». 7) Относительно состава комитетов нужно указать, что Новгородский комитет — выборный, но, конечно, с правом кооптации. Вообще, в Северной области комитеты все — на выборном начале. Если в некоторых городах сейчас нет комитетов, то это зависит от того, что там организации разбиты, остались небольшие группы, которые и налаживают дело. В таких группах, конечно, нет выборных комитетов, да так в них нет и нужды. Но как только дело наладится и организация окрепнет, конечно, комитеты будут избраны.

Тов. **Нечанч** сообщает, что в Пскове выборного комитета нет. Черносотенные организации слабы. Выход из общины значительных размеров не достигает. После всего пережитого за последнее время самосознание народа начинает определяться как в социальном, так и в политическом отношении. Среди сознательных крестьян есть мнение, что организация крестьянства может быть оживлена при помощи кооперации. Экономический террор вообще в широких размерах не практиковался и был стихийным. Рекрутский набор пытались использовать, но практических результатов не было.

Тов. **Алексеев** говорит, что в общем в Прибалтийском крае выборное начало не удержалось. Из 22 пунктов прежние выборные комитеты сохранились в 2—3 пунктах. Размеры военной работы значительно сократились. Военную работу ведут местные организации, но специальных военных организаций нет.

Тов. **Февралев**: 1) Крестьянские братства в значительной части губернии распались. 2) Процент полезных работников среди ссыльных определить трудно, по приблизительному расчету можно считать до 5 или 10 %. 3) Упадка в настроении крестьян не заметно. Местами даже наблюдается подъем. К царю отношение вполне индифферентное. Покупка земли через Крестьянский банк происходит, но слабо. 4) Использование кооперативного движения выражается в распространении идеи солидарности и демократизма. 5) Органы самоуправления находятся в руках правых. 6) Набор использован сравнительно мало, но те новобранцы, с ко-

торыми удавалось завязать сношения, к нашей пропаганде относились сочувственно.

Тов. Антонова⁷⁷, представительница Петербургского комитета, делает доклад о состоянии городской организации в Петербурге. — Петербургская организация сильно подорвана благодаря ряду массовых арестов. Одно время совсем не было комитета. Теперь комитет имеется, составленный в значительной степени путем кооптации. К организации примыкают два профессиональных союза. Численный состав организованных рабочих определить трудно, но по приблизительному подсчету число их может быть выражено в следующих цифрах: Невский район — около 1000 чел., Василеостровский — 200, Нарвский — от 30 до 40 и Выборский — около 20. Пропагандистов мало, поэтому не было работы в Московском районе. В областном железнодорожном комитете большинство членов — наши. В профессиональных союзах работа шла слабо. Была выбрана особая профессиональная комиссия, которая руководила работой в союзах. Влияние наше в союзах не пропало, но работников не хватает. Спрос на нашу литературу большой, за литературу платят. В сфере военной работы дела обстоят плохо.

Тов. Симеоновский⁷⁸, представитель от Петербургской рабочей организации. Благодаря промышленному кризису, положение дел Петербургской организации изменилось к худшему. Среди рабочих заметна некоторая усталость и разочарованность. Но более всего работа страдает от дезорганизации. Авторитет нашей партии не подорван, хотя недовольство руководящими инстанциями существует. Социал-демократы потеряли авторитет в наших кругах. Среди рабочих замечается усиленное тяготение к самообразованию. Многие из них стремятся посещать рабочие университеты. В одном из районов около 30 рабочих выдержали экзамен на учителя. Вообще, чувствуется большое тяготение к саморазвитию. К профессиональному движению — двойное отношение: одни признают за ним важное самостоятельное значение, а другие отдают предпочтение чисто партийной работе. Социал-демократическое влияние в профессиональных союзах значительно. Но зато это ослабило их политическую организацию. О кооперативном движении, в сущности говоря, рабочие знают мало. Значение большого кооператива, «Трудового союза», было только отрицательное. Образования каких-либо высших форм кооперации не наблюдалось. К производительным кооперациям вообще отношение положительное, но их нет, а те, которые были, быстро исчезли, не выдержав конкуренции капиталистов. Наряду с общими вопросами самообразования рабочие стремятся к философскому обоснованию нашей программы и очень интересуются сочинениями Михайловского и Лаврова. Как отрицательное явление нельзя не отметить оторванность рабочих от Петербургского комитета. У рабочих — большое стремление к организационной самостоятельности и, кроме того, ощущается большая потребность в литературе для отправки ее в деревню.

Заседание закрывается.

4-е заседание
5-го августа, после обеда

Заседание возобновляется в 2 с половиной часа пополудни.

Тов. **председатель** дает слово товарищам, желающим задать вопросы делегатам Петербургской организации. Вопросы были заданы гг. Бородкиным, Егоровым⁷⁹, Стекловым⁸⁰, Нечаичем, Февралевым, Южанином⁸¹, Алексеевым и Фурманом.

На заданные им вопросы петербургские делегаты ответили следующее:

Тов. **Антонова**: 1) О количестве пропагандистов приходится сказать, что на район имеется **максимум** один пропагандист. 2) В студенческой среде прежней обширной организации нет. Есть маленькие группы, но крепко сплоченные. Кружковая работа в интеллигентной среде существует, но в меньших размерах, чем было прежде. 3) Городской район не упомянут в докладе случайно. В нем до 200 организованных рабочих. Колпинский район, можно сказать, почти не существует. Организации в нем нет, и бывают только отдельные собрания. 4) Почему уничтожен «Рабочий совет», — не знаю. При мне его уже не было. 5) Беспартийные заводские рабочие комитеты в некоторых местах существуют, но значения ввиду репрессий иметь не могут. Слишком систематически они вымываются. 6) Во всех районах существуют выборные районные комитеты, кроме Выборгского района, где комитет в настоящее время распущен городским комитетом.

Тов. **Симеоновский**. 1) Тип Петербургской рабочей организации выработан Невским районом. С.-р.-ы выбирают на заводе заводской комитет. Заводские комитеты объединяются подрайонным комитетом, имеющим библиотеку, кассу и занимающимся распространением литературы. Подрайонные комитеты объединены районным, который руководит всей работой в районе. Районный комитет, между прочим, содержит на свои средства районных агитаторов в том случае, если от этого отказывается городской комитет. На нем лежит помощь высланным и арестованным. Районные собрания в зависимости от условий состоят или из представителей от всех предприятий, или из собравшихся подрайонных комитетов. Наиболее полный и правильный состав имеет районная конференция, из всех партийных работников района. Последняя состояла из 120 человек. По этому же типу пытались устроить профессиональную с.-р.-скую организацию в Невском районе. Дело было пошло, но возник вопрос, от кого должны зависеть районные профессиональные организации; от городского комитета или от районов. Петербургский комитет постановил, что организация должна находиться в его ведении. Тогда рабочие распустили организацию. 2) Действительно, в Выборгском районе организованных рабочих больше, чем указано в отчете Петербургского комитета. В Колпинском районе организация была, но распалась потому, что организаторы были слабые. О Городском районе, где преобладают ремес-

ленники, докладчик не знает, сколько там организованных рабочих, но знает, что там шла работа по поводу «смешанной комиссии». Представителями в ней были и с.-р.-ы, разъяснявшие рабочим, что комиссия ничего им не даст. На Путиловском заводе меньше всего организованных рабочих. Администрация там крайне черносотенная. С.-р.-в она искореняет. Кто «подозрителен», тот на завод не допускается. Рабочая масса терроризована черносотенной администрацией. 3) Есть заводы, где заработная плата не только не понизилась, но даже повысилась. Там даже работа усиливается — нанимают новых рабочих. Напротив, на металлургических заводах, где свирепствует сильная безработица, плата составляет теперь 30—35 проц. прежней. 4) В случае, когда экспроприаторами была вырезана целая семья, и об ответственности за это худое дело ничего не могу сказать. Лица, сделавшие его, раньше были хорошими рабочими людьми. Я, как рабочий, не хочу бросать в них камнем. 5) Бойкотистское отношение к профессиональным союзам преобладает в крупной промышленности и среди лучше организованных рабочих. Но рядом с ним существует и положительное. Преобладает бойкотистское настроение среди металлургических рабочих. 6) Бойкот к «трудовому» движению, объясняется тем, что рабочие видят полное отсутствие пользы от него. Из тех, которые вступили в союз и были в нем, многие вышли и теперь относятся отрицательно, с озлоблением, видя в нем не пользу, а развращение. 7) Слабое посещение народного университета объясняется его местоположением в центре города, тогда как в технической школе на тракту бывает ежедневно до 800 рабочих. Там готовят и народные учителя. 8) Несовпадение бойкота «трудового союза» и присутствия в нем деятеля — с.-р.-а объясняется, вероятно, тем, что с.-р. оказался деятельным, и потому — влиятельным человеком, и выбирать его могли и не с.-р.-ы. 9) О том, как утилизировать распропагандированных рабочих, много думали районные комитеты. Предполагалось дать исход накопившейся энергии, направляя распропагандированных рабочих в профессиональные союзы. Но туда они не идут. Рабочие указывают нам, что их зовут в профессиональные союзы, а им нужна не мирная деятельность, а борьба. Как за исход накопившейся энергии, половина рабочих Петербурга высказалась за экономический террор. 10) Трения между районными организациями и Петербургским комитетом вызываются тем, что районные организации оторваны друг от друга и цельной организации собой не представляют. То, что делается в одном районе, другим Петербургский комитет не сообщает. Напр., один из районов был распущен — почему, мы об этом в других районах не знали. Нам сообщают только резолюции. Мы спрашиваем Петербургский комитет: «Скажите нам, почему». — «Это вас не касается», — отвечают нам. Трения бывают и на личной почве. Является в район представитель Петербургского комитета и заявляет: «Вы должны подчиниться тому-то и тому-то, так как я — член Петербургского комитета». 11) Уходящие в народ-

ные учителя рабочие остаются с.-р.-ми и идут туда с тем, чтобы работать в крестьянской среде. Уход из городского рабочего класса бывает неизбежен ввиду безработицы и массовых расчетов.

Тов. Сергеев⁸². Против чрезмерного пессимизма, которым окрашен доклад Петербургского комитета, необходимы оговорки. Нельзя забывать, что петербургские рабочие на выборах во 2-ю Думу дали большинство с.-р.-в и только случайно не прошел депутат с.-р. Подсчет дан товарищем Антоновой для числа организованных рабочих лишь по количеству бывавших на собраниях, — по количеству совершенно случайному. Малая посещаемость собраний легко объясняется хотя бы тем, как охарактеризованы были пропагандисты товарищем-докладчиком от рабочей организации. Куда же девались с.-р.-ы? — Ответ тот, что цифры даны случайно. Рознь между партийной организацией и рабочими — старая песня. Разговоры о ней везде ведутся на местах. А в чем состоит рознь и откуда она идет — никто никогда сказать не может. Нельзя не удивляться, почему причины роспуска Выборгского районного комитета неизвестны докладчику от рабочей организации. О роспуске и его причинах был выпущен Петербургским комитетом листок, очень подробный.

На вопрос тов. Лаврецкого, что сделано Петербургским комитетом для того, чтобы добыть пропагандистов, тов. Антонова отвечает, что и сделать-то ничего нельзя. Учащаяся молодежь не хочет работать. Только на профессионалов можно рассчитывать.

Тов. председатель дает слово для доклада представителям Закавказской области.

Тов. Южанин, представитель Закавказского областного комитета. — Картина работы по Закавказской области будет неполная, так как весь материал захватить с собой было нельзя. — Партийные организации существуют в Баку, Тифлисе, отчасти — в Батуме и Кутаисской губ. Остальные организации распались. Например, Сухумская распущена уполномоченным Центрального Комитета в полном согласии с областным комитетом; оказалось, что организация состояла из элементов, по недоразумению считавших себя с.-р.-ами. Количество организованных рабочих и крестьян областному комитету точно неизвестно. Много раз он запрашивал об этом комитеты и организации, но ниоткуда никаких данных не получил. Вообще, Закавказская организация в целом и существует, и не существует. Организационной работы, систематического строительства нет. Имеющиеся в массе силы остаются неиспользованными. Непрочность и случайность местных организаций объясняется отчасти темпераментом местного населения, значительно отличающегося от населения России. Кавказцы менее общественны, более индивидуальны. Необходимы хорошие работники, хорошие пропагандисты, которые создали бы прочную почву, — а их нет. Прошлогодний областной съезд постановил организовать особые школы пропагандистов, но на деле существует лишь школа в городе Баку, но из нее вместо пропагандистов часто выходят боевики.

Между тем, почва имеется богатая. Все, что мы предлагаем в рабочей среде, находит сочувствие, но использовать настроение масс нельзя, — за отсутствием надлежащих сил. Выходят органы: «Молот» (Бакинский), «Областные известия», — но за неимением литературных сил органы скоро прекращаются. Партийная литература — одинаково и легальная и нелегальная, — хорошо распространяется, но не оплачивается. — За исключением Гурии, нигде в области нет крестьянской организации. Причина та, что Закавказская с.-р.-ская организация еще молодая — ей всего 3—4 года; прочных корней пустить она не успела. — Престижем ни царь, ни правительство никогда не пользовались. Вообще, для кавказцев никакого авторитета не существует. *(На замечание, сделанное одним из членов собрания, тов. Южанин отвечает: «Да, и у партии нет авторитета. Например, рабочие крупных заводов организуются в самодовлеющее целое, никого, даже и партии, не спрашивая, ведут свои дела, начинают и кончают забастовки и к партии обращаются за советом с помощью только тогда, когда они в этом нуждаются».)* В профессиональных союзах господствуют основавшие их с.-д. Мы начинаем отвоевывать в них место только теперь. Есть и наши профессиональные союзы: штукатуры, столяры, печатники. — Черносотенцы не представляют собою какой-либо организации и ничем не опасны. Это — только доносчики. — Больное место в жизни Закавказья — это шантаж, вымогательство денег, с которым приходится вступать в открытую борьбу с целью отмежевать себя от крайне нежелательных элементов.

Тов. Федотов⁸³, представитель города Баку, делает прежде всего несколько замечаний об области вообще. — На съезде в прошлом году был выбран областной комитет из лиц, связанных службой, лишенных возможности лично посещать область. Область оставалась без руководства, без надзора и без помощи. Работа в области не могла идти успешно. Перед конференцией был второй областной съезд, на котором частью выбраны прежние члены, занятые службой. Остается прежнее положение. В Баку до выборов во 2-ю Думу организация была многочисленна и ничем не могла себя проявить. По получении директив об участии в выборах, организация подтянулась, напрягла свои силы и потому самому расширилась. До тех пор мы имели влияние лишь в двух предприятиях. На выборах же наши уполномоченные были приведены от 20 фирм. Работа ширилась, но за отсутствием сил не углублялась. Рабочие всех направлений требовали выступления наших партийных представителей на митингах, на массовках. Дискуссии происходили успешно. Влияние наше росло. Пример — общая забастовка, затеянная с.-д.: когда мы заявили, что мы — против забастовки, и с.-д. хотели даже прибегнуть к силе, они получили отпор. С того времени без нашего спроса ничего от имени рабочих не предпринимается. За 1906—1907 гг. легальной литературы распространено на 2.000 руб. За то же время выпущено было от 300 тысяч до 400 тысяч листов нелегальной литературы. Финан-

совые дела были за 1906 год не блестящи: получалось 300—400 руб. в месяц, главным образом — от сочувствующих. Через несколько месяцев бюджет Бакинской организации дошел до 1.000 руб., потом — до 1.500 и, наконец, до 3.000 рублей. Буржуазия еще не была напугана, и финансовая комиссия была хорошая. Теперь опять дела стали плохи, — бюджет свелся к 400—500 рублям. Была единовременная большая получка, пошедшая на содержание профессионалов, число которых от 15 до 20 человек. У Бакинской организации две типографии, одна из них — хорошо оборудованная, — для журнала «Молот». Но сил для издания органа не было. Организация Бакинская построена вполне демократически; она целиком вся выборная. Руководящий коллектив не пользуется законодательными правами; он — лишь исполнительный орган. Законодательная инстанция — «Совет Бакинской организации», в котором участвуют представители от районов, а также — пропагандисты и организаторы, но только в том случае, когда сами районы найдут нужным их участие. — Трений постоянных в Бакинской организации не существует. Они обыкновенно возникают из-за диктатуры, а ее быть не может: комитет исполняет волю организации. Трения, впрочем, бывают между руководящим коллективом и Балаханской организацией. В таких случаях, когда причина разногласия не существенна, устраиваются перевыборы и в комитет сажают оппозиционеров. Это действует лучше всего. Районы автономны в своих районных делах. Они сами содержат присланных им агитаторов и пропагандистов и заявляют Бакинскому комитету, если человек не подходит. Профессиональные союзы основаны с.-д.-ми с целью эксплуатации получаемых союзами средств. Это оттолкнуло от них массы. А союзы были громадные: союз металлургических рабочих — больше 4.000 чел., нефтепромышленных — больше 7.000; кроме того, были союзы более мелкие — от 150 до 300 членов каждый. Прилив в союзы прекратился, и начался выход из них рабочих. В нефтепромышленном союзе мы тоже приняли участие и потребовали от с.-д.-ов осторожности в обращении с деньгами. Нас было немного меньше половины. С.-д.-ы решили устранить нас и решительно отвергли пропорциональное представительство. Но сами с.-д.-ты раскололись: часть их стала протестовать против бесцеремонного обращения с деньгами. Из одного профессионального союза с.-р.-ы вышли. Дела союзов идут на убыль, несмотря на сенатское решение. -- Стачки бывают стихийные, главным образом из-за формы заработной платы. В последнее время стачки стали более организованы. Но рабочие не обращаются к партии потому, что у них имеются профессиональные союзы. Партия является в таких случаях лишь последней инстанцией. Были случаи, когда с.-д.-ские рабочие обращались за содействием к с.-р.-ам (*докладчик называет завод*). Способ воздействия на капиталистов главным образом — итальянская забастовка, но положительных результатов это не дало. Вопрос об экономическом терроре иногда поднимается, главным образом, малосознательными

рабочими. Но и среди рабочих-профессионалов отдельные единицы яро отстаивают его. С шантажем в Бакинской организации не боролись и не думают бороться. Шантажисты — отбросы, с которыми совсем не соприкасаемся. Да и не наше дело — защищать тех, кто от этого терпит. Пусть сами обороняются. Мы можем только бороться с этим путем пропаганды.

Тов. **председатель** объявляет перерыв на 10 минут. После перерыва слово дается третьему докладчику от Закавказья.

Тов. **Картвели**⁸⁴, докладчик от Закавказья, дает очерк положения Грузии после нашествия ген. Алиханова⁸⁵ и указывает, что нашей организации пришлось в эту эпоху вести борьбу на два фронта, не считая самодержавия. Пришлось отстаивать шаг за шагом свои позиции против с.-д.-ов, которые укоренились в Грузии, с другой стороны — наша организация должна была бороться против грузин-федералистов⁸⁶. Мало-помалу наши идеи завоевали себе несомненное сочувствие крестьянских масс. Наши пропагандисты охотно принимаются, организуются кружки, распространяется наша литература. Что касается грузинских федералистов-социалистов, то это — партия националистическая, единственная цель которой — добиться автономии Грузии. Крестьянская масса долго смешивала ее с партией с.-р.-ов, и нам поэтому пришлось направить упорные усилия на то, чтобы отмежеваться от этих националистов, которые социалистами были только по имени. И в этом отношении мы добились успеха. *(Докладчик дает далее характеристику партийной работы в отдельных местностях.)* Работа эта идет, но идет слабо, вследствие отсутствия сил. В некоторых местностях имеются только отдельные личности, которые поддерживают связи только с военными. — В заключение докладчик делает упрек Центральному Комитету за его индифферентное отношение к Грузии. В течение двух последних лет туда не попал ни один лист партийной литературы.

Тов. **Бюзанд**, представитель Армянской организации с.-р.-ов, пополняет предыдущие доклады, поскольку они не коснулись этой именно области. — Среди армян работа ведется только в рабочем классе. Крестьяне слышали слово «социализм» только от гинчакистов⁸⁷, а те своим полным крушением, которое сопровождалось взаимной борьбой вплоть до убийств, окончательно дескредитировали социализм среди армянского крестьянства. Крестьяне всех социалистов принимают за гинчакистов, — за людей, которых, как только они появляются в деревне, следует гнать. Работу среди крестьян останавливает большая разнородность сельского населения и в связи с тем — меньшая его культурность. Работу тем не менее необходимо вести, начиная с рабочих. В рабочей среде преобладает интерес к борьбе за экономические интересы. Политикой мало занимаются. Когда партия была сильна, профессиональное движение было слабо, союзов не было. Теперь партийные организации ослабели, и в союзах почти все рабочие. Из рабочих-армян до сих пор в союзах были только с.д.-ты. Теперь под нашим влия-

янием армянские рабочие стали вступать в союзы. В Биби-Эйбатском районе наших рабочих в союзах 40, в Балаханах — около 100. Этого мало, но можно надеяться, что со временем союзы будут в наших руках, если в них вступят массою армяне. Одна из причин нежелания вступать в союзы среди армянских рабочих — тесная связь их с деревней. При безработице, заминке в промышленности, понижении заработной платы армяне-рабочие уходят в деревню. У них поэтому нет побудительных мотивов к поступлению в союзы. И к союзам они относятся с точки зрения непосредственной, немедленной пользы. Такое же отношение у них и к партии. Но в этом отношении среди армян есть давняя традиция — принадлежать к той или другой «партии». Стремление это — малосознательное. Люди ходят на массовки, слушают «своих» ораторов и не дают говорить другим. Стремление к образованию существует главным образом ради карьеры с целью выйти из рабочей среды. Армянские организации существуют в Баку, Тифлисе, в Батуме; прежде, когда промышленность процветала, организация была сильна. Теперь заводы все закрыты, и численность организации сильно уменьшилась. Но сфера влияния и там велика. — Армянская конференция состояла из 31 человека: 18 выборных, 5 приглашенных с решающим и 5 — с совещательным голосом. Существует — или существовала — армянская с.-д.-ая организация, возникшая в 1903 году, когда Дашнак⁸⁸ отказался вести работу на Кавказе. Часть интеллигенции вышла и присоединилась к с.-д.-ам, образовав армянскую с.-д.-ую организацию. Она усиливалась до последнего момента, когда образовалась армянская с.-р.-ая организация. С тех пор армянская с.-д.-ая организация все ослабевала и недавно объявила, что если числившиеся в ней члены не сделают взносов и не станут ходить на собрания, то к 15 июля организация будет считаться несуществующей. Вероятно, так и произошло.

Тов. председатель дает слово товарищам, желающим задать вопросы или сделать дополнения к докладам о Кавказской области.

Тов. Вронский желает дополнить и несколько оттенить впечатление, которое собрание могло вынести из доклада о Баку. — Когда я был не так давно в Баку, мне казалось, что я перенесся за 2 года тому назад — до того все виденное мною, вся обстановка работы не похожа на существующее в других местах России, — как будто то время массового оживления и простора, которое остальной Россией уже пережито, все еще продолжается в Баку. Каждому желающему наблюдать и учиться, каждому, кто хочет принять участие в широком рабочем движении, надо ехать туда. Вы попадаете там в свободные условия, увидите интенсивную жизнь рабочей среды, с которою в этом отношении можно сопоставить только Петербург, но притом в Петербурге эта внутриинтенсивная жизнь наружно скована, а там она разворачивается свободно. И наряду с этим — полная беспомощность организации. Существует ряд дел, созданных этою организацией, ряд вопросов, — вопросов живых и неотложных — возникает непрерывно, — и ор-

ганизация ни с чем справиться не в силах. Так напр., живое дело — регистрация при разгрузке и нагрузке судов, и человек, всего один человек, которому поручено это дело нашей организацией, в полном изнеможении возбуждает вопрос, не передать ли это дело с.-д.-ам, так как у нас — не к кому обратиться за помощью.

Т. Вронский, также как и тов. **Нечанч**, **Леман**⁸⁹ и **Чижевский** ставят докладчикам ряд вопросов, по поводу которых возникает следующая дискуссия.

Т. Грачев предлагает, ввиду важности того, что существует и делается в Баку, расширить установленные конференцией рамки и открыть всестороннее обсуждение всех вопросов, возникающих относительно бакинских условий и в связи с ними.

Тов. Соломин поддерживает это предложение.

Тов. Оленин высказывается против него, потому что 1) те общие вопросы рабочей политики, которые возбуждаются в связи с бакинской действительностью, целиком относятся к пункту 1-му порядка дня конференции, и там, на своем месте, можно будет с разных точек зрения использовать относящиеся сюда материалы, и 2) как ни интресно по своей исключительности положение дел в Баку, но для нас больше всего значения имеют условия, общие для всей России, а не характерные специально для одной исключительной местности.

Тов. председатель ставит предложение тов. Грачева на голосование.

Собранием предложение отвергнуто.

Тов. председатель передает слово представителям Закавказья для ответов на поставленные им вопросы.

Тов. Федотов. 1) О кооперации: нами основан кооператив на основах, принятых Рочдэльскими пионерами, — число паев для каждого члена ограничено 5-ю, вступительный взнос — 50 коп., — чистый пай 5 руб., — отпуск не в кредит, а на наличные, — голос у каждого один, независимо от количества паев. С.-д.-ты сначала бойкотировали кооператив, но потом стали вступать в него, и нам пришлось вести с ними борьбу, чтобы не дать завладеть кооперативом. Число членов было 400. В Баку есть и еще кооператив. 2) Число членов Бакинской организации вместе с армянской — если считать скромно — 1500. 3) Военной организации в Баку не могло быть уделено много сил. Работа шла главным образом среди моряков. В сухопутном войске — единицы. 4) Нам нужны работники, способные вести пропаганду по программным вопросам, и литературные работники. Все остальное мы можем исполнять сами. 5) Организация для боевой деятельности существовала, но ввиду ненадобности распущена. 6) У нас возможны собрания — массовки и митинги. Товарищи, желающие приложить свои силы, пусть придут к нам. 7) Ненормальное положение в союзах, вечные дискуссии, переходящи в стычки, свары и отчаянная свалка между различными партиями создают самую вредную атмосферу,

вносят деморализацию в рабочую среду. Отсюда — индифферентное отношение рабочей массы к рабочим союзам, и даже к партиям. Необходимо обсудить это и найти выход из невозможного положения, — прекратить эту взаимную вражду партии.

Тов. Бюзанд делает поправку относительно боевой дружины. Все боевые дела исполнялись без особой боевой организации. В последнее время убедились, что так вести дело нельзя, и организовали особый боевой коллектив. — Журнал армянский печатается в количестве 1500 экз., распространяется — 1000—1200. — Относительно «совещаний», предложенных администрацией, одна треть была за участие в совещаниях, с гарантиями. Но на собрании рабочие потребовали присутствия представителей союзов; в этом было отказано, и Джунковский закрыл совещания.

Тов. Южанин. При выборах в «совещания» с.-р.-ских представителей было 83, а так как выбирались по одному со ста, то, значит, за наших подано 8300 голосов. Следовательно, сфера нашего влияния в рабочей среде велика. Вялость и разочарование наблюдается в интеллигенции, но не в рабочей среде. — «Совещания» разрушились вследствие отказа «бойкотистов», так как созывались они, в сущности, для выработки «коллективного договора», а таковой невозможен, раз часть протестует. В профессиональных союзах мы могли бы иметь большинство. Но у нас не было практиков, которые могли бы выйти из положения с честью. О широкой кооперации, даже о кооперации вообще, и слышать не хотят. Провокации пока не было. Финансовое положение было хорошо, но более трех четвертей средств поедала боевая организация. У армян денег на это не расходовалось, так как делом этим занимались люди со средствами. С их уходом решено было уничтожить боевую организацию. О Думе никто не говорит, никто ею совсем не интересуется. — Отчисления в Областной комитет делала только Бакинская организация.

Тов. Федотов, в ответ на новый вопрос, добавляет, что почти вся морская организация⁹⁰ — под нашим влиянием. С.-д.-ы делали попытку оторвать ее от нас, но потерпели фиаско. Выборы происходят под давлением администрации.

Тов. председатель закрывает заседание.

5-е заседание 6 августа, утром

Председатель, тов. Вронский, открывает заседание в 9 часов утра и дает слово представителю Сев. Кавказа.

Тов. Цензор⁹¹ работал на Северном Кавказе в течение последних 8 месяцев. О том, что делалось в области до него, он распространяться не будет и расскажет только о том, что сам видел. — Приехавшие в мае 1907 г. в Ставрополь партийные работники организовали областной комитет и занялись планомерной работой.

Им очень трудно было разобраться в революционном материале и отделить партийные элементы от непартийных. Печальным явлением северокавказской жизни было то, что революционеры, не исключая и партийных организаций, в широких размерах практиковали «шантаж», т.е. вымогательство денег у богатых обывателей именем реальных или фиктивных организаций. К «шантажу» прибегали и некоторые с.-р.-ские комитеты. Так как с осени 1907 года вымогательства денег стали практиковаться все чаще и чаще, то созванная конференция партийных работников области решила принять решительные меры против этого крайне нежелательного явления. Она постановила решение, в силу которого всякий партийный работник, уличенный в вымогательстве, приравнивался к провокатору и подвергался смертной казни. Вскоре областному комитету пришлось вынести смертный приговор одному из членов организации. Но тут вышел конфликт между областным комитетом и уполномоченным Центрального Комитета, который воспротивился приведению в исполнение этого приговора. Результатом этого было распускание областного комитета и полное распадение Северокавказской организации. Из членов последней одни перешли к максималистам, другие — к анархистам, третьи — к индивидуалистам, и т.д. Докладчик без прикрас рисует печальное положение организаций в его области и перечисляет те пункты, где ведется работа или где имеются партийные связи. Он приходит к тому выводу, что положение партийных организаций в Северном Кавказе крайне не блестяще, но работать с успехом можно будет, как только появятся силы. В ответ на предложенные ему некоторыми товарищами вопросы докладчик добавил следующее. — В бытность его на Кавказе, влияние московской оппозиции, в смысле ослабления партийной дисциплины и распада партийных организаций не замечалось. Было ли оно раньше, — ему неизвестно. Положение с.-д.-ов на Северном Кавказе несколько не лучше нашего. И от них уходят рабочие к анархистам и максималистам. Осталось ли что-нибудь от старой крестьянской организации в Ставропольской губ., докладчику не известно. Если и осталось, то связей с нею нет. Имеются ли в области элементы, из которых может вырасти областной комитет, — он сказать не может. Теперь местная интеллигенция запугана и ушла от партийной работы. Работы среди военных в Северном Кавказе нет. Относительно появления в Ставропольской губ. группы «Земля и Воля» докладчик ничего не знает. От организации «Группы Минеральных Вод» ничего не осталось. Если что и осталось, то деятельности никакой не проявляет. Центральный Комитет делал попытки уладить конфликт между областным комитетом и своим уполномоченным. Но разрыв и распадение организации все же произошло. Переход партийных элементов в анархические и экспроприаторские группы объясняется, с одной стороны, несерьезностью самих организаций, которые носили поверхностный характер, с другой стороны, боль-

шой легкостью и усиленностью шантажей. Осетинская организация П.С.-Р. существовала, но теперь ее нет.

Тов. председатель дает слово тов. Павлову⁹², представителю Уральской области.

Тов. Павлов приехал в Уральскую область летом 1907 года, в период наибольшего упадка в ней планомерной организационной работы. Главной причиной этого упадка было отсутствие опытных партийных работников, из которых одни попали во власть жандармов, другие выбыли из области в другие места России. Рядом с таким ослаблением организационных сил шло на Урале развитие различных боевых групп, составлявшихся часто из элементов, совершенно чуждых социализму и революции. Группы эти, существовавшие независимо одна от другой, раскинулись весной 1907 года по всему Уралу, в особенности — в Пермской губ., где тогда действовал известный Лбов⁹³. Они ставили своей задачей расширение партизанских выступлений на Урале, но силою обстоятельств деятельность их вылилась в форму экспроприаций как казенных, так и частных сумм. Соприкасаясь с нашими организациями на Урале, почти сливаясь с ними, боевые группы оказывали на них разлагающее действие, так как вносили в них взгляды и тактику, несовместимые с требованиями нашей программы. К началу лета 1907 года, до сведения Центрального Комитета было доведено о положении дел на Урале, где в то время шли толки об объединении всех боевых групп в один общий Уральский боевой союз. Центральный Комитет не замедлил направить туда нескольких товарищей как для выяснения характера боевых групп, так и для восстановления наших организаций. Картина, положения оказалась довольно печальной. Только одна [...]ская организация (рабочая), да Вятская крестьянская, оставались на высоте положения, остальные были сильно расшатаны или окончательно разбиты. От предполагаемого Уральского боевого союза оставались отдельные разрозненные единицы, не знавшие, куда приткнуться. — В такой обстановке был созван Уральский областной совет, на который явились представители Златоуста, Екатеринбурга, Перми, Вятки и Ижевска. От Уфы и Сарапула представителей не было: некого было послать. Совет высказался за немедленное восстановление организаций, за массовые выступления партизанского характера, если таковые встретят активное содействие со стороны населения. Что же касается боевого союза, то было решено, не входя с ним ни в какие соглашения, предложить товарищам, вошедшим в него по недоразумению, вернуться в ряды партии. Выбранный на Совете областной комитет направил все свои усилия на возобновление прежних организаций и на укрепление существующих. Это ему в значительной мере удалось. Докладчик дает затем в кратких словах общую характеристику отдельных организаций в области, предоставляя товарищам-содокладчикам по Уральской области дать более подробный отчет о положении организации, делегировавших их на конференцию. В заключение своего доклада

тов. Павлов говорит, что насущнейшей потребностью Уральской области является сплочение организации и углубление социалистического сознания связанных с ними масс. Только этим путем организации удастся удержать партийные элементы от растворения в чуждых нашим идеям разнородных течениях русской жизни.

Тов. **Филантропов**⁹⁴ докладывает о положении дел в Уфимской окружной организации. — В этой организации насчитывается в общем от 350 до 400 человек, составляющих не меньше 40 групп или кружков (*докладчик дает подробный перечень мест и групп*). Главную массу составляют крестьянские организации (около 280 чел.) и рабочие (около 80 чел.). В одних местах работа ведется давно и стоит прочно ([...]ский крестьянский союз, охватывающий 4 района в 35 деревень, — около 200 чел. своих), в других работа только начинается. Бюджет организации: около 500 руб. в месяц. Литературная деятельность: газета «Знамя Урала», вышло 7 номеров, в 19.500 экземпляров, — газета «Крестьянин и рабочий», вышло 3 номера в 7.500 экземпляров. «Крестьянская дума», № 1-й, 4.000 экз. При денежной поддержке организации издавались «Бюлл. Железнодорожного союза», 3 номера. Кроме того, организацией были выпущены прокламации и др. издания.

Тов. **Юровский**, представитель Ижевской организации сообщал, что эта организация ведет главным образом деятельную пропагандистскую работу, которая охватывает 250—300 чел., распределенных в кружки от 15 до 40 человек каждый. Пробовали устраивать массовки, но они большого результата не дают, так как имеют только агитационное значение. По мнению докладчика, агитация закончила свое существование. Бюджет организации составляется исключительно из взносов рабочих. Для членов организации взносы обязательны. К 1-му июня наличность кассы организации составляла 292 руб. с копейками. Кроме пропагандистской работы, Ижевская организация ведет организационную и издательскую работу. Она имеет типографию, но не может добыть себе опытного наборщика, так что она для своих целей пользуется теперь гектографом. При рабочей организации имеется партийный Красный Крест, ставящий себе целью помогать семьям партийных товарищей, пострадавшим в революционной борьбе. Он тратит ежемесячно 70—80 рублей. Организация имеет связи среди солдат, где ей удалось создать 2 кружка. Если бы имелись силы, работу легко было бы значительно расширить. Организация создала также партийную группу на одном из соседних заводов. Вокруг нее группируются 65 — 70 рабочих, из которых большинство платит денежные взносы. Имеются также прочные крестьянские связи с близлежащими местностями. Но развить эти связи нет возможности за отсутствием сил.

Тов. **Антропов**⁹⁵, представитель Златоустовской окружной организации. — Организация эта охватывает около 450 человек, из них около 200 приходится на г. Златоуст, разделенный на 7 районов. Остальные 250 чел. образуют в различных местностях округа

7 групп, из них одно сельское братство в 22 человека. Бюджет организации не велик — около 60 руб. в месяц; кроме того, комиссия Красного Креста тратит около 30 руб. в месяц. Бедность бюджета объясняется экономическим кризисом, постигшим Урал. Златоустовская организация выпускает прокламации. Осенью 1907 года печатались листовки к новобранцам, номера 1, 2, 3 и 4. Она принимала участие в издании «Знамени Урала». Литература расходуется очень хорошо. В Златоусте раза три—четыре в год устраиваются массовки, реже — рефераты. Кружковая работа ведется круглый год. Каждый кружок имеет свою библиотеку. В округе дело пропаганды ведется слабее, потому что работников мало.

По выслушании докладов от Уральской области, тов. **председатель** предоставляет слово желающим задавать вопросы докладчикам. Вопросы были предложены им тов. Бюзандом, Лаврецким, Бородкиным, Стекловым, Степановым⁹⁶, Грачевым, Чемезовым⁹⁷ и Большевым.

Тов. **Павлов** дает следующие ответы на поставленные ему вопросы: 1) Профессиональные организации возникли на разных заводах. Но они не развились благодаря, главным образом, жестоким репрессивным мерам, которые правительство приняло на Урале. Часть рабочих не идет в профессиональные союзы потому, что предпочитает им партийные организации. Наряду с некоторыми мелкими открытыми союзами, существуют союзы нелегальные. 2) Кооперация сильно распространена среди крестьян Пермской губ., но нет сил для использования этого движения. То же можно сказать и о Вятской губ. 3) Закрытие заводов Белосельского-Белозерского застало рабочих врасплох, и они еще не успели столкнуться насчет плана действий. Но уже было несколько тайных собраний рабочих с.р.-ов при участии других рабочих. Решили подать петицию с требованием наделов по 8 десятин на душу. Но администрация признала за рабочими право получения только 4 с четвертью десятин на душу. Рабочие, кроме того, требуют себе годового продовольствия от администрации. 4) Работа среди новобранцев идет успешно; с некоторыми из них сохраняются связи, которые передаются организациям тех мест, куда новобранцы назначаются. 5) Трения между рабочими и комитетом если и были, то ничтожные, а теперь их и совсем незаметно. 6) Относительно выхода из общины в Вятской губ.: крестьянская масса настолько затронута нашей пропагандой, что в общем она принимает нашу оценку этого явления. Поэтому, выходов из общины там мало. Несколько заметные выходы из общины в Пермской губ. 7) Работы землеустроительной комиссии по наделению горнозаводских рабочих землею начались с осени. Рабочие довольно быстро сознали, что наделение их землею имеет целью снять с заводоладельцев те обязательства, которые лежат на них по отношению к населению в силу особого Положения, прикрепившего горнозаводских рабочих к заводам. Поэтому они отказываются принять наделы, так как земли мало, а лесные участки расхищены. Относительно использования теперешнего положения на за-

крываемых заводах партия ничего не сделала. 8) Заводы, в которых все производство находится в руках рабочих артелей, имеются на Урале. Один из этих заводов давал убытки, и правительство решило закрыть его. Рабочие сняли этот завод за очень высокую арендную плату и работают артельно. Дело наладилось, но администрация чинит артели всяческие затруднения.

Тов. председатель объявляет, что обмен мнений по поводу докладов с Уральской области он считает законченным, и дает слово для доклада товарищу Стеклову, представителю Южной области.

Тов. Стеков. На областной конференции, созванной по случаю готовившейся партийной конференции, две губернии, Бессарабская и Херсонская, не были представлены. Положение дел хорошо известно докладчику только относительно Крыма и г. Одессы. В Бессарабской губ. партийная работа вообще никогда не была широко поставлена, а в Херсонской губ. года полтора тому назад работа шла очень хорошо, но что сохранилось от нее после разгрома организаций, этого узнать не удалось. Ко времени объезда организаций, предпринятого Центральным Комитетом, приехавшему в г. Одессу без труда удалось восстановить организацию, так как связи всюду сохранились во всех рабочих районах. Менее чем в две недели удалось связать в организацию около 250 рабочих. Тут, как и во многих других местах, только недостаток в рабочих мешает ведению широкой массовой работы. По последним, отрывочным известиям, в г. Одессе произошел провал: но о размерах его докладчик ничего не может сказать. Таврическая губ. по характеру партийной работы разделяется на две части: в северной части — по преимуществу крестьянская работа, в южной преобладает работа среди рабочих. Крымские рабочие мало чем отличаются от одесских. Правительственные репрессии не убили в рабочих стремления к организации — отовсюду требуют организаторов, пропагандистов и пр. Недостаток интеллигентных руководителей создает в рабочей среде стремление к усовершенствованию в партийном смысле. К сожалению, губернский комитет не в состоянии был прийти на помощь этому стремлению. Виной тому — все тот же недостаток сил и средств. — Докладчик сообщает далее ряд данных о положении дел партии в Севастополе, Феодосии, Евпатории и Симферополе. Все эти данные с полной очевидностью доказывают, что партийные организации, по своей крайней малочисленности, совершенно не в состоянии, даже в самых скромных размерах, удовлетворять требованиям и запросам масс, подпавших влиянию наших идей. Что касается северной части Таврической губ., в которой сосредоточены две трети населения, то на всей ее территории разбросаны в разных местах наши крестьянские братства. Уровень сознательности в этих братствах очень неодинаков, выше всего он стоит в Мелитопольском уезде, ниже всего — в Днепровском. Тут наблюдается прямая и непосредственная зависимость уровня сознательности от степени интенсивности партийной работы. Сельские братства имеют свои кассы, библиотеки, и луч-

шие из них обнаруживают большую самостоятельность. Закон 9 ноября создал много розни в крестьянской массе. Но замечательно, что выделов из общины наблюдается меньше всего в местах с крепкими партийными организациями. Выделы чаще всего бывают индивидуальные, но встречаются и случаи массовых выделов. Большим недочетом в партийной работе является отсутствие уездных центров и крупных городских организаций. Докладчик считает самой слабой стороной организации — ее финансы. Отсутствие средств мешает созданию планомерной постановки всего дела. За короткое время в области провалились три типографии, и теперь имеются там только две летучки. Профессионалов не на что содержать, а непрофессионалы могут уделять партийной работе только часть своего времени.

Тов. **председатель** предоставляет желающим предложить вопросы докладчику. Предложением воспользовались гг. **Оленин, Иванов, Абелева⁹⁸ и Флерова⁹⁹**.

За поздним временем тов. **председатель** заседание закрывает.

6-е заседание 6-го августа, после обеда

Председательствует тов. **Вронский**, который открывает заседание и предоставляет слово тов. **Стеклову** для ответа на поставленные ему в конце предыдущего заседания вопросы.

Тов. **Стеклов**. 1) О характере севастопольского пролетариата могу сказать, что уровень сознательности рабочих там довольно высок. 2) Вопрос о выборном начале неоднократно обсуждался среди партийных работников; большей частью организации строятся демократически с допущением кооптации. 3) Крестьянские организации у нас — исключительно партийные, других почти нет. 4) Что касается производительных товариществ в деревнях Юга, то данных о них нет. Имеются сведения о потребительных. Но они в большинстве случаев не имеют никакого отношения к партии. 5) В г. Одессе из других партий имели некоторое значение синдикалисты, но теперь его потеряли. То же приходится сказать и об с.-д.-ах. Студенческих организаций нет. 6) Военная организация слаба. Настроение солдат пониженное. Проявить инициативу в деле боевого выступления не склонны, но оказать поддержку народному восстанию обещают. 7) Революционное настроение крестьян в Таврической губ. проявляется в борьбе против выделов из общины. Характерным признаком крестьянских организаций является их самостоятельность при почти полном отсутствии интеллигентных руководителей. Была попытка создать крестьянский орган. В свое время значительную роль в деле пропаганды среди крестьян играли учителя. Теперь же, под влиянием реакции, замечается некоторый отлив. Н-ский уезд имеет свою типографию; там предполагается издание газеты.

Тов. **Коренев**¹⁰⁰, в качестве содокладчика, поясняет, что в Елисаветградском уезде выделов из общины крайне мало, да и происходящие выделы производятся большею частью под давлением земских начальников. Крестьянские братства усиленно борются против этих выделов. С.-д.-ты в г. Одессе крайне слабы, и большинство их занялось культурной работой.

Тов. **Волгина**¹⁰¹ делает доклад о положении партийной работы в Поволжской области. — Осенью 1907 года в Поволжской области действовали следующие комитеты: Козловский, Тамбовский, Пензенский, Саратовский, Оренбургский, Царицынский и Астраханский. Областной комитет получил в октябре известную сумму в свое распоряжение, и главное свое внимание обратил на снабжение всей области литературой и на издание собственного органа. За восемь месяцев — с октября по июнь — типография комитета выпустила не менее 141.800 экземпляров листов и прокламаций. Кроме того, областной комитет возобновил издание крестьянской газеты «Деревня». В апреле текущего года областной комитет был арестован, и функции его перешли к Пензенскому комитету. Новый комитет не успел еще начать своей работы, как тоже попал в руки жандармов. Поволжская область осталась таким образом без комитета. В конце июня, для упорядочения дел области и для подготовки к предполагавшемуся партийному съезду, была созвана представителей Центрального Комитета областная конференция. На этой конференции был избран один член областного комитета, а двум членам Саратовского комитета было предоставлено право решающего голоса в областном комитете, хотя от обязанности вести работу по области они были освобождены. Что касается партийной работы в области, то лучше всего она была поставлена в Тамбовской губ. (крестьянская) и в Пензенской (городская). О Тамбовской губ. будет сделан особый доклад тов. Абелевой. Пензенская городская организация состояла из ком. и очень большой периферии. Работа велась интенсивно при строгом разделении труда. Особенное внимание Пензенский комитет обратил на издательское дело. Им были выпущены «Известия Пензенского комитета» (№ 1—5), и «Листок Пензенского комитета», листок для рабочих и целый ряд прокламаций и других изданий. Придавая очень большое значение работе среди интеллигенции, из которой вербуются партийные работники, Пензенский ком. поставил это дело очень серьезно. Воспитывая молодежь в партийном духе, он привлекал ее и к практической работе. После разгрома комитета группа учащихся одна поддерживала связи с крестьянством. В г. Пензе комитет организовал несколько рабочих районов, в которых работа велась систематически. На работу среди крестьян комитет обращал сравнительно меньше внимания. Связи были большие, но они мало разрабатывались. В Казани осенью прошлого года создавалась группа, которая работала в городе и отчасти — в деревне. Но она просуществовала не долго. До самого лета там не было партийных работников. Теперь там опять организована груп-

па. Надо сказать, что в Казани провокация свила себе прочное гнездо, как среди университетской молодежи, так и среди рабочих, и это, несомненно, мешает созданию прочной организации. В Оренбурге организация не прекращала своего существования. Точных сведений о ней докладчик не имеет, у организации есть своя типография и ею издается газета. Работу она ведет главным образом среди рабочих и в войсках. В Симбирске и в Самаре организации разрушены. В Царицыне работа шла очень хорошо, — главным образом в городе. Организация имела типографию и выпускала листки. Литература распространялась и в деревне, где тоже имеются организации. Весною в Царицын приехал провокатор, который, выдавая себя за брата известного революционера, сумел войти в доверие местных товарищей и погубил все дело. Что касается общегубернских комитетов, то большинство их в Поволжской области разрушилось; только в Саратове и Астрахани они существуют по-прежнему. В Астраханском комитете, который был выбран на общегородской конференции, рабочие представлены очень сильно. Работа ведется среди рабочих и интеллигенции. Крестьянской работы нет, так как губерния заселена инородцами. В городе имеются 11 групп рабочих численностью около 325 человек и несколько кружков интеллигенции. В Саратове после провала 1907 года работа долго не могла наладиться. Теперь там существует комитет, которому пришлось вести дело при чрезвычайно трудных условиях. Систематические аресты привели в конце концов к тому, что комитету пришлось ограничиться городской работой. Рабочая организация состоит из трех районов, из которых каждый имеет свой комитет. Но работа в них ведется вяло, так как нет достаточно сил. То же можно сказать относительно работы среди интеллигенции. Уездные организации или совсем разбиты, или значительно ослаблены. Партийная работа в крестьянстве ведется главным образом самими крестьянами. Их многократные просьбы о присылке опытных партийных работников комитет вынужден был оставлять без удовлетворения за полным безлюдием. У крестьян такое отношение интеллигенции к делу вызывает недоумение: они жалуются, что их забросили, и спрашивают, не распалась ли уже сама партия. У передовых крестьян замечается спрос на серьезную литературу. Докладчик отмечает интересный факт, что у крестьян происходит теперь ломка старых форм жизни. Изменяется отношение к женщине, к детям, к религии и т.д. Словом, происходит движение, напоминающее движение 1860-х годов среди интеллигенции. Как на общее явление, докладчик указывает на стремление крестьян обзаводиться оружием. — Доклад свой тов. **Волгина** заканчивает перечислением и характеристикой отдельных крестьянских организаций в Саратовской губ.

Тов. **Абелева** докладывает о положении дел в Тамбовской губ. — Вследствие арестов, происшедших в начале текущего года, партийная работа сильно пострадала, особенно в некоторых ее частях. Городская работа теперь совсем приостановлена за недостат-

ком людей, хотя остались довольно широкие связи как среди рабочих, так и среди солдат. Лучше обстоит дело с крестьянской работой благодаря тому, что за нее взялись несколько товарищей-профессионалов. Ими был выработан следующий план действий: в целях лучшего использования имеющихся сил, направить главным образом внимание на работу в ближайших к Тамбову уездах, в остальных же поддерживать связи для распространения литературы посредством городских групп, партийных или сочувствующих партии. План этот в значительной степени удалось привести в исполнение, причем организаторы ставили себе главной задачей объединить лучшие элементы крестьянства посредством углубления их социалистического сознания. Пропаганда велась посредством бесед, чтений, составления библиотек и снабжения наиболее способных крестьян программами для систематического чтения. Крестьяне всюду хорошо принимали наших товарищей и без особых затруднений созывали собрания в 6—15 человек, иногда и больше. Крестьяне охотно являлись на созываемые организацией съезды, причем представители, за редкими исключениями, были выборные. На съезды собиралось человек 10, иногда больше. Всех уездных съездов было 5. Съезды, так же, как и доклады разъездных, выяснили, что никакого упадка революционного настроения в деревне нет, по крайней мере в тех местах Тамбовской губ., где идет партийная работа среди крестьян. Более сознательная часть крестьянства упорно стремится к организации. Замечается также значительная перемена в характере крестьянских съездов. Раньше (до 1906 года) крестьяне-делегаты большею частью молчали и принимали без рассуждений предложение руководителей, а теперь всякое предложение горячо обсуждается, и в решениях обнаруживается большая зрелость мысли и стремление считаться с общим настроением крестьянских масс. — Докладчик иллюстрирует сказанное большим количеством фактов и дает подробный очерк возникновения и развития крестьянских братств в Тамбовской губ. Всего братств там теперь насчитывается 31 с составом в 250—300 человек. Литературы в текущем году было распространено довольно много. В местной типографии, кроме прокламаций, печаталась газета «С.-Р.» (номера 1—6). Много также было распространено брошюрной литературы. Бюджет губернии не превышает 300 рублей в месяц.

По выслушании докладов некоторыми из товарищей поставлены были тов. Волгиной и тов. Абелевой вопросы, на которые они дали следующие ответы:

Тов. Волгина: 1) Выборное начало в настоящее время в организациях по Саратовской губ. не применяется. 2) В Казани организации почти нет. 3) О Самарской организации, если она существует, сведений нет. 4) Как общее явление, можно отметить, что организации низшего порядка более живучи, чем организации высшего. 5) В Аткарском уезде возникли боевые дружины, хорошо вооруженные; в силу отсутствия партийных руководителей

дисциплина была слабая, так что в некоторых случаях, не останавливались перед частными экспроприациями. Это вызвало усиленные репрессии со стороны полиции.

Тов. **Абелева** дает дополнительные сведения о положении партийных дел в Тамбовской губ. 1) В общем состояние крестьянских организаций в последнее время не изменилось. 2) Губернская организация пострадала от административных репрессий. 3) Максималистов теперь в гор. Тамбове нет, а имеются так называемые «независимовцы», признающие частные экссы. Их деятельность причинила много вреда крестьянским организациям. 4) К террору крестьяне относятся сочувственно, особенно к террору против шпионов.

Тов. **председатель** доводит до сведения конференции, что тов. **Родионова**¹⁰², которой было поручено сделать доклад о положении партийной работы Центральной области, еще не приехала, и предоставляет слово тов. **Васильевой**¹⁰³ для доклада о Московской городской организации.

Примечание секретариата: Тов. Родионова приехала по окончании докладов с мест и представила письменный доклад, который не был прочитан на конференции. Для полноты картины доклад этот помещается в извлечении перед докладом представительницы г. Москвы.

Извлечение из доклада тов. Родионовой. — На состоявшемся в сентябре 1907 года областном съезде был выбран областной комитет из трех членов, из которых к концу мая 1908 года осталось только двое. Из сведений, доставленных областному комитету его разъездным агентом, выяснилось, что только в Нижнем, Рязани и Орле существовали, более или менее, стройные организации. В других местах уцелели от разгрома небольшие группы, которые систематической работы не вели. Нижегородский комитет, несмотря на частые провалы, деятельно обслуживал нужды крестьянской и рабочей организации. Им была поставлена типография, в которой печаталась газетка для рабочих, и орган губернского комитета. В уезде существовали хорошо организованные братства, поддерживавшие деятельные сношения с комитетом. Литература, получавшаяся непосредственно из центра, распространялась в большом количестве. Организация существовала исключительно на свои средства, не обращаясь за помощью к Областному комитету. В ноябре 1907 года должна была состояться конференция крестьянских работников губернии, но все участники ее, в числе 12 человек, были арестованы. Провал этот не остановил работы, и Нижний является одним из немногих пунктов, где велась непрерывно органическая работа сплочения массы как крестьянской, так и рабочей. В Рязани, вследствие немногочисленности заводов и фабрик, работа комитета была направлена, почти исключительно, на деревню. Как характерный факт следует отметить, что созванная губернским комитетом конференция крестьянских работников состояла исключительно из крестьян. Сам комитет стоит в непосредственных сношениях с крестьянством, что оказывает

очень благотворное влияние на ход работы. Комитет все время имел в своем распоряжении типографию. В Орле комитет состоит не из профессиональных революционеров, и члены его должны отдавать значительную часть времени непартийным занятиям. Пробел этот до известной степени восполнен тем, что областной комитет послал в губернию для крестьянской работы двух товарищей профессионалов. Работа идет здесь приблизительно так же, как и в Рязанской губ., но ощущается острая нужда в работниках. Как и в других местах, здесь гораздо больше дела, чем рук. Что касается Владимирской губ., то работа в ней сосредоточена главным образом в Иванове-Вознесенске... Но в начале 1908 года частые провалы свели и здесь работу на «нет». Теперь сношения областного комитета с Владимирской губ. носят, так сказать, «информационный» характер: регистрируются связи с интеллигенцией, с крестьянством и с рабочими. Иногда связи эти представляются очень интересными. Так, до сведения областного комитета было доведено, что на заводах в NN существуют группы рабочих, называющих себя с.-р.-ами, численностью в 280—300 человек. Использовать эти связи до сих пор не удалось — за недостатком сил. По той же причине работа в других городах области (Тверь, Тула, Калуга и Ярославль) ведется только номинально.

Тов. **Васильева** докладывает о положении организации в г. Москве. — Летом 1907 года на собрании московских работников был поднят вопрос о роспуске организации ввиду ее малой работоспособности и следов провокации, обнаруженных в ней. Осенью того же года Центральный Комитет распустил организацию и назначил на ее место организационную комиссию, которая быстро завоевала доверие рабочих районов и тем устранила попытки оппозиции со стороны элементов прежней организации. Организационная комиссия возобновила всюду работу и выпустила первый номер газеты «Рабочий вестник» (5000 экземпляров). Но в интеллигентских кругах, примыкающих к партии, вскоре опять обнаружилась провокация. Пошли аресты, следствием которых был полный разгром организационной комиссии и всех тех организаций, которые ей удалось воссоздать. После долгих мытарств из среды московских работников выделилась группа из семи человек, которым Организационным бюро Центрального Комитета было предложено временно вести самостоятельно работу и для непосредственных сношений назначить уполномоченного. — Докладчица подробно рассказывает о настроении рабочих масс в Москве. Настроение это в значительной степени боевое. К партии рабочие относятся хорошо, хотя организацией недовольны. Анархистские и максималистские тенденции, несомненно, существуют среди них, и тенденции эти до известной степени мешают нашей работе. Докладчица говорит далее о работе среди военных, главным образом среди солдат. После значительного перерыва работу эту удалось без больших затруднений возобновить. Среди военных московского гарнизона работало 12—15 товарищей, из которых было только

несколько профессионалов. Солдаты охотно читают и распространяют нашу литературу и держат себя очень конспиративно. В солдатских низах не было ни одного ареста и ни одного случая провокации со времени восстановления работы. К сожалению, и тут приходится констатировать, что нет никакого соответствия между наличными работниками и той работой, которую можно было бы сделать. Работа среди интеллигенции в Москве сводилась к организации с.-р.-вских фракций в высших учебных заведениях и к образованию кружков — в средних. На предложенные вопросы докладчица ответила: — 1) Отношение к экспроприациям среди московских рабочих положительное, 2) боевые дружины распущены, 3) роспуск московской организации был встречен товарищами без оппозиции, 4) в результате промышленного кризиса появилось озлобление рабочих против капиталистов; были и проявления стихийного протеста, 5) в организационной жизни выборное начало осуществлялось лишь в низах. Отношение рабочих к интеллигенции составляет довольно больной вопрос, 6) точных данных о количестве организованных рабочих не имеется. Отношение к экономическому террору — неопределенное. Идейный разброд незначителен. Замечается стремление к самообразованию. Оппозиция до сих пор существует.

Заседание закрывается.

7-е заседание 7 августа, утром

Председатель **Соломин** открывает заседание в 9 ч. утра и дает слово тов. **Волжскому** для доклада о положении Волжской Судходной организации.

Тов. **Волжский**. Со времени второго экстренного съезда партии В.С.О. пережила период расцвета, за которым последовал период упадка, а в настоящее время дело опять наладилось. Зиму 1906 г. и весну 1907 г. можно назвать временем наивысшего расцвета организации. В особенно блестящем положении были затонские организации — Рыбинская, Нижегородская и Астраханская.

Рыбинск, главный портовый центр верхнего Поволжья, стал центром распространения деятельности В.С.О. по всему верхнему плесу. Рыбинский отдел выпускал газету «Рыбинский затон» (4 №№), устраивал массовки, вел кружковые собрания при посредстве своих пропагандистов. Из отдела мало-помалу возникла (сухопутная) Рыбинская уездная организация партии.

В **Нижегородском** отделе наша организация стояла так прочно, что на выборах уполномоченных от ремонтных мастерских на всех пяти затонах прошли наши кандидаты, из которых 3 были партийные товарищи, а 2 сочувствующие. Отдельные затонские группы выпускали прокламации, а в Муромском затоне были вы-

пущены 3 №№ «Муромского листка», отличавшегося большой со-
держательностью.

В Астрахани насчитывалось — до провала 1907 г. — около 400.400 организованных товарищей. Работа велась там очень ин-
тенсивно.

Центральное бюро В.С.О. потерпело значительный урон в своем составе. Вследствие ареста произошла временная приостановка его издательской деятельности. С января по август 1907 г. Центральное бюро выпустило 3 №№ «Известий Волжской организации», прокламации: «К открытию навигации», «Первое мая», «Проект профессиональной платформы В.С.О. партии с.-р.», «Инструкции работникам» и т.д.

Осенью 1907 г. была созвана конференция представителей отделов для приготовления съезда В.С.О., который имел обсудить вопросы организационные и профессиональной тактики. Но конференция была арестована, и в связи с массовыми обысками, была открыта и взята типография. Центр был разбит. — Докладчик далее сообщает сведения о реорганизации центра (эта часть доклада не подлежит оглашению). Дела В.С.О. пошли теперь хорошо. Вышло 2 №№ органа Ц.Б. — «Маяк», третий № — в наборе. Зимой работу 1907—1908 гг. пришлось сосредоточить в 3-х отделах: Нижегородском, Царицынском и Астраханском.

Подробный отчет о работе Нижегородского отдела напечатан во 2-ом № «Маяка». В Царицынском затоне существовала группа В.С.О. партии, были собрания, велась кружковая работа. Вследствие майского провала в Царицыне, связи переданы для обслуживания Астраханскому отделу. Астраханской судоходной организации не посчастливилось. Зимой 1907 г., после ареста конференции, связи оставались не использованными до приезда в Астрахань члена Ц.Б., которому удалось собрать конференцию представителей затонских групп; конференция избрала руководящий центр Астраханского отдела. К сожалению, часть этого центра дала себя вовлечь в частные экспроприации, что повело к распусшению отдела. Зимняя работа прекратилась, но связи все сохранились, в чем пришлось убедиться, когда вновь началась интенсивная работа под влиянием старого товарища, посланного в Астрахань Ц.Б.

Сказав несколько слов о менее значительных затонских группах в Казани и Саратове, докладчик переходит к характеристике теперешнего положения Судоходной Организации.

В Рыбинске вследствие прошлых арестов систематически действующего отдела не было до самого последнего времени. Он реорганизуется в настоящее время посланными туда товарищами.

В Нижнем отдел функционирует правильно. К сожалению, наличных сил отдела не хватает для использования громадной массы имеющихся связей.

Казанский отдел, который до последнего времени был, так сказать, явочно-техническим, в настоящее время ведет правильную работу организации и пропаганды среди судоходных рабочих.

Астраханский отдел работает теперь очень энергично и охватывает, кроме судовых групп, многочисленные береговые районы (верфи, ремонтные мастерские, артели грузчиков и пр.). Отдел состоит из деятельной сплоченной группы, работающей под руководством члена Ц.Б.

Заканчивая свой доклад, тов. **Волжский** указывает на то, что возрождением после постигшего ее разгрома Волжская Судоходная организация, несомненно, обязана той помощи работниками и деньгами, которую оказал Ц.К. партии при посредстве Организационного бюро.

По выслушании доклада тов. **Волжскому** были заданы вопросы тов. Лаврецким, Февралевым, Бюзандом, Семеновым, Грачевым и Хреновым.

Тов. **Волжский** дает ответы на предложенные ему вопросы.

1) Согласно решению Совета партии Суд. орг. входит в местные организации по месту стоянки судов.

2) Форма работы определяется Уставом, помещенным в № 15 «Труда»¹⁰⁴. Работа началась в Нижнем. Приобретены были связи среди судоходных работников, образовалась группа, которая вошла в сношения с Ниж. к[омитетом]. Летом почва особенно благоприятна для работы. Установились связи со многими судами, образовались кружки, нечто вроде братств, на каждом судне. Судовые группы самостоятельны. Принцип не территориальный, а судовой. Эти судовые организации прикреплены к отделам — в известных определенных пунктах, где наиболее удобны стоянки судов. Устраиваются собрания, иногда и беспартийные; организации партийные, но объединяют вокруг себя и сочувствующих.

2) Профессиональная задача Суд. Орг. — борьба за улучшение условий труда и разработка вопроса о положении служащих, руководство выступлениями.

4) Главная ось — Волга. Зимой происходит перемена фронта в организации. Суда стоят в определенных пунктах — в Астрахани, в Нижнем — по затонам. Когда суда перемещаются, приходится ломать организацию, переносить ее. Судовые ячейки незначительны: человек в 2—3—5. Затонная работа ведется в расширенном масштабе. В затонах бывают массовки в 150—300 человек. Иногда чисто партийные пропагандистские собрания. Своих судовых сил недостаточно, особенно зимою. Обращаются за помощью к местным комитетам.

5) В прибрежных местностях систематически работа не ведется, но на зиму матросы уходят домой, опустошают судовые библиотеки. Приобретенные в деревнях связи передаются в местные организации, согласно постановлениям отделов.

6) Количество организованных судовых рабочих трудно установить. Приблизительно судовых рабочих человек 500, судов около 200.

7) В Самаре суд. отдела не существовало, не существует зацепки в виде местных связей.

8) Во время российской забастовки в Астрахани настроение было чрезвычайно боевое. Один момент приходилось сдерживать попытки к несвоевременному выступлению, т.к. оно для Волги не имело бы успеха. Работы у судовладельцев не было, могли рассчитать всех. Они даже хотели вызвать выступление для расчета.

9) Рассчитывать на участие В.С.О. при всеобщей забастовке или выступлении можно, но проведение остановки движения возможно только насильственным способом — захватом пароходов, порчей фарватеров и т.д.

10) Нижняя команда революционнее верхней. С матросами вести дело трудно, они более зависимы.

11) Для партии Суд. Орг. имеет значение, как всякая другая партийная организация, и кроме того она несет техническую службу. В прошлом году при ее посредстве налажен был транспорт для 3 областей. Благодаря связям удавалось укрывать бежавших товарищей, даже непартийных.

12) Суд. Орг. — профессионально-партийная, но не территориальная. Она входит в 3 области, куда Ц. Бюро посылает представителей на обл. съезды.

13) В материальном отношении В.С.О. не может существовать самостоятельно, потому что служащие на судах получают ничтожное жалование. Кочегары, матросы по 10—12 р. в месяц на своих харчах. Масленщики — 20 р. При таких условиях трудно делать членские взносы. Зимой притом бывает задержка жалования. При большем количестве сил можно было бы выделить специальную финансовую комиссию, но при наличных силах существовать самостоятельно, без поддержки со стороны, невозможно.

Тов. председатель дает слово для доклада представителю Украинской области.

Тов. Рязанцев¹⁰⁵. Несмотря на аресты сотен партийных работников в Украинской области, партийные организации продолжают существовать, но работа их не может идти в сравнение с той, которая велась два года тому назад. Отличительной чертой теперешних организаций является то, что они возникли там, где их в минувшем году не было, возникли по собственному почину и выдвинули своих собственных деятелей. Деятели эти очень мало были подготовлены для роли руководителей, и это сказалось как на практической, так и на идейной работе организаций. Отсюда возникла потребность в школе для выработки пропагандистов, и в двух-трех местах были сделаны попытки к удовлетворению этой потребности. Общее положение области характеризуется тем, что в массах, как городских, так и деревенских, несомненно, замечается стремление к организации, к сплочению на почве наших партийных лозунгов, глубоко проникших в трудовую массу; с другой стороны, в организационных центрах свирепствуют провалы, нередко обуславливаемые провокацией, и неурядицы всякого рода. В настоящий момент губернские комитеты отсутствуют в губерниях: Киевской, Курской, Черниговской, Волынской и Подольской,

в губерниях Воронежской и Полтавской комитеты состоят из 3-х человек, и только в NN после ряда провалов образовался хорошо сплоченный комитет из 6 товарищей, переизбранный недавно на состоявшейся губернской конференции. В большинстве губерний отсутствуют уездные комитеты. Исключения составляют губернии Курская, Полтавская и отчасти Воронежская.

Наши партийные силы в интеллигенции очень слабы. Учащаяся молодежь, которая держалась довольно сплоченно в университетских городах, понесла тяжелые потери в минувшем году. В Киеве студенческая фракция с.р. была разгромлена во время забастовки, в Харькове студенческая группа, принимавшая деятельное участие в местных делах, тоже была разгромлена. Оставшиеся интеллигентные силы уклоняются от партийной работы из недоверия к успеху революции или же из страха правительственных репрессий.

Рабочие охотно идут навстречу партии, но для них необходима серьезная предварительная подготовка как в смысле усвоения партийной программы, так и для восприятия оснований правильной организационной и пропагандистской работы. В текущем году была сделана попытка организовать областной рабочий съезд. Съезд не собрался отчасти потому, что часть делегатов была арестована, отчасти потому, что было отказано в предоставленном ранее для съезда помещении.

В Украинской области крестьяне организованы очень неодинаково. Лучше всего организованы крестьяне Курской губ., хотя объединяющий центр еще не восстановлен после провала. В других губерниях, за редкими исключениями, районные центры не закреплены и уездные организации не связаны. Только в некоторых пунктах образовались междууездные центры, объединяющие волости смежных уездов. В одном случае, впрочем, действует даже междугубернская организация.

В Воронежской губ. крестьянская организация, которая в прошлом году насчитывала несколько тысяч человек, теперь совершенно разрушена. Среди крестьян этой губернии было сделано более 2000 арестов. Воронежские крестьяне обнаружили очень боевое настроение и организовали многочисленные боевые отряды. Партийная организация употребила все усилия на то, чтобы удержать их от частичных выступлений, которые партией признаны вредными для дела революции. Ей это удалось. Выступлений не было, но зато и организаций крестьянских не стало. Правительство в конце концов узнало о настроении воронежских крестьян и жестоко расправилось с теми пунктами, в которых сознательность и организованность проявились особенно сильно.

Крестьянская масса в общем настроена революционно, но, за немногими исключениями, она социалистически мало подготовлена, и на это надо обратить особое внимание. Наш партийный лозунг «Земля и воля» привлекает к себе разнородные, хотя и революционные элементы, и углубление социалистического сознания

передового крестьянства является насущнейшей задачей для нашей партии.

Незначительность партийных организованных сил не дала возможности закрепить организации на местах и использовать все имеющиеся связи. Идет работа среди войска и в железнодорожном союзе, но в смысле сплоченности имеющиеся там элементы оставляют желать очень многого.

По выслушании доклада **председатель** дает слово в качестве содокладчика тов. **Савину**¹⁰⁶.

Тов. **Савин** заявляет, что в Укр. области пробыл недолго, с массой не соприкасался, но имел дело с обл. ком. и посвящен в сущность областной работы. Он может поэтому дать лишь общую характеристику. Областная работа велась без регулярности. Обл. ком. собирался редко: к его приезду уже 4 месяца прошло со времени последнего собрания. Из 3-х членов обл. ком. каждый имел отличную точку зрения на современный момент и на тактику. Из этого легко заключить, что об идейном руководстве не было и речи. Из 20.000 р., истраченных в несколько месяцев, на орган было употреблено всего 100 р., причем в органе принял участие уполномоченный Ц.К. Следовательно, и литературного руководства не было.

Отсюда понятна та деморализация, на которую указал докладчик, как характерную для Укр. обл. С одной стороны, привлеченные массы к широким революционным выступлениям, всевозможные планы на этот счет, с другой стороны, полное отсутствие идейного руководства.

По предложению **председателя**, гг. Лаврецкий, Голубев, Ритина¹⁰⁷, Грачев, Бобров¹⁰⁸, Павлов, Федоров¹⁰⁹, Бородин, Ливин¹¹⁰ и Волжский поставили докладчику ряд вопросов, на которые он дал следующие разъяснения.

Тов. **Рязанцев**. 1) Бывший уполномоченный правильно обратил внимание на положение областн. комитета. Если бы отсутствующие товарищи были здесь, они поставили бы меня на надлежащую точку.

Областной комитет охарактеризован уполномоченным не совсем верно. 3 товарища должны были обслуживать 8 губ. В октябре 1906 г. комитет состоял из 2-х человек: тов. Никиты¹¹¹, убитого потом в Харькове, и тов. Марии¹¹², ушедшей благодаря чахотке. Тов. Никита кооптировал приехавшего в то время в Украину докладчика. Цифра 2—3 роковая для Укр. обл. ком. Как только кооптировали 4—5 чел., полиция уменьшала это число. На всех съездах раздавались жалобы на невозможность работать при таком количестве сил. Если бы на местах шла правильная работа, обл. ком. мог бы тогда идейно руководить организациями. В организационном отношении Укр. обл. не была никогда на высоте положения. Не было сил, не было возможности издавать орган и таким образом идейно руководить. Работа областников исключительно сводилась к разъездам. Тов. председателю, в бытность его уполномоченным Ц. К-та в Укр. обл., благодаря личной энергии и свя-

зям, удалось выпустить один № органа. Уехал он, и дело кончилось. Новый уполномоченный Ц. К-та выпустил опять № органа, и за его отъездом дело опять прекратилось.

2) Ко времени моего вступления в обл. ком. относится единственная экспроприация — около 28.000 р. казенных денег, которая послужила основанием для работы прошлого периода, интенсивность которой отчасти объяснялась наличностью этих денег.

После большого провала в Харькове была созвана конференция, на которой был избран обл. ком. Конференция поручила последнему устроить склад оружия, организацию доставки литературы, паспортное бюро. Докладчик, надеясь на свои силы, взял всю эту работу на себя. Но это оказалось слишком трудным. Удалось только устроить доставку оружия; да и то благодаря тому, что исполняли эту работу непартийные люди, получавшие за это определенное вознаграждение.

3) Издавались органы на местах? В Воронежской губ. — «Борьба и жизнь». Зимой взята типография. В Харькове вышел один номер; следующий № не может выйти, хотя типография есть. Товарищи энергичны, но издавать орган неспособны.

Черниговский орган вышел неудачным и не встретил сочувствия.

4) Состав руководящих организаций, судя по обл. конференции, состоявшейся в конце мая, следующий:

Полтава — 3 члена

Харьков — 5

Воронеж — 3

Курск — 2

Чернигов —

Подольск — } не имели представителей.

Ни одного выборного от конференции местных работников не было, только представители от комитетов. Надо было, однако, экстренно решать необходимые, не терпящие отлагательства вопросы, и потому пришлось рассматривать конференцию как съезд. В Волынской, Подольской, Черниговской губ. губернских комитетов нет.

В Курске губернского комитета нет, но работа в уездах идет, была даже конференция в июне. Наиболее интенсивная работа на юге Курской губ., север Харьковской и части Полтавской губ. Полицейские условия благоприятны. В Харьковской губ. работа продолжается. В Курской губ. не 11, а около 6 уездных комитетов. В этой губернии существуют работники на местах. В Харьковской местные отсутствуют, а существуют разъездные. Работа среди крестьян продолжается. В последнее время был губернский съезд, на который приехало много крестьян. Воронежская губ. уничтожена в революционном отношении.

5) Инициатором съезда «Революционной России»¹¹³ были воронежцы. Слухи о нем преувеличены. Целью его было объединить представителей от крестьянских мест для приготовления восста-

ния, инициаторы уничтожены, дела Воронежской губ. скверны, и разговоров о съезде больше нет.

6) Крестьяне в большинстве случаев не понимают, почему партия отрицает аграрный террор, и только из доверия к авторитету руководителей партии подчиняются резолюциям против него. Молчат они об аграрном терроре и на съездах. Но на деле видно, что кулаки их сжимаются. В силу дисциплины более сознательные крестьяне сдерживаются. Но аграрный террор прорывается там, где ослабевает партия. Организационные крестьяне являются наиболее дисциплинированной частью партии.

7) С.-д., П.П.С.¹¹⁴ существовали, сейчас их нет. Об украинских с.-р.-ах¹¹⁵ затрудняется ответить. Попытки соглашения с ними не увенчались успехом, благодаря неловкому шагу одного из областников. Укр. с.-д.¹¹⁶ уничтожены провокацией.

О Серпе¹¹⁷ сведений нет.

Спилка¹¹⁸, украинская самооборона¹¹⁹ уничтожены.

8) Днепровские судоходцы¹²⁰ были сильнейшей организацией среди киевских рабочих. Сейчас пострадали. Связей нет.

9) Сельскохозяйственные забастовки отчасти организованы нами, киевский провал отчасти этим и вызван.

10) О заграничной конференции укр. с.-р.-ов¹²¹ ничего не знаю.

11) Профес. организации были в руках с.-д. Сейчас закрыты. Народный Дом, оплот профессионального движения, уничтожен.

О кооперативном движении мало осведомлен. В Харьковской губ. движение сильно. Наше участие в нем сводится к нулю — нет сил, как и для профес. движения.

12) Наиболее революционные уезды ушли в переселение. Верили в восстание, а теперь ушли, не желая быть арестованными.

Тов. Голубев просит дополнить ответы на его вопросы:

1) Велась ли социалистическая работа среди интеллигенции?

2) Не является ли отсутствие социалистов в крестьянстве следствием того, что деятельность организации была революционной, но не социалистической?

Тов. Рязанцев. Социалистическая работа велась среди интеллигенции в Киеве; около 400 студентов и учащихся было в с.-р. фракции. Что теперь делается — он не знает. Настроение в Укр. области падает, отсюда естественным является упадок настроения студенчества.

На второй вопрос тов. Голубева докладчик отвечает, что фактически дело сводилось к этому. Естественно, имея директивы участвовать в выборах в Думу, организации на этом сосредоточили все свои усилия, да еще на профессиональных союзах, а о социализме не думали. Когда вооруженное восстание считалось возможным, в него с головой ушли, тогда не до социализма было.

Председатель заявляет прения по докладу тов. Рязанцева законченными и закрывает заседание.

8-е заседание
7-го августа, после обеда

Заседание открывается в 2 ч. 40 м.

Тов. **Ритина** дает сводку сведений о современном положении деревни, собранных по опросным листкам Ц.К.

Общие выводы из материала о положении современной деревни, собранного Ц.К. по разным губерниям через крестьянские организации и отдельных представителей крестьянства, таковы:

Крестьянская масса в общем затронута реакцией поверхностно. Временная паника, нагнанная на деревню карательными экспедициями, рассеявшись, оставила в массах не упадок духа, не отчаяние, а чувство глубокого негодования и потребность еще более острую, чем раньше, найти выход из положения. События последних лет обострили борьбу между отдельными слоями крестьянства и вылили ее в форму борьбы между партиями, между прогрессивной и реакционной частью крестьянства. Общая вражда к помещикам и правительству сплывает малоземельную часть крестьянства, из которой вербуются сознательные руководители прогрессивной части крестьянства. Реакционными элементами деревни являются кулаки, а в некоторых местах и безземельные — батраки, — подавляемые своей крайней зависимостью от богачей и помещиков. Из этих элементов, наряду с представителями духовенства и деревенских властей, вербуется деревенская черная сотня, проповедь которой не оказывает никакого влияния на широкие крестьянские массы. Поэтому число черносотенцев в деревне не растет, а скорее уменьшается. Сознательная часть деревни — революционеры — прежде небольшая кучка, до некоторой степени оторванная от массы, теперь во многих местах имеет вес и значение, вмешивается в решение общественных дел, местами играя прямо руководящую роль в деревне, стремясь к тому, чтобы замещать сельские должности своими людьми.

Эта передовая часть крестьянства, относясь, вместе с остальной массой крестьянства, отрицательно ко всем законам, исходящим от правительства, прекрасно понимая весь вред земельного законодательства, стремится к тому, чтобы всячески противодействовать мероприятиям правительства в деревне. Она противодействует выходу крестьян из общины, покупкам земли и проч., указывая крестьянской массе, что только путем дружной борьбы крестьяне в состоянии будут добиться лучшей доли.

В общем, ознакомление с материалами о современной деревне вселяет твердую уверенность в том, что партия, опираясь на эти революционные элементы деревни, крепко связанные с массами узами взаимного доверия, имеет все данные для того, чтобы развить в глубину и ширину и окончательно закрепить свое идейное и организационное влияние на массы.

Тов. Савин от имени Орг. бюро делает краткий доклад о Донской и Сев.-Зап. областях.

Донская область была разгромлена в 1906—07 гг. Но появился коллектив в Екатеринославе, который занялся работой. Коллектив просил Центральный Комитет через Орг. б. санкции на превращение его в обл. к[омитет]. Санкции не последовало по незнакомству Орг. б. с его личным составом. Но группа эта коллективно погибла. В общем, теперь Донская область, как организация, не существует.

В Сев.-Зап. области есть комитет, и ведется правильная, хотя и небольшая работа. Бежецкий и Брянский заводы составляют оазисы. Работа идет там очень интенсивно. Существует прочный рабочий союз, находящийся под влиянием партии. Но тут, как и во всех других местах, не достает работников. Сев.-Зап. область не представлена на конференции потому, что тов., посланный туда с деньгами и паролями, провалился в дороге.

Тов. Ритина подтверждает сказанное представителем Орг. б. об отрадности положения дела на Брянском заводе. Тамошние рабочие ведут даже самостоятельно работу среди крестьян.

Тов. Грачев спрашивает, в каком положении крестьянская работа в Сев.-Зап. области?

Представитель Орг. бюро отвечает, что в силу разнородности населения, организация не может вести правильно работу. В большинстве случаев там имеются мелкие организации. Брянский район составляет счастливое исключение из общего правила.

Тов. Соломин обращает внимание собрания на то, что крестьянская работа ведется в Сев.-Зап. области под флагом Белорусской громады¹²², теоретически в духе с.д., но фактически в духе с.-р.

Представитель Орг. бюро возражает на это, что значение Белорусской громады крайне незначительно.

Тов. Голубев делает краткий доклад о положении дел в Сибири и Туркестане.

О положении дел в Сибири сведения немногочисленны. Существует областной союз. По линии жел. дороги образовались организации. Это все.

В Туркестане главная работа партии заключалась в пропаганде среди войска и экспроприациях. В настоящее время работа среди войск прекратилась. Организации никакой нет. Есть отдельные лица.

На Дальнем Востоке организации возобновляются и устанавливается правильная работа, главным образом, среди войск.

Орг. бюро поддерживает сношения с Дальним Востоком и получает оттуда партийную литературу, которая показывает, что там работа идет интенсивно.

Тов. Арагвин докладывает о состоянии заграничной организации.

Заграничная организация с.-р. насчитывает в настоящий момент не менее 24-х групп численностью в 300—350 членов. Из этого числа вполне партийных товарищей 150—160 чел. Несмотря на такое обилие партийных элементов, вся заграничная организация — беспартийная. Группы объединены на федеративных началах, но живут автономной жизнью. Работа групп заключается:

1) в подготовке товарищей к революционной деятельности в России, особенно в качестве агитаторов и пропагандистов;

2) в ознакомлении Зап. Европы с русской действительностью вообще, и с задачами партии в частности;

3) в устройстве общественных протестов против насилий и зверств, чинимых русским правительством над нашими товарищами,

и 4) в товарищеской взаимопомощи.

В действительности оказывается, что последняя работа поглощает всю остальную, так как положение партийных товарищей за границей в высшей степени бедственное. Общий бюджет организации достигает 5000—6000 руб. в год.

Обл. заграничный комитет отправил в течение года 9 товарищей в Россию на работу; отдельные группы отправили 8 человек. Кроме того, около 25 человек уехало в Россию при содействии О.з.к. через группы.

Слабость партийной работы за границей объясняется в значительной степени понижением интенсивности работы в России. Многие товарищи остаются за границей, потому что не имеют ни малейшей уверенности в том, что им удастся пристроиться к партийному делу в России. Есть немало и таких, которые пользуются пребыванием за границей для того, чтобы в теоретическом отношении лучше подготовиться к дальнейшей партийной работе. События последних 3-х лет шли так быстро, что молодые товарищи были вовлечены в дело раньше, чем они успели приобрести основательную подготовку. Этот пробел и приходится им теперь восполнять в интересах самой партии.

Нет сомнения, что в ближайшем будущем многие из партийных работников, живущих теперь за границей, двинутся в Россию, особенно, если партии удастся укрепить свои организации и обеспечить правильное применение всех могущих служить ее делу сил.

Председатель. Доклады с мест исчерпаны, и теперь нам предстоит выслушать сообщение о деятельности Центрального Комитета. Даю слово тов. Ленину.

Тов. Ленин. Мое сообщение о деятельности Ц.К. будет касаться его деятельности в России. О деятельности партии за границей будет представлен отдельный доклад нашим представителем в Международном Социалистическом Бюро.

Отчетный период является периодом полного кризиса социально-революционных партий в России, и кризис этот не мог не оказать сильного влияния на характер деятельности Ц.К. Наша партия понесла очень тяжелый урон; с.-д.-ческая партия, по-прежнему

му раздираемая распрями «большевиков» и «меньшевиков», лишь номинально объединенных, на деле же организующихся обособленно, пострадала едва ли не больше нашей; П.П.С. распалась на две части; Бунд¹²³ замер. Меньше других пострадал Дашнакцутюн¹²⁴, но и в нем наблюдался внутренний кризис, кончившийся выделением «младо-дашнакцакан», вскоре вступивших в нашу местную организацию. Общий кризис создал для партийной работы в высшей степени тяжелые условия, которые очень затруднили деятельность Ц.К. Работников на местах осталось чрезвычайно мало, и вследствие этого промежуточные звенья между массами и центральными органами партии ослабели.

Вы уже слышали от многих докладчиков с мест характеристику положения организаций за отчетное время. Конечно, в отдельных местах наблюдаются различные конкретные особенности в ходе работ и в силах организации. Но тем не менее из всех докладов можно выделить целый ряд общих явлений, характерных — с некоторыми оговорками — для всей России. Почти все отмечают, что за отчетный период мы, к сожалению, отдалились от масс, но не потому, чтобы массы разочаровались в революции и ушли от нее, а потому что организация растаяла, улетучилась. Товарищ из Саратовской губ. правильно отметил, что за отчетный период организации низшего порядка оказывались более живучи, чем организации высшего порядка. Последние погибали от безлюдья. Эмиграция работников действительно достигла ужасающих размеров. Этим объясняются те страстные перерывы, которыми был встречен доклад представителя заграничной организации партии. У местных работников русских слишком наболел этот вопрос — ухода от работы множества товарищей. «Жестокая нужда в партийных работниках» — о которой говорилось здесь — вот что парализует работу, обесценивает силы оставшихся на своих постах товарищей, заваливая их выше головы работой всякого рода, заставляя разбрасываться, лезть из кожи вон, поглощая все время организационной беготней и лишая возможности поставить работу серьезнее. «Массы с распростертыми объятиями принимают нас», — говорили товарищи из Северной области; и псковский, и вологодский товарищи отмечают несомненный рост самосознания в массах, констатируют отсутствие упадка, иногда даже подъем настроения. «Отовсюду требуют организаторов, пропагандистов», — говорит крымский товарищ. Еще красноречивее горькие жалобы крестьян, о которых говорила тов. Волгина: что они заброшены, забыты... А между тем посмотрите, в какой момент крестьяне лишены содействия организации! Саратовский товарищ уподобил духовные переживания современной деревни периоду 60-х гг. среди интеллигенции: так же ломка всех старых воззрений, тот же пересмотр всего мирозерцания, — не только отношения к властям и помещикам, нет, настоящая «переоценка всех ценностей»: отношение к миру, к религии, к женщине, к детям — все пересматривается, и крестьянская мысль, ушедшая внутрь, лихорадочно работает. Из внешнего,

но поверхностного движение стало невидимым, затаенным, но тем более глубоким. Тов. Абелева отмечала, что на крестьянских съездах теперь наблюдается не то, что раньше. Раньше крестьяне больше слушали и поддакивали — теперь всякое предложение горячо обсуждается, сказывается гораздо большая зрелость мысли. В Саратовской губернии почти вся партийная работа ведется самими крестьянами; товарищ из центральной области тоже сообщал, что в одной из губерний вся конференция деревенских работников оказалась состоящей из крестьян. От товарищей из рабочих вы также слышали, насколько углубились запросы, как возросла потребность в самообразовании, как рабочие от популярных брошюр обращаются к первоисточникам. Все это утешительно, не правда ли? Но ведь для нас, как организации, в этом скрыта целая трагедия. В то время, когда так растут запросы масс, когда так требуются квалифицированные и экстраквалифицированные пропагандисты, что можем мы предложить рабочим? Слабые группки партийных людей, которые жалуются, что отупели от организационной беготни! Для нас это сплошь и рядом означает банкротство. Партия не переживает политического кризиса, программа и тактика ее не подточены суровым опытом, но ее организационный кризис — и очень тяжелый — не подлежит сомнению. Правда, от целого ряда докладов с мест — напр., Южной, Северной, Уральской области — мы слышали, что за самое последнее время дела у них начинают налаживаться и поправляться. Но ведь это в самое последнее время...

Картина, нарисованная докладчиками с мест, вводит вас и в положение Ц.К-та за отчетный период. Организации низшего порядка оказывались жизнеспособнее организаций высшего порядка. Что это значит? Это значит, что между руководящим центром партии и трудовыми массами, с их живым стремлением к самостоятельной организации, все более и более выпадали промежуточные звенья. Местные организации, заваленные собственной работой, оказывались прежде всего не в состоянии отделять из своей среды достаточно сил для составления областных комитетов. Таковые стали исчезать или влачить лишь формальное существование: один-два человека, совершенно без денег, на целую огромную область... Участь областных комитетов вскоре стали разделять и губернские, где они существовали. Получилась такая картина: Ц.К. лицом к лицу с не спаянными между собою организациями отдельных городов, находящимися в нерегулярных сношениях с собственно массовыми организациями и растерявшими значительную часть связей с этими организациями...

Такое положение вещей угрожало полной изоляцией Ц.К-та от значительной части партии. Ц.К. состоит из ограниченного числа людей — их по уставу никогда не может быть более десяти (5 избр. и 5 кооптированных). В настоящее время из пяти избранных членов один — Г.Гершуни — умер, и один — в тюрьме¹²⁶, так что в Ц.К. не может быть более 8 членов. Таким образом, нас

гораздо меньше, чем областей. Как, при таких условиях, сохранить живую связь с местными работниками, принимая во внимание, что распадение областных комитетов заставляло сноситься все чаще и чаще индивидуально с отдельными мелкими организациями; а это не могло не осложнять задачи до такой степени, что порою она превышала всякие человеческие силы. Понятно, что ведение партийных органов, боевое дело и др. специальные функции также отвлекали некоторое количество личных сил Ц.К. и еще более суживали возможность живого общения с областями. Из специальных функций укажу на разрешение большого денежного вопроса. Совершенно не имею отчислений из касс местных организаций, центральная касса пополняется — кроме редких исключений — взносами, добываемыми благодаря личным усилиям членов Ц.К., но ведь это также связано бывает нередко с огромной потерей времени и усилий.

Имея все это в виду, Ц.К. принял за отчетное время ряд мер, чтобы сосредоточить вокруг себя известное количество личных сил — из числа более опытных, квалифицированных партийных работников — и создал некоторые вспомогательные учреждения при Ц.К. Таким образом, в своей организационной деятельности, Ц.К. обратил особенное внимание на:

- 1) создание исполнительного органа, на обязанности которого лежала бы практическая сторона работы,
- 2) создание института уполномоченных Ц.К. в областях,
- 3) объезды организаций членами Ц.К.

Начало созданию Организационного бюро было положено еще в декабре 1906 г. Но только за отчетный период Бюро окрепло и успело стать необходимым и в высшей степени ценным органом партии. Ему, между прочим, приходится выносить на своих плечах почти всю повседневную, неблагодарную работу: вести все письменные сношения, принимать на явках товарищей, приехавших по делам организации, заведовать всем техническим хозяйством партии и пр. Работа эта неблагодарная, ибо при массе дел и при ограниченности состава Орг. бюро, члены его по необходимости должны в большинстве случаев ограничиться чисто деловыми сношениями с товарищами, а это нередко вызывает нарекания со стороны последних.

Функция уполномоченных не менее трудна. Членам Ц.К. нет возможности часто объезжать области. Частые отлучки неизбежно привели бы к тому, что в неотложных, иногда очень важных вопросах, решения принимались бы не всем коллективом, а только членами, оставшимися на месте. Вести контроль организации, который возлагается на него уставом, Ц.К. мог только, установив институт уполномоченных. Всякий уполномоченный должен служить соединительным звеном между областной организацией и Центральным Комитетом. Стремясь непрерывно к возможно большему скреплению организации, к ее слитию в одно стройное целое, уполномоченный по самой своей функции должен в некотором

роде являться хранителем принципа централизации, играть роль генерал-прокурора в областной организации. Эта роль требует большого такта со стороны уполномоченных, особенно в эпоху упадка революционности и тенденции к разброду, когда приходится твердо настаивать на том, чтобы партия придерживалась дисциплины и следовала директивам Ц.К. Несмотря на всю трудность положения уполномоченных, за отчетный период произошел один только раз конфликт между уполномоченным и областным комитетом, конфликт, о котором вскользь упомянул тов. Цензор, представитель Сев. Кавказа.

Еще со времени приезда в эту область группы максималистов из состава бывшей московской оппозиции, — группы, располагавшей значительными денежными средствами — в этой области установились чрезвычайно «свободные» воззрения на вопрос о частных экспроприациях. Тогда, кроме того, в области установилось и крайне странное отношение к партийной дисциплине. Область ставила тогда Ц.К.-ту ряд ультиматумов, которые он, разумеется, отверг. Впоследствии, правда, весь этот оппозиционный пыл с угрозами, расколом и т.п. улегся. Но следы распространившегося там духа экспроприаторства и непризнания партийной дисциплины остались. В связи с этим, в области широко распространился обычай вымогать деньги у частных лиц от имени фиктивных или реальных организаций; и его мало-помалу стали усваивать себе — увы! многие лица и группы, принадлежащие к нашей партии. Ввиду той глубокой деморализации, которую практика вымогательства вносит в партийные ряды, Северо-Кавказский обл. комитет решил энергично бороться с шантажистами, подлежащими юрисдикции организации. Но в оценке тех пределов, до которых должна доходить борьба, обл. комитет несомненно разошелся с вполне определенными директивами Ц.К. на этот счет. Обл. ком. решил наказывать шантажистов смертью. Центр. же Ком. полагал, что в борьбе с этими крайне нежелательными явлениями мы, как социалисты, не должны переходить известной черты, той черты, которая резко отделяет нас и должна отделять от правительства и его методов. По мнению Ц.К., изгнание навсегда из партии с опубликованием в партийных органах и призывом к бойкоту исключенного со стороны всех честных людей было крайним наказанием, которому можно было подвергнуть членов партии, провинившихся в вымогательстве и шантаже. К сожалению, уполномоченный Ц.К. не сообщил своевременно этого мнения Ц.К. Сев.-Кавказскому обл. ком., что и повело впоследствии к столкновению. Обл. ком. вынес смертный приговор одному из членов организации, уличенному в вымогательстве денег именем организации. Уполномоченный Ц.К. немедленно наложил свое вето на этот приговор, но обл. ком. отказался считаться с ним. Уполномоченный предложил обл. ком. обратиться с апелляцией в Ц.К., но О.к. отказался под тем предлогом, что уполномоченный раньше не опротестовал его принципиального решения. Для поддержания партийной дисциплины

Центральному Комитету оставался один только путь: распустить обл. комитет и временно устранить его членов от ответственной областной работы. И он это сделал, несмотря на то, что члены комитета были очень хорошими партийными работниками (и — кстати сказать — «ортодоксальнейшими» с.р.-ми). Именно потому, что им много было дано, от них можно и должно много требовать. Ц.К. убежден, что когда пройдет первая горечь от мероприятия, наложенного в результате этого нарушения партийной дисциплины, временно устраненные товарищи поймут, что они должны показать пример подчинения хотя и тяжелой для их сознания меры, и что по окончании ее срока они вновь займут ответственные посты, которые они могут с честью занимать сообразно своим способностям.

Что касается объездов партийных организаций членами Ц.К., то они не могли быть так часты, как этого хотелось бы самому Ц.К. Помимо причин, о которых было уже упомянуто раньше, одним из немаловажных препятствий к объездам было отсутствие фондов. Вообще, приток средств в партию пропорционален уровню революционности в стране. А так как уровень этот за отчетный период был невысок, то и поступления в кассу партии были очень незначительны. Пришлось урезать бюджет, начав с отказа в субсидиях местным организациям. Раньше все военное дело велось на средства Ц.К. Несмотря на всю важность этого дела, пришлось и тут сделать существенные сокращения, пока значительный провал военной организации не вычеркнул почти совсем этой статьи расхода из бюджета Ц.К. Пришлось затем составлять очередь органам партийной печати, подлежащим за недостатком средств закрытию. Затем пришлось жить в долг. С 30.000 с лишним руб. в месяц бюджет упал до 7—7 с полов[иной] тысяч рублей в месяц. Было время, когда стал даже вопрос — не разъехаться ли всем членам Ц.К. по областям, чтобы приняться «снизу» за поправку дел партии и за восстановление умирающей партийной кассы. Тяжелые дни приходилось переживать Ц.К-ту. Однако этот кризис удалось пережить. За последние три месяца и дела Ц.К. — так же, как и дела местных организаций, согласно выслушанным нами докладам — стали медленно и трудно, но поправляться. Это видно и на кассе: в апреле бюджет наш поднялся до 13 т., в мае до 23.000 т. и в июне 20 т.р. Впрочем, эти цифры выглядят лучше, чем на самом деле, потому что в них входит крупную сумму уплата по долгам и экстренные расходы на конференцию.

Коррективом к отсутствию регулярных отчислений от местных организаций в кассу Ц.К. должно было служить постановление Совета партии, в силу которого из экстраординарных доходов областей, (напр., казенных экспроприаций) значительные суммы должны были поступать в общепартийную кассу, на месте же оставаться сравнительно меньшие суммы (по соглашению). Но это постановление, увы! не приводилось до сих пор в исполнение. Области нередко хранили глубокое молчание об экстраординарных

поступлениях, расходовали их целиком на месте и упорно противились требованиям отчислений. Но такое положение недопустимо. Все законы писать, если их не исполнять. Да и по существу дело Ц.К. не может функционировать, если общепартийная касса будет зависеть исключительно от личного умения персонального состава Ц.К. «изыскивать средства». Вопрос этот должен быть урегулирован раз навсегда, и в том смысл, что местный патриотизм должен уступить общепартийному интересу. Экстраординарные поступления должны рассматриваться как собственность всей партии.

Как бы то ни было, насколько можно судить по имеющимся осязательным фактам, самый тягостный период в партийной жизни все-таки пережит; теперь явились признаки начинающегося улучшения. Мы, по крайней мере, не парализованы, как несколько месяцев тому назад. Как ни тяжелы времена, как ни трудны — порою, на первый взгляд даже непосильны задачи, — но по крайней мере, есть возможность за них взяться; есть возможность заняться той деятельностью, которая стоит на очереди, — собиранием земли. Эта работа сосредоточивания сил до сих пор производилась случайно, урывками; для нее в нашем организационном уставе даже не было достаточно определенной правовой основы. Прежде всего предстояло ликвидировать захиревшие организации, которые шли к верной гибели, а порою даже компрометировали партию. При этом выдвинулись такие вопросы права, которые не были предвидены организационным уставом; а между тем, по общим условиям, созвать съезд для изменения устава не было никакой возможности. Пришлось прибегнуть к толкованиям, действовать в духе устава; опираясь на устав, идти дальше него. Ликвидация хилых организаций не была предвидена, пришлось однако прибегнуть к ней. Несколько организаций были, по соглашению Ц.К. с обл. комитетами, таким образом ликвидированы (в Киеве, Москве, Курске и др. местах). Ц.К. считает своей обязанностью довести об этом до сведения конференции. Он вместе с тем отдаст отчет об этом Совету, принимая на себя полную ответственность за все эти действия, которые он считал себя обязанным предпринять в партийном интересе.

Одним из существенных признаков переживаемого нами момента является настоятельная потребность, с одной стороны, стянуть организацию, сомкнуть ее ряды, с другой стороны, углубить работу в массах в смысле большего и более систематического развития их социалистического самосознания. Выслушанные вами доклады с мест не оставляют на этот счет никакого сомнения.

Углубление работы предполагает наличность деятельных и хорошо подготовленных пропагандистов. Но их очень мало, и поэтому потребности масс не удовлетворяются. Массы ищут выхода и не находят его, за неимением лучшего, то в стремлении к непосредственному революционному действию, то в стремлении к профессиональным союзам или к кооперациям. Мы ни в каком случае

не должны игнорировать этого стремления. Мы должны входить во все виды массовых организаций, для того чтобы проводить в них наши идеи и сохранить постоянное и непосредственное соприкосновение с наиболее активной частью передовых масс. Именно потому, что способность нашей конспиративной организации охватить массы, несомненно, «по независящим обстоятельствам» значительно понизилась, было бы гибельным упустить какую бы то ни было возможность быть вместе с массами в их попытках к самоорганизации, какую бы скромную внешность они ни имели. В профессиональные союзы, кооперативы, клубы, образовательные общества — везде рекомендовали мы проникать нашим товарищам. Мы боролись с тем узко «боевистским» духом, который связан с пренебрежительным отношением ко всему этому «культурничеству».

На пути к осуществлению этой органической работы мы сталкивались внутри партии и с таким течением, которые, не относясь к ней отрицательно, стремились прийти к цели другими путями. Бешенный натиск реакции вызвал у героических натур стремление противодействовать ему, хотя бы без надежды на успех, ради моральной силы протеста. Другие верили в возможность остановить натиск реакции, вызвать перелом в ходе событий. Одни надеялись сделать это посредством военных восстаний, другие видели выход в партизанских выступлениях, третьи строили планы всеобщего вооруженного восстания и, наконец, четвертые все надежды возлагали на террористическую борьбу. Ц.К. относится ко всем этим попыткам неодинаково. Что касается террора, то, конечно, для нас здесь не было вопроса: что эпохи контрреволюции заставляют с новой силой обратиться к этому испытанному средству — мы не сомневались. Здесь перед нами стояли только технические трудности, о которых я скажу несколько слов далее. Иначе приходилось отнестись к планам военных восстаний, партизанской борьбы и частичных массовых движений. В эпоху понижения общего настроения к ним приходилось относиться крайне сдержанно и скептически, из совершенно понятного опасения вызвать преждевременные (или запоздалые — как хотите) вспышки, могущие только повести к бесполезной растрате революционных сил. Это отношение — мы хорошо знаем — вызывало нередко нарекания на Ц.К. и обвинения в «угашении революционного духа». Однако, думается мне, события показали, что Ц.К. избрал правильную позицию. Когда возникла наделавшая много шума беспартийная организация из «лбовцев» — лесных братьев, бывших с.-р.-ских и даже с.-д.-ских боевиков — так называемый «Уральский боевой союз», поставивший своей задачей немедленное возбуждение на Урале «партизанской борьбы» в полном смысле этого слова, Ц.К., исследовав дело на месте, отнесся отрицательно к этой попытке. При всех топографических удобствах Урала для партизанской народной войны против правительства, при всем стихийно-буйном складе значительной части населения для партизанской войны

почвы не оказалось; она осталась революционной фразой; реальные же «партизанские выступления» Уральского союза, в сущности, сводились к частным экспроприациям, и широкого революционного размаха принять не могли. Здесь было много удалого «ушкунничества», но по последствиям оно имело скорее отрицательное, чем положительное значение. Это движение срывало наши организации, но создать положительного ничего не сумело и не смогло. После того, как наши попытки обратить эти боевые силы на более правильный путь не удались, оставалось лишь прекратить с ними отношения. Партии тут нечего было делать.

Мы отлично понимаем, что само «всеобщее» народное восстание не может явиться на божий свет сразу, готовым; что такое восстание обычно вырастает из частичных выступлений, из партизанской войны и принципиально мы вовсе не отказываемся от нее. При разбросанности деревень крестьянскому движению партизанская форма, может быть, навязывается столь же естественно, как баррикадная форма борьбы — городу. Вопрос лишь в том, насколько общие условия времени и места дают возможность надеяться на то, что начавшееся в одном месте, партизанское выступление продержится достаточное время, чтобы создать правительству серьезные затруднения и вызвать посредством заразительности примера другие выступления. По нашему глубокому убеждению, пережитая эпоха не давала ни малейших оснований надеяться на что-либо подобное. Вот почему в свое время мы отнеслись к возникшим планам немедленного начатия партизанской войны отрицательно, как к совершенно несвоевременным.

Ц.К. отнесся столь же отрицательно к плану массового крестьянского восстания, возникшему в Воронежской губ. Там составилось мнение, что накопленной революционной энергии надо дать применение и что единственно правильным применением ее должно быть вооруженное выступление. Инициаторы этого движения думали, что их поддержат другие местности и, для того чтобы столкнуться, они требовали созыва «Съезда Революционной России», т.е. представителей тех мест, где революционный дух крестьянства, не сломленный реакцией, достаточно силен и непосредственен, чтобы вызвать восстание. Предполагалось, что соединенными усилиями удастся нанести контрреволюции решительный удар. Попытки боевой подготовки крестьянских масс, бывшие на Украине, нас очень заинтересовали, и соответственные места были не раз посещены особыми агентами Ц.К. — В итоге, однако, мы нашли, что постановка этой работы грешит существенной неправильностью, что товарищи слишком муссируют настроение и преувеличивают готовность к выступлению. Движение, вообще говоря, было гораздо менее глубоким, чем казалось инициаторам, и серьезных оснований надеяться на успех, даже временный, не было. Попытка выступления была бы задавлена в самом начале; была бы не демонстрация силы революции, а демонстрация силы правительства; а на такой почве репрессии, несомненно, «разрядили»

бы революционную энергию крестьянства, только в смысле уныния и разочарования в своих силах. И таковы бывают всегда последствия неумеренного революционного оптимизма. Выступив против него, Ц.К. вместо съезда «Революционной России» занялся подготовлением к созыву конференции крестьянских работников, не для того, чтобы найти универсальное средство против контрреволюции, а для разработки насущных организационных вопросов.

Итак, в своей тактике мы руководились реальными соображениями, мы учитывали действительно существующие силы. Из того, что в данной местности имеются революционные силы, мы еще не выводили заключения, что их надо немедленно пустить на вооруженное выступление, не считаясь с состоянием других местностей. Нам казалось вообще, что в настоящее время было бы роковой ошибкой увлекаться прожектами массовых выступлений. Само собою разумеется, что революционная готовность и боевая способность масс крепнет и развивается только в процессе борьбы. Но она проявляется в тысяче форм, и вооруженное выступление только одна из них. Мы и рекомендовали непосредственную борьбу в иных формах: для борьбы массовой мы рекомендовали обычные формы стачек, бойкота помещиков и кулаков и т.п., а для меньшинства — местный террор. Задача ближайшего момента — накопление и концентрация революционных сил, чем не исключается и террористическая деятельность в том объеме, в каком она диктуется современным положением.

В кажущемся противоречии с намеченной нами тактикой стоит севастопольское выступление¹²⁷. Нам много раз говорили, что Севастополь наш, что эскадра наша, что массы рвутся в бой и что удержать их скоро будет совершенно невозможно. Мы послали туда товарищей военных работников, дав им полномочия решить на месте вместе с тамошними работниками вопрос, и в случае, если положение окажется действительно таким, каким его нам рисуют, пойти на восстание. Оказалось, что и тут положение было сильно переоценено, и в результате получилась чувствительная неудача. Оказалось, что настроение войск — очень колеблющееся, и строить на нем расчеты чрезвычайно трудно. Понятно, что не может служить основанием разочарования в работе среди войск. Скорее наоборот: случай этот должен послужить стимулом к дальнейшему расширению и углублению нашей военной работы.

Севастопольское выступление послужило поводом к конфликту между Крымским союзом и военной организацией. Приезжавшие к нам представители симферопольского и обновленного севастопольского комитета привезли нам целый обвинительный акт против товарищей из военной организации, утверждая, что последняя захватила себе права, которые не принадлежат ей по смыслу организационного устава, что она стала на узкую военно-заговорщическую точку зрения, по существу вредную принципам социалистической классовой борьбы, что она начала восстание, не

предупредив рабочих организаций и т.д. Обвинения, по проверке, показались нам по меньшей мере преувеличенными, так как севастопольский комитет тоже принимал участие в решении вопроса о восстании и в равной степени несет ответственность за принятое решение; и не вина приезжих, если большинство местного комитета, состоявшее тоже из военных работников, стояло на иной точке зрения, чем новый состав того же комитета, возникший после восстания; для нас было также ясно, что если настроение солдат и было переоценено, то отсюда заключать о заговорщической узости было бы несправедливо. Однако успокоиться на этом и признать, что в общем все-таки, все обстоит благополучно — Ц.К. не мог. Самый факт возможности таких конфликтов и обвинений в наших глазах свидетельствовал о том, что назревает какое-то психологическое отчуждение между военными работниками и представителями массовых — крестьянских и рабочих организаций. Ввиду этого Ц.К. решил с особенною силою подтвердить заинтересованным сторонам то общее правило устава, в силу которого за всю партийную работу в каждой местности ответственны перед партией местные комитеты — губернские и областные. Вместе с тем было решено и в центре сделать новый шаг к сближению, координации военного дела с другими отраслями партийной работы, а именно — военное бюро при Ц.К. сделать такою же автономною частью общего Организационного бюро, как комиссии — крестьянскую и рабочую. На этой почве опять возник конфликт, т.к. большинство военных работников не могло согласиться с точкою зрения Ц.К. и, наоборот, стояло за значительно большую обособленность и самостоятельность военной организации, за выборность ее центра и т.п. Попытки столковаться не увенчались успехом; обе стороны остались на своей точке зрения, и Ц.К. предложил военным работникам подчиниться состоявшемуся решению несмотря на то, что они ему в принципе не симпатизируют — так как иного выхода нет.

Остается сказать несколько слов о положении боевого дела. В настоящее время трудности этого дела чрезвычайно увеличились, а вместе с тем развивающиеся события русской жизни осложнили и расширили нашу задачу в этой области. Настроение больших масс таково, что удачный удар, направленный партией в центр, может послужить исходным пунктом новой фазы русской революции. Но нанесение этого удара сопряжено с величайшими затруднениями и требует сильного напряжения партийных сил и средств. В этом смысле Ц.К. не считает себя достаточно вооруженным. Вы знаете, что с 1905 г. деятельность Боевой организации, до тех пор одержавшей ряд блестящих побед, была почти совершенно парализована. Ряд неудач вызвал одно время отставку ее руководителей, которая едва не привела к отставке, к удалению от работы всего ее состава — более двадцати человек. У многих созрело даже убеждение, что с наличными средствами борьбы мы бессильны против правительства. Как когда-то революционный террор ис-

черпал себя, и только поднятие техники борьбы на новую ступень — ступень динамитного террора — открыло возможность новых побед, так говорят нам, и теперь для успеха борьбы необходимым условием является новый прогресс террористической техники, не менее крупный, чем прежний переход от револьвера к динамиту. Не отрицая важности технического прогресса террористической борьбы и предпринимая в этом отношении необходимые изыскания, Ц.К., однако, приведенное мнение считает преувеличенным. Ряд успехов непосредственно после отставки Б.о., достигнутых деятельностью сравнительно небольших боевых отрядов, не доказывает ли возможности борьбы и на прежней технической основе? Имеющиеся возможности далеко нами не использованы. Так, пользование «методом информации» было до сих пор случайным, спорадическим, а не организованным. Кроме того, вся постановка центрального террора в партии грешит одной крупной ненормальностью. Считается, что этим ведает, так сказать, особый департамент — Б.о., и, следовательно, партии тут не над чем ломать голову, не о чем заботиться. Но это не так. Положение террористической борьбы теперь не таково, чтобы считать, будто здесь все обстоит благополучно. Правительство усилилось, ряд провалов ознакомил его с техникой нашей борьбы и облегчил задачу его самообороны. Только достаточное напряжение сил и материальных средств всей партии может снова поставить террор на ту высоту, на которой он стоял когда-то. Иначе немногие спорадические успехи будут всегда перевешиваться у нас массой жертв вроде тех, которые мы понесли в этом году в виде незабвенного Карла, «семи повешенных»¹²⁸ и др. У нас будет не террор, а героические, почти безнадежные попытки к нему, подсказанные «героизмом отчаяния».

В числе пробелов партийной деятельности нужно указать на недостаток в литературе. Для того чтобы сохранить и расширить наше идейное влияние в массах, нам необходимо заботиться не только о создании популярной литературы, но и о создании идейного центра, который держал бы наших партийных работников в курсе всего, что творится и у нас и за границей в области разработки социалистических идей и их применения к жизни. Но наша отброшенность от легальной литературы ставит нас в этом отношении, сравнительно с с.-д., в условия, гораздо менее выгодные.

К делу постановки своей легальной литературы мы возвращались несколько раз. К сожалению, только теперь явились кое-какие намеки на материальную возможность попыток осуществить кое-что из давно задуманного. Для обсуждения имеющихся проектов мы созовем партийных писателей на особую литературную конференцию. Ц.К. не скрывает от себя, что в этом отношении на нем лежит крайне трудноисполнимая обязанность.

Окидывая общим взглядом состояние нашей партии за отчетный период, мы выносим впечатление, что мы пережили кризис, период реорганизации и разброда, который нас одно время пара-

лизовал. Теперь мы оправились от паралича и с надеждами глядим в будущее. Дезорганизация и разброд коснулись почти исключительно интеллигентных кадров нашей партии. Рабочие, и особенно крестьянские массы, которые являются ее основой, затронуты кризисом только внешним образом. Они сохранили веру в революцию и идут навстречу партийным работникам и организациям всюду, где они появляются. Теперь и в настроении интеллигенции, партийной и примыкающей к нашей партии, замечается, несомненно, некоторый поворот к лучшему. Бегство из партийных организаций за границу прекращается, и наблюдается уже обратная тяга. Увеличение переписки с организациями, увеличение издательской деятельности на местах, — все это свидетельствует о том, что мы начинаем оправляться. В общественном настроении также наблюдается некоторое оживление — мы как будто вступаем в новый период, период подъема оппозиционной волны. Нам остается только, пользуясь приобретенным опытом, направить свои силы так, чтобы они дали максимум действия. И в этом отношении мы считаем, что нашей ближайшей задачей является сплочение организации вокруг центров, углубление социалистического сознания масс и возобновление террористических ударов, поражающих правительство (*аплодисменты*).

Заседание закрывается.

Заседание IX

8 августа

Тов. председатель открывает заседание в 9 час. утра.

Тов. Береславцев, представитель партии в Интернациональном Социалистическом Бюро, докладывает о деятельности партии за границей.

Резюме доклада тов. Береславцева:

Самым выдающимся событием в международной жизни партии за отчетный срок, было участие ее в Штутгартском конгрессе¹²⁹. Партии предстояла задача и открылась возможность закрепить за собою те позиции, которые она уже ранее завоевала в международном социалистическом мире. Для этого, как вам известно, по постановлению 2-го партийного съезда¹³⁰, Ц.К. должен был: подготовить отчет о деятельности партии и состоянии ее сил за промежуток времени от Амстердамского конгресса до середины 1907 г.; организовать соответствующее ее силам представительство, которое обеспечило бы делегации партии возможность работать в комиссиях конгресса и влиять на ход и направление его резолюций в духе партийной программы.

Условия, при которых Ц.К. приходилось исполнять эти задачи, были самые тяжелые, что и отразилось на результатах. Для составления отчета Ц.К. предоставил в наше распоряжение огромный сырой материал, который нам пришлось обработать в очень

короткий срок. Этот отчет — 304 печатных страницы — вошел во 2-й том сборника докладов, изданного Международным Социалистическим Бюро, и появился в отдельном издании на французском и немецком языках (последний в сокращенном виде).

Крупный недостаток этого отчета — его длина. С мест для его составления поступила масса материалов, которые надо было разработать, свести и сжать, насколько возможно. При составлении отчета имелось в виду осветить не только деятельность Ц.К., но также областных комитетов, чтобы вскрыть перед товарищами других стран всю внутреннюю жизнь партии. Этот отчет, не только для западноевропейского читателя, но и для российского, есть единственный печатный документ, сводящий в одной целое все то, что делалось в областных и местных организациях до середины 1907 г.

(Докладчик анализирует вкратце содержание отчета, состоящего из 8 глав.)

Затем докладчик переходит к изложению столкновения в соц.-демократической подсекции, внутри Международного Бюро, по вопросам — о допущении Еврейской рабочей социалистической партии «Серп» и — о числе голосов.

Согласно договору между обеими российскими подсекциями, известное число национальных социалистических организаций входит в состав каждой подсекции — по праву. Таким образом, в состав нашей подсекции вошли следующие организации: армянская партия Дашнакцутюн, Союз латышских социал-демократов¹³¹ и Грузинская партия социалистов-федералистов. Для допущения других организаций в одну из подсекций необходимо согласие обеих подсекций, в противном случае, спор решает в окончательной инстанции М.С.Б.

«Серп», несмотря на оппозицию соц.-демократической подсекции, особенно «Бунда» (который не имеет внутри М.С.Б. решающего голоса, но делегирует обыкновенно туда 2-х представителей с совещательным голосом), был допущен.

Замечу мимоходом, что партия социалистов-сионистов¹³² была допущена на Штутгартский съезд с совещательным голосом. Мы воздержались в споре между сионистами (заявившими себя ортодоксальными марксистами) и соц.-демократической подсекцией. По предложению голландской секции, социалистам-сионистам был дан совещательный голос. По вопросу о распределении между 2-мя подсекциями голосов нам пришлось выдержать ожесточенную борьбу с нашими друзьями-врагами. М.С.Б. дало нам, в конце концов, 7 голосов, соц.-демократической подсекции 10 голосов, а остальные 3 голоса (России как «большой социалистической державе» дан максимум, т.е. 20 голосов) даны были профессиональным союзам, из которых только очень немногие явились на Штутгартский конгресс.

По поводу борьбы с соц.-демократами за число голосов в соц.-демократической прессе явилось довольно фантастическое изложе-

ние нашей аргументации в пользу равенства числа голосов. Для того чтобы увеличить число наших голосов, я будто бы ссылаюсь на принадлежность к нашей партии видных и талантливых писателей, стоящих во главе народно-социалистической «партии». Излишне говорить, что такое утверждение ничего общего с истиной не имеет.

Докладчик, указав на то, что более 100 мандатов от разных областных и местных комитетов партии были представлены 19 делегатами, выразил сожаление, что Ц.К. не мог делегировать никого из своих членов, что взвалило на некоторых из делегатов и лишний труд, мешавший им работать как следует в комиссиях.

Далее докладчик вкратце резюмирует, в чем заключалась работа делегации в комиссиях: по вопросу об отношениях между политической и профессиональной организациями, по вопросу о борьбе с милитаризмом, прибавив, что он постарается, по мере обсуждения порядка дня данной конференции, познакомить последнюю с теми резолюциями, в принятии которых участвовала партия.

Докладчик излагает далее помощь Интернационала в деле тов. Васильева¹³³, и проявление солидарности в грандиозных похоронах Г.А.Гершуни.

Заканчивая свой доклад, тов. Береславцев заявил, что Интернационал находится еще в зачаточном состоянии, в период своего первоначального строительства, но его влияние уже сильно отражается в смысле объединения усилий социалистических партий всех стран — направить как рабочие организации, стоящие на почве профессионального движения, так и политические партии, главным образом борющиеся на арене парламентской деятельности, к великой цели социализма, освобождения трудящихся масс от политического гнета и эксплуатации имущих и правящих классов. Российские партии, и партия соц.-революционеров в частности, своей упорной борьбой уже сделали большой вклад в общую сокровищницу Интернационала, который не перестает смотреть на Россию, несмотря на временное затишье и неизбежную реакцию, как на один из могущественнейших своих отрядов.

Партия, продолжая свою организационную работу во всех областях своей деятельности, должна сделать все, чтобы не обмануть ожиданий Интернационала. (*Продолжительные аплодисменты.*)

После 5-минутного перерыва, представитель Ц.К. тов. Оленин дает объяснения на заданные ему вопросы.

1. По вопросу о распределении партийной литературы по организациям. За отчетный период был только один крупный провал литературы в количестве 15 пудов нелегальной и 50 пудов легальной. О количестве погибшей литературы на местах сведений не имеется, так как товарищи не извещают об этом своевременно, хотя это необходимо для более рациональной постановки транспорта.

2. Средства центральной кассы партии составлялись главным образом из крупных взносов и отчислений, делаемых некоторыми

членами партии и лицами, сочувствующими ее деятельности. Кроме того, были экстраординарные поступления. Денежные отчеты печатаются в органах партии ежемесячно.

Расходы по боевому делу не опубликовываются ранее полугода.

3. Неудачный исход восстания в Севастополе вызвал конфликт между общими и специально военными работниками. Ц.К., разбирая данный конфликт, высказался за единство организаций, в смысле идейном и тактическом. За всю работу ответственность возлагается на местный комитет.

4. В связи с этим и с целым рядом других фактов, свидетельствующих о тенденции к полному отделению военной работы от общепартийной, Ц.К. постановил включить Центральное военное бюро в состав Орган. бюро и довести об этом до сведения местных организаций. Никакого ослабления в постановке военной работы от этого не произошло, но провал крупных военных работников в Петербурге не мог не отразиться на работе крайне неблагоприятно.

5. Боевое дело в областях обстоит в данное время весьма плохо. Мало сил и средств. Очередная задача — концентрация всех боевых сил на более крупных террористических актах, имеющих общеполитическое значение.

6. Представители национальных политических партий (Дашнакцутюн, грузины-федералисты, серписты) были поддержаны нами на международном Штутгартском соц. конгрессе на основании их формальных заявлений об их социалистических убеждениях.

7. Уполномоченных Ц.К. в областях очень мало и положение их теперь чрезвычайно тягостно, так как организации на местах разбиты и работать очень трудно. Обязанности уполномоченных следующие: а) доводить до сведения Ц.К. о всех делах в области, б) временное вето в наиболее важных случаях, в) информирование местных организаций.

8. Отношение партии к студенческим делам выразилось статьями в «Знамени труда» и представительством на студенческом съезде.

Тов. Береславцев делает некоторые дополнения по вопросу об участии на Штутгартском конгрессе представителей национ. соц. партии. Они были поддержаны им по настоянию Ц.К. Относительно социалистической Еврейской рабочей партии («Серп») он получил накануне съезда категорическое предложение Ц.К. поддержать эту партию, что он и сделал, хотя лично мало знаком с ее деятельностью.

В качестве содокладчика тов. Волховский сообщает некоторые данные о положении наших товарищей в Англии, об отношении английского общества к освободительному движению в России и о некоторых попытках агитации среди англичан в интересах русской революции.

Тов. Савин дает от имени Организ. бюро, в дополнение к сообщению Ц.К., некоторые справки и ответы на запросы товарищей.

1. По вопросу о том, не повлияло ли на уменьшение отъездов за границу заявление Ц.К., что он лишен возможности выдавать частные пособия отдельным членам партии, и не являлся ли возврат на работу явлением непрочным. По первой половине вопроса никаких чисто объективных данных быть не может. Такого общего представления у Орг. б. не составилось — вот все, что можно сказать. Тяга за границу, когда она существует, подобным заявлением остановлена, конечно, быть не может. Да и многим ли это заявление известно, многие ли его помнят? Что касается до возвращения к работе через О.б., то можно констатировать следующее: общее число товарищей, проходящих через бюро, стало, пожалуй, меньше, но процент прочно работающих партийных товарищей стал большим.

2. Доходит ли литература, отправляемая Орг. бюро, до мест назначения, до читателя? Уже в самом вопросе заключается сомнение в возможности утвердительного ответа и предположение о большей вероятности ответа отрицательного. Пессимистическое отношение к делу поддерживается у многих наличием жалоб на неполучение, на отсутствие литературы на местах. Но для полноты картины необходимо принять во внимание то, что о случаях, когда литература доходит вовремя и исправно, — о таких случаях не говорят организации. Организации литературу получают, распределяют и — Орг. бюро констатирует это с большим сожалением — по большей части ни единым словом не извещают о получении, несмотря на то, что 1) в каждую посылку кладется записка с просьбой известить о получении и 2) что, как неоднократно организациям сообщалось, отсутствие такого ответа вредит регулярности посылок: О.б. не знает, посылать ли на тот же адрес или нет.

Но и сами жалобы не всегда бывают верны. Вот пример. Приезжает областник: «Мы не получаем ничего!» А литература отправлена была. Заключаем, что она провалилась, что адреса негодны. Спустя некоторое время, является другой областник оттуда же, и от него мы узнаем, что, напротив, все посланное дошло исправно, а отрицательный ответ его сотоварища объясняется только тем, что он не был в курсе этого дела и что областные дела вообще не совсем в порядке.

Или другой пример: тов. делегат с Урала, от Ижевской организации, заявляет, что два месяца у них ничего не получалось. Но на самом деле, Орг. бюро правильно посылало на Урал в тот пункт, какой был указан с места, и не вина его, если дальнейшее распределение литературы по области шло не совсем правильно. Тов. грузин тоже упрекал Ц.К., что он их забыл. А между тем рядом с Кутансом, в Баку и Тифлисе, все получалось исправно. Кто же виноват? Не местные ли работники, не сумевшие установить у себя правильной связи по области?

Ввиду таких и подобных случаев, Орг. бюро скрепя сердце поставило на очередь вопрос об изменении порядка отправки литературы, — именно, не по областям, а прямо на места. Но для этого необходимы адреса, адреса и адреса. А даже и теперь, при сношениях по этому делу с областями, мы, Орг. бюро, зачастую остаемся без адресов или с сомнительными, и иной раз не получаем вестей о провале тех, какие нам были даны. По общему приближительному итогу, вернее — впечатлению Орг. бюро, около 3-х четв. посылаемой литературы доходило. Напомню, что и это — колоссальное количество. Всего издано было два миллиона двести тысяч экземпляров, и три четверти этого числа составляют более 1.500.000 экземпляров. Два слова относительно поступлений за литературу. Продажа литературы за последнее время невероятно сократилась. За один из месяцев получилось, напр., в соответственной графе доходов — 4 рубля. Организации со своей стороны почти ничего не вносят.

3. Относительно студенческой забастовки. По этому вопросу были определенные директивы Ц.К. Они были изложены в статьях «Знамени труда». Для студенческой конференции они не были обязательны, и конференция могла выйти за их пределы. Из разных течений ни одно на конференции не получило большинства. Но за нашу резолюцию высказалось больше голосов, чем за с.-д.-кую. Наше влияние, по-видимому, было преобладающим.

Тов. председатель. Доклады с мест, Ц.К. и Орг. бюро выслушаны. В них заключается материал для предстоящего нам обсуждения очередных тактических и организационных вопросов. Некоторыми товарищами поднят был вопрос о необходимости немедленно открыть дебаты по существу докладов Ц.К. По мнению президиума, дебаты эти должны иметь место при обсуждении тактических и организационных вопросов. Но конференция вольна изменить порядок дня. Ставя этот вопрос на обсуждение, я, согласно регламенту, даю слово одному товарищу за сохранение порядка дня и одному — против.

Тов. Рязанцев (за). По-видимому, здесь есть желание открыть дебаты по поводу докладов Ц.К., требование дать слово для критики. Я высказываюсь против такого предложения. Я не слышал всех докладов с мест, но из того, что говорилось уже при мне и что я знаю сам, видно для меня, что на местах плохо. А если плохи результаты работы, это значит, что плоха наша работа. При таких условиях начать обсуждение очередных вопросов с критики деятельности Ц.К. и с перечисления замеченных в ней недочетов, нам, прямо скажу, не подобает.

Второе мое соображение заключается в том, что перед нами стоят вопросы громадной важности — обсуждение тактических приемов. Тут мы и будем возражать Ц.К-ту, и у меня от области имеется прямая директива — вступить в борьбу с Ц.К-том, если он будет отстаивать то, что им намечено для будущего.

Если же, по возвращении, я доложу товарищам, что критиковал доклады Ц.К., его поведение и поступки за прошлое время — я одобрения не заслужу. Как социалисты, как товарищи, мы должны главное свое внимание обратить на дело и не придавать нашим дебатам такого оборота, который может быть истолкован как желание повести атаку против того или иного партийного коллектива. Поэтому я предлагаю перейти к обсуждению вопросов, намеченных в порядке дня.

Тов. Семенов (против). Я считаю, что Ц.К. не так плохо вел дела партии, чтобы нуждаться в каких-либо умолчаниях или забвении на том основании, что на местах работают еще хуже. Предлагаю поэтому открыть прения по всей деятельности Ц.К. за отчетный период.

Тов. Оленин просит от имени Ц.К., чтобы действия Ц.К. были подвергнуты обсуждению во всей их полноте. Ц.К-т поддерживает предложение об открытии дебатов и, конечно, в критике своей деятельности видит лишь законное стремление товарищей во всех областях партийной жизни не довольствоваться тем, что есть, а стремиться к лучшему. Всякая деловая критика ценна, и в ней никто не усмотрит простого желания вести атаку для атаки против каких-либо партийных центров.

Тов. председатель ставит на голосование вопрос об открытии прений по поводу докладов Ц.К-та и Орг. бюро.

За открытие прений — 26.

Против — 28.

Тов. Грачев. Когда выдвигались разные вопросы при докладах по областям, президиум заявлял нам, что они будут обсуждаться при докладе Ц.К. А теперь вышло так, что и сам доклад Ц.К. не подвергается обсуждению.

Тов. Рязанцев. Если есть вопросы отложенные, то им будет уделено место при обсуждении соответственных пунктов порядка дня.

Тов. Грачев заявляет, что ввиду неясности положения, он, согласно регламенту, требует поименного голосования по вопросу о порядке дня.

Тов. председатель объявляет перерыв.

После перерыва тов. **председатель** объявляет, что ему доставлен список 15 товарищей, требующих поименного голосования.

Тов. Сергеев (к порядку — за). Во время перерыва, после частных обсуждений по группам произошло, по моим впечатлениям, изменение в настроении собрания, и я предлагаю поэтому переголосовать вопрос.

Тов. Егоров (против). В этом нет надобности. Доклад Ц.К. дает сырой материал. При обсуждении современного момента будет и более удобный повод, и достаточно широкий простор критике того, что делалось Ц.К-том.

Тов. Оленин поддерживает предложение **Ц.К.** открыть прения по сообщению об его деятельности, но так как мотив возражений против этого, — потеря времени, то он предлагает ограничить время, дав голос лишь тем, кто имеет высказать лишь что-либо против, а не в защиту доклада **Ц.К.**; защиту же положений доклада ограничить заключительным словом докладчика.

Тов. председатель предлагает собранию высказаться — желает ли оно переголосовать состоявшееся до перерыва решение.

За это высказывается — 37.

Против — 12.

После этого ставится снова на голосование 2, взаимно исключаящих предложения: **тов. Рязанцева** — не открывать прений по отчетам **Ц.К.** и **Орг. бюро** и **тов. Семенова** — открыть прения и не ставить им границ.

За предложение **тов. Рязанцева** — 18.

За предложение **тов. Семенова** — 29.

Тов. Иванов просит президиум приложить к протоколу его письменное заявление:

«Считая недопустимым в одном и том же заседании пересмотр уже решенного вопроса, от голосования воздерживаюсь».

К принятому конференцией постановлению вносится поправка **тов. Павловского**: прения должны касаться только фактической стороны доклада **Ц.К.**, все спорные вопросы в области идейного руководства отложить до обсуждения тактических вопросов.

Тов. Оленин. Все, что относится до действий **Ц.К.** за подотчетное время, должно входить в область прений. Критику же тех или иных взглядов **Ц.К.**, конечно, удобнее отнести к обсуждению общих, тактических вопросов.

Тов. Иванов. Постановка прений на фактическую почву не сосредоточит их, а, напротив, раздробит и заведет чересчур далеко. Надо ограничиться вопросами, так сказать, внутренней и внешней партийной политики.

Тов. Оленин вносит поправку к предложению **тов. Павловского**: «вопросы идейно-тактического руководства за отчетное время должны входить в область прений».

Голосуются предложение **тов. Павловского** с поправкой **тов. Оленина**:

За — 18.

Против — 8.

Конференция переходит к прениям по отчетам **Ц.К.**

Слово предоставлено **тов. Грачеву**.

Тов. Грачев не задается целью критиковать **Ц.К.** Где люди действуют, там неизбежны и ошибки. Как член партии, он реагирует на известные факты, известные действия. Он просит относиться к тому, что он скажет, не как к критике, а как к обсуждению.

Вопрос о **Ц.К.** и **Орг. бюро** — вопрос болезненный. Вокруг них существует неблагоприятная атмосфера. Задача оратора благодарная, он не может аргументировать фактами, так как по

тем, на которые он мог бы сослаться, нет свидетелей. Но долг совести заставляет его сказать все, что он знает и думает.

За спиной Ц.К. и Орг. бюро идут всякого рода разговоры, а прямо никто ничего не говорит, точно мы — бюрократическое учреждение, где за глаза ругают начальство, а в глаза молчат. Нужно поставить точки над i.

Все поведение Ц.К., избранного на 2-м съезде, представляет одно целое и ограничивать критику пределами времени, начиная с последнего Совета¹³⁴, невозможно. Неверные шаги делались с 1906 г. В партии и широких кругах общества, общества в широком смысле, поколебался авторитет Ц.К. Было время, когда каждому заявлению, каждому слову Ц.К. придавалось громадное значение. Не то теперь, теперь никто на это не обращает внимания. И это понятно — потому что Ц.К. делал заявления не те, какие нужно и не тогда, когда нужно.

Таково было заявление Ц.К. по поводу взрыва на Аптекарском острове¹³⁵, когда Ц.К. счел нужным не только поспешить с уверениями, что это не нами сделано, но и заявить, что мы никогда так поступать не можем. Таково было заявление Ц.К. при существовании 1-й Думы о том, что террора не будет¹³⁶, а между тем через некоторое время было произведено уничтожение Чухнина¹³⁷. Во время 2-й Думы, напротив того, было объявлено, что террор применяться будет¹³⁸, а террора не было.

Перед разгоном 2-й Думы было объявлено¹³⁹ о том, как и что сделают наши депутаты в случае разгона, и это ни одним словом не оправдалось. Депутаты не только не остались на своих местах, но спешно разъехались по местам, получив казенные прогоны. Прокламация наших депутатов по поводу разгона¹⁴⁰ была хорошая, но партийные товарищи говорили мне, что депутаты ничем ее не подкрепят.

Чем объяснить это недоразумение с депутатами? Тем, что Ц.К. гнался за количеством, жертвуя качеством, и поэтому получилась бесцветная группа.

Ошибкой также было введение под нашим флагом в Интернационал сомнительных элементов, за которые после придется заплатить. Мы ввели грузинских «социалистов-федералистов» и армянскую организацию «Дашнакцутюн», недостаточно проверив их. Наш представитель в Межд. Соц. Бюро запрашивал о грузинах Ц.К., и получил успокоительный ответ, что они все более отделяются от присущего им раньше анархистского душка. Хорошо, пусть об анархизме их не может быть и речи. А о социализме? Вот в чем вопрос, ибо грузины на самом деле — националисты, с сильным феодальным душком.

Особенно щекотливый пункт — заявление Ц.К. о заговоре¹⁴¹. Нет сомнения, что правительству надо было придать этому делу известный, не соответствующий действительности вид. Но все-таки информация-то была, она существовала на наши средства. Отка-

зываются от товарищей, которым грозила петля¹⁴², было непозволительно.

Гибель семи¹⁴³ была одним из самых тяжелых ударов, какого не бывало со времени «Народной Воли». Семеро погибли на своем посту, в тот момент, когда они готовы были нанести удар. Как отнеслись к этому центральные учреждения? Событием потрясено было все общество. Даже два октябриста-депутата говорили в тревоге: «Узнал! И над Петербургом повисла смерть!» А как реагировали на это центральные учреждения?

Правда, нюни распускать никогда не следует, но это не оправдывает поведения центральных учреждений. В Орг. бюро приезжают люди из провинции с запросами, люди, объятые ужасом, а их там один человек успокаивает: «Ничего, ничего ужасного, это — автономная группа, существовавшая на автономных началах». Итак, в этом случае сочтена была применимой политика, руководимая лишь расчетом: если успех — мы признаем, мы принимаем и приписываем себе; если неудача — мы отказываемся.

(Хотя время, установленное регламентом для речей, прошло, по предложению тов. Оленина, тов. Грачеву предоставляется продолжать.)

Люди за спиной Ц.К. шушукаются, а открыто ничего не заявляют. Если в будущем социалистическом обществе возможны были бы подобные отношения, то бог с ним, с этим социалистическим обществом.

Организ. бюро с юридической стороны — ничто, фактически же оно — все. Ни одно письмо, ни один товарищ, ни одна бумажка, прежде чем попасть в Ц.К., не минует Орг. бюро. Орг. бюро — глаза, уши, руки Ц.К. За Ц.К-ом осталась одна голова, правда, хорошая; но этого мало.

Но членов Орг. бюро немного, они не могут входить во все, а отсюда рождается формальное отношение.

Товарищи в партии называют Орг. бюро средостением между Ц.К. и партией. Если обратиться к Ц.К. прямо, то сейчас циркулярная нахлобучка — как ты смел миновать инстанции. Называют их и самодержцами, мажордомами, говорят, что Орг. бюро переросло Ц.К. Надо устранить такое положение. Уполномоченные, это чиновники особых поручений Ц.К., на местах являются генерал-губернаторами. Перед кем ответственен уполномоченный? Только перед Ц.К. Как опротестовать действия уполномоченных? Один путь — только через Орг. бюро.

Из-за такого порядка иные уходят из организации.

(Тов. Голубев (с места). А много ушло?)

Число неважно, но знаю, что больше двух.

Причина всего этого — малочисленность Ц.К. 5 человек выборных членов Ц.К. — число слишком малое. На Ц.К. лежит идейное руководство. Не в наших интересах, чтобы объездами по местам Ц.К. отвлекался от этого и рисковал провалом. Устав пред-

видит поправку в виде пяти кооптированных членов. Но они неизбежно кооптируются из числа лиц, вполне подходящих к выборным и по характеру, и по направлению или, за отсутствием таких, не кооптируются вовсе, что бывает гораздо чаще. И в том, и в другом случае Ц.К. варится в собственном соку, который все время остается все тот же.

Это — не мелочь. Один из членов Ц.К. говорил, что до сих пор не удастся довести его до полного числа. Положение, серьезно говоря, ужасное.

То же следует сказать и относительно Орг. бюро. На нем лежит масса дел, но увеличению его состава противодействует желание кооптировать несомненно людей, от которых нельзя ожидать новых влияний, нельзя опасаться трений.

Выход из этого — увеличение членов Ц.К., образование Орг. бюро, ответственного перед Советом партии, и выбор Советом людей, назначенных специально для объездов.

Тов. председатель объявляет заседание закрытым.

Заседание X

8 августа, после обеда

Председатель тов. Штейн открывает заседание и дает слово тов. Бородину.

Тов. Бородин. Я буду говорить по поводу отчета Ц.К., главным образом, как давнишний практический работник. Мне кажется, что наш Ц.К., занятый целым рядом обширных дел и обязанностей, а в частности и литературной деятельностью, стоит далеко от практической работы партии, плохо и мало знает состав партийных работников, особенно провинциальных, и вообще к ним мало приглядывается. Последним почти невозможно выдвинуться в партийной жизни. На подготовку работников — в особенности крестьянских — обращено мало внимания. Например, как бы полезно молодых товарищей для получения опыта посылать в наиболее благоустроенные области, где бы они на практике приучились к работе, особенно организационной. К сожалению, у нас этого не делается. Правда, в силу административных и полицейских условий партийным работникам часто приходится перебираться из одного конца России в другой, но в этом нет никакой планомерности. Это совсем не то, что я имею в виду.

Затем в наших партийных органах почти совсем не обсуждаются запросы и нужды нашей практической работы. Может быть, в этом в значительной степени виноваты мы сами, практические работники, но все же это факт.

Нам нужен или специальный орган, или постоянный отдел в одном из существующих партийных органов, где бы мы могли обсуждать все эти вопросы.

О деятельности Орг. бюро мне очень трудно говорить, потому что товарищи, работающие там, мне лично близки, и я их очень уважаю — но все же я должен указать, что, по моему мнению, Орг. бюро слишком малочисленно по своему составу, чтобы справляться со всей работой, и было бы желательно, чтобы в его состав входили представители от всех отраслей партийной работы — от крестьянской, рабочей и т.д. Тогда выбор работников при посылке на их места и вообще распределение партийных сил будет делаться с большим знанием и с большей пользой для дела.

Вообще, надо сказать, что было бы желательно видеть больше планомерности в партийной работе, чем это есть теперь. Впрочем, очень многое тут зависит от неблагоприятных внешних условий. Для нужд практической работы было бы полезно издание программы кружковых занятий и т.п.

Переходя к вопросу о партийной литературе, приходится указать на большой пробел: у нас, несмотря на видимое обилие литературы, почти совсем нет популярной литературы по текущим вопросам. В частности, нет ни одной брошюры о законе 9-го ноября, а она очень нужна. По крайней мере этого требуют и работники нашей Северной области. На те же запросы мне пришлось натолкнуться при занятиях с учителями нынешним летом на учительских курсах в С.-Петербурге.

Литературы для рабочих и по рабочему вопросу у нас тоже почти не существует.

Кроме того, было бы желательно, чтобы в наших органах помещались статьи для ознакомления нас с состоянием социалистической мысли на Западе, с новыми течениями и т.п. Необходимо также сообщать сведения из жизни и практической работы европейских социалистических партий. А то ведь практическим работникам почти неоткуда знакомиться со всем этим. Читать же толстые книги и специальные работы при всем желании просто-напросто некогда — потому что все мы завалены массой работы.

Тов. Федотов. Несмотря на то, что издана партийными предприятиями масса всякой литературы, не имеется ничего о профессиональном движении и кооперации. А между тем рабочая масса очень интересуется этим вопросом.

Желательна тоже литература о национальных группах. У большинства присутствующих, наверное, получилось неприятное впечатление, когда член Инт. Бюро, докладывая о распределении мест на Инт. Конгрессе, сказал, что товарищи выступили как опекатели национальных групп — «Серпа», Латышского союза. Я понял, что у наших товарищей не было достаточно данных и только по рекомендации Ц.К. поддерживали их. Чем руководствовался Ц.К., давая им аттестат зрелости? Только тем, что с ними мы обменивались обоюдными услугами.

Интересно узнать об истории «Дашнакцутюна» и о присоединении так называемых «левых» к нашей партии. Чем руководствовался Ц.К.? Я сам принимал участие в этом, но ясного отчета о

планах Ц.К. не мог себе составить. Результат, который дало присоединение, — отрицательный. До присоединения мы стояли ближе к «Дашнакцутюну». Теперь возможность исчезла. Какой плюс дало присоединение?

По моему личному мнению и по мнению многих моих товарищей, это скорее довольно сильный минус.

Тов. **председатель** предлагает этот вопрос отложить до национального вопроса, стоящего на очереди порядка дня.

Тов. **Федотов** настаивает, что необходимо обратить серьезное внимание на отсутствие литературы по вопросу о профессиональном движении и кооперации и прибавляет, что в таком крупном центре, как Баку, нет компетентного человека, к которому можно было бы обратиться за советом в затруднительных случаях.

Тов. **Волжский**, не сходя в критику действий Ц.К. по существу, указывает на отдаление Ц.К. от практической работы, происходящее вследствие позиции, занятой Орг. бюро. Судходная организация несколько раз посылала письма в Ц.К. через Орг. бюро с просьбой денежной помощи. Весной получили ответ, но оказалось, что наше ходатайство было видоизменено, и разрешенная Ц.К. денежная помощь была вручена не прямо Суд. Орг., а Орг. бюро, которое должно было помогать нам по мере надобности. Мы обращались в Ц.К. и надеялись получить поддержку прямо от него в свои руки и более крупную сумму.

Тов. **Павловский** говорит, что в Петербурге комитету приходилось участвовать в литературных комиссиях по изданиям, признанным осведомлять о заграничном движении. Нами был составлен номер очень подробный, в апреле он был сдан в печать и до сих пор случайно не мог выйти. Тов. Бородин обратился не по адресу. Вина лежит на самих товарищах, работающих на местах. От них трудно добиться какого-либо содействия в смысле собирания материалов, необходимых для наших изданий. Собирать же материалы авторам, часто занятым разнородной работой, крайне трудно.

Тов. **Стеклов**. Необходимо расширить популярную литературу. Газета «Земля и воля»¹⁴⁴ имеет громадное значение, как для партийных работников, так и беспартийных крестьян, но она не удовлетворяет всем запросам. В газете должны систематически обсуждаться всякие вопросы политики и экономики, в которых мысль крестьянская не сразу разбирается. Необходимо выяснять отношение партии к таким явлениям, как максимализм, экономический террор, экспроприации. Об этом в «Земле и воле» ничего не было. Голое перечисление фактов аграрного террора способно вызвать у крестьян нежелательное сочувственное отношение к нему. Относительно уполномоченных Ц.К. можно сказать, что они являются скорее генерал-прокурорами, чем генерал-губернаторами. Они не делают органической партийной работы, а разбирают лишь пререкания, споры, жалобы и уезжают для доклада Ц.К.

Тов. **Февралев** указывает на некоторую нежелательную тенденцию в деятельности Орг. бюро: перемещение работников из периферии в центр. В большом городе существует единственный работник, ведущий работу в огромном районе. До Орг. бюро доходят сведения о нем. Ему и Ц.К. нужны силы. И этого работника отзывают, а на месте никто не остается. Перемещают без замещения. Если будет и впредь существовать такая тенденция, то периферия оскудеет.

Благодаря неосведомленности Ц.К. и Орг. бюро, специализировавшиеся товарищи часто переводятся на чуждую им работу, что вносит большую путаницу в дело организации.

Тов. **Ливин**. Я мог бы сказать многое, но рамки обсуждения не позволяют поставить вопрос на большую высоту. Я принужден поэтому ограничиться лишь замечаниями. Другое затруднение заключается в том, что я должен касаться лишь того, о чем говорил представитель Ц.К. А между тем интересно обсуждать то, о чем он не говорил. Коснусь обойденного Ц.К. Я во многом согласен с тов. Грачевым относительно указанного им шатания в деятельности Ц.К. Добавлю пример. В прокламации Ц.К., выпущенной после разгона 2-й Думы, общество приглашалось готовиться к надвигающейся забастовке. А между тем ожидания партии не оправдались, и престиж ее от этого несомненно должен был пострадать. В последнем № «Знамени труда»¹⁴⁵ не было некролога о погибших в последнем процессе членах Сев. Летучего отряда. Может быть, это было случайно, может быть, это еще поправимо; но это факт. А подобные факты производят тягостное впечатление и на товарищей, и на сочувствующих. Перехожу к очередным вопросам. Представитель Ц.К. обошел кардинальный вопрос. Конференцию созвали впервые после тяжелого революционного кризиса, который еще не прошел, не учтен.

Выяснению причин этого кризиса надобно посвятить больше внимания. Правда, этот вопрос освещался в партийных органах, но освещался он слишком поверхностно. Вопрос о причинах кризиса должен быть всесторонне рассмотрен именно здесь, на конференции, где собрались представители различных организаций с разных мест.

Тов. **председатель** прерывает оратора, напоминая ему, что вопрос, затронутый им, относится к оценке современного момента, вопросу, стоящему у нас на очереди.

Тов. **Ливин** соглашается отложить изложение своих взглядов по этому поводу до общих рассуждений о современном моменте.

Вносится предложение закрыть список ораторов. Предложение принято большинством 30, против 16.

Тов. **Соломин**. Хочу сказать несколько слов pro domo sua¹⁴⁶.

Много говорилось об уполномоченных. Я уже 7 месяцев за границей, и мне несколько неловко отвечать товарищам с мест, но все же я хочу выяснить роль уполномоченных. Положение уполномо-

ченных неправильно освещалось. Мне, как уполномоченному, приходилось сталкиваться с Ц.К., сходить и расходиться с ним.

Роль уполномоченных — не информатора Ц.К., не хранителя печати, — такую роль никто бы не удовлетворился, а общая роль партийного работника. В Киеве, в Баку я исполнял всякую работу — заботился о квартирах, о типографии, о деньгах. Чтобы войти в местные дела, приходилось исполнять всю местную работу. Если уполномоченные исчезали, быть может, в момент не совсем удобный для обл. ком., значит, работа требовала присутствия их в других местах. Если нас мало, то вина в этом не Ц.К. и не уполномоченных, а вина всей партии. Партия выдвигает мало людей, пригодных для роли уполномоченных, поэтому им приходится разрываться. Мне за 6 месяцев пришлось 7 раз ездить в С.-Петербург.

При всем этом, положение уполномоченных крайне тяжелое и бесправное. Скажу кратко: если бы уполномоченные могли давать отчеты конференции, то товарищи увидели бы, что их работа не менее полезна, чем многих других работников.

Тов. **Фурман** (*отвечает тов. Федотову*). Тов. Федотов жалуется на отсутствие литературы, осведомляющей о том, что делается в Зап. Европе в области кооперации. В Штутгарте я лично обращался к нашим бельгийским товарищам по этому вопросу и просил их указать книги по социалистическому кооперативному движению, которые давали бы полные картины того, что имеется и делается в Зап. Европе. И мне ответили, что таких книг нет во всей зап.европейской литературе, которая очень бедна по вопросам практического социализма.

Тов. председатель дает слово тов. Ленину для ответа на замечание, вызванные докладом Ц.К.

Тов. **Оленин**. Начну с замечаний общего характера, высказанных по поводу деятельности Ц.К. отдельными товарищами, а затем отвечу на более частные и своеобразные замечания тов. Грачева.

Тов. Федотов совершенно верно указал на крайнюю недостаточность литературы по профессиональному и кооперативному движению. Как для организации издательской деятельности, так и для объединения нашей работы в этой области, мы пытались создать профессиональное бюро из специалистов по вопросам рабочего движения. Оно и начало функционировать: выпущен был № 1 «Профессионального движения», с большими усилиями собран материал для 2-го №, но материал этот погиб. Лица, из которых состояло бюро, также должны были, по полицейским условиям, рассеяться. Это особенно плачевно потому, что у нас крайне мало практически подготовленных работников в профессиональном движении, способных, напр., занимать место секретарей, редакторов профессионального органа и т.д. Бюро должно быть воссоздано; оно должно заботиться о подготовке работников путем прохождения ими практической школы, т.е. выучке при каком-ни-

будь более крепком и правильно функционирующем союзе. Что касается литературы, то мы, при всей ее недостаточности, можем, однако, уже и теперь указать на некоторые очень ценные вещи, напр., работы тов. Николаева¹⁴⁷ о кооперациях, или из популярных брошюр — тов. Самойлова¹⁴⁸ о профессиональных союзах.

Что касается утверждений тов. Бородкина, будто личный состав партийных работников мало известен центральным учреждениям, то это неверно. Я лично, более других занятый литературной работой, вероятно, знаю этот состав меньше некоторых других моих сотоварищей. И тем не менее нет ни одного сколько-нибудь выдающегося работника, которого я не знал бы лично. Мы встречаемся с ними на съездах, на конференциях общих и местных, посещаемых нами; у нас бывают и специальные конференции, напр., крестьянских, военных работников; без нашего представительства не проходит ни одна из конференций тех непартийных организаций, в которых мы можем встретиться с выдвинувшимися партийными работниками: напр., учительского, железнодорожного, крестьянского союзов, конференции профессиональных союзов, студенческие, далее, всевозможные легальные съезды, напр., агрономов и статистиков и т.п. Что личный состав уездных комитетов нам, разумеется, гораздо менее известен — это правда, да иначе быть не может. Однако крупные работники и здесь не могут пройти для нас незамеченными. Как только по оживлению сношений, по выпуску листов или органа, по распространению литературы мы замечаем, что в известном месте работа пошла лучше, чем прежде, — это для нас верный признак, что либо туда приехал кто-нибудь из старых партийных товарищей — бежавший из ссылки, вернувшийся из-за границы, живший раньше в другом городе, — либо выдвинулась какая-нибудь новая местная сила. И мы стараемся немедленно узнать, в чем дело, чтобы ознакомиться с новыми работниками, если таковые появляются.

Но что значат слова тов. Бородкина: «Провинциальным работникам почти невозможно выдвинуться, ибо Ц.К. на них мало обращает внимания»? Да разве для того, чтобы выдвинуться, партийные работники нуждаются во внимании Ц.К.? И что разумеет он под словами — «выдвинуться»? Выдвигает человека работа. Из узкого провинциального уголка в более широкое море общепартийной жизни человек выплывает органическим путем: сами товарищи отмечают его и выбирают на более трудные и ответственные места в губернских, в областных комитетах. Строй нашей организации — федеративный, он основан на широкой автономии областей. К сожалению, эта автономия часто остается мертвой формой, ибо товарищи недостаточно наполняют ее живым содержанием — личной инициативой на местах. Вот в чем болезнь нашей партии, одна из «болезней детства», объясняемых молодостью нашей партии, — а вовсе не в том, что Ц.К. кого-то мало замечает и мало выдвигает.

То же относиться — как это, впрочем, отчасти признает и сам тов. Бородкин — и к вопросу о недостаточной разработке в партийных органах чисто практических, порою даже технических вопросов пропаганды, агитации, организации на местах. Кто же должен разрабатывать эти вопросы, если не сами местные работники? Неужели и тут они должны ждать ответов от вдохновения маленького кружка литераторов центра? Нельзя же всего ждать сверху и робко останавливаться перед всякой самостоятельной работой. К сожалению, мы на эти темы работ почти не получаем. Если, как думает тов. Бородкин, это происходит от боязни, что в «Знам. труда» для таких статей слишком мало места, то почему не писать об этом в «Известиях» областей? Если, наконец, силы одной области недостаточны, отчего двум-трем областям не соединить своих сил, не поставить сообща органа, специально посвященного этим вопросам? Разве наши области не самостоятельны, разве перед ними не открыто широкое поприще взаимных сношений, взаимной помощи, совместных предприятий? К сожалению, все это остается неиспользованными возможностями...

Чтобы покончить с вопросом о литературе я отмечу верное замечание тов. Бородкина, что пробелом в нашей популярной литературе является сейчас отсутствие специальной брошюры по вопросу об идущих выделах из общины. Мы это имели в виду, и мы прибегли уже к мере, к которой и раньше прибегали в аналогичных случаях: объявляется нечто вроде конкурса на данную тему.

Подобным конкурсом было вызвано в свое время, напр., появление брошюры: «Крестьяне, организуйтесь сами» на одну из тех тем, о необходимости которых так настойчиво говорил тов. Бородкин.

Следующее замечание тов. Бородкина меня еще более удивило. Он находит, что не обращается надлежащего внимания на подготовку крестьянских работников, на их учет, планомерные передвижения и т.п. Но у нас была даже специальная крестьянская комиссия для этой работы, и тов. Бородкин, в числе других, был введен в эту комиссию, чтобы данною работою заниматься. По опыту пребывания в этой комиссии он также знает, что численность не избавляет от тех же самых нареканий, которые теперь сыплются на Орг. бюро. Он в свое время принял сам полную порцию этих нареканий...

Положение центральных учреждений — Ц.К., Орг. бюро, Крест. комиссии — сравнительно легко и просто, если на местах идет деятельная работа, оплодотворенная сознательной мыслью и личной инициативой. Тогда нужды, которые приходится «обслуживать» центру, определены, конкретны, и предъявляемые к нему требования — удобоисполнимы. Но если на местах работа идет слабо, если в ней преобладает нелегальная рутина, механическая суетня, а не творчество — тогда к центру предъявляются все возможные и невозможные требования: дать денег, дать людей, дать литературу, дать директивы, — даже тогда, когда ни малейшей

надобности ни в каких особых «директивах» жизнь не выдвигает. Но центр не может быть каким-то опекуном и попечителем. Он — лишь орган, поддерживающий внутрипартийное общение, облегчающий взаимопомощь, поддерживающий и выражающий партийное единство. У него нет каких-то особых «людей», которых он может откуда-то «достать» и дать партии. Он может лишь содействовать правильному распределению наличных и вновь вербуемых всей партией сил.

А между тем и в вопросе о распределении людей нам слишком часто приходится сталкиваться с узким местным патриотизмом.

Отголосок его мы слышали и здесь. Говорили, что Ц.К. иногда отнимает с периферии людей, чтобы сосредоточивать тех в немногих центральных пунктах. Но как же иначе быть? Более мелким провинциальным пунктам необходим связующий центр, обычно связанный с университетским городом. Есть такой центр — есть и местное руководство, и посредничество в сношениях с Ц.К., и пункт, получающий и распределяющий литературу, вербующий среди учащейся университетской молодежи новых работников и т.д. Нет такого центра — постепенно хиреет работа и в обособленных друг от друга более глухих местах. Мы думаем, что в момент распада и развала революции приходится жертвовать интересами периферии и усиливать центральные пункты, служащие средоточием партийных сил и идейного руководства массой, привлеченной нами в момент подъема. Скажу больше. В эпохи контрреволюции можно пойти еще дальше. Если в целой области вследствие крупного провала уездные организации исчезают или прозябают, то интерес общей партийной работы может требовать, чтобы уцелевшие губернские или областные работники (я говорю о профессиональных революционерах) были перемещены туда, где работа их дает максимум результата; ибо в такие эпохи слишком разбросать силы — значит заставить их быстро сгореть в такой напряженной работе, которая исключает всякую выдержку, конспирацию или революционное разделение труда. Тут приходится иногда консолидировать силы, и временно даже вовсе очищать позиции, которые все равно удержать не удастся, а попытка удержания сопряжена с лишними жертвами. Местностям, которые попадают в такое положение, конечно, приходится тяжело; но ведь в конце концов их интерес — там же, где и общепартийный: приходится поэтому подчиняться печальной необходимости и терпеть. Восставать же во имя узкого местного патриотизма против таких перемещений и несправедливо, и недальновидно.

Покончив с вопросами об органической работе, я перейду к ответу тов. Грачеву.

Тов. Грачев заметил, что если к центральным учреждениям партии существуют те или другие претензии, но положение не освещается открыто, то создается неблагоприятная атмосфера шушуканья за спиной. Я рад, что в речи тов. Грачева собран букет всего того, что можно назвать таким «шушуканьем за спиной». Я ничего

не имею и против того, что он вышел из рамок отчетного времени, что он даже не ограничился эпохой деятельности Ц.Ком., избранного на втором съезде, а обратился еще дальше, к 1906 г., к деятельности Ц.К., избранного на первом съезде. Чем больше, тем лучше; и в этом смысле я скажу, что с точки зрения Ц.К., если бы тов. Грачева не было, то его следовало бы выдумать.

Тов. Грачев начал с установления какого-то мифа о золотом веке; он упоминал о времени, когда каждое слово Ц.К. П.С.-Р. ценилось Россией на вес золота; и вот этот-то престиж и авторитет Ц.К., по его мнению, постепенно терял, ибо сам недостаточно ценил свои слова и говорил некстати, тогда, когда следовало молчать.

Когда же ему «следовало молчать»? Первый случай, указываемый тов. Грачевым, — это после взрыва на Аптекарском острове. Мы заявили, во-первых, что дело это не наше, заявили это потому, что его, по установившемуся обыкновению, как и все предприятия такого рода, относили на наш счет. Мы, во-вторых, не сочли возможным умолчать, что придерживаемся иных взглядов на допустимые способы террористической борьбы. И вот здесь-то я не понимаю тов. Грачева. Против чего он спорит? Против этих иных взглядов, или против того, что мы их высказали? Если бы имело место первое, я бы его понял. Да, не только у максималистов, а и у нас, к сожалению, встречаются люди, в вопросе о террористической борьбе придерживающиеся точки зрения, диаметрально противоположной той, которую исповедовал и проводил в жизнь наш незабвенный И.П.Каляев. Их лозунг простой — «вали гуще»! К посторонней публике отношение тоже простое: «а ты, кума Матрена, не подвертывайся»! Все вы, вероятно, помните ужасное событие в Севастополе¹⁴⁹, на людной площади, где была террористическая попытка, предпринятая вопреки прямому запрещению Ц.К. и обставленная так, что погибло много посторонней публики при обстоятельствах, которые были бы прямым позором для партии, если бы она хоть в малой степени была здесь ответственна. Поступающие так ставят себя вне партии, и с какой стати нам об этом молчать? Разве не позор для партии, что одной из ее автономных боевых дружин был когда-то вместо Трепова «по ошибке» убит какой-то генерал Козлов¹⁵⁰? Разве не позор для максималистов, что ими — да еще за границей — был убит вместо Дурново какой-то — даже не генерал, а просто мирный старичок — немец Мюллер¹⁵¹?

Для такого глубокоидеалистического и гуманитарного учения, как социализм, высоко ставящего человеческую личность, ценность ее прав на существование — глубоко чужда та легкомысленная неразборчивость, для которой под прикрытием формулы: «а la guerre, comme a la guerre»¹⁵², чужая жизнь — копейка. Я очень жалею, что максималисты в изрядной степени популяризировали такое отношение. Для них это — верх революционности; для меня

здесь — какое-то ушкуйничество, а вовсе не истинная революционность.

В этих вопросах мы и максималисты говорим на разных языках и вряд ли можем понять друг друга. По вопросу о взрыве на Аптекарском острове я имел разговор с одним из крупных представителей союза максималистов. Я высказал мнение, что они этим актом отнюдь не демонстрировали силы революции, ибо пошли по линии наименьшего сопротивления: вместо того, чтобы поставить слежку за Столыпиным и выяснить наиболее подходящую обстановку для покушения, они просто выбрали приемный день и даже приемные часы — тогда он наверное дома, — чтобы снести весь дом, со всеми случайными посетителями. Это, конечно, избавляет от лишних трудов по организации предприятия: но именно потому это более похоже на азартную игру, чем на проявление настоящей, выдержанной и уверенной в себе силы; не говоря уже о том, что, на мой взгляд, здесь имела место моральная неразборчивость; в самом деле, на приеме могло оказаться и еще больше совершенно непричастной публики, чем случайно было в этот раз; мало ли кому приходится бывать на таких приемах, хотя бы с хлопотами за ссыльных, заключенных, шлиссельбуржцев и т.п. Мой собеседник ответил мне: «Может быть, мы поторопились, но мы знали, что вы тоже гоняетесь за ним, мы усмотрели за ним ваших слежчиков и не хотели уступить его вам». Не скажу, чтобы в моих глазах это оправдывало данную «поспешность». Не знаю, как в глазах тов. Грачева.

И вот почему я говорю: если бы тов. Грачев нападал по существу на нашу позицию, я понял бы его. Но на нее нападать он не решается. Если же наша позиция верна, то почему бы мы должны были ее стыдливо замалчивать? Прямота заявлений, мне кажется, предпочтительнее таинственного молчания. Мне кажется, беда тов. Грачева в этом вопросе заключается в том, что сам он в нем колеблется между двумя точками зрения. Вот почему, когда ребром поставлен вопрос, он склоняется к странному решению: не оспаривает по существу позиции Ц.К., но предпочитает, чтобы Ц.К. скрывался за «фигурой умолчания».

В вину Ц.К. далее тов. Грачев поставил заявление о приостановке террористической борьбы в начале заседаний первой Думы. Это замечание, однако, бьет гораздо дальше критики деятельности Ц.К.-та. Критикуемое постановление сделано учреждением, высшим, чем Ц.К. — Советом партии. Каких бы мнений ни держался личный состав Ц.К., критиковать собственно его деятельность в этом пункте можно только с одной точки зрения: соблюдал ли он это постановление, не нарушил ли его чем-нибудь? Но я не хотел бы ограничиться только этой, чисто формальной стороной дела. Извиняюсь, если я при этом несколько выхожу за пределы принятого порядка дня, но это неизбежное последствие замечаний т. Грачева. Необходимо войти в существо вопроса. Менее всего хотел бы я вызвать у вас впечатление, будто я хотел бы снять вся-

кую ответственность с Ц.К. за это решение. Мнение Ц.К. сходилась здесь с мнением громадного большинства партии, выраженном на совете представителями областей. Вспомните тогдашнее положение. Мы, как партия, пытались продолжать линию непримиримой борьбы. Поэтому мы выдвинули лозунг бойкота Думы. Но вы все достаточно хорошо помните, какой стихийный поток надежд на Думу охватил крестьянские массы. Даже среди рабочих к бойкоту пристали лишь ничтожные массы. Среди крестьян сказалось ничем не преодолимое желание попробовать уладить все «по-хорошему», послать депутатов, которые «обговорили бы» им землю. Вы знаете, что отдельные партийные крестьяне, их кружки и братства, воспринявшие лозунг бойкота, были бессильны совладать с этим течением, обладавшим силой элементарной стихии. Мы с нашим лозунгом остались одиноки. Нас не страшило это, мы знали заранее, что горький опыт готовящейся соборщины Думы покажет крестьянству, кто был прав. Но мы видели, что этот опыт оказался необходимым и что мы не должны мешать ему протекать в чистом виде. Когда решалась судьба предъявленных трудовиками первой Думы основных крестьянских требований, мы не могли действовать так, чтобы посланные этих депутатов массы подумали: «Вот, может быть, все уладилось бы по-хорошему, да террористы своими убийствами помешали». Для нас значение террористических актов — не самодовлеющее, оно измеряется силой того сочувственного резонанса, который эти акты встречают в стране. Вот почему мы не можем оставаться равнодушными к народному настроению, не можем не считаться с некоторыми предрассудками масс; с этими предрассудками мы боремся, конечно, для нас это — болячки народного сознания; но болячки эти нельзя грубо беречь, лечение их требует бережного ухода, больной и самочувствие его для нас слишком дороги. Правильно ли мы рассуждали? Лучшим ответом на этот вопрос служит то, что происходило на собравшейся перед открытием первой Думы конференции Крестьянского союза. Когда конференция эта была закончена, мы собрали на особое совещание тех делегатов-крестьян, которые разделяли нашу с.-р. программу. На совещание явились... почти все члены съезда, за исключением всего нескольких человек. Мы сообщили им только что перед тем состоявшееся решение Совета партии о терроре и спросили их мнение об этом постановлении. Ответом было единодушное одобрение. «Когда мы прочитали заявление, — сказал один из крестьян, помнится, делегат Воронежской губернии, — так нам представилось, словно бы телеграфная проволока от нас к вам была проведена, так угадали вы наше желание».

Вы знаете, что уже под конец существования Думы надежды на нее крестьян были подорваны, вера в мирный исход стала улечиваться. Горький опыт Думы и наша агитация работали рука об руку над созданием нового настроения. И мы его немедленно учли. Совет предоставил Ц.К.-ту право определить момент для возобновления террора. Ц.К. использовал это право еще до разгона

Думы, когда неизбежность этого разгона для нас выяснилась. Тогда был разрешен террористический акт против Чухнина¹⁵³ в Севастополе, а вслед за тем разрешен и вопрос о начале террористической работы против Столыпина. Тогда, на наш взгляд, новый приступ к террористической борьбе не грозил более нам отрывом от масс, напротив, скреплял партию с массами.

Но и здесь тов. Грачев стоит на той же неопределенной позиции. Он говорит не столько против решения — или даже вовсе не против решения, а против опубликования его. Мы предпочитали, однако, прямой и открытый, а не загадочный образ действий. Говорят, о вкусах не спорят. Я думаю, однако, что переживаемое тогда время требовало, чтобы вся страна знала позиции борющихся партий.

Перехожу к вопросу о группе наших депутатов во 2-й Думе. То, что говорил т. Грачев для характеристики ее недостатков, конечно, совершенно верно, да и кто же в партии этого не знает? К сожалению, здесь и нас постиг тот фатум, о котором говорят Маркс и Энгельс в своих письмах к Зорге: в партиях, которые только что вступают на путь парламентской деятельности, после сплошь нелегальной работы в условиях существования исключительных положений против социалистов — всегда устанавливается несоответствие между умеренностью парламентской группы и более боевым настроением остальной партии. И единственное утешение в этом, как замечает Энгельс, таково: лучше, если партия стоит выше парламентской группы, чем если бы было наоборот...

Но уже совершенно не прав т. Грачев, когда строит совершенно произвольное и фантастическое предположение, будто уровень группы потому был низок, что мы старались наберечь в нее больше народу, жертвуя качеством — количеством. Как раз наоборот! Вы все помните, вероятно, что численный состав нашей группы оказался меньше, чем можно было ожидать по статистике выборов. Многие, избранные в качестве с.-р.-ов, предпочли пристать к менее «опасным» группам — трудовикам, н[ародным] с[оциалиста]м. И все-таки нам не удалось даже из оставшихся образовать формальную партийную с.-р.-овскую парламентскую фракцию. Пришлось удовольствоваться просто «группой депутатов социалистов-революционеров», находящихся в постоянных сношениях с Ц.К., но ему несколько не подчиненных. Лично я еще на 2-м съезде партии говорил, что для нас будет несчастьем, если у нас в Думе будет не фракция, а неопределенная группа «вольно практикующих» с.-р.-ов.

Но условия были таковы, что создать фракцию нам не удалось.

Главною бедою с.-р. группы я считаю то, что у нее не было лидера. Не будь у меньшевиков Церетели¹⁵⁴, у большевиков Алексинского¹⁵⁵, их положение в Думе было бы еще хуже нашего. Будь у нас лидер, была бы и фракция; мы ее составили бы во что бы то ни стало, хотя бы из 5 членов, и она с достоинством представляла бы нашу партию и с достоинством встретила бы кончину Думы.

Но провести в Думу кого-нибудь, способного занять пост лидера, нам не удалось. Та же самая судьба угрожала, если припомним и с.-д. большевикам: градоначальник только сделал промах, он на два дня опоздал с опротестованием выборов Алексинского, и он прошел. Нашего предполагаемого лидера¹⁵⁶ опротестовать власти — увы! не запоздали, хотя его избирательные права были неоспоримы. Употреблен был остроумный прием: в ответ на жалобу опротестованного высшей инстанцией, Сенатом, избирательные права его были восстановлены: но это случилось уже тогда, когда от самой второй Думы осталось одно воспоминание.

Итак, фракции у нас не было. Что же оставалось делать? Два-три человека из Ц.К.¹⁵⁷ усиленно взялись тем не менее за работу в группе. Их моральный и политический престиж, их влияние среди депутатов были достаточно велики; через группу влияние это распространялось так или иначе на другие близкие к нам элементы Думы. Вместе с группой мы работали среди них, вербуя по каждому отдельному определенному вопросу союзников нашим взглядам. Работа эта не была потеряна, и мы использовали ее. Наши лозунги «Земли и воли» приняли более конкретную и осязательную форму. Мы составили из лиц достаточно компетентных — агрономов, статистиков, литераторов — специальную аграрную комиссию; кроме того, Ц.К. организовал в Москве специальное аграрное совещание из представителей петербургской комиссии и иногородних лиц; результатом работ их явился известный аграрный законопроект, облекший в юридическую форму основные положения социализации земли. Нужно ли упоминать, что внутренняя ценность этого проекта, в связи с последующей агитацией, доставили нашей программе крупное торжество: проект собрал под собою 104 подписи крестьянских депутатов — с.-р.-ов, трудовиков, даже социал-демократов и беспартийных крестьян.

Верно, конечно, что поведение группы во время и после разгона Думы представляет печальную страницу в истории нашей партии. Но что же мы могли сделать? Никакой вины за собою здесь Ц.К. признать не может. Его представители дважды ставили в группе вопрос о поведении в случае разгона Думы. И дважды состоялось решение: ни в каком случае не расходиться, отстаивать против государственного переворота свое звание народных представителей до конца. Мы считали возможным положиться на это решение. И вот, когда Дума была распущена, наши депутаты разъехались, не сделав всего, что должны были сделать. Тов. Грачев прав, что между выпущенным от имени группы по поводу разгона Думы воззванием и собственным поведением депутатов есть режущее несоответствие. Но попытки Ц.К. побудить группу к действиям, более соответствующим положению, привели его только к конфликту с большинством группы. Конфликт этот, как вам, вероятно, известно, должен был разбираться на прошлом Совете.

Разбор этот не состоялся только потому, что Совету пришлось распуститься — место его заседаний было оцеплено полицией, и весь личный состав его едва не был захвачен. Впрочем, в формальном разборе этого дела едва ли есть надобность, ибо вряд ли по этому вопросу в партии существуют два мнения.

Но нам ставится одним из товарищей в вину другая сторона нашего поведения во время разгона 2-й Думы. Мы выпустили прокламацию с приглашением «готовиться к надвигающейся забастовке», а забастовки не состоялось. Станный упрек! Удивительный упрек! Мало ли революционных предприятий не удастся; что же, из этого мы должны вывести мораль — сидеть сложа руки? Вы помните положение. Часть петербургских рабочих безусловно настаивала на немедленной забастовке. За это же высказались и два железнодорожных узла. Атмосфера была тревожная. Мы должны были поднимать, а не угащать настроение. И мы это делали. Не наша вина, что другие общественные силы оказались не заодно с нами. О кадетах и говорить нечего. Трудовики решили мирно разъехаться. Часть депутатов с.-д. была арестована, оставшиеся были растеряны. Центрального комитета с.-д. в Петербурге в этот критический момент не оказалось вовсе, все поиски его через посредство с.-д. депутатов, через посредство Спб. комитета оказались тщетны: по-видимому, главные деятели его еще не успели вернуться после Лондонской с.-д. конференции. Наша собственная группа колебалась и в решительный момент отказала нам в поддержке. Разгон Думы и последующий государственный переворот 3 июня прошли без сопротивления. Неужели мы виноваты в том, что не хотели, подобно другим, сложить оружие? Но мы видели, что среди значительной части пролетариата боевое настроение есть. Везде дебатировался вопрос — быть или не быть забастовке. И при этом мы не должны были сказать даже «готовьтесь»? Тов. Ливин находит, что от таких заявлений, в случае если забастовка не состоится, падает престиж Ц.К. Мы с ним, видимо, разномыслим на «престиж». В моих глазах пал бы, напротив, престиж того Ц.К., который, при тогдашних условиях, не делал бы всех попыток организовать сопротивление реакции.

Разгону 2-й Думы предшествовало известное «дело о заговоре». Тов. Грачев заметил, что отношение партии к этому делу для него остается несколько неясным; а неясность эта дает простор всяким кривотолкам, в том числе и таким, будто партия «отшатнулась», «отказалась» от товарищей. Если это так, то я очень рад случаю от имени Ц.К. разъяснить это дело с такою определенностью, которая не оставляла бы места никаким недоразумениям.

Что такое «дело о заговоре»? Это — шитый белыми нитками маневр правительства, подготавливавшего роспуск Думы. Ему нужен был «приличный» предлог для того, чтобы вывести на свет из темных углов правительственного подполья давно созревший государственный переворот. Для этого оно хотело сразу ударить по обоим крылам представленного во второй Думе социализма. На

с.-д. оно обрушилось, инсценировав «военный заговор», шедший якобы под руководством думской с.-д. фракции, и воспользовавшись для этого хождением в помещение фракции, вместе с сотнями других людей, и петербургских с.д. военных работников. Требование о «выдаче» с.-д. депутатов создавало конфликт с Думой. В еще более затруднительное положение рассчитывало правительство поставить Думу и группу депутатов с.-р., одновременно выдвинув дело о заговоре против особы царя. Когда впервые пошли в кулуарах Думы сенсационные слухи, что раскрыт такой заговор, депутаты с.-ры обратились к нам с вопросом: верны ли эти слухи? Мы ответили так, как только могли: выражением полного недоумения по поводу этих слухов.

В самом деле, в это время партия не имела никакой организованной группы, которая получила бы полномочие на покушение против царя, и работала бы в этом направлении. Первое время мы даже думали, что идет речь о каком-нибудь раскрытом максималистском покушении или плане. Оказалось иное. Группа Никитенко и др., работавшая под контролем Ц.К. против Столыпина, и оказалась той организацией, которой правительство приписало организацию «царского» дела. На основании чего оно приписало ей это предприятие? Ответ прост. Казак царской стражи Ратимов¹⁵⁸, сначала попавшийся с какой-то литературой, заглаживает перед начальством свои грехи; он с ведома начальства продолжает поддерживать сношения с революционерами и усиленно, настойчиво предлагает им разные сведения об образе жизни, прогулках и т.п. царя; сведения, вернее всего, фиктивные. Даже «обвинительный акт» свидетельствует, что Никитенко и др., выслушивая эти сведения, предлагали затем Ратимову перейти собственно к делу, т.е. к вопросу о приездах Столыпина. Но Ратимов продолжал вести свою линию. Какое-нибудь покушение против Столыпина еще «не устраивало» правительство. Держа в своих руках через провокатора Ратимова судьбу боевого отряда Никитенко и др., правительство, руками того же Ратимова, белыми нитками пришивало к будущему делу заговор против царя. Расчет был прост. Каждый с.-р., конечно, обязан пользоваться всякой возможностью сообщать информацию относительно царя. Отношение партии к царю достаточно ясно и определено. Следовательно, Ратимов мог всегда рассчитывать, что слушать его будут. Чего же больше? Усердные сообщения провокатора о царе, затем «чисто-сердечно» рассказанные на суде тем же провокатором, получающим за это, кстати сказать, награду — вот она, прочная «основа» для создания сенсационного процесса о заговоре против царя. Правые услужливо вносят запрос. Столыпин с думской трибуны оглашает о новом чудесном спасении жизни возлюбленного монарха. Мы считали своим долгом разоблачить эту комедию, разыгранную, конечно, для европейского общественного мнения. Обратитесь к тексту составленного покойным Гершуни заявления Ц.К.

по этому поводу: оно недвусмысленно. Если потом из этого эпизода родились какие-то обывательские слухи о том, будто партия отказалась от своих товарищей, или о том, будто эти товарищи преступили свои полномочия, затеяв дело против царя, и если слухи эти встревожили или привели в недоумение даже кой-кого из партийных товарищей, то это, конечно, очень печально, но в то же время и странно. Разве могут быть какие-нибудь разговоры о неправильных поступках Никитенко и др.? Они действовали так, как должны были действовать и как действовали бы на их месте всякие социалисты-революционеры. Разве может хоть на один момент показаться правдоподобной мысль, будто партия может «отказаться», «отступить» от них? Такие люди, как Никитенко и его товарищи, гордость партии. Если бы оказалось верным слышанное мною здесь утверждение, будто некоторые адвокаты подсудимых, желая склонить их к менее демонстративному поведению на суде, ссылались за заявления Ц.К., передавая их более, чем распространительно — я мог бы только заклеймить такое поведение; но лично мне эта сторона дела неизвестна, и я не хотел бы допускать слишком поспешные и, может быть, несправедливые приговоры. Одно могу сказать. Товарищи-террористы должны иметь в партию такую веру, чтобы не обращать внимания на сообщения — откуда бы они ни исходили — будто от них «отступаются». Никогда партия не отступалась и никогда не отступится от своих самоотверженных борцов; и если иным из них приходится сойти с жизненной арены, не испытав счастья победы — они партии от этого не менее дороги, и к моральному самочувствию их партия может относиться только еще бережнее и любовнее...

Здесь тов. Ливин попытался набросить тень на отношения между Ц.К. и группой «семи повешенных» указанием, что в «Знамени труда» не было их биографий и специальных некрологов. Товарищи! Лично ко мне обратилась от лица своего и своих друзей одна из них — тов. Анна Михайловна Распутина¹⁵⁹ — с особой, исключительного характера, просьбой. Просьба эта характерна для того настроения, с которой шли на смерть эти товарищи. «Просьба моя, общая наша просьба, — говорила она, — когда мы сойдем со сцены, не пишите нам никаких похвальных слов, биографий, некрологов. Мысль о том, что исполнение нами своего долга — только долга — повлечет за собой прославление в печати имен наших — нас коробит, не мирится с нашим самочувствием, нарушает цельность нашего настроения. Не надо этого. Лишнее это. Может быть, это желание наше покажется вам неосновательным. Но мы иначе чувствовать не можем. И если вам дорого наше самочувствие, уступите ему, обещайте нам исполнить эту нашу прощальную просьбу». Не знаю, товарищи, как вы поступили бы на моем месте, но я преклонился перед кристальной чистотой и цельностью этого настроения, перед красотой этого целомудренного смирения, этого скромного, бегущего от известности и славы,

сознания долга. Для меня завещание их было священо, у меня не поднялась бы рука его нарушить. Они сошли со сцены так, как хотели — без некрологов, без похвальных слов, как «жертвы вечерние» торжествующей реакции, протестуя молчаливой смертью своей против ее шумной оргии и рабского молчания страны...

Я кончил с этою группою вопросов. Мне остается коснуться лишь двух пунктов.

Пункт первый — вопрос о включении в Интернационал нескольких действующих в России национально-социалистических партий. Тов. Грачеву кажется, что этим мы выступаем в качестве каких-то «опекателей» названных партий и поручителей за их социально-революционную благонадежность, что мы выдаем им аттестат социалистической зрелости; он боится, что иные аттестаты выданы слишком поспешно. Все это — одно глубокое недоразумение. Никто экзаменоваться к нам не приходил и никому аттестатов мы не выдавали. Вообще для присоединения к Межд. Социал. Бюро и для допущения на интерн. соц. конгрессы никаких «экзаменов» не требуется. Раз существуют реальные организации, охватывающие рабочие массы, и раз организации эти, по собственному их заявлению, подписываются под теми основными принципами, которые сформулированы, как условия допущения на конгрессы — вопрос о принятии их тем самым и решается. Голосовать на этих основаниях за принятие той или другой партии — вовсе не значит признавать ее программу и тактику безукоризненными. Примеров можно привести сколько угодно — взять хотя бы австралийскую рабочую партию, или английскую новообразовавшуюся Labour Party¹⁶⁰. Их неревolutionность, их тяготение к узкой тред-юнионистской борьбе, их почти равнодушное отношение к конечному идеалу социализма не препятствуют им входить в Интернационал, охватывающий все разнообразие воззрений, течений, темпераментов, тактических приемов на общей почве социализма. Допущение в Интернационал тех национально-социалистических партий, которые по идеологии своей стоят ближе к с.-р., пытались поставить под знак вопроса только с.-д., что носило ясно выраженный характер «исключительного положения» только для с.-р.-ствующих элементов. Конечно, мы против этого выступили решительно, да иначе и не могли поступить. И каждый раз подавляющим большинством вопрос решался не в смысле с.-д. Но теперь тов. Грачев говорит нам: правда, у Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров, как и у армянских «Дашнаков», еврейских «серпистов» или Латышского соц.-дем. союза есть левое крыло, совершенно близкое нам; но у них есть и правое, националистическое, несоциалистическое крыло; до сих пор эти партии эволюционировали влево, но неизвестно, будет ли также и дальше. Но чего же боится т. Грачев? Уж не того ли, что наличность этих «правых» элементов вновь принятых партий погубит социалистическую чистоту Интернационала? Ее не губят

присутствующие в других партиях, «правые», бернштейнианские и оппортунистические элементы. Что касается дальнейшей эволюции входящих в Интернационал партий, то самый факт их вхождения, их тесного духовного общения с всемирной социалистической коллективной мыслью и коллективным творчеством может влиять на них, разумеется, только в смысле «полевения». И не только о влиянии всего Интернационала на отдельные входящие в него части можно говорить теперь, а уже и о зачатках международной социалистической дисциплины. Вхождение в него уже и теперь ко многому обязывает. В отдельных случаях — например, в вопросе об объединении социалистических сил во Франции — Интернационал уже вмешивался во внутренние дела отдельных стран. Международная связь и единство растут и развиваются медленно, но верно. Расширяется и область международной социалистической дисциплины. И в этом смысле вхождение в Интернационал — не шутка. Оно накладывает на партию целый ряд обязательств. Международное регулирование вопросов тактики подвигается вперед неуклонно, и отдельные партии все чаще и чаще должны будут «выравниваться» в общем строю. И если бы те национально-социалистические партии, про которые говорил тов. Грачев, стали эволюционировать не влево, а вправо, то фактом вступления своего в Интернационал и принятия на себя определенных обязательств они только запутали бы свое положение, и поплатились бы за это, вероятно, полным внутренним расколом. По всем изложенным соображениям мы можем только приветствовать вступление в Интернационал тяготеющих к нашей идеологии национально-социалистических партий.

Последний пункт, о котором мне приходится сказать — это вопрос об «Организационном бюро» при Ц.К.-те. Чего только не говорил тов. Грачев об этом учреждении! Тут было и «средостение», и «мажордомы», и «бюрократизм», и «формализм».

Поистине печально, когда так голословно, так бездоказательно и так несправедливо отзываются о людях, несущих на своих плечах столько сложной, ответственной, и в том числе столько неблагодарной «черной» работы.

Говорят о «средостении». Люди, имеющие дело с Ц.К., должны прежде всего пойти на явки О. бюро. Иногда оказывается, что просьбы их столь мелочны и элементарны, что дать необходимую справку, оказать ту или другую помощь, сделать то или другое указание можно немедленно, без всяких дальнейших свиданий с Ц.К. Но разве это бюрократизм? Это, напротив, избегание ненужных более сложных сношений. Иногда люди являются, действительно, за разрешением более сложных вопросов, требующих компетенции Ц.К. Но укажите хоть один случай, когда бы в таком свидании было отказано? Укажите случай, когда было бы отказано в свидании с Ц.К. партийному человеку, который просто за-

явил бы, что имеет к Ц.К. дело, о котором никому, кроме Ц.К., говорить не желает?

Через О.Б., как через свою канцелярию, Ц.К. ведет всю переписку. Не в этом ли «средостение»? Или не хотите ли вы обязать членов Ц.К. непременно лично вести всю такую переписку, хотя бы она касалась самых обычных, повседневных вещей — о высылке тогда-то, туда-то, какой-то литературы, об адресах, о паролях, о получении или неполучении нужных известий, и т.д., и т.д.? Но при громадности переписки и при ограниченности личного состава Ц.К., много ли тогда он сделает в других областях деятельности?

О.Б. заведует довольно сложным «материальным хозяйством» партии: складами литературы и сношениями с типографиями. Все это — его функции, как исполнительного органа при Ц.К., снимающего с него значительную долю наименее благодарной, наименее интересной, но безусловно необходимой и важной работы. Конечно, в пределах своих определенных функций, руководясь общими директивами Ц.К., О. бюро имеет право принимать и определенные решения. Оно ответственно за определенную часть партийных дел перед Ц.К., который, в свою очередь, за себя и за него ответственен перед партией. Что же неясного можно находить в положении этого учреждения?

Жалуются на «формализм». Но мы страдали до сих пор не избытком формализма, а его недостатком. И в партийной жизни есть известные элементарные формы, в которых должна протекать деятельность. У нас же часто существует такая распушенность, неаккуратность, халатность в делах, что строгое проведение некоторых формальностей является безусловно необходимым. Не избыток, а недостаток формализма то, что у нас вечно забываются и путаются пароли, что О. бюро постоянно остается без верных адресов для письменных сношений и явок, что забывают сообщать, куда нужно, о провале адресов, и т.д., и т.п. В последнее время в каждом транспорте книг посылался листок с просьбой немедленно сообщить о получении; чтобы знать, можно ли продолжать высылать по тому же адресу. И что же? Ответов все-таки из большинства мест не бывает. Стоит отсюда заключить, что адрес не годится, и прекратить посылку — получится немного погода ругательное письмо — почему не посылается литература, почему давно сообщенным адресом перестали пользоваться? С другой стороны, посылать литературу, не получая ответов — часто значит прямым путем снабжать литературой местную охранку, исправно получающую и предающую сожжению наши книги, направляемые по давно проваленному адресу. Да, нам необходимо ввести больше деловитости и этого элементарного, необходимого формализма, без которого невозможна никакая правильная работа.

У нас же встречается, например, такое отношение к делу. Немногочисленный состав О. бюро, буквально заваленный работой,

вынужден очень экономно относиться к своему времени; ему некогда, ему абсолютно невозможно заниматься с являющимися по делам «душевными разговорами» вообще; ему необходимо знать существо дела и дать немедленный ответ или принять определенную меру по этому существу. У нас же это начинает немедленно восприниматься, как «нетоварищеское, сухое, чиновничье» отношение. Здесь все время указывалось, что значит личный состав бюро слишком мал, его нужно усилить. Прекрасно, но ведь для этого нужно отнять откуда-нибудь от местной работы несколько опытных товарищей, и это при нынешней-то бедности в людях! И без того идут бесконечные жалобы на то, что отрывают людей от периферии и сосредоточивают около центра...

Я требовал фактов, которыми бы можно было оправдать утверждение, будто О.Б. выросло в какое-то «средостение» между Ц.К. и партией. Выискан был, наконец, один единственный факт — относительно ходатайства Судоходной Организации. Но этот факт лучше всего свидетельствует об обратном. Эта организация обратилась к нам в первый раз с просьбой о субсидии. Мы дали эту субсидию, несмотря на то, что дела центральной кассы были в очень дурном положении. Затем последовало новое ходатайство той же организации, о субсидии для издания ею своего органа. В это время наши денежные дела были уже в несколько лучшем, хотя далеко не окрепшем положении. Мы сделали ассигновку на два ближайших месяца, не предreshая дальнейшего будущего, в общей сумме 500 руб., предоставив О.Б., в пределах этой суммы, по мере надобности, удовлетворять запросы Судоходной Организации. Члены О.Б., с которыми непосредственно переговорил об этом представитель «судоходцев», были перед Ц.К. самими усердными защитниками его ходатайства. Это ли «средостение»?

Но всего более странно то практическое предложение, с которым выступил т. Грачев, желающий реформы О. бюро. Он желает, чтобы члены Бюро не назначались Ц.К-том, а выбирались на съездах или Советах партии. И он боится, чтобы О.Б. не превратилось в «мажордомов» над центральным комитетом. Но если такая опасность существует, то уменьшится она, или, наоборот, увеличится, если О.Б. и по происхождению своему делается независимым от Ц.К.? Организационное бюро, избираемое совершенно таким же порядком, как и Ц.К.! — да это второй Ц.К., это создание какого-то двоецентриа в партии! Нам предлагают мнимое лекарство от мнимой болезни. Многие должны быть улучшены в партийной работе, много в ней недочетов и пробелов реальных. Но именно поэтому и приходится самым решительным образом отстранить решения мнимые.

(Заседание закрывается.)

XI заседание 9-го августа утром

Тов. председатель открывает заседание в 9 час. утра.

Обсуждается 2-й пункт порядка дня: к современному моменту и тактике партии.

Тов. Ленин. Оценка современного момента не может иметь места без рассмотрения тех причин, совокупность которых привела к переживаемому теперь социалистическими партиями России кризису. Период подъема революционной волны и ее позднейшего падения дает всем партиям огромный материал для проверки основ их программы и тактики. Огромный революционный опыт, пережитый в это краткое, но богатое событиями время, красноречиво свидетельствует о том, какая из боровшихся в предреволюционное время концепции революции оказалась правильной.

Таких основных концепций было две: социально-демократическая и социально-революционная. Исходным пунктом первой являлось предположение, что надвигающаяся русская революция будет революцией буржуазной, расчищающей свободную дорогу развитию капиталистического строя, уничтожающей все сковывающие это развитие остатки крепостничества, и, наконец, создающей для буржуазного строя соответствующую ему политическую форму — конституционную. Предполагалось, что только при этих условиях исполнится предсказание марксистов, что «Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической страной». Предполагалось, что представитель капитализма, русский торгово-промышленный класс, буржуазия в настоящем, тесном смысле этого слова, усвоит себе решительно оппозиционную по отношению к самодержавию роль — роль политически-революционную. Предполагалось, что крестьянство окажется при этом фактором по преимуществу пассивным, инертным. При таком положении роль пролетариата была проста: толкать буржуазию к более полному реформированию государственного строя на началах политической демократии, чтобы завоевать необходимые условия для дальнейшей борьбы — уже за экономическую эмансипацию. В ближайшем предстоит чисто политическая революция, ее результаты будут исходным пунктом для приготовления грядущей социальной революции, революции пролетариата.

Такова социально-демократическая концепция в ее наиболее чистой, классической форме. В противоположность ей, нашей концепцией предполагалось, что, хотя предстоящая революция еще не может быть революцией социалистической — так как для этого нет налицо необходимых субъективных и объективных исторических данных, — однако, она уже не может быть и чисто буржуазной. Мы предполагали, что по всему своему содержанию она неизбежно принадлежит к тому переходному периоду между революциями буржуазии и освободительной социалистической революцией рабочего класса — периоду, зарею которого является Париж-

ская Коммуна. Существенным признаком каждой из революций этого переходного периода должна являться борьба за то, чтобы пробить брешь в основах буржуазного права, потрясти, по крайней мере, в некоторых важных отраслях народнохозяйственной жизни начала частной собственности, доставить первые победы новому, трудовому праву. В России в данное время такую брешь, с нашей точки зрения, являлось бы уничтожение частной собственности на землю, аграрная революция. Она должна была дать широкое социальное содержание революции. С этим был связан наш взгляд на огромную революционную роль крестьянства, скажу больше, наше убеждение, что успешная русская революция или будет делом союза пролетариата и трудового крестьянства, или ее не будет.

В связи с этим мы ожидали, что торгово-промышленный класс займет во время революции консервативную, быть может, даже реакционную позицию. Аналогии Западной Европы, где буржуазия выступала революционно, не имели для нас решающего значения. Да и там, спускаясь от Англии и Франции через Германию к Италии и Австро-Венгрии, мы наблюдаем последовательное убывание революционности и нарастание консерватизма, идейного и морального убожества буржуазии, свойств, в России достигающих своего максимума. Неблагоприятное для России взаимное отношение между творческой и разрушительной ролью крупной промышленности в капиталистической форме, обусловленное положением России в системе международного разделения труда, влияет в том же смысле. И чем скорее и сильнее развернется широкое социальное содержание русской революции, — полагали мы — тем решительнее определится союз русского торгово-промышленного класса с монархическою «твердою властью». Революцию придется делать не вместе с буржуазией, а вопреки ей.

Какая же из этих двух концепций оправдана жизнью? Не первая! И по мере развертывания революционного процесса, социал-демократия вынуждена была прибегнуть к целому ряду изменений программы, чтобы как-нибудь выпутаться из того вопиющего противоречия, в которое стала она с жизнью.

Особенно ярко проявилась эта эволюция социал-демократии в крестьянском вопросе. От периода, когда с.-д. не имели никакой аграрной программы и когда они в программе вовсе игнорировали крестьянство; от непосредственно связанного с ним краткого периода, когда в программу ими был введен суррогат земли — пресловутые «отрезки» — им пришлось перейти к провозглашению экспроприации крупного землевладения. А вопрос, что делать с экспроприированной землей, привел большевиков, в лице Ленина, к лозунгу национализации земли, а меньшевиков, в лице Маслова, к муниципализации ее.

Что революцию приходится делать не вместе с торгово-промышленным классом, а вопреки ему, также не осталось незамеченным с.-д.-тами. Теория «буржуазной революции» стала невозможной, по крайней мере, без существенных оговорок. В самом

деле, делать без буржуазии, вопреки ей, чисто буржуазную революцию — предложить такую программу действия пролетариату от лица социалистической партии было бы абсурдом. И, чтобы избежать этого абсурда, большевики продолжали свою эволюцию, провозгласив, как задачу революции, временную «диктатуру пролетариата и революционного крестьянства», — чем и навлекли на себя обвинения в возврате к бланкизму и отчасти к революционному народничеству.

Но и лагерь меньшевиков дрогнул и не удержался на старой, «классической» позиции. В нем явилось даже течение, выраженное Троцким и Парвусом, которое приходится назвать максимализмом под марксистским соусом. «Мы говорили, — так примерно рассуждали представители этого течения, — что социальной революции пролетариата должна предшествовать политическая революция, революция буржуазии. И мы были правы. Но мы не говорили, какой промежуток времени будет отделять эти две революции друг от друга. И вот теперь мы прибавляем, что промежуток этот может быть, как угодно, мал, может быть сведен к нулю... Это значит, что наша революция, начавшись как революция буржуазная, может быть нами превращена в перманентную, а тогда, в известный момент, вызвав восстание социалистического пролетариата на Западе, она, в свою очередь, испытает влияние этого восстания и закончится уже как революция социалистическая».

Вы видите, что, начав с утверждения неизбежности чисто буржуазной революции и с объявления нас утопистами, с.-д.-ты, столкнувшись с жизнью, импрессионистски бросились в противоположную крайность и перешли в определении социального содержания революции все границы трезвой оценки действительности.

Рядом с вопросом о содержании русской революции ставился также и вопрос о том, будет ли переживаемый кризис кратковременным или длительным. Уже на 1-м съезде нашей партии, несмотря на наличность оптимистов-энтузиастов, считавших, что судьба всей революции решится в несколько ближайших месяцев, преобладающим оказалось мнение, что революционный процесс не может не быть крайне мучительным и затяжным, именно потому, что наша революция должна отличаться крайне сложным, **синтетическим** характером. Все те проблемы, которые государствами Запада разрешались рядом последовательных революций, причем каждая имела место в свою особую эпоху, — у нас сплелись в один клубок, в один гордиев узел. Окраины переживают у нас отчасти эпоху, аналогичную освободительным национальным войнам-революциям; крестьянство в духовном отношении еще не вполне вышло из периода реформации (в лице сектанства), борьба с остатками социального крепостничества, борьба за политическую свободу, аграрная революция, движение пролетариата, вооруженного самым современным оружием — всеобщей стачкой — все это представляет небывало сложную картину, и название Великой Русской Революции — не пустая фраза. Нашей всеобщей стачкой

мы стали даже впереди Европы, тогда как в других отношениях мы стоим далеко позади ее. Мы как бы одновременно переживаем и революцию 1789 г.¹⁶¹ и революцию 30-х годов¹⁶², и революцию 48 г.¹⁶³, и революцию 1870 года¹⁶⁴, и даже более того. Благодаря этому мы боремся с азиатским деспотизмом, вооруженным согласно последнему слову науки; благодаря этому деспотия Романовых стала формой для тройственного союза бюрократии, дворянства и буржуазии, благодаря этому, против данного тройственного союза должен был организоваться другой тройственный союз — из революционно-социалистической интеллигенции, пролетариата и трудового крестьянства. Но борьба таких сил не может уложиться в узенькие рамки короткого, скоротечного кризиса. Вопрос не может разрешиться какой-нибудь «малой» революцией, ловким ударом кучки или группы заговорщиков. Инициативное меньшинство может быть лишь авангардом массы, ее движения решают судьбу революции. Но в то же время промышленное развитие России зашло в тупик, ее производительные силы совершенно парализованы, ее возрождение немислимо без героических, радикальных мер, невозможных для дирижирующих элементов современности. А это значит, что революция, перед которой стоит небывалая по сложности задача, не может прекратиться, не разрешив ее. В этом тайна затяжного характера русской революции.

В понимании тайны этого затяжного характера я видел глубокое преимущество нашей партии. И когда на первом съезде на эту точку зрения стало солидное большинство в две трети делегатов, я сказал себе: партия приобрела серьезную нравственную броню, ее не поставят в тупик, не приведут к отчаянию и разочарованию никакие превратности борьбы. Она заранее готова не только к светлым, но и к черным дням революции. К сожалению, оказалось, что общая психология партии не вполне совпадала с ее логикой. Опьяняющие события медового месяца революции не остались без влияния: они породили немало иллюзий. Счастье оказалось так близко, так возможно. И когда наступила контрреволюция, уныние и растерянность, сменившие, по закону реакции, чрезмерные надежды, охватили гораздо более широкие круги партии и в гораздо большей степени, чем это можно было ожидать. Партии это обошлось дорого — чувствительным отливом интеллигентных работников в то самое время, когда они были более всего нужны, когда жизнеспособность партии подверглась самому жестокому испытанию.

Современное торжество реакционных сил ни в чем не колеблет основ того мирозерцания и той практической программы, с какими мы вступили в революцию. Недавнее поражение революционных сил отнюдь не является поражением нашей тактики. Скорее оно — свидетельство в пользу этой тактики. Многих поражало, что во время «свобод» по вопросам тактики с.-д. и с.-р.-ы как будто менялись местами. С.-р.-ы были против борьбы за явочное введение восьмичасового рабочего дня, они считали опасной и преждевременной вторую всеобщую забастовку¹⁶⁵, в Петербургском совете рабочих

депутатов они одинаково голосовали против третьей забастовки¹⁶⁶. Они принимали участие во всех этих наступательных действиях пролетариата, подчиняясь общей революционной дисциплине, чтобы не ослаблять еще больше рознь в момент борьбы позиций, ослабляемых неправильной тактикой. Почему же с.-р.-ы, которых все привыкли считать ярыми сторонниками самых крайних методов борьбы, здесь так усиленно стояли за осторожность и выдержку, когда с.-д.-ы были окрылены готовностью на самое решительное наступление. Да потому, что здесь оказалось различие в оценке борющихся сил; потому, что с.-д.-ы, ослепленные успехом первой забастовки, стали на ту точку зрения, что пролетариат достаточно силен, чтобы на своих плечах вынести всю тяжесть борьбы, добить поколебленного и растерянного врага. Отсюда — тактика форсирования событий. От такой тактики мы не ждали ничего, кроме перенапряжения сил и без того истощенного борьбою пролетариата. Мы стояли за оборонительную тактику, за самое энергичное использование уже завоеванных свобод в смысле организации и привлечения к движению более глубоких толщ народных масс; нам казалось необходимым, насколько это в наших силах, отложить момент решительного столкновения до тех пор, когда наряду с пролетариатом в генеральном сражении сможет выступить и крестьянство.

Наша тактика не восторжествовала. Против нее была и гораздо более нас влиятельная в городах социал-демократия, и просто игра разбуженных стихий, двигавшихся, слушаясь не политических расчетов, а непосредственного чувства. События показали, что пролетариат и интеллигенция, выступившие первыми на арену борьбы, не могли не только добить врага, но, после неудачи этих попыток, и удержать в своих руках неожиданно вырванные в первый момент у царского правительства уступки, крестьянство же не успело вступить в борьбу сколько-нибудь широкими массами, только сравнительно немногие революционизированные оазисы из всего огромного деревенского мира разделили с городским движением его участь. Не нужно, однако, преувеличивать и всю вину за неуспех движения, так блистательно начавшегося в конце 1905 года, взвалить на то, что другие партии, игравшие дирижирующую роль, не приняли нашей тактики и сделали те или иные ошибки. Это было бы глубоко неисторично. В силу внутренней логики развивавшихся на наших глазах событий, принятие или непринятие той или другой тактики той или другой партией могло повлиять на отдельные фазы исторического процесса, но не на окончательный исход его. Первая великая победа, одержанная освободительным движением над царским абсолютизмом, была одержана в кредит. Она была вовсе не результатом достаточной силы революционных общественных элементов, а лишь результатом полной неподготовленности правительства к вновь создававшемуся положению. Ужасный, потрясающий исход русско-японской войны, вместе с революционными ударами внутри, перевернул в стране все отношения. Правительство было поколеблено морально.

Немудрено, что в него утратили веру все. Его прежнее видимое могущество не выдержало испытания — и в него перестало верить оно само. Имея в своем распоряжении достаточно штыков, пушек и пулеметов, чтобы затопить в крови поднявшееся движение, оно не нашло в себе ни должной энергии, ни сплоченности, ни веры в свое дело, чтобы предпринять решительные действия. И оно поступило, как всегда поступали правительства, попавшие в затруднительное положение: обещало много, дало меньше и стало понемногу отнимать из уступленного все больше и больше. Инстинкт подсказывал ему верную тактику: она всего больше и вернее раздробляла силы противников. Морально правительство понемногу оправилось и должно было оправиться: развернувшееся социальное содержание революции толкнуло обратно к правительству силы, приставшие к ней по недоразумению, в силу массовой заразы, вследствие слишком сильного впечатления от японского краха. Аналогичную тактику правительства мы наблюдаем в Персии: там было свое 17-ое октября, свои погромы, свои восстания и революционные республики в провинциях — Тавриз еще и теперь держится — и, наконец, свой переворот 3-го июня¹⁶⁷.

В настоящий момент Турция празднует свое 17-ое октября¹⁶⁸. Но Абдул-Гамид¹⁶⁹ жив; реакция временно притаилась, чтобы при первом благоприятном моменте поднять голову; и тысячи опасностей сторожат своими западнями турецкую свободу, решительное сражение еще впереди. Турецкая революция проще; все отношения в ней примитивнее, но и то она далеко не кончена, и там будет своя попытка переворота 3-го июня, неизвестно лишь, чем она увенчается.

Итак, у нас настоящей победы революции ни на минуту не было; была лишь грандиозная демонстрация, которая оказалась достаточной, чтобы правительство отступило и притаилось, оставив для нас свободной арену открытой деятельности. Перед нами открылась давно желанная возможность выступить перед массами с нашей программой. На правом крыле партии — собственно, даже не в партии, а лишь в **примыкавших** к ней справа элементах — даже обрисовалось течение, которое считало своевременным ликвидировать нелегально-боевой период существования и стремилось превратить нашу партию в открытую и легальную. Мы понимали, однако, что рано считать нелегально-боевую эпоху закончившейся, и народно-социал. течение обособилось в самостоятельное, отдельно от общего русла партии, и теперь, по-видимому, совершенно иссякло¹⁷⁰. События и тут подтвердили правильность нашей тактической позиции. «Народно-социалистические» иллюзии оказались не менее беспочвенными, чем максималистские.

Если взглянуть на период свобод трезвыми глазами, без иллюзий, то мы увидим, что самым опасным местом его было несоответствие **видимого с реальным**. По-видимому, революционные силы были господами положения, находились даже люди, говорившие о правительстве Витте¹⁷¹ и правительстве Хрусталева¹⁷²; и это в то время, когда правительство располагало всей своей колоссальной

вооруженной силой, — а Совет рабочих депутатов — несколькими сотнями революционеров, да «самодельным» холодным оружием, в виде пик и палок со свинцовыми наконечниками, наскоро сработанными в мастерских Шлиссельбургского тракта. По-видимому, крестьянство целыми селами ежедневно входило в «Крестьянский союз»¹⁷³; реально, все эти приговоры о присоединении к союзу были только стихийным сочувственным откликом проснувшейся мужицкой души на впервые услышанные лозунги, еще неясные во всей их величине, но уже затрагивающие самые наболевшие струны крестьянского сердца. По-видимому, войска переходили на сторону революции; реально они были охвачены процессом деморализации и брожения, в целом продолжая оставаться под гнетущей властью дисциплины, заставляющей покорно стрелять по команде в восставших. По-видимому, решался вопрос о том, кто победит завтра, в уже почти совсем надвинувшемся бою; реально было лишь превращение России в колоссальный революционный народный университет при помощи запугивания растерянного правительства да отчаянных попыток самозащиты от первых робких опытов правительственных репрессий.

Кого ослепила видимость, тот готовил себе страшный психологический кризис, отчаяние и разочарование. Кто видел реальное положение вещей, тот старался лишь использовать «вовсю» неограниченные возможности проникновения в самые глубокие слои народной подпочвы. Для первых — современное положение — разбитое корыто, перед которым сидит недолго побывавшая боярыней старуха. И в самом деле, до «революции» мы были ничтожной кучкой. Мы верили, конечно, что наша программа полнее всего осуществляет исторические тенденции русского трудового народа; мы чувствовали, что стоим на верном пути, но проверить, но воплотить эту веру в живой действительности мы не могли, ибо сфера проникновения наших идей в народные массы была крайне ограничена. Краткий период свобод раскрыл перед нами глубины народных масс и дал нам возможность широко сеять наши идеи на почве, которая, по нашим предположениям должна была быть особенно благоприятной для них. Тут оказалось, что результаты нашей работы превзошли во много раз наши самые смелые ожидания. Мы завоевали целый ряд позиций среди того самого пролетариата, который с.-д.-ты считали своей монопольной собственностью. В деревне мы не имели конкурентов. Тот факт, что 104 члена второй Думы подписали наш проект социализации земли, даже для слепых явился яркой и несомненной санкцией нашего положения, как великой массовой партии. Краткий период свобод был использован нами полностью. Наши идеи приняты значительной частью рабочих и крестьянских масс. Но успехи наши — чисто идейные. Мы могли вести только пропаганду, а не организацию, и то более вширь, чем вглубь. Наше влияние на массы увеличивалось с каждым днем, так что мы не успевали закрепить его организационно. Народные массы за это короткое время пережили

столько, сколько не переживали раньше за ряд десятилетий. Все старое миросозерцание перевернуто. Теперь идет глухое, глубокое брожение. Новое миросозерцание всегда вырабатывается медленно, органически. Большого безумно было бы и требовать от пережитого периода. И теперь, когда контрреволюция снова отбросила нас к прежним полицейским условиям работы, к прежним формам организации и борьбы, мы можем начать сначала свою кампанию при несравненно более благоприятных обстоятельствах в смысле настроения и подготовленности масс. И мешает нам воспользоваться более благоприятной конъюнктурой более всего переутомление и нелепое чувство разочарования, широко разлитое в интеллигенции.

С этими предварительными замечаниями мы подходим к оценке современного момента; правительство исполнило свою программу. Оно фактически отняло у народа все те уступки, которые оно сделало в момент подъема революционной волны и собственной растерянности. Если судить по внешности, для правительства все обстоит благополучно. 3-я Дума для него очень полезное украшение, которое ничуть не стесняет его действия внутри страны, а в глазах цивилизованного мира служит наглядным доказательством того, что Россия благополучно пребывает под конституционным режимом. Черносотенные элементы, где они имеются, громко шумят и изображают из себя «народ», преданный старозаветным основам государства Российского. Но все это — одна внешность. В массах царское правительство уже фундамента не имеет, а те мероприятия, которые оно принимает с целью привлечь к себе массы путем улучшения их экономического положения, слишком ничтожны, чтобы произвести общее успокоение страны. Промышленное оживление, которое будто бы было одной из причин революционного упадка, носило частичный и спорадический характер, и теперь заменилось промышленным кризисом.

Современное положение можно характеризовать так: в деревне правительство своим законом 9-го ноября 1906 г. и аграрными мероприятиями создало невозможный сумбур и путаницу, но опоры себе не нашло. Меньше чем когда-либо трудовое крестьянство удовлетворяется своим положением. Реакционные элементы более сплочены, более активно выступают под эгидой правительства против революции и шумом своих выступлений стараются заглушить отголоски революции. А революция все более и более уходит в подполье. Но количество реакционных сил не увеличилось. Только раньше они бездействовали, зная, что дело обеспечения их интересов находится в надежных руках — у правительства. Революция разбудила их и заставила организовать, — не более.

Как реагируют на это положение социалистические партии?

По отношению своему к оценке современного момента, социально-демократическая партия делится на две части. Меньшевики, правое крыло российской с.-д.-и, считают теперь революцию законченной. Они вернулись к чистой, классической форме старого марксистского понимания смысла и задач переживаемой револю-

ции и изменяют соответственным образом свою тактику. Вокруг умеренной с.-д. фракции 3-й Думы они хотели бы создать эмбрион новой партийной организации, связав фракцию с профессиональными союзами, кооперативами, просветительными обществами и эманципировавшись от большевистской «организации профессиональных революционеров». Большевики остаются революционерами, но взгляды их на значение и судьбы крестьянства сильно видоизменились. Их тактическая позиция теперь может быть определена так: грядущая революция будет буржуазной, буржуазной не в том смысле, что буржуазия захватит в свои руки власть, а в том, что изменившиеся условия расчистят путь для развития производительных сил страны, т.е. для водворения капитала во всех отраслях производства. При современном соотношении общественных сил эта буржуазная революция может совершиться медленно или быстро. Если Столыпину удастся одержать победу и провести в жизнь намеченную им систему мер, процесс очищения социальной и экономической жизни от пережитков феодального периода произойдет медленно; крестьянское движение перестанет иметь какое-либо революционно-демократическое содержание. У с.-д.-ой партии не будет тогда никакого интереса привлекать к себе крестьянские массы, и поэтому аграрному вопросу тогда, как и раньше, не будет больше места в их программе. Но, если Столыпин не победит, то революционно-демократическое (буржуазное) значение крестьянства выступит на верный план, потому что крестьянство одним ударом может разрушить феодальные пережитки, захватив в свою собственность помещичьи и государственные земли. И так как Столыпин еще не победил, то большевики и стоят теперь за союз передового пролетариата с крестьянством. Эта совершенно произвольно построенная альтернатива и дает возможность большевикам выкинуть знамя аграрной реформы под соусом национализации. Как видите, они уже утратили прежнюю прямолинейную решительность, они дрогнули, они обставляют революционный лозунг оговорками и заранее подготовили себе путь к отступлению. Но они еще не утратили веры в революцию, в восстание. Они выбросили из очередных задач боевую подготовку масс, но лишь по практическим соображениям момента, а не принципиально, как меньшевики. Они усиленно работают над перестройкой партии на началах конспираций и сосредоточения, централизации сил. Они, правда, остаются в Думе, но среди них уже родился «отзовизм». Они по-прежнему готовы идти в крестьянство с решительной пропагандой республики. С ними у нас все-таки больше точек соприкосновения, чем с меньшевиками, этими н.-с.-ами под ортодоксально-марксистским соусом.

Что касается нашей партии, то признавая длительный, затяжной характер русской революции, смотря без тревоги на будущее, она не видит необходимости изменять что-либо в основных положениях своей тактики. Все, что ей предстоит делать, это — приспособить свою тактику к переживаемой эпохе, к состоянию своих

сил. Ни для кого не тайна, что мы разбиты, но разбиты мы не как массовая партия, а как организация. Разбитость наша заключается в громадном несоответствии между нашими ослабленными организационными силами и той массой, которую нам предстоит обслужить, охватить и закрепить. Из этого положения для нас вытекает настоятельная потребность в строительной работе. Работа эта должна выразиться в том, что мы приспособим нашу организацию к полицейским условиям работы, усилив в ней элемент конспирации и централизованности. Надо сомкнуться, сосредоточиться, усилить партийную дисциплину. Но, чтобы не оторваться от масс, нужно входить во все виды массовых организаций, возникающих в трудовой массе, содействовать их росту и развитию, пользоваться ими для распространения наших идей. Политическая организация охватывает массу односторонне и недостаточно, и лишь в исключительные моменты дает всей массе случай проявить свою сплоченность и активность. Колоссальное значение экономических организаций, синдикатов и кооперативов в том и заключается, что они объединяют ежедневно, ежечасно усилия рабочих для улучшения их обыденной жизни, на началах полной самостоятельности и автономии. Но вступление во все эти организации не должно привести партию к тому, чтобы она распалась, растворилась, потонула в этих беспартийных массовых организациях. И потому, повторяю, рядом с этим необходимо сплочение партии вокруг руководящих центров, необходима живая, интенсивная связь их с периферией. Связь эта установится тем, что вся партийная работа в пунктах, в которых имеются широкие данные для нее, будет расположена концентрически вокруг организационных центров. Этим достигается то сплочение сил вокруг центров работы, которое дает наибольшую производительность ее при наименьшей затрате сил. Концентрация сил — вот наш организационный лозунг для переживаемого нами момента.

Рядом с этой концентрацией сил должно идти углубление нашей работы в массах соответственно повышению умственных запросов массы и задачам выработки из нее собственной, крестьянской и рабочей интеллигенции. Причем в сферу нашего партийного воздействия должны быть втянуты все возникающие массовые организации, не исключая и просветительных. Идеи наши брошены в широкие круги трудовых масс, и наша ближайшая задача заключается в закреплении их в сознании трудовых масс. Кстати, упомяну вот о чем. На отдаленной периферии партии, за границей, возникло течение, которое стремится отодвинуть работу в массах на задний план, возлагая все надежды на «инициативное меньшинство». При этом отрицается принцип концентрации сил и проповедуется нечто вроде многоцентрия, организационного разброда. Течение это, представляемое изданием «Революционной мысли», еще недостаточно выяснилось. Но насколько оно выяснилось, оно представляется нам течением, чуждым всему духу нашей

партии, так как им отрицаются основные положения нашей программы и международного социализма вообще¹⁷⁴.

Против организационной концентрации сил раздаются голоса и с другой стороны. Обобщая отдельные случаи провокации в том или другом организационном пункте, некоторые товарищи — впрочем, не из состоящих «на действительной службе» — высказываются за какую-то обособленную революционную кружковщину вместо стройной партийной организации. Все данные, которые имеются в руках Ц.К., свидетельствуют о том, что провокация вовсе не так распространена, как это представляется напуганному воображению некоторых удаленных от работы партийных товарищей, и дальше отдельных случаев не идет. Из страха провокации стремиться к распылению партийных сил — это такой чудовищно абсурдный лозунг, который Ц.К.-ом не может даже приниматься всерьез. Он ниже всякой критики. Проповедь организационного разброда в такое время, как переживаемое нами, была бы на руку только злейшим врагам нашей партии.

Что касается боевого дела, то Ц.К. считает настоятельно необходимым расширение его. И тут должна произойти концентрация сил, как в областях, так и в центре. Центральный террор стал исторической необходимостью, но его ведение теперь настолько усложнилось, что оно требует напряжения сил всей партии. Я подчеркиваю это, иначе серьезная постановка террора невозможна, а его надо или ставить серьезно, или вовсе не ставить.

Работа среди военных, как стройное организационное целое, почти прекратилась, вследствие непрерывного ареста работников, занятых этой отраслью партийной деятельности. Она продолжает идти на местах, но урывками, кустарно. Но несомненные сведения, которые получены Ц.К. из разных мест, указывают на то, что почва для работы есть, и что, несмотря на увеличившуюся трудность доступа в казармы, работа не стала невозможной. Ввиду того значения, какое армия будет иметь в решительный момент, партии необходимо обратить особое внимание на военное дело. При этом в метод работы должна быть внесена серьезная поправка. Нужно стремиться к созданию ядра солдат, совершенно партийных, а не удовлетворяться влиянием на беспартийные группировки их. Пример турецкой революции может только укреплять нас в этом особенном настаивании на крайней настоятельности усиления работы в войске.

В вопросе о боевом подготовке масс в Ц.К. обнаружилось два почти равносильных течения (4 и 3 голоса). Я высказываю здесь точку зрения первого из этих течений; мнение другой, меньшей части Ц.К., будет изложено моим содокладчиком. Вопрос о боевой подготовке масс стоит перед партией теперь, как он стоял раньше. Партия, не утратившая веры в вооруженное восстание и не желающая свести этот свой лозунг к пустой фразе, не может, не имеет права отказываться от этой части своей работы. Неверно, будто мы лишены теперь всякой возможности вести ее. Есть места,

где рабочие и крестьяне настоятельно требуют ее, есть места, где для нее имеется и объективная возможность. У дашнакцаканов на Кавказе она и теперь ведется, как ведется и у революционной фракции ППС¹⁷⁵. Согласен, что объективные условия ее сильно урезаются, но не будем же сами урезать себя. Будем пользоваться всякой возможностью для того, чтобы приступить к ней. К сожалению, мой доклад так затянулся, что я не могу сейчас распространяться в аргументации этого пункта и удовольствуюсь пока сказанным.

Таким образом, углубление пропагандистской и организационной работы, усиление центра, вхождение во все виды массовых организаций, как трудовых, так и общих; затем, усиление боевой деятельности и концентрация боевых сил — вот главные моменты нашей тактики по отношению к переживаемому нами историческому периоду. В связи с ними нам предстоит усилить идейные центры партии, поднять нашу партийную литературу на такую высоту, при которой она могла бы обслуживать хотя бы настоятельнейшие идейные потребности партийных масс.

Таковы задачи, которые мы ставим себе в настоящий момент, и планомерное осуществление которых является в области практики выражением идейного синтеза, лежащего в основе нашей программы и тактики.

(Продолжительные аплодисменты.)

В заключение тов. **Оленин** прочитывает формулировку предварительного мнения Ц.К. по рассматриваемому вопросу, разосланного организациям, и предлагает избрать специальную комиссию, которая выработала бы проект резолюций в духе основных положений этого документа.

Тов. **председатель** заявляет, что тов. Береславцев просит у него слова для срочного заявления.

Тов. **Береславцев** докладывает собранию, что он получил из Парижа телеграмму о смерти бывшего генерала Парижской Коммуны Врублевского¹⁷⁶. Он предлагает собранию поручить парижской группе с.-р. возложить венок на гроб отважного защитника Коммуны. *(Предложение принято.)*

Тов. **Вронский**. Товарищи, я выступаю содокладчиком товарища Оленина только по одному специальному вопросу — по вопросу о боевой подготовке масс — от имени той части Центрального Комитета, которая несогласна с мнением, сформулированным докладчиком.

Я рекапитулирую коротко основную точку зрения Ц.К. на задачи партии в настоящий момент, чтобы сделать затем свои выводы.

Период свобод, как уже указывал докладчик, дал нам богатую возможность обратиться непосредственно к широким массам с проповедью нашей программы, захватить новые обширные слои трудового населения. Период свобод дал возможность проверить правильность программы непосредственной жизнью. Результат в этом направлении не оставляет желать ничего большего. Агитация всюду сопровождалась успехом, популярность партии росла,

число сочувствующих, примыкающих, идущих за партией увеличивалось. Мы становились массовой партией. Но организационное закрепление шло далеко позади агитационной работы. Мы не могли, мы не успевали организационно впаять, оформить тот материал, который приготавливали агитационно. В период подъема это чувствовалось меньше и не так остро: там, где не доставало прочности организационной связи, помогало чисто психологическое сцепление частиц, захваченных одним порывом, одним революционным стремлением. И партия тогда могла, должна была, если не хотела остаться в стороне от движения, если не хотела плестись бессильно в хвосте его, ставить активные, боевые задачи перед сплоченными и сагитированными массами.

Но наступила полоса затишья, реакции. Волна психологического возбуждения временно понизилась, механический гнет сверху неимоверно возрос — и недостатки и пропагандистской, и организационной работы стали сказываться особенно остро. Мы слышали здесь доклады с мест, почти со всех концов России. Картина всюду почти одна и та же: распадение организации, недостаток сил, распыление прежде казавшихся сплоченными революционных кадров.

Перед партией в данный момент встают, таким образом, прежде всего задачи созидания и сохранения. Необходимо направить работу не вширь, а вглубь, необходимо иными словами, вести планомерную, глубокую пропаганду идей социализма, необходимо создавать не сочувствующих и идущих за партией, а людей партии в истинном и глубоком смысле этого слова; необходимо партийные связи и влияние отливать в строгие и определенные организационные рамки. Недостаток выработанных, опытных партийных работников, на который указывалось здесь, вынуждает к особенно планомерной концентрации партийных сил, к сплочению и сосредоточению их на определенных, строго ограниченных задачах.

Конечно, это не значит, что тем самым всякая боевая наступательная работа должна быть совершенно оставлена. Революция продолжается, борьба идет, и не давать отпора врагу, не ослаблять его позиций революционная партия не может. Но по характеру переживаемого момента эта боевая работа должна носить пока характер концентрированной, индивидуальной борьбы — она должна выражаться в усилении террора — в особенности террора центрального. Это подчеркивает и резолюция Ц.К. Не то с другими видами боевых действий и выступлений. Оценивая соотношение противостоящих друг другу социальных сил, натиск реакции и состояние революционных организаций, оценивая, наконец, настроение масс, мы должны ясно и определенно сказать: массовые боевые выступления в настоящий момент недопустимы. В этом направлении дело свелось бы либо к пустому разговору о выступлениях, либо к нерациональному расходованию накапливающейся энергии, к еще большему распылению и деморализации в лагере революции. Ц.К., стоя всецело на этой точке зрения, и высказыва-

ется поэтому в предлагаемой резолюции решительно против частичных массовых выступлений в данный момент.

Но в таком случае будет последовательным отнестись отрицательно и к боевой подготовке масс, как к задаче, которую следовало бы включить в резолюцию, устанавливающую линию поведения организаций в ближайшем будущем. Иначе мы рискуем совершенно утратить правильную перспективу на ценность отдельных видов работы, и резолюция о тактике превратится в простое перечисление отдельных видов — как созидательной, так и наступательной — деятельности партии. Борясь против распыления сил — мы будем их сами распылять, не концентрируя во что бы то ни стало всего внимания на главном и важнейшем. Гонясь за семью зайцами, мы рискуем не поймать ни одного.

Но не это только соображение заставляет меня быть против того, чтобы в число тактических задач момента включить боевую подготовку масс. В настоящее время положительное решение вопроса о боевой подготовке будет иметь — я в этом убежден — одно из двух следствий: или даже — и то, и другое, смотря по состоянию организаций или сравнительной высоте настроения масс.

В громадном большинстве мест — почти повсюду — это решение так и останется на бумаге, так и останется словесно-революционным украшением: об этом свидетельствуют факты. На третьем Совете партии, бывшем ровно год тому назад, была принята аналогичная резолюция о боевой подготовке, о милиционном обучении и т.д. И каковы реальные результаты этого решения? За исключением одного случая, о котором речь немного ниже, нигде никакой боевой подготовки не производилось, ибо для нее, по-видимому, не было налицо ни людей, ни настроения. Таким образом, сама жизнь внесла корректив в тактические решения 3-го Совета. Но едва ли такие коррективы — нормальное положение для политической партии, намечающей свою тактику на основании оценки действительности.

Но это будет все-таки еще лучшим исходом, лучшим результатом положительного решения вопроса. Ибо в некоторых местах боевую подготовку будут все же пытаться проводить в жизнь. И тогда мы будем иметь в итоге уже не нуль, не пустое место, а прямо вред. В таком случае подготовка эта послужит невольной провокацией частичных выступлений, она фатально приведет к ним, так как одно относится к другому, как непосредственная причина к следствию. Нельзя, психологически нельзя, массы, недостаточно сознательные, дисциплинированные (а широкие массы именно таковы) готовить непосредственно, психически к какому-то неизвестному выступлению, которое будет неизвестно когда. Нет, подготовка эта начинает невольно связываться с определенным конкретным планом, и отделить то и другое невозможно. Кругозор масс не широк: им представляется, что, подготовив (конечно, такую «подготовку» надо понимать *cum magno grano salis*¹⁷⁷) округ, уезд, губернию, они могут уже победоносно выступ-

пать, что «все готово», что дальше ждать невозможно. Самый характер и метод работы в этой области невольно взвинчивает настроение, приводит захваченных работой чрез известный промежуток времени в напряженное состояние. Тот или иной выход начинает мучительно искаться и руководимыми и руководителями, и взрыв, частичное выступление становится на очередь дня.

Выше я упомянул об одном случае, где была испробована боевая подготовка: это — Воронежская губерния. И она может служить как раз хорошей иллюстрацией моей мысли. Там милиционное обучение очень быстро привело к сознанию необходимости выступления. Органическая работа стала почти невозможной, так как по отзывам товарищей, работавших там, ни массы, ни они сами не могли уже думать ни о чем ином, кроме выступления во что бы то ни стало. Они жаловались, что не могут показаться в деревне, так как первый вопрос, обращенный к ним был: когда же выступление? Мы готовы — чего ж вы тянете?.. Выступления, правда, не было, но лишь по сцеплению «независящих обстоятельств». Ц.К. всячески противился ему, категорически запрещал его: это задержало его на некоторое время. А затем общее возбуждение привлекло внимание предрержащих властей: начались репрессии, карательные экспедиции, избиения. И в конце концов, это привело к тому, что нет ни милиции, ни организации, и теперь, как вы слышали из доклада, товарищ в припадке пессимизма говорит, что и социалистов среди крестьян в Воронежской губ. нет. 2000 лучших, наиболее передовых крестьян избито или арестовано. Таков результат. Могло быть и хуже. Центральный Комитет обвиняют за то, что он воспротивился выступлению и тем дал бесполезно рассеяться накопленной революционной энергии. Но если бы выступление состоялось, дело кончилось бы не 2000 арестов, а смертью сотен наиболее активных крестьян и очень сильным упадком революционного настроения во всем крае. О, конечно, борьба требует искупительных жертв, и не революционной партии останавливаться пред необходимостью борьбы и ценою жертв. Но уметь жертвовать — это еще не все. Надо знать, когда это необходимо, когда это целесообразно и неизбежно. Иные жертвы вредны для дела революции, иные жертвы — недопустимы...

Я кончаю, Наша тактическая резолюция должна быть совершенно точной и определенной. Два пункта должны быть выдвинуты и подчеркнуты в ней. Созидательная работа — работа углубления сознания, строительства и организации партии и работа наступательно-разрушительная — центральная террористическая борьба. Ничто иное в настоящий момент невозможно, нерационально, вредно. Мы высказались категорически против частичных выступлений. Оставаясь последовательными, ту же позицию должны мы занять и по отношению к боевой подготовке. Будем констатировать то, что есть, будем стремиться к осуществимому, будем концентрировать наши силы, убывшие за это время. Только в таком случае мы используем настоящий момент. И сосредоточение на

том, что выполнимо теперь, еще не есть отказ, как думает товарищ Оленин, вообще от более широких революционных лозунгов.

Тов. Ливин предлагает разделить вопрос на 2 части: 1) обсуждение момента и 2) обсуждение предложений Ц.К. Последние будут рассматриваться как отдельные пункты в порядке дня.

Тов. Бородин высказывается против этого предложения.

Предложение тов. Ливина отвергнуто большинством 20 голосов против 11.

Тов. Грачев. Характеристика переживаемого момента, сделанная представителем Ц.К. тов. Олениным, грешит оптимизмом. Оратор несогласен с тем, что худший период дезорганизации и разброда партии остался позади нас, и считает оптимизм Ц.К. вредным для дела. Дав определение того, что следует понимать под вредным оптимизмом и здоровым пессимизмом, оратор перечисляет факты, идущие вразрез с оптимистическим настроением Ц.К. Тот факт, напр., что наша партия, насчитывающая два года тому назад сотни организаций, имевшая в Думе больше трех десятков своих депутатов, могла теперь прислать на общепартийную конференцию всего 60 человек, и из них только около одной трети выборных. Этот глубоко печальный факт служит ярким доказательством того, что кризис еще не миновал. За последние два, три года мы потерпели громадный урон, и урон этот еще не восполнен. Уменьшение наших рядов произошло не только путем насильственного изъятия сотен и тысяч наших товарищей озверевшими опричниками контрреволюции, но и вследствие идейного расслоения, пережитого нашей партией. Более крайние и нетерпеливые элементы нашей партии ушли в максимализм, более умеренные образовали группу народных социалистов. Выслушанные нами доклады с мест не оставляют сомнения насчет того, что кризис еще продолжается. Разгром и разброд других социалистических партий в России тоже доказывает, что самое трудное время для русской революции еще не прошло. Дальнейшее подтверждение своей мысли оратор видит в постоянном распылении революционных сил, идущем рядом с укреплением позиций правительства и в ослаблении моральных уз, выражающемся в росте порнографии во всех ее видах и т.д. Да и сама правительственная реакция изменила свой характер: она идет дальше и глубже, чем реакция 80-х годов. Создав фикцию народного представительства, правительство укрепило свое положение в глазах Зап. Европы, оставив в силе все те методы управления, которые дали ему возможность до сих пор держать в полном беспорядке 130 миллионное население России. Дальше оратор указывает на то, что судьбы страны вершатся теперь какими-нибудь 140.000 дворян, которые, ограждая свои громадные материальные интересы, являются самыми активными и лютыми агентами контрреволюции. Он полагает, что наша партия должна вступить с ними в борьбу, не останавливаясь даже перед самыми решительными средствами.

Тов. **Павловский** считает неудовлетворительной резолюцию, предложенную Ц.К. в вопросе об оценке современного момента, так как резолюция эта не отмечает того, в высшей степени важного факта, что мы одни на поле битвы. Русская революция давно потеряла общенациональный характер, давно уже произошло перемещение общественных сил из лагеря сочувствующих революции в лагерь противников ее. Этим в значительной степени объясняется и наша изолированность, и видимое укрепление позиций правительства. Другой вопрос, долго ли продержится союз буржуазии с правительством? Оратор от имени С.-Петербургского комитета партии предлагает внести в резолюцию Ц.К. соответственную поправку.

Тов. **Бородкин**. На нашем областном съезде (Сев. обл.) обсуждались резолюции Ц.К., предложенные конференции. Было высказано мнение, что определение политики правительства было сделано Ц.К-том не совсем полно. Характерно для настоящего момента не одно только объединение реакционных сил, но и отпадение оппозиции от революции; русская революция приняла резко классовый характер. Помимо этого, в определении переживаемого момента нельзя упускать из виду «творческую» деятельность правительства, его аграрную политику, закон 9-го ноября, землеустроительные комиссии, усиление переселения и т.п. Каковы бы ни были окончательные результаты этой политики, нет сомнения, что сейчас она вносит сумятицу и разлад в жизнь деревни. За два года (1906—08) переселилось не менее 700.000 душ и вышло из общины не менее 180.000 домохозяев. Относительно роста недовольства и озлобления в крестьянских массах, о котором говорится в 5-м пункте резолюции, я замечу, что в Петербургской губ. явление это не наблюдалось. Распыление революционной энергии, о котором говорил тов. Грачев, не так уж характерно для данного момента: его было в прошлом гораздо больше, чем теперь. Что же касается стремления более сознательной части трудовых масс к организации, то следует отметить, что оно выливается большей частью в форму организаций профессиональных, кооперативных и т.д., а не партийных. — С намеченной Ц.К-том для данного момента тактикой обл. съезд вполне согласен. — Далее тов. **Бородкин** указывает, что тов. Грачев преувеличивает значение дворян, так как из 100 миллионов десятин частновладельческой земли только 50 миллионов десятин принадлежат дворянскому сословию. Усиленная борьба с дворянами, как политически-господствующим сословием, только расчистила бы почву для господства других слоев капиталистического общества.

Тов. **Февралев** добавляет несколько слов к сказанному тов. Бородкиным. Усиление позиции правительства произошло не только вследствие необычайных, истинно азиатских репрессий, но и вследствие децентрализации правительственной власти. Генерал-губернаторы, фактически облеченные суверенной властью, могут в случае расстройств, медленности или нерешительности центральной власти — быстро и самостоятельно применять самые дикие

репрессии, не считаясь с какими бы то ни было правовыми нормами, не считаясь с мнением цивилизованного мира, на которые центральное правительство хоть для вида должно обращать внимание. Применяясь к существующему теперь положению, принимая во внимание тот факт, что резко определенная позиция правительства не только не подавила, а скорее расширила народное самосознание, необходимо центр тяжести партийной работы перенести на углубление социалистического сознания находящихся под нашим влиянием трудовых масс и закрепления их в организационном отношении.

Тов. Нечаин разделяет вполне высказанным тов. Вронским взгляд по вопросу о боевой подготовке масс. Он указывает на то, что преждевременный «боевизм» не только расстраивает организационную работу партии, но дает опасное оружие в неопытные руки. Он цитирует ряд случаев, когда боевые дружины заведомо злоупотребляли своей силой или по неведению совершали такие поступки, которых партия не может одобрить.

Заседание закрывается.

XII заседание 9-го августа, после обеда

Заседание открывается под председательством тов. Вронского.

Тов. председатель. Продолжаются прения по вопросу об оценке текущего момента и тактике партии.

Тов. Рязанцев (председатель Украинской области) заинтересован освещением двух вопросов: резолюцией Центрального Комитета о тактике партии и вопросом о боевой подготовке масс. Центральный Комитет полагает, что нужно углубить работу организационного строительства и бороться против частичных боевых выступлений там, где они сопряжены с бесплодной растратой революционной энергии. По-видимому, теперешняя постановка вопроса стоит в противоречии с директивой, данной Центральным Комитетом раньше — готовить массу к вооруженному восстанию. Пока в массы проникает боевое настроение, на что нужно года полтора времени, общее положение страны настолько изменяется, что частичное выступление этих масс уже становится невозможным. Приходится сдерживать революционную энергию, нами самими вызванную и массами накопленную, а местами совсем подавлять ее, что сопряжено с потрясениями и крушением организаций, как это имело место в Воронежской губернии. Такое положение ненормально и для нас губительно, так как подрывает авторитет партии. Воронежская губерния по разным условиям была наиболее революционно настроена, настолько, что работникам в крестьянских массах приходилось задумываться над тем, что вот-вот энергия вырвется наружу. Надо было идти навстречу движению, выработать практические лозунги для масс, разбуженных нашими же

призывами, согласно директивам, экстренного съезда. Положение было затруднительным. На последнем Совете партии мы просили и Совет, и Центральный Комитет обратить внимание на этот особый уголок, где народные массы пришли в движение, где крестьянская организация насчитывала несколько тысяч человек в своих рядах, просили обследовать настроение и дать директивы, — но этого, к сожалению, сделано не было. Я отнюдь не хочу упрекать Центральный Комитет. Но положение ухудшилось. Сохранить крестьянскую организацию оказалось невозможным: «шила в мешке не утаишь». Правительство открыло организацию и разбило ее. Мы упустили момент, когда движение, поднятое одной губернии, могло вызвать его и в другой, соседней. Накопленная в крестьянской массе революционная энергия была бесплодно растратчена. Вот поэтому-то Украинский областной съезд и разошелся в установлении тактики партии с Центральным Комитетом, высказавшись за метод вовлечения народных масс в борьбу с правительством и капитализмом. Привожу цитату с оговоркой о ее неправильности и некотором искажении, неизвестно кем допущенном: «Обсудив вопрос о тактике партии в настоящий момент, областной съезд пришел к заключению, что прежний метод накопления сил и удержания масс от частичных выступлений в ожидании общенародного выступления, является в настоящее время мало-пригодным, влечет за собою разложение организаций, благодаря отсутствию при настоящем методе активной борьбы, в процессе которой только и возможно укрепление организации, рост ее и революционное воспитание масс. Такое вынужденное воздержание, особенно при наличности полицейских репрессий, влечет за собою и моральное разложение масс. В силу всего вышесказанного областной съезд постановляет: перейти к методу вовлечения народных масс в активную борьбу с правительством и капитализмом, для чего предложить всем партийным работникам — стремиться использовать все выдвигаемые местной жизнью возможности (местные конфликты экономического и политического характера, забастовки, столкновения и тому подобное) для вовлечения народных масс в активную борьбу и расширения движения. Вынужденное воздержание несет в себе и элементы морального разложения».

Тов. **председатель**, сообщая конференции заявление тов. Федотова об отказе от слова по вопросу об оценке текущего момента, доводит до сведения конференции предложение товарища — сократить количество ораторов, так как большинство их повторяется и тем непроизводительно затрачивает дорогое время.

Тов. **Хренов** возражает тов. Грачеву и указывает на то, что его рассуждения о вредном оптимизме и полезном пессимизме — не больше, как общие места. Его мысль о необходимости самой решительной борьбы с дворянством тоже не выдерживает критики. Дворянство — сословие, заключающее в себе, рядом с землевладельцами, чисто служилый элемент. С другой стороны, частновла-

дельческая земля наполовину принадлежит недворянам. Поэтому, усиленная борьба с дворянами только расчистила бы путь для деятельности буржуазных слоев землевладельческого класса. Борьбу мы должны вести против частной собственности, а не против той или иной группы землевладельцев. Несомненно, дворяне пользуются теперь особыми привилегиями. Но уничтожение этих привилегий достигается не истреблением дворян, а уничтожением тех политических условий, которые создали возможность существования привилегий. Переходя к вопросу о боевой подготовке масс, тов. Хренов говорит, что тов. Оленин совершенно правильно ставит его на принципиальную почву. Как партия боевая и рассчитывающая осуществить свои ближайшие задачи путем всеобщего вооруженного восстания, мы должны заботиться и о боевой подготовке масс. Но из этого вовсе не следует, что мы должны все свои силы направить исключительно на эту боевую подготовку. Ей должно предшествовать организационное сплочение и закрепление более сознательной части трудовых масс. Иначе будет нарушена та гармония в партийной деятельности, которая является практическим осуществлением синтеза, положенного в основу нашей программы.

Тов. Григорович¹⁷⁸. Много говорили и говорят о русской революции. Но революции у нас не было: был лишь, может быть, пролог к революции; и было грандиозное недоразумение в понимании и оценке всего совершившегося в «дни свобод».

Я, как с.-р., всегда думал, что у нас не может быть ни социальная, ни чисто политическая революция, а только революция **народно-трудовая**. Но ее-то и не было. Восстал **городской** пролетариат; восстала интеллигенция — представительница **городского** населения. Деревня не восставала, — не было, значит, и настоящей революции. Городская революция у нас а priori была осуждена на гибель — и погибла. Вот почему задача наша остается та же, что и раньше: **готовить народно-трудовую революцию**.

«Грандиозное недоразумение», о котором только что было сказано, не прошло еще: следы его проскальзывают и здесь, на съезде, в оценке пережитого момента и ближайших перспектив.

В своем понимании всего того, что было, я исходил из положения, согласно которому идеалы двигают историей; со свойственной мне идеалистической ересью я изучал природу русского самодержавия, его идеалы и душу, а не только «шкуру»: ведь с идеями и идеалами справиться куда труднее, чем со «шкой»!

Я признаю классовый принцип, но не как ключ к уяснению текущих событий: причины тут лежат глубже — в идеологии нашего врага, который ставит своею целью мировое господство белого православного русского царя. Кто предан у нас самодержавию, тот проникнут именно этим идеалом, а кто проникнут им, тот готов бороться до конца за сильную царскую власть, за господство православия, за господство великорусского племени.

Идея самодержавия не представляет чего-либо характерного только для России: за нее боролись и в других странах; но это не помешало защитникам самодержавия идти там на компромиссы, напр., с буржуазией и дать ей политическую свободу. В России такой компромисс невозможен, ибо тут идея «сильной царской власти» осложнена двумя другими «идеологическими» моментами: идеей о господстве православия и великорусского племени. Русская буржуазия в союзники русскому правительству не годится: она разноплеменная, она не вся сплошь православна, да к тому же она и не сильна, и не крепка. Потерявши веру в возможность создать сильную и крепкую великороссийскую буржуазию, правительство наше стало искать другого достойного себя и достаточно культурного союзника: и такой союзник нашелся — в лице помещного и служилого дворянства. Правительство не является вовсе, как это многие утверждают, органом дворянства, ибо само это дворянство не более как идейный союзник правительства. Найдись у правительства другой подходящий союзник, оно бы заставило дворян пойти на уступки. Правительство и дворянство, благодаря занятой ими идеологической позиции, не могут идти на какие бы то ни было уступки, ибо при малейшей свободе «православие, самодержавие и народность» пошатнулись бы. Манифест 17 октября в устах правительства по степени искренности то же, что и лозунг «Земля и воля» в устах социал-демократов. Все Думы были только станциями на пути к реакции. Правительство уступит *de facto* только силе восставшего народа.

Какова же должна быть наша тактика сейчас и на ближайшее время?

Период свобод не прошел даром. Но революционное движение действовало не одинаково в городе и деревне: город был доведен до точки кипения, а в деревне всего лишь растаял лед. Наша задача — довести до точки кипения деревню. Революция разбудила не только русское крестьянство, но и все угнетенные народы России. Даже совсем униженные национальности — например, татары — и те ожили.

Выводы ясны: мы должны политике православия противопоставить политику свободы мнения и совести, политике самодержавия — политику народовластия, политике господства великорусского племени — политику сотрудничества и равноправия народов.

Мы должны вернуться к тактическому моменту, в котором находились раньше. Придется вычеркнуть частичные боевые выступления и частичную боевую подготовку. Боевые организации необходимы сейчас не для выступления, а разве только для самообороны, ибо удар в центр центров может вызвать натиск черной сотни.

Пагубно было бы отказаться от активного участия в профессиональном и кооперативном движениях.

Из синтеза наших тактических лозунгов выкинуть их нельзя.

Выходя из взглядов, не сходных с взглядом Ц.К. я, в сущности, прихожу к тем же целям и средствам. Как с.-р., я этому очень

рад... Но с формулировкой я несогласен. Быть может, все, сказанное в резолюции Ц.К., и верно, но слишком уж обще! Такие резолюции всегда, ежедневно следовало бы выносить — уж по одному тому, что в них выражено все то, что необходимо всегда для каждой организации.

Но сейчас надо влить в эти резолюции более конкретное содержание.

Тов. Лаврецкий. Мне прежде всего приходится указать на необходимость разграничения вопроса о боевой подготовке масс от проектов частичных выступлений. Эти вопросы нельзя смешивать. Я — против частичных выступлений в данный момент, но за потребность боевой подготовки народных сил. Отказаться от боевой подготовки — значит отказаться от вооруженного восстания, ибо одной пропагандой социалистических идей к нему не подготовишься. Вот это-то как раз и упускает из виду тов. Вронский, высказывающийся против боевой подготовки. Он совершенно напрасно ссылается на опыт Воронежской организации, где будто бы боевая подготовка привела к разгрому всех сил, всей партийной работы. Этот пример неудачен. Там, по-видимому, судя по докладу тов. Рязанцева, было плохо поставлено дело, которое и лопнуло поэтому, как мыльный пузырь. Пример Воронежской организации учит нас только тому, как не следует делать боевую подготовку масс и — ничему больше. — Затем, меня вообще удивляет склонность некоторых товарищей к поспешным заключениям и решениям по острым вопросам тактики. Приведу пример. Еще недавно были у нас на местах боевые дружины, но партийные организации, строя их как попало, не могли потом с ними справиться, — не могли удержать в пределах дисциплины. Началось хулиганство и обнаружился целый ряд отрицательных явлений. Вызвали дух и не могли заковать его. Решено было дружины распустить, и они были распущены. Но вместе с водой выплеснули и ребенка. Дружины распущены, но зато прекратился и местный террор. Такое же отношение мы видим теперь к вопросу о боевой подготовке масс. Неудачный опыт Воронежской организации заставляет товарищей делать неправильные выводы. Очень жаль. Я вполне присоединяюсь к сказанному здесь о полной шаткости прогнозов и полагаю, что мы не можем определить, когда наступит момент вооруженного восстания, и потому должны быть готовы к нему всегда. Необходимо только выработать наиболее конспиративные и рациональные формы этой подготовки.

Тов. Чижевский. Лейтмотив момента — организация контрреволюционных сил. Начало этой организации — погромы, но затем, путем планомерной кампании, контрреволюционным силам удалось захватить в свои руки бывшие центры либерализма — городские и земские самоуправления. Наконец, контрреволюция приспособила к своим целям и завоеванное народом законодательное учреждение — Государственную думу. Резолюция Центрального Комитета указывает, что теперь фундамент организации

контрреволюционных сил суживается. На мой взгляд, это глубоко неверно. Как бы мы ни относились к Государственной думе, не подлежит сомнению, что в борьбе господствующих классов между собою она играет важную роль и толкает эти классы к дальнейшей организации. Далее, мы должны констатировать усиленную организацию капитала: к существовавшим ранее союзам предпринимателей присоединился ряд новых, как напр., союз текстильщиков, металлургов, спичечных фабрик и т.д. Условия рынка благоприятствуют этой организации. Указание в резолюции Центрального Комитета на мнимость промышленного подъема неверно. Усиленное стремление иностранного капитала в Россию, вызванная этим стремлением поездка Эдуарда¹⁷⁹ в Россию и поездка Фальера¹⁸⁰ свидетельствуют о некотором действительном подъеме (хотя, конечно, скоропреходящем) промышленности, вызванном отчасти падением арендных цен в 1905 году, освободившим часть покупательных сил деревни, отчасти крупными заказами на флот, Амурскую железную дорогу и т.д. При таких условиях организация контрреволюционных сил будет продолжаться; и при следующем революционном подъеме придется иметь дело с организованными контрреволюционными силами, усиленными, кроме того, теми элементами крестьянства, которые приобретают теперь земли. В руках наших противников будет не только бюрократический механизм, но и органы самоуправления и законодательные учреждения. Борьба при таких условиях будет много труднее, чем была раньше. Против организовавшихся контрреволюционных классов может с успехом выступить только одна сила — организованный класс. В сторону разносторонней организации рабочего класса и должны быть направлены все усилия партии. Останавливаться детально на этом вопросе я сейчас не буду: вопросы крестьянской и рабочей политики подлежат отдельному обсуждению, — общее же направление тактики красноречиво намечено докладчиком Центрального Комитета. Остаток имеющегося в моем распоряжении времени я хочу употребить на постановку вопроса, почему-то не затронутого в предыдущих прениях, — вопроса о соотношении элементов нашей общей террористической тактики. О терроре оборонительном много говорить не приходится: покуда партия нелегальна, в ней существуют провокаторы, а, следовательно, оборонительный террор неизбежен. Что касается террора наступательного, то террористические акты обычного калибра не могут, на мой взгляд, иметь большого политического значения. Остаются концентрированные политические удары. Большое значение, которое они могут иметь, заставляет меня обратить внимание конференции на необходимость более детального обсуждения этого вопроса. Не высказывая пока своего мнения, я указываю на возможность следующих сомнений: отрицательных последствий концентрированных актов — полную изоляцию от всех других партий в случае неудачного исхода их, тяжелых в этом случае последствий для массовых работников, а, следовательно, и для пар-

тии, усиленных репрессий, особенно же — трудность использования этих ударов нами, принимая во внимание, что во время смуты берет верх наиболее организованная сторона, которою являемся сейчас не мы — таковою являются наши противники. Я хотел бы, чтобы конференция осветила эти акты с точки зрения политической целесообразности, тогда я выскажу собственное мнение. Теперь же я только ставлю вопрос.

Тов. Корнев. После речей тов. Хренова и тов. Лаврецкого, исчерпывающих, по моему мнению, вопрос о необходимости включения в тактику современного момента боевой подготовки масс к вооруженному восстанию, я считаю излишним останавливаться далее на нем. Я вполне разделяю точки зрения этих двух ораторов. Перехожу к другому вопросу, неожиданно для меня поднятому тов. Чижевским, — вопросу об ударе в центр центров. Тов. Чижевский, изложив конференции свои сомнения относительно своевременности и целесообразности этого акта столь большой важности, предлагает конференции принять во внимание изложенные им сомнения при решении этого вопроса. До сих пор я был уверен, что вопрос этот нами уже решен и решен бесповоротно. В самом деле, для нас, партии социалистов-революционеров, партии, призывающей террор, как метод борьбы, дезорганизующий нашего врага, — для нас вопрос об ударе в центр центров являлся лишь постольку вопросом, поскольку акт этот мог быть не понят и не оправдан в массах трудового народа, выразительницей интересов которого является наша партия. В этом вопросе мы ждали только моральной санкции трудовых масс, повторяю я, и лишь только мы с несомненностью убедились в сочувствии этих масс — вопрос стал для нас решенным и, конечно, решенным в положительном смысле. Я должен заметить, что и формально вопрос этот решен для нашей партии, так как Центральный Комитет запрашивал по этому поводу мнение областных организаций. Вопрос решен и, казалось бы, что говорить о нем много не приходится; «об этом не говорят, это делают», — сказал покойный товарищ¹⁸¹. Но, может быть, сомнения, высказанные тов. Чижевским, настолько серьезны, что поговорить о них и следует. Тов. Чижевский спрашивает: «Захотят ли принять на себя партийные товарищи ответственность за все последствия этого акта»? «Поскольку они — социалисты-революционеры, — отвечу я, — они не могут не желать этого нападения, а те элементы, которые будут отрешиваться от партии после удара в центр центров, пусть уходят, куда хотят. Скатертью дорога. Они — не товарищи социалистам-революционерам». (*Аплодисменты.*) Тов. Чижевский опасается, не льем ли мы воду на чужое колесо. Но неужели у нас есть основание опасаться, что результатом нашего удара в центр центров воспользуется кто-либо другой — кадеты, с.-д.-ты или просто буржуазия. Все приемы нашей борьбы гармонизируются в общем синтезе. Каждый прием борьбы должен координироваться с другими. И с этой стороны мы мыслим этот удар не изолированным, а в связи с движением в вой-

сках, в связи с общим народным выступлением за свои насущные трудовые интересы. А потому и в дальнейшей борьбе мы не боимся остаться одинокими, ибо интересы трудового народа — наши интересы. Я думаю, что вопрос об ударе в центр центров поставлен и разрешен раз навсегда, окончательно и бесповоротно, и потому поднимать его вновь нечего.

Тов. Бюзанд, соглашаясь с речью тов. Чижевского, намерен поставить точки над *i* там, где они не поставлены. Оценку момента он начинает с того, что считает позднее появление русской революции причиной ее неопределенного затяжного характера. Турецкая революция потому быстро идет, что она имеет чисто политический, а не народно-трудовой характер, как наша. И наша задача поэтому теперь не так проста. Дело теперь в организованности реакции, которая успела окрепнуть. Буржуазия, когда-то поддерживавшая революцию, с внесением в нее народно-трудовых лозунгов поддерживает реакцию. Наша задача в том, чтобы, не рассчитывая на помощь других групп, противопоставить силам реакции реальную организованную силу трудового народа. Необходимо поэтому сперва подготовить массы — и в войсках, и в крестьянстве, — а потом уже нанести удар в центр центров. Без этой подготовки центральный террор, не являющийся, по справедливому мнению тов. Оленина, всепасающим средством, далеко не всегда может привести к тем результатам, которых добиваются социалисты-революционеры. Социалист-революционер — не тот, кто постоянно держит в руках бомбу. Можно применять все методы борьбы, предусмотренные нашей партийной тактикой, но с большою осторожностью и с большим выбором. Центральный удар в настоящий момент, по моему мнению, может явиться актом не политической борьбы, а политической игры. Желательность и возможность — не достаточный аргумент. Как большая партия, мы не можем теперь работать в тисках подполья, а потому нельзя оставлять в стороне и способов широкого использования легальных организаций, необходимо и внутри их вести строительную работу. Такую тактику мы рекомендуем, находя ее более приспособленной к настоящему положению вещей.

Тов. председатель. Поступило следующее заявление тов. Ливина: «Ввиду того, что 1) вопрос обнимает две обширные части, 2) представитель Центрального Комитета коснулся некоторых взглядов, высказанных в «Революционной мысли» и требующих положительного освещения и разъяснения, 3) т. Ливин отказался от слова накануне при обсуждении доклада Центрального Комитета, с тем чтобы выяснить свою точку зрения касательно затронутых вопросов при настоящем обсуждении вопроса о современном моменте, ввиду всего этого тов. Ливин просит президиум предложить конференции вопрос об увеличении ему времени для слова до 30 — 40 минут». Предлагаю это заявление на разрешение конференции.

Тов. Оленин от имени Ц.К. высказывается за удовлетворение этого ходатайства.

Большинством 24 голосов против 20 конференция разрешает в пользу тов. Ливина отступление от регламента и представляет т. Ливину право говорить в течение 40 мин.

Тов. Ливин. — Я выслушал речь тов. Оленина и нашел, к сожалению, в ней, равно как и в резолюциях, предложенных Центральным Комитетом, не объяснение переживаемого момента, а констатирование фактов, притом же — неполное. (*Читает 1-й пункт резолюции Центрального Комитета.*) Почему правительство могло пустить в ход репрессии? Об этом вот ничего не говорится в резолюции, так как констатирование фактов, повторяю, не объяснение их: объяснить факт — значит показать его причинную зависимость от других фактов. Тов. Оленин полагает, что упадок общественного настроения и настоящее торжество правительства — один из зигзагов, эпизодов, временное замедление в ходе русской революции, этого длительного, затяжного процесса, предполагающего временные победы и временные поражения. Но и это все — не объяснения. В мире явлений природы играют большую роль ритмы и циклы; но они в точных науках, как наприм., в механике, астрономии, физике, находят свое объяснение в неизбежном действии так называемых «физических сил». В общественной жизни играют роль организованные группы, которые приводят в движение сознательной волей человека, вмешиваются в стихийную действительность, которая сама по себе не поддается учету. Стихийной неизбежности не должно быть места в наших построениях. Есть, встречаются циклы и ритмы, приливы и отливы, подъемы и падения и в общественной жизни, и они могут быть объяснены, т.е. по крайней мере вероятность их, при соответствующих условиях, может быть установлена; но неизбежность им не присуща. Организованные элементы, объединенные партией социалистов-революционеров, также, в меру их сознательности и организованности, играли роль в ритме событий, могли до некоторой степени предвидеть эту излучину русской действительности и, буду настаивать на том, могли, быть может, ее предотвратить, поскольку вообще стихийный ход событий мог быть предотвращен. Но этого нашей партией не сделано, и мы переживаем теперь катастрофу, а не отдельный эпизод, и грозную опасность можно предупредить только правильной оценкой настоящего положения дел, правильным объяснением резко изменившейся политической конъюнктуры. Как мягко, убаюкивающе мягко звучит выражение проекта резолюции: «позиции правительства значительно укрепились»... Нет. Правительство торжествует по всей линии, революция разбита, рассеяна, и этого нельзя замолчать... Не согласен я с тов. Лениным, что заметны признаки улучшения в положении партии, дающие ему основание утверждать, что положение дел теперь лучше, чем в эпоху «Народной Воли» после ее разгрома. Катастрофа «Народной Воли» — крушение партии героической, но немногочислен-

ной, не так страшна, как наше поражение, так как там не была дискредитирована революция в сознании народных масс. С другой стороны, признак конституционной иллюзии в виде Государственной думы, если не сейчас, то потом, грозит примирением со «столыпинским режимом». После разгрома «Народной Воли» наблюдались признаки разложения нравственности — теперь же сфера деморализации и шире и глубже: она наблюдается и в массах, и среди партийных работников. Пример покаянных мотивов бывшего максималиста Энгельгардта¹⁸² является характерным для психологии сотен и легионов. Лично знаю массу примеров искреннего разочарования и ренегатства среди молодежи и, между прочим, среди моих бывших учеников; работавшие в России рисуют еще более безотрадные картины. И ответственность за переживаемый нами кризис должна ложиться не только на стихийную игру сил, но и в значительной степени на плечи сознательных, организованных общественных сил. В самом деле: каковы причины теперешнего развала? Кратко формулирую: жизнь не оправдала ожиданий партии, партия не оправдала ожиданий жизни...

Тов. председатель. Время, определенное конференцией для речи оратора, истекает. Угодно будет дослушать тов. Ливина?

Голоса: Просим, просим...

Тов. Оленин предлагает дать слово т. Ливину без ограничения времени.

Председатель, констатируя, что возражений нет, предоставляет слово тов. Ливину.

Тов. Ливин (продолжает). Жизнь не оправдала ожиданий партии и партии социалистов-революционеров, в частности, главным образом в вопросе о неизбежности всенародного вооруженного восстания. Представление о неизбежности всенародной революции, питаемое партией, оказалось несостоятельным. Не следует думать, что ответственность за подобное укоренившееся воззрение лежит исключительно на центре. Нет, ведь центр не только административный и исполнительный центр, но и идейный центр, выразитель идей партии. И моя критика относится, следовательно, не к центру, но ко всей партии. Но между центром и партией существовало и взаимодействие: партия действовала на центр — центр действовал на партию. Но взаимоотношения, сложившиеся между Центральным Комитетом и периферией, на мой взгляд, были с самого начала ненормальны. Ненормальны эти взаимоотношения потому, что коэффициент воздействия центра на партию значительно больше, чем коэффициент воздействия партии на центр. Партийная интеллигенция, партийная молодежь воспитана и продолжает воспитываться на воззрениях, проводимых центром. И в этом воспитании, идущем от центра, самым слабым и шатким пунктом является идеализация вооруженного восстания — воззрение, переданное по наследию от 70-х годов и даже более ранних революционных формаций и породившее массу неосуществимых надежд, разочарования и пессимизма. Всенародная революция,

всероссийское вооруженное восстание народных масс предполагает наличность огромных сил, которых нет, не было и не могло быть в данное время, и нам снова надо будет употреблять усилия в течение многих лет, быть может, снова накапливать силы, которые были направлены на подготовку восстания, разбиты и либо погибли, либо в отчаянии отошли от революции. Напомню, что «Народная Воля» подходила к вопросу о вооруженном восстании с большой осторожностью, — мы же, социалисты-революционеры, потерпели крушение и многие разочаровались. К тому же центр партии обнаружил шатания, и это, быть может, послужило одной из причин переживаемого нами теперь кризиса. Шатания партии и ее центра проявились не только в теоретической области, но и в сфере практических действий. Разве самое обоснование нашей программы, разве официальное изложение теоретических принципов программы партии не включает в себе элементов различного происхождения и различной ценности — как рациональных, так и нерациональных.

Тов. Оленин употребляет применительно к официальному мирозерцанию социалистов-революционеров изящное выражение «синтез»; но разве под этим выражением не скрывается часто эклектизм. И притом, какой эклектизм! Ибо не следует думать, что эклектизм сам по себе есть преступление: вся наука — эклектична. Но не идет ли здесь речь о таком эклектизме, где хаотически смешаны не приведенные в гармоническую связь элементы — и марксизма, и народничества, частью бакунизма, полуанархизма, — где эти элементы не координированы в стройную и чуждую противоречий систему. Мы отрицаем якобы официально принципы экономического материализма — между тем, много речей, докладов, положения резолюций и даже освещение текущего момента, сделанное тов. Лениным, проникнуты духом одностороннего марксизма. Только в речи тов. Григоровича освещение современной русской действительности было сделано с другой точки зрения. Эклектическое мировоззрение партии и ее центра не может не быть неустойчивым и не может не приводить к ошибкам и шатаниям в сфере решений и действий. Этот вывод оправдывается на формулировке практической политики (хотя бы, наприм., рабочей), на постоянном смешении сфер деятельности революционной и деятельности культурной, на различном освещении значения и применения террора партией и партийными работниками. Переходя к вопросам тактики, остановлю внимание конференции на отношении к террористической деятельности и к вооруженному восстанию. Я говорил, что не только жизнь не оправдала ожиданий партии, но и что партия не оправдала ожиданий жизни. Да, жизнь не оправдала ожиданий большинства революционеров, жизнь не дала вооруженного восстания народа и крушения самодержавия и самодержавной политики. Но и партия не оправдала ожиданий жизни, партия своими собственными силами не нанесла правительству удара, который, вероятно, она могла бы нанести, если бы иллюзия всенародного восстания не направила ее мыслей и действий в сто-

рону от инициативных нападений на правительственный механизм и на его центр. После октябрьских дней были ноябрьские и декабрьские. На первых порах уже обнаружилось, куда идет правительство, которое сначала в момент слабости и нерешительности издало манифест, а потом, несколько придя в себя, вернулось к роли систематического палача, постепенно берущего назад все свои уступки и решительно восстанавливающего старый режим. Казалось, что наши руководящие центры ждали кадетского министерства в то время, когда нужно было быть готовым к войне.

Когда разгоняли 1-ю и 2-ю Думы, ждали народного восстания, даже хотели декретировать его сверху, но не уделяли достаточно внимания другому методу борьбы, хотя партии не могло быть неизвестно, что ей приходится иметь дело с жестоким и коварным врагом. В нашем же центре были шатания, неустойчивость в выборе методов: то декретирование массовых боевых выступлений, то стремление к реальной политике, то признание трудности проведения ее при вновь созданном положении вещей. Благоприятный момент был упущен, наступило страшно тяжелое время, обнаружались признаки бессилия, а партия и ее центр проявили новые шатания и новую растерянность. Тов. Оленин говорит, что работа, ставившая себе целью выполнение террористических актов, никогда не прекращалась. Но факт тот, что партия не могла осуществить в надлежащий момент надлежащих планов, что удары, которые могли спасти положение, не могли быть нанесены, не были нанесены. И я полагаю, что это произошло потому, что эта перво-степенная область боевой деятельности была отодвинута на задний план и постепенно сошла на роль второстепенного средства борьбы. Для боевых нападений на самодержавие не уделялось достаточно внимания, достаточно энергии, достаточно сил. Вообще, идея самостоятельного нападения партии, как инициативного меньшинства, была значительно подавлена идеей всенародного восстания, что было опять-таки фактическим логическим результатом преобладания в миросозерцании партии известных идей. Именно эта, а не какая-нибудь другая мысль была высказана в «Революционной мысли», о которой упоминал тов. Оленин, не совсем правильно излагая ее, «революционную мысль», и, следовательно, не совсем надлежаще применяя категорию иронии. Но, быть может, мое утверждение голословно? Нет, оно, увы, не голословно. Я не могу вдаваться в область, недоступную открытому детальному рассмотрению ввиду конспиративного характера соответствующих данных. Но я не могу не сослаться на то, что стало достоянием гласности, и на то, что высказывалось на этой конференции. Что же мы слышали и что читали? Разве мы не слышали из уст тов. Оленина, что Боевая организация одно время вовсе не существовала? Разве не вытекает с очевидностью, что дело было не только в технических трудностях нападения, но даже в отсутствии нападающего отряда? Разве мы не читали в номере 11-м «Знамени труда» о том, что в настоящий момент для боевой работы недоста-

ет денег и недостает людей? Разве мы не слышали от тов. Оленина, что семеро павших товарищей Северной летучки были последние борцы отряда? Неужели и тут дело сводится к несчастным случайностям и техническим трудностям? Почему не оказалось боевых сил и средств в нужное время, когда раньше были и люди, и финансы? Почему в период богатства и силы партии не был создан резерв людей и резерв денег? Почему те семь товарищей, которые погибли на своем посту, оказались «последними могиканами»?

Не были приняты меры, необходимые к созданию резервов, которые могли бы нанести центральный удар или центральные удары... А было время, когда вся Россия напряженно ждала от партии боевых выступлений... Или нужно приводить еще примеры шатанья и растерянности? А инцидент с думской группой социалистов-революционеров? Тов. Ленин сказал, что члены думской группы социалистов-революционеров обязались не подчиняться разгону Думы, и после этого только решение было опубликовано, но ведь в это же время физиономия группы депутатов была достаточно ясна. И если, как говорил тов. Ленин, это было простое констатирование того, что было, то зачем было это публиковать? Зачем было об этом писать во второй раз в партийном органе, чуть ли не за несколько дней до разгона 2-й Думы. И я напомним пословицу: «Слово — серебро, молчание — золото»... (*Голос с места: «При чем же здесь элементы марксизма?»*.) Не марксизма, а шатанья и растерянности... шатанья и растерянности, явившихся результатом ложных взглядов — результатом, а отчасти причиной тяжелых поражений. И если есть случаи, когда слово — серебро, а молчание — золото, то бывают и другие случаи, когда молчание — золото, а слово может оказаться фальшивой монетой. А прокламация Центрального Комитета о всеобщей забастовке? По разгоне 2-й Думы ждали веского слова от партии, если не громкого дела, а центр только и нашелся сказать: «Всеобщая забастовка надвигается, будьте готовы...». Ничто не надвинулось, ничто не оказалось готово, и престиж партии только еще раз пострадал, и притом в такой ужасный момент... А дело Черняка¹⁸³? Последнее слово осталось за правительством... (*шум, протесты*)... а не за партией, которая оказалась жертвой мистификации... (*протесты, пререкания. Председатель восстанавливает порядок*)... Повторяю, партийный орган замолчал, последнее слово осталось за правительством, и привожу я это как один из примеров растерянности центра в момент надвигающегося страшного кризиса. А трагическое положение Северной летучки? Предательство, по мнению самого Ц.К., с очевидностью осудило людей — ценных людей — на неизбежную почти неудачу и неизбежную гибель, а Центральный Комитет, на обязанности которого было предотвратить катастрофу, не мог сказать им своего веского, властного слова и тем спасти не только героев-товарищей, но и престиж и достоинство партии от трагической, самой трагической (в чем я согласен с

тов. Грачевым) развязки, которую только переживало революционное движение, начиная с 1880-х годов...

Принимая во внимание идейный источник шатанья и практическое значение кризиса, который является не эпизодом, а катастрофой, грозящей надолго парализовать революцию, если самое энергичное напряжение сил не спасет положения, предлагаю вотировать необходимость коренного пересмотра мирозерцания, коренного пересмотра понимания характера революции и относящихся сюда задач, необходимо отдать себе строгий отчет в характере переживаемого кризиса, искренно признать всю тяжесть грозящей опасности и направить все усилия как на парализование торжества реакции рядом ударов, направленных против врага, так и на предотвращение таких испытаний, какие переживаются ныне. И для этого на первый план следует выдвинуть роль и значение партии, как инициативного меньшинства, в социально-политическом перерождении России. Надо отбросить иллюзии всенародного восстания. До тех пор пока иллюзии эти будут питаться, партия будет отклоняться от путей, которые могут привести к перевороту; она будет тратить непроизводительно ценную энергию и невольно будет уделять слишком мало энергии для плодотворной борьбы, действительно целесообразной. Иллюзии будут следовать за иллюзиями, крушения — за крушениями, разочарования — за разочарованиями; освобождение России будет отодвигаться в неопределенную даль, и партия рискует в конце концов фактически потерять всякий революционный характер, всякий революционный престиж, и увидеть свою роль сведенною к рамкам одной лишь культурно-социальной деятельности. Весь прошлый опыт русского революционного движения это подтверждает. И предвидеть настоящий кризис было нетрудно. Лично я еще шесть лет тому назад в литературе предвидел возможность печального исхода, предостерегая против увлечения преувеличенною верою в всенародное вооруженное восстание. Я это говорю не для того, чтобы показать свою проницательность, а чтобы показать, что предвидеть это было возможно. Партия социалистов-революционеров находится в настоящее время в фазисе перелома, и от характера этого перелома зависит ее дальнейшая судьба. Предлагаемые Центральным Комитетом резолюции, относящиеся к тактике данного момента, об этом свидетельствуют с достаточной силой. Старые слова остаются, старые формулы остаются: но практические решения начинают получать новый характер, указывающий на наступившее новое отрезвление. С некоторыми оговорками я могу присоединиться к **практической части** резолюции. Но фикция сохранения старых воззрений, старых взглядов на тактику и на характер революции остается. И в этом заключается большая опасность. Необходимо признать принцип инициативного меньшинства в политическом перевороте. Это отнюдь не значит, что следует бросить работу в массах, или что ненужно использовать наличную революционную энергию масс. Такое заключение было бы лишь логическим ре-

результатом смешения революционной деятельности с деятельностью культурною. Нет, работа в массах, культурно-социалистическая работа в широком смысле этого слова, **всегда и при всех обстоятельствах** необходима и обязательна, как честность для человека. Равно необходимо использование революционной энергии она действительно имеется и насколько она целесообразно может и должна питать и поддерживать революционную партию как в мирных формах борьбы, так и в более острых проявлениях боевой деятельности. Но против чего я восстаю, так это против культивирования политики вооруженного восстания народного, против этой колоссальной задачи с огромным числом неизвестных величин, которые не могут быть учтены и которые все-таки учитываются в положительном для революции смысле. Пора отбросить мистические решения подобных колоссальных задач, решения, основанные на одной вере.

В период после японской войны, после поражений царизма на Дальнем Востоке, при деморализации, с правительственной точки зрения, армии, при дезорганизации правительства и страшной его растерянности, при всеобщем возбуждении всех слоев населения, одним словом: в самый благоприятный, казалось бы, момент для массового восстания, таковое не могло осуществиться... Будем учитывать силы известные, силы реальные, оставляя в стороне всякие иксы. Партия должна подготовить и выполнить политический переворот своими политическими силами — такая цель и такое требование ничего мистического в себе не заключают. Конечно, во всякой революционной борьбе, как и во всякой общественной работе, есть некоторая доля риска и неуверенности; но при такой постановке вопроса степень неуверенности и риска совсем не того порядка, что в гипотезе всенародного вооруженного восстания. И не следует думать, что подобная работа партии, как инициативного меньшинства, ограничивается одною террористическою работою. Конечно, террор, завещанный «Народною Волею», будет продолжать играть крупную, и даже центральную роль в борьбе с самодержавием. Но способ нападений на правительство может получить расширение, выходящее из сферы террора в тесном смысле, как например, в виде нападений отрядами, военных атак, и т.п. Существенное здесь то, чтобы были учтены силы реальные, силы наличные и известные, и чтобы они надлежащим образом были использованы против самодержавия, в сфере возбуждения, питаемого как стихийными событиями, так и всею широкою работою партии. Такова роль активного и сознательного меньшинства. А затем — более широкая задача перевоспитания партии. Она не должна быть Нарциссом, залюбовавшимся своею красотой и превратившимся в статую. В ней было и есть много великого. Но в ней были и есть значительные дефекты. Пусть же критика сделает ее недосыгаемою для ударов критики и ударов жизни.

Заседание закрывается в 6 час. 40 мин.

ХІІІ заседание 10-го августа, утром

Заседание открыто в девять с четвертью часа утра председательствовавшим тов. Соломиным.

Продолжаются прения по вопросу об оценке момента.

Тов. Юровский желает подчеркнуть то, что он говорил по поводу боевой подготовки в массах. Доклады товарищей с мест показали, что для боевой подготовки не было настоящего фундамента. Местная работа совсем замерла. С другой стороны, общий учет сил в стране дает результаты далеко не в нашу пользу. Черная сотня подняла голову. Она имеет даже свой орган государственной власти в лице 3-й Государственной думы. Мы слышали здесь настоящий вопль товарищей: нет денег, нет людей. Вспомните, что говорил представитель Северного Кавказа... «Положение безотрадное. Фактически нет никакой массовой работы». Если так обстоит дело, то ясны и выводы. Пора бросить толки о массовой работе. Уйдем в центры и будем вести атаку из них. Необходимо вместе с тем усилить работу в войсках и террористическую борьбу. Все равно в массах теперь страшная деморализация. У нас на Урале один рабочий с.-д.-т, член комитета, выброшенный во время кризиса из завода — я сам это видел — пошел к директору проситься снова на работу. Что он говорил с ним, я не знаю; но я сам видел, как он стал перед директором (голоса: «К делу», «короче») на колени. Это — не единичный случай. Разве не были передовыми петербургские рабочие? Электрический цех Балтийского завода недавно состоял еще сплошь из сознательных рабочих, а между тем там теперь собирают на икону. Масса деморализована, — мы должны поэтому засесть в центрах.

Тов. Алексеев желает развить то, что сказал тов. Бородкин о росте озлобления в крестьянстве. — Представители двух уездов Петербургской губернии констатировали отсутствие этого роста. Остальные товарищи из Северной области указывают на подъем революционной энергии в крестьянстве. Уныние и придавленности среди латышей не замечается, — революционность даже поднимается сравнительно с недавним прошлым. Ему дан наказ просить, чтобы на национальных окраинах ставилась работа. До сих пор работали, но без плана. Корней ни в массе, ни в интеллигенции не было. Может быть, надо устроить латышскую организацию на автономных началах. Товарищи констатируют, что где было революционное движение, там наблюдается усталость, но где его не было (в крестьянстве), там возможно еще более глубокое движение, чем раньше, хотя и не в такой резкой форме, как раньше. Еще несколько слов о братствах. Братства заявляют: «Мы подготовлены, организованы, дайте работу». Товарищ-середняк затруднился ответом, и крестьянство стало уходить из организаций. Теперь у нас только группки в три-четыре сознательных человека. Крестьянство ищет других организаций, где можно было бы работать, примыкает к кооперативному

движению; но факт тот, что оно уходит от нас. Не может быть сомнения, что удар в центр центров не вызовет недовольства, крестьянство не осудит нас за это. Два слова о работе среди студенчества, на которую обращаю особое внимание конференции. Сомневаюсь, чтобы мы могли играть доминирующую роль в студенчестве. В целом ряде высших учебных заведений принимаются резолюции социал-демократические. Нет хорошо поставленной организации, а раз нет организации, то и нечего надеяться на успех. Центральный Комитет не выдвигает никакой работы среди студенчества. Быть может, нужен созыв студенческих работников, быть может, нужно создать орган. Мы жалуемся на недостаток интеллигенции, — здесь мы можем завоевать себе будущее.

Тов. Павловский. — Несколько слов тов. Ливину. Меня удивило смешение, допущенное им на основании исключительно словесных ассоциаций. Признавать теорию классовой борьбы отнюдь не значит быть марксистом, так же точно как быть марксистом не значит еще быть социал-демократом. В устах товарища, упоминавшего про чуть ли не ослепляющее влияние «слов», мне это смешение кажется особенно странным. Что касается упрощенного способа расправы с программой партии, а также аргументации этой расправы, то об этом, надеюсь, скажут другие товарищи. Хотел бы указать на тенденции, наметившиеся по вопросу о боевой подготовке масс. Нам говорят: если признаете необходимость атаки против центра центров, то вы должны признать необходимость и своевременность заняться теперь же технической боевой подготовкой масс. Более того. Необходимость военной, антимилитарной деятельности аргументируется тем же. Мне это кажется совершенно неосновательным. Атака против центра центров есть, правда, чрезвычайной важности акт, но не исключительный. Каждый акт террористической борьбы вызывает, и во всяком случае способен вызывать, условия, благоприятствующие великому движению трудового народа и ускоряющие наступление этого движения — вооруженного восстания. Гарантировать же наступление этого восстания и применять террористические акты лишь после того, как будут установлены эти гарантии, мы не можем, да и не хотим. Считаю несвоевременным теперь заниматься технической боевой подготовкой масс. В этом вопросе мне представляется вполне выдержанною точка зрения Украинского областного комитета. Тов. Рязанцев стоит за необходимость технико-боевой подготовки и вместе с тем полагает, что готовить массы к бою, не имея определенного, чуть ли не конкретного плана битвы, невозможно. Поэтому он и предлагает признавать необходимость частичных выступлений. Я — против последнего и потому против своевременности боевой подготовки масс. Работу в войсках считаю самостоятельную социалистическою и революционною ценностью. Антимилитарная деятельность не может аргументироваться исключительно тем, напр., что тот или иной акт партии должен вызвать широкое движение масс в виде вооруженного восстания.

Тов. **Большов**. Тов. Ливин упрекнул Центральный Комитет в том, что он слишком мягко, даже нежно изображает положение данного момента, что он затушевывает всю тяжесть поражения, понесенного революцией. Центральный Комитет говорит об укреплении позиций правительства, когда нужно говорить о катастрофе. Это — первое наше разногласие с тов. Ливиним. По мнению тов. Ливина, революционные партии потерпели полное крушение, революция отсрочивается на много десятков лет. И он упрекает Центральный Комитет, что тот не говорит того же. Но мы полагаем, что не задача Центрального Комитета — хоронить революцию. Центральный Комитет в современном положении не видит катастрофы революции. Нельзя, конечно, предугадать время и условия нового подъема; но усматривать в современном положении нечто больше усиления позиций правительства нет оснований. Не произошло ничего такого, что сделало бы эти позиции неприступными твердынями. Что произошло? Вокруг правительства сгруппировались все реакционные элементы, сгруппировались даже некоторые элементы из тех, которые еще недавно были в освободительном движении, но которых испугали социалистические силы, вообще, широта социального содержания русской революции. Они отхлынули от движения, как только революция показала свое лицо. Но расширился ли тот круг, на который опирается правительство? Нет, он сузился, и это доказывают объективные факты, засвидетельствованные на конференции. Он сузился, конечно, главным образом, в демократических слоях населения, в крестьянстве. До революции правительство опиралось на традиционные воззрения крестьян и солдат, выходящих из деревень. Теперь эти традиционные воззрения много потеряли в глазах крестьян; это бесспорный факт. И с констатирования этого факта и начинается резолюция Центрального Комитета. Сравнивая теперешнее положение правительства с его положением перед революцией, только и можно говорить, что о заметном усилении его позиций, благодаря **организованности** реакционных сил, на сузившемся фундаменте. Больше этого сказать нельзя. Центральный Комитет отнюдь не смягчает трудности положения, не скрывает теперь этой трудности; именно ею он мотивирует все меры, предлагаемые им по организационному вопросу. Но катастрофы в теперешнем положении мы не видим. И сам тов. Ливин не так безусловно принимает наличность катастрофы. Он делает оговорку: революция потерпела крушение, если не случится нечто. Характер катастрофы условный. Так не слишком ли поспешно она констатирована? Иначе получается странная картина. Катастрофа разразилась, но достаточно одного сильного удара, чтобы катастрофу потерпела уже противная сторона, чтобы на смену катастрофы революции пришла катастрофа самодержавия. В понятиях тов. Ливина история нашего времени представляется какой-то сменой катастроф и антикатастроф, своего рода борьбой гигантов. Но это было хорошо для доисторической эпохи, для современной такие представления не подходят. И

та картина, которую дает резолюция Центрального Комитета, трезвее и проще рисует положение и более соответствует нашей прозаической эпохе. Но тов. Ливину мало одной катастрофы в мире объективных явлений. Он хочет видеть катастрофу и в мире субъективном, в нашем мирозерцании. Он предлагает признать наше мирозерцание негодным, подлежащим пересмотру. В нем-де много теоретического хлама. Самый пересмотр, по его мнению, потребует, может быть, многих лет. Но он требует признания необходимости пересмотра теперь же, в кредит, до представления обстоятельных доказательств негодности теперешнего мирозерцания партии. Чем оно ошибочно? Тов. Ливин много говорил и о растерянности Центрального Комитета, и о деле Черняка, об ошибках Центрального Комитета; но не всем этим — если бы даже все это было верно — могла бы быть мотивирована необходимость пересмотра. Единственное, на что указывает тов. Ливин, это забвение роли инициативного меньшинства, наблюдаемое будто бы в ныне принятом официальном мирозерцании партии. Учение о творческой роли инициативного меньшинства отодвинуто в последнее время на задний план элементами марксизма. И доказательство этому тов. Ливин видит в отсутствии террористических актов. Партия, мол, возложила все свои упования на массовое движение, на вооруженное восстание. Получилось, по словам тов. Ливина, прекомическое положение: партия ждала действий со стороны народа, народ ждал действий со стороны партии. Все «ждали» и никто ничего не «делал». Если верить тов. Ливину, то история русского революционного движения подтвердила предсказания — и социал-демократических пророков, и пророков с другой стороны. Социал-демократы говорили: террор отвлекает массы от борьбы, приучает их возлагать надежды на героев. Пророки со стороны инициативного меньшинства теперь уверяют, что надежды на всеобщее восстание обессиливают и удерживают от активной борьбы инициативное меньшинство. И партия социалистов-революционеров повинна теперь в двух тяжких грехах: отучив практикой террора массы от самостоятельной борьбы, она вдруг забастовала и возложила все упования на массы — как раз в тот момент, когда массы всего ждали от партии. Но всякий знает, что это не так. В годы революции не бастовали ни партии, ни народ. Правда, центральных террористических актов не было, но не потому, чтобы этого не хотела партия. И никакая теория инициативного меньшинства не даст ей гарантии от неудач. Не надо быть социалистом-революционером, достаточно быть внимательным читателем газет и следить по ним за политическими процессами, чтобы знать, что ни в один из указанных тов. Ливиним моментов партия не прекращала террористической борьбы. Акт не было в эти моменты просто потому, что террористический акт не блюдо, которое подается в ресторане в любой момент по заказу. Но пусть прав тов. Ливин, что партия действительно совершила те ошибки, которые он указывает, что она в поворотные моменты русской революции сознательно воздержалась от террористичес-

ких актов, которые могла совершить. Значит ли это, что партия позабыла об инициативной роли меньшинства? Значит ли это, что миросозерцание партии нуждается в пересмотре с этой точки зрения? Нет. Теория инициативного меньшинства и в таком случае была бы тут ровно ни при чем. Что значит проповедовать вооруженное восстание? Это значит — указывать энергии инициативного меньшинства определенное направление. Всякая революционная вспышка требует участия инициативного меньшинства. И декабрьское восстание в Москве, и Свеаборг, и Кронштадт, и «Память Азова» — все это в значительной мере дело инициативного меньшинства, все это требовало сил от партии, во всем этом партия принимала широкое участие. Значит, если бы партия действительно отказалась участвовать в указываемом тов. Ливиним моменте этой борьбы, то в этом случае она указала бы только одностороннее и ошибочное направление для деятельности инициативного меньшинства, но отнюдь не погрешила бы против самой теории инициативного меньшинства. Таким образом, и в этом случае пересмотр программы партии и ее миросозерцания оставался немотивированным, и речь могла бы идти о тактических ошибках партии. Но и ошибок, как мы видели, партией сделано не было, и вся критика тов. Ливина оказывается беспочвенной.

Тов. Береславцев. Можно не соглашаться с оптимизмом докладчика от Центрального Комитета и находить, что мрачные краски картины, нарисованной тов. Грачевым, ближе к действительности. Но, во 1-х, не надо забывать, что обязанность Ц.К. предохранить партию от паники, а, во 2-х, не надо из мрачного положения искать выхода в безнадежных предприятиях вроде плана избиения помещиков, на который я смотрю, как на карикатуру классовой борьбы.

Нам говорили с большим пафосом о катастрофе. Недоставало только указания, где тот спаситель, та великая личность, которая может спасти нас от этой катастрофы. Надо серьезнее взглянуть на действительность. Понять ее — это уже половина спасения. До пережитых Россией в последние три года событий классовый характер борьбы с самодержавием был для многих скрыт: события вскрыли его и показали, что борьба эта глубже, чем простая борьба против формы правления. Социальная опора самодержавия вскрылась: вы можете ее наблюдать в Думе. Это не просто беспорядочная толпа помещиков-зверей, охваченных безумной паникой, это сумевший организовать класс, состоящий из нескольких пластов; тут и землевладельцы, и крупный торговый капитал и крупный промышленный класс, для которых царизм и бюрократия являются удобным орудием, и обратно, которыми царизм ловко пользуется для своего спасения. Надо оценить в его целом, и в его деталях эту классовую подкладку борьбы, чтобы понять всю глубину и все трудности нашей социально-революционной борьбы. С этой точки зрения нет никаких «катастроф».

И «спасение» наше в углублении начатой работы на почве пропаганды и организации масс. Ни идейно, ни фактически мы не можем, мы не должны терять тесного контакта с трудовыми массами, а против диктаторских форм борьбы капиталистов и землевладельцев партия социалистов-революционеров должна выковать соответственное орудие борьбы, опираясь не идеологически только, а на деле, на городской пролетариат и революционное крестьянство.

Класс против класса, боевая организация против боевого механизма старого режима!

Классовый характер русской революции очевиден не только с точки зрения явлений внутри России. Почему царизм уступил в октябре 1905 года? Витте привез из Америки и Европы известие, что международный капитализм не оказывает больше кредита старому режиму. Не будь напора организованного городского пролетариата, незабвенной всеобщей стачки, все ограничилось бы со стороны старого режима формальными уступками для успокоения заграничных кредиторов, ошеломленных результатами русско-японской войны. Но вмешательство российского пролетариата и отчасти крестьянства создало настоящий кризис, от которого дрогнул весь капиталистический мир. В начале 1906 г. Коковцову¹⁸⁴ приходится инкогнито ехать в Париж и буквально выклянчивать униженный заем в сто пятьдесят миллионов¹⁸⁵, необходимых для уплаты по краткосрочным обязательствам. Через несколько месяцев происходит другой, разорительный и прямо скандальный по условиям заем¹⁸⁶, где русский кредит является жертвой жадных банкиров. И мы знаем, что царское правительство, стоя накануне банкротства, побеждает колебания французского министерства, не желавшего разрешить этот заем, либо посредством прямого шантажа, угрожая, в случае отказа, открыть финансовый и политический крах во Франции, в самый разгар законодательных выборов. Вот как обстояли дела царизма в 1906 году. Теперь картина изменилась. Революционный кризис миновал, но русская революция продолжается, и европейско-американский капитализм наглядно убедился в глубококлассовом характере этой революции, пропитанной социалистическими элементами. Мировая буржуазия в борьбе против своего социализма, своего внутреннего врага, готова помочь царизму, лишь бы последний сохранил внешний декорум конституции. Позиции русского старого режима укрепились на Западе. Этой черты современного положения не надо забывать. Во Франции и, пожалуй, в Англии открыт денежный источник для пополнения быстро пустеющих денежных сундуков царизма, и из этого источника царизм будет долго еще черпать свои силы вперед до нового кризиса. Тем глубже и глубже должна быть наша работа, так как мы должны поднять сознание рабочих масс всего мира на высоту международной социалистической и трудовой солидарности. Но если это так, то положение партии не безотраднее, ибо эта задача составляет душу ее программы, ею проникнуты ее первые успехи в массах: она должна лишь упорно стремиться ис-

пользовать все возможности проникновения в массы и влияния на них в духе своей программы.

Конечно, те элементы, которые хотел бы тут представлять тов. Ливин, все это сводят на «нет». Катастрофа! И нам задают задачу пересмотреть не только наше мировоззрение, но и мировоззрение всех предшествовавших нам поколений, мировоззрение всего мирового социализма! Замечу, что тов. Ливин, предлагая нам, как он выразился, эту абстракцию, сам не остается на этой высоте, а быстро спускается, чтобы рыться в промахах нашего Ц.К. Это бесплодное занятие. И не видит ли тов. Ливин слабую сторону своей позиции? Его гора — «катастрофа» родила мышь — «ошибки Центрального Комитета». Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. У нас есть более неотложная задача — сомкнуть ряды и продолжать работу при изменившихся условиях. Такими фразами, как «катастрофа», можно вносить панику в собрании и только. Тов. Ливин противник идеи классовой борьбы. Почему же он продолжает оставаться в рядах нашей партии? Ведь не интригами же «марксистов» объясняет он, что вся наша программа основана на признании этого основного момента современной социальной структуры. И даже фразеология тов. Григоровича начинается с признания классовой борьбы. Пора оставить смешные ссылки на Лаврова¹⁸⁷, Михайловского, «Народную Волю» и т.п. Лавров в «Вперед»¹⁸⁸ и «Вестнике «Народной Воли»¹⁸⁹ был правоверным учеником Карла Маркса. Имя Михайловского дорого каждому социалисту-революционеру, и я рад отметить, что в напечатанном недавно ценном труде один из наших товарищей усматривает в системе Михайловского целую теорию непримиримого классового экономического антагонизма, окрашенную комплексом идей и чувств, дающим этой теории несколько субъективный характер.

Что касается ссылок на «Народную Волю», то тов. Ливин, если не по целям, то по объективным воззрениям — кость от кости той лишь незначительной группы бывших народовольцев, которые теперь примкнули к Милюковым¹⁹⁰, так торжественно сбросившим со своих плеч «социалистического» осла. С такими якобы «народовольцами», презрительно относящимися к массовой деятельности, партия должна вести решительную борьбу и обнажать сущность их мировоззрения, которое сводится к идеализации вожделений мелкой буржуазии. Они оперируют идеею инициативного меньшинства! Великая идея, и она занимает соответственное место в программе партии. Но инициативное меньшинство — без постоянного, непрерывного вдохновения чувствами, желаниями, инстинктами, стремлениями и интересами масс — форма, под которой прячется некрасивое мещанское содержание. Я боюсь, что «революционность» тов. Ливина замечательна чертами именно этого мещанства. Великие личности борцов вырастают в общении с жизнью масс, и партия социалистов-революционеров потеряла бы всякий *raison d'être*¹⁹¹, если бы, отбросив деятельность среди масс и презрительную категорию «культурной» работы, она стала изолироваться и вырождаться в чисто боевую группу.

Тов. Степанов. Мы вступили в более или менее длительный период революционной жизни, а потому резолюция не может быть прирезана специально к данному моменту. Мы вырабатываем тактику для революционного инициативного меньшинства, чтобы дать ему возможность тесно связаться с массами и быть застрельщиками массовой революции, а не для того чтобы быть самодовлеющим, как это выходит у т. Ливина.

Тов. Савин. Нас упрекает тов. Ливин в чрезмерном пристрастии к марксизму. Я думаю, что упрек этот после речи тов. Береславцева отпадает. Говорят далее, что партия социалистов-революционеров шатается в своей тактике от напора того же марксизма. Но ведь весь упрек в марксизме основан на простом созвучии терминов. Тов. Ливин ссылается на то, что он предсказал современные события в брошюре, написанной им еще 6 лет тому назад. Но если он тогда был прав, то почему его точка зрения не победила? Для поведения партии социалистов-революционеров, как оно сложилось за все это время, были свои объективные причины. Я вижу их в том, что мы были связаны солидарностью с Интернационалом. Если бы было иначе, мы были бы анархистами. Правда, нас за все это время много критиковали. Я читал одну такую критику: это брошюра о теоретическом обосновании социалистической программы (тов. Ливин знает, конечно, эту брошюру). Но кто знаком с этой брошюрой, тот скажет, что это не критика, а крохоборство. Подобрать разные мелочные факты — не значит еще дать критику. Нам говорят, что Центральный Комитет делал ошибки. Конечно, делал. Партия социалистов-революционеров — ладья, плывущая по морю жизни. Но момент оценен в докладе Центрального Комитета совершенно верно. Ни убавить, ни прибавить тут нечего. Надо только помнить, что это — не момент в собственном смысле слова, а период. Тов. Ливин со своей стороны критикует такую оценку с точки зрения роли меньшинства. Меньшинство у него не только застрельщик, а носитель всего движения. Но этой позиции партия социалистов-революционеров никогда не держалась. Напротив, наша задача и состоит в том, чтобы прочно спаяться с массой.

Тов. Алданский. Я желаю высказаться по двум вопросам: 1) о понимании нами роли справедливости в массовом движении, и 2) о центре центров. Наша задача всегда была одна и та же. Это освобождение масс от царящего над ними гнета, гнета экономического, социального и политического. Мы знаем, что это освобождение может быть достигнуто только самостоятельностью самой массы и достигнуто только силой. С этой точки зрения мы и должны осветить момент. Я в течение своей жизни видел чуть ли не все фазисы революционного движения, в целом ряде из них я был личным участником. И вот я должен сказать, что наша партия за немногие сравнительно годы своего существования пережила все то, что вынесло на своих плечах все русское революционное движение за 35 лет своей героической борьбы. Как перед прежним, так и перед современным молодым поколением стояла одна зада-

ча — найти выход для свободного развития народных сил. Здесь тов. Григорович говорил нам о каких-то мировых задачах, чуть ли не мировой миссии русского самодержавия. Я не признаю за самодержавием никакой мировой миссии, никакой борьбы за идею. Тов. Григорович усматривает в правительстве идеи и идеалы, тогда как самодержавие просто — крепостничество, просто — кнут. Трагедия русской интеллигенции заключается в том, что она не могла до сих пор смыть этот позор русской жизни. Последние события в России, великая русская революция снова поставили перед нами ту же задачу об искоренении нашего позора. И они поставили перед нами эту задачу в самой крайней ее форме — нападения на центр центров. Мы знали с самого начала русского революционного движения, что именно к этой идее придет рано или поздно русский народ. Для нас это не было неожиданностью, по нашему мнению, это было исторической необходимостью. Но тем не менее мы не хотели сразу же, на первых порах брать быка за рога. Народ в своей массе, просыпаясь от векового гнета и темноты, еще не имел того опыта, который был у нас, и мы должны были с этим считаться. Но тут вплелись в оценку наших действий разные недоразумения. Тов. Ливин полагает, что мы пропустили момент, когда нужно было действовать, ибо надеялись на кадетское министерство. Я отвечу на это вам, товарищи, рассказом об одном разговоре моем с одним из самых видных вождей либерализма: он мне говорил, что кадеты готовы будут идти вместе с нами по пути политических реформ до самых крайних выводов, не только по пути политических реформ, но и по пути политических действий. Что же касается вопроса социального, то он мне предлагал, как наилучшую меру, выкуп крестьянами земли, который обошелся бы последним в 9 миллионов* рублей. Девять миллионов! Мы знаем, что в таком случае у крестьян не было бы ни земли, ни свободы. Мы знаем, что истинным условием развития народных сил является социализация земли. «Хорошо, — отвечал мне, полусутя, мой собеседник, — в таком случае, когда мы будем в министерстве, мы будем вас расстреливать». Вот, товарищи. Неужели вы думаете, что мы надеемся в чем-нибудь на кадетов. Мы всегда думали и продолжаем думать, что только силою народ добудет свои права. Мы знали, что истинное соотношение общественных сил скажется тогда, когда встанет вопрос социальный. Этим и объясняется наша политика во время заседаний первой Думы. Мы были тогда бойкотисты, но мы имели перед собой массы, настроение которых значительно разнилось от нашего. Оно разнилось именно тем, что в массах теплилась еще вера в возможность мирного, даже с помощью царя, разрешения социального вопроса. Мы должны были ждать, пока это настроение, без всякого с нашей стороны форсирования, постепенно придет к своему логическому и неизбежному концу. Такова, и только такова была психологичес-

---

* Так в тексте.

кая почва для приостановки террора с открытием 1-й Думы. Рабовладельцы рабов не освободят, мы это знали заранее, и мы думаем, что события нас оправдали. Действительно, когда встал перед Думой земельный вопрос, царь сказал: «Не могу». Трагедия всей русской жизни надломилась: вера в царя подорвалась. И снова перед нами в своей крайней форме, как практическая задача, встал вопрос: не пора ли смыть позор русской жизни. Какая тактика нами рекомендовалась? Уничтожение частной собственности на землю и республика. Во 2-й Думе было более 100 человек республиканцев и 104 высказались за уничтожение частной собственности на землю. Я был поэтому крайне удивлен, когда здесь слышались голоса против нашего предложения в резолюции Центрального Комитета о нападении на центр центров. Напротив, я думаю, что все колебания в этом деле нами уже пережиты. Вопрос и необходимость его разрешения перед нами поставлен самою жизнью. Мы должны смыть позор русской жизни, и он будет смыт. (*Аплодисменты.*) Что касается роли и значения массовой деятельности, то я считаю, что тов. Береславцев достаточно ясно осветил вопрос.

Тов. Абелева. Я желаю сообщить о тех запросах, которые теперь имеются в крестьянских организациях нашего района. Эти запросы касаются главным образом снабжения оружием и вообще того, что отвечает на чисто практический вопрос: «Что делать?». Не надо забывать о характере нашей популярности в массах. Социалисты-революционеры не только хорошо говорят, но они также хорошо и делают — вот оценка, которую дают нам крестьяне. Поэтому они требуют от нас чисто практических указаний на то, как следует готовить вооруженное восстание. И для нас очень важно указать им такие пути деятельности. Так что, если вопрос о милиции будет разрешен отрицательно, то это произведет подавляющее впечатление на массы. Я думаю, что крестьяне в этом случае будут правы. Пусть мы мало сделаем в этом отношении; но даже немногие шаги будут тут полезны для партии, как указание для направления дальнейших работ в том же смысле. Утверждают, что опыт показал несостоятельность милиционной организации. Но, по-моему, опыт показал только, что вопрос этот очень сложен, думать же большее — нелогично.

Тов. Голубев. Времени у нас мало, а потому я пройду мимо многих вопросов. Не буду останавливаться на том, что мы — партия массовая и что мы веруем в вооруженное восстание. Беру все это как данное, не требующее доказательств. Остановлюсь на вопросе товарищей Волгиной и Рязанцева. Из прений выяснились довольно отчетливо две точки зрения или, правильнее, два настроения. Это обычное явление у нас, и стоит оно в причинной связи с характером нашей работы, наших задач. Мы принуждены вести борьбу на два фронта: работать в массах, организовывать их и вести непосредственную борьбу. Не всегда удается гармонически сочетать эти задачи и остаться на высоте «синтетической» тактики. Обычно увлечение в ту или другую сторону. Как ни скуден мате-

риал, доставленный отчетами с мест, но и он красноречиво свидетельствует о громадной работе, совершающейся в крестьянской и рабочей массе и широкой популярности идей наших. Отсюда — наша твердая уверенность в необходимости вести планомерную организационную работу. Но эта уверенность то и дело исчезает в нас, как только заходит речь о возможности непосредственной борьбы, хотя бы, например, в связи с вопросом о боевой подготовке масс. Характерно мнение тов. Рязанцева. Вспомните в его аргументацию, — и вы увидите, как этот вопрос (о боевой подготовке) тесно сплетается с вопросом о частичных выступлениях. Высказываясь за необходимость первых, он невольно защищает последние. Он говорит: нельзя нам ограничиваться тем, что, в ответ на запрос выступающих масс, вечно удерживать их, ничего не давая. Нельзя говорить им только «терпи» и таким образом замораживать энергию. По его мнению, это и есть бесплодная растрата народных сил. Спрашивается: разве мы, как социалисты-революционеры, говорим только «терпи». Разве этим исчерпывается наша органическая работа в крестьянстве? Разве мы, неся в крестьянство идеи социализма, конкретизируя их планом социализации земли, ничего ему не даем, не вливаем нового содержания, не освещаем ему будущее? Далее. Разве мы не рекомендуем борьбы, не даем выхода накопившейся энергии, замораживаем ее? Нет. Мы стоим за борьбу крестьянства на почве всех местных интересов, экономических и политических. Эта борьба дает и непосредственное удовлетворение, и организует, подготавливает крестьянство к будущей борьбе. Неверно то, что такая борьба не интересует крестьян и что они только и думают, что о вооруженном выступлении. Это — продукт нашего субъективизма, субъективизма работников, мечтающих втайне о немедленных выступлениях. Внешне подчиняясь постановлениям партии, они своей работой среди крестьянства только усиливают его боевое настроение, не давая ничего положительного. Крестьянству, как и нам, не чужд политический расчет, и оно знает, когда нужно и полезно ждать, терпеть, т.е. не выступать немедленно. Послушайте товарищей с Волги, и они расскажут вам, какая интенсивная, лихорадочная самоорганизационная работа идет в крестьянстве, как велик интерес к книге, к пропаганде, и т.д. Из отчетов тов. Рязанцева мы видели, как велась работа в Воронежской губернии. Там, по его словам, нет социалистов, как и вообще у них по области. Они главное внимание устремляли на боевую подготовку в атмосфере разговоров и чаяний немедленного выступления. И в результате, конечно, растрата народной энергии, не повлекшая, к счастью, к более трагической развязке. Прошло боевое настроение, и при первом столкновении с действительностью от широкой работы не осталось видимых результатов. Широкая крестьянская организация куда-то исчезла, потому что была не крепка, не была спаяна, не была пропитана общностью партийных задач, не была продуктом планомерной социалистической работы.

Тов. Южанин. — Я хочу сказать только, что если мы откажемся от боевой подготовки масс, то крестьяне на Кавказе будут сами покупать по-прежнему оружие, но только дороже, чем теперь, когда они пользуются нашей помощью, т.е. будут платить, вместо 20 рублей за браунинг, по 70 и 80 рублей.

Тов. Ливин. — Как и следовало ожидать, результатом некоторой абстрактности моей речи явилось немалое число недоразумений, которые я постараюсь с большими подробностями рассеять впоследствии, разъясняя свою точку зрения при обсуждении резолюций и в частных беседах, если таковые состоятся. Предоставляемое мне регламентом время 5 минут я использую для иллюстрирования своей точки зрения несколькими примерами. Неверно, будто я огульно отрицал классовую борьбу. Я никогда не отрицал элементарного факта существования экономических групп, способных бороться и часто борющихся за свои экономические интересы, как не отрицал никогда необходимости опираться в общесоциалистической борьбе за интегральное освобождение личности и общества на экономически эксплуатируемые и угнетаемые трудовые классы, восприимчивые к экономической задаче социализма и к социализму вообще; с этой точки зрения, принцип подобным образом понимаемой классовой борьбы входит, как один из элементов основных, в теорию и практику критико-инициативного социализма. Но я решительно отрицаю марксистскую теорию классовой борьбы, сводящую историю к борьбе классов-организмов или классов, одаренных, как организмы, волею и сознанием и борющихся непременно за определенные экономические, — и только экономические — интересы, которые неизбежно должны восторжествовать или неизбежно потерпеть поражение, и что социализм — монополярная точка зрения того или другого класса, хотя бы пролетариата, который, борясь за свои интересы, неизбежно будто бы направляется по пути к социализму. В отношении к русской революции неверно, будто бы экономические интересы того или другого класса толкают его непременно к союзу с самодержавием или непременно — к борьбе с ним и что судьба самодержавия, опирающегося на силу, предопределена тем или другим отношением к нему тех или других экономических групп. Тов. Большеv находил противоречие в том, что я вижу катастрофу в положении, которое, на мой же взгляд, еще можно спасти. Никакого противоречия здесь нет. Когда разразилась страшная буря, когда судну грозит крушение, когда оно трещит по всем связям, тогда говорят о катастрофе, тогда моряки кричат: напряжем все силы, проявим всю энергию, чтобы спасти судно, чтобы нам не погибнуть. То же самое и теперь, когда грозит крушение кораблю русской революции. Мы кричим: будем работать, пустим в ход самое отчаянное усилие, чтобы не погибнуть, чтобы не допустить гибели революции. Не нужно вносить паники, конечно: паника влечет за собою неизбежную гибель; но не нужно также допускать самообольщения, не нужно допускать губительного квиетизма, ибо это грозит смертью революции. Против предложения пересмотра

программы и миросозерцания говорили: но чем все это заменить? Но если бы даже нечем было заменить, то разве это — возражение? В точных науках нередко гипотеза опровергается новыми фактами, новыми исследованиями: ее отбрасывают, хотя бы и не было новой гипотезы вместо нее. Когда нет возможности формулировать истину, то отсюда не следует, что нужно формулировать ложь. Но разве дело на самом деле обстоит так? Разве у нас нет идей наших предшественников? Разве творческая идейная работа не происходит и теперь? Что касается моих «упреков» центру, еще раз повторяю, я не отрицаю, что террористическая работа и ее подготовка осуществлялись; я говорю только, что она фактически была отодвинута на второй план, ибо, полагаю я, — давила точка зрения народного восстания; и потому, надо думать, в этой области так мало сделано и так мало достигнуто. Слушая и читая товарищей социалистов-революционеров, мне хочется иной раз, в параллель известному изречению, воскликнуть: пощупайте хорошенько социалиста-революционера, и вы найдете в нем социал-демократа. Товарищи социалисты-революционеры часто оказываются марксистами, даже и не подозревая этого. Но, к сожалению, они притом еще плохо знают или понимают марксизм (в особенности теорию классовой борьбы), и потому они плохо понимают и критиков марксизма. Тов. Савин говорит: если ваши идеи более правильны, то почему они в свое время не восторжествовали в партии? Станный аргумент. Идеи социал-демократические восторжествовали у нас в 1890-х годах над идеями народническими, стало быть, первые выше, правильнее вторых. В настоящее время самодержавие, хотя временно, торжествует над революцией, стало быть... Представляю тов. Савину оценить силу его аргумента. Тов. Береславцев говорил об игнорировании с моей точки зрения работы в массах и самостоятельности масс, о тенденции опекать массы. Опять-таки смешение сферы революционной деятельности и сферы культурной деятельности. Как будто я не подчеркивал самым резким образом, что культурно-социалистическая работа в массе нужна, обязательна всегда и везде и что она в надлежащей степени должна быть использована и в революционных целях. Что касается опекательных стремлений над массой, то не с точки ли зрения официальной программы партии социалистов-революционеров самый социализм является в начале идей инициативного меньшинства? Не является ли тов. Береславцев в этом отношении еретиком по отношению к официальной программе? В данном случае речь у меня идет не о социальной революции, а о политическом перевороте, о совершении его инициативным меньшинством насильственным путем там, где массы, как таковые, его произвести не могут.

Что касается ссылки тов. Береславцева на марксизм П.Л.Лаврова, то ведь учителем русской социально-революционной интеллигенции Лавров был, как автор «Исторических писем» и многочисленных работ, чуждых духа марксизма и во многих отношениях противоположных последнему. По отношению же к воспринятым впоследствии элементам марксизма влияние Лаврова было

прямо ничтожно. А марксизм Михайловского! Тов. Береславцев забывает о его теории борьбы за индивидуальность, о его борьбе с марксизмом, и в частности — с марксистскою теориею классовой борьбы с 1890-х годах. Наконец, если на то пошло, я могу, для защиты своей точки зрения, сослаться и на самого Маркса. И я в данном случае апеллирую к Марксу не как к теоретику марксизма. Нет, Маркс, как человек выдающийся, был выше, был гениальнее своей теории и в практических случаях предлагал решения, не соответствующие требованиям его теории, но соответствовавшие вполне требованиям действительности. И вот есть документ, неизвестный тов. Береславцеву, а именно: письмо Г.А.Лопатина¹⁹² к М.Н.Ошаниной¹⁹³, относящееся к первой половине 1880-х годов, которое излагает взгляд Маркса и Энгельса на необходимую тактику революционной партии в соответствующий момент. И что же? Разве Маркс и Энгельс предлагают нам подготовку народного восстания? Нет, они предлагают рядом нападений на правительство, беспорядков и волнений вызвать необходимость учредительного собрания. Это сильно приближается к точке зрения «инициативного меньшинства». Конечно, можно на это сказать, что с тех пор условия изменились, и что теперь на очереди стоит другая тактика, более соответствующая моменту. Но согласитесь, товарищи, что теория «инициативного меньшинства» — не такая уж ересь даже с точки зрения Маркса. Мало того: я полагаю, что жестокие уроки действительности должны толкать партию социалистов-революционеров в этом направлении. Но надо, чтобы было соответствие между действительною борьбою и действительными принципами. Иначе грозит опасность фикции. Не надо, чтобы партия стала фикцией, не надо, чтобы революция стала фикцией.

Тов. Иванов указывает на то, что военная работа процветала, когда и все другие формы массовых организаций процветали. Военное дело дало нам меньше всего, вследствие трудности пропаганды. Теперь еще менее имеет смысла затрачивать энергию на него. Если пропаганда широко разрастается во всех массах, то это подействует на армию нейтрализующим образом во время восстания. Особого военного дела нести не нужно. Студенчество тоже не должно претендовать на отдельную организацию. Относительно боевой подготовки масс оратор соглашается с товарищами, отрицавшими ее своевременность, и прибавляет, что боевики руководятся не убеждением, а темпераментом. Они ценны в момент борьбы, а теперь вредны своей оппозицией — разрушают ячейки нашей организации. В общем оратор примыкает к резолюциям Центрального Комитета. Но, по его взгляду, мы напрасно заботимся об интеллигенции: мы — классовая партия, и помочь интеллигенции разобраться в чем бы то ни было — не наше дело.

Тов. Волгина — читает резолюцию, предлагаемую конференции (см. приложения).

Тов. председатель закрывает заседание.

XIV заседание 10-го августа, после обеда

Председательствует тов. Соломин.

Тов. **председатель** открывает заседание в 2 часа дня.

Тов. **Павловский** полагает, что конференция достаточно уже высказалась по вопросу об оценке момента, и предлагает выбрать комиссию, задачей которой будет — свести в систему поправки к резолюции, предложенной Центральным Комитетом. Если конференция во всем составе будет заниматься этим делом, это отнимет у нее много времени.

Тов. **Стеклов**. Нужно подождать с избранием комиссии, так как предстоит выслушать сначала докладчиков; комиссию следует избрать после ответа докладчиков.

Конференция принимает предложение тов. Стеклова.

Слово дается тов. **Рязанцеву** для фактического разъяснения.

Тов. **Рязанцев**. Тов. Голубев указал на то, что подготовка восстания в Воронежской губернии привела почти к полному прекращению социалистической пропаганды. Это неверно. Укажу, что в той же губернии работала Брешковская и другие лучшие силы. Если такое упущение было, то это результат того, что в нашей партийной литературе пропаганда конечных целей мало затрагивалась. Подготовка к восстанию велась в течение трех месяцев — августа, сентября и октября. Она была необходима, потому что массы были готовы и единственный выход из положения лежал в вооруженном восстании. Благоприятные, сравнительно, условия Воронежской губернии способствовали укреплению этого настроения. Но основная причина другая: вся Россия готовилась к тому же, и что сегодня сказалось в Воронежской губернии, завтра скажется в другом месте. Бесследно наши тактические директивы пройти не могли. Далее, тов. Голубев думает, что мною настроение массы было учтено неправильно, так как я сталкивался с немногими лицами из массы. Я должен сказать, что настроение это учитывалось Воронежским комитетом, мною проверялось на крестьянских съездах, на которых я бывал, при моих объездах трех уездов, в том числе и Нижнедевицкого, где я делал в лесу при лунном свете смотр боевой роте. Что касается того, что я субъективен, то я говорю и подтверждаю, что присутствие товарищей из Воронежского комитета могло бы изменить ваше настроение: они считают, что я слишком пессимистически смотрю, — они сказали бы, что момент подъема еще не прошел, а по-моему он позади.

Тов. **председатель**. Прежде чем дать слово товарищам-докладчикам, делаю заявление о предложении тов. Павловского быть содокладчиком по рабочей политике.

Предложение голосуется и принимается.

Тов. **председатель**. Объявляю результат голосования: 21 голос — за и 2 голоса — против. Тов. Павловский допущен в каче-

стве содокладчика по вопросу о рабочей политике. Предоставляю предпоследнее слово тов. Грачеву.

Тов. Грачев. Мой доклад относится к вопросу об аграрном терроре, и потому я считаю более уместным высказаться, когда зайдет речь о крестьянской политике.

Тов. Вронский. Товарищи! Прежде всего я должен оговориться: я буду касаться только тех возражений, которые относятся непосредственно к моему контрдокладу, предоставляя ответить на другие самому докладчику.

Дебаты, которые возникли по поводу внесения в резолюцию Центрального Комитета пункта о боевой подготовке масс, вскрыли некоторые недоразумения. Разберемся в них.

Нам предлагали здесь заняться простым видоизменением резолюции. Говорят: выкидывать пункт о технической боевой подготовке масс неудобно. Так поставим его в резолюции на «задний план». Фактически я ничего не имел бы против такой формулировки. Но мы обязаны не забывать, что мы должны стоять на почве принципа, а не удобства. Разве перед нами стоит вопрос, куда и как удобнее поместить эту тактическую директиву в нашей резолюции, а не вопрос принципиальный, вопрос чрезвычайной важности: что делать, на что обратить главное внимание, какова та линия поведения, которая в ближайшем будущем, завтра же, должна характеризовать и определять нашу деятельность? Мы должны ясно подчеркнуть, выделить те пункты, которые особенно важны теперь, мы должны категорически, без неясностей указать партии ближайшее направление ее пути. И с этой точки зрения всякая неопределенность вредна, недопустима. С этой точки зрения я и не могу согласиться с предложением тов. Сергеева. Я отстраняю его.

Но нам говорят: если вы совсем исключите пункт о технической боевой подготовке масс — вы оттолкнете их этим от себя. Попробуйте вынести такую резолюцию, и вы повредите партии, повредите делу, которому служите; вас поймут превратно. Такое умолчание или отрицательное отношение к боевой подготовке для данного момента примут за отказ вообще, примут за отбой. И здесь, по-видимому, товарищами руководит не столько сознание необходимости в данный момент технической боевой подготовки масс, сколько опять-таки соображения удобства помещения этого пункта в тактической резолюции.

Товарищи! Я полагаю, что ни одна политическая партия не должна руководствоваться такими соображениями. Как ни плохо сейчас наше положение, мы все же выросли в настоящую большую политическую партию. Будем же, товарищи, и держаться достойно политической партии, не станем, говоря словами тов. Хренова, выковыривать эту жемчужину из нашей короны. Если действительно у нас такие массы, которые нас не понимают, то — горе нам. Если есть основание полагать, что достаточно поместить в резолюции такую виньетку боевизма, чтобы массы шли за нами, то — горе нам. И вдвое горе нам, если при таких обстоятельствах мы станем

поддерживать такое непонимание, станем развивать такие вкусы к бумажному боевизму. Я думаю не так. И поэтому, если товарищи тоже согласны с тем, что реального значения резолюция о боевой подготовке в настоящий момент не может и не будет иметь, то тем более мы должны вычеркнуть этот пункт, тем более должны мы подчеркнуть нашу точку зрения. Наша позиция, наша тактика в существе своем несет боевой дух, но это отнюдь не должно быть связано с постоянным повторением того, что не может быть реализовано. Истинный боец не прокламирует того, что он не может отстоять. Пусть же ваша воля всегда становится вашим делом, пусть она не парализуется тем, что ей сознательно задают неосуществимые задачи.

Здесь было высказано и другое соображение, которое должно было опровергнуть или видоизменить мою точку зрения. Мне возражали: существует много способов боевой подготовки масс. Я недостаточно дифференцировал это понятие. Стоит только сделать это, и мы увидим, что есть способы, которые вполне приемлемы и даже необходимы и в настоящий момент. Тов. Сергеев помог нам произвести эту дифференциацию. Он указывает, во-первых, на выработку стратегических планов. Но разве их можно, разве их должно вырабатывать при помощи масс? Я совершенно определенно отвечаю: нет; это может быть делом только генерального штаба. Он говорил далее о выработке способов баррикадного боя. Но разве это дело масс, разве каким-нибудь образом можно подвести это под понятие боевой подготовки масс? Мы говорили о технической боевой подготовке масс в истинном смысле этого слова. Будем же держаться этого, не будем расширять этого понятия беспредельно. Иначе мы рискуем совершенно стереть всякие границы его. В таком случае пришлось бы под рубрику боевой подготовки масс подвести и пропаганду вооруженного восстания и даже проникновение масс социально-революционными идеями.

Будем ближе к вопросу. Тогда под боевой подготовкой мы должны будем разуместь, во-первых, различные способы боевого обучения масс — в форме ли милиционного обучения или какого-либо иного — и, во-вторых, вооружение народа, снабжение масс оружием. О такой боевой подготовке я и говорил. О ней необходимо и сейчас сказать два слова для выяснения недоразумений.

Прежде всего, о боевом обучении масс. Схема моих рассуждений в контрреферате чрезвычайно проста. Я против включения в резолюцию о тактике настоящего момента пункта о боевом обучении масс. Он либо бесполезен, либо прямо вреден в настоящий момент. Он бесполезен, ибо в 99 случаях из 100 останется мертвой буквой, как осталось мертвой буквой аналогичное постановление III Совета партии. Но если где-нибудь этот пункт попробовали бы осуществить, это было бы вредно, ибо такое боевое обучение ведет фатально к частичным выступлениям. Занимаясь им, мы помимо-вольно провоцируем массы на частичные вспышки. Поэтому товарищ Рязанцев, например, по-своему логичен, отстаивая милицию или «военно-боевую организацию», так как он, сказав «А», не за-

думывается сказать и «Б». Выступая за боевую подготовку масс, он в тоже время и за частичные выступления. Но необходимо быть логичной и противной товарищу Рязанцеву стороне. Необходимо тем, кто для настоящего момента против частичных выступлений, продолжить свою линию до конца и отвергнуть и боевое обучение. Я замечу мимоходом тов. Рязанцеву, что, защищая частичные выступления, он ошибался, думая, что это исключительно мое мнение, которое я должен был отстаивать в своем контрдокладе. Это мнение Ц.К.-а, общее для всех его членов. Ц.К. во всем своем составе стоит резко против частичных выступлений.

Вторая сторона боевой подготовки — вооружение народа, или, как выразилась тов. Волгина, «скромная задача снабжения масс оружием». По-видимому, мы сильно разойдемся с тов. Волгиной в определении понятия о скромности. Я не могу себе представить, чтобы вооружение населения, исходящее от партии, стало действительно массовым, ибо, помимо всего прочего, это потребовало бы колоссальных средств, которых нет и быть в таком размере не может. Да и кроме того: я думаю, что оружие не дается массам, а берется ими. Я помню заседание Совета рабочих депутатов, когда рабочие демонстрировали оружие. Когда зашла речь о том, откуда взять оружие на случай черносотенного погрома, сотни рук поднялись кверху, вооруженные стальными клинками и кинжалами: они выковали их в одну ночь. При народном выступлении, когда наступит момент восстания, народ найдет оружие: запасными складами послужат ему правительственные арсеналы. Конечно, чтобы сделать это хорошо, необходимо, чтобы руководители заранее располагали нужными сведениями, чтобы они имели планы. Конечно, предварительно же нужно вести соответственную пропаганду среди солдат, чтобы они знали, как им поступить с арсеналами в нужный момент. Но вся эта подготовительная и необходимая работа не может быть названа боевой подготовкой масс: она лежит в совершенно иной плоскости. То же можно сказать и о приобретении и передаче небольших количеств оружия на определенные цели — будь то террористический акт, будь то оборона от наглости кучки ингушей и т.д. Это, конечно, необходимо, но и это так же мало относится к боевой подготовке масс в целях вооруженного восстания, как и разработка планов или пропаганда среди солдат.

Мне делалось еще одно существенное возражение. Раз партия не отказывается от идеи вооруженного восстания, она не может отказаться и от боевой подготовки масс, заявил товарищ Лаврецкий. Ergo¹⁹⁴ — я, отрицая боевую подготовку, как бы выступаю тем самым и против вооруженного восстания. Так ли это? Тов. Лаврецкий предпочитает, по-видимому, рассуждать метафизически — вне времени и пространства. Едва ли только это удобно для политического деятеля. Тов. Лаврецкий должен был бы помнить, что наша задача теперь заключается не в перечислении методов подготовки вооруженного восстания вообще, а в намечении плана работ на завтрашний день, в связи с переживаемым моментом. Возьму

пример. Центральный Комитет весь единогласно высказывается против частичных массовых выступлений. Что же он не допускает их никогда? Что ж он представляет себе вооруженное восстание в виде единовременного подъема сразу по всей России? Нисколько. На страницах центрального органа не раз развивалось наше представление о ходе вооруженного столкновения народа с правительством. Всеобщему столкновению, несомненно, будет предшествовать ряд частичных выступлений. Только они и подготовят общее выступление. В напряженной атмосфере одна вспышка порождает другую, одна сливается с другой, с третьей; пламя делается все больше, перекидывается с края на край, пока не сольется, наконец, в одном всепобеждающем пожаре. И если резолюция и гласит, что Ц.К. «решительно отрицательно» относится к частичным выступлениям, то лишь потому, что «по условиям настоящего момента» в этих выступлениях может происходить бесплодная растрата народной энергии». Нетрудно, стало быть, понять «всякому, даже не учившемуся в семинарии», что я иду лишь несколько дальше — и в условиях настоящего момента отрицаю и боевую подготовку масс по мотивам, которые развил раньше. Это не мешает мне, как и тов. Лаврецкому, не видеть иного пути для разрешения исторического русского конфликта, как только в вооруженном восстании.

Мне остается рассмотреть еще поднятый некоторыми вопрос о связи технической боевой подготовки масс с концентрированными террористическими ударами, как выразился тов. Чижевский. Выскажусь коротко. По моему мнению, мы должны рассматривать этот удар сам по себе и, поставив вопрос так, решить, даст ли этот удар при настоящем положении вещей минус или плюс.

Важно, во-первых, установить, какое впечатление произведет он на массы. Вкоренилась ли идея царизма в массах настолько, что, несмотря на все события последнего времени, удар вызовет возбуждение против нас, вызовет широкое движение против революции и ее носителей? Или идея эта настолько дискредитирована, что, нанося удар, мы произведем положительное впечатление. По всем данным, по всем отзывам, отчетам, я говорю: да, массы будут при этом с нами и за нас.

Второй вопрос — произведет ли этот удар в данный момент особый переполох, крайнее замешательство наверху? Думаю, что на этот вопрос не может быть двух ответов. Слишком очевидно, что произойдет там и в какой мере это будет важно и полезно для дела революции.

Эти два пункта для меня решают дело. Поэтому, с моей точки зрения, постановка вопроса, сделанная тов. Чижевским и Бюзанд, совершенно неправильна. Нельзя связывать боевой подготовки с центральным террором, нельзя ставить одно в зависимость от другого и говорить, что если не будет боевой подготовки, то мы чуть ли не имеем права производить и второго акта, ибо тогда мы не будем подготовлены, не смеем дать отпор и т.д. Рассуждать так, значит, помещать все на весьма зыбкую почву. В таком случае мы

и самое дело террористической атаки лишаем в сущности реальной базы, ибо по неволе должны отнести осуществление ее *ad calendas graecas*¹⁹⁵ до какого-то такого момента, когда боевая подготовка будет признана если не совершенной, то во всяком случае более чем достаточной. Но когда будет это? И если будет в каком-то неопределенном будущем, то будет ли нужен самый террористический акт, будем ли он технически возможен? Увы, мы не обладаем такой чудодейственной пружинной, которая позволяла бы моментально привести в движение все, что хочешь. Мы все слишком хорошо знаем, что подготовка такого дела — сложный и длительный процесс и решить его возможно не в зависимости от тех или иных конкретных планов, а лишь оценивая вообще исторический момент и значение акта для этого момента. Но тов. Соломин находит, по-видимому, что действовать так, значит, не предусматривать всего. Он спрашивает: ну а что же дальше, что произойдет за этим ударом? Общие перспективы, общее значение его я указал. Если же тов. Соломин хочет чего-нибудь более конкретного, то едва ли такое желание правильно. Строить такой детальный прогноз и приспособлять свои действия к этому прогнозу это значило бы либо рисковать очень обмануться, либо, как я уже говорил, отодвинуть все дело до совершенно неопределенного времени. Я не думаю, чтобы этот акт вывал восстание, чтобы он привел к ликвидации старого порядка, как говорили здесь некоторые. Но разве только при таких условиях можно допустить его? И без того это — акт чрезвычайной важности. С точки зрения освобождения России, совершится нечто крупное, будет сделан большой шаг вперед. Этого достаточно.

Вот все, что я хотел сказать в ответе моим оппонентам.

Тов. Оленин. Приступая к ответу на сделанные мне возражения, я чувствую некоторое затруднение. Многие замечания носят детальный характер, и я, может быть, их не затрону. Нам существенно согласиться в основном и главном. Прежде всего, я констатирую, что ни со стороны одного товарища не было указано, что бы было нужно устранить из оценки момента, предложенной Центральным Комитетом в его резолюции, какой-либо из пунктов, как несущественный. Но есть дополнения: здесь — штрих, там — другой. С этой задачей справится редакционная комиссия; и я освобождаю себя от этой работы. Я концентрирую свое изложение по четырем вопросам. Это, во-первых, выдвинутая тов. Грачевым иная оценка современного момента и периода свобод; во-вторых, произведенная тов. Ливиним оценка нашего программного наследия; в-третьих, тезис, который выдвинул и защищал товарищ с Украины; и, наконец, в-четвертых, вопрос о боевой подготовке масс. На этих четырех пунктах я сосредотачиваю все внимание.

Тов. Грачев говорит, что в настоящий момент он особенно рекомендовал бы всем здоровый пессимизм и предостерегал бы от оптимизма. Но в чем выражается его «здоровый пессимизм»? В том, что он самыми розовыми красками рисует период «свобод» и

старается поразить наше воображение контрастом между безграничными перспективами «шалльного месяца» после манифеста 17 окт. и суровой жизненной прозой настоящего. Но мне отношение тов. Грачева к пессимизму и оптимизму чуждо. Может быть, именно потому, что я был пессимистом, когда оптимизм переполнял всю атмосферу, я и могу теперь позволить себе роскошь некоторого оптимизма. Чем больше иллюзии, тем, по закону реакции, глубже и острее разочарование. Психологически это понятно; но логически не оправдываемо. И если уже говорить о пессимизме и оптимизме, я рекомендовал бы иное соотношение, чем тов. Грачев: в момент подъема — побольше здорового пессимизма, в момент упадка — побольше здорового оптимизма. (*Аплодисменты.*) В картине, нарисованной тов. Грачевым, все краски сгущены по-суздальски: в прошлом — все свет, в настоящем — все тьма. Его картина настоящего грешит именно нездоровым пессимизмом, граничащим с похоронным хныканьем. Все основные черты ее — не новость: они были и раньше. Нам говорят: «Ведь, реакция стремится сжить нас со свету». Но, товарищи, когда реакция к этому не стремилась? Не тогда ли, когда за распространение культурной легальной книжки ссылали в Сибирь? Нам говорят: 2.000 учителей (цифру оставляю на ответственности тов. Грачева) выкинуты из Воронежской губернии. Но разве в эпоху Плеве не было больше того: ни один из учителей не смел и пикнуть. Тогда меньше арестовывали революционно настроенных учителей? Неудивительно. Тогда их было два-три — и обчелся. Когда появились эти 2.000 человек на свете — не в тот ли период, когда, под влиянием общей волны, обыватель сочувствующий превратился почти в революционера? Нам говорят об уничтожении профессиональных союзов; но мы помним время, когда их вовсе не было. Реакция тяжела, — да; но еще и теперь в области литературы возможно говорить о таких вещах, о которых раньше нельзя было и заикнуться. Теперь мы до сих пор еще имеем возможность при помощи легальных типографий выпускать массу брошюр. Далее, нам говорят: «Посмотрим на самих себя, у каждого из нас нет бодрости, энергии». *Parlez pour vous*, не говорите за других, отвечу я. Это — психология людей, выброшенных отливом на отмель, а не практически действующих работников. Везде на местах, где идет живая работа, я видел и бодрость, и энергию. Мои впечатления не обособлены. И другие товарищи, разъезжавшие по России, говорят о том увлечении, энтузиазме, с которыми товарищи на местах, особенно новые, выработавшиеся из самих рабочих или крестьян, ведут работу: сами объезжают села, насаждают братства... Разве это не бодрость, не энергия? На Урале я видел целый ряд рабочих организаций, которые обходились собственными ресурсами, не имея интеллигентов; сами ставили типографии, писали прокламации, правда, иногда не очень грамотно, но за то «духу» живого в них было много. Это были прочные организации. Сохраняя здоровый пессимизм и окидывая взором прошлое, мы можем сказать: «Да,

правительству многое удалось отнять из того, что оно дало; но что жизнью было взято, то осталось». Говоря словами поэта,

«То, что жизнью взято раз,
Не может рок отнять у нас».

От похоронных мотивов тов. Грачева перейдем к его оценке пережитого, к его истолкованию периода свобод. Манифест 17 октября и весь связанный с ним период представляется ему колоссальной провокацией — все выдвинулись, показались, правительство их увидело, зарегистрировало, и — дело в шляпе. Он представил это нам в красивом сравнении, сделанном одним крестьянином: правительство выбросило сахарную бумагу на муравейник, муравьи напоззли на нее и — были пойманы. Оценивая пережитой момент, я не думаю, чтобы правительство сделало за период свобод такую блестящую аферу. Неужели все сводилось к колоссальному маккиавелистическому плану сыскного характера, чтобы революционеры сами расконспирировались? Такое объяснение мне кажется слишком упрощенным. Такое объяснение проходит мимо той растерянности, паники, которые обнаружились, когда бесчисленная армия шпионов, как полузамерзшие мухи, бродили и не знали, понадобятся ли они еще охранному отделению, и сами охранные не знали, сохранятся ли их оклады. Это объяснение проходит мимо всей паники и борьбы партии внутри самой камарильи. Вместо этого рисуется единая воля в грандиозном плане провокации. Афера, которую сделало правительство в дни свободы, повторяю, не была блестяща. Ему надо было знать вождей, говорят нам. Но социал-демократические вожди целы, кадетские вожди гуляют на свободе. И неужели у правительства не было других способов «узнать вождей»? Во всяком случае цель достигнута не в полной мере. Но какой ценой достигнута эта цель? Ценой колоссальной, ибо каждый уголок земли приобщился к освободительному движению. Если такой ценой получились такие результаты, то, признаюсь, маккиавелизм правительства был более чем посредственным. Нет сомнения, что и в те трудные моменты правительство не теряло инстинкта самосохранения — оскалило зубы и ждало момента, когда можно будет вцепиться во врага. В этом смысле можно сказать, что его уступки были провокационны. Но что же из этого для нас следует? Тов. Грачев останавливается на полдороге и не делает ясных выводов. Дальше идет тов. Ливин, и особенно «Революционная мысль». Там, мы читаем: «Тактические ошибки революционеров во время дней свободы, когда партии целиком вышли из подполья на поверхность, когда «на бомбу Трепову»¹⁹⁶ собирали на Невском проспекте, когда во все организации, даже самые конспиративные, проникли провокаторы — эти ошибки учитываются теперь небывалыми провалами и неудачами». Итак, вот они, наши ошибки; хоть задним числом, но мы их нашли и перечислили. Мы не должны были выходить из подполья на поверхность — и все было бы хорошо. Мы должны были работать прежним темпом и прежними, до-плевевскими методами, приговаривая: нет, шалишь, нас не на-

дуешь; мы не пойдем на провокацию; пусть себе с.-д.-ы говорят на открытых митингах перед всей страной — мы будем по-прежнему шептать отдельным рабочим на ушко; пусть с.-д.-ы заседают в Совете рабочих депутатов, заседающем открыто, — мы останемся в маленьких рабочих кружках; как будто это — гарантия от провокации и как будто из-за публичных сборов «на бомбу Трепову» проваливались наши боевые организации! О, политическая прозорливость «премудрого пескаря!» (Смех.)

Перехожу к аргументации тов. Ливина. Он полуизвинялся перед вами, что, будучи гостем Центрального Комитета, должен дать критику этого последнего. Я тогда же сказал, что Центральный Комитет его пригласил не для того, чтобы выслушивать от него любезности, и не для того, чтобы ему говорить любезности; а, напротив, для того, чтобы он в вашем присутствии выложил все, что имел против Центрального Комитета и его линии поведения; для этого и только для этого, он и был приглашен; не будь этого, мы бы и не подумали его приглашать. Отсюда ясно, что никаких специальных обязательств мягкости к Ц.К. это приглашение на него не налагает, напротив. Но к делу. Тов. Ливин, как и тов. Грачев, считает наше отношение к переходному моменту слишком оптимистичным. Он указывает, что мы в своей резолюции даже как-то «нежно» говорим об успехах правительства. Он желал бы в резолюции сказать, что мы переживаем катастрофу, что революция делает последние отчаянные усилия в борьбе за существование, что создавшееся положение хуже, отчаяннее, чем положение после разгрома «Народной Воли». Почему хуже? «Потому, — говорит он, — что «Народная Воля» с массами не была связана, и поражение «Народной Воли» не было поражением масс, а мы связаны с массами, и наш кризис есть в то же время кризис масс». Аргумент странный. Мне представилось бы сомнительным это преимущество «Народной Воли». Партия «Народной Воли», несмотря на все свои героические усилия, не могла достигнуть хотя бы того, чтобы массы поняли, как следует, ее трагическую гибель. Крестьяне — и не в какой-нибудь одной губернии — говорили: это погибли дворяне, убившие царя за то, что тот освободил крестьян от крепостного права. Да, при таком настроении масс, конечно, кризис партии не есть кризис народной психологии. И это выставляется в качестве «преимущества!» Нам говорят о катастрофе, о кризисе. Но где и в чем реальный кризис? Мы видим психологический кризис в наибольшей степени в интеллигенции, в следующей меньшей степени — в некоторых слоях пролетариата и в еще меньшей степени — в крестьянстве. В крестьянстве брожение ушло внутрь, мы наблюдали повышение умственных запросов и потребность в самостоятельном ведении массовой организации; самую организацию, ее задачи понимают иначе, чем раньше.

Теперь такой наивной веры, которую народ переживал ранее, мы в нем не видим. То было время наивысшего пробуждения революционного духа, — да; но в каких упрощенных формах! Такой период не мог сразу создать побед. Тов. Ливин говорит: «Так вы

считаете современное положение чем-то вроде зигзага, эпизода, незначительного случая, чуть ли не анекдота?» Здесь никто не говорил об анекдотах — «анекдотический» элемент введен впервые тов. Ливиным. Но я говорил и повторяю: настоящая реакция есть лишь звено в долгом, упорном, затяжном процессе революционного кризиса России, а с всемирно-исторической точки зрения торжество контрреволюции является, если хотите, даже только «эпизодом»; для конкретных людей, чья краткая жизнь захвачена этим «эпизодом», переживание его может быть крайне тягостным, положение их может быть очень трагичным, но это дела не меняет. Почему процесс нашей революции является затяжным? Я говорил об этом; я говорил о том, почему правительство не может эволюционным путем вывести Россию из того тупика, из того состояния паралича всех ее производительных сил, которое неминуемо должно вызывать революционные сотрясения; я говорил, почему революционное разрешение этой проблемы наталкивается у нас на трудности, которых не знали другие страны; я говорил, наконец, и о синтетическом характере революции, как об осложняющем моменте. Т. Ливин не коснулся этих реальных данных ни единым словом, а вместо этого поговорил на не идущую к делу тему, что в революции нет ничего, требующего правильной ритмичности или цикличности движения, аналогичной естественной ритмичности некоторых механических или физических процессов. Как будто, неправильные зигзаги переменного счастья борьбы при затяжном процессе революции, о которых говорил я, допускают подобные абстрактные аналогии. Тов. Ливин ставит вопрос, можно ли еще спасти революцию и как ее спасти. Постановка вопроса кажется мне в самом корне совершенно неправильной. Контрреволюция восторжествовала вовсе не потому, что в некоторый момент не подвернулся «спаситель» со своим спасительным рецептом, который ныне в кармане т. Ливина имеется.

Для торжества революции не хватало слишком многих условий, которые я и указал. Т. Ливина это не удовлетворяет. Основной упрек тов. Ливина сводится к тому, что мы даем только констатирование, а не объяснение явлений прошлого. Он не смущает меня, может быть, потому, что лично я по своим философским воззрениям примыкаю к эмпириокритицизму, а с этой точки зрения всякое объяснение в последнем счете сводится к «описанию данного» и установлению функциональных связей, проще говоря, — взаимозависимости явлений. Но, квалифицируя нашу оценку, как «простое» констатирование, что предлагает тов. Ливин взамен этого? Где же то более глубокое объяснение, которое он обещал дать? — я в его речи ничего подобного не нашел. Уж не является ли таким «более глубоким» объяснением сравнение революции с гибнущим кораблем, который еще может быть спасен судорожными усилиями экипажа, удачной командой и ловким поворотом кормчего? Если это — научность, я предпочитаю остаться при своей ненаучности. Т. Ливин, кроме того, ломился в открытую дверь: «Нужно определить, какую роль сыграли политические

партии, как отзывались их действия на революции и на реакции», — говорил он. Но это, во-первых, тоже не более, как «констатирование», во-вторых, такого рода констатированием был и я занят в своем докладе. Я говорил, например, что социал-демократы держались одной тактики, мы — другой, что вторая, третья и четвертая — не состоявшаяся — всеобщие забастовки прошли под знаком с.-д. тактики и что это вредно отзывалось на ходе дел. Я не обходил вопроса об ошибках тактики. Но я добавил, что значение таких ошибок не нужно преувеличивать. Я устанавливаю следующие факты: правительство имело достаточно сил, чтобы подавить движение; в смысле своих материальных ресурсов оно было сильно, дисциплина в войсках не была расшатана, и войско стреляло лучше, чем в Москве в декабре. И если правительство этого не сделало, то это потому, что оно растерялось. Растерянностью оно само подкосило свою силу. Что же получилось? Мы не были еще достаточно сильны, чтобы взять дело в свои руки, — правительство — по собственной вине — уже не было достаточно сильно, чтобы удержать вожжи в своих руках. Посредника сильного, который воспользовался бы этим ослаблением и захватил власть в свои руки, не было и не могло быть, — кадеты такой роли сыграть не могли. Благодаря этому после неурядицы «шального месяца» все партии вернулись на старые позиции.

Правительство обещало стране много, дало мало и постепенно отнимало, что могло. Мы могли ошибочной тактикой ускорить, умелой — замедлить этот процесс, — но не более. В том и другом случае влияние партии не было господствующим фактором; они были слишком малою величиной среди чисто стихийных сил, преобладание которых создано было всей предыдущею историей России — в той же мере, в какой русские партии были не властелины над историей для того, чтобы творить ее, они были не властелины и для того, чтобы ее «портить». Бессознательно в построениях тов. Ливина сквозит убеждение, что партии — какие-то индивидуальности с безусловно единым сознанием и волей, что они — авторы и герои всех событий, что страна — это только сцена, на которой они действуют, что история — битва гигантов, не оставляющая места действию стихийных сил. Только при таком абстрактном представлении возможны столь чудовищные «объяснения» тов. Ливина, как, напр., такое: какие-то наши мнимые «шатания», иллюстрируемые делом Черняка, оказываются незамеченною нами причиною переживаемой «катастрофы революции»...

Конечно, и наши ошибки, и наши добродетели на ход вещей влияют, но влияют в весьма ограниченной мере. Мы верим в инициативное меньшинство, но мы будем слепцами, если вообразим, что можем быть демиургами. Другие, стихийные, бессознательные элементы ограничивают действие сознательных исторических сил. Они — наследие веков, и дают главные исторические напластования, на которые мы получаем (точнее, лишь начинаем получать) возможность все более и более накладывать свою печать. Вполне творцом своей судьбы человечество будет лишь тогда, когда до-

стигнет социалистического строя. Инициативное меньшинство — сила, и сила тем большая, чем больше его влияние на массы, чем крепче его кровная связь с массой, чем более умело оно исполняет роль авангарда масс. Тов. Ливин нас предостерегает от веры в массовое движение, в массовое восстание; авангард он хочет рассматривать как всю действующую армию и рассчитывать только на его силы — все остальное для него — «иксы», которые следует оставить в стороне. Но какое же это «инициативное» меньшинство? Инициатива предполагает другие, за ней стоящие силы, на которые и простирается ее заразительное действие. У тов. Ливина же в центре всего стоит вовсе не «инициативное», а какое-то особое, «самодовлеющее меньшинство», что безусловно противоречит нашей точке зрения. Эту точку зрения называют слишком марксистской. Я и раньше не боялся, и теперь не боюсь этой клички. Для меня Михайловский и Лавров — с одной стороны, Маркс — с другой, в равной мере являются великими учителями социалистической мысли. Попытка социал-демократов поссорить их между собою, вырыть между ними пропасть представляется мне покушением с негодными средствами, хотя я и не отождествляю всех взглядов этих мыслителей. Антимарксист Ливин в этом пункте сходится с архимарксистами. Будучи марксистом во многих отношениях (в теоретической экономии, надеюсь, мы все — марксисты так же, как Лавров и Михайловский) и не будучи им в философии и социологии, скажу следующее. Для меня в социалистическом учении Маркса самым уязвимым пунктом является отнюдь не учение о классовой борьбе в смысле принципа политического поведения, а то положение, что классовая борьба исчерпывает все содержание истории. Кроме того, считаю, что классы нельзя принимать за метафизическую сущность, категорию целостную, нераздельную и абсолютную. Переходя к оценке русской действительности, я позволю себе не согласиться с некоторыми товарищами, когда они носителями реакции берут преимущественно землевладельческий класс и в нем преимущественно дворянство, класс же буржуазии склонны рассматривать, как элемент, если не революционный, то во всяком случае оппозиционный.

В действительности, самодержавие является у нас диктаторской формой господства трех слоев: бюрократии, дворянства и буржуазии; они — между собой союзники, они делятся между несколькими партиями, но так, что в каждую из партий входят все три элемента. В самом деле, их вы найдете равно и среди правых, и среди октябристов, и кадетов. Разве октябристская партия состоит по преимуществу из лиц торгово-промышленного класса? Разве среди кадетов нет лучших дворянских фамилий, вплоть до Рюриковичей? И если среди черносотенцев так много дворян, и даже «вельможных», то среди них не меньше и Колупаевых, чем дворян; есть даже там и люди «либеральных профессий», начиная с лидера доктора Дубровина. Не разные классы создали три эти разные партии — черносотенную, октябристскую и кадетскую; нет, те же самые классы распределились разными своими слоями,

слоями разного культурного уровня, между тремя этими партиями, равно стоящими на почве данного социального строя, но стремящимися оберегать его разными средствами. В меру своей культурности отдельные слои этих классов стоят за более или менее либеральную оболочку своего владычества, за смену диктатуры формами конституционными; но все они, не прекращая своих домашних междоусобий, составляют один блок против трудовых масс — пролетариата и трудового крестьянства. Вот как обстоит дело. Классы не представляют собою нераздельные сущности — в своем политическом проявлении они вечно делятся, дробятся, и отнюдь не только по экономическим признакам. Потому-то классовый анализ действительности — вещь чрезвычайно сложная. Но стоит только нам заняться этим сложным анализом, как является т. Ливин и говорит, что мы занимаемся марксистским делом. Да, в его построениях, действительно, классовым анализом и не пахнет. Он полон суеверного страха перед таким анализом, и закликает нас именами наших учителей — Михайловского и Лаврова. Но для этого нужно совершенно не знать их. Не Михайловский ли заявлял, что «самая видная сторона современной исторической действительности есть сторона экономическая?» А если она прева-лирует в буржуазном строе, неужели учитывать ее, значит, быть экономическими материалистами? От Михайловского перейдем к Лаврову, и притом к Лаврову-социалисту, Лаврову 70-х и 80-х годов, Лаврову «Опыта истории мысли», а не только Лаврову, кончающемуся «Историческими письмами». Кому же не ясно, что этот Лавров — гораздо более экономический материалист, чем мы, социалисты-революционеры? Только тому, кто в изучении Лаврова не пошел далее «Исторических писем!»

Обратимся, однако, к той основной цели, в которую метил т. Ливин всеми своими предварительными рассуждениями о нашем марксизме, о простом констатировании фактов вместо объяснения причин катастрофы, постигшей революцию, недостаточной оценке роли инициативного меньшинства и т.п. Но мнению т. Ливина, мы сами виноваты в катастрофе. В решительные моменты, когда террористические удары в руководящие центры правительственного механизма могли спасти революцию, мы не нанесли этих ударов. Почему? Потому, что мы вместо того, чтобы действовать, ожидали народного восстания; потому, что мы не оценили значение террора; потому, что мы забыли теорию «инициативного меньшинства»; потому, что целое поколение социалистов-революционеров воспитывалось на эклектической системе, включающей элементы марксизма и т.д. Тов. Ливин совершенно правильно заметил, что я называл это объяснение «глубокомысленным» в ироническом смысле. Это, действительно, так. Ему, очевидно, неизвестно то, что нам, бывшим в России, вполне ясно, что и в эпоху диктатуры Дурново¹⁹⁷ и в эпоху столыпинских военно-полевых судов партия старалась нанести террористические удары правительству, она боролась, напрягала силы, и если ей не дано было счастья победы, это ее несчастье, может быть даже ее трагедия, но уж ни в каком

случае не ее идейная вина. Т. Ливин вообразил даже, что мы от того не наносили террористических ударов, что ждали... кадетского министерства! Да разве не мы, в самый разгар надежд Милюкова и Ко на такое министерство, осыпали их сарказмами, высмеивали их веру, говорили, что переговоры о таком министерстве для фактического правительства со Столыпиным во главе — только ширмы, которые терпят лишь потому, что усыпляют общественное внимание и облегчают задачи приготовления государственного переворота? Разве мы не предприняли ряда разоблачений, доказывавших, что этот переворот уже совершенно подготовлен? Как отвечали нам на это кадеты — вы слышали от тов. Алданского. Мы знали, мы чувствовали, что общественные иллюзии облегчают дело правительственных махинаций; и наряду с этим сами мы мучительно переживали кризис в центральном боевом деле. И вот является тов. Ливин и глубокомысленно объясняет недостаток террористической борьбы нашим не то марксизмом, не то верой в кадетское министерство. Спрашивается — где он был, когда совершались действительные, а не воображаемые им события? На луне? (Перерыв: «В Аргентине».) Поистине, его объяснение событий не есть наше «простое констатирование» событий, и по очень простой причине: это не констатирование, а выдумывание их! (Смех.)

Тов. Ливин ухватился за мои слова, что у нас одно время не было боевой организации. Да, был момент, когда боевой организации у нас не было. Но почему? Тов. Ливин предпочел этого не дослушать или сделать вид, что не дослушал. Не потому не было у нас боевой организации, что мы мало заботились о том, чтобы она была, а потому, что весь состав ее подал в отставку, усматривая в боевом деле технический кризис, ставящий на очередь вопрос о радикальном изменении всех методов работы. «Было время, — говорил я, — когда у нас для боевого дела было — после ряда провалов — мало людей и мало средств». Тов. Ливин хватается за эти слова и спрашивает, что это за упущения? Почему раньше не были созданы резервы денег и людей? Резервы денег? Удивительные у т. Ливина представления о наших финансах! Он, по-видимому, воображает, что мы обладали такими капиталами, что могли бы отложить их в банк и существовать на одни проценты. Но еще лучше — эти «резервы людей». К сожалению или счастью, революция имеет только одни резервы, кроме подрастающих поколений, это — ссылка и тюрьма. Все наличные революционные силы — в строю, и т. Ливину впервые пришла на ум гениальная идея: часть их вывести из строя и отчислить в «резерв». Виноват, я забыл еще один источник «резервов», таким отчасти является заграница... Говорю: «отчасти», так как в настроении заграницы и России видна большая разница. В то время как в России один крик: «Жатва велика, делателей мало», — за границей настроение другое. Здесь часто думают, что мы переживаем эпоху кризисов, катастрофы, что почва утрачена, нет спроса на революционеров, нет приложения рабочим рукам — мы превращены в «лишних людей». Это вредное настроение, крайне вредное, если только оно

не прикрытие простого нежелания работать, личного морального банкротства. Тов. Ливин особенно настойчиво ссылается на пример Северной летучки. Этот вопрос я хотел бы осветить вполне, хотя, в сущности, он к настоящему пункту порядка дня не относится. Но тов. Ливин, который во время прений по докладу Ц.К. хотел говорить о катастрофе революции, теперь во время прений об общей оценке момента захотел говорить о конкретных действиях Ц.К. Делать нечего, приходится совершить отступление в сторону. Я не могу пройти мимо слов тов. Ливина потому, что они неосторожно задевают слишком трагический случай. Я говорил уже, что после ареста «Карла» и др. Северная летучка была сильно ослаблена. В ней оставалось 7—8 человек; фотографии многих из них были забраны на финляндской квартире «Карла»; мы сильно сомневались в возможности успеха их дальнейших попыток. Вот почему мы предложили им считать дело «Летучки» конченным, рассматривать себя лишь, как индивидуальных кандидатов в другую, более крупную боевую организацию. Они с этим не согласились. Единогласно они пришли к решению — работать только вместе; объединенные между собою тесною, чисто братскою близостью, в этой близости, спетости они видели крупную силу и лучший залог успеха; раствориться в какой-нибудь другой организации они боялись. В то же время у них было какое-то религиозное отношение к заветам старого Северного летучего отряда, начиная от его имени и кончая недоконченными им предприятиями. Завершить дело, начатое товарищами, казалось им священным долгом, — тем более, что Карл и др. из тюрьмы передали им завещание — не покидать доставленных предприятий. Что же мы должны были сделать? Уж не включить ли их авторитарно в другую организацию? Или запретить им террористическую работу? Может быть, вызвать их на неповиновение и пустить в ход против них карательные средства?

Не знаю, кто ответил бы на эти вопросы утвердительно. Но менее всего я ждал этого от тов. Ливина, который вместе с «Революционной мыслью», является противником централизма. Тов. Ливин здесь жаловался, что центр влиял более на партии, чем наоборот — партия на центр (а в «Революционной мысли» об этом говорится в более «смелых» терминах «генеральства» «авторитарного духа» и т.п.). Теперь тов. Ливин, критикуя наше поведение, говорит: «Почему вы не сказали всем этим товарищам, которые хотели продолжать работу при условиях, не обеспечивающих успеха, властное veto, почему не проявили достаточно спасательного авторитета?» Я уже говорил, почему veto здесь не могло бы помочь; но как понимать апелляцию к дискреционной власти Ц.К. в устах тов. Ливина? В «Революционной мысли» мы читаем: «Нужны, по нашему мнению, отдельные дружины, не связанные между собою организационно. Каждая дружина должна состоять из близких друг другу людей. Не директивы центра, не случайность соберет и сплотит таких людей, а истинная близость духа и полная уверенность друг в друге. Такие дружины не разобьет ни-

какая провокация, они будут действовать самостоятельно, за свой риск и страх, и их удары не будут задерживаться политическими, часто близорукими или какими-либо иными расчетами центральных комитетов». Где же здесь логика? То требуют, чтобы Ц.К. не смешивался со своими директивами, то обвиняют, почему Ц.К. не вмешался с властным veto?

Тов. Ливин делает разъяснение, что он не ответственен за все, что печатается в «Революционной мысли».

Тов. Оленин. — Очень рад констатировать несолидарность тов. Ливина в этом пункте с «Революционной мыслью», но...

Тов. Ливин (*прерывает*) — Я этого не сказал...

Тов. Оленин. Ах, вот как? Констатирую в таком случае, что тов. Ливин набрасывает покрывало конспирации на вопрос о его солидарности или несолидарности в этом вопросе с «Революционной мыслью»... Надо полагать, он имеет для этого очень серьезные основания. Поэтому спешу оставить в стороне этот столь щекотливый для него вопрос. Я имел удовольствие выслушать от тов. Ливина, что он с некоторыми частными оговорками присоединился ко всем практическим выводам в резолюции Центрального Комитета. Куда же девалось все то, что говорилось в «Революционной мысли», за которую тов. Ливин берет хотя бы частичную ответственность? Мы видели в ней характерную теорию «многоцентризма», которую я в своем докладе назвал теорией организационного разброда. Правительство сильно своей организацией, говорилось там: «Нужно не забывать, что всякая организация держится, пока сохранен еще центр ее»; поэтому революционеры должны, не разбрасываясь по сторонам, бить в самый правительственный центр. Поэтому же — вы думаете, самим революционерам нужно укреплять свой центр? Ничуть не бывало; «рассудку вопреки, наперекор стихиям» и ставя логику вверх ногами, нам дают вывод: «Отсюда вытекает, что самим борцам-революционерам нужно иметь не один центр, а несколько, связанных друг с другом одной идеей, одним учением, но не связанным организационно». Куда делась эта удивительная теория? В ее защиту т. Ливин не решился сказать ни слова. Но в том же органе мы находим еще не менее интересную сентенцию. Оказывается, что самодержавие уже не имеет корней в народе, они расшатаны и даже вырваны. Оно держится лишь силой организации заинтересованных в ее существовании групп: царской фамилии, земельного дворянства, бюрократии и высшего духовенства, захвативших в свои руки войско и материальные средства. Эта незначительная группа сильна своей организацией. А с группой, с кучкой возможно бороться другой группе, особенно той, которая борется не во имя своих, а общенародных интересов. Вот видите, какая упрощенная философия истории, и какая упрощенная тактика, из нее вытекающая: все сводится к борьбе двух групп «кучек». И после этого я не прав, когда назвал теорию т. Ливина не теорией «инициативного», а теорией «самодовлеющего меньшинства»? Я мог бы назвать ее еще проще, теорией какого-то «кучкизма», абсолютно чуждой всему духу нашего

миросозерцания и нашей тактики. Правда, т. Ливин «не отрицает» и массовой работы. Но вы слышали, что он сказал: такая работа для него сама собой подразумевается, она необходима, «как честность» для человека. Но он отказывает ей в почетном имени революционной работы, он считает ее культурной деятельностью. Это и естественно. Если непосредственный агент революции — его излюбленное меньшинство или кучка, если массы — только обстановка для деятельности «кучки», то работа в массах, конечно, не есть настоящее участие в рядах действующей армии; это — культурно-благотворительное занятие, которое принесет свои плоды в будущем, когда «кучка» завоюет для масс новые формы социально-политического бытия. Т. Ливин предпочел замолчать и другую часть своих воззрений. Если основной агент революции — организованная инициативная «кучка», то ясно, что революция имеет чисто политический характер; социальное содержание революции может быть дано лишь непосредственным активным вмешательством масс — «деспотическим вмешательством», как говорил Маркс, в существующие имущественные отношения.

Т. Ливин не верит в аграрную революцию; самое большее, во что он может верить — это в благодетельные аграрные реформы, которые после перемены политических форм будут своевременно проведены под влиянием народолюбивой «кучки»...

По существу, нас приглашают урезать синтетический характер революции, свернуть наше знамя, забыть о том, какую идейную борьбу вели мы против соц.-демократии, признававшей возможность лишь буржуазной, чисто политической революции и не верившей в возможность того, чтобы восстание крестьянское фактически перевернуло бы нынешний земельный строй России. Вот куда бьет построение тов. Ливина; но он, столь словоохотливый на абстрактное хождение вокруг да около вопроса или на крохоборную критику действий Ц.К., предпочел не вскрывать этой стороны своего «пересмотра» нашей тактики.

Тов. Ливин говорит, что партия не должна быть Нарциссом, который вечно стоит на одном месте и вечно любит себя собой. Конечно. И разве наша программа в процессе своей разработки не есть олицетворенное «движение». Возьмем в особенности нашу аграрную программу — здесь партийная мысль разрабатывала почти что нетронутую почву; здесь нам приходилось самим прокладывать пути, а не идти по проложенным колеям мировой социалистической мысли. Прогресс в разработке нашей аграрной программы особенно бьет в глаза; правда, как раз в нем т. Ливин не принимал никакого участия. Теперь на ту же дорогу новой разработки вступает и наша рабочая программа. Правда, прогресс в указанной области произошел без перемены основного, усвоенного партией направления. Но разве для того, чтобы не быть неподвижными, обязательно нужно менять направление пути? И почему именно партия должна быть этим самовлюбленным Нарциссом, а не кто-либо другой, напр., — не тов. Ливин, который, по его словам, еще

шесть лет тому назад все предвидел, все предсказал и поныне держится тех же взглядов, что и тогда?

Тов. Ливин пытался быть язвительным: мы называем наше миросозерцание синтетическим, он же говорит, что это лишь хорошее слово для прикрытия ее эклектичности. Старая песня! Когда в старину у «Искры» не хватало других, деловых аргументов, она пускала в ход эту остроту. Как видите, заемная язвительность антимарксиста тов. Ливина тоже не чужда заимствований у марксизма. К сожалению, т. Ливин не нашел в марксизме для позаимствований ничего более умного. Благодаря нашему эклектизму и шатаниям, пугает нас тов. Ливин, в партии произошел идейный разброд, сумбур и разочарования, и от нас стали уходить люди к максималистам, анархистам, н.-с.-ам и — черт знает куда. Не ясно ли, что нужно вотировать необходимость теоретического пересмотра? Не ясно ли, что нет другого прибежища, кроме новой, не эклектической теории инициативного меньшинства? Но сам же тов. Ливин правой рукой разрушает то, что создал левой. Он сказал: среди моих бывших учеников «я знаю много примеров разочарования и ренегатства». Система тов. Ливина, очевидно, так же мало гарантирует его учеников от ухода «черт знает куда», как и всякая другая, менее чудодейственная система.

Мне остается затронуть очень существенные вопросы, поднятые тов. Рязанцевым. Тов. Рязанцев занимает особую позицию. Он находит, что частичные выступления за отчетный период могли и должны были иметь место. Он имеет в виду ожидавшиеся волнения на Украине. Украинцы просили, говорит он, чтобы Центральный Комитет обследовал положение дел, но Центральный Комитет этого не сделал. Это неверно. На Украине были два агента и два члена Центрального Комитета, из которых один был послан вскоре после Совета партии и представил Центральному Комитету обстоятельный и глубокий доклад. Я буду основываться как на их отзывах, так и на словах самого товарища Рязанцева, а также на некоторых письмах, полученных из Воронежа. Я утверждаю, что нарисованная т. Рязанцевым картина положения Воронежской губернии в смысле стремления крестьян к непосредственным выступлениям, субъективна и неправильна. Говорят, будто мы заглушили революционный энтузиазм воронежского крестьянства. Это неверно. Мы еще нигде не обладали такими сильными организациями, чтобы удержать массы, напирающие снизу. Напротив, в Воронежской губ. партийные товарищи создали искусственное, чрезмерное возбуждение среди передовых слоев крестьянства. Несмотря на алармистские крики о том, что массы готовы к восстанию и несмотря на то, что в некоторых местах были аресты и экзекуции, которые на готовое к восстанию крестьянство произвели бы действие искры, брошенной в порох, — движения не произошло. Товарищи сами себя загипнотизировали; их организационные успехи вызвали в них боевой энтузиазм, который они, по аналогии, мысленно перенесли на всю массу; они уверили себя,

будто взрыв, которого им страстно хотелось, неизбежен: такого взрыва, однако, не было, да и не могло быть. Тов. Рязанцева я, впрочем, не вполне понимаю. Он в этом вопросе сам себе противоречит. В Севастополе готово вспыхнуть военное восстание — тов. Рязанцев находит, что это движение могло бы сыграть провокационную роль; если бы Украинская область по данному Севастополем знаку выступила, она бы погибла, была бы разгромлена вконец без всякой пользы. Ну, а движение в Воронежской губернии: какую роль сыграло бы оно по отношению к Украинской области, — не погибла ли бы и тогда Украинская область? Почему должны были получиться другие результаты от севастопольского, чем от воронежского движения? В первом случае, по крайней мере, боролись бы не только почти безоружные крестьяне, а и вооруженные солдаты. Я ничего не понимаю...

Тов. Рязанцев (*прерывая*). — Мы не были тогда готовы.

Тов. Ленин. — Так, но когда же вы «были готовы»? Такого момента, когда вы были готовы, вовсе не было; он был лишь в вашем воображении... В чем же нас обвиняют? Тов. Рязанцев в своем отчете говорил: мы решили взяться за систематическую террористическую борьбу, но не было организаторов; просили их от Ц.К., но Ц.К. не прислал; затем оказывается, что не было не только организаторов, но и исполнителей; этим т. Рязанцев объяснял, почему они не уничтожали провокаторов. Но если не было на Украине организаторов для совершения террористических актов — для такого мелкого дела, как, например, устранение провокатора, — то откуда они взялись бы для грандиозного крестьянского восстания? Если бы массы были подготовлены, они выступили бы, когда начались позорные экзекуции. На самом же деле большая положительная работа, совершенная в Воронежской губ., была компрометирована тем, что результаты ее в боевом смысле были бесконечно раздуты, что вызвало иллюзии, а за иллюзиями — толчки суровой действительности и конечное разочарование. И вы говорите: мы виноваты!.. Мы затормозили! Упрек падает сам собой. Последние полученные письма извещают нас, что товарищи-воронежцы думали выпустить бумажку, прямо призывающую к восстанию, но были остановлены Центральным Комитетом и — потом сами говорили: «Слава богу, что не успели выпустить». Т. Рязанцев читал нам резолюцию, принятую на областном Украинском съезде. Она, как будто, полемизирует с мнением Ц.К., она, как будто, формулирована в старых терминах, но взгляните в нее пристально: как все в ней расплылось в таких туманных выражениях, что не знаешь, спорить ли с ней или нет (*цитирует резолюции областного Украинского съезда*). Против чего они полемизируют? Против принципиального отказа от «частичных выступлений»? Но последний Совет партии достаточно ясно высказался, что вооруженное восстание не следует понимать метафизически-абсолютно, что оно не падает с неба на землю готовым, а естественно разрастается из достаточно широких и сильных местных

выступлений. Или тов. украинцы думают, что у них была такая возможность, такая перспектива? Этого они сами утверждать не решались. Против чего же они хотят полемизировать? Неизвестно. И за что они выступают, в противоположность нам! Нам предлагают от прежней тактики «перейти к методу вовлечения народных масс в активную борьбу с правительством и капитализмом», «стремиться использовать все выдвигаемые местной жизнью возможности для вовлечения народных масс в активную борьбу и расширения движения». Вот поистине открыли Америку! Когда же не было у нас этого метода? Гора родила мышь. Для чего нужно было предлагать эти азбучные общие места, под которыми никто не отказался бы подписаться, — даже социал-демократы? Что касается расширения террористической борьбы, о которой говорится в вашей резолюции дальше, то никто вам в том не препятствовал — вы имели полную свободу ее расширять, и если не всегда расширяли, так ведь лишь потому, что, как вы говорили, у вас не было организаторов и исполнителей. Мы не мешали вам терроризировать ни урядников, ни исправников, ни губернаторов... Вы все время стучитесь в открытую дверь.

Спор не в этом, а в том, трезво ли вы отнеслись к событиям в Воронежской губ., разумны ли были ваши планы немедленного восстания и распространения его, при помощи съезда «Революционной России», на другие губернии или же все это было фантастическое построение, только вредившее реальной, действительно полезной работе? А этого вопроса ваши рассказы о том, как вы при лунном свете, и чуть чуть не на белом коне, устраивали смотр в лесу крестьянской «боевой роте», в вашу пользу вовсе не разрешают. Что касается резолюции Центрального Комитета относительно экономического террора, то мне кажется, что тов. Рязанцеву нечего было бы против них возражать, если бы он прочитал на странице 13-й всю резолюцию Центрального Комитета. Но он остановился на середине, на том месте, где говорится о мирных средствах, и торжественно воскликнул, что «мирный путь не есть путь социалистов-революционеров». «По какому случаю шум?», — спрошу я. На самом деле этой резолюцией отнюдь не предлагается мирного пути для разрешения всех конфликтов, но констатируется, что партия использует и все мирные средства политического воспитания масс, что непосредственно-боевые пути рекомендуются массе в моменты, когда конъюнктура для них особенно благоприятна; в другие же времена применение боевых средств ограничивается отдельными специальными группами. Мирными средствами в значительной мере совершается организация масс. Профессиональные союзы, кооперации — все это — мирные средства. При равенстве прочих условий мы даже предпочли бы мирные средства «военным» — на насилия мы вынуждены отвечать силою; на кровопролитие мы решаемся не из любви к нему; нет, на него мы идем скрепя сердце. Как бы ни были велики наши боевые задачи, мы не должны забывать и о мирных способах борьбы. Прямая, от-

крытая борьба, боевая деятельность и культурно-просветительная, и пропагандистская, и организационная неразрывны, они в целом представляют собою насущную социалистическую работу революционизирования масс словом и делом... Все это азбука, и попытка тов. Рязанцева перенести спор из его настоящей плоскости в эту фиктивную область — тщетна.

Перехожу в последней серии поднятых здесь вопросов — к вопросам об атаке на центр центров, о военной работе, о боевой подготовке масс. Мне кажется, что вопросы эти тесно связаны друг с другом тактически. Все это органические методы работы, элементы более или менее постоянные. Мы спорили только о том, в какой перспективе они должны быть расположены, какое взаимное отношение, какая тактическая координация представляется в настоящее время наиболее целесообразной. Вопрос, поставленный тов. Чижевским, нелишний. Что же последует за ударом в центр центров? Произведет или не произведет этот удар смуту? Оратор, говоривший передо мною, сказал: «Для меня важно, как отзовутся на него массы и какое впечатление произведет он на правительство: если этот акт произведет в верхах переполох и если он будет встречен с сочувствием в широких массах, этого достаточно». Товарищ, этого далеко не достаточно. Переполох наверху и сочувствие внизу — это не исчерпывает картины: есть еще другие элементы, которые нужно предвидеть. Неужели, кроме переполоха, ничего не будет, неужели черносотенные банды не будут реагировать, не сделают попытки устроить грандиозный всероссийский погром? А если мы с этим обстоятельством должны считаться, то должны и подумать, не стоит ли вопрос о боевой подготовке в тесной связи с атакой на «центр центров»? Достаточно ли сказать, что когда-то рабочие выковали клинки в одну ночь и, явившись на собрание Совета рабочих депутатов, вздевали эти клинки к небу и зывали: «Мы вооружены!» Я тоже был на этом собрании и ценил тот энтузиазм пролетариата, его готовность к борьбе, симптомом которой являлись эти вздымающиеся клинки. Но что касается реального значения палок со свинчатками и железных полос, то мне казался более законным некоторый скептицизм по отношению к разрешению столь упрощенным путем вопроса о «боевой подготовке» и вооруженном восстании. Тов. Вронский апеллировал к традициям партии, к тому, что она всегда была против всякой революционной фразеологии. Но не прегрешает ли он сам в сторону этой фразеологии, торжественно воспевая этот исторический день заседания Совета рабочих депутатов? Ведь значение всех этих бряцаний клинками оказалось равным нулю. Нам говорят о партийных традициях. Но мы не относились во времена «Революционной России» так легко к боевой подготовке, не считали, что народ «надо вооружить только желанием самовооружения». Это был взгляд социал-демократов-меньшевиков. По недоразумению, как мне кажется, защищал эту точку зрения тов. Вронский, которого красивый образ рабочего, вздымающего клинки, увлек, быть

может, дальше, чем он того желал. Я обращаюсь к вопросу, что разумеет под боевой подготовкой масс? Я согласен с тов. Вронским, что составление стратегических планов не есть боевая подготовка партийных масс. В понятие боевой подготовки входят три элемента: 1) сообщение членам партии технических знаний, техническое обучение их, которое имеет много стадий и которое не следует непременно представлять себе как маршировку с палками вместо ружей при лунном свете; 2) добывание оружия, которое или раздается на руки членам партии, или лежит на складах; и 3) учет боевых сил и составление боевых кадров — это значит, что мы не должны оставаться в неизвестности, сколько человек умеет владеть оружием простым и квалифицированным. Напомню, что даже у помещиков в имениях встречаются маленькие пушки. Конечно, во время восстания народ возьмет оружие в арсеналах; но будет плохо, если он не будет уметь обращаться с ним. Я думаю, что не следует связывать вопрос о боевой подготовке вообще с конкретным способом его проведения, и если в какой-нибудь данной местности не все стадии боевой подготовки своевременны, то это еще не значит, что вообще нигде нельзя проводить хотя бы элементарных стадий.

Тов. Сергеев был совершенно прав, когда сказал, что есть целый ряд местностей, где боевая подготовка возможна и необходима (например, на Кавказе). По мнению тов. Вронского, боевая подготовка имеет ту особенность, что она по своей природе провокационна и может принести вред. Товарищи, справедливо ли это? Справедливо ли, что боевая подготовка всегда и фатально ведет к тому, что массы будут рваться в бой преждевременно? Конечно, если мы понесем оружие в несоциалистические массы, то оно будет пускаться в ход стихийно. Но ведь мы говорим не об этом, а о той передовой части масс, которая нами организована в партийных рядах, и лишь поскольку у нас есть организации масс в крестьянстве и среди рабочих, мы можем брать на себя задачу боевой подготовки этих, организованных нами элементов масс. Я вполне понимаю, что и эту работу можно вести неосмотрительно; но разве такого соображения достаточно, чтобы от нее отказаться? Говорят еще: что же, мы будем запасать боевую подготовку впрок? Но позвольте, кое-что революционеры должны готовить и впрок, — неужели мы должны будем задуматься о боевой подготовке лишь тогда, когда поздно будет готовиться, когда не поздно будет только действовать? Но и этого мало. Не только «впрок» будем запасаться мы «боевой подготовкой». Посмотрите, сколько угнетений, сколько издевательств терпит крестьянство, как десяток ингушей терроризирует целые волости и водворяет в них атмосферу рабского страха и холопского пресмыкания. Нет, не только для фантастических планов немедленного восстания и не только для отдаленных перспектив будущего пригодилась бы крестьянству эта «подготовка», но и для непосредственного отпора покушениям на свое человеческое достоинство. То использование боевой

подготовки, о котором я говорю, ничего общего не имеет с тем, чтобы обязательно пускать в действие массы по мере накопления боевых сил. Это было бы революционным импрессионизмом: действуют не потому, что нужно и своевременно действовать, а потому, что есть кому действовать. Такой позиции мы занять не можем. Товарищ Вронский ухватился за пример Воронежской губернии. Этот пример ничего не доказывает. Воронежская губерния не пошла на восстание, несмотря на подготовку, несмотря даже на то, что подготовка эта велась далеко не правильно и связывалась руководителями с идеей немедленного выступления; ее пример показывает, что даже «экспитируя» крестьянство, искусственно вызвать восстание мудрено. «Шила в мешке не утаишь», — говорят нам; займитесь «подготовкой», вы только вызовете правительство на репрессии.

Действительно, это так; но это относится ко всем отраслям работы: как только у нас в известном месте возникает сильная организация, в чем бы ее деятельность ни проявлялась, например, в массовом выпуске и распространении литературы, внимание полиции направляется туда, и как мы не отказываемся из-за этого от других методов работы, так не должны отказываться и от данного. Четвертый аргумент — недостаточность сил, при наличности особенной назревшей задачи — органического строительства партии: но ведь он приложим и ко всему другому — террору, военной работе и пр., — ведь все это отнимает силы от организационной работы. Перед нами обрисовались две концепции — в зависимости от того, как мы оцениваем ближайший момент. Если мы думаем, что в ближайший момент есть шансы на подъем движения и что мы можем ставить себе широкие тактические перспективы, — линия поведения одна: тогда в нее войдут, как задачи момента, все крупные боевые предприятия — террор по областям, атака на центр центров и, где возможно, боевая подготовка масс. При этой тактической перспективе работа в войсках получает значение не только обычное, но и усиленное, так сказать, сверхкомплектное. Если — при другой тактической перспективе — нам представляется существенно иная картина, тогда мы должны сказать: не правильнее ли отсрочить вместе с боевой подготовкой и террор, чтобы сосредоточить все силы на органической работе (прав тогда тов. Бюзанд), все же боевые работы отнести на задний план? Тогда все наши чисто боевые перспективы постигает та же судьба, что и боевую подготовку. В частности, по отношению к нападению на центр центров абсолютно не прав тов. Павловский, который возражает, что этот террористический акт будет иметь не большее значение, чем всякий другой террористический акт. Нет. Атака на центр центров имеет несоизмеримо большее значение и означает для правящих классов период безголовья, борьбы в правящей клике. Это — момент для реакции критический, и он встречен будет судорожной вспышкой. Удар на центр центров может повести к экстраординарному натиску всех контрреволюционных сил, и

чтобы дать им отпор, мы должны защищаться не только террором, но и боевой подготовкой, разумеется, в тех пределах, как это диктуется состоянием организаций, наличностью сил в наших собственных рядах. Нельзя ставить дело так: на охоту ехать — собак кормить; мы должны быть во всеоружии, чтобы события не застали нас врасплох. Суммируя, я скажу: мы не должны вычеркивать этого пункта: у нас есть резолюция прошлого Совета партии. Жизнь нас в этом пункте урежет, но самим нам урезывать себя не следует. Или мы слишком увлекались до сих пор боевой подготовкой, чтобы нужно было особой резолюцией ее вычеркивать? Не наоборот ли, не слишком ли мало мы о ней думали? А если так, то откуда это желание вычеркнуть боевую подготовку из нашей тактической перспективы? И я не оптимист; я знаю, как мало у нас сейчас организаций, ведущих прочную и серьезную социалистическую работу; я знаю, как узко поэтому будет фактическое применение боевой подготовки в наших рядах. Но когда я, не вычеркивая этой задачи, обуславливаю ее определенной постановкой общей органической работы, я тем самым указываю путь естественного возрождения боевой подготовки, тогда как вы ее хороните, особой резолюцией вы говорите: «Покойся, милый прах, до радостного утра». Это настроение для меня непонятно, это опасный симптом, тем более, что среди защитников такого решения я вижу товарищей, которые стараются скомпрометировать боевую подготовку вообще, как принцип, как идею, отождествляя ее с «подготовкой» каких-то недисциплинированных дружин, являющихся рассадниками и питомниками экспроприаторов.

Я тоже против бесшабашного боевизма, о котором говорил тов. Нечаевич. Не теперь, когда это так легко, а два года назад я поднял голос против «распыления революции». Давно являюсь я противником и специальных боевых дружин из массовых членов партии, оторванных от общей организации, а тем самым и от общепартийных интересов. Боевой технической подготовки, умения обращаться с оружием, обучения военному делу не должно отрывать от общепартийной жизни. Но я не понимаю стремления совсем зачеркнуть ее особой резолюцией. Думаю, что не совсем был не прав тов. из рабочей организации Петербурга, когда говорил, что если бы мы вычеркнули этот пункт, то конференция представляла бы не совсем соблазнительную аналогию с социал-демократическим съездом в Лондоне. Я считаю, что только тогда боевая подготовка может вестись правильно, когда в основе ее есть серьезная социалистическая организация, а не просто бунтарская. Только на этом базисе может вестись настоящая боевая подготовка. Мы верим, однако, что солидные социалистические организации будут расти. Раз будет налицо такой фундамент, нечего будет бояться, что массы и сами товарищи будут возбуждаться и что следствием этого явится распадение организаций. Догматический, категорический отказ от работы по боевой подготовке масс был бы громадной тактической и принципиальной ошибкой, и впечатлением, ко-

торое произвел бы этот отказ на массы, мы не можем пренебрегать. Стоя за боевую подготовку, я не стою за боевизм: я стою за синтез, который — душа нашей партии. Я — против всякой революционной фразы и думаю, что революционной фразой эта подготовка не останется: есть места, где такая подготовка возможна уже и теперь, и число таких мест будет расти. Их, правда, немного; но и военной работы, и террора теперь не ведется, значит, это не аргумент. У многих товарищей в душе упорно шевелится мысль: как в такое гнилое время, как переживаемое нами, думать еще и о боевой подготовке? Но ведь пока длится это гнилое время, мы вообще будем не жить, а только перемогаться. Программа же наших действий — есть программа жизни, а не программа прозябания, «применительно к подлости» этого гнилого времени. Программа наших действий — программа выхода из этого тупика, из этого болота. И как только откроется этот выход, как только период перемоганья, прозябанья начнет сменяться периодом новой жизни — немедленно же, надеемся мы, растущая сила наших организаций даст развить нашу деятельность во всех направлениях. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Тов. **председатель** дает слово тов. Ливину для личного объяснения.

Тов. **Ливин**. 1) Слова «анекдот» я не произносил и никакого анекдотического элемента в свое изложение не вносил. 2) Неверно, будто я говорил о действиях партий, как об исчерпывающей причине теперешней общественной конъюнктуры; я усиленно подчеркивал **условный** характер влияния действий организованных групп и партий, поскольку оно видоизменяло события **стихийные**, не поддающиеся учету. А под «объяснением» я разумел констатирование **зависимостей** между фактами, а не **просто фактов**, и на этом-то и настаивал. 3) Неверно, будто я апеллировал к **марксизму** для подкрепления своей точки зрения, когда ссылался на письмо Г.А.Лопатина. Я говорил, что Маркс бывал часто в **практических случаях**, как выдающийся человек, выше своей теории, и что в данном случае он оказался, в сущности, выразителем точки зрения довольно **антимарксистской**. 4) Неверно, будто «в экономике — все мы — марксисты». Лично я, многие товарищи, и вообще многие социалисты, не разделяют экономических теорий Маркса. Ни социалистический Интернационал, ни даже официальная программа социалистов-революционеров не требуют никакого признания экономики Маркса. 5) Неверно, будто я отрицал необходимость анализа экономических факторов общественной конъюнктуры в применении к программе и тактике революционеров. Я только высказался против применения шаблонной марксистской публицистики, вроде того, например, что экономический подъем непременно противодействует рождению революционной психологии и — наоборот. 6) Неверно, будто я направил упреки Центральному Комитету по поводу допущения выступления Северного боевого отряда, — выступления, закончившегося провалом. Если

только дело было так, говорил я, как изобразил представитель Центрального Комитета, т.е. если выслежение боевиков полицией, ввиду предательства Масокина, и провал легко было предвидеть, как весьма вероятные, то Центральный Комитет ни в каком случае не должен был брать на свою ответственность подобного дела в такой обстановке, вместо того чтобы спасти ценных товарищей и возможную их дальнейшую работу в другой обстановке. Дело это слишком трагичное, чтобы вносить сюда полемический элемент, и мое искреннее убеждение таково, что Центральный Комитет совершил в этом деле крупную и тяжкую ошибку. 7) Неверно, будто я сказал, что я примыкаю к резолюции Центрального Комитета о моменте. Я сказал лишь, что я, с некоторыми оговорками, принимаю практические заключения резолюции, как более прогрессивные по сравнению с прошлым и теперь уже приближающиеся значительно к той тактике, которую я считаю правильной. Что касается освещения момента и аргументации, то я нахожу в ней много ошибочного, против чего я уже возражал и против чего я буду выдвигать контррезолюции и поправки.

Тов. председатель дает слово тов. Грачеву для личного объяснения.

Тов. Грачев. — Я не говорил, что манифест 17 октября был издан специально и сознательно с провокаторской целью. Я говорил только, что таковою оказалась его роль фактически. Конечно, этот манифест был вырван у самодержавия революционным народом; но когда правительство убедилось, что у революционного народа в действительности нет средств для удержания за собою уступок, сделанных в этом манифесте народу, то оно использовало его в провокационных целях.

Тов. председатель дает слово тов. Ленину для личного объяснения.

Тов. Ленин. Когда я говорил о практических выводах из мнения, будто манифест 17 октября был обдуманым провокационным актом, я вовсе не имел в виду тов. Грачева, а совершенно определенно указывал на «Революционную мысль», где говорится об «ошибках революционных партий». Собственное же мнение тов. Грачева я характеризовал, как неопределенное и недоконченное приближение к этой идее. Настаиваю, что слово «анекдот» было тов. Ливиним произнесено и мною записано именно в этой связи. «Итак, — говорил тов. Ливин, — нет никакой катастрофы, произошел только случайный зигзаг, эпизод, может быть, анекдот».

Вносится целый ряд поправок товарищами: Ивановым, Леманом¹⁹⁸, Григоровичем, Береславцевым, Симеоновским, Васильевой, Фурманом, Сергеевым, Чижевским, Павловским, Стекловым, Хреновым, Лаврецким, Ливиним и «группою лиц». (см. приложения).

Тов. председатель дает слово тов. Зотову к порядку заседания.

Тов. Зотов. Из прений выяснилось, что в общем конференция согласна с текстом резолюции, предложенной Центральным Комитетом. Расхождение обнаружилось по вопросу о боевой подготовке

масс. Я предлагаю поэтому избрать комиссию, которая рассмотрит все внесенные поправки и представит на обсуждение конференции два текста, соответствующие двум основным течениям. Это даст большую экономию времени.

Тов. **Оленин** (*к порядку*) предлагает прежде огласить все представленные поправки для того, чтобы выбрать из них те, которые носят принципиальный характер. Относительно таковых поправок конференция может высказаться немедленно путем голосования. Поправки несущественные будут сданы в комиссию, которая и выработает текст, руководясь высказанным конференцией отношением к вопросу о боевой подготовке масс.

Тов. **Вронский** (*к порядку*) соглашается с мнением тов. Оленина насчет необходимости решить прежде всего в принципе вопрос о том, считает ли конференция нужным оставить в резолюции пункт о боевой подготовке масс.

Конференция постановляет: произвести баллотировку вопроса, предложенного тов. Вронским.

Голосование этого вопроса дает следующий результат:

За сохранение пункта о боевой подготовке масс — 32 гол[оса].

Против — 11 гол[осов].

Тов. **председатель** оглашает результат голосования, после чего дает слово тов. Оленину к порядку.

Тов. **Оленин**. Имеется предложение произвести именное голосование. Четверть собрания за это предложение.

Тов. **председатель** объявляет перерыв на 5 минут.

(*После перерыва.*) Возникает вопрос о тексте, который будет подвергнут именному голосованию.

Тов. **Оленин** предлагает подвергнуть такому голосованию предложение т. Вронского — исключить боевую подготовку из числа партийных задач переживаемого момента.

Тов. **Сергеев** заявляет, что он не может вотировать, так как вопрос о боевой подготовке масс поставлен в слишком абсолютной форме: «да» или «нет». Оратор стоит за такую подготовку, если она будет отодвинута на задний план после организационной работы. Он — против нее, если ей будет отведено нашей деятельности такое же место, как и организационной работе. Поэтому он предлагает конференции предварительно высказаться относительно вносимой им поправки к резолюции Ц.К.

Тов. **Оленин** — высказывается против постановки на вотирование поправки тов. Сергеева ввиду крайней неопределенности и неудачности формулировки «отодвинуть на задний план».

Тов. **Сергеев** выражает свое согласие вместо слов «на задний план» сказать «на второй план».

Тов. **Григорович** — высказывается за голосование поправки тов. Сергеева.

Тов. **председатель** ставит на голосование вопрос, голосовать ли или не голосовать раньше предложения т. Вронского поправку тов. Сергеева.

Голосование дает следующий результат:

За голосование поправки тов. Сергеева — 26 голосов.

Против голосования — 10 голосов.

Конференция принимает голосование поправки тов. Сергеева.

Тов. Оленин. — Ввиду того, что нам предстоит голосовать поправку тов. Сергеева, я со своей стороны, предлагаю следующую измененную редакцию этой поправки: «Боевая подготовка обусловливается наличием крепкой партийной организации, ведущей серьезную социалистическую работу в данном месте». Прошу товарища председателя поставить и мою редакцию на голосование.

Тов. Стеклов считает излишним внесение поправки, предложенной тов. Лениным, так как это значило бы голосовать принцип. Серьезной социалистической организации в массах у нас теперь нет, и, вероятно, она не скоро будет. Поэтому и боевая подготовка, по смыслу поправки тов. Оленина, отлагается на неопределенное время.

Тов. Оленин полагает, что сказанное тов. Стекловым не может служить аргументом против такой поправки. Во-первых, у нас имеется небольшое число вполне серьезных организаций, и в них мы не можем отказаться от боевой подготовки, которой требуют вполне партийные массовые элементы. Во-вторых, если голосовать такую поправку, значит, голосовать общий принцип, то ввиду того, что некоторые речи против своевременности боевой подготовки граничили с ее принципиальным отрицанием, и такое голосование будет нелишним. В этом вопросе необходима, в такое смутное время, как переживаемое нами, полная определенность.

Тов. председатель ставит на голосование поправки т.т. Сергеева и Оленина в порядке их поступления, причем голосование производится поименно.

Голосование дает следующие результаты:

За поправку т. Сергеева — 21 голос.

Против нее — 32.

Воздержавшихся — 3.

Поправка тов. Сергеева конференцией отвергнута.

За поправку т. Оленина — 29 голосов.

Против нее — 14.

Воздержавшихся — 13.

Поправка тов. Оленина конференцией принята.

Тов. Вронский. В вопросе о боевой подготовке масс обнаружилось два основных течения, противоположных одно другому: одно — за нее, другое — против нее. Результат голосования поправки тов. Оленина еще не показывает числа тех товарищей, которые вообще считают теперь несвоевременным заниматься боевой подготовкой масс. Я прошу поэтому тов. председателя поставить на голосование мою поправку, формулирующую отрицательное отношение к боевой подготовке масс в данный момент.

Тов. председатель предлагает голосовать вопрос о том, следует ли ставить на баллотировку поправку тов. Вронского.

Голосование дает следующие результаты:

За баллотирование — 37 голосов.

Против него — 6.

Воздержавшихся — 0.

Баллотирование поправки тов. **Вронского** конференцией принято.

Тов. **председатель** предлагает баллотировать поправку тов. **Вронского**.

Голосование дает следующие результаты:

За поправку — 16 голосов.

Против нее — 31.

Воздержавшихся — 5.

Поправка тов. **Вронского** конференцией отвергнута.

Тов. **Сергеев** читает и просит занести в протокол следующее объяснение его по поводу его воздержания при голосовании части резолюции, касающейся боевой подготовки масс:

«Объяснение к моему воздержанию при поименном голосовании принципиальной резолюции по вопросу о боевой подготовке масс.

Ввиду того, что вопрос о содержании термина «боевая подготовка масс», не будучи вскрыт, понимался многими различно, а в предложенную резолюцию вошел без определения, также ввиду разделения принципиального голосования вопроса от вопроса о помещении или непомещении пункта о «боевой подготовке масс» в резолюции, что является нелогичным, так как одно предпрещает другое, а также ввиду того, что обратить внимание конференции на это президиум не дал мне возможности, что явилось нарушением моих прав, как участника собрания, — считая, что, в силу утомления собрания, такая постанова голосования, не встретив формального возражения, может повести к участию в голосовании «за» или «против» даже со стороны тех, кто был против всякой резолюции по этому вопросу, — ввиду всего этого, я, будучи в принципе как против предложенной, так и против всякой другой резолюции о боевой подготовке масс, — так как считаю, что вопрос этот достаточно освещается нашими общими принципиальными положениями, частью определяется отношением к частичным выступлениям, а разрешение его в определенном смысле резолюцией могло бы повести к нежелательным ограничениям (в случае его отрицательного решения) или к излишнему подчеркиванию (в случае положительного разрешения) и могло бы быть неправильно истолковано широкими массами, что я подробно и мотивировал в своем слове по этому вопросу, ввиду всего этого я принужден был воздержаться от голосования».

(Подписал) **Сергеев**.

По предложению тов. **председателя** избирается комиссия из трех членов для редактирования резолюции и по оценке современного момента.

Тов. **председатель** закрывает заседание.

**XV-е заседание
11-го августа утром**

Заседание открывается под председательством тов. Штейна в 9¹/₂ часов утра.

Тов. председатель. Согласно принятому порядку дня, нам следует приступить к обсуждению организационного вопроса. Но Организационное бюро уведомило президиум о прибытии 3-х членов конференции, представителей Украинской области, задержавшихся в пути. Я предлагаю собранию, прежде чем заняться организационным вопросом, выслушать доклады приехавших товарищей.

Тов. Федотов предлагает, ввиду недостатка времени, просить приехавших товарищей представить доклады в письменном виде для приобщения к протоколу.

Тов. Алексеев считает, что конференции необходимо не только выслушать доклады, но и обсудить их.

Тов. председатель ставит на голосование внесенное им предложение.

За выслушивание докладов — 27 гол[осов].

Против — 10 гол[осов].

Председатель дает слово для доклада представителю Воронежской губ.

Тов. Воронежский¹⁹⁹. В половине 1907 г. Воронежская организация была, можно сказать, в блестящем положении. В это время она насчитывала около сотни активных интеллигентных работников. Имелся выборный губернский комитет из 5 членов, городской комитет, союз пропагандистов, школа пропагандистов, зачатки военной организации, союз учащихся. Крестьянский комитет состоял из 12—15 чел. Было несколько крестьянских уездных организаций и всюду очень широкие связи с крестьянством. Губ. ком. имел в своем распоряжении хорошо оборудованную типографию. Это время совпадает с разгоном 2-й Думы и последним очередным губернским съездом. Неправильный учет момента в связи с положением партии по всей России и наличность повышенного настроения в массе крестьянства Воронежской губ. толкнули организацию на ложный тактический путь. Вместо того, чтобы использовать наличные силы и широкие массовые связи для расширения и укрепления партийных организаций, она стала готовиться к вооруженному восстанию, считая его единственным выходом из положения и оставляя поэтому в стороне органическую партийную работу. Направив все свои силы на подготовку вооруженного восстания, организация действительно объединила на этом лозунге широкие, хотя и разнородные, крестьянские массы, и это дало ей еще больше уверенности в необходимости вооруженного восстания в самом ближайшем будущем. После целого ряда съездов было решено заняться технической подготовкой к восстанию, причем выступление приурочивалось ко времени завершения подготовки. Последняя заключалась в организации боевых коллективов, гу-

бернских, уездных, сельских, которые должны были служить кадрами для широких масс, готовых к выступлению, в обучении этих коллективов необходимой части строевого дела, в изготовлении оружия, взрывчатых веществ, выработке планов и т.д. Все эти задачи до некоторой степени были осуществлены, хотя о сколько-нибудь серьезной подготовке боевой здесь и речи быть не может. Крестьяне, несомненно, были наэлектризованы боевыми лозунгами, но за отсутствием возможности приступить к восстанию, боевая энергия некоторой части их ушла на частные экспроприации и на аграрную войну с помещиками.

Как кончилось все дело, уже известно конференции из докладов представителя Украинской области и Ц.К. Разыгравшиеся в Воронежской губ. полицейские репрессии выхватили из рядов многих товарищей и сильно затормозили партийное дело. Связи с крестьянством не утрачены; в некоторых местах сохранились уездные районные организации, но в настоящее время силы организации слишком ослаблены, чтобы можно было думать об использовании все еще очень благоприятного для нашей партии положения. Губернский комитет продолжает функционировать. Ему удалось вновь обзавестись типографией и выпустить листки. Ощущается настоятельная необходимость в созыве губернского съезда как для возобновления комитета, так и для упорядочения общегубернской организации.

Тов. Курский²⁰⁰, представитель Курской губ. В деятельности партийной организации в Курской губ. первое место уделяется крестьянской работе, хотя там ведется и в настоящий момент правильная работа среди учащихся, в войсках и железнодорожном союзе. Во главе организации стоял комитет, который обслуживал всю организацию литературой и устраивал частые разъезды по деревням, ведя там непрерывно пропаганду и агитацию среди крестьян. Успешность работы среди крестьян была настолько значительна, что в короткое время пришлось устроить съезды в 9 уездах, устроить комитеты и связать селения с уездными организациями. В 3-х уездах работали свои типографии, выпускали листки, причем особое внимание было уделено местным злободневным вопросам. Во всех уездах происходили удачные массовки, в деревнях сами крестьяне устраивали кружки, вели пропаганду и вербовали членов партии. В настоящее время в Курской губернии имеются 7 сельских союзов, охватывающих 9 уездов и 4 рабочих союза на сахарных заводах. Из распространяемой в деревнях литературы особым вниманием пользовались: «Земля и Воля», «Труд», «За Народ», брошюры: «Кесарево Кесарю», «Какие нам нужны порядки», «Программа П.С.-Р.», «Крестьяне, организуйтесь сами». Читалось и много другой партийной литературы. Надо отметить, что литературы не хватало. Как ни часты были объезды деревень, их было слишком мало, п[отому] ч[то] у комитета было мало денежных средств. От интеллигенции совсем почти не посту-

пало денег, а крестьяне могли вносить только по 15—20 коп. с человека.

Благодаря влиянию организации, удалось провести несколько успешных сельских стачек, отказы от вступления в «Союз русского народа», выборы волостных властей и земских гласных. Но главное внимание было обращено на борьбу за сохранение общинных порядков. Борьба эта была довольно успешна, потому что там, где мы вели работу, выходов из общины было несравненно меньше, чем в местах, где мы влиянием не пользовались. Замечательно, что в общинах, из которых выделилось больше трети хозяйев, наблюдается стремление вернуться к старым порядкам. Объясняется это тем, что выделившиеся воочию увидели неудобства нового положения: враждебное отношение крестьянской массы, невозможность пасти скот на общинных выгонах, выдел плохих лугов и пр. Относительно аграрного террора следует отметить, что крестьяне охотно применяют его к тем помещикам, по инициативе которых происходят административные репрессии в деревнях: вызов войска, экзекуции, аресты и т.д. Что касается политического террора, то крестьяне сильно настаивают на необходимости давать отпор тем представителям власти, которые чинят зверства и насилия в деревнях. Докладчику был дан специальный наказ обратить на этот пункт внимание конференции.

Помимо этого там, где идет успешно работа, где составились группы в 30—40 чел. крестьян, выдвигается вопрос о военной подготовке и вооружении на случай экзекуции и разгромов со стороны властей.

Доклад свой тов. **Курский** заканчивает указанием на характер литературы, который теперь требуется в деревнях. Помимо литературы чисто агитационной, необходимо озаботиться о популярной литературе по теоретическим вопросам нашей программы: напр., что такое социализация земли, демократическая республика, община и т.д. Хорошо читались бы более серьезные книги по вопросам социально-экономическим и политическим.

Тов. **Борисова**²⁰¹, представительница Харьковской губ. Докладчица работала раньше в Воронежской губ. и только осенью прошлого года перешла в Харьковскую губ. Положение дел там оказалось лучше, чем она ожидала по дошедшим до нее слухам. В частности, работа среди крестьянства могла быть поставлена так широко, как только позволяли наличные силы организации. В настоящее время работа среди крестьянства ведется в 6 уездах, в которых имеется до 35 более или менее сплоченных организаций. В некоторых из них насчитывается значительное число членов, — до 100 ч. Настроение в крестьянстве в общем повышенное. Крестьянский съезд обнаружил большую сознательность и самостоятельность. Небольшая группа интеллигентов, участвовавших в съезде, совершенно терялась в крепкой крестьянской массе.

В деревнях происходили стачки, направленные против помещичьих хозяйств, были и террористические акты. Вообще крестья-

не в высшей степени сочувственно относятся к террору и, следовательно бы, чтобы руководящие партийные органы учитывали это настроение масс. Крестьяне сознательно бойкотируют землеустроительные комиссии, твердо убежденные, что с этой стороны им добра ждать нечего. Кроме стачек в помещичьих экономиях, крестьяне также применяют бойкот по отношению к помещикам, требующим слишком высокую арендную плату за землю.

Литература наша ходко распространяется в крестьянской массе Харьковской губ., но ее недостаточно. Особенно требуются листки.

Ко всякого рода кооперативам крестьяне относятся положительно, считая их вещь полезной. И действительно, кооперативы помогают воспитанию масс и организации, но конечно, они не могут быть признаны средством революционной борьбы, которая одна теперь стоит на исторической очереди.

По заслушании докладов председатель предлагает желающим поставить вопросы докладчикам.

Тов. Бюзанд предлагает, ввиду недостатка времени, вопросов по поводу заслушанных докладов в общем собрании конференции не возбуждать.

Вопросы были заданы докладчикам товарищами Февралевым, Бородкиным, Грачевым, Соломиным и Голубевым. После пятиминутного перерыва докладчиками были даны следующие разъяснения по поводу поставленных им вопросов.

Тов. Курский. 1) Относительно существования разлада между с.-д. и с.-р. в беспартийных союзах надо сказать, что союзы эти не являются правилом. Обыкновенно сознательные элементы объединяются в строго партийные организации и ведут даже самостоятельно партийную работу. Но там, где беспартийные союзы существуют, раздоров не замечается, потому что крестьяне отлично сознают ценность объединения. 2) Выходы из общины бывают, но случайные и единичные. Замечается выжидательное положение у тех, кто желал бы выделиться. В общем крестьяне остаются крепкими общине. Но не все отдают себе отчет в том значении, какое имеет выход из общины. Во всяком случае, выделение из общины до сих пор еще практических результатов не дало. А когда результаты эти станут проявляться, произойдет сильное движение внутри самого крестьянства. 3) К политике крестьяне относятся положительно, находя, что необходимо бороться за права и требовать от помещиков определенных участков земли на общества. «А чтобы помещики дали земли, — рассуждают крестьяне, — их надо запугивать: писать в прокламациях, что помещики и управляющие будут истребляемы, если не будет крестьянам земли». Крестьяне вообще сочувственно относятся к террору не только в отношении помещиков, но и всяких представителей администрации. 4) Связь с городами у крестьян слаба, потому что в наших городских организациях людей слишком мало и обслуживать крестьянские организации они не могут. Крестьяне организуются по селам в выборные группы, а группы эти объединяются в междууездные комите-

ты. В одном из съездов, на котором был выбран междуездный комитет, участвовало около 60 крестьянских представителей. Объединяются исключительно партийные элементы, и дело ведется очень конспиративно. 5) Среди войска работа идет, но слабо. Главным образом она сводится к распространению нашей партийной литературы.

Тов. Воронежский к сказанному тов. Курским прибавляет, что в крестьянстве замечается сильное стремление к объединению. Там, где уже существуют беспартийные организации, партийные прививаются слабо, и наоборот. Выход из общины в Воронежской губ. не велик, — около 3 проц[ентов]. Случаев массового или коллективного выхода не было. К помещикам крестьяне обнаруживают крайнее озлобление. Были попытки создать специальные боевые дружины для борьбы с помещиками, но попытки не удались.

Тов. Борисова сообщает следующее о крестьянских милициях в Воронежской губ. После разгона 2-й Думы быстро организовался крестьянский съезд. Решили идти за настроением больших крестьянских масс и готовиться к вооруженному восстанию. «Правительство опирается на войско. Но войско — мы сами. Вот мы и станем против правительства». Исходя из этих чисто крестьянских идей, крестьяне сами стали организовываться по указаниям тех из своих, которые знали военную службу. Завели даже себе военно-революционную почту. Куда девались организованные милиции? 2000 чел. сидят по тюрьмам, остальные притаились. Но они выступают, когда пробьет час.

Тов. председатель объявляет исчерпанными замечания по поводу докладов, представленных представителями Курской, Харьковской и Воронежской губ. и дает слово тов. Голубеву для доклада по организационному вопросу.

Тов. Голубев. Из предыдущих прений вполне выяснилось отношение конференции к вопросу об оценке современного момента. Из оценки этой вытекает для партии необходимость внести в свою организационную политику некоторые видоизменения, которые Ц.К. и подвергает теперь обсуждению общепартийной конференции. Позвольте мне поделиться с вами по поводу плана Ц.К. некоторыми личными соображениями, вынесенными мною из опыта.

Как известно, наш организационный устав был намечен на первом съезде партии, в эпоху свобод, когда партия не только стала массовой, но и могла выступать открыто. В массе интеллигенции и до известной степени в рядах партии господствовало по отношению к перемене политического строя в России настроение настолько оптимистическое, что на съезде был поднят и серьезно дебатировался вопрос о легализации партии. Правда, громадным большинством съезд признал легализацию партии вполне преждевременной. Но это оптимистическое настроение не могло не оказать своего влияния на выработку организационного устава, в смысле применения его к новым условиям общественной жизни, к вырисовывавшейся возможности широких массовых организаций. Сооб-

разно с этим в основу устава были наложены демократические начала выборности всех органов партии, — демократические начала, являющиеся залогом самостоятельности партийных масс.

Предложение поручить Ц.К. выработку вполне демократического организационного устава было принято съездом единогласно, что в достаточной степени характеризует тогдашнее настроение партии. Поручение, возложенное на него, Ц.К. исполнил, и мы имеем вполне демократический устав, который функционирует вот уже два с лишним года, и мы имеем теперь возможность судить, насколько он удовлетворяет требованиям партийной работы.

Сначала в организации все шло гладко. 1906-й год был, по преимуществу, годом агитационной деятельности партии. Перед нами открылась широкая возможность распространять наши идеи в народных массах, и год этот, несомненно знаменует грандиозный рост партии, превзошедший наши самые смелые ожидания. Но рост этот был стихийным, а не планомерным. Наше организационное воздействие на партийные массы было очень слабым, не было поэтому их организационного закрепления в единое целое. Тут стали обнаруживаться недостатки нашего организационного механизма. Степень организованности партии была очень слаба. Это сказалось в период 1-й Государственной думы, когда партийный лозунг бойкота совершенно не мог быть осуществлен партийными организациями, несмотря на все их единодушие по этому вопросу. Во 2-ю Думу мы выбирали; но туда, в местах нашего влияния, часто даже под партийным флагом, попадали элементы нежелательные; и разве не поэтому, в конце концов, мы не сумели использовать ее, как следовало? Третью Думу мы решили бойкотировать; но наши организации не смогли и здесь провести активного, планомерного бойкота; был лишь пассивный, не организованный бойкот масс. Виновато в этом, конечно, в большей степени общее положение дел. Но нельзя умолчать о том, что наша неурядливость и несплоченность были одними из причин нашего успеха.

С падением революционной волны и водворением реакции положение организационного дела значительно ухудшилось. Следовавшие друг за другом полицейские разгромы постигли громадное большинство организаций и привели к ослаблению организационной связи во всей партии. Стал обнаруживаться разброд. На местах появились крайне нежелательные течения, которые фактически выразились в допущении частных экспроприаций, в революционном хулиганстве, в ложно понятом и ложно направленном «боевизме». Ц.К. старался бороться с этими течениями, но вся постановка организационного дела была такова, что борьба эта иногда могла носить только бумажный характер.

Действительность показала, что в момент вступления в жизнь нашего организационного устава, партийные организации оказались бессильными противостоять внешним условиям, которые становились все более и более суровыми. Даже уход части партийных

элементов к н.с.-ам и к максималистам до известной степени, на мой взгляд, объясняется организационной неурядицей.

История партии за последние два года показывает нам, что, когда правительство решило вступить в борьбу с нами, как с организованной силой, наши организации не устояли против натиска. Из выслушанных докладов с мест вытекает с полной очевидностью, что мы разбиты, как организация, хотя держимся всюду, как массовая, но аморфная партия. Отовсюду слышен один крик: мало организованных сил, работа идет непланомерно и неполно, так как нет никакого соответствия между наличными силами и теми широкими массами, которые ждут и требуют их приложения. А главное, нет объединяющих центров, которые могли бы координировать имеющиеся силы и рационально ассоциировать к ним новые. Приходится сказать, что настоящей организации нет, хотя партийная работа, часто самопроизвольная, идет широким размахом. Но если нет организации, то необходимо создать ее, необходимо приняться за партийное строительство, о котором здесь не раз уже была речь. Но как предпринять эту работу строительства, с какого конца начать ее? Прежде всего, необходимо собрать отдельные части, собрать имеющиеся силы и сплотить их вокруг твердых, устойчивых центров. Внешние политические условия, как они ни суровы, не могут быть нам препятствием на этом пути. Партия наша выросла и окрепла, как организация, в эпоху Плеве, и она и теперь сумеет успешно провести дело организации, несмотря на всю тяжесть полицейских репрессий. Но, само собою разумеется, для этого ей необходимо применять методы, приспособленные к условиям времени и, так сказать, продиктованные ими. Эпохе бешеной реакции со стороны правительства должна соответствовать со стороны революционеров эпоха конспиративной, сильно централизованной организации, которая обеспечивает единство партийного действия с наименьшей затратой сил. Но как гарантировать конспиративность организации, когда строится она на выборном начале, т.е., когда в созидании ее участвует масса лиц, далеко не всегда умеющих вести себя конспиративно и даже не всегда отдающих себе ясный отчет в необходимости конспиративности? Такой гарантии, к несчастью, нет. И не подлежит никакому сомнению, что в очень многих случаях выборность партийных организаций, их полуоткрытый, а и иногда и совсем открытый, характер, сильно облегчает задачу деятелям правительственной репрессии.

Надо иметь мужество сказать открыто, что выборное начало, положенное в основу нашего организационного устава, не дало нам — конечно, по условиям времени — того, что обещало. Качество организации не стало лучше после того, как она обновилась путем выборов. Не было замечено ни увеличения ее работоспособности, ни укрепления ее влияния на партийные массы. Напротив того, нередко в выборную организацию попадали такие элементы, которые вносили разлад в партийное дело.

Но помимо всех соображений об удобствах или неудобствах выборной организации, нам приходится прежде всего считаться с действительностью, с тем грубым фактом, что жизнь отменила выборное начало в нашей организации. Ибо из числа существующих партийных комитетов только 20 процентов выборных, остальные 80 проц. возникли путем кооптации или назначения. Да и едва ли когда-нибудь применялось у нас полностью выборное начало в построении организации, потому что условия, в которых мы живем, еще не создали для него благоприятной почвы. Выборное начало и раньше в значительной степени было фикцией, а теперь больше чем когда-либо.

Но каков выход из этого положения? Оставить совсем в стороне выборное начало и уйти опять целиком в подполье? Такое решение вопроса невозможно уже по тому одному, что мы — массовая партия, что наша основная задача и весь смысл нашего существования, как партии, заключается в массовой работе. Поэтому в строительстве партии следует отличать две стороны: работу по организации трудовых масс и работу организации партийных кадров, на которых и лежит планомерное осуществление всего партийного дела. Поскольку дело идет о массовых организациях, так сказать, первичного характера — братствах в крестьянстве, рабочих комитетах на фабриках и заводах, уездных комитетах — наша организационная политика должна руководиться стремлением привлечь возможно широкие слои масс, и здесь применение самых широких демократических принципов является вполне целесообразным. Иначе дело обстоит с организациями высшего порядка — губернскими и областными комитетами, — которые более всего подвержены ударам полиции и разрушению которых самым губительным образом отражается на той партийной работе, которую они призваны направлять. Тут выборное начало, которое в значительной степени уменьшает конспиративный характер этих коллективов, является прямой и непосредственной опасностью для их существования. Как уже замечено выше, в 4-х случаях из 5-ти выборность комитетов является фикцией. Часто оставшийся в единственном числе выборный член комитета кооптирует себе по своему усмотрению товарищей, и такой комитет продолжает законно функционировать, несмотря на то, что полномочия свои он получил не от партийных избирателей и не от высшего ответственного органа партии — Ц.К., а от единственного уцелевшего выборного члена, компетентность которого определяется им самим. Такой порядок вещей необходимо изменить, если мы хотим, чтобы комитеты, особенно областные, были тем, чем они должны быть: руководящими центрами, обеспечивающими идейное и организационное единство партии. Необходимо, чтобы состав комитетов являлся гарантией их коллективной деятельности и коллективной ответственности перед партией.

Ввиду всего вышесказанного я поддерживаю тот проект изменений в нашей организационной политике, который внесен на об-

суждение конференции Ц.К.-том. С моей личной точки зрения, это — *minimum*, без которого организационное строительство партии с участием центральных организаций будет полнейшей фикцией.

(Заседание закрывается.)

XVI заседание 11-го августа, после обеда

Председатель открывает собрание в 2¹/₄ ч.

Тов. **Лаврецкий** предлагает сначала обсуждать общие принципиальные положения доклада Ц.К. по организационному вопросу, а затем перейти к обсуждению отдельных пунктов и предположений.

Председатель ставит это предложение на баллотировку. Отвергнуто большинством.

Тов. **Федотов**. Докладчик, поддерживавший, как *minimum*, проект Ц.К., развивал взгляды на современное положение, приводил факты, доказывал, что прежняя форма организации непригодна. Организация строилась на демократических началах, вводила элементы неопределенные, являлся вопрос — партийны ли они. Широкий демократизм привел к тем печальным явлениям в жизни партии, о которых так много говорилось здесь. Масса лиц входит в организации с целью провокации, многие уходят. Эти элементы вносят разложение в партию. Исцелить ее может усиление централизма. Докладчик привел даже пример. Во время выборов в Гос. думу бойкот осуществился не благодаря директивам партии, а скорее был следствием индифферентизма масс. При ином построении организации влияние партии было бы, быть может, сильнее и действенней.

По существу, докладчик не привел ни одного ценного доказательства за централизацию. Провокация не уничтожится благодаря централистическому строению партии. Оратор убежден, что провокационные элементы не могут пройти именно при применении принципа демократизма. Опыт доказывает это.

Нам говорят, что члены комитетов областных, губернских, уездных могут быть назначаемы Ц.К. там, где он найдет нужным это сделать. Но назначены будут один, два, остальных приезжие должны будут кооптировать из местных сил, которых они, в сущности, не знают. Отсюда неизбежна кооптация по знакомству. Важно, что при выборном начале местный коллектив выбирается местными людьми, хорошо знающими выбираемых. Кроме того, новые приезжие люди не могут быстро ознакомиться с местными условиями — неизбежны конфликты.

Например, в Петербурге, комитет посажен сверху, а наряду с ним существует рабочая организация, которая, кажется, имеет отдельный орган. Отсюда 2 власти, 2 органа. Одна власть от Ц.К.,

другая — представительница демократии. И вот, по словам товарища рабочего из Петербурга, происходят неизбежные трения, несогласия. Такое же положение может создаться и в других местностях. Можно быть заранее уверенным, что Бакинская организация не согласится с такой постановкой организационного дела. Хотят расширить организационный устав, принятый на первом съезде. Но этот устав имеет достаточно данных для применения власти Ц.К. Расширять это право не следует.

Сплотить партию, очистить ее от нежелательных элементов нужно, но для этого нет надобности отказываться от демократического начала. Провокация усиливается с ростом реакции, но выборочное начало в этом неповинно. Что подтянуться необходимо — это верно, но централизм делу не поможет.

Тов. Стеклов. Во многом присоединяется к предыдущему оратору.

Важно знать, куда будет направлена организационная система. По резолюции, задачей она себе ставит — сплотить силы вокруг центров. Докладчик говорил, что Ц.К. приказывал, уведомлял, а партия не исполняла. Почему? По словам докладчика, не было дисциплины. Да, дисциплины было мало, но виной тому не недостатки устава. Партия не была на высоте требований — состав ее плох. Это не изменится с усилением компетенции центра. Необходим подъем снизу, более идейное сплочение. Надо углубить работу внизу. Организационный устав дает лишь рамки. Организационный план должен соответствовать той позиции, которую мы теперь заняли, как большая массовая партия.

Прошлый устав страдал тем, что не давал возможности проявиться инициативе на местах, вследствие чего уровень работников понижается; всегда ожидали директив сверху. От этой традиции необходимо отделаться.

Необходимы два мерила при построении организационного устава: 1 — применительно к внешним полицейским условиям, 2 — применительно к внутреннему составу партии.

Ц.К. надеется, что его план будет соответствовать этим условиям. Но это неверно. Наша цель — сплочение, но не формальное, которое предлагается по уставу Ц.К. В последнем говорится, что нет обл. комитетов, отсюда план, как их ставить. Но необходимо доказать, что следует прежде всего заботиться о постановке областных комитетов, а не местных.

Из-за полицейских условий следовало бы скорей назначать организации внизу, а выбирать наверху. Ведь провокация, главным образом, действует снизу, и при выборном начале ей легче проникнуть наверх. Если могут ошибиться 20 человек, выбирая, то где гарантия, что не ошибется один, подбирая? Прием в партию должен быть более осмотрителен и в этом гарантия оздоровления партии. Нам говорят, что 10 человек Ц.К. не в силах обслуживать всю Россию, это, несомненно, верно, но зачем же Ц.К. берет на себя новую непосильную задачу назначения организаций?

Провокация существует и в широких размерах, но никакая кооптация не искоренит ее. Она — следствие деморализации.

Проект Ц.К. не гарантирует от трений. В Москве назначенная организационная комиссия ничего не дала. Распускать местные организации ни Ц.К., ни обл. ком. не должны иметь права. Их могут распускать только съезды. Может быть, лучшей политикой было бы совсем отказаться от обл. комитетов, там, где их нет. Например, в Таврическом союзе сейчас нет обл. ком., и это к лучшему. Он был раньше — и все равно никто его не видал.

Нужны обл. бюро для технических сношений, а решать текущие вопросы будут областные конференции.

Тов. Павловский. Организационный вопрос может трактоваться не только как вопрос практики, он может и должен освещаться и теоретически. В организационном вопросе надо руководствоваться стремлением, во-первых, выработать в своих собственных взаимоотношениях начала демократии, во-вторых — установить соответствие между основными задачами партии и формами осуществления их. Как социалистические, наши организации должны реализовать максимум демократических требований; как революционные же, наши организации фактически лишены возможности осуществлять эти общепринятые принципы. Мы ни на минуту не можем забывать про конспиративный, т.е. до известной степени заговорщический элемент, который по необходимости должен играть заметную роль в нашей партийной деятельности.

Если, как партия массовая, мы не можем отказаться от привлечения этих масс к непосредственному участию в партийной работе, то ведь участие это возможно лишь при определенном организационном строительстве, именно на почве широкого развития основных демократических принципов. С другой стороны, как революционеры и заговорщики, мы должны выработать такой план организации, при котором наша партия представляла бы собою чрезвычайно сложный и гибкий аппарат. Он должен быть таков, чтобы и возможно менее подвергаться уязвлению со стороны правительства, и возможно решительнее наносить ему удары.

С этой точки зрения принятая вчера резолюция о боевой подготовке масс является решающей. Но конференция не только приняла определенную резолюцию, здесь высказывалась мысль, что желанный всеми момент атаки против «центра центров» должен быть неизбежным преддверием народного движения; он оправдывается расчетами на самостоятельное подготавливание этого движения в глубинах настроения страны. Если так, то надо заняться организацией военно-боевого аппарата, который способен был бы взять на себя, с одной стороны, задачу совершения определенных актов, а с другой — направить и организовать то великое народное движение, которое мыслится как неизбежный результат жизни, поводом для обнаружения которого может явиться совершение этих актов. О широкой массовой, демократически построен-

ной организации здесь — при нынешнем торжестве контрреволюции — не может быть и речи.

Что, собственно, представляет теперь собою партия по отношению к массам? Партия — группа более или менее солидаризировавшихся между собой людей, ставящих себе определенную программу преобразования общества, наметивших условия и средства этого преобразования. С такой программой мы отправляемся к массам, мы подбираем к себе массы, и с этой точки зрения мы раз навсегда должны отказаться от идеи полного саморастворения в политически аморфных, лишь «сочувствующих» нам массах, о чем здесь говорили некоторые товарищи. Нам именно грозит это растворение, если будет слаба общепартийная связь, если не изменится коренным образом картина, полученная от докладов с мест и сплошь и рядом свидетельствующая о полном ослаблении связующих нитей организации. Не касаясь подробностей форм, в которых эта связь может быть всего лучше осуществлена, можно указать, что система областных комитетов вполне соответствует этой цели. В усилении партийной связи залог нашего будущего, будущности нашей партии. Необходимо расширить компетенцию Центрального Комитета в целях укрепления партийной связи. Совершенно непонятна точка зрения товарища, который этот диктуемый условиями момент и задачами партии акт рассматривает как покушение на инициативу и самостоятельность местных работников. Установить и усилить общепартийное единение возможно лишь путем развития самостоятельности местных организаций, поднятия и расширения кругозора их деятельности.

Тов. Бородин. При обсуждении на местах у нас не было розданных сегодня листков с намеченными практическими мерами изменений или, точнее, дополнений организационного устава. Мы видели лишь намерение Ц.К. ослабить при данных полицейских условиях демократическое начало в партии. Теперь я вижу, что эти намерения заходят не так далеко, как нам казалось раньше. Но и тогда мы в общем соглашались с Ц.К., но при известных условиях. Ясно, что нередко на местах нет людей и не из кого выбирать комитет, некому с достоинством представлять партию, некому ставить работу и т.д. Все это верно. Но ведь у нас в партии нет догмата непогрешимости Ц.К., и за римского папу мы его не считаем. Возможно, что он не всегда сможет подобрать людей как следует. Могут возникать трения. Спрашивается, как гарантировать лучший подбор людей? Сам Ц.К. всех работников знать не может. Очевидно, нужно или расширить Орг. бюро, пополнив его специалистами от всех отраслей партийной работы, или создать при Ц.К. специальные комиссии (крестьянскую, рабочую и т.д.). Только тогда смогут подбирать работников. Эти комиссии у нас бывали, но как-то непостоянно, спорадически. Затем ведь может возникать недовольство роспуском местных комитетов и т.д. Для разбора конфликтов, для апелляции к партии необходимо или чаще, чем теперь созывать Советы партии, или созвать какие-либо

комиссии и т.д. Никто, конечно, не желает таких конфликтов, но ведь они возможны.

И вот, считаясь с этим, я признаю необходимым условием при усилении прав Ц.К. создать в партии и возможность апеллировать на его решения в известных случаях. А теперь у нас Совет партии собирается очень редко, — его не было ровно год. И вот, например, в частности укажу на Сев.-Кавказский обл. комитет. Уже 10 месяцев как он распущен Ц.К., товарищи хотели обратиться к Совету, но его до сих пор не было. Ясно, что при новых условиях необходимо, ввиду возможности конфликтов, чаще созывать Совет партии.

Вопрос о связи Ц.К. с местными организациями и сейчас не освещен. В каких именно формах предполагается усиление этой связи? В организационных вопросах недостаточно одних пожеланий — необходимо указывать и определенные формы. Что же предполагается? Чаще ли будут созываться Советы партии, будут ли чаще поездки членов самого Ц.К. по партии, наконец, может быть, увеличить число уполномоченных Ц.К. при областях? Желательно знать ответ.

В заключение — одна просьба. У нас в партии был принят за эти годы целый ряд решений и постановлений, в частности, по организационному вопросу и т.д. Одни из них действуют, другие отменены — толком не разберешься. Поэтому я усиленно просил бы, чтобы нам кодифицировали их, издали сборник этих решений и постановлений. А то никак нельзя разобраться, сам толком не понимаешь, а партийных юрисконсультов пока еще нет (*смех*).

Тов. Грачев. Совершенно согласен, что нельзя оставить в силе прежний демократический принцип. Нельзя забывать, в какое время составлялся наш устав. Ежедневно приходят сведения о провалах. Полицейские условия теперь гораздо хуже, чем изобразил нам тов. Оленин. Раньше ссылали, присуждали к 2—3 годам крепости, а теперь в подобных же случаях применяется не 126, а 102 статья. Положение изменилось, и соответственно этому необходима иная организация. Но нельзя согласиться с тем, чтобы вся власть перешла в руки Ц.К. Фактически Ц.К. не может справиться со всей работой, не смог объехать всю Россию. Орг. бюро сидит на месте и не знакомится с положением дел на местах. Тов. Грачев суммирует следующим образом свои мнения о положении дел в партии:

1) Необходимо создавать партийных работников. Это главная задача.

2) Необходимо урегулировать вопрос о финансах партии. Как составляются денежные средства организаций? Частные экспроприации запрещены, а между тем в Баку почти ежедневно приходят к богатым и требуют определенной суммы. И богатые дают, так как боятся отказать. Все знают об этом и не протестуют. Как относиться к этому?

3) Малочисленность нашего Ц.К. — несомненное зло. Пополнение кооптацией — это форма образования, организации путем искусственного подбора. Естественно, что Ц.К. не станет кооптировать людей с мнениями, противоречащими его собственным. Отсюда становятся вполне понятными слова одного из членов Ц.К., говорившего частным образом одному товарищу, что состав Ц.К. не полон, вследствие того, что некого кооптировать.

Необходимо увеличить число выборных членов и на некоторых из них возложить специальную функцию объезжать организацию. Все члены Ц.К. не должны этого делать.

4) Из многих докладов видно, что крестьяне и рабочие требуют пропагандистов с большими знаниями. Это также относится к организационному вопросу.

Люди, распространяющие наши идеи, должны обладать солидным запасом знаний. Об этом необходимо озаботиться. При возникновении трений между обл. ком. и другими организациями вопросы эти должны рассматриваться выборными съездами, а не назначенными уполномоченными.

Тов. **Февралев**. Буду возражать главным образом гг. Стеклову и Федорову. Будучи принципиально сторонником строительства партии на самых широких демократических началах, не могу не указать на то, что демократические принципы на почве русских условий часто превращаются в принципы демагогические. Сошлюсь на наиболее характерный пример пресловутой Московской организации. Вот что мне сообщили: за зиму 1906—1907 г. состоялось три—четыре конференции Московской организации. Почти все время конференций было занято обсуждением организационных вопросов и переработкой устава. Несмотря на интенсивную работу этих конференций, дело не подвигалось. Демагоги требовали самых широких демократических реформ, уничтожения права кооптации и т.п. Они увлекли за собою значительную часть рабочих. И в этот период Москва была рассадником провокаций. Организации лопались одна за другою, а «демократические принципы» находили все больше и больше применение в организации. Этот «демократизм» наконец дошел до того, что при избрании Московского комитета были выпущены бюллетени в количестве нескольких сот экземпляров, на которых были напечатаны черным по белому имена всех кандидатов в Московский комитет, причем бюллетени так и были озаглавлены: «Список кандидатов в Московский комитет П.С.-Р». Дальше этого идти было некуда. Но... большинство бюллетеней было возвращено периферией обратно, т.к. выяснилось, что клички кандидатов в большинстве случаев были неизвестны избирателям. Приходилось — или голосовать согласно демагогическому рецепту, осуществляя «всеобщее, прямое, равное и тайное» голосование, — но голосовать, не зная, за кого голосуешь; или производить выборы по двух- и трехстепенной системе. Приведенный пример наиболее типичный. Можно указать еще на много случаев, когда нашим организациям приходится про-

изводить выборы таким способом: созываются на конференцию люди, друг друга не знающие. Только на конференции выясняются физиономии кандидатов в комитет (а конференции эти продолжаются иногда всего лишь несколько часов). Избирают в комитет, конечно, товарищей, привыкших толково и умно рассуждать, т.е. сплошь и рядом могущих быть хорошими агитаторами, пропагандистами, ораторами; хорошие же организаторы, конспираторы и проч., благодаря таким выборам, могут в комитеты не пройти. Но ведь нам нужны практические комитеты, а не комитеты краснобаев. Но хорошо еще, если организация имеет возможность собраться и есть кому собираться. Часто же приходится видеть такого рода организации, где при наличии работников, выполняющих те или иные функции, не из кого выбрать комитет, на обязанности которого лежат функции более сложные и ответственные; особенно это замечается в организациях разгромленных, где работники подбираются из людей новых, неопытных еще в организационном смысле или — бывает и так — не окончательно оформившихся в партийном смысле. Благодаря последнему обстоятельству создается положение, о котором мы слышали из большинства докладов: при наличии запросов в низах и даже существовании организаций низшего порядка, последние плохо функционируют, и запросы не удовлетворяются благодаря отсутствию органов высших уездных, губернских и областных центров, которые не функционируют благодаря указанным выше условиям. Создается положение, выход из которого один: там, где выборы жизнью превращены в фикцию, нужны назначение и кооптация. Должен оговориться, что все сказанное относится лишь к организациям, находящимся в условиях, не дающих возможности осуществлять свое избирательное право. Само собою разумеется, что назначение не должно иметь место в организациях, могущих осуществить это право, и назначение может быть допущено лишь как временный корректив, долженствующий быть отмененным тотчас же, как только создадутся условия, обеспечивающие наличность избираемых центральных учреждений. И в этом смысле я не могу согласиться с постановкой вопроса, делаемой Ц.К., поскольку это относится к п. 2 и 3 организационного вопроса (см. Извещение о съезде конференции). В этих параграфах намечается общая тенденция к усилению власти Ц.К. и проведению начала назначения в партию (а не в некоторых только партийных организациях, на что прошу обратить внимание); и в то время как должна проводиться тенденция как раз обратная, т.е. применяя назначение, там, где это вызвано существенными потребностями, необходимо стремиться к восстановлению нормального порядка, т.е. функционированию выборных комитетов. Точно так же в предложениях Ц.К., розданных нам сегодня, ничего не говорится, до какого же срока могут действовать назначенные комитеты и где те гарантии, что сроки эти не затянутся дольше, чем следует, и при полнейшей возможности функционирования избранных комитетов будут оставаться кооптирован-

ные? Чтобы не отнимать у вас времени и не повторяться — в остальном я присоединяюсь к предложениям тов. Бородкина.

Тов. Антонова. Тов. Бородкин почти исчерпал вопрос, но не отменил 4-го пункта проекта. Последний исключает всю резолюцию, желая дать права кооптированным работникам в комитетах. Фактически их лишают этих прав, отказывая им в возможности присутствовать на съездах с решающим голосом.

Т.т. Федотов и Стеклов неудачно ссылались на пример Петербурга. Прежде всего Ц.К. не назначенный, а кооптированный. В нем оставались два выборных, которые кооптировали себе остальных. Кроме того, именно у этого Ц.К. не было трений с рабочей организацией. Товарищ рабочий из Петербурга может подтвердить, что если трения были, то с прежним выборным комитетом.

Резолюция Ц.К. по организационному вопросу обсуждалась на городской рабочей конференции. За нее высказались 3, против — 8, воздержалось — 7.

То, что воздержались 7, доказывает, что они отнеслись, если не сочувственно, то и не отрицательно.

Тов. Бородкин предлагает учредить комиссии при Ц.К. Последний имеет на это право. Но это нежелательно в данный момент. Наиболее ценные, деятельные люди будут оторваны от местной работы для того, чтобы заседать в комиссиях. Интересно знать, какими правами будут наделены эти комиссии. Нам говорил докладчик Ц.К., что Орг. бюро не имеет решающего голоса, это лишь канцелярия Ц.К. Другой докладчик повторил, что это подсобное учреждение Ц.К. имеет много обязанностей, но мало прав. В жизни мы наблюдали иное. Пет[ербургский] к[омитет] распустил Выборгский район. В листке «Из партийных материалов», издаваемых Орг. б., была об этом заметка со следующим добавлением: «Орг. б. находит это решение вполне правильным».

Если Орг. б. может утверждать то, что постановлено П.К., то значит, оно имеет права.

Тов. Южанин. Правильная постановка вопроса гарантирует правильное разрешение его. Необходимо руководствоваться докладами с мест. Нужно позаботиться о том, чтобы установилась внутренняя, крепкая связь между организациями. В докладах констатировался факт распада организаций.

Ближайшая задача для нас, это — увеличить число умелых работников и расположить работу так, чтобы максимум действия получался при минимальной затрате сил. Тогда сохранится творческая энергия. К сожалению, приходится констатировать одно явление, а именно, что Ц.К. не знает того, что делается на местах, не может умело распределить силы. При достаточном количестве работников и правильном распределении сил, выборное начало не вредно. Вопрос на очереди стоит о том, чтобы оздоровить местные организации, а не о том, чтобы усиливать централизм.

Тов. Борисова. Организационный вопрос в настоящее время — вопрос огромной важности. Нас мало, а работа громадна.

Народ любит, ценит партию. Никто лучше крестьян не сумеет выбирать подходящих комитетчиков. Воронежские крестьяне всегда выбирали с тактом людей, стоящих за их интересы. Но приходится считаться с тем, что мы стоим не на высоте, мы ниже наших предшественников.

Раньше и интеллигенция, и народ шли вместе. Но вот начался период реакции. Интеллигенция, сыгравшая громадную роль, отхлынула от дела, но народ, крестьяне восприняли то, чему их учила интеллигенция; к несчастью, он не успел еще выдвинуть работников, могущих взять все дело в свои руки. Если мы откажемся от демократических выборов, то поставим дело освобождения народа в тяжелые условия. Кучка оставшейся интеллигенции не сможет справиться с этим громадным делом. Сам народ уже отыскивает способы для осуществления нового порядка жизни.

В эволюции нашей партии теперь замечаются две тенденции: с одной стороны, широкий прилив масс, с другой стороны, признаки разложения. Почему интеллигенция бежит из партии? Потому что организация не умеет использовать предлагающиеся силы, а не будучи использованы, силы идут на убыль. Члены комитета редко бывают на местах, не выполняют обязанностей, принятых на себя. Это действует деморализующим образом на окружающие слабые элементы.

Чтобы очистить партию, нужно ввести более строгий подбор.

Комитетчики, как лучшие люди, не должны отрываться от масс, должны быть на местах. Чем ближе к массам, тем легче все устроить и достать. И на этой конференции было бы в 5 раз больше товарищей, нашлись бы средства, каждый крестьянин охотно дал бы по 1 руб. на такую поездку, если бы конференция организовалась непосредственно через низшие организации, а не через обл. комитет. Губернские ком. слабее районных, обл. ком. слабее губернских. Ц.К. еще слабее. У него нет людей, ибо он далек от масс. Соприкасайся он с нею непосредственно, он имел бы тысячи людей. А всю техническую работу он может представить Орг. бюро.

Существующее деление на обл. ком-ты осуждено жизнью. Ни на юге, ни в Поволжье, ни в других местах их не существует. На Украине замечается тяготение к определенным губерниям, с которыми мы близки по одинаковости работы.

Весь наш организационный устав должен быть жизненным, он должен быстро изменяться сообразно выдвигающимся новым явлениям жизни.

Приезды членов Ц.К., обл. к. такая редкость, что все мы — местные работники — считаем их приезды за счастье, особенно, когда приезжает любимый товарищ. Наша партия — партия любви. Как только она сделается бюрократическим учреждением — она погибнет.

Пославший меня сюда съезд сделал такое постановление: наша партия должна остаться партией демократической и боевой, должна осуществлять наш лозунг: «В борьбе обрешь ты право свое».

На этот месяц работа приостановлена, конечно, кроме технической. Ждут, что я привезу резолюции — как и что делать.

Тов. Цензор. Товарищи, вы ратуете за демократический принцип в нашем организационном уставе только по недоразумению. Я спрашиваю вас, кто из присутствующих по своим убеждениям не демократ? Скажу более: мы все желаем, чтобы как уездные, губернские, так и област. и центральный комитеты выбирались открыто на площадях. Вопрос идет в данное время не об этом, а о том, как построить наши революционные кадры, чтобы их не могло разбить ни внутреннее шатание, ни внешние удары реакции. Вот та трудная задача, разрешить которую мы собрались сюда. Где, в чем вы видите покушение на выборные начала? В предлагаемой резолюции покушения такого нет. Она гибка и эластична, и в этом ее преимущества. Она более, чем устав, приспосабливается к переживаемому нами моменту. Ваша скрытая боязнь, что Ц.К. будет злоупотреблять данными ему полномочиями, более чем неосновательна и находит объяснения в вашей мнительности. Приведу пример: Ц.К. по уставу имеет права распустить обл. к. и что же? За три года случай роспуска был только один, да и тот был вынужден грубым нарушением партийной дисциплины.

Учитывая все переживаемое, я полагаю, что нам на время полезно, выражаясь фигурально, объявить военное положение внутри организационных групп в то же время не отказываясь от выборного начала постольку, поскольку оно возможно в русских современных условиях.

Тов. Павлов. Не согласен с докладчиком, когда он говорит, что организация наша разбита, что организации нет. Если бы это было так, то и этой конференции не могло бы быть. Наш действующий устав создавался в 1905 г. применительно к тогдашним условиям. И тогда он считался временным уставом. Раз условия изменились, полицейские условия нас давят — нам необходимо охранять себя, создав соответствующий организационный устав. Желательно, чтобы указали хотя на одну организацию, действующую на основе вполне осуществленного выборного начала. Часто 5—10 выбирают, а остальная масса не участвует. Наше выборное начало — карикатура.

Но если конференция решит строить организацию исключительно на централистическом начале, то многие уйдут. Надо соединить эти два принципа.

Почему возник этот организационный вопрос? Фактически организации не могут существовать. Им надо сплотиться на иных началах. Губит организации: 1) проникновение провокаторов, и 2) бессилие выделять из своей среды силы для создания правящих центров, и туда на помощь должны приходить высшие организации.

Необходимо принимать более осмотрительно новых членов. Ижевская организация насчитывала 250 человек, они были настроены революционно, но это не были настоящие с.-р. Приходят лесовики или лбовцы, и эти «с.-р.-ы» охотно переходят к ним. Не следует гоняться за количеством, необходимо осмотрительней принимать в организацию.

Тов. председатель дает слово тов. Зотову к порядку заседания.

Тов. Зотов обращает внимание товарищей на то, что время, первоначально назначенное для работ конференции, уже истекло 2 дня тому назад, а между тем теперь обсуждается только III пункт программы, и обсуждение его далеко не кончено. Если дебаты будут продолжаться в том же духе, в каком они шли до сих пор, то для исчерпания всех 9 пунктов принятого порядка дня конференции придется заседать не 7 дней, как было предложено, а пожалуй, 7 недель. Он находит, что товарищи-ораторы мало экономизируют свое время и время конференции, так как они часто повторяются и повторяют друг друга, и без пользы для выяснения дебатированных вопросов берут слово. В частности, по организационному вопросу было уже заслушано конференцией 11 ораторов, кроме докладчика, а записано еще 27. Уже теперь отношение конференции к вопросу в общем определилось, и имеющие быть заслушанными ораторы едва ли прибавят много нового к тому, что уже известно. Конечно, всякому желающему должно быть предоставлено право высказать свои соображения по интересующему его вопросу. Но, может быть, конференция найдет возможным осуществить это право в форме, более совместимой с интересами дела. Дебаты выяснили, что по организационному вопросу в конференции определились 3 течения: одни из товарищей стоят за полное сохранение организационного status quo, другие, напротив, стоят за полную отмену выборного начала и за создание организации сверху, третьи, наконец, предлагают внести в существующий устав некоторые поправки, долженствующие приспособить его к изменившимся внешним условиям. Тов. Зотов предлагает поэтому представителям каждого из наметившихся течений столкнуться между собою вне заседания и выставить по 3 оратора, которым будет поручено защищать перед конференцией взгляды, лежащие в основе этих течений. Это сделает дебаты более систематическими и более содержательными и даст громадную экономию времени.

Тов. Савин вносит к предложению тов. Зотова поправку в том смысле, что товарищи, мнения которых не укладываются ни в одно из наметившихся течений, будут иметь право высказаться наряду с ораторами, выставленными каждым из течений.

Предложение тов. Зотова с поправкой тов. Савина принято конференцией большинством 27 голосов против 18.

Председатель закрывает собрание и объявляет, что зал заседаний будет до 11 ч. вечера в распоряжении товарищей для обсуждения предстоящих дебатов.

XVII заседание 12-го августа, утром

Заседание открывается в 9 ч. 20 м. под председательством тов. Штейна.

Тов. председатель объявляет, что согласно принятому накануне решению о том, чтобы три течения, наметившиеся при обсуждении организационного вопроса, выставили по три оратора, в президиум поступил список ораторов, распределивших между собою очередь. Он дает слово тов. Савину.

Тов. Савин — указывает на то, что централистическое течение, которое он защищает, оказалось самым малочисленным, хотя логика на его стороне. Как социалисты, мы все стоим в принципе за демократические начала в построении нашей организации. Но нельзя оставлять на бумаге то, что сама жизнь упразднила. Нам заявили, что из числа комитетов только 20% выборных. Не получается ли здесь скорее игра в демократические принципы, чем действительное применение их? Вполне понятно, что когда, по-видимому, наступала новая эра в русской общественной жизни и партия получила возможность до известной степени выступать открыто, мы, приспособляясь к моменту, создали выборную организацию, которая давала гарантии против возможности чрезмерного авторитаризма со стороны Центрального Комитета. Но момент этот прошел, наступили новые условия. И нам необходимо считаться с ними. Нам необходимо вернуться к тем методам организации, которые применялись в досвободную эпоху. Затем тов. Савин обращает внимание товарищей на тот пункт в резолюции Центрального Комитета, в котором определяются взаимоотношения назначенных и выборных членов комитетов. Он боится, что выборное меньшинство будет диктовать свою волю лишенному прав, назначенному сверху большинству. По его мнению, надо быть последовательным, считаться с фактами и поставить организацию в прямую зависимость от Центрального Комитета. Абсолютно правомочным должен быть только Центральный Комитет, остальные организации должны получать свои полномочия от него; ему же должно быть предоставлено право назначения и распускания их. Пример назначенного в Москву коллектива, на который ссылаются, как на доказательство вредности назначения, напоминает рассуждения одного персонажа в комедии Островского: «Его отдали в гимназию, а там ему выкололи глаз». Если назначенный в Москву коллектив не успел лучше наладить дело, то виною тому было не назначение или выборность, а общие условия московской работы. В этом отношении Москва, несомненно, является местом зараженным, и еще вопрос, что лучше с точки зрения интересов партии: гнилое место или пустое. Может быть, лучше было бы временно совсем упразднить организацию в Москве. Что касается авторитаризма Центрального Комитета, то здесь мыслима гарантия в форме более частого созыва Советов партии, которыми контроли-

ровалась бы и направлялась бы деятельность Центрального Комитета. Последний — сердце партии, которое имеет, может быть, некоторые пороки, но пороки эти — не органического характера, и они, в общем, правильному функционированию всего партийного организма не мешают.

Тов. Юровский. Я, как представитель среднего из наметившихся трех основных течений по организационному вопросу, хочу подтвердить взгляды этого течения на основании нашего опыта, опыта чисто рабочей организации. Прежде всего, проведение широкого демократического начала в строительстве наших организаций ограничивается нашим нелегальным положением. Демократическое начало, как и всякое другое начало, должно служить определенным целям, раз они положены в основу того или другого устава. Наш устав должен, прежде всего, дать такую форму нашим организациям, чтобы она способствовала росту и укреплению их, — с одной стороны, и правильному использованию накопившихся в организациях сил на основе их самостоятельности, с другой. Но наше настоящее положение таково, что фактически, в большинстве наших организаций, жизнь отменила выборное начало для масс и сделала его выборным началом в кружках. Но таким выборным началом массы не дорожат. Оно касается только профессиональных революционеров, которые в своей среде практикуют выборность. Это в большинстве мест. Там же, где до сих пор условия благоприятны, применение этого начала прочно укрепилось и дало хорошие результаты, т.е. где выбирают действительно рабочие массы, там оно должно быть сохранено. Но где восемь — десять интеллигентов собираются, чтобы выбрать одного делегата или трех членов комитета, какое дело массам до этой выборности? В этих случаях массе интересно, чтобы в комитет попали хорошие работники, и если этого скорее можно достигнуть назначением, то назначение сверху является жизненной необходимостью. Но тут, — о, ужас! — я сталкиваюсь с усилением дискреционной власти руководящего коллектива, выражающемся в праве распускать и назначать коллективы низшего порядка. В таком случае усилятся, говорят нам, трения между назначенными коллективами и периферией. Но будто уж никаких трений не бывает между выборными комитетами и низами? Хорошо выбирать, когда люди известны, когда их деятельность у всех перед глазами. А при конспирации, в условиях усилившихся репрессий легко ли выбирать? Конечно, хорошего говоруна сразу видно, его в пять минут можно различить и выбрать; но ведь плохо, когда комитет состоит из хороших говорунов, но слабых работников в практическом деле и в организации. Вот почему, при всех наших склонностях к самому настоящему демократизму, ради интересов дела, а не из злоумышленной вражды к демократизму, пришлось нам ввести кооптацию. Так же приходится теперь прибегнуть и к назначению. Когда выборность суживается на малом кружке работников, неудачный комитет может разогнать всю дельную периферию. Останется худ-

ший элемент организации, и он сколько угодно будет собираться и выбирать, от этого дело не поправится.

Часто роспуск организаций является делом чести — и мы боимся высшим инстанциям доверить это право? Но это значит, что мы открываем возможность дискредитировать имя нашей партии. Нет, говорю я, этого не должно быть, и я поэтому присоединяюсь к резолюции Центрального Комитета, но со следующей поправкой: если в какой-нибудь выборной организации временно будет приостановлено действие выборного начала, то восстановить эту организацию в «правах» должно быть предоставлено высшей законодательной инстанции. Например, в какой-либо уездной организации было приостановлено действие выборного начала, — губернский съезд восстанавливает его, если же это случилось с губернским или равноправным ему комитетом, то восстановить действие выборного начала может областной съезд. В этом я вижу несомненную гарантию от всякого произвола, если он вообще существует.

Тов. **Чижевский**. На мою долю выпала честь защищать точку зрения той части членов конференции, которая отстаивает неприкосновенность выборного начала. Хотя я, в противоположность большинству нашей группы, не являюсь представителем с места, но хорошо понимаю тяжелое чувство, овладевающее товарищами, когда заходит речь об урезывании дорогого им демократического принципа. Правда, все ораторы говорили о неприкосновенности этого принципа: но нас мало трогают эти уверения, уверения, имеющие место каждый раз, когда собираются окорнать этот самый принцип. Я помню ту радость, с которой в партии приветствовали слова тов. Тучкина, сказанные на первом съезде: «Партия вышла из эпохи организационного строительства сверху, стала массовой». Неужели товарищи думают, что положение дел на местах так плохо, что мы перестали быть массовой партией? Наиболее часто употребляемым аргументом за усиление централизма выдвигалась необходимость защиты от провокации. Я не знаю точных размеров этого печального явления; но то обстоятельство, что большинство работников с мест настаивает на сохранении выборного начала, свидетельствует, что, по-видимому, страх провокации прямо пропорционален расстоянию работы на местах. Но положим, что провокация, действительно, разрослась: спасительны ли средства, рекомендуемые центром и правым крылом конференции в качестве защиты от провокации? Нет, так как провокаторы проникали и в самые централизованные организации: спасла ли в прежние годы назначения комитетов от целой династии кооптированных провокаторов? А военная организация? Спасли ли эти меры «Народную Волю», где так строго проводились начала централизации, от провокации в Исполнительном Комитете, от дегаевщины? Нет, природа развала лежит гораздо глубже, чем в провокации... Последняя несколько не мешает существованию значительных организаций с полным выборным началом в Баку, в Невском районе в Петербурге, в Севастополе, и других местах. Практика назначенных комитетов на-

поминает трех персонажей басни Крылова «Лебедь, щука и рак», тянущих воз в разные стороны. Следует заметить, что и невозможно было бы приостановить действие демократических принципов в рабочих организациях, где они привились так прочно. Рабочий вышел из того возраста, когда можно добровольно ходить на помочах. Интеллигенция ушла из наших рядов, и силы дезорганизованы. Членов организации все больше необходимым становится черпать из рядов самих рабочих масс. Иначе мы будем только сеять индифферентизм в партийных низах, т.е. там, где нужно особенно дорожить и прививать начала самодеятельности. Если партия хочет остаться массовой, — а она не может этого не хотеть — она должна проводить начала, воспринятые этими массами... Время, которым я располагал согласно регламенту, истекло. Я позволю себе резюмировать нашу точку зрения старой легендой о борьбе Антея с Геркулесом, во время которой Антей черпал свои силы от земли; тактика получения сил от матери-земли, от народа, тактика Антея и должна быть нашей тактикой.

Тов. Оленин вносит предложение огласить конкретные поправки, внесенные всеми тремя течениями по организационному вопросу к проекту, предложенному Центральным Комитетом.

После непродолжительных прений, в которых принимали участие тов. Соломин, Вронский и Рязанцев, тов. **председатель** ставит на баллотировку предложение тов. Оленина.

Предложение тов. Оленина конференцией принято.

По предложению тов. **председателя** гг. Савиным, Соломиным и Олениным прочитываются проекты резолюций.

Тов. **Корнев**. Отстаивая в виде временной меры неблагоприятную позицию сокращения сферы действия демократического начала в нашем организационном уставе, группа, выразителем которой являюсь я, исполнена исключительно одним лишь общим нам всем желанием — укрепить партийную организацию, т.е. те элементы партии, которые являются аппаратами, проводниками в массы наших принципов и руководят ими во всех видах борьбы и в выборе форм борьбы. Теперь, как видно из докладов с мест, в России происходит организация контрреволюционных сил, усиление репрессий; разочарование в революции внесло деморализацию и разложение в наши ряды. В этом, быть может, мы повинны сами, так как ввели устав, который формально превратил нас в партию массовую — в то время как мы остались все такой же заговорщической кучкой. В самом деле, первый пункт нашего организационного устава, весьма коротко сформулированный, включает в себе чрезвычайно содержательные требования, и теперь в них вряд ли могут быть вложены широкие массы, которые идут за нами. В дни свободы в состав партийных организаций вошли такие элементы, от которых теперь партию необходимо очистить — необходимо от них изолировать организационные центры. Партия должна состоять из двух частей: с одной стороны, руководящий аппарат партии, с другой — широкие массы, в общем принимающие наши по-

ложения. Наши задачи организационного строительства не одни и те же в низах и в верхах, в рабочем аппарате и в массе, которую он должен привести в движение. Они вытекают из характера переживаемого момента и сообразно этому заключаются в следующем: 1) соби́рание земли и концентрация сил и 2) организация их. Соби́рание земли и концентрация сил должны быть произведены единым центром. Организация — задача более сложная и тем более ответственная, что зависит от последовательности проведения в жизнь определенных принципов. А таких принципов, на основе которых может производиться организационное строительство, имеется два: демократический и центристический, представленные здесь крайними течениями. Наш Центральный Комитет и с ним центр конференции остаются «ни в тех, ни в сех», так как они — и за тот, и за другой принцип, т.е. ни за какой. Наиболее рациональным принципом из двух будет тот, который наиболее обеспечивает устойчивость, прочность организации и таковым, во всяком случае на практике, является принцип централистический. Напомню, что демократическое начало, проведенное в нашем организационном уставе, в жизни местами не применялось уже тогда, когда этот устав утверждался первым съездом.

Тов. Волховский не считает себя глупым человеком, а между тем он ровно ничего не понимает из того, что здесь говорится. Докладчик по организационному вопросу первый посеял недоразумение, когда сказал о несоответствии выборного начала тем условиям, в которых теперь приходится работать партии. Но те поправки, которые резолюция Центрального Комитета вносит в организационный устав, не только не уничтожают, но даже не ограничивают выборного начала. (*Читает первый пункт резолюции.*) Где тут нарушение демократического принципа? В том, что, если из выборного комитета остается один член, то предлагается организовать новые выборы, а в случае невозможности этого назначается временный коллектив? Но ведь это — чистейший демократизм! (*Читает второй пункт резолюции.*) То, что право распускать организации низшего порядка принадлежит губернским и областным комитетам с санкции Центрального Комитета, всякий непредубежденный человек будет считать децентрализацией, а не усилением централизма. Ведь в прежнем организационном уставе говорилось о праве роспуска лишь у Ц.К. (*Читает третий пункт резолюции.*) «Если немедленный перевыбор распущенного коллектива невозможен» — в этом ли заключается отмена выборного начала? (*Читает пятый пункт резолюции.*) Назначенные коллективы пользуются в уездных, городских, губернских и областных съездах, также как и в Совете партии, лишь совещательным голосом. В этом ли пункте усматривается нарушение прерогатив выборного начала? Спрашивается в таком случае, о чем же тут так горячо спорят? Резолюции, предлагаемые Центральным Комитетом, вытекают из духа устава и делают только более отчетливыми те статьи его, о которых здесь идет речь. При сколько-нибудь хладнокров-

ном отношении к делу нельзя не видеть, что резолюция Центрального Комитета нисколько не направлена против демократических начал устава и ни в чем не пытается их ограничить. В заключение оратор заявляет, что он взял слово только потому, что с огорчением слушал речь тов. Чижевского, который горячо отстаивал демократические начала, заподозревая всех в покушении на них. Но ведь на них никто и не думает нападать, и тов. Чижевский ломится в открытую дверь. Речь его — вне времени и пространства.

Тов. Оленин вполне присоединяется к мнению тов. Волховского и обращает внимание конференции на то, что поправки, вносимые с двух сторон, по существу своему, мало что изменяют в уставе. Чтобы иллюстрировать свою мысль, тов. Чижевский напомнил нам об Антее, который в борьбе с Геркулесом черпал новые силы всякий раз, как он соприкасался с землею. Тов. Чижевский советует нам усвоить себе тактику Антея. Совет хорош, но применительно к нашим теперешним обстоятельствам предлагаемая им тактика напоминает собою не прием Антея, а известный совет человеку, застрявшему в болоте: поднять самого себя за волосы... Речь идет о захиревших или разъеденных провокацией организациях, т.е. как раз таких, которым необходимо помочь извне, которые сами себе помочь не в силах. Ясно, что здесь необходимо прийти к ним на помощь средствами центрального партийного строительства. Ясно, что в этом направлении должны быть сформулированы правомочия центра.

В конце концов, все без исключения находят необходимым внести корректив в теперешнее положение вещей в организации; никто не говорит, что в организационных формах «все обстоит благополучно». О чем же шум, если разногласия лишь в частности? Зачем эта буря в стакане воды? Жупелы и иные страшные слова пускаются в ход некоторыми ораторами только в силу игры их собственного настроения. Тов. Чижевский сослался на слова, сказанные тов. Тучкиным на первом съезде: «Партия вышла из эпохи организационного строительства сверху». Тов. Оленин тоже готов высоко ценить авторитет тов. Тучкина и опереться на него (*общий смех*), но для этого следует отнестись внимательнее ко всему содержанию речи тов. Тучкина. Период исключительного строительства партии сверху кончился — партия стала массовой. И вот, радуясь этому обстоятельству, т. Тучкин требовал, однако, устава, достаточно гибкого и эластичного для приложения к меняющимся обстоятельствам; он указывал на переходный характер переживаемого момента; он особенно предостерегал от увлечения формальной логичностью абстрактных принципов демократизма и централизма при построении устава; доказывал всю нелепость столкновения лбами этих абстрактных принципов; приходил к тому выводу, что всякий конкретный устав в настоящее время может быть только компромиссом между началами конспирации и централизма, с одной стороны, демократии и широкой осведомленности широких масс — с другой. Одно нужно в интересах самосохра-

нения организаций, другое — в интересах самодеятельности периферии. Приходится учитывать меру настоятельности первого и возможности второго, и на каждое время создавать организационные формы, наиболее практично сочетающие удовлетворение обеим равноценным потребностям партийной жизни. Вот что говорил тов. Тучкин; и все ссылаются на него те, кто после всего нашего опыта соблазняется снова перспективой на чистом поле абстракции дать битву централизму под знаменем демократизма или наоборот. А этим несерьезным занятием хотят заняться оба крайних течения, в своих увлечениях готовые подать друг другу руки через голову среднего течения, чтобы провалить, как недостаточно «последовательное» предложение Ц.К. Если такой союз состоится, это будет союз противоестественный. Он не будет, он не может быть чреват для партии ничем положительным. Это будет смоковница, обреченная на бесплодие. Предложения Ц.К., как превосходно доказал тов. Волховский, нигде не нарушают реального демократизма, напротив, вырабатывают способы его восстановления там, где он превращается в фикцию. Игры в демократические начала нам не нужно — и нам нужен их смысл, а не пустая форма. Согласен, что страхи провокации прямо пропорциональны степени удаленности от практической работы. Более всего говорят о ней люди, практической работы и в глаза не видавшие. Несомненно, провокация существует, но она — не такое распространенное явление, чтобы необходимо было для борьбы с нею прибегать к чрезвычайным мерам в виде полного упразднения выборного начала, как того требуют крайние централисты, они же «якобинцы». Несомненно, вместе с тем, что нет таких организационных форм, которые гарантировали бы от провокации. Но утверждать, будто при централизме провокация всего опаснее, тоже не приходится. Отыскать провокацию в замкнутых организациях гораздо легче, чем в широких, почти открытых, где локализовать источник заразы необычайно трудно. Мнимый характер, раздутость возникшего здесь спора особенно выясняется, когда сравниваешь высокий диапазон произнесенных здесь речей со скромностью практических заключений. Я требовал, чтобы немедленно были оглашены поправки, вносимые крайними течениями, чтобы нам в своих речах можно было иметь их в виду. Наши ярые сторонники демократизма, однако, почему-то хотели отложить это до самого конца прений. В этом случае они очень недемократично желали до поры до времени законспирировать их от собрания. Когда, наконец, особым вотумом собрания было решено немедленное опубликование поправок, и они были прочитаны, я развел руками. Гора родила мышь. Требования «демократов» сводятся главным образом, к переименованию назначаемых комитетов в «организационные комиссии». Разница вряд ли достаточная, чтобы раздувать муху в слона и начинать игру в какие-то чуть ли не три непримиримые партии, на которые разбилась наша конференция. Боюсь, что мое и т. Зотова предложение — ради сокращения времени выставить

по три оратора от трех оттенков послужило к этому поводом. Но мы не ожидали, чтобы из этого могла получиться дутая игра в «партии».

Более серьезно замечание относительно необходимости отнять некоторые права у назначенных комитетов. Но тут тоже обнаруживается некоторое недоразумение. Каких прав нужно лишить товарищей, посланных по назначению для восстановления работы на «погорелом месте»? Права распускания организации низшего типа? Права формально и открыто выступать с литературой и призывами? Но это значило бы связать их по рукам и по ногам и лишить возможности делать то дело, для которого они посланы. Сколько бы мы ни пререкались о словах, о номенклатуре, для всех вполне очевидно, что назначение коллективов в некоторых, ясно оговоренных случаях, стало неизбежным. А лишить товарищей, назначаемых на ответственный и часто трудный пост, всяких прав является и нецелесообразным, и несправедливым.

Что касается речи т. Чижевского, то и меня она неприятно поразила. С делового спора он уклонился в область заподозривания мотивов, кивков на тех, кто, собираясь окорнать демократический принцип, распинается в любви к нему, апелляции к рабочим против интеллигентов и т.п. демагогических приемов невысокой пробы.

Тов. Рязанцев хочет говорить в пользу оставления в силе теперешнего устава. Все согласны в том, что партийная организация сильно расшатана, что во многих местах областные и губернские комитеты существуют только номинально. Благодаря этому моральная связь между Центральным Комитетом и периферией ослабела. Необходимо укрепить эту связь, а для этого есть только один путь: увеличить наличность действующих сил привлечением к партийной работе товарищей, находящихся в российской и заграничной ссылке. Это привлечение новых сил и укрепление организации Центральный Комитет может осуществлять, оставаясь в пределах существующего устава, который достаточно эластичен для этого. Та «инструкция по организационному вопросу», которую Центральный Комитет предлагает на утверждение конференции, существенным образом не изменяет действующего устава. Тем не менее она обнаруживает существование в высшем органе нашей партии тенденции к централизму, которая при нынешнем настроении партийных масс едва ли приведет к скреплению организации. Было бы лучше, если бы Центральный Комитет, пользуясь теми широкими правами, которые предоставляет ему организационный устав, не вносил в последний таких изменений, которые могут быть ложно истолкованы.

Тов. Петров готов присоединиться к товарищу Рязанцеву, когда тот говорит об укреплении организационной работы. Но следует ли из этого, что надо оставить в силе существующий устав, который применяется только номинально? Кто же не знает теперь, что в деле пополнения организаций самопополнение или назначе-

ние является действительностью, а выборное начало — фикцией. Пусть организационный устав является выражением действительности, а не абстрактного, неприменимого при теперешних обстоятельствах принципа. Оратор указывает далее, что некоторые пункты резолюции Центрального Комитета построены нелогично. Так, параграф 2-й совершенно лишний, так как заключаемое в нем положение предусмотрено уставом. Он видит противоречие в присвоении права роспуска организаций областным комитетам и стоит за быстрый роспуск областных комитетов Центральным Комитетом, когда того потребуют обстоятельства.

Тов. Вронский выступает защитником среднего из 3-х наметившихся течений, отстаивающего проект резолюции, предложенной Ц.К. Разбором этого проекта он стремится установить прежде всего, что о каких-либо антидемократических, централистических тенденциях его можно говорить только либо по недоразумению, либо из желания сказать несколько высоких слов о демократизме вне времени и пространства. Проект резолюции не меняет, да и не может менять основного характера и главных положений устава: помимо всего прочего, предлагать такой проект было бы бесполезно, ибо его ни Ц.К., ни Совет принять и санкционировать были бы даже не вправе. Резолюция исходит из необходимости проведения демократических начал в организационном строительстве, как из правила, и лишь как исключение рассматривает принцип назначения или роспуска сверху. Там, где невозможен нормальный порядок, — случаи эти вполне определенно предусмотрены резолюцией — и лишь, поскольку он невозможен, предлагается принять определенный корректив к уставу. Корректив этот неизбежен, ибо, помимо злой или доброй воли тех или иных комитетов и организаций, их вносит в устав сама жизнь. И не пристало практическим работникам разыгрывать роль страуса, прячущего голову под крыло. Необходимо регламентировать то, что уже есть в действительности, необходимо сделать планомерным то, что все равно *volens-nolens* приходится делать.

Оратор указывает далее, что проект резолюции не только не умаляет принципа демократизма, как основания устава: наоборот, в некоторых частях он подчеркивает и гораздо полнее развивает его, устанавливая более точно гарантии беспристрастия при роспуске организации и право апелляции распущенных организаций. Первое достигается тем, что каждый акт роспуска должен санкционироваться прежде всего ближайшей высшей инстанцией; при этом роспуск областных организаций предоставляется по-прежнему Ц.К. под условием санкции со стороны Совета партии. Второе же — тем, что указывается вполне точно законодательная инстанция того или иного порядка, куда возможна апелляция со стороны распущенной организации.

Оратора удивляет поэтому тот демократический «пафос», с которым говорили некоторые товарищи. Уж не подействовала ли на них таким образом атмосфера свободной страны, где заседает кон-

ференция, и они несколько позабыли условия самодержавной России, где приходится работать партии. Вот, например, товарищ Рязанцев, выступивший даже, как один из трех ораторов, намеченных «демократическим» крылом конференции. Не он ли так недавно пугал здесь нас своими сообщениями о провокации в разных формах и видах, не он ли настаивал ввиду этого на необходимости самой крайней конспирации? Как же это вяжется у него с требованием широкого демократизма? Россия настраивала его иначе. Пусть вспомнит тов. Рязанцев, что ответил он оратору два — три месяца тому назад, когда последний приехал в Украинскую область в качестве «генерал-губернатора», как угодно выражаться некоторым, с предложением устроить областной съезд перед общепартийной конференцией. Тогда не могло быть и разговоров о широких принципах демократизма, так как даже конференции из десятка представителей от комитетов области тов. Рязанцев не считал возможным созывать; и ее он считал чуть ли не наверняка обреченной на провал. Это потом подтвердили и другие областники. Где же в такой обстановке возможно действительное, а не воображаемое проведение демократического принципа всегда и во что бы то ни стало?

Оратор заканчивает речь приглашением товарищей быть ближе к существу дела, не держаться за слова, а помнить о реальных задачах и реальных интересах партии.

Тов. Соломин. Тут только что говорили о «свободной атмосфере», которая влияет на некоторых товарищей, вызывая у них усиленный запрос на демократические начала. Рискуя быть обвиненным в опьянении этой свободной атмосферой, оратор все-таки будет настаивать на неприкосновенности демократических принципов, положенных в основу нашего организационного устава. Он не поклоняется идейным фетишам и не хуже других умеет оперировать над фактическим материалом. Он вспоминает золотые слова, сказанные тов. Тучкиным на первом съезде, и заявляет, что он до сих пор стоит на точке зрения этого уважаемого товарища. Положение партии рисовалось здесь очень мрачными красками, но тов. Ленин заявлял нам, что мы вышли из эпохи упадка, что она у нас за плечами, что поэтому не должно быть места нездоровому пессимизму. Если так, если дело организации стоит уже вовсе не так плохо, то, как будто, не видно оснований к тому, чтобы вводить в наши организационные методы чрезвычайные меры. Правда, некоторые товарищи впали в слишком здоровый пессимизм, сделав из нашей организации пустое место. Что у нас есть? Ничего. Но уже один тот факт, что собралась конференция представителей партийных организаций с разных концов России, уже одно это показывает, что кое-что у нас есть, что для создания организации на якобы пустом месте вовсе не требуется какой-либо *coup d'état*²⁰². Впрочем, от этого почти все уже отказались. Старый устав исходит из положения, что наша партия — массовая, и теперь нет оснований отказываться от этой точки зрения. Усиление

власти отдельных лиц или группы лиц на счет партийной массы принесет больше вреда, чем те несовершенства и неудобства, которые представляет собою применение принципов, на которых построен существующий устав. Не станем подражать правительству в его методах организации. «Усиление власти» — это лозунг правительства, вражеский лозунг. Нам говорят: «Организация в опасности, провокация въелась в нее и грозит ее совсем заесть». Тов. Оленин уже указал на то, что страх провокации растет пропорционально расстоянию от практической работы. Аргументировать провокацией необходимость усиления власти кажется оратору странным. Нам необходимо стоять на точке зрения партийной массы, не изменять принципиальных положений, которые она восприняла, не вытравлять из нее души. Всякая попытка в противоположном направлении принесет больше вреда, чем пользы.

Тов. председатель закрывает заседание.

XVIII заседание 12-го августа после обеда

Председательствует тов. Штейн.

Тов. председатель открывает заседание в 2 часа 40 минут и заявляет, что список ораторов по организационному вопросу исчерпан, и что он дает заключительное слово докладчику.

Тов. Голубев выясняет, что, хотя он выступал защитником предложений Ц.К., но его аргументация принадлежит лично ему, и что предложения Ц.К. его удовлетворяют лишь как *minimum*, возможный без ломки организационного устава, на которую имеет право лишь съезд. — Прения по резолюции Центрального Комитета исчерпали вопрос в принципиальной, теоретической его части, и мне, как докладчику, нечего прибавить к тому, что сказали товарищи, выступавшие в защиту резолюции, предлагаемой Центральным Комитетом. Ограничусь несколькими замечаниями по адресу тов. Соломина. Еще и еще раз заявляю, что в проекте резолюции Центрального Комитета предлагается не выходить из пределов существующего организационного устава. Речь идет только об инструкции в развитие некоторых статей устава. Далее тов. Соломин говорит об отсутствии в проекте резолюции указания на право апелляции на действия распускающих организации коллективов. Но в проекте резолюции не говорится об этом только потому, что существующий устав (параграф 6-й) сам предусматривает эти случаи, и повторять в резолюции то, что говорится в уставе, не имеет смысла. Что касается права приостановки действия выборного начала, то необходимо иметь в виду, что и защитники так называемого «демократизма» не отрицают законности этого права. Они только почему-то не упоминают об этом праве в своем проекте резолюции. В самом деле, они также стоят за коллективы (временные организационные комиссии) по назначению и дают последним

право заниматься «упорядочением дел» (по выражению тов. Соломина) впредь до перевыборов. Но что такое — работа по упорядочению дел организаций? Это — обычная работа на местах. Но на каких юридических основаниях будет производиться эта работа? На основаниях временной приостановки действия выборного начала в течение времени до новых выборов. Проект, предлагаемый Центральным Комитетом, идет дальше. Он более демократичен в этом пункте. Ведь резолюция, по проекту Центрального Комитета, ставит обязательным условием немедленное обращение к местным законодательным учреждениям, к съездам. Наконец, остается еще вопрос о названии вновь образуемых, по проекту резолюции Центрального Комитета, коллективов: называться ли им «организационными комиссиями» или «комитетами». Дело, конечно, не в названиях, а в правах этих коллективов. Проект резолюции Центрального Комитета предлагает сохранить за этими коллективами обычные права комитетов: вести обычную организационную работу по пропаганде, агитации и организации. Нечего бояться тех случаев, о которых говорил тов. Соломин, — о призыве к всеобщей стачке, выступлениях и т.п. По существующим правилам, наши комитеты урезаны в своих правах и лишены возможности предпринимать действия, выходящие из пределов обычной работы. Они не имеют права декретировать выступлений без санкции Центрального Комитета, не имеют права совершать актов политического террора без санкции областных комитетов; у них отнято также право совершать экспроприации, и право давать разрешения на экспроприацию остается в руках Центрального Комитета. На этом я кончаю. Резолюцией, которую нам предстоит баллотировать, разрабатывается лишь часть вопросов организационного строительства и организационной политики партии. Много вопросов, которых я коснулся в своем докладе, не получили должного освещения во время прений и даже не выдвигались. О них я буду говорить особо, когда они будут поставлены на обсуждение конференции.

Тов. председатель. Прения по организационному вопросу закончены. Наиболее рациональным было бы теперь назначить комиссию, которая на основании внесенных проектов резолюций и поправок выработала бы текст согласительной резолюции, приемлемой для большинства членов конференции.

После продолжительного обмена мнений относительно характера численного состава и задачи комиссии, большинством 37 голосов против 11 конференция постановляет назначить комиссию для выработки согласительной резолюции. Большинством 27 голосов против 2 конференцией принимается предложение тов. Грачева — избрать в комиссию 7 членов.

Тов. председатель объявляет **перерыв** на 10 минут.

(После перерыва.)

Тов. председатель заявляет, что внесено предложение — имеющиеся по специальным вопросам доклады опубликовать в

виде приложений к протоколам, не читая их в заседаниях конференции.

Тов. **Февралев** предлагает назначить две комиссии: одну по аграрному вопросу, другую по рабочему вопросу, и сдать в эти комиссии как доклады, так и обсуждение проектов резолюций; это для того, чтобы конференция могла оперировать над более или менее обработанным уже материалом.

После некоторого обмена мнений конференция постановила: выслушать и обсудить приготовленные доклады по специальным вопросам и затем уже определить дальнейший ход работы.

Тов. **Большов** докладывает о борьбе с земельным законодательством.

Положение современной деревни определяется двумя главными фактами или двумя рядами фактов. Это, во-первых, резко боевая политика правительства в аграрном вопросе, направленная к насаждению частной собственности на землю и к разрушению общины. Это, во-вторых, реставрация помещичьего хозяйства, подорванного в самых основах своих аграрными беспорядками последних лет.

Что касается аграрной политики правительства, то она построена по очень простому рецепту. С одной стороны, правительство пытается успокоить крестьянство мелкими подачками в сфере экономической и правовой. Сюда относятся: отмена выкупных платежей, понижение платежей в Крестьянском банке, распродажа казенных земель для перепродажи их крестьянам. С другой стороны, оно старается разрушить солидарность крестьянства, столь грозно проявившуюся в революционный период, внести в него разлад, поощряя расхищение общинных земель и, наконец, окончательно распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности и хуторского хозяйства. Эту цель преследуют: знаменитый указ 9-го ноября 1906 г. о выделе из общины и многочисленные инструкции, определяющие условия распродажи казенных, удельных и банковых земель. Я не стану излагать здесь и критиковать аграрные мероприятия правительства — и содержание и критика их, без сомнения, хорошо известны товарищам. Но не могу не остановиться на самом характере аграрного законодательства и на способах его проведения.

Я упомянул выше о резко боевом характере аграрной политики правительства. И как бы правительство ни маскировало этот боевой характер, как бы оно ни отрицало намерение разрушить общину насильственными мерами — этот боевой характер, эта цель всей его политики стоит вне сомнения. Энергичный поход против общины — лозунг дня. Числом выделов из общины определяется энергия земского начальника, его соответствие видам начальства. Всякий администратор, который не хочет вести борьбы против общины, должен уходить в отставку. Всякий честный человек, который осмеливается в деревне выступать с защитой общинного землевладения, подпадает под обвинение в неблагонадежности. Да и

как бы это могло быть иначе, если в самых мотивах Совета министров к закону 9-го ноября²⁰³ мы читаем следующее: «Вместе с тем следует иметь в виду, что общинное и семейное владение надельным имуществом препятствует укреплению в широких слоях сельского населения правильных взглядов на частную собственность вообще. Этим в значительной степени обуславливались происходившие в последнее время почти повсеместно грабежи и разгромы частновладельческих имений. Новый политический порядок в нашем отечестве для своей прочности и силы нуждается в соответственных экономических основах» в виде «крепкой среды мелких и средних собственников». Раз правительство полагает, что наличностью общинного и семейного землевладения «в значительной степени обуславливались разгромы и грабежи» — как оно может соблюдать нейтралитет по отношению к личной и общинной собственности и даже хлопотать о «неприкосновенности общинного строя», руководствуясь высочайшими повелениями 26 февраля 1903 г.²⁰⁴ и 8 января 1904 г.²⁰⁵, на что имеется ссылка в тех же мотивах Совета министров? Ясно, что правительство, так настроенное, сколько бы оно ни расшаркивалось перед высочайшими повелениями, не может не объявить неумолимой войны «общинному и семейному владению», не может не сделать насаждение «правильных понятий о частной собственности» целью своей аграрной политики. Мы видим таким образом, что меры правительства направлены не столько против общины, сколько против социализма вообще и против нашей программы в частности. Правительственная программа — прямая противоположность программе П.С.-Р. Мы хотим всю землю сделать общественным достоянием: правительство стремится всю землю сделать предметом частной собственности. Мы видим в общинных навыках крестьянства опорный пункт для своих социалистических стремлений; правительство стремится разрушить этот опорный пункт, превратить крестьян-общинников в мелких собственников, рассадить их по хуторам, разгородить их канавами да частоколами, пропитав их собственническим фанатизмом, и поставить их же на страже частной собственности против всяких социализаторских попыток. Позиции как нельзя более ясны. Быть ли земле общественной? — составляет центральный вопрос момента, центр текущей общественной жизни. И мы не можем уступить правительству поле битвы, мы не можем отдать деревню на произвол правительственных землеустроителей — не можем этого сделать тем более, чем яснее для нас цели правительственной политики.

Каковы же возможные результаты правительственной аграрной политики? Это очень важный и крупный вопрос, на который не приходится закрывать глаза. Ведь надо иметь в виду, что пока власть находится в руках современного правительства, у нас нет никакого радикального средства против его аграрных мероприятий. Несмотря на противодействие массы крестьянства, выделы из общин идут своим чередом, идет и расселение на хутора. Но ведь

правительство может принять и более решительные меры. Поддерживаемое правыми и октябристами, оно может в один прекрасный день взять да и отменить общинное землевладение, объявить полосы земли, находящиеся в пользовании общинников, их наследственной личной собственностью. Предварительные заключения земельной комиссии Гос. думы показывают возможность и даже вероятность дальнейших шагов. Эта земельная комиссия высказалась за полную отмену общины во всех тех случаях, когда за последние 24 года не было общих переделов земли. Если такой закон пройдет, то под расширительное толкование его, — а, несомненно, оно будет иметь место, — подойдет громадный процент общин. Спрашивается: каковы же возможные результаты подобных мер? Не явится ли эта политика смертельным ударом всем чаяниям с.-р.? Не отойдет ли в скором времени сама община в область истории? Не отойдут ли вместе с ней в исторический архив и все надежды на общину, на непосредственный переход мелких производителей-земледельцев от общины к обобществлению земли и всего народного хозяйства, как надеются некоторые с.-д. и как опасаются некоторые с.-р. (см., напр., номер 1 «Рев. мысли»)? Не вытекает ли, наконец, отсюда для нас необходимость пересмотра программы? Все такие опасения нам кажутся преувеличенными и не потому, что мы не считали бы возможным законодательное уничтожение общины и раздел большинства общинных земель между крестьянами. Нет, мы исходим из предположения наихудших возможностей. И все-таки полагаем, что нам нет нужды ни отказываться от своих надежд, ни изменять своей программы. Ведь наши чаяния и ожидания, наша программа покоятся не на самом факте общинного землевладения, а на том комплексе идей, чувств и навыков, на всей этой психологии, которая воспитана в крестьянстве всей предыдущей историей и всей практикой общинного землевладения. Если бы даже возможно было в короткий срок уничтожить общину, то этим еще не вычеркнута порожденная ею психология, не вычеркнут тот комплекс идей и чувств, который дает прочный фундамент для нашей пропаганды в крестьянстве. И правительство понимает это. Оно ставит своей задачей «насаждение» правильных взглядов на собственность. Но это дело очень и очень затяжное, и по мановению бюрократической палочки не делается. Тем более затяжное, что пропаганды правительственных, буржуазных «правильных взглядов на собственность» мы противопоставим пропаганду своих «правильных взглядов» и тогда посмотрим, для чьей пропаганды окажется в крестьянстве более благоприятная почва. Мы можем утверждать с уверенностью, что правительственные меры против общины эту благоприятную почву у нас не отнимут. Тем смелее мы можем это утверждать, что даже в Зап. Европе, где крестьянство в течение долгих веков срослось с частной собственностью на землю, даже там идеи социализма находили в крестьянстве благодарную почву, как только социалисты поднимали лозунг борьбы за землю. Это показывает пример Венгрии, и в

особенности Италии, где дело даже доходило до прямых захватов помещичьей земли. Что касается хуторского расселения, грозящего полным распылением крестьянства и даже одичанием, утратой всех общественных чувств и навыков, то тут мы можем быть покойны. Как показывает пример Зап. Европы, хутора нашли благоприятные для своего распространения условия только на дальнем севере: в Швеции, Норвегии, Финляндии, где удобная для земледелия земля разбросана небольшими оазисами среди лесов, болот и диких скал. В других странах обычный тип расселения тот же, как и у нас, — селами и деревнями; и хуторское расселение даже его фанатическими приверженцами признано безнадежным, не имеющим будущности делом.

Наряду с аграрным законодательством на деревню навалилось, как я сказал раньше, другое — реставрация помещичьего хозяйства. И эта реставрация идет в таких грубых, в таких варварски жестоких формах, какие совершенно незнакомы нашим городам. Крестьянские волнения 1905—1906 гг. нанесли нашему помещичьему хозяйству жестокий удар. Местами оно было совершенно снесено с лица земли еще осенью 1905 г., так что в 1906 г. крестьянам оставалось только «дожигать» немногих уцелевших владельцев. В некоторых уездах Саратовской губ. предложены банку чуть ли не все частновладельческие земли. В других местах упорной борьбой крестьяне добились понижения арендных цен и повышения заработной платы. Собственная запашка владельцев сократилась, арендный фонд расширился. Таковы завоевания крестьян в годы революции. Теперь повсюду идет усиленная реставрация помещичьего хозяйства. Еще во время первой Думы правительство издало свой каторжный закон против сельскохозяйственных стачек²⁰⁶. В 1907 и 1908 гг. он был пополнен обширным губернаторским и генерал-губернаторским законодательством. Деревня наводнена казенными и вольнонаемными стражниками, казаками, черкесами, ингушами. Всякое противодействие требованиям владельца, всякая попытка крестьян отстаивать свои интересы преследуются, как государственное преступление. Кулак и нагайка, под охраной штыка и пули, гуляют во всю. И вот всеми этими мерами усиленно гонят вверх понизившуюся было арендную плату и давят вниз возросшую заработную плату.

Итак, деревня сделала в годы революции отчаянную (хотя к сожалению, далеко не дружную) попытку уничтожить частное землевладение и обратить всю землю в общественное достояние. Теперь правительство усиленно разрушает общину, насаждает личную частную собственность среди крестьян и реставрирует помещичье хозяйство.

При таких условиях деревня является наиболее больным пунктом в социально-политическом смысле. Здесь завязан главный узел современной истории — и то, как он будет развязан, надолго определит историю нашей страны. Поэтому партия должна внима-

тельно присмотреться к тем задачам, которые ставит перед ней жизнь в деревне.

Крестьянству приходится вести борьбу на два фронта: и против аграрных мероприятий правительства и против возрастающих притязаний землевладельцев. Что же может сделать партия, чтобы организовать эту борьбу?

На первом плане стоит наше идейное воздействие на крестьянство. Если в разгаре движения нашим товарищам приходилось ограничиваться в деревне бросанием самых общих лозунгов, выяснением самых общих положений нашей аграрной и политической программы, то теперь такая пропаганда является уж недостаточной. И запросы развитой части крестьянства выросли, и усложнились те условия, в которых приходится жить современной деревне. Соответственно этому должно углубиться и осложниться и наше идейное воздействие на крестьянство. Мы должны в своей пропаганде: а) конкретизировать нашу аграрную программу в духе законопроекта, внесенного с.-р. фракцией во 2-ю Думу, и, по возможности, в условиях данного места, и выяснять переходные меры. Особенное внимание надо обращать на те затруднения, которые может встречать в данном месте осуществление нашей программы, во взглядах и привычках местного сельского трудового населения, в его социальном и профессиональном составе, на те недоразумения и возражения, которые она вызывает в нем. Все эти вопросы необходимо обсуждать тщательно и всесторонне на целом ряде совещаний с представителями местного крестьянства. Только так конкретизированная наша аграрная программа приобретет всю свою притягательную силу на умы крестьянства, только тогда она станет важным фактором, влияющим на практическую жизнь даже в настоящее время.

Б) Другой стороной проповеди социализации земли должна быть критика частной собственности на землю и всех ее губительных для трудового народа последствий. Наша критика должна быть направлена не только на все проекты аграрных реформ, основанные на принципе частной собственности, но и на все компромиссные проекты (трудовиков, н.-с.-ов), считающиеся с индивидуалистическими тяготениями некоторой части самого крестьянства.

В) В частности, мы должны в своей программе выяснять во всей их полноте аграрные мероприятия правительства и не только их общие цели, но и практические формы их осуществления.

Параллельно с этим должно идти обсуждение в крестьянских организациях и на съездах их представителей способов борьбы с разлагающим влиянием аграрного законодательства и с землевладельцами. И здесь наши организации должны сделать шаг дальше сравнительно с 1905 и 1906 гг. Если тогда в период общего возбуждения было достаточно, по отношению хотя бы к покупкам и аренде земли, простых и кратких лозунгов: «Земли не покупать», «В аренду не брать», то теперь это уже стало невозможно. Не покупать и, в особенности, не брать в аренду соседнюю землю неоп-

ределенно долгое время для крестьян совершенно невозможно. Такие лозунги не объединят вокруг себя крестьянство. Между тем вести борьбу с земельным законодательством возможно только тогда, когда вокруг определенных решений объединилось значительное большинство крестьян данной местности. Выработать какие-либо общие директивы для всей России здесь невозможно, и выработка их должна быть предоставлена местным крестьянским организациям. Здесь мы подходим к самому важному пункту. Наши партийные крестьянские организации для решения тех задач, которые поставила перед ними жизнь, должны поставить себе целью сплотить вокруг себя трудовое крестьянство на почве борьбы с земельным законодательством правительства и с землевладельцами, и с Крест. банком из-за аренды земли и найма на работы. Необходимым условием этого является: укрепление своих собственных партийных организаций и выработка из среды крестьян активных работников, способных самостоятельно вести всю совокупность партийной работы в деревне. Дружная партийная организация, достаточно влиятельная по своему составу, после ряда предварительных крестьянских собраний или сходов сумеет выработать и провести достаточно практичное и в то же время не противоречащее программе партии решение наиболее жизненных для местного крестьянства вопросов.

Мне остается сказать в заключение несколько слов о выделах из общины и о борьбе с этим явлением. Целесообразная борьба с этим явлением требует внимательного изучения причин, побуждающих крестьян выделяться из общины, и особенно причин массовых выделов. За отсутствием материала по этому вопросу я не могу дать здесь систематического изложения предмета. Я несколькими примерами поясню главнейшие категории причин выделов. Нередко на выделы влияют несовершенства современных общинных порядков и с точки зрения их уравнительности и справедливости, и с точки зрения хозяйственного прогресса. Напр., на юге Саратовской губ. в тамошних относительно многоземельных общинах совершенно не урегулировано пользование надельной землей для скотоводства, которое играет там немалую роль в хозяйстве крестьянина. Значительная часть надела, иногда значительно больше половины, лежит под пастбищем, и на это пастбище каждый хозяин выпускает столько скота, сколько имеет: один одну голову или даже ни одной, другой — несколько десятков. В этих общинах идет сильная борьба на этой почве между бедными и богатыми, между малоскотными и многоскотными, в большинстве общин, однако, не приведшая пока ни к какому удовлетворительному решению. На почве этой неуравнительности еще до закона 9 ноября 1906 г. в некоторых общинах дело доходило до разделения общины на 3 части или «сотни»: бедных, средних и богатых; вся надельная земля от передела до передела разделялась сначала на 3 части пропорционально числу душ в каждой сотне, а затем уже каждая сотня делила ее вполне самостоятельно и самостоя-

тельно же распределяя ее между пашней и пастбищем. Ничего не будет удивительного, если теперь после издания указа 9 ноября на почве такой неуравнительности возникнут проекты массовых выходов из общины, всегда вообще чреватых разными недоразумениями. Помимо неуравнительности землепользования, стремление к выходу из общины, к разрыву общинной связи может порождаться техническим несовершенством распределения земли: длинноземелием, чересполосицей и пр. Вот пример. В Балашевском у. есть село Бол. Карай с наделом, растянувшимся на 25—30 вер[ст]. Часть крестьян уже давно выселилась из села на другой конец надела, где образовала хутор Родничев. Но землю продолжали делить по-старому, так что Родничевские пахали землю под Бол. Караем, а больше-карайские ездили пахать под Родничев. В 1908 году возникло сильное стремление к выходу из общины (свыше 150 домохозяев), и очень значительное число подавших заявление — из Родничева. Ясно, что, поскольку выходы из общин вызываются несовершенством общинных порядков, они могут быть предотвращены только улучшением этих порядков. И наши организации должны повести усиленную агитацию в пользу большей уравнительности землепользования, лучшего распределения податного бремени (мирских сборов), улучшения техники распределения земли и вообще землепользования.

Вторая группа мотивов, побуждающих к выделам, — это мотивы индивидуальные, узкокорыстные: стремление захватить большое количество земли, чем какая пришлось бы на долю выделяющихся по новому переделу. Стремление к выделу по таким своекорыстным мотивам обратно пропорционально уравнительности землепользования: чем земля распределена равномернее, тем меньше выгод сулит выделение, и обратно: чем она распределена неравномернее, тем больше выгод может доставить выдел, тем больше соблазна выделиться. Значит, община, желающая предотвратить выделы на указу 9 ноября, должна заботиться прежде всего о том, чтобы земля у нее была распределена как можно уравнительнее. Но так как эта уравнительность постоянно нарушается, то всегда и будут возможны выделы по таким корыстным мотивам. По отношению к этой категории выделяющихся мы смело можем рекомендовать самый неумолимый бойкот.

Третью категорию мотивов к выделам составляет стремление развязаться с надельной землей, выделиться с целью немедленной продажи выделенных наделов. Подобные требования выдела предъявляются со стороны переселенцев, пролетаризованных элементов деревни и пр. К ним было бы несправедливо отнести так же, как ко второй категории выделяющихся. Бойкот переселенцев, деревенских пролетариев был бы и несправедлив, и фактически невыполним. В этих случаях были бы целесообразны соглашения общины с выделяющимися. И мы видим, что целый ряд общин (напр., по Волге) вступил уже на этот путь. Они образовали земельные комиссии, которые должны вступить в соглашение с вы-

деляющимися бедняками и переселенцами, требующими выдела, для немедленной продажи, и покупать у них их наделы. Это оказывается выгодным и для бедняков, так как от общины они получают за свои наделы значительно больше, чем сколько им платили кулаки-скупщики наделов. В общем этот путь правильный; но скупку общиной наделов выделяющихся вряд ли можно одобрить. Во-первых, это есть выкуп земли, уже раз выкупленной (по закону 1861 г.). Во-вторых, что делать с купленной таким образом землей? Если ее оставить в общей площади надельной земли и пускать ее в передел наравне с остальной, то очень скоро ее придется покупать и второй, и третий раз. Если же из купленных таким образом наделов образовывать особый фонд общинной земельной собственности, предоставляемой в пользование крестьянам на каких-нибудь особых основаниях, то это внесет путаницу и осложнения в земельные отношения общины, и, кроме того, было бы несправедливо по отношению к новым поколениям пользователей общинной земли. Благодаря такой скупке наделов, община постепенно становилась бы юридическим собственником надельной земли, а отдельные крестьяне становились бы бесправными пользователями арендаторами ее, как мещане на городской земле. Если бы они пожелали покинуть земледелие, то в отличие от теперешнего поколения, получающего полную цену земли, они не получили бы ничего от общины. Такой строй отношений противоречит основной идее социализации земли. Все эти соображения заставляют нас высказаться против скупки общиной наделов и в пользу выдачи переселенцам и другим выделяющимся и уходящим от земледелия или на сторону пособий от общины, но на условиях, делающих невозможным для них вторичный выдел из общины.

Таковы 3 главнейшие категории выделяющихся и таковы меры, которые могли бы частью предотвратить выделы, частью парализовать их вредные последствия. На этом я и закончу свой доклад о борьбе с земельным законодательством. О борьбе с землевладельцами сделает доклад тов. Иванов.

Тов. Бородин докладывает о формах работы и организации среди крестьянства (см. приложение).

По заслушании этих докладов был возбужден вопрос о том, приступить ли немедленно же к их обсуждению или же предварительно заслушать доклад тов. Иванова о борьбе с землевладельцами. Большинством 18 голосов против 11 конференция высказалась за немедленное обсуждение.

Тов. председатель дает слово товарищу Ливину.

Тов. Ливин. Я не думал брать слова, так как вопрос достаточно ясен и не может вызвать пререканий. Но так как никто другой не взял слова, то я хочу воспользоваться правом голоса, чтобы выяснить один пункт. Пункт этот касается пессимизма, связанного с вопросом об уничтожении общины. Тов. Большевы высказываются в том смысле, что коллективистические навыки русского крестьянства могут сохраниться долго после падения общины. Он ссылался

на пример Западной Европы, и в частности, Венгрии и Италии. Тов. Большов настроен чересчур оптимистически в данном случае. Не знаю, как в Италии, но в Венгрии события конца 1890-х годов не оправдывают оптимизма тов. Большова. Тогда именно сказались в Венгрии, на ее аграрных волнениях, все отрицательное влияние отсутствия в ней общины. Батраки, игравшие заметную роль в этих волнениях, оказались не склонными ни к социализму, ни к общине. Батраки были сторонниками чистого индивидуализма и частной собственности, так что анархистам и социал-демократам, как руководителям аграрных беспорядков, пришлось вступить на путь настоящего авантюризма. Скрывая цели социализма, они давали понять участникам беспорядков, что каждый из них, в случае успеха движения, получит землю в собственность. Выдавался как бы абонемент на землю, в зависимости от чего и поступали участники беспорядков. Отсюда видно, как велика опасность от столыпинской политики для успехов социалистических идей в России. Товарищ Оленин говорил здесь, что мы переживаем затяжной период революции, — значит в течение какого-то неопределенно долгого периода будут в нашу деревню вливаться индивидуалистические навыки и приемы мысли. В противоположность тов. Большову, мы должны сказать, что мы стоим перед огромной опасностью. Она именно тем больше, чем дольше будет жить царизм. Благоприятное разрешение политических вопросов поэтому влияет и на разрешение вопросов экономических. Спасти общину можно только низвержением самодержавия.

Тов. Иванов указывает на некоторые противоречия в докладе тов. Бородинки и отстаивает право крестьян на переселения; затем он переходит к вопросу о выделах из общины. Представляют ли эти выделы такую опасность, как это кажется тов. Ливину? По правительственным данным, до мая всего выделов было 130.000 и образовано 12.000 хуторов. По числу — это — ничтожное количество; по качеству — это — большею частью кулаки и крестьяне средней зажиточности. Станут ли они все на защиту принципа собственности? Что своею собственностью они будут дорожить, это понятно, но помещичью они защищать не станут. Опасность тут одна: пауперизация населения. Кроме того, столкнувшись с законом о выделе из общины, массы будут оказывать ему сопротивление, а на такой почве разовьется в их среде солидарность. Наша задача — оформить эти проблески коллективизма.

Тов. Абелева хочет остановиться на одном в высшей степени важном и интересном вопросе, затронутом в докладе тов. Бородинки, именно: на вопросе о формах организации среди крестьянства. Теперешние формы организаций этих очень не совершенны. У нас много партийных крестьян, но они не входят, как прочная составная часть, в нашу общепартийную организацию. Наши комитеты оторваны от масс, не знают, где имеются крестьянские организации и где их нет, мало осведомлены о настроении крестьян. Техническая сторона работы поглощает громадную часть партийных

сил. Сами же крестьянские массы не могут еще дать из своей среды собственных руководителей. Ввиду этого центр тяжести работы нужно перенести на низы, направить туда лучшие силы организаций, благодаря чему увеличится контингент партийных работников из самой крестьянской среды. Практически это выразится в создании особых уездных организаций. На братства перенести центр своего внимания теперь нельзя: для этого у нас мало сил. Но можно и должно перевести главные силы из губернских центров в центры уездов. В настоящее время руководящее значение имеет организация губернская — надо дать место и организациям уездным. Следует спрашивать их мнение при решении местных вопросов, привлекать уезд и деревню к участию в решении местных партийных дел, дать им голос на съездах. Докладчик подчеркнул роль братства и уезда. Но тов. Абелева — против организации по волостям: для волостных организаций в настоящее время нет материала. Точно так же следует обратить внимание на беспартийные организации — принять меры к тому, чтобы сделать их партийными. Беспартийные организации дают крестьянам громадный опыт по части самостоятельности и это — важно. Оратор вместе с тем высказывается против устройства при Центральном Комитете крестьянской комиссии. Если есть работники, то их следует отправлять на местную работу. Сообразно со всем этим на Поволжской областной конференции принята следующая резолюция:

Считая, что центр тяжести работы в губерниях с земледельческим населением лежит по преимуществу в уездных организациях, и так как практика обнаружила излишнее преобладание губернского центра, недостаточную связь его с массами и малую самостоятельность и самостоятельность уездных организаций, Поволжская областная конференция находит необходимым подтвердить следующие принципы организации:

1) в губернских центрах оставляется строго необходимое для несения функций руководящего и технического характера количество работников;

2) губернские центры руководятся в своей деятельности, с одной стороны, общепартийными директивами, с другой — директивами межуездных конференций и советов; в случае невозможности созыва этих последних губернский комитет обязан во всех важных случаях обращаться в уездные организации с референдумом;

3) уездные комитеты выбираются на съезде представителей сельских партийных организаций и уездных городских групп, если таковые имеются;

4) в тех случаях, когда уездный комитет состоит из законного числа членов безусловно партийных и ведет серьезную партийную работу в пределах уезда, уездному комитету предоставляется право решающего голоса во всех общепартийных делах и право представительства на общепартийных съездах.

Тов. председатель закрывает заседание в 7 часов вечера.

**XIX заседание
13 августа утром**

Председательствует тов. Вронский.

Тов. председатель открывает заседание в 9¹/₂ часов утра и дает слово тов. Антонову для дополнительного доклада о борьбе с земельным законодательством в Курской и Харьковской губ.

Тов. Антонов²⁰⁷. В настоящее время в деревне замечается усиленная борьба с законом 9-го ноября в выделе из общины. Борьба эта идет не всюду одинаково. Сознательная часть крестьян, уже более или менее организованная, поняла смысл нового закона и стойко противопоставляет ему свои «средства». Последние заключаются в следующем: крестьяне-общинники постановляют большинством $\frac{2}{3}$, а иногда $\frac{9}{10}$ голосов не допускать выделов, составляют приговоры о запрещении выделившимся пасти скот на общинных выгонах, грозят вновь отнять землю у выделившихся при переделах; в крайних случаях практикуются более непосредственные способы воздействия, вроде поджогов. Словом, крестьяне пускают в ход все меры, какие могут придумать для борьбы с выделами, и там, где борьба эта идет сколько-нибудь интенсивно, число выделов невелико. За сохранение общины стоят не всегда только одни бедняки. Лучшие из более зажиточных крестьян остаются верными общине, видя в ней обеспечение своих сыновей от безземелья. В одном из селений Грайворонского уезда Курской губ. зажиточный крестьянин, владевший на правах частной собственности несколькими десятинами земли, разорвал написанный писарем приговор о выделе из общины. Когда же писарь заявил ему, что приговор он составил во исполнение закона, крестьянин-собственник ответил, что закон этот дурак выдумал, и отсидел за эту свою приверженность к общине месяц в тюрьме.

С другой стороны, в тех местах, где степень сознательности крестьян невысока, общинники были застигнуты врасплох законом 9-го ноября, и хотя большей частью инстинктивно отказываются разрушать общину, но все же в таких местах выделы идут. При этом выделяются не только всякого рода кулаки, которые отлично знают, чего хотят, но и беднота, которая по незнанию дает себя опутать деревенским хищникам. Нет сомнения, что если бы мы направили все усилия на борьбу с земельным законодательством, если бы мы обратили серьезное внимание на пропаганду и агитацию в этом направлении среди крестьян, особенно, если бы мы прибегали к прямым революционным действиям, то выделы из общины были бы низведены до минимума. Здесь говорилось вчера, что общинный дух не так уже крепок среди крестьян, что за 20—30 лет общинные навыки могут мало-помалу ослабеть и совсем исчезнуть. С таким взглядом нельзя согласиться. Всякий, кому близко знакома вся психика среднего крестьянина, всякий, кто жил с крестьянами одной жизнью, скажет, что общинные навыки имеют

слишком глубокие корни в крестьянской душе, чтобы так быстро исчезнуть при первом натиске иных порядков. Община — не внешняя форма только, она нечто живое и жизнеспособное, она будет упорно бороться за свое существование. И в действительности мы видим, что во многих случаях она растет и развивается. Докладчик ссылается на близко знакомые ему примеры. Почаевское крестьянское общество Грайворонского уезда купило около 600 дес. земли и распределило ее поровну между всеми общинниками, зажиточными и бедными. В том же уезде кулаки хотели купить землю гр. Шереметьева. Крестьяне не допустили этого, сами сняли всю землю в аренду обществом и опять распределили ее поровну между всеми общинниками, наделив даже безземельных. Купить землю крестьяне не согласились, будучи уверены, что она и так скоро отойдет обществу.

Часто приходится слышать и такое рассуждение, что крестьяне добиваются только земли, а не прав, что лишь только они получают землю на каких бы то ни было условиях, они будут вполне равнодушны к политическому строю. Это рассуждение тоже очень поверхностное. Опыт хотя бы последних лет, не говоря уже об опыте века, отлично научил крестьян понимать разницу между землею бесправной и землею вольной. Они отлично знают, каких прав им надо добиваться и почему без них нельзя жить. Они знают, какая им нужна Государственная дума и как она должна управлять страной, чтобы всем легче жилось.

Но надо сказать, что менее сознательная часть крестьянства потеряла веру в освободительное движение и, не видя выхода из своего тяжелого положения, не прочь идти на переселение. Напротив того, более сознательные крестьяне, особенно в уездах Курской и Харьковской губерний, и слышать не хотят о переселениях. Они настроены очень революционно и жалуются на то, что революционные партии не указывают им «настоящего дела». В частности, в двух уездах наши партийные крестьяне потребовали разрешения выступать против угнетателей, т.е. помещиков, кулаков, черносотенцев, попов и т.д., а когда организация им этого разрешения не дала, они ушли из партии и пустились во все тяжкие: практикуют не только экономический террор, но и частные экспроприации вооруженными бандами.

Докладчик обращает далее внимание конференции на то, что внутри самих общин отношения так обострились, что при ближайших переделах могут произойти столкновения между общинниками. Правительство в этих столкновениях, конечно, станет на сторону кулаческих, индивидуалистических элементов, и это еще более будет содействовать самосознанию крестьян. Крестьяне и теперь уже говорят, что те, кто посидели в тюрьмах, да попробовали нагайки, дружнее стоят за мир. Докладчик высказывает мнение, что в борьбе с земельными мероприятиями правительства пропаганда и агитация, конечно, оказывают свое действие, но одних

этих мирных средств недостаточно; необходимы революционные действия, а не слова.

Тов. председатель объявляет прения по докладу тов. Антонова открытыми и приглашает записаться тех, кто желает воспользоваться словом.

Тов. Стеклов указывает на то, что для углубления работы, о котором здесь так много говорилось, нам необходимо создать кадры крестьянских работников, могущих вести самостоятельно работу. В этом он видит наилучшую гарантию против вредного влияния законодательных мер правительства, так как практика показала, что на местах, где наши организации крепки, борьба с выделами из общины идет успешнее всего. Он указывает на то, что надо обратить внимание на укрепление и расширение волостных организаций. Он считает далее допустимую террористическую борьбу с членами «Союза русского народа», выступающими открыто за разрушение общины.

Тов. Бюзанд отмечает, что вопрос об аграрной политике партии по отношению к армянскому населению не может быть теперь решен, за отсутствием элементов, необходимых для правильного решения этого вопроса. Нужно предварительное статистическое исследование положения, и только после такого обследования можно будет определить направление, которое следует придать аграрному вопросу в русской Армении. Насколько известно оратору, одна треть земельной обрабатываемой площади принадлежит там двум третям населения. К помещикам, в общем, замечается хорошее отношение со стороны населения.

Тов. Грачев. — Вопрос об аграрной политике правительства и о разрушении общины имеет для нас первостепенное значение ввиду того места, которое мы отводим существованию общинных порядков в нашем практическом решении аграрного вопроса, в социализации земли. Все это настоятельно необходимо осветить, как можно полнее, в нашей литературе. Если из общины выйдет только одна пятая часть населения, то это создаст довольно прочный операционный базис для аграрных мероприятий правительства. Насчет способов борьбы с земельным законодательством до сих пор ничего определенного не сказано. А между тем тут более всего необходимо говорить ясно, а не ограничиваться указаниями на то, что выходу из общины надо «всячески препятствовать». Партия действия должна указать и определенные действия.

Тов. Нечаич замечает, в ответ тов. Грачеву, что активную борьбу с земельным законодательством можно вести только в местах, где крестьянские силы хорошо организованы и социалистически подготовлены. Следует распространять в крестьянстве мысль о необходимости общественной закупки земель (в тех случаях, когда дело идет о закупках), а не индивидуальной, которая вносит разлад в деревенскую жизнь.

Тов. Антонов указывает на необходимость бороться против давления, иногда доводящего до открытого насилия, которое земские начальники оказывают на крестьянские общества для вынуждения выдела из общины. Тут на насилие нужно отвечать насилием. Упоминалось здесь о революционном хулиганстве. Среди крестьянства были люди активные, жаждавшие активной борьбы в виде аграрного террора или террора вообще. Разрешения на такое применение их активности им не давали. Тогда они стали обходиться без этого разрешения. Положение в деревне так обострилось, что более активные крестьяне будут прибегать к открытым революционным действиям, хотим ли мы этого или не хотим. Замечательно, что всюду, где велась партийная работа среди крестьян, так теперь более сознательные крестьяне требуют оружия, организации террористических актов, вообще боевых действий. Партии необходимо считаться с этим настроением, если она хочет сохранить свое влияние в крестьянстве. Как на очередную задачу, оратор указывает на необходимость создания районных организаций.

Тов. Борисова. Если крестьяне будут чувствовать, что партия сильна, то они будут энергично вести борьбу с аграрным законодательством правительства. У крестьян имеется целый ряд самостоятельно надуманных средств борьбы. В войне с существующим строем недостаточно пользоваться мирными партийными средствами, не следует довольствоваться и теми приемами борьбы, которые освещены уже опытом: необходимо отзываться и на те боевые запросы, которые исходят из глубины партийных масс.

Тов. Хренов. Те крестьяне, которые поднялись выше политического индифферентизма, не понимали бойкота 1-й Государственной думы, потому что они верили еще в возможность осуществления своих надежд и требований доброй волей царя и народных представителей. Когда Думу разогнали, на крестьян прежде всего нашло недоумение: значит царь вовсе не тот благожелатель крестьян, каким они его считали? Дальше стали разбираться, и интерес к революционным партиям возрос в крестьянстве до невероятной степени. В теперешнем, на первый взгляд стихийном, движении в крестьянстве существует значительная доля, так сказать, рационального мышления. Фатально крестьянство толкается к революционному мировоззрению и революционному действию. Бог для крестьянина продолжает существовать, но руководства в вопросах житейской практики за ним не признается, как и раньше не признавалось. Царь был раньше олицетворением вековых крестьянских надежд, а теперь он погиб в народных верованиях, он — открытый враг крестьянства, а не его доброжелатель. Над теперешней Думой крестьяне смеются, считая ее в одно и то же время и господской, и вполне ничтожной по своему влиянию. Остаются революционные партии, и из них в крестьянстве возбуждает наиболее страстный интерес, конечно, та партия, которая во главу угла ставит интересы трудового крестьянства. Но крестьяне не знают, что делать. Они охотно пойдут за партией, когда она им скажет,

куда идти. Вот почему наша партия должна резко подчеркнуть общие, основные директивы действия, а не останавливаться на мелочах. Она должна была бы это сделать вслед за опубликованием закона 9 ноября, но не сделала. Надо создать при Центральном Комитете группу или комиссию, которая разработала бы вопрос о земельном законодательстве всесторонне и пустила бы в крестьянские массы соответствующие лозунги.

Заключительное слово предоставляется докладчику.

Тов. Бородин. По поводу замечаний на мой доклад я должен прежде всего отметить, что большинство говоривших товарищей ни в чем не разошлось со мной. Правда, тов. Абелева отметила, что необходимо выдвинуть на первый план укрепление организаций в уезде. Я с этим совершенно согласен; но это зависит от состояния местных сил. Тов. Антонов указывал, что нужны районные организации, а не волостные, а тов. Стеклов, напротив того, оттенил значение волостных организаций. Лично я более согласен с тов. Стекловым. К волостям приурочено множество сторон крестьянской жизни. Сбор податей, рекрутский набор, выборы, сходы и т.д. — все это связано с волостью, и с этим необходимо считаться. Но ведь этим вовсе не отрицается роль и значение районных организаций: они тоже нужны, в особенности — в больших уездах. Вообще, я сказал бы, что деление уезда на те или иные части в организационном отношении всецело зависит от местных условий и никак не может быть декретировано в виде общего, как бы обязательного, рецепта или совета. Что касается беспартийных организаций, то я не отрицаю их пользы или значения на местах при начале работы. Но я против объединения их в широкие, беспартийные организации по губернии. За губернскими организациями необходимо сохранить безусловно партийный характер. Это усиливает сплочение партийной организации, усиливает и укрепляет партийную работу. Сплочение же широких беспартийных организаций едва ли даже выгодно для нас, не говоря уже об организационной путанице: из таких организаций могут вырасти зачатки организаций и других партий, а нам на других работать незачем. Довольно с нас опытов вроде создания группы трудовиков и т.п. Что касается замечаний т.т. Грачева и Иванова о том, что в докладе нет указаний на боевую подготовку масс, то мне придется ограничиться ссылкой на то, что у меня не было об этом никаких фактических данных. Да и теперь, после докладов из Украинской области, я еще больше убеждаюсь в правильности взгляда, что или мы должны признать частичные выступления, или же боевая подготовка масс не принесет пользы. Впрочем, вообще этот вопрос, по моему мнению, слишком мало обсуждался, и у нас было слишком мало фактических данных для его разрешения.

Тов. председатель заявляет, что комиссия, избранная для выработки проекта резолюции по организационному вопросу, исполнила свою задачу и выбрала своим докладчиком тов. Волховского.

Конференция постановила: выслушать и обсудить доклад тов. Волховского немедленно.

Тов. Волховский. Труды комиссии, которой было поручено конференцией выработать согласительную резолюцию по организационному вопросу, увенчались успехом, но успех этот был результатом долгом и упорной работы. Комиссия стояла лицом к лицу с тремя спорными вопросами:

1) О неправоиспособности членов комитетов и коллективов, назначаемых Центральным Комитетом. Таким членам в съездах предоставляется совещательный, но не решающий голос. После продолжительной дискуссии по этому вопросу комиссия пришла к следующему решению: принять предложение Центрального Комитета, но все же гарантировать некоторую осторожность по отношению к этим назначенным членам.

2) Об ограничении выборного начала. Конфликт был разрешен в благоприятном для этого начала направлении. Функции назначенных коллективов заключаются в восстановлении организации и подготовке перехода к нормальному положению вещей, т.е. к созданию организаций путем выборов.

3) О названии коллективов, назначаемых Центральным Комитетом. Замена названия «комитет» каким-либо иным именем может послужить поводом к многочисленным недоразумениям, так как большая масса привыкла к этому названию. При обсуждении этого вопроса голоса в комиссии разделились: пять членов высказались за сохранение названия, два — против. Последние были связаны данными им с мест наказами не соглашаться на присвоение названия «комитета» назначенным коллективам. Но и тут, как видно из текста проекта резолюции, затруднение удалось устранить.

В целом проект резолюции принят в комиссии единогласно. *(Читает проект резолюции по организационному вопросу, выработанный комиссией.)*

Тов. председатель доводит до сведения конференции, что некоторыми товарищами внесено предложение: согласительную резолюцию, выработанную комиссией, дальнейшему обсуждению не подвергать.

Предложение это конференцией принято всеми голосами против одного при 5 воздержавшихся.

Предложение вотировать резолюцию целиком, а не по пунктам, принято конференцией всеми голосами против 4 при 6 воздержавшихся.

Проект резолюции, предложенный комиссией, принят конференцией всеми голосами против 3 при 4 воздержавшихся.

Провозглашение результата голосования встречено конференцией громкими и продолжительными аплодисментами.

Заседание закрыто в 1 час дня.

XX заседание
13 августа после обеда

Тов. председатель Вронский открывает заседание в 3 часа дня.

Слово предоставляется тов. **Иванову** для доклада по вопросу о борьбе с землевладельцами (см. приложение).

По выслушании доклада тов. **Иванова**, тов. **председатель** открывает прения по содержанию этого доклада.

Тов. Бородкин. По поводу доклада тов. **Иванова** я должен заметить, что я иначе объясняю, почему в центрально-черноземных губерниях крестьяне борются на почве аренд и рабочей платы путем общественных приговоров, а на юге — путем рабочих комитетов. Дело тут вовсе не в общинном духе. Причина очень проста: в центральных губерниях местные крестьяне борются с местными же помещиками, а на юге рабочие пришлые и не могут иначе организоваться, как в комитеты, ведь никаких сельских сходов они, как пришлые, устраивать не могут. Значит, общинные традиции тут ни при чем. Что же касается организации центральной комиссии для суммировки вопросов стачечной борьбы, то при теперешних условиях нашей работы мечтать о создании такой комиссии мудрено: это — утопия. Создать такую комиссию, беспартийную, невозможно: начнутся споры с.д.-тов с с.-р.-ами, да и надобности в ней теперь нет. Было бы хорошо, если бы партийная центральная крестьянская комиссия занялась между прочим и вопросами стачечной борьбы, — учетом разных явлений, изданием литературы о стачках — и т.д. Но мудрено рассчитывать, чтобы теперь возможно было образовать специальную стачечную комиссию. В остальных выводах я согласен с товарищем-докладчиком.

Тов. Нечанч подчеркивает, что у нас сельскохозяйственные стачки имеют не только экономическое, но и политическое значение. Выдвигая политическую сторону, можно сообщить движению более идейный характер.

Тов. Павловский. Приравнивает ли докладчик стачечные комитеты к профессиональным организациям? Может ли стачечный орган иметь легальный характер?

Тов. Антонов. Отдельных стачечных комитетов не надо; этой работой руководят партийные комитеты. Нужна только более сильная пропаганда и агитация. Участников стачечного движения преследуют наравне с участниками политического движения. Если было мало сельскохозяйственных стачек, то только потому, что массы не были подготовлены.

Заключительное слово предоставляется докладчику.

Тов. Иванов. Тов. **Бородкин** находит неправильным, что стачечные приговоры крестьян объясняются существованием в данной области общинных традиций. Но я объяснял не только этим, — община была лишь готовой формой, при которой население могло провести приговоры. Для крестьян стачка является лишь одной из

форм борьбы за землю. И еще более, чем на юге, сельскохозяйственное стачечное движение имеет место на юго-западе. Там крестьяне работают на земле собственно по найму, их заставляют сажать свеклу, и стачечное движение разразилось главным образом на свекловичных плантациях. Таким образом, объяснять характер стачки наличием пришлого элемента нельзя. Что касается учреждения центрального стачечного комитета, то, конечно, для этого нужен прилив интеллигенции и инициатива. Тов. Нечаич подчеркивает политический элемент в нашем сельскохозяйственном стачечном движении. Я обратил на это внимание, говоря о стачечном движении 1906 года. Если же тов. Нечаич представляет себе сельскохозяйственную стачку как орудие политической борьбы, то это мне кажется неправильным. Связать экономические требования с политическими бывает здесь часто очень трудно. Развивать же классовое самосознание при сельскохозяйственных стачках, конечно, необходимо.

На вопрос товарища Павловского отвечаю, что удобнее всего пользоваться для проведения стачек профессиональными крестьянскими союзами, лигами и проч. Теперь же стачечные комитеты при настоящих драконовских законах против профессиональных союзов (закон 15 июля 1906 года²⁰⁸) могут существовать только нелегально. Стачечный комитет есть лишь временная организация. Тов. Антонов не прав, так как партийные комитеты существуют не всюду, и порой сельскохозяйственные стачки концентрируются в определенных местностях, напр., в Херсонской губернии. Стачечный комитет является коррективом при отсутствии специальных крестьянских профессиональных организаций.

Тов. **председатель** дает слово Григоровичу, докладчику комиссии о современном моменте и тактике партии.

Тов. **Григорович**. Приняв во внимание все внесенные на конференции поправки, комиссия приняла предлагаемую резолюцию единогласно (*читает проект резолюции*).

Тов. **Борисова**. Съезд, который меня посылал, и губерния, где я работала, дали мне наказ заявить, что если будет принята мирная тактика, то крестьянские массы отойдут от партии. Предлагаю, в случае принятия этой резолюции, созвать местную крестьянскую конференцию для решения этого вопроса.

Тов. **Антонов**. Имею по этому вопросу словесный наказ от крестьян. Когда я ехал сюда, крестьяне просили меня тактику изменить. Мало организовать: надо вести борьбу, нужен единичный террор. Крестьяне пять лет слушают речи о вооруженном восстании, пора его и начать, нужна боевая деятельность. Если массовые выступления не будут допущены, то надо допустить частичные, и если мы не примем решения, то крестьяне отложатся от партии и отойдут от нее.

Тов. **Оленин**. Вопрос тов. Борисовой поднят здесь по недоразумению. У нас, как у революционеров, есть определенная тактика, которую мы проводим среди крестьян, поскольку имеем влия-

ние на последних. Когда, несмотря на наше влияние, стихийно начинается выступление, разгорается восстание, нет места рассуждениям. Мы не толкаем крестьян на преждевременное выступление, но раз массы выступили, раз борьба идет, мы, как революционеры, конечно, не отойдем в сторону и не умоем рук; мы предпочтем быть вместе с массами и ценою собственной жизни скрепить свою кровную связь с ними. Разница в том, что при этом мы не внушаем массе никаких иллюзий и снимаем с себя ответственность за верное поражение. Что же касается тов. Антонова, то он под частичным выступлением понимает, очевидно, местный террор, к которому партия относится, сообразно прежним тактическим решениям, положительно. Поэтому его заявление основано уже на совершенно явном недоразумении. Предлагаю проект резолюции голосовать.

Конференция принимает проект резолюции, предложенный комиссией, всеми голосами против 3 при 8 воздержавшихся.

Тов. **Грачев** вносит в принятую только что резолюцию поправку, в том смысле, что партией допускается террор против помещиков и земских начальников.

Поправка эта отвергается большинством 26 голосов против 5 при 8 воздержавшихся.

Тов. **Грачев** просит внести в протокол его поправку. Тов. **Оленин** предлагает оставшиеся в порядке дня конференции вопросы распределить, ввиду недостатка времени, по комиссиям из пяти лиц для выработки проектов резолюций по этим вопросам. Необходимо назначить 4 комиссии: 1) по рабочему вопросу, 2) по аграрному, 3) по национальному, и 4) по вопросу о кооперативах. Заседания комиссий должны быть открытыми для всех членов конференции. Прения должны быть, по возможности, исчерпаны в комиссиях. Общему собранию будут доложены лишь разногласия по коренным вопросам, которые нельзя было ликвидировать в комиссиях.

Предложение тов. **Оленина** принято всеми голосами против одного при 8 воздержавшихся.

Выбраны в комиссии следующие товарищи:

1) по рабочему вопросу: Береславцев 26 гол., Павловский 26 гол., Вронский 19 гол., Савин 17 гол. и Симеоновский 12 гол.;

2) по аграрному вопросу: Большов 31 гол., Бородкин 28 гол., Стеклов 19 гол., Оленин 18 гол. и Быстренин 16 гол.;

3) по национальному вопросу: Леман 31 гол., Соломин 28 гол., Григорович 28 гол., Бюзанд 31 гол. и Алданский 17 гол.;

4) о кооперативах: Федотов 21 гол., Иванов 16 гол., Нечаич 14 гол. и Чижевский 13 гол.

Тов. **председатель** закрывает заседание в 8 час. вечера.

XXI, XXII и XXIII заседания были посвящены работам по комиссиям.

XXIV и последнее заседание 15-го августа утром

Заседание открывается в 9 часов утра под председательством тов. **Штейна**, который заявляет собранию, что из дружественных источников получено предупреждение о необходимости закончить сегодня же заседания конференции. Он предлагает поэтому приступить немедленно к чтению проектов резолюций, выработанных комиссиями.

Конференцией это предложение **принято** без прений.

Тов. **председатель** предоставляет слово тов. **Вронскому**, докладчику комиссии по рабочему вопросу.

Тов. **Вронский**. Комиссии предстояла задача — рассмотреть и выработать проект резолюции по двум вопросам: 1) о взаимном отношении между политическими и профессиональными организациями и кооперативами и 2) о фабричном терроре. — При разрешении первого вопроса комиссия стремилась установить и определенно формулировать взгляд нашей партии, противоположный точке зрения как с.-д.-ов, так и синдикалистов. Мы считаем, что и политическая организация, и профессиональные союзы, и кооперативы равно необходимы для осуществления тех задач, которые стоят перед трудовым классом, что каждая из этих группировок играет свою определенную роль в развитии социалистического самосознания трудящихся. К первоначальному проекту резолюции были внесены две поправки: одна — тов. Береславцевым, другая — тов. Ливиним. Первая была принята, вторая отвергнута комиссией. Что касается фабричного террора, то в комиссии не нашлось ни одного сторонника его. Только тов. Симеоновский, не будучи сам сторонником фабричного террора, заявил, что половина его товарищей-рабочих стоит за применение этого средства борьбы. В комиссии был также поднят вопрос об активном саботаже. Некоторые из членов комиссии, не будучи сторонниками фабричного террора, в узком смысле этого слова, высказались за нанесение вреда капиталистам путем разрушения их имущества. Комиссия не нашла возможным допустить саботаж, так как последний входит в понятие о фабричном терроре и ведет к нему. Но комиссия приняла поправку тов. Симеоновского, решающую положительно вопрос о применении так называемой «мирной итальянской забастовки», но решила не помещать ее в резолюции, а внести в Совет партии. Кроме этих поправок комиссия рассмотрела еще проект, представленный тов. Февралевым. Проект этот принят с поправкой, внесенной тов. Береславцевым. Текст проекта резолюции, принятый единогласно комиссией, таков: (см. приложение).

Тов. **председатель**. Ввиду того, что в комиссиях могли принимать участие все члены конференции, интересующиеся обсуждаемыми вопросами, предлагается конференции принять проект резолюции без прений.

Тов. **Соломин** указывает на то, что члены, занятые в одной комиссии, не могли присутствовать при обсуждении интересующих их вопросов в другой. Он предлагает поэтому предоставить членам конференции право вносить поправки в проекты резолюций, представляемых комиссиями.

Большинством 19 голосов против 11 конференция приняла предложение тов. Соломина.

Тов. **Соломин** считает необходимым обратить внимание собрания на то, что та часть резолюции, в которой, по проекту комиссии, политические организации, профессиональные союзы и кооперативы признаются равно необходимыми, может подать повод к недоразумениям и неправильным толкованиям. Он предлагает поэтому слово «равно» из текста исключить.

Тов. **Вронский**. В ответ на возражение тов. Соломина считаю необходимым сделать два следующих кратких разъяснения.

Первое: Комиссия оставила выражение «равно необходимы» и настаивает на нем потому, что данная резолюция не дает конкретных директив для настоящего момента, не оценивает сравнительной важности той или иной формы организации в современных условиях. Она выражает принципиальный взгляд партии на вопрос. Рассматривая дело с этой точки зрения, комиссия в согласии с резолюцией, предложенной Ц.К., находит все три вида организации равно необходимыми.

Второе: По самому смыслу всей резолюции выражение «равно необходимы» отнюдь не может быть истолковано как «равноценны». Поэтому те недоразумения и неправильные толкования, на которые указывает тов. Соломин, невозможны.

На основании этих соображений поправку тов. Соломина предлагаю отвергнуть.

Тов. **председатель** ставит на баллотировку поправку т. Соломина.

Конференция принимает поправку тов. Соломина большинством 26 голосов против 17.

Предложение, внесенное тов. председателем о том, чтобы резолюция была вотируема целиком, конференцией принимается всеми голосами против одного.

Проект резолюции, предложенный комиссией, принимается всеми голосами против 2.

Тов. **председатель** дает затем слово тов. Соломину, докладчику по национальному вопросу.

Тов. **Соломин**. — Трудно ввести конференцию в подробности дебатов, имевших место в комиссии по национальному вопросу, не подвергая ее обсуждению самого вопроса. Поэтому придется ограничиться установлением общей точки зрения нашей партии на национальный вопрос и выяснением положения национально-социалистических партий после разгрома и их отношения к нашей партии.

Национально-социалистических группировок или партий, с которыми нам приходится стать в определенные отношения, насчи-

тывается девять: 1) «Дашнак», 2) грузины²⁰⁹, 3) «СЕРП»²¹⁰, 4) татары²¹¹, 5) чувашаи²¹², 6) латыши²¹³, 7) эстонцы²¹⁴, 8) ППС.и 9) галицийская партия социалистов-революционеров²¹⁵.

Более всего прений в комиссии вызвало определение наших отношений к армянской партии «Дашнак». Поскольку эта партия определилась, как маловосприимчивая к идеям социализма, наша партия не должна вступать с нею ни в какие соглашения, кроме временных по специально боевым делам. Что касается того движения, которое намечается в партии «Дашнак» в смысле приближения к нашей программе, то оно еще недостаточно выяснилось, чтобы служить основанием к коренному изменению нашего отношения к этой партии.

Организация грузин федералистов-социалистов сильно пострадала от разгрома. В прошлом году она представляла собою конгломерат социалистов-революционеров, анархистов и неопределенно настроенных революционных элементов. На состоявшемся съезде произошла борьба между с.-р. направлением и анархистским, которая повела к разделению. Деятельность анархистской фракции нас не интересует; что касается фракции с.-р.-ской, то она бездеятельна и оторвана от массы.

СЕРП совершенно разбита, и наш товарищ, который ближе всего стоит к этой организации, не был в состоянии сказать нам, что осталось от нее.

В таком же положении приблизительно находятся и все другие национально-социалистические группировки, с которыми нам приходилось иметь дело. При таких условиях резолюция, по мнению комиссии, может только констатировать переходный характер теперешнего положения и дать только самые общие указания насчет тактики партии в национальном вопросе.

Комиссия приняла единогласно следующий текст проекта резолюции по национальному вопросу (см. приложение).

Резолюция в этом виде принимается конференцией всеми головами при 5 воздержавшихся.

Тов. **Григорович** получает слово для фактической поправки. Когда он давал отчет о СЕРП, то заявил, что о теперешнем положении этой организации он данных не имеет.

Тов. **председатель** дает слово тов. Нечаичу для доклада от имени комиссии по вопросу о кооперативах.

Тов. **Нечаич** перечисляет те немногие изменения, которые были внесены комиссией в первоначальный проект, представленный Центральным Комитетом, и читает следующий проект резолюции, выработанный комиссией: (см. приложение).

Тов. **председатель** спрашивает, имеются ли поправки к этому проекту.

Тов. **Алексеев** спрашивает, оставлено ли слово: «пролетариата» в начале текста.

Тов. **Нечаич**. Да.

Тов. Алексеев. Если так, то комиссия обнаружила непоследовательность, раз она решила выкинуть из первоначального текста выражение: «чистопролетарских» в применении к кооперациям.

Тов. Нечаич объясняет, что слово «пролетариат» оставлено в той части проекта резолюции, которая касается городских коопераций.

Тов. Ливин вносит поправку. Он полагает, что не следует относиться отрицательно к производительным ассоциациям, так как история не дает оснований к категорическому отрицанию их значения. Если в одних местах эти ассоциации не обнаруживают жизнеспособности, то в других они развиваются. Во Франции за последние 10 лет число их удвоилось (с 200 дошло до 400). Вырождение обнаруживается лишь в тех случаях, где предприятие требует большого капитала. За последнее время французский синдикализм стал относиться более благоприятно к производительным ассоциациям. Оратор предлагает выпустить ту часть проекта резолюции, в которой высказывается предупреждение против увлечения производительными ассоциациями.

Тов. Нечаич. Тов. Ливин указал на то, что производительные ассоциации не всюду вырождаются. Но цифры, приведенные им, ничего не доказывают, так как во Франции 10 лет тому назад было не 200 производительных ассоциаций, а гораздо больше. Анализ действительности показывает, что в начале все такие ассоциации бывают действительно одушевлены самыми благородными намерениями, но потом у них появляется категория «помощников», т.е., попросту говоря, наемных рабочих, которые эксплуатируются не меньше, чем в любом капиталистическом предприятии. Это неизбежно, и вот почему мы, как социалисты, должны относиться отрицательно к этим формам кооперации.

Тов. председатель ставит на баллотировку поправку тов. Ливина.

Поправка тов. Ливина конференцией отвергается единогласно.

Проект резолюции, предложенный комиссией, конференцией принимается большинством 28 голосов против 2 при 8 воздержавшихся.

Тов. председатель предоставляет затем слово тов. Быстренину, первому докладчику аграрной комиссии.

Тов. Быстренин. Я доложу вам о работах аграрной комиссии в той их части, которая касается вопросов о борьбе с земельным законодательством и о борьбе с землевладельцами. Задачи комиссии были в значительной степени облегчены тем, что в самой конференции никаких существенных разногласий по данным вопросам не возникало, а единственное принципиальное возражение против проекта резолюции, предложенного Центральным Комитетом, выдвинутое тов. Грачевым, было устранено вполне определенным вотумом общего собрания. Тем не менее комиссия, помимо редакционных и стилистических поправок, сочла необходимым внести в первоначальный, черновой проект резолюции, предложенный Ц.К., некоторые существенные дополнения, о которых я сейчас

вам и доложу. Во-первых, проект резолюции Центрального Комитета, охарактеризовав деятельность правительства в деревне и создающееся там, благодаря характеру этой деятельности, положение, переходит прямо к вытекающим отсюда задачам нашей партийной деятельности. Между тем совершенно очевидно, что наряду с официальным правительством в настоящий момент в деревне выросла крупная реакционная политическая сила, которая, помогая правительству и, в свою очередь, опираясь на него, вместе с тем ведет самостоятельную классовую политику и в значительной степени определяет собою физиономию современной деревни. На наших глазах происходит лихорадочная организация землевладельческого класса, и нашей партии, при определении ее задач в деревне, приходится обратить серьезное внимание на это новое и крупное политическое явление. Во-вторых, комиссия нашла необходимым дать более детальную характеристику «углубления партийной пропаганды», предлагаемого проектом резолюции Центрального Комитета, как одну из мер для борьбы с земельным законодательством правительства. Руководилась при этом комиссия следующими соображениями. Высоко оценивая наличность глубоких коллективистических моментов в земельном хозяйстве нашего крестьянства, партия социалистов-революционеров не может закрывать глаза и на те чисто индивидуалистические черты, которые кроются как в хозяйстве, так и в сознании того же крестьянства. Не вдаваясь в подробности, я укажу вам только на то, что как индивидуалистические, так и коллективистические элементы в крестьянском хозяйстве могут покоиться на одном и том же трудовом начале и что в зависимости от развития той или другой стороны этого начала, — которые К.Р. Качаровский²¹⁶ очень удачно охарактеризовал, как «право труда» и «право на труд», — будут развиваться элементы индивидуализма или коллективизма в народной жизни. Принимая во внимание наличность тех и других элементов, народнические и трудовические партии, хотя и близкие нам по духу и программе, не выдерживают, однако, нашей строго коллективистической точки зрения и делают в своих земельных законопроектах более или менее значительные уступки индивидуалистическим течениям крестьянского сознания. А между тем, опираясь в значительной мере именно на эти индивидуалистические течения, правительство и ведет свою губительную для народного хозяйства и вредную для дела социализма политику разрушения общины и насаждения частной земельной собственности в деревне. Вот почему комиссия находит, что в нашей пропаганде в деревне, наряду с изложением и детальной критикой земельного законодательства правительства (что крайне необходимо ввиду выяснившихся многочисленных случаев выхода из общины и закрепления земли в частную собственность, основанных на полном незнакомстве и непонимании соответствующих законов), необходима самая решительная критика самого принципа частной собственности и других индивидуалистических моментов крестьянского сознания, а

также вполне определенное отграничение от близких нам, но оппортунистических политических течений. Вместе с тем пропаганда должна стремиться к более детальному и конкретному изложению нашего аграрного законопроекта, ибо обычная проповедь голого принципа социализации, благодаря своей абстрактности, оставляет много туманности в крестьянском сознании и потому мало способствует, даже в местах, затронутых партийной пропагандой, распространению более сознательного отношения к земельным мероприятиям правительства. Наконец, в-третьих, комиссия обратила внимание на то, что для ведения активной борьбы с земельными мероприятиями правительства необходимы широкие кадры партийных работников, знакомых не только с общей программой партии, но также и со специальными условиями данной местности, и вместе с тем пользующихся широким авторитетом среди местного населения. Между тем, ни тому, ни другому условию не отвечают обычно наши профессиональные партийные работники, в большинстве случаев только наездами посещающие деревенские организации и ничем не связанные с местной жизнью. Помимо этого, в последний год, благодаря отливу интеллигенции из рядов партии, вообще замечалось резкое сокращение таких профессиональных работников. Вот почему комиссия нашла необходимым предложить, в качестве одной из мер для борьбы с земельными мероприятиями правительства, подготовку из среды самого крестьянства достаточного количества активных партийных работников, способных взять в свои руки всю совокупность партийной деятельности в деревне. Помимо этих трех пунктов комиссия внесла в проект резолюции Центрального Комитета только незначительные редакционные и стилистические поправки. В исправленном виде проект резолюции гласит так: (см. приложение).

Тов. Оленин, второй докладчик аграрной комиссии, говорит о той части работы аграрной комиссии, которая касается политического террора в деревне и аграрного террора. При разрешении этих вопросов комиссия руководилась основными положениями нашего мировоззрения, которыми определяется допустимость или недопустимость тех или других приемов борьбы за осуществление наших идей. Поэтому комиссия не могла стать на точку зрения тех товарищей, которые настаивали на необходимости широкого применения террора в деревне, возвышая его чуть ли не до степени главного средства борьбы против существующего строя. Против такого рода концепций комиссия высказывалась вполне категорически. Комиссия сочла далее необходимым изменить ту часть проекта резолюции Центрального Комитета, в которой говорится о применении насильственных мер партией, и придать ей определенный и ясный характер. Так же точно она придала более определенную формулировку мысли об употреблении мирных средств борьбы партией и о применении террора в деревне. Затем комиссия подвергла основательному обсуждению ту часть проекта резолюции, где говорится о хозяевах, насильственные действия кото-

рых не отличаются, по существу своему, от таких же действий лиц, облеченных правительственной властью. Комиссия признала, что мотивировка этой части проекта резолюции открывает в некоторой степени возможность проникновению контрабандным путем аграрного террора в деятельность партийных организаций в деревне, и указала на необходимость обставить такого рода акты определенными гарантиями. Не открывая дебатов о характере этих гарантий, комиссия предлагает конференции передать этот вопрос на обсуждение Совета партии. — Предложение тов. Грачева насчет распространения борьбы путем террора на дворян, как класс ответственный за всю современную политику правительства, было отвергнуто комиссией. По указанным вопросам комиссией была принята следующая резолюция: (см. приложение).

(Аплодисменты.)

Тов. **председатель** предлагает взять слово тем из товарищей, которые желают внести поправки в только что выслушанную резолюцию.

Тов. **Грачев** заявляет, что он аплодировал вместе с другими товарищами, хотя он и несогласен с пунктом о борьбе с предпринимателями. Он предлагает к фразе: «пользуясь царящим в стране полицейским и административным произволом» добавить: и «своим политическим влиянием», а фразу: «сами становятся во главе наемных шаек черкесов и пр.» дополнить словами: «и черносотенных организаций». Этими добавлениями яснее определяется характер тех действий, которые дают право смотреть на хозяина предприятия, как на воюющую сторону, открыто прибегающую к насилию.

Тов. **Оленин** отвечает тов. Грачеву, что его первое добавление излишне, так как смысл его непосредственно вытекает из предшествующей фразы. Совершать насилия, пользуясь правительственным механизмом, и значит пускать в ход для своих целей свое политическое влияние. Что касается второго добавления, то оно требовало бы специального обсуждения, так как Совет партии уже установил тот взгляд, что за принадлежность к черносотенной организации карать нельзя. Совет партии признал, что принадлежность к разным партиям не может служить основанием для физической борьбы между их членами.

Вторая часть проекта резолюции, представленного аграрной комиссией, принимается конференцией единогласно при 5 воздержавшихся.

Тов. **Филантропов** считает нужным заявить, что Уфимская и Златоустовская организации, представителями которых он является, признают желательным ведение экономического террора, как средства борьбы трудового класса за свои права.

Тов. **Борисова** читает следующее заявление:

«В частных разговорах с товарищами выяснилось, что партия социалистов-революционеров не в состоянии теперь взять на себя собрание всех социалистических революционных сил России для согласованных действий. Если это так, то, принимая во внимание, что взгляд как организованного, так и массового крестьянства на

партию именно подчеркивает ее объединительный характер, от имени Харьковского комитета вносятся следующие предложения:

1) Предложение создать при Центральном Комитете подсобный служебный орган как для собирания сил и учета того или другого переживаемого момента, так и для возможно быстрого осведомления во всех уголках России о результате этих учетов. Для этого должны собираться как районные, так и всероссийские съезды с осведомительной целью. Быстрый обмен мыслей уничтожит в значительной степени растерянность в рядах партии.

2) Предложение усилить партийную работу среди войск.

3) Предложение напомнить товарищам о необходимости особенно чутко относиться к демократическим принципам партии, как единственному способу оздоровления ее.

4) Предложение не считаться с административным делением на области, губернии и т.д., а немедленно наметить те места, в которых по тем или другим причинам прививается работа, усилить работу приливом сил и средств, взятых из неблагополучных по работе пунктов, и предоставить этим местам право объединяться по своему желанию для сношения с организационным бюро».

Тов. **председатель** объявляет, что работы конференции доведены до конца и дает заключительное слово тов. Береславцеву.

Тов. **Береславцев** заявляет, что получил от Центрального Комитета почетное приглашение — перед закрытием конференции дать общую оценку ее работ и выяснить их смысл и значение. Несмотря на плохое состояние здоровья и большую усталость, он счел своим долгом исполнить возложенное на него поручение.

В смутную эпоху, переживаемую теперь нашей страной, перед всяким, кому дороги интересы трудового народа, стоит мучительный вопрос: действительно ли закончилась русская революция, и наступит опять долгий период мрака и застоя, или же революция наша только вступила в новую фазу своего развития? Тот факт, что здесь собрались представители наших организаций с разных концов России, те многочисленные данные, которые они сообщили нам о положении дел на местах, все это не оставляет ни малейшего сомнения насчет того, как решается этот вопрос в действительности. Революция не побеждена, но, следуя естественному ходу своего развития, она очистилась от случайных элементов, затемнявших ее истинный смысл и дававших иллюзию близкой победы, и приняла резко определенный классовый характер. Внутренняя логика положения распределила общественные силы так, что на стороне революции стоят городской пролетариат и трудовое крестьянство — трудовой класс, — тогда как на стороне контрреволюции сгруппировались все слои капиталистического класса, оставившие на время, перед лицом грозящей им общей опасности, свою внутреннюю борьбу за власть. Трудовые массы остаются революционными и, сознательно или стихийно, стремятся сплотиться и объединиться. В этом стремлении масс партия видит залог первой и ближайшей победы по пути осуществления лучшего и более справедливого строя.

Что касается работ конференции, то они проникнуты здоровым пессимизмом и здоровым оптимизмом. Как партия действия, мы не закрывали глаз на истинное положение вещей, мы без колебания раскрыли все крупные недочеты и прорехи в нашем партийном деле и старались изыскать средства к улучшению и укреплению нашего положения в трудовых массах. Но мы не впали в тот болезненный пессимизм, который всюду видит одни отрицательные явления и который представляется отражением не объективных фактов, а внутренней расслабленности самих пессимистов. С другой стороны, мы не возлагали слишком больших надежд на те положительные стороны русской жизни, которые являются залогом лучшего будущего. Мы ясно сознавали, что это будущее само собою не придет, что для осуществления наших идеалов мы должны упорно трудиться и принести большие жертвы. Затрачивая все наши силы на столь суровой почве, мы проникнуты верой в торжество нашего правого дела, и в этом — наш здоровый оптимизм.

Перед нашими глазами прошла вся теперешняя жизнь партии, все партийное дело подверглось строгой и даже не всегда справедливой критике; наш Центральный Комитет отвечал на многочисленные, заданные ему тут вопросы, которые в некоторых случаях превращались в «допрос с пристрастием». И что же? Есть ли здесь хоть один человек, который серьезно не верил бы в жизнеспособность и работоспособность нашей партии? Нет: партия социалстов-революционеров обладает всеми элементами, которые нужны для продолжения работы, и — она будет продолжать работу...

Наша конференция будет, может быть, поворотным пунктом в революционном движении, потому что после разгрома социалистических партий, произведенного контрреволюцией в течение двух последних лет, она является симптомом концентрации революционно-социалистических сил для нового натиска на объединенного врага. Борьба теперь будет более упорная, но и положение теперь несравненно яснее, чем три года тому назад. Но трудовой класс будет расти и крепнуть в процессе борьбы, и исход ее не вызывает в нас никаких сомнений. Вместе с нами верят и надеются страждущие и трудящиеся всего цивилизованного мира, потому что социальное содержание русской революции вскрылось перед глазами всего мира. И в то время как капиталистические классы Франции, Англии и Германии, в страхе перед своим внутренним врагом, поддерживают морально и материально русскую контрреволюцию, олицетворяющую все разносторонние интересы капитала, мы, деятели русской революции, ни на минуту не должны забывать те кровные тесные узы, которые объединяют трудящихся всего мира в одну международную социалистическую семью. (*Продолжительные рукоплескания.*)

Тов. председатель объявляет заседания конференции закрытыми.

*Протоколы первой Общепартийной конференции П.С.-Р.
Август 1908. Издание ЦК П.С.-Р. Париж, 1908.*

№ 7

**ПРИЛОЖЕНИЯ К ПРОТОКОЛАМ
ПЕРВОЙ ОБЩЕПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

I

**Сводка данных, полученных при опросе лиц,
участвовавших на Первой общепартийной конференции
в августе 1908 г.**

Всего опрошены 61 чел[овек].

Распределение по возрасту:

Моложе 20 л. — 1 (1,64 проц.); 20—25 л. — 8 (13,11); 25—30 л. — 19; 30—35 л. — 10 (16,39 проц.); 35—40 л. — 7 (11,47 проц.); 40—45 л. — 5 (8,20 проц.); 45—50 л. — 4 (6,56 проц.); 50—55 л. — 1 (1,64 проц.); 55—60 л. — 4 (6,56 проц.); 61—65 л. — 1 (1,64 проц.); неизв. — 1 (1,64 проц.).

По национальностям:

Русских — 46 (75,41 проц.); евреев — 9 (14,75 проц.); немцев — 2 (3,28 проц.); армян — 2 (3,28 проц.); грузин — 1 (1,64 проц.); латышей — 1 (1,64 проц.).

По образованию:

С высш. образ. — 18 (29,51 проц.); неоконч. высш. уч. зав. — 20 (32,79 проц.); со средн. обр. — 10 (16,39 проц.); неоконч. ср. учебн. зав. — 4 (6,56 проц.); с низш. обр. — 9 (14,75 проц.).

По профессиям (в настоящее время):

Професс. парт. работн. — 30 (49,80 проц.); литераторов — 12 (19,80 проц.); рабочих — 5 (8,20 проц.); врачей — 2 (48 проц.); фельдш. — 1 (1,64 проц.); учитель — 1 (1,64 проц.); конторщиков и бухгалтеров — 2 (3,28 проц.); библиотекарь — 1 (1,64 проц.); готов. к поступл. в университет — 1 (1,64 проц.); студентов — 2 (3,28 проц.); неизвестных профессий — 4 (6,56 проц.).

Сколько лет участвует в револ. движении:

От 2 до 5 — 14 (22,95 проц.); от 5—10 л. — 17 (27,87 проц.); от 10—15 л. — 10 (16,39 проц.); от 15—20 л. — 3 (4,92 проц.); свыше 20 л. — 14 (22,95 проц.).

Сколько лет в с.-р. организациях:

Меньше 1 г. — (0,0 проц.); от 1 до 2 л. — 3 (4,92 проц.); 2—3 — 4 (6,56 проц.); 3—4 — 9 (14,75 проц.); 4—5 — 13 (21,31 проц.); 5—7 — 10 (16,39 проц.); свыше 7 л. — 17 (27,87 проц.); неизвестно — 5 (8,20 проц.).

Состоял ли членом другой партии:

Не были членами других партий — 36.

Членами Крестьянского союза — 1.

Членами Военного союза	— 1
" Р.С.Д.Р.П.	— 3
С.-д (не чл. партии)	— 1
Дашнакцутюн	— 2
Союза с.-р.	— 2
Черного передела	— 1
Народной Воли*	— 11
Кружка чайковцев	— 1
Агр. соц. лиги	— 1
Все стадии движения с 70-х гг.	— 1.

Привлекался к ответственности:

а) Дело не доходило до суда:

Не привл. совсем — 8; 1 раз — 15; 2 — 9; 3 — 3; 4 — 4; 5 — 3; 6 — 1.

б) Привлекался к суду:

1 раз — 27; 2 раза — 3; 3 раза — 1.

Сколько раз были обыски:

Ни разу — 5; 1 об. — 10; 2 об. — 7; 3 об. — 9; 4 об. — 6; 5 об. — 2; 6 об. — 4; 7 об. — 2; 10 об. — 4; 15 об. — 1; много раз — 10; неизвестно — 2.

Если считать «много раз» — в среднем не менее 5, то общее число обысков равняется — 228 или в среднем на человека 3.72 обыска.

К каким наказаниям приговаривался:

К гласному надзору — 5; тюремному заключению — 10.

Ссылке: на 2 г. — 1; 3 г. — 9; 4 г. — 5; 5 л. — 1; 6 л. — 3; 7 л. — 2; 8 л. — 2; 9 л. — 1; 10 л. — 1.

Ссылке на поселение — 2; каторге — 7; дело оставалось без последствий — 18.

Сколько раз сидел в тюрьме:

Ни разу — 9; 1 раз — 16; 2 — 9; 3 — 15; 4 — 2; 5 — 5; 6 — 3; 7 — 0; 8 — 2; всего 146 раз.

Сколько лет проведено в тюрьме:

Меньше $\frac{1}{6}$ г. — 10 ч.; $\frac{1}{2}$ г. — 6; 1 г. — 6; $1\frac{1}{2}$ — 9; 2 — 4; $2\frac{1}{2}$ — 2; 3 — 3; $3\frac{1}{2}$ — 4; 5 — **; 6 — 1; 7 — 1; 8 — 1; 9 — 0; 10 — 0; 11 — 1. Всего 104 года и $1\frac{1}{2}$ месяца.

Сколько лет проведено на каторге:

Не было совсем — 54 ч.; 5 лет — 1 ч.; 6 л. — 2; 12 л. — 1; 18 л. — 1; 20 л. — 1 ч.; 23 г. — 1 ч.; всего — 88 лет.

* Подсчет делался только относительно членов партии Н.В., но не народовольческих кружков. — *Прим. док.*

** В документе нет цифры.

Основные положения доклада:

Во время реакции, упадка настроения, ослабления организаций, особенно остро чувствуется потребность сохранить и укрепить прочные, хотя бы и небольшие, партийные организации в крестьянстве, усилить и сделать прочной и постоянной их связь с партией. Вопрос организационной работы в деревне, таким образом, выдвигается на первый план.

Задачи деятельности наших организаций в деревне страшно многосторонни и сложны.

Наряду с общей партийной пропагандой и агитацией стоит и такая неизбежная задача, как борьба против аграрной политики правительства, конкретно — против выхода из общины, против грабежа мирской земли, — организация крестьян на защиту общины, на отстаивание мирских прав и трудового права вообще против индивидуалистических и буржуазно-собственнических инстинктов и течений. Особенно остро стоит эта задача в губерниях, откуда идет широкая переселенческая волна и скупка оставляемых переселенцами земель кулаками в частную собственность.

Организация крестьян на почве местных нужд и интересов ставит также целый ряд задач: борьба с кулаками, помещиками, администрацией, влияние на сельских и волостных сходах, проведение своих людей на выборные общественные должности, выборы в земство и т.д.

Вся эта работа требует, с одной стороны, надлежащего состава организаций, и с другой — их объединения, обмена опытом, взаимной помощи, проведения одной общей тактической линии поведения.

Первичные ячейки — крестьянские братства и союзы — должны состоять из партийных людей, крестьян и интеллигентов, принимающих основные положения нашей программы и разделяющих ее ближайшие (исторические) требования.

Эти местные ячейки должны объединяться в волостные братства и союзы, а через посредство их комитетов в районные и уездные союзы, связанные с уездными партийными организациями, а где таковых нет, непосредственно с губернскими.

Организационной связью, помимо рассылки литературы и разного рода запросов и указаний, должны являться объезды организаций и регулярные съезды: представителей волостных организаций, губернские и областные съезды крестьян и крестьянских работников.

Помимо местных вопросов, эти съезды обязательно должны обсуждать и вопросы общепартийные.

С другой стороны, в общей партийной организации должна быть также установлена близкая связь с крестьянской работой.

Областные и губернские съезды должны включать представителей всех форм и отраслей работы; на них особенно широко и разносторонне должны обсуждаться вопросы тактики и работы в деревне, и решения их должны отсылаться в руководящие учреждения партии, чтобы они были для них материалом при разработке планов и задач общепартийной работы.

Ц.К. должен суммировать опыт партийной работы в деревне. Для этого должно быть создано при нем постоянное подсобное учреждение. Все ценное из этого опыта должно делаться общепартийным достоянием.

Помимо этих общих вопросов, необходимо еще остановиться на некоторых детальном вопросах организационной работы.

Насущною задачей, при малочисленности интеллигенции, является выработка партийных работников, умелых и способных руководителей наших организаций в деревне, из самих крестьян. Подготовительная программа занятий для этой цели может быть выработана, лишь опираясь на мнения и опыт местных работников. Необходимо широко использовать отхожие промыслы, — движение сельскохозяйственных рабочих с родины на рынки найма и обратно, обычные передвижения сезонных рабочих: строительных землекопков, каменщиков, маляров и т.д., также поездки на побывку домой приказчиков, ремесленников и т.п., — как для распространения литературы, так и для завязывания связей, для увеличения нашего влияния. Приходится в этом отношении отметить большой пробел в нашей работе.

Но еще больший пробел — по отношению к учащейся молодежи. Помимо того, что представляемые этою молодежью громадные возможности в деле поддержания и завязывания связей, передачи литературы и т.п. совершенно почти не используются, и самая работа по подготовке учащихся к партийной деятельности за последние годы почти заброшена. Между тем, уже одно ожидаемое увеличение количества учителей в деревне дает надежду и на увеличение числа партийных работников из них. Настоятельно необходимо усиление нашей работы среди учащихся.

Последним встает вопрос о влиянии на широкие беспартийные крестьянские массы, об организации их.

Широко разлившиеся во время свобод организации Всероссийского Крестьянского союза на деле никакой серьезной и прочной организации из себя не представляли и при развитии реакции быстро сошли на нет. Теперь по условиям момента и по состоянию сознательности крестьянской массы, надо признать малонадежным и бесплодным делом создание нелегальных беспартийных крестьянских организаций. Надо обратить внимание на легальные организации — кооперативы, товарищества и т.п. Создание и развитие этих организаций — одна из самых существенных задач наших местных ячеек.

Такие организации дадут возможность влиять на широкие массы, выбирать и готовить людей в партийные организации,

создадут опору для деятельности нелегальных партийных ячеек — в виде возможности легально собираться, съезжаться и т.п. Эта работа даст содержание и всей жизнедеятельности партийных ячеек, доставит близкий и живой материал для обсуждения, выдвинет целый ряд вопросов, задач и дел.

Вот те задачи, которые представляются желательными в интересах партийной работы в деревне в настоящий момент.

III

О сельскохозяйственных стачках (Доклад т. Иванова)

Почти до самого последнего времени на стачку в деревне в сельскохозяйственных предприятиях, как на средство классовой борьбы, обращалось слабое внимание со стороны большинства социалистов. Несмотря на то, что стачка издавна применялась в деревне при столкновении трудящихся с их эксплуататорами в целях воздействия на них для ослабления эксплуатации, тем не менее она считалась средством борьбы преимущественно в руках фабрично-заводского пролетариата, который казался склонным и наиболее приспособленным к такой борьбе.

Нашей партии, признающей единство рабочего класса в городе и деревне, не могла быть свойственна такая узкая точка зрения на сельскохозяйственную стачку. Для нас очевидно, что как фабрично-заводскую, так и сельскохозяйственную стачку сама жизнь выдвинула на видное место в социально-экономической борьбе. Грандиозные сельскохозяйственные стачки, имевшие место в Италии, Венгрии и Галиции, представляются в этом отношении достаточно убедительными. Теперь же стачечное движение у нас в России в 1905, 1906 и 1907 гг. дает новое доказательство того, какое громадное значение имеет с.х. стачка в жизни рабочих масс.

В 1906 году с.х. стачки захватили 143 уезда, в 1907 г. — около 30. В текущем 1908 году, при всех неблагоприятных (политических и экономических) условиях, они вспыхивали в нескольких местах, несмотря на неблагоприятные виды на урожай. Если мы будем иметь в виду только сельский пролетариат, работающий по найму в помещичьих хозяйствах, то и тогда вопрос о стачках касается значительных масс трудового населения. По данным всеобщей переписи, такого пролетариата у нас насчитывается около 3 миллионов человек (взрослых). Но сельскохозяйственные стачки захватывают не одни чисто пролетарские элементы деревни, — та часть деревенского населения, которая ведет самостоятельное земледельческое хозяйство, вступает с местными помещиками в обязательные отношения по найму, по аренде земли, а потому, подвергаясь эксплуатации со стороны последних, также прибегает к стачке. Таким образом, стачка в деревне захватывает все главные разновидности рабочего класса: и пролетариат, и трудовое крестьянство.

До 1905 года с.х. стачки имели более или менее заметное распространение в Польше, Прибалтийском и юго-западном крае. С этого же года они получают широкое распространение во всей России. В 1906 г. стачки сельских рабочих начались вместе с весенними работами. Первая забастовка была в Бердичевском уезде в конце февраля. Затем в апреле забастовки вспыхнули в некоторых уездах Царства Польского. Требования рабочих были здесь всюду более или менее однородные и сводились, главным образом, к следующему: повышение жалованья, улучшение жилищ, бесплатность медицинской помощи, обязательное начальное обучение детей служащих на счет помещиков, наложение штрафов при участии выборных от рабочих, вежливое обращение со стороны администрации экономии и т.д. Кроме уездов Царства Польского, движение на почве найма проявилось в апреле при весенних работах в следующих уездах: Аткарском, Балашовском, Белостокском, Лохвицком, Нежинском, Саратовском, Ялтинском. После такого начала правительство спешит издать закон о стачках. По закону 15-го апреля²¹⁷ со всей свирепостью, на какую способен помещичий класс, карается «подстрекательство» к стачке и «причинение вреда имуществу». Особенно закон грозит «сообществам, направившим свою деятельность к возбуждению рабочих, к самовольному прекращению сельских работ» (крепость от 1 года и 4 мес. до 4 лет).

Как ни спешило правительство этим законом предупредить развитие стачечного движения, оно возникло и разлилось широкой волной по многочисленным селениям и деревням. Закон этот лишь дал возможность мстить рабочему классу на законном основании за его попытки улучшить свое положение. Уже с первых чисел мая начали появляться сведения о растущем движении среди сельских рабочих — на этот раз не только на окраинах, но и в губерниях центрально-земледельческого и промышленного районов.

В Польше забастовки происходили в уездах: Плоцком, Малковском, Радомысльском, Сохачевском, Ломжинском, Мариампольском и в Седлецкой губ. Стачечники требовали здесь: повышения поденной платы рабочему до 75 коп. и работнице до 50 коп.; отвода земли под посевы картофеля в пользу батрака в три раза больше, чем теперь; содержания батрацкого скота на счет помещика.

Другим районом стачечного движения явился юго-западный край, преимущественно губернии Киевская и Подольская. Здесь в большинстве случаев борьба носила планомерный характер; велась она организациями сельских рабочих. Местами удавалось добиться довольно крупных уступок со стороны хозяев. Так, напр., в Сквирском и Васильковском у.у. Киевской губ. крестьяне большинства сел ввели явочным порядком девятичасовой, а в некоторых случаях и 8-ми часовой рабочий день на бурачных плантациях. Поденная плата путем забастовок была поднята с 20 до 50 — 70 коп. для женщин и подростков, косари стали получать по 1 р. за 9-ти часовой день.

В северо-западном крае стачечное движение за май — август охватило 20 уездов. Главные требования здесь сводились к следующему: повышение заработной платы, улучшение жилищных условий, а также сокращение рабочего дня.

Четвертым районом стачечного движения явился в 1906 г. юг. Здесь движение носило менее организованный характер, чем в трех предыдущих районах, но тем не менее согласованность в действиях и здесь была значительная. Это сказалось, между прочим, в однородности требований, выставлявшихся забастовщиками. Главное требование здешних рабочих сводилось к повышению заработной платы мужчинам до 1 руб. 50 коп., женщинам до 1 руб., подросткам до 60—70 коп. в день и к улучшению пищи. В Елисаветградском уезде стачечники требовали также сокращения рабочего дня до 10 час. в сутки, вежливого обращения, выдачи платы еженедельно и уплаты за время забастовки. Особенно сильное движение в 1906 г. проявилось однако не на окраинах, а в центральной черноземной полосе России. Оно охватило здесь губернии: Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Курскую, Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую и Саратовскую — всего в них около 66 уездов. В числе требований и здесь видное место занимали повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, перерыв для отдыха, улучшение пищи и т.д. В некоторых местах (Балашовский уезд) было выдвинуто требование еженедельного расчета с рабочими; плата за сверхурочные часы; отмена штрафов; в случае болезни — вычетов не делать; в случае увечья — медицинская помощь на счет хозяина и страхование. Кроме того, в черноземных губерниях стачечная борьба коснулась арендных отношений. Арендные цены этим путем были понижены во многих местностях. Так, в Херсонской губ. — с 18 руб. до 8 руб. за десятину; в Воронежской — на 30—40 проц. и т.д. В Курской губ. весной 1907 г. все общества Николаевской волости составили приговора, в которых устанавливалась арендная плата за десятину не выше 6 руб.

Обращаясь к рассмотрению общего характера наших с.х. стачек, необходимо отметить, что с.х. стачки за рассматриваемое время не были везде однородными по своим конечным целям. В одних случаях с.х. рабочие ставили своей целью улучшение условий найма, не касаясь условий землевладения и хозяйства. Согласно этому предъявлялись требования в надежде на их исполнение. Такого рода характер стачечное движение носило главным образом на юго-западе и отчасти на северо-западе, т.е. в районах, где помещичьи земли обрабатываются преимущественно батрацким трудом. Не имея самостоятельного хозяйства, рабочие-пролетарии ограничивались требованиями в пределах уже сложившихся в данной местности хозяйственных отношений.

В центральных губерниях и губерниях юго-восточных, где среди сельского населения преобладает трудовое крестьянство, заинтересованное в земельном вопросе, стачечное движение в боль-

шинстве случаев осложнялось особой задачей — выкурить помещиков из их поместий, поставив их в условия, при которых невыгодно ведение хозяйства. В таких случаях требования стачечников-крестьян о повышении заработной платы предъявлялись с таким расчетом, что они покажутся невыгодными помещику, и он, признав невозможным вести свое хозяйство при подобных условиях, бросит землю.

Так, например, в приговоре крестьян Покровской волости (Тамбовской губ.) поденная плата мужчин установлена в 3 руб. (вместо 75 коп.), месячному рабочему на хозяйских харчах — 30 р. (вместо 5—6 р.), пастуху — 20 руб. (вместо 3—4 р.), скосить десятину ржи — 20 руб. (вместо 1 р. 50 коп. — 2 р.). Такие стачки, направленные к изменению социально-экономических отношений, в сущности говоря, являются одним из способов борьбы за землю. В качестве такового они могут иметь место только в периоды повышенного политического настроения, как то было в 1906 году. В другое время с.х. стачка и бойкот остаются прежде всего средством экономической борьбы, как орудие воздействия на хозяев в целях заставить их согласиться на улучшение условий найма или аренды. Уже 1907 г. с изменением политической конъюнктуры дал значительно меньшее количество стачек, причем они носят характер уже исключительно профессионально-экономической борьбы. То же самое наблюдается в текущем 1908 году.

Для нас не может быть никаких оснований отрицать значение такого рода борьбы в деревне. Пока земельный вопрос не решен согласно требованиям трудового класса, пока существуют отношения аренды и найма, для рабочего класса необходимо употреблять усилия на то, чтобы ослаблять позиции врага и укреплять свои. Стачки содействуют этому двумя путями: вырывая у помещиков уступки, они содействуют повышению жизненного уровня рабочих масс, делают их более способными к восприятию революционных идей и повышают их устойчивость в борьбе; с другой стороны, стачки развивают организационные навыки, развивают в массах привычку действовать сообща и дружно. Значение стачки в классовой борьбе сказалось ярко в нашем стачечном движении. Так, по наблюдениям корреспондентов статистического отделения Саратовской губ. земской управы, два голодных года и сократившаяся экономическая запашка создавали к 1906 г. все условия для понижения цен на рабочие руки. Однако в общем цены не только не упали, как они падали всякий раз в подобных обстоятельствах, но даже скорее возросли. Поскольку в корреспондентских сообщениях есть объяснения повышенных цен на рабочие руки, они почти все одинаково «объясняются с.х. забастовками», «благодаря волнению между крестьянами», «от нынешних народных движений — рабочие не шли на работу».

Под влиянием только слухов о забастовке у соседей крестьяне приходили в повышенное настроение, начинались разговоры и нередко помещики спешили уступками предупредить стачку. «Сдви-

галось с места, — пишет один корреспондент, — нечто трудно уловимое цифрами, но существенно важное во взаимном отношении сторон» («Товарищ»²¹⁸, 1907 г. № 413). «Сознание крестьянами своей силы послужило поводом к стачке, — пишет корреспондент статистического отделения из деревни Бедняковки Аткарск[ого] у. — Так как стачки повели к желательным результатам для рабочих, то у них появилась уверенность в своих силах и на будущее. Если правительство не будет преследовать их, то в будущем владельцам придется считаться с этим».

Стачка требует большого напряжения и искусства со стороны рабочих масс, а потому организационный вопрос для стачки имеет особо важное значение.

Стачка требует, чтобы момент для ее объявления был выбран удачно; затем необходимо координировать действия масс, необходима устойчивость стачечников, материальная поддержка их и соблюдение целого ряда чисто технических приемов при объявлении, проведении и прекращении стачки. Все необходимые условия для успешного проведения стачки с наибольшей полнотой могут быть выполнены при наличии определенной постоянной организации, объединяющей боевые силы рабочих масс. В этом отношении в деревне необходима профессиональная организация, объединяющая трудовое крестьянство и с.х. пролетариат.

Наиболее выработанный тип такого рода сельской организации представляет нам Италия в виде своих крестьянских лиг сопротивления и улучшения. Вначале здесь также, как и всюду, аграрное движение носило стихийный характер. Затем под влиянием жизненных уроков оно приняло вполне организованные формы. Итальянская организация рабочего класса в деревне пережила ряд разгромов и возрождений, пока не окрепла в форме современных лиг. С 90 гг. началось быстрое развитие лиг, и с 1900 года с.х. стачки перестали быть стихийными, они организуются лигами. На лигах лежало общее регулирование отношений между хозяевами и рабочими. Теперь большинство лиг образуется местными социалистическими кружками. Устроив общее собрание, одобряют устав, назначают сборщиков членских взносов для ежемесячного сбора — 10 центезимов с члена. Собрание членов ежегодно устанавливает тарифы заработной платы в сельском хозяйстве. Избранный ими комитет ведет переговоры с хозяевами и распределяет между членами работу. В конце каждой недели секретариат лиги обходит хозяев и берет у них заработок членов для распределения между ними: никто не в праве приступать к работе или получать заработную плату без разрешения комитета. Местные лиги вступают в федерацию, внося в месяц по 5 центезимов за каждого члена. Федерация содействует развитию местных лиг и наблюдает за их деятельностью, защищает их экономические и духовные интересы. Совет федерации составляется из делегатов лиг по одному от каждой. Он ежегодно выбирает исполнительный комитет из трех лиц. Этот триумvirат играет весьма важную роль и в с.х.

стачке. Исполнительный комитет утверждает тарифы заработной платы для каждого сезона, он же утверждает решение местной организации бастовать. Задумывая стачку, всякая лига обязана немедленно известить об этом комитет и ожидать его решения.

Такого рода организация, объединяющая боевые силы деревни в местные и районные федерации, представляется наиболее целесообразной и способной использовать в полной мере оружие стачки в классовой борьбе.

В Италии 1901 и 1902 гг. после укрепления лиг были самыми богатыми по количеству стачек и особенно благоприятными по их результатам, находившимся в прямой зависимости от организации крестьян. Так, по данным министерства земледелия, за один 1901 г. в сельском хозяйстве имело место 629 стачек, между тем как в индустрии было 1042 стачки. По числу участников стачек аграрные стачки с 222.985 человеками превосходили индустриальные, в которых принимало участие только 196.540 чел. Большая часть аграрных стачек увенчалась в 1901 г. успехом: на четыре стачки, окончившиеся полной или частичной победой приходилась только одна стачка, приведенная к полному поражению. Не удавались преимущественно мелкие стачки. На одну неудачную стачку приходилось в среднем лишь 200 рабочих, при общей средней в 355 человек.

Подводя баланс выигрышей и потерь рабочего класса от стачек в деревне, официальная статистика приходит к выводам, весьма благоприятным для стачечников. Потери на заработной плате за «прогульное» время доходят приблизительно до 3.800.000 лир. Выигрыш же стачечников на повышении заработной платы по приблизительному подсчету, — на основании среднего повышения поденной платы и в предположении, что повышенная плата продержится в течение рабочего года, — оценивается в 7.700.000 лир. Чистого выигрыша остается, следовательно, около 4 мил. лир. При этом не принимается во внимание, что повышение заработной платы неминуемо распространяется, хотя, быть может, и не сразу и не в такой мере, также на рабочих, в стачке непосредственного участия не принимавших. Кроме того, стачки преследовали и добивались изменения условий труда: сокращения рабочего дня, условий половничества и т.п.

У нас такого рода организацией мог бы быть «Всероссийский Крестьянский союз», поставленный, как профессиональная организация трудового крестьянства. Уже за непродолжительное время своего существования возникавшие крестьянские союзы давали положительные результаты в своей деятельности.

Но нахлынувшая реакция постаралась снести зародыши Крестьянского союза. Специально против стачек издается новый закон, преследующий пропаганду и организацию стачки. При наличии такого закона, при отсутствии политической свободы, представляется немыслимой легальная организация стачечной борьбы в широких размерах, и перед нами возникает в высшей степени труд-

ный вопрос: что же делать? С одной стороны, мы хорошо знаем, что только стачечной борьбой рабочий класс может отвоевывать себе уступки у помещиков в целях улучшения своего положения и что стачка в известный момент может явиться важным фактором политической борьбы уже как чисто революционное средство. С другой стороны — для широкого стачечного движения необходима предварительная организация широких масс, а таковая организация при наших политических условиях в ближайшее время не представляется возможной.

Нужно ли отказаться от сел. хоз. стачек, от их пропаганды до осуществления политической свободы или можно найти какой-нибудь выход?

Прежде всего, не представляется никакой возможности говорить об отказе от стачек. Эксплуатация, непосредственный гнет заставляет трудящихся неизбежно прибегать к стачкам. Если бы рабочий класс хотя временно отказался от применения стачки, то неизбежно последовало бы усиление эксплуатации. Это непосредственно ощущается массами, и рабочий класс стремится при всяком удобном случае осуществить свое право стачки революционным путем.

Наше стачечное движение выдвинуло несколько своеобразных форм стачечных организаций, приспособляющихся к условиям русской действительности, для проведения стачек.

Здесь прежде всего проявил себя старинный уклад нашей деревни. Это — привычка действовать «миром». У нас, как известно, во многих случаях руководство стачкой принимали на себя сельские сходы. На сходах составлялись общественные приговоры, обязывавшие всех членов общества проводить стачку или бойкот. Составлялась такса цен на рабочие руки или арендную плату и вообще на сходах вырабатывались требования, которые надлежало предъявить владельцам. Иногда участники обязывались штрафом на случай неисполнения приговора. Затем выбирались лица, которые должны были предъявлять требования и следить за выполнением приговора. В Тамбовской губернии для получения заработной платы были выбраны особые уполномоченные, на обязанности которых лежало также и наблюдение за тем, чтобы никто ниже этой цены не работал. В Епифановском уезде Тульской губернии в селениях, расположенных близ экономии Писарева и князей Голицыных, крестьяне на сходах установили новые таксы за поденные работы и новую плату месячным работникам. Причем решили, что все дела с экономией по найму работников должен вести «мир», а потому экономия должна только довести до сведения «мира», сколько и каких работников ей надо (Н.Ж. № 480).

В Козловском уезде землевладельцы были распределены между селениями крестьян, которых они должны были нанимать на работу.

Общественные приговоры в качестве первичной стачечной организации явились преимущественно в черноземной и восточной по-

лосе России. На юго-западе и северо-западе первичной стачечной организацией явились преимущественно стачечные комитеты, состоявшие не менее, чем из 3-х человек, и избиравшиеся рабочими.

Когда стачка касалась нескольких соседних селений, то представлялась естественная необходимость образовать какие-нибудь объединяющие центры. В качестве таковых выступили районные стачечные комитеты, стачечные бюро, или Советы крестьянских депутатов, Обширная организация возникла в Саратовской губ. в июле 1906 года, когда стачка захватила 10 волостей Аткарского, Сердобского и Балашовского уезд[ов]. Центром движения явилось большое село Аркадак, служившее местом найма для пришлых рабочих. Во главе движения стал выборный стачечный комитет, который с успехом руководил движением. Помещики начали было делать уступки, но вмешательство администрации внесло дезорганизацию, и движение расплылось. На юге забастовкой руководили особые забастовочные бюро, избранные на общем собрании представителей местных стачечных комитетов. На особых совещаниях вырабатывались правила взаимоотношений бюро и комитетов. В Брацлавском и Гайсинском уездах Подольской губернии в 26 селах образовался «Совет крестьянских депутатов», который должен был руководить всеобщей местной забастовкой, когда наступит жатва и сенокос. Как видим, все наши временные стачечные организации в своей деятельности в той или иной степени воспроизводят те же приемы, какие употребляются постоянными профессиональными организациями в деревне. Они объединяют местные силы и направляют их к определенной цели. Главный их недостаток — это отсутствие предварительного знакомства с приемами ведения стачки, отсутствие прочной организации и стачечного фонда для поддержки стачечников.

В минувший период стачечного движения эти недостатки искупались общим подъемом настроения, который увлек в одно общее движение широкие массы. Но в обыкновенное, будничное время нельзя рассчитывать только на такой подъем.

Постольку поскольку невозможна в настоящее время общая и постоянная профессиональная организация трудового крестьянства, перечисленные выше стачечные организации — общественные приговора, стачечные комитеты — являются необходимыми в стачечной борьбе, чтобы она не была только стихийным брожением рабочего класса, а целесообразно отстаивала его классовые интересы. Нашей задачей в этом вопросе является внести больше сознания, больше осведомленности в рабочие сельские массы при применении этих приемов борьбы.

Рассматривая далее значение намеченных форм стачечной борьбы, необходимо несколько остановиться на случаях, когда стачки могут регулироваться общественными приговорами. Необходимо учесть то обстоятельство, что широкое применение такого рода стачек возможно лишь в моменты особого подъема политического настроения рабочих масс. В 1906 году такие стачки полу-

чили широкое распространение потому, что стачечное движение явилось борьбой за землю, в которой заинтересованы все члены данного сельского общества, или, по крайней мере, подавляющее большинство их, это-то и вызвало такую дружную деятельность сельских сходов. Такой же готовности к стачечной борьбе или бойкоту трудно ожидать в обыкновенное, так сказать, будничное время, при борьбе исключительно за улучшение условий найма. В селениях в наем отпускают рабочие руки далеко не все дворы, а потому не все члены данной общины могут быть заинтересованы в борьбе за улучшение условий найма. В таких случаях нет оснований рассчитывать на составление соответствующего общественного приговора. В таких случаях все бремя стачечной борьбы ложится исключительно на те группы, которые отпускают в наем рабочие руки, и в таких случаях более целесообразно говорить о стачечных комитетах, а не об общественных приговорах. Деятельность сельских сходов с большей необходимостью выступает в других случаях, именно при аренде земли. В условиях аренды, по крайней мере в земледельческих губерниях, обыкновенно заинтересовано большинство общинников. Наем земли в аренду очень часто производится целыми обществами. Таким образом устраняется конкуренция со стороны наиболее сильных общинников. Стачка из-за аренды иначе, как целыми обществами, вряд ли мыслима, так как в противном случае всегда найдутся лица, которые набьют цены и сорвут стачку. Мало того, необходимо еще иметь в виду то обстоятельство, что обыкновенно один и тот же помещик эксплуатирует арендой несколько соседних общин, нуждающихся в земле. Если изменения условий аренды потребует одна из них, не войдя предварительно в соглашение с другими, то это может привести к тому, что земля будет разобрана другими обществами. В таких случаях стачка будет целесообразной только тогда, когда она будет проводиться всеми обществами, арендующими землю у одного и того же помещика.

В случае упорства помещика при общем согласии стачка легко может перейти в бойкот. И если все общества будут действовать дружно, то имеется большая надежда на успех. По крайней мере, отдельные факты из истории крестьянской борьбы вполне подтверждают способность крестьянства на упорное проведение стачки и бойкота из-за аренды. Так, в 1903—4 гг. в селе Дьяковке, Гайсинского уезда Подольской губ. крестьяне упорно бойкотировали соседнего помещика. В течение 2—3 лет они категорически отказывались выходить на работу на помещичьи поля, несмотря на повышенную плату. Бойкот заставил помещика расстаться со своим имением и сдать купцу-арендатору. Но арендатор оказался в таком же положении и через 2 года был вынужден, под давлением продолжавшегося бойкота, передать свою арендованную землю крестьянам села Дьяковки, и это решительно улучшило их экономическое положение. В селе Шепелевке (Саратовск. губ.) местный кулак-арендатор перебил у крестьян помещичью землю, которой

они раньше пользовались и затем, зная их безвыходное положение, предложил им землю от себя в очень ограниченном количестве, да еще по очень высоким ценам (20—25 р. за дес. на один посев). Тогда крестьяне применили к кулаку бойкот: они отказались почти всем селом наниматься к нему на какую бы то ни было работу. В горячую, страдную пору, когда дорог каждый час, арендатор таким образом оказался в безвыходном положении.

Таким образом, руководство стачечной борьбой неизбежно выпадает на стачечные комитеты, хотя бы временного характера, и в известных случаях на общественные приговоры. Подготовительная работа и объединяющая роль выпадает на крестьянские конференции и съезды по стачечным вопросам. В период минувшего стачечного движения нередко устраивались местные и районные конференции из представителей местных организаций и представителей, избранных сельскими сходами. Такие конференции происходили обыкновенно уже во время стачки или перед самым объявлением ее. Они служили одним из средств для объединения местной борьбы и разрабатывали текущие вопросы, вызываемые стачкой. Такого рода деятельность может быть значительно расширена. Вполне возможно, чтобы конференции не только служили уже возникшей или возникающей стачке, но и служили бы для возбуждения интереса к такой борьбе среди сельского населения и знакомили бы его с общими вопросами стачечной борьбы. Поэтому желательно, чтобы в тех местностях, где развиты отношения аренды и найма, конференции по стачечным вопросам собирались перед обычным периодом съема земли и перед началом работ. Если нет постоянных крестьянских организаций, которые могли бы присылать на них своих представителей, то конференции могут составляться сообщами из сознательных крестьян данной местности. Конференции должны ставить своей целью обсуждение вполне конкретных вопросов, касающихся условий найма и аренды и стачечной борьбы. Так обсуждению конференции могут подлежать такие вопросы: 1) какие помещики существуют в данной местности и как они эксплуатируют рабочий народ; 2) сколько у них земли, сколько рабочих требуется им для обработки и уборки; 3) откуда их нанимают; 4) каков спрос на рабочие руки в данном году; 5) сколько земли сдают в аренду и на каких условиях? и т.д.

После обсуждения подобных вопросов может быть решен вопрос и о том, какие цены на арендуемую землю и на рабочие руки возможно в данный сезон установить и поддержать, если нужно, стачкой.

Предварительное обсуждение подобных вопросов на конференциях, а главное, выработка тарифов и их опубликование перед массами будет иметь, с одной стороны, подготовительное значение на случай стачки, а с другой стороны, послужит агитационным средством, — будет наталкивать инертные массы на мысль о необходимости бороться за улучшение своего положения.

Далее, нужно иметь в виду, что успех всякой стачки зависит от предварительной осведомленности рабочих о задачах и приемах стачечной борьбы. Вместе с тем необходимо, чтобы для всех участников стачки, прежде чем они решились на нее, были ясны все трудности, которые их ожидают, все подвохи, на которые способны хозяева и помещики, чтобы дезорганизовать движение. Только такая осведомленность обеспечит устойчивость стачечников, предупредит их от уныния и т.д. Это может быть достигнуто предварительной широкой пропагандой форм и приемов стачечной борьбы. В этих целях развитие литературы о стачках представляется необходимым. Уже на конференциях, происходивших на юге в 1907 г., указывалось рабочими, что необходима брошюра с описанием, как вести стачку. Со своей стороны, мы полагаем, что литература нужна двух родов: 1) для более подготовленных читателей, могущих быть руководителями в местном движении, нужны брошюры, подробно разъясняющие организационные и тактические приемы стачечной борьбы; 2) легкая агитационная литература в виде листов, разъясняющая широким массам общее значение стачки. Распространение этого рода литературы может иметь особенно важное значение в местах скопления отхожих рабочих (на юге).

В заключение нам остается сказать несколько слов о желательности центрального органа для содействия стачечной борьбе. При невозможности легальной профессиональной организации, такой орган не может быть руководящим, на него могут быть возложены лишь функции исполнительного и вспомогательного характера. Такое учреждение мы можем наблюдать в Венгрии, где стачки, также как и у нас, осуществляются лишь вопреки закону. После подавления стачечного движения венгерских крестьян и пролетариев в 1897 г. парламентом был издан закон против стачек, столь же драконовский, как и у нас. Вследствие этого возникший в 1905 году «Союз сельских рабочих венгерских земель», ограничен в своей деятельности, и он лишен права взять на себя руководство стачечным движением. Зоркое око жандармов, стоящих на страже интересов землевладельческого класса, пристально следит за каждым шагом в деятельности союза, и всякое уклонение от установленных законодательством норм явилось бы давно желанным поводом для закрытия союза. Это заставляет руководителей союза быть осторожными. Между тем у сельских труженников ощущалась огромная потребность в руководящем центре, который взял бы на себя инициативу подготовки масс сельских рабочих к стачечному движению и внес бы в него начала планомерности. В этих видах конгрессом сельских рабочих в 1907 г. был образован так называемый «организационный комитет», который в том же году очень успешно руководил стачкой. Однако его деятельность могла быть более успешной только тогда, когда он мог опираться на местные организации. Когда же местные организации репрессивными мерами были уничтожены, то организационный комитет сохранил уже главным образом агитационное значение, а не руково-

дующее. Он рассылал агитаторов на места, издавал и распространял агитационную литературу, созывал конференции и конгрессы, но сколько-нибудь стройная организация на местах и сношения с широкими слоями сельских рабочих устанавливались почти исключительно при посредстве верных людей. У нас такого рода организация может быть образована при партии из сведущих людей. На нее можно возложить разработку всех вопросов стачечного движения, составление соответствующей литературы, и, наконец, в отдельных случаях комитет будет оказывать своими советами содействие отдельным стачечным организациям во время стачки.

Резюмирую: 1) Согласно общим взглядам нашей партии и минувшему опыту необходимо признать сельскохозяйственную стачку одним из важных факторов классовой борьбы в деревне.

2) Удачнее всего это средство может быть использовано основанной на принципе классовой борьбы профессиональной организацией трудового народа, которая должна руководить стачечной борьбой, сообразуясь с экономическими и политическими условиями.

3) Поскольку невозможна широкая постоянная организация трудового крестьянства, признать желательными, при известных условиях, специальные стачечные организации в форме стачечных комитетов или общественных соглашений на случай стачек, вызываемых требованиями момента.

4) Признать желательным устройство особых конференций для обсуждения вопросов, связанных со стачечной борьбой.

5) Признать необходимым издание и широкое распространение стачечной литературы.

6) Признать желательным учреждение при Ц.К. партии центрального вспомогательного органа для разработки вопросов стачечной борьбы, для агитации и для содействия стачечным организациям.

IV

Проекты резолюций, представленные членами конференции

1. По вопросу об оценке момента

Проект тов. Вронского:

В условиях переживаемого момента, при данном состоянии партии, когда исключительной задачей является организационное скрепление партийных сил и углубление социалистической пропаганды, конференция, не отрицая принципиально необходимости технической боевой подготовки масс вообще ввиду вооруженного восстания, находит невозможным включить ее в число очередных задач, стоящих перед партией.

Проект тов. Иванова:

В проект резолюции Центрального Комитета внести следующие поправки:

I) в пункте 1-м: выбросить слова об интеллигенции и ограничиться следующим: «1) на таком углублении своей пропагандистской работы среди всех слоев населения, которая отвечала бы растущим духовным запросам рабочих масс».

II) Пункт 2-й выразить в таком виде: «2) на организационном строительстве, имеющем целью: а) сосредоточить партийные силы в одно стройное целое, проникнутое социалистическим сознанием, тактическим единством и революционной дисциплиной, — б) бороться с процессом распыления силы масс, — в) выработать типы организации, способные существовать при современных политических условиях».

Проект тов. Григоровича:

I) В пункте 1-м, после слов: «позиции правительства», вставить слова: «сравнительно с теми, которые оно занимало до революционных событий».

II) Вместо пунктов 2-го и 3-го поставить: 2) «Такое усиление позиций правительства явилось следствием поражения городской революции, которая была осуждена на гибель, раз она не смогла превратиться в народно-трудовую. 3) Но зато рядом с усилением позиций правительства, результатом городской революции было пробуждение народно-трудовых масс и угнетенных народностей к сознательно-политической, хотя еще — не революционной деятельности. Правительство за это время успело окончательно подорвать их надежды на удовлетворение своих нужд путем мирных реформ в Государственной думе и подавить кое-какие, имевшие место, недостаточно подготовленные боевые выступления».

III) В пункте 4-м — а) после слов: «в крестьянской среде» вставить слова: «как и в среде угнетенных народностей», и б) вместо слова «наблюдается» поставить: «уже начинается».

IV) В п. 1 практ. треб. после слов: «слоев населения» поставить: «которое не только создавало бы революционно-настроенные массы, но превратило бы эти массы во все более и более растущие кадры сознательных социалистов-революционеров, способных стойко выдержать периоды временных, иногда неизбежных, поражений, и в свое время взять почин в деле народного восстания».

Пункт 2-й читать так: «на организационном строительстве, имеющем целью покончить с периодом полулегального существования партии и сосредоточить партийные силы в одно нелегальное стройное целое, проникнутое тактическим единством и революционной дисциплиной».

Проект тов. Лемана:

Ввиду того, что лозунг: «организация... организация... организация», выдвинутый одним из лидеров российской социал-демо-

кратии, встречал всегда отрицательное, а подчас и весело-ироническое отношение к себе со стороны нашей партии, —

ввиду того, что этот лозунг, в качестве хотя бы временно самодовлеющего, может повести к новым трениям внутри партии в такой момент, когда это менее всего желательно, —

ввиду того, что мы — не только социалисты, но и революционеры, социалисты — в конечной цели и революционеры — в тактике, конечным выражением которой для нас является вооруженное восстание, —

ввиду того, что удар в «центр центров», — особенно удачный, — послужит импульсом к организованному натиску контрреволюционных сил, — натиску, которому необходимо будет противопоставить по меньшей мере какой-нибудь защитный механизм, —

ввиду того, наконец, что, несмотря на установленное анкетой отрицательное отношение крестьянства к «центру центров», сочувствие масс к удару в этом направлении может оказаться пассивным, а не активным, —

ввиду всего этого конференция находит нужным не отказываться от боевой подготовки масс в пределах партийных организаций (закупка оружия, обучение революционно-военной технике и т.д.), приспособляя этот род партийной работы к высоте соответствующих запросов в данный момент и целесообразно координируя ее с работою в других областях социал-революционной практики.

Проект тов. Бюзанда:

В последней части резолюции, пункт 2-й, яснее указать, какие организации организовать.

Также в последней графе яснее указать, какие методы борьбы — предполагающие сговор.

Проект представителя Ижевской организации П.С.-Р.:

1) Собрание Иж. организации, обсуждая вопрос о современном моменте и тактике партии, нашло необходимым указать на ту роль, которую сыграл созыв 3-й Государственной думы в организации реакционных сил страны.

2) Во втором пункте оценки момента есть фраза о росте обнищания страны, которую наша организация нашла нужным устранить ввиду ее опасного несоответствия с реальною действительностью, а также потому, что в этом чувствуется отрывка марксистской теории обнищания рабочих масс.

3) Наша организация нашла нужным отрицательно высказаться о единичных партизанских выступлениях и положительно высказаться за частные массовые выступления.

Я если лично и не совсем с этим соглашаюсь, но обязан заключения нашей организации довести до сведения конференции.

Проект представителя Петербургской рабочей конференции:

Петербургская рабочая конференция вплоть согласна с проектом резолюции о современном моменте и тактике партии, предло-

женной Центральным Комитетом, — за исключением п. 5 а). Петербургская рабочая организация считает, что такой борьбы в настоящее время нет, и заявляет, что этот пункт является оскорблением революционной части пролетариата.

Проект «группы товарищей»:

В пункте 1-м вычеркнуть слово: «интеллигенции».

Заключительные слова проекта резолюции, начиная со слов: «ввиду этого партия должна...» и т.д. (стр. 7 пункт 6 этого абзаца), видоизменить так: «б) относясь вполне отрицательно, из тактических соображений, к проектам частных массовых выступлений, в которых, по условиям настоящего момента, может происходить бесплодная растрата народной энергии, партия должна продолжать теоретическую и практическую боевую подготовку партийных масс к вооруженному восстанию».

Проект тов. Хренова:

Пункт I и II, как противоречащие друг другу, изменить. — 1) Неверно, что положение правительства заметно укрепилось. Оно раньше было сильнее, положение его было прочнее, ибо кроме военной силы, оно опиралось еще на предрассудки и невежество масс. Теперь оно держится на одной военной силе. — II пункт только подтверждает это. Нужно согласовать I пункт со II.

Третий пункт совсем выбросить, отметив только, что правительство помогает капиталистам.

Проект представителя Южной обл.:

I пункт редактировать так: «позиция правительства укрепилась, благодаря а) восстановлению во всей силе старого режима репрессий, способствовавшему дальнейшей организации реакционных общественных сил, — б) созданию ложно конституционного строя, что может обеспечить правительству кредит в финансовом мире, в) и аграрной политике, успевшей внести элементы дезорганизации в крестьянские массы».

Проект тов. Фурмана:

В пункте 1-м от слов: «позиции правительства» до слов: «благодаря тому, что» — вычеркнуть.

Поправки тов. Ливина:

1) Предоставить Комиссии сократить или выкинуть в аргументации (особенно — в параграфе 3-м, стр. 5—6) те места, которые могут некоторым товарищам казаться сомнительными с точки зрения применения марксистских экономических категорий к освещению момента. Лучше всего параграф 3-й совершенно отбросить.

2) В параграфе 1-м (стр. 5-я) слова: «позиции правительства заметно укрепилась благодаря тому, что» заменить словами «положение правительства сильно укрепилось и в силу предшествовавших неудач революционеров».

3) Во всяком случае заменить слова: «и рост обнищания страны обуславливает собою неизбежность в будущем новых потрясений» словами «и экономическое положение страны грозит в будущем новыми потрясениями» (в параграфе 3-м).

4) В пункте 3-м (стр. 6-я) заменить слова: «престижа правительственной силы» словами: «правительственной силы и ее престижа».

5) В параграфе 2-м (стр. 5-я) заменить слово: «наших» словом: «государственных».

6) Сократить до самой крайней степени и аргументацию, и обосновку практических заключений.

Примечание: Возможный дополнительный вариант к словам: «положение правительства сильно укрепилось...» (во втором пункте этих замечаний): «после предшествовавших неудач революционеров» или же: «отчасти — благодаря неудачам революционеров и их тактики».

Поправка тов. Сергеева:

В пункте I (стр. 6) выбросить слово: «интеллигенции», потому что все слои хотят собраться. Нельзя отказаться от идейной боевой подготовки масс, если мы не отказываемся от самого вооруженного восстания. Нельзя также отрицать необходимость технической боевой подготовки там, где это возможно. Задержание ее на Кавказе было бы вредным. Единственное, что нужно, — это отложить частичные выступления. Введение в резолюцию отрицания боевой подготовки было бы истолковано в смысле поправления партии.

2. По организационному вопросу

Проект тов. Коренева:

Оставляя за организациями массовыми или так называемыми «низами» партии свободу организации на принципах самой широкой демократизации, конференция поручает Совету партии выработать временную инструкцию Центральному Комитету, в какой мере ему предоставлялось бы право дискреционной власти при организации новых и роспуске существующих партийных центров на местах, являющихся идейными и практическими руководителями партийной работы в массах (как-то: городских, губернских и областных центров).

3. По вопросу рабочей политики

Проект т.т. Антонова, Борисовой и Грачева:

Так как предприниматели, и особенно помещики, пользуются своим политическим влиянием и царящим в стране полицейским и административным произволом и становятся сами во главе черносотенных организаций и банд ингушей, черкесов и т.п., превращая свои усадьбы или заводы в вооруженные замки для угнетения окрестного крестьянского и рабочего населения, то применение на-

сильственных мер против таких лиц (вплоть до их уничтожения) является уже проявлением террора не экономического, а политического, и не противоречит принципам партии.

Проект тов. Павловского:

Отрицание фабрично-заводского террора, как определенной системы борьбы, не исключает применения тех мер воздействия на капитал и штрейкбрехерство, которые связаны с саботажем и которые, по условиям данной конъюнктуры, окажутся целесообразными и не находящимися в противоречии с основными принципами программы партии.

Проект тов. Ливина:

1) Вместо первого абзаца читать: «Социализм, выдвигая задачу освобождения рабочего класса и всего человечества от всяких форм угнетений и... (из проекта Береславцева)... стремится все частичные освободительные движения и задачи ввести в русло социалистического идейного воздействия. Центром этого воздействия является социалистическая партия, как моральный и политический союз в широком смысле этого слова. Применяя данный принцип к производительным союзам, партия социалистов-революционеров в то же время высказывается не только за их необходимость, но и за их автономное развитие в организационном отношении и согласованность действий политической организации партии, производительных союзов и кооперативов на основах равноправия.

2) Выбросить слово «наконец» из параграфа 4-го.

3) Дополнить резолюцию пунктом 5-м такого содержания:

«...и что во всяком случае применение фабричного террора, ввиду несоответствия между степенью воздействия на предпринимателей и положением последних в современном индивидуалистическом буржуазном строе, не соответствует этическим принципам социализма и могло бы вести к распространению той же тактики террора на другие сферы борьбы, лежащие вне области политического угнетения и привести к недопустимому хаосу».

Резолюция Петербургского комитета (принята большинством 4 голосов против одного, подавшего особое мнение):

Принимая во внимание:

1) что Всероссийский Железнодорожный союз находится в состоянии полной дезорганизации;

2) что для правильной постановки работы в Союзе необходим прежде всего дееспособный центр;

3) что влияние, которым партия пользуется среди железнодорожного пролетариата, дает полное основание рассчитывать на успех Союза в том случае, если бы партия взяла на себя задачу его восстановления; —

принимая все это во внимание, — Петербургский комитет считает нужным обратить внимание Центрального Комитета на неотложность этой задачи и предлагает Центральному Комитету взять

в свои руки дело возрождения и организации Всероссийского Железнодорожного союза.

Особое мнение по тому же предмету одного члена Петербургского комитета:

Принимая во внимание:

1) что профессиональное движение железнодорожных служащих обладает целым рядом особенностей, которые резко отличают это движение от обычного профессионального движения пролетариата;

2) что если в западноевропейских странах всякое выступление пролетариата, занятого в государственных предприятиях, неизбежно заключает в себе политический момент, то в современной России самый факт организации железнодорожников знаменует собою акт нелегальный, революционный;

3) что нелегальная организация, по самому существу своему, не может быть массовой, так как один факт вступления в такую организацию связан с известной степенью сознательности, и таким образом совершенно исключается возможность широкого захвата масс;

4) что принятый партией принцип беспартийности профессиональных союзов не только не исключает, но именно предполагает создание партийных группировок в недрах союзов, и применение этого принципа в профессиональном движении железнодорожников внесло бы сильное осложнение в это движение, создавая нелегальные группировки внутри нелегальных же организаций;

5) что, чем более устойчив данный момент политического застоя, тем менее шансов на широкое развитие Железнодорожного союза и тем резче выступает особенность его задач, которые заключаются не в борьбе за те или иные экономические улучшения, а в революционной борьбе с самодержавным режимом, и что вместе с тем весь тот период, в течение которого Железнодорожный союз остается в подготовительной стадии революции, он может быть использован исключительно в целях углубления сознания масс, что возможно лишь на почве резко выраженной партийной деятельности;

9) что осуществление великих исторических задач, выпавших на долю железнодорожного пролетариата, предполагает не только общий подъем революционной энергии в стране, но и наличие крепкого, идейно сплоченного ядра, вокруг которого в известный момент могли бы группироваться широкие массы железнодорожного пролетариата, составляя таким образом Всероссийский Железнодорожный союз; —

принимая все это во внимание, Петербургский комитет считает нужным обратить внимание Центрального Комитета на необходимость усиления специальной работы среди железнодорожного пролетариата, — признает несвоевременную реставрацию Всероссийского Железнодорожного союза — и полагает, что внимание партии должно быть сосредоточено главным образом на местах. Но одновременно с работой на местах партия должна заняться организацией железнодорожного партийного союза, который явится фактической основой беспартийного Всероссийского Железнодорожного союза.

**Резолюции, принятые 1-й Общепартийной конференцией
и утвержденные IV Советом партии²¹⁹
социалистов-революционеров**

а) О текущем моменте и общей тактике партии

Анализируя условия переживаемого момента, приходится констатировать следующие основные явления.

1. Вокруг правительства, под защитой восстановленного во всей силе старого режима репрессий, происходит сплочение реакционных общественных сил, которые до революционных событий находились в распыленном состоянии и не чувствовали потребности в самостоятельном активном выступлении на арену политической борьбы.

2. Третья дума, содействуя этому процессу и создавая ложно-конституционную внешность, облегчающую правительству моральную и материальную поддержку официальной Европы, в то же время обнажает классовую подоплеку современного режима и политическое вырождение либеральной оппозиции.

3. Так как, с другой стороны, ни состояние государственных финансов, ни развитие промышленности, ни благосостояние земледельческого населения не получили нового базиса, то под внешним укреплением правительственных позиций отсутствует прочный исторический фундамент, гарантирующий в будущем от новых потрясений.

4. Внеся своей аграрной политикой в деревню много смуты и взаимного озлобления, правительство, однако, не только не создало в ней новой опоры существующему режиму, но еще более подорвало былую веру в царя.

5. Ни временные колебания в судьбах промышленности, в смысле преходящего оживления отдельных ее отраслей или отдельных районов, компенсируемого упадком других, ни попытки правительства искусственными мерами бороться с промышленным кризисом не привели к такому хозяйственному подъему, который мог бы подействовать на пролетариат успокаивающим образом, и не мешали капиталистам, пользуясь покровительством власти и разгромом рабочих организаций, шаг за шагом отнимать у них недавние завоевания.

6. В то же время правительство усилением обрусительной политики успело подорвать надежды угнетенных национальностей на достижение национального полноправия мирным законодательным путем, толкая их таким образом на путь революции.

7. Как в рабочей, так и особенно в крестьянской среде, не прекращается рост недовольства и озлобления, внешние проявления которого лишь временно сковываются: а) сознанием непосредственного физического бессилия перед вооруженными силами правительства, пока еще верными ему, и б) развивающимся в результате

накопленного опыта более серьезным отношением к вопросу об активных выступлениях.

Этот факт скованности массовой народной энергии порождает одновременно два резко различных последствия: с одной стороны, среди более сознательных элементов, усиленное стремление к самостоятельной, идущей снизу, вставшей вполне на свои ноги организации рабочих масс города и деревни, как залого более сильного и серьезного движения в будущем; с другой стороны, среди более нетерпеливых и выбитых из колец элементов — к иррегулярной, неорганизованной, распыленной борьбе, выражающейся в актах мести, в экономическом терроре и даже во всякого рода экспроприациях, где эти элементы смешиваются с деморализованным люмпен-пролетариатом.

В интеллигенции, как наиболее впечатлительной части населения, заметны переутомление, идейный разброд и отлив сил от революционной борьбы, часто сопровождаемый болезненными симптомами — разочарованием, апатией и общественным индифферентизмом.

Принимая во внимание все эти изменения в общественной конъюнктуре, партия должна сосредоточить в настоящий момент свои главные силы на следующих задачах:

1. На таком углублении своей пропагандистской работы, которое отвечало бы как интенсивному духовному брожению в массах, так и назревшей потребности разобраться в пережитых событиях и подвести им итоги.

2. На организационном строительстве, имеющем целью: а) бороться с процессом распыления силы масс, б) выработать типы организации, жизнеспособные при современных полицейских условиях и в) сосредоточить партийные силы в одно стройное целое, проникнутое тактическим единством и революционной дисциплиной.

3. На усилении центрального политического террора.

Ввиду этого партия должна: а) настойчиво выступать за все те методы борьбы, которые, предполагая сговор, сами толкают массы к дальнейшей, более широкой и прочной организации; б) относиться отрицательно, из тактических соображений, к проектам частичных массовых выступлений, в которых, по условиям настоящего момента, может происходить бесплодная растрата народной энергии; в) не упускать из виду работ по теоретической и практической боевой подготовке партийных масс (заготовка оружия, обучение революционно-боевой технике) там, где серьезная организационная постановка основной социалистической работы служит гарантией против возможности и на этой почве преждевременных и нецелесообразных вспышек и г) вести интенсивную работу среди войска, в смысле не только революционизирования этого источника правительственной силы, но и создания в нем сознательных и надежных ядер чисто партийного характера.

6) Об организационном вопросе

Принимая во внимание, что настоящее дезорганизованное положение партии, вместе с изменившимися в неблагоприятную сторону внешними условиями ее конспиративного существования, требуют особенного сосредоточения партийных сил вокруг объединяющих центров и укрепления революционной дисциплины, 1-я Общепартийная конференция признает необходимым, чтобы предстоящий Совет партии утвердил, на основе действующего партийного устава, следующую инструкцию по организационному вопросу:

1. Партийные комитеты должны состоять не менее, чем из трех членов; в случае сокращения личного состава комитета до двух, он, вперед до выборов, сохраняет право кооптации и до пополнения теряет свою правомочность, сохраняя лишь функцию временного бюро; комитет, от личного состава которого остался лишь один человек, должен быть переизбран, а в случае невозможности этого заменяется назначенным коллективом.

2. Право распускать организации низшего порядка — как в случаях уклонения от партийной дисциплины (см. пар. 6 устава), так и в случаях: а) обнаружения данных, свидетельствующих о наличии нераскрытой провокации и б) крайней неконспиративности и не работоспособности, дискредитирующих партию — принадлежность: 1) губернским и областным комитетам по соглашению с Ц.К. и 2) непосредственно Центральному Комитету с предоставлением права распущенной организации апеллировать к Совету партии.

3. Если немедленный перевыбор распущенного коллектива невозможен, то на его место посылается коллектив назначенный, чтобы восстановить организацию и, впредь до возможности созыва съезда и производства выборов, нести все обычные функции по местной работе; ему присваивается то или другое имя по соглашению Ц.К. с сохранившимися частями организации.

4. На тех же началах Ц.К. учреждает областные, губернские и т.п. коллективы там, где таковых не имеется.

5. Совет партии состоит из представителей областных съездов, областные съезды — из представителей съездов или конференций губернских и т.д.; при всяком уклонении от этого порядка, например, при посылке представителя не от съезда организации, а от исполнительного органа, представитель этот пользуется совещательным голосом, и решающий голос может быть ему предоставлен лишь специальным вотумом того правомочного собрания, на которое он послан.

в) Вопросы крестьянской политики

1. О борьбе с земельным законодательством

Правительство, подавив попытки открытых восстаний и захвата земель в деревнях, поставило себе целью:

а) успокоить крестьянские массы мелкими подачками в сфере экономической и правовой; б) внести в них разлад, поощряя рас-

хищение общинных земель, в) распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности и хуторского хозяйства. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции и создает препятствия для проведения в жизнь аграрной программы нашей партии. С другой стороны, землевладельческий класс, опираясь на победу правительства и вносимый в крестьянство разлад, организуется и пытается вернуть себе утраченные в деревне позиции.

При таких обстоятельствах деревня является наиболее боевым пунктом в социально-политическом смысле. Исход борьбы в ней надолго определит историю нашей страны. Поэтому партия должна обратить особенное внимание на свои задачи в деревне и на очередные вопросы крестьянской политики.

С этой точки зрения современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии:

- 1) углубления пропаганды в смысле: а) более конкретного выяснения нашей аграрной программы (законопроект, внесенный во вторую Думу) и переходных мер к ней в условиях данного момента; б) неуклонной критики частной собственности на землю, — критики, чуждой компромиссов со всякими индивидуалистическими тяготениями, и в) выяснения во всей их полноте аграрных мероприятий правительства;

- 2) специального обсуждения в крестьянских организациях и на съездах их представителей способов борьбы с разлагающим влиянием аграрного законодательства и с землевладельцами для выработки решений, наиболее целесообразных в условиях данной местности;

- 3) выработки из среды крестьян активных работников, способных самостоятельно вести всю совокупность партийной работы в деревне;

- 4) укрепления партийных организаций в деревне и сплочения вокруг них трудового крестьянства на почве борьбы с земельным законодательством правительства, с землевладельцами и с Крестьянским банком из-за аренды земли и найма на работы.

Переходя, в частности, к борьбе с выделами из общины, представляется целесообразным: а) усовершенствование общинных распорядков в духе принципов, положенных в основу нашего аграрного законопроекта, в целях большей их справедливости и согласованности с требованиями хозяйственного прогресса (переделы, лучшая разверстка платежей, уменьшение чересполосицы и т.д.); б) борьба путем общественных приговоров с требованиями выдела; в) бойкот кулаков и тех членов общины, которые стремятся выделиться с целью захвата большого количества земли, чем какая пришлась бы на их семьи в случае нового передела и г) соглашения с переселенцами и пролетаризированными элементами деревни, стремящимися развязаться с надельной землей, потому что не могут или не хотят вести на ней собственное хозяйство (например, выдача им пособий на известных условиях и т.п.).

2. О борьбе с землевладельцами

В отношении борьбы с землевладельцами необходимо усиленно рекомендовать устройство стачек при аренде земли и при найме на работы, для чего или определять условия аренды и найма на сельских сходах, или создавать специальные стачечные организации как из местных, так и пришлых рабочих, принимая меры к поддержанию пришлых рабочих во время забастовки. Против помещиков, упорно противящихся требованиям крестьян и рабочих и особенно враждебных им, рекомендовать применять бойкот.

3. О политическое терроре в деревне

Принимая во внимание:

что партия социалистов-революционеров стремится к коренному социальному перевороту силами трудовых масс;

что, как партия социалистическая, высоко ставящая ценность человеческой личности и ее права на жизнь, она всегда стремится использовать все возможные мирные формы организации и борьбы;

что тем не менее для достижения как своих конечных, так и ближайших целей, она не останавливается перед вооруженной борьбой, когда враги рабочего народа противопоставляют его требованиям насилие и репрессии,

1-я Общепартийная конференция полагает:

1) что применение партией насильственных средств в форме открытых массовых выступлений обуславливается наличием организации масс, достаточно зрелой для восстания, или политической конъюнктурой, особенно для него благоприятной;

2) что применение насильственных средств в форме борьбы террористической обуславливается наличием политического строя, отрицающего право свободного распространения идей партии и организации масс во имя осуществления этих идей;

3) что поэтому террор экономический и как средство воздействия в хозяйственных столкновениях и спорах, и как революционная кара отдельных личностей за практикуемую ими экономическую эксплуатацию, в круг действий партии не входит.

В особом положении стоят как предприниматели, так в особенности дворяне-землевладельцы, которые, пользуясь царящим в стране полицейским и административным произволом, сами становятся во главе наемных шаек казаков, черкесов, ингушей и т.п. совершая непосредственные насилия над личностью и надругательства над человеческим достоинством окрестных крестьян и рабочих. Не говоря уже о естественной и необходимой вооруженной самозащите против таких насилий и надругательств, революционная кара за них, которая по существу своему есть проявление террора политического, а не экономического, принципам партии не противоречит.

Однако ввиду крайней сложности и запутанности относящихся сюда случаев, опасности расширительного толкования, возможности влияния мотивов личной мести и раздражения и т.п., 1-я Общепартийная конференция считает необходимым крайне осторожное отношение к террористическим актам этого рода и предлагает Со-

вету партии выработать достаточные организационные гарантии против возможности в данном вопросе вредных увлечений.

Со своей стороны Совет партии, утвердив данную резолюцию, также признал необходимость выработать указанные гарантии и постановил, что в тех областях, где есть и уполномоченные Центрального Комитета, и областные комитеты, террористические акты такого рода допускаются по соглашению обеих этих партийных инстанций между собою; там же, где есть только областные комитеты или только уполномоченные Центрального Комитета, признать достаточным разрешение одного из этих партийных органов.

4. Об аграрном терроре

Что касается, в частности, аграрного террора, как средства борьбы в экономических спорах и столкновениях на почве земельных отношений, то 1-я Общепартийная конференция находит:

1) что аграрный террор является оружием обоюдоострым, и применение его, по свидетельству опыта, может вести к результатам, противоречащим тем задачам, которые вытекают из аграрной программы партии социалистов-революционеров;

2) что путем аграрного террора, даже при его максимальном развитии, можно лишь заставить некоторую часть помещиков ликвидировать собственное хозяйство и перейти к арендной системе, а в дальнейшем, быть может, ликвидировать и свою земельную собственность, через посредство Крестьянского банка, что приведет только к переходу ее в частную собственность более состоятельной части крестьянства и мелкой буржуазии;

3) что эти последствия действуют скорее в духе насаждения, чем уничтожения частной собственности, увеличивая число собственников среди крестьян и таким образом содействуя раскалыванию крестьянской массы;

и 4) что при распространении аграрного террора на эту состоятельную часть крестьянства, он грозит внести в деревню жесточайшую междуусобную войну, которая отодвинет на второй план всякую систематическую борьбу как за социализацию земли, так и за политическое освобождение.

По всем этим основаниям Конференция выражает свою полную солидарность с решением 1-го съезда партии по этому вопросу.

г) *Вопросы рабочей политики**

1. Политическая и экономическая организация трудовых масс

Принимая во внимание, что всесторонняя организованность рабочего класса составляет необходимое условие для борьбы за его полное освобождение и для достижения великого идеала социализма, при котором только и возможно гармоническое развитие чело-

---

* Резолюции первая и шестая выработаны Конференцией, вторая, третья, четвертая и пятая — Советом. — *Прим. док.*

веческой личности и освобождение всего человечества от оков умственного, политического и экономического рабства;

что тремя основными формами рабочей организации являются организации — политическая, профессиональная и кооперативная;

что, хотя каждая из этих форм организации имеет особенную область, на которую преимущественно простирается ее деятельность, тем не менее существует все более и более расширяющееся поле борьбы, где необходима взаимная поддержка и общий напор всех организованных сил рабочего класса,

1-ая Общепартийная конференция полагает:

1) что эти три основные формы организации рабочего класса являются необходимыми,

и 2) что условием успеха их деятельности необходимо признать **автономное развитие и согласованность действий на основах равноправия.**

Находя, что каждая из этих трех основных форм организации имеет существенное значение и для завоевания непосредственных улучшений в рамках досоциалистического строя, и для коренного преустройства его в будущем, конференция дает следующую оценку сущности задач и методов действия этих организаций:

Политическая организация прежде всего и более всего служит: а) для разработки и теоретического обоснования полной программы борьбы за конечные и ближайшие цели социализма; б) для завоевания органов государства в широком смысле слова (как центральных, так и местных, как городских, так и сельских) и в) для организованного использования уже завоеванных и для давления на еще незавоеванные.

Политическая организация исходит из определенной программы общественного переустройства и подбирает людей путем пропаганды этой программы, охватывая массы по мере того, как они поднимаются до известной высоты сознательности.

Применительно к характеру своих задач политическая партия кладет в основу своей организации преимущественно территориальный принцип.

Профессиональная организация прежде всего и более всего служит: а) для непосредственного улучшения положения рабочего класса путем взаимопомощи и непосредственной экономической борьбы (стачки, бойкот, лебелъ) против эксплуатации промышленного капитала на почве современного порядка; б) для боевого сплочения, вне партий и направлений, самых широких масс, способных дружно выступать на защиту интересов всего рабочего класса во всех серьезных общественно-политических конфликтах; в) для образования внутри современного строя организованных трудовых ячеек, завоевывающих у государства и у хозяев все большую и большую сумму прав, вырабатывающих, в своих внутренних отношениях, новое, рабочее право, и способных, после социальной революции, взять в свои руки, под контролем всего общества, ближайшее заведование производством в соответственных его отраслях.

Профессиональная организация стремится охватить, без различия политических воззрений, всех рабочих, пробудившихся для борьбы за свои непосредственные интересы, ведя их, путем опыта борьбы, к все более и более глубокому пониманию этих интересов и условий их удовлетворения.

Профессиональные союзы, объединяя пролетариев, как производителей, кладут в основу своей организации производственный принцип, объединяя в одно целое всех работников отдельной отрасли промышленности и затем федерируя между собой рабочих различных отраслей.

Кооперативная организация прежде всего и более всего служит: а) для непосредственного улучшения положения трудовых масс, защищая их от эксплуатации торгового и денежного капитала, объединяя их то как потребителей, то как лиц, нуждающихся в кредите, то как продавцов товара и закупщиков сырья, то как самостоятельных производителей, не имеющих возможности применять разрозненно улучшенные приемы и орудия современной техники; б) для развития в рабочих массах опыта и умения вести, на началах демократического самоуправления, сложное дело крупного хозяйства; в) для создания трудовых ячеек, осуществляющих начало свободного и идущего снизу объединения рабочих сил и материальных ресурсов трудового народа и способных органически влиться в государство будущего.

Кооперативная организация рабочего класса исходит из единства и смежности чисто хозяйственных интересов трудового населения, исключая в своей организации всякую привилегию вкладов капитала и предполагая полную демократию в деле хозяйственного самоуправления.

Применительно к характеру своих задач, кооперация кладет в основу своей организации смешанный принцип территориального соседства и качественного схождения интересов.

Политическая организация, основываясь на идейном единстве, стремится: а) через посредство своих членов, распределяющихся по профессиональным и кооперативным союзам, углублять и расширять их деятельность, одушевляя ее более широкими перспективами и б) содействовать развитию этих организаций устранением враждебного им законодательства.

Профессиональная организация содействует усилиям других форм организации, приводя в движение для их поддержки массовую силу охватываемых ее снизу рабочих слоев.

Кооперативная организация, при помощи своих хозяйственных ресурсов, содействует другим формам организации в моменты наиболее острой и трудной борьбы.

Только вырабатывая все более и более прочные и постоянные формы согласования своих действий на началах равноправия, эти три вида организации в своем гармоническом объединении: а) осуществляют шансы дружного отпора эксплуататорским тенденциям капитализма и решительного натиска на самые его основы и б) об-

разуют в недрах старого общества растущий эмбрион нового рабочего мира, основанного на принципе свободы и планомерной организации коллективного труда для коллективного развития.

2. О борьбе с организованным капиталом

Принимая во внимание,

1) что интересы труда и капитала диаметрально противоположены,

2) что в пределах капиталистического строя эти интересы, одновременно с усиливающейся организацией капитала, все больше и больше расходятся,

3) что институты, стремящиеся гармонизировать эти интересы, только отдалают момент последней битвы организованного пролетариата за осуществление социалистического строя, а в процессе борьбы отводят революционную энергию пролетариата в русло мирного сосуществования пролетариата и капитала, достигаемого путем всевозможных компромиссов, уступок и соглашений со стороны пролетариата,

партия социалистов-революционеров находит, что только путем непосредственной борьбы как политической, так и экономической, пролетариат может отвоевать свои права, каковая борьба в области экономической должна ознаменовываться усилением стачечной деятельности и применения таких форм борьбы, как бойкот, лебель и т.д., предполагающих наличность прочной профессиональной организации.

Вместе с тем партия социалистов-революционеров относится отрицательно к подмене способов непосредственного воздействия на капитал институтами соглашения, как-то: примирительными мерами, обязательными третейскими судами и т.п., угашающими революционную энергию пролетариата,

3. О безработице

Принимая во внимание,

что безработица является неизбежным спутником капитализма, особенно резко выступающим в эпохи кризисов в промышленности, но не прекращающимся и в обычное время,

партия находит, что более или менее успешная оборонительная борьба пролетариата с этим злом возможна лишь при условии экономического и политического раскрепощения России, т.е. при

а) проведении аграрной реформы, отстаиваемой партией и способствующей более равномерному распределению рабочих сил между городом и деревней,

б) установлении государственного страхования рабочих от безработицы и

в) широкой организации общественных работ и взаимопомощи трудящихся, проводимой крепкими профессиональными организациями.

4. О коллективном договоре

Партия социалистов-революционеров в принципе относится положительно к заключению коллективного договора между рабочи-

ми и предпринимателями, так как коллективные договоры по самому существу своему:

1) еще более сплавляют массы и укрепляют в них идею солидарности их интересов,

2) гарантируют в известной мере пролетариат от нападений капитала, делая более прочным положение отдельных групп рабочих, занятых в данном производстве,

3) укрепляют идею необходимости участия рабочих в организации производства и увеличивают фактически дело этого участия.

Общее положительное отношение к заключению коллективного договора может, однако, изменяться под влиянием той или иной конкретной обстановки (например, момент промышленного кризиса, когда коллективный договор фиксировал бы наиболее невыгодные для рабочих условия труда, эпохи крайней политической реакции, исключающей возможность всякой открытой боевой экономической организации рабочих и т.п.). Общим же условием для целесообразности заключения коллективного договора партия считает наличность настолько прочной организации пролетариата (той или иной местности и отрасли труда), при которой он действительно способен был бы активно следить за выполнением со стороны капиталистов выгодных для рабочих условий договора и отстоять их от всяких прямых и замаскированных покушений.

5. О локаутах

В вопросе о борьбе против локаутов партия стоит на следующей точке зрения:

Локауты являются органической составной частью развитого капиталистического общества и в пределах этого общества не существует средств, способных с полным успехом служить борьбе против них. Только уничтожение капиталистического строя может гарантировать рабочий класс от всех бедствий, связанных с этими забастовками объединенных предпринимателей.

Единственным, сколько-нибудь действительным средством борьбы против локаутов на почве современного строя является:

1) рост политической силы рабочего класса, подрывающей возможность обращать все средства правительственной репрессии на помощь локауту и 2) такая степень экономической организации рабочего класса, которая дает возможность: а) ответить на локаут всеобщей стачкой или вообще расширить размеры экономического конфликта до пределов, не выгодных инициаторам локаута, б) перемещать рабочие силы из пораженных локаутом районов в соседние и г) продлить период, в течение которого рабочие могут выдержать локаут до таких пределов, за которыми для хозяев утрачивается самая хозяйственная выгода локаута.

6. О фабричном терроре

Что касается до фабричного террора, как средства борьбы против хозяев вообще и против локаутов в частности, то партия находит:

1) что опыт всего рабочего движения России и Запада свидетельствует о бессилии этого средства борьбы и о фактической невозможности терроризировать целый общественный класс, занимающий преобладающее значение в народном хозяйстве,

2) что фабричный террор, немало не гарантируя от локаутов и т.п. явлений, скорее способен вызвать их и даже приводить к закрытию заводов, роспуску рабочих и подрыву условий их собственного существования,

3) что фабричный террор вносит обычно разделение и раздор в рабочую среду, порождая распри среди рабочих и благоприятствую созданию желтых синдикатов,

4) что, наконец, фабричный террор не только не содержит в себе организующего начала, а, наоборот, представляет наклонную плоскость по направлению к случайным вспышкам, сведению личных счетов и т.п.

По этим основаниям партия социалистов-революционеров предостерегает рабочую массу от фабричного террора и отвергает включение его, как системы организованной борьбы, в программу своих действий, как против капитала вообще, так и против локаутов в частности.

д) Кооперативное движение

1) Кооперация среди городского населения

1-ая Общепартийная конференция высказывается в условиях настоящего момента за образование потребительных коопераций на трудовых и демократических началах, так как кооперативы этого рода способствуют сплочению пролетариата, освобождают его в значительной степени от эксплуатации торговым и ростовщическим капиталом и, в дальнейшей стадии развития, способны образовать фонд для материальной поддержки его боевых организаций и выступлений. Вместе с тем конференция предупреждает против увлечения производительными кооперациями в индустрии, так как самостоятельное развитие производительных коопераций индустриального пролетариата по самому существу их и в силу условий современного производства служит не к сплочению и организации всего пролетариата, не к облегчению его борьбы с капиталом, а к выделению из массы рабочего класса более обеспеченных групп, поставленных в исключительное положение, и к выработке из них мелкой буржуазии.

2) Кооперация и сельскохозяйственные общества в деревне

Не сосредоточивая искусственно в данный момент внимания крестьянства на кооперации, не преувеличивая значения кооперации в смысле удовлетворения крестьянских нужд в условиях современного строя, наши сельские организации должны обращать внимание на кооперативное движение, не давая захватывать и эксплуатировать его партиям и элементам, враждебным социализму.

По отношению к кооперативному движению сельским организациями следует ставить такие задачи:

а) вступать в существующие уже кооперации и вытеснять из них элементы, враждебные трудовому крестьянству и пролетариату, или по крайней мере лишать их всякого влияния на ход дела в кооперациях,

б) проводить в кооперациях общие социалистические принципы, борясь против всяких попыток пропитать их духом капитализма и заставить служить капиталу,

в) основывать новые кооперации на трудовых и демократических началах, когда для этого имеется достаточно подготовленная почва и силы для правильного ведения дела.

Кроме того, следует обратить особенное внимание на образование сельскохозяйственных обществ малого района, дающих возможность трудовому населению собираться и обсуждать свои нужды и интересы, и полезных как непосредственными услугами, которые они могут оказывать трудовому крестьянству, так и косвенными, но не менее ценными услугами, сплачивая его и помогая ему сговариваться и организоваться.

При этом конференция высказывается за полную автономию кооперативов и против подчинения их каким-либо иным организациям пролетариата (например, профессиональным союзам). Конференция считает необходимым объединение рабочих кооперативов между собой и согласование действий на началах равноправия с общей профессиональной и политической организацией рабочего класса. При этом необходимым условием такого согласования является приобретение самими кооперациями достаточной силы, прочности, широкого развития деятельности, так как только эти условия могут обеспечить самостоятельность организаций и не отразятся вредно на пробуждении самодеятельности членов кооператива.

е) Отношение к национальным социалистическим партиям

1) Ввиду возникающей необходимости создавать социально-революционные организации среди различных народов, населяющих Россию, или помогать возрождению и укреплению существовавших среди них дружественных нам организаций, 1-я Общепартийная конференция партии социалистов-революционеров находит, что партия должна создавать эти организации или помогать возрождению их лишь в том случае, если в основу их будет положена программа партии социалистов-революционеров.

2) Что же касается до существующих уже национально-социалистических организаций и партий социально-революционного направления, то конференция считает в настоящий переходный момент невозможным подвергнуть пересмотру и фиксировать в том или ином направлении свои к ним отношения.

3) В видах усиления и углубления пропаганды социально-революционных идей среди народов, населяющих Россию, конференция полагает необходимым оказать возможное содействие социально-революционным организациям этих народов в деле создания социально-революционной литературы на соответствующих языках.

В дополнение к этой резолюции, принятой 1-й Общепартийной конференцией, Совет партии постановил:

Центральному Комитету предоставляет урегулировать вопрос о представительстве в Социалистическом Международном Бюро тех национальных социалистических партий, которые входят в состав социально-революционной подсекции Интернационала.

ж) О третьем съезде партии

(Резолюция Совета)

1) К Совету партии, собираемому перед съездом, подводятся статистические итоги числу членов партии в различных областях, и Совет на основании этих и других сведений о сравнительной силе организации устанавливает общее число делегатов на съезде и распределяет их между областями.

Примечание: В случае, если этот съезд Совета партии не состоится, сказанное распределение предоставляется сделать Центральному Комитету.

2) Областные организации автономны в определении конкретных способов выборов делегатов (прямые, двух- или трехстепенные выборы, допущение или недопущение выборов от отдельных отраслей работы и пр.); при этом руководящими правилами служат:

а) привлечение всех членов партии к прямому или косвенному участию в выборах и

б) представительство от организаций сообразно принятой Советом партии организационной инструкции.

3) При этом Совет рекомендует приискать формы, возможно более приближающиеся к демократически-пропорциональному представительству и обеспечивающие в то же время представительство всех родов работы.

Расходы по съезду Совет постановил возложить на всю партию, причем предложить местным организациям немедленно приступить к образованию специальных фондов для покрытия расходов, связанных с посылкой делегатов на Съезде партии.

Съезд постановлено созвать в возможно близком будущем.

Для организации работ будущего Съезда Совет постановляет:

1) Отчеты Центрального Комитета, областных комитетов, представителя партии в Международном Бюро доставляются в Организационное Бюро съезда за месяц до его созыва, а доклады теоретического характера — за три месяца, печатаются и раздаются членам съезда.

2) По всем вопросам порядка дня все доклады и резолюции, которые предлагаются обсуждению съезда, должны быть доставлены в Организационное Бюро за месяц до созыва съезда.

3) Съезду будет предложено разбиться на секции для обсуждения как доставленных докладов, так и соответствующих резолюций с тем, чтобы на общих собраниях съезда обсуждались определенные проекты резолюций.

Остальные решения Совета партии опубликованию не подлежат и оглашаются лишь в пределах партии.

VI

СПИСОК ЧЛЕНОВ

1-ой Общепартийной конференции П.С.-Р.

I. Делегаты организаций из России:

1. Бородин, — Северн. обл. орг.
2. Алексеев,
3. Февралев, — Вологодской орг.
4. Антонова, — Петерб. Ком.
5. Павловский,
6. Симеоновский, — Петерб. рабоч. орг.
7. Волгина, — Саратовск. орг.
8. Абелева, — Тамбовск. орг.
9. Рязанцев, — Украинск. обл. орг.
10. Воронежский, — Воронежск. орг.
11. Курский, — Курск. орг.
12. Борисова, — Харьк. орг.
13. Стеклов, — Южной обл. орг.
14. Филантропов, — Златоуст. окружн. орг.
15. Юровский, — Ижевск. орг.
16. Цензор, — Сев.-Кавк. обл. орг.
17. Южанин, — Закавказск. обл. орг.
18. Федотов, — Бакинск. орг.
19. Картвели, — Грузинск. орг. П.С.-Р.
20. Бюзанд, — Армянск. орг. П.С.-Р.

II. Приглашенные Ц.К. из России:

1. Нечаич (Псков)
2. Родионова (Центр. обл.)
3. Васильева (Москва)
4. Иванов (Петербург.)
5. Грачев (Петербург.)
6. Павлов (Урал. обл.)
7. Волжский (Волж. Судох. орг.)
8. Коренев (Южн. обл.)
9. Ритина
10. Чижевский
11. Соломин

12. Штейн
13. Михайлов
14. Васильев
15. Высоков
16. Народовольцева
17. Волховской

III. Центральный Комитет:

1. Голубев
2. Алданский
3. Вронский
4. Оленин
5. Большов
6. Диков

IV. Организационное бюро:

1. Савин
2. Сергеев
3. Сидоров

V Б.о.:

1. N
2. N.N

VI. Представитель партии в инт. соц. бюро:

1. Береславцев

VII. Делегат заграничной организации:

1. Арагвин

VIII. Приглашенные Ц.К. из-за границы:

1. Быстренин
2. Чемезов
3. Григорович
4. Фурман
5. Зотов
6. Хренов
7. Степанов
8. Семенов
9. Флерова
10. Леман
11. Лаврецкий
12. Ливин
13. Егоров

Всего из-за границы 15 чел.

Кроме того, присутствовало 11 гостей без права голоса.

*Протоколы первой Общепартийной конференции П.С.-Р.
Август 1908. Издание ЦК П.С.-Р. Париж, 1908.*

РЕШЕНИЯ IV СОВЕТА ПАРТИИ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ПРИЛОЖЕНИЕ V К «ПРОТОКОЛАМ 1-й ОБЩЕПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ П.С.-Р.»

1. О частичных массовых выступлениях

Совет относится отрицательно, из тактических соображений, к проектам частичных массовых выступлений, в которых по условиям настоящего момента может происходить бесплодная растрата народной энергии.

2. О распределении экспроприированных сумм

Распределение экспроприированных сумм производится по следующему расчету: суммы, не превышающие 5000 р., остаются в распоряжении областного комитета; из следующих 10 т.р. половина поступает в кассу областного комитета и половина в Центральную кассу; дальнейшие суммы распределяются так, что три четверти идут в Центральную кассу и одна четверть в областную, причем в распоряжении областного комитета могут остаться не более 20 т.р.; весь избыток идет в Центральную кассу.

Общие правила распределения экспроприированных сумм, оставшихся за отчислением в общепартийную кассу, вырабатывается областным комитетом.

3. Об уполномоченных Центрального Комитета

Уполномоченные Центрального Комитета в областях являются не только контролирующим органом, но и входят в местную работу как рядовые работники.

4. О заграничных организациях

Отвергнуто предложение превратить существующие заграничные организации в партийный коллектив и признано необходимым образование коллектива уполномоченных ЦК за границей, каковому коллективу предоставляется право образовать подсобные группы.

5. Об исключении из рядов партии

В случае нарушений товарищами оговоренных особыми партийными постановлениями (участие в частных экспроприациях, вступление в переговоры с полицией без разрешения ЦК и т.п.) губернский комитет имеет право непосредственного их исключения из партии. Во всех остальных случаях каждой организации предоставляется право исключать из своей среды, доводя об этом до сведения высшей инстанции, и только исключение ЦК является исключением из партии.

Свод постановлений общепартийных Советов и съездов //
Памятная книжка социалиста-революционера.
Выпуск I. Б.м., 1911. С. 18—19.

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА П.С.-Р.

Объявление о провокаторстве Е.Ф.Азефа²²⁰

Центральный Комитет п.с.-р. доводит до сведения партийных товарищей, что инженер Евгений Филиппович Азеф, 38 лет (партийные клички: «Толстый», «Иван Николаевич», «Валентин Кузьмич»), состоявший членом партии с.-р. с самого основания, неоднократно избиравшийся в центральные учреждения партии, состоявший членом Боевой организации и ЦК, уличен в сношениях с русской политической полицией и **объявляется провокатором**. Скрывшись до окончания следствия над ним, Азеф, ввиду своих личных качеств, является человеком крайне опасным и вредным для партии. Подробные сведения о провокаторской деятельности Азефа и ее разоблачения будут напечатаны в ближайшем времени.

26 декабря 1908 г.

Знамя труда, 1908. № 14, декабрь.

№ 10

ПЯТЫЙ СОВЕТ ПАРТИИ²¹¹

Последний Совет, экстренно созданный для ликвидации дела Азефа, собрался в условиях крайне тяжелых для партии, и это не могло не отразиться на его составе. Как известно, бывший ЦК на совещаниях с некоторыми приехавшими из России товарищами в январе месяце решил за невозможностью устроить съезд партии в самом непродолжительном времени созвать экстренный Совет в расширенном составе, которому и вручить свою отставку и предложить избрать новый ЦК-т и судебно-следственную комиссию для окончательной ликвидации Азефовского дела. Тогда же был образован для деятельности в России особый коллектив уполномоченных, на который было возложено выполнение всех подготовительных работ по созыву Совета, самая широкая информация партии по делу Азефа и ведение всех текущих дел ЦК-та на полных правах ЦК. В этот коллектив не вошел ни один из членов старого ЦК. Время созыва Совета было приблизительно отнесено на первые числа апреля. Расширение состава Совета было намечено произвести таким образом: кроме 15 представителей, которых по уставу могли послать 13 областей и 2 столичных города, решено было предоставить 6-ти наиболее сильным областям послать на Совет еще по одному представителю с совещательным голосом. Способ избрания делегатов было предоставлено установить на месте областным съездам и конференциям или уполномоченному ЦК и областному комитету по совещании с местными организациями. На-

конец, ЦК решил в данном случае совершенно не пользоваться своим правом приглашать на Совет тех или других товарищей с совещательным голосом. Это, конечно, не касается уполномоченных ЦК в областях, которые по установившейся традиции всегда присутствуют на Советах с совещательным голосом, да и по существу дела должны на них быть. Всеми этими мерами имелось в виду отнять всякую почву у всевозможных толков о подтасованности Совета и неавторитетности его решений, — толков, которые в атмосфере, создавшейся раскрытием провокации Азефа, и при теперешней дезорганизации партии могли оказаться губительными для партии.

При проведении этих решений коллектив уполномоченных встретился со следующими условиями. В Северо-Западной, Донской и Северо-Кавказской областях не было не только областных комитетов, но не было и местных организаций, которые состояли бы в сношениях с ЦК. Тем не менее на Северном Кавказе удалось передать одному товарищу о предстоящем Совете, и о вопросах, подлежащих его решению, и было предложено попытаться восстановить местную организацию или, по крайней мере, созвать с этой целью конференцию партийных работников, оставшихся после распада местных организаций, и избрать представителя на Совет. С Дальне-Восточной областью не было возможности снестись. В Туркестан дано знать о предстоящем Совете и предложено было прислать на него делегата; известно, что организации там были сильно расстроены провалами последних месяцев. В Москве до сих пор не удалось восстановить организацию. В Поволжье, благодаря беспрестанным и очень крупным провалам, собрать областную конференцию не удалось. В Центральной области было сделано все для подготовки созыва областной конференции, были избраны на нее делегаты от губернских организаций, но сама конференция состояться не могла, благодаря мерам полиции, почему и выборы здесь произведены не были. Наконец, в Северной, Украинской, Уральской, Южной, Закавказской и Сибирской областях и в г. Петербурге состоялись съезды или конференции и были произведены выборы на Совет. Всего было избрано 9 человек: 2 от Петербурга (1 от Петербургской организации и 1 от организации «Земля и воля»²²²), 2 от Украины (1 от областной конференции и 1 от г. Харькова) и из остальных областей по одному. Но из этих 9 человек на Совет прибыли только 5: от Петербурга, от Северной области, 2 от Украины и 1 из Закавказья. Кроме того, прибыл делегат с мандатом от Саратовского комитета. Делегаты от Сибирской, Уральской и Южной областей на Совет не прибыли по причинам, точно не известным, хотя и уехали со своих мест. Делегат «Земли и воли», хотя своевременно и приехал в место, назначенное для Совета, но по некоторым обстоятельствам должен был вернуться назад раньше, чем Совет мог открыться. Наконец, заграничная конференция избрала 5 представителей на Совет и по-

становила просить Совет двум из них дать решающие голоса и троим совещательные.

Собравшимся на Совет делегатам предстояло решить крайне тяжелый и ответственный вопрос: могут ли и должны ли они, несмотря на свою малочисленность, конституироваться в Совет, долженствующий решить такие жизненные для партии вопросы, как принятие отставки старого ЦК, выборы нового и ликвидацию Азефовского дела? Потеряв больше двух недель в напрасном ожидании выбранных, не прибывших вовремя товарищей из России и обсудив в целом ряде предварительных совещаний положение дел и лежащую на них тяжелую ответственность, собравшиеся делегаты решили, что они должны конституироваться в Совет. Иначе поступить они не могли. В самом деле: каковы были мыслимые выходы из создавшегося положения? Во-первых, собравшиеся депутаты могли признать себя не вправе образовать Совет, разъехаться и представить ЦК-ту попытаться собрать или единственно правомочный для решения подлежащих вопросов съезд партии или более полный Совет партии. Поступить так съехавшиеся товарищи могли бы, если бы они нашли, что ЦК и коллектив уполномоченных не все сделали, чтобы обеспечить наиболее полное представительство партии на Совете. Между тем созыв съезда в сколько-нибудь близком будущем представлялся невозможным по соображениям финансовым и организационным. Притом, по смыслу устава и установившейся практике, подкрепленным к тому же решением 4-го (Лондонского) Совета партии, созыву съезда должен предшествовать Совет, который установил бы нормы представительства на съезде. Пойти наперекор уставу и прецедентам совершенно невозможно для ЦК, дискредитированного делом Азефа, ибо такие его действия по самовольному установлению норм представительства на съезде могли бы подвергнуться самым злостным перетолкованиям в смысле подтасовки съезда. Между тем рассчитывать на то, что ЦК-ту удастся созвать новый Совет в более полном составе, не было никаких оснований. ЦК-том и коллективом уполномоченных сделано было все, чтобы обеспечить наиболее полное представительство партии на Совете. И если вместо Совета в расширенном составе получилось собрание очень сокращенного состава, то причиной тому являются не какие-то промахи в подготовке его, а общие условия, в которых находятся наши организации. Если признать настоящий Совет несостоявшимся, то это может повлиять на партийные организации крайне обескураживающим и деморализующим образом, и вместо более полного Совета мы в будущем не получим того, что мы имеем теперь, не поедут и те, кто приехал на настоящий Совет. Наконец, крайне губительно для партии было бы дальнейшее сосредоточение ее деятельности на этой чисто формальной работе — созыве конференций и съездов, выборе делегатов и т.п., вместо реальной работы на почве конкретных нужд и потребностей трудового народа. По всем этим

соображениям роспуск съехавшихся делегатов и признание Совета несостоявшимся были отвергнуты.

Второе возможное решение было таково: задержать съехавшихся депутатов приблизительно на месяц и попытаться пополнить их число за это время новыми делегатами; по истечении же месяца открыть заседания Советов при всяком числе депутатов. Возможность такого решения имела в виду с самого начала, как только стал выясняться неудовлетворительный результат подготовительной к Совету работы. Со всеми областями, с какими только было возможно это сделать, снеслись письменно или телеграфным путем. Кроме того, был послан один товарищ в объезд по Центральной и Поволжской областям с поручением добиться от местных организаций посылки представителей на Совет, хотя бы без предварительной областной конференции. При обсуждении такого выхода из положения естественно возникал вопрос: что можно получить в лучшем случае путем этих дополнительных поездок и расходов? Такое тщательное обсуждение этого вопроса по областям привело к такому заключению: можно получить одного делегата от Центральной области с мандатом от 2—3 местных комитетов и, может быть, еще одного делегата из Поволжской обл. или, скорее, один-два дополнительных мандата от местных комитетов тому товарищу, который имел мандат Саратовского комитета. О созыве губернских, а тем более областных конференций, в такой короткий срок нечего было и думать. Усилит ли такое пополнение имеющегося состава делегатов формальную компетентность Совета? Нисколько, ибо мандаты будут столь же спорны, как и имеющийся уже мандат Саратовского комитета. Увеличит ли это моральный вес Совета? Очень мало. Оправдает ли это наилучший возможный результат отсрочки Совета на месяц тот ущерб, который притоечет для партии вследствие удерживания в течение месяца вдали от работы всех съехавшихся уже делегатов и значительного числа уполномоченных? Безусловно, нет.

А в таком случае оставалось единственное третье решение — признать Совет состоявшимся и открыть его заседания, — которое в конце концов и было принято единогласно. На самом деле, с какой точки зрения можно было бы оспаривать законность Совета? Недостаточность представительства? Да, если исходить из того числа областей (15), которое у нас было организовано и действовало в лучший период существования партии, то настоящий Совет пришлось бы признать несостоявшимся, ибо для его законности необходимо, чтобы была представлена по меньшей мере половина того числа областей (8). Но держаться за эту фикцию невозможно, так как это могло бы поставить партию в невозможность иметь какие бы то ни было правомочные собрания. Если уж исходить из числа действительно существующих и действующих областей, исключив по крайней мере те, в которых ЦК-ту неизвестно ни одной действующей организации (таких областей 4), то настоящий Совет может быть признан вполне правомочным, так как на нем пред-

ставлено больше половины областей. Неудовлетворительность мандатов? Но они удовлетворительны настолько, насколько возможно при современном состоянии организаций. И ни один товарищ, знакомый с реальными условиями деятельности партии в настоящее время, не станет утверждать, что возможно, в среднем и общем, более точное соблюдение устава и советских решений, чем какое бы возможно при выборе приехавших делегатов.

В конце концов Совет конституировался при таком составе решающих голосов: 1) представитель Северной области (имеет полномочия от областного бюро и от конференции Прибалтийского края; конференция восточной половины области не могла состояться); 2) представитель г. Петербурга (имеет мандат от Петербургской конференции); 3) представитель Украинской области (от конференции представителей существующих организаций); 4) представитель Бакинской организации (избран на конференции, имеет полномочия от областного комитета и Армянской организации; областная конференция была созвана, но вследствие некоторых недоразумений признала себя неправомочной для выбора делегата на Совет); 5) представитель Южной области (он же уполномоченный ЦК-та; был единогласно намечен конференцией области в делегаты на Совет партии, и только вследствие решительного отказа с его стороны, вызванного формальными соображениями, был вместо него выбран другой товарищ, на конференции не присутствовавший и в партийной работе в последнее время не принимавший участие); 6) представитель Поволжской области (уцелевший от провала член областного бюро, имеет мандат от Саратовского комитета; в других городах после последних провалов правильных организаций нет и для получения более правильного представительства от области пришлось бы их предварительно восстановить). Кроме того, был дан решающий голос и 7) представителю Харьковского комитета. ЦК-т, по уставу имеющий на Совете 5 решающих голосов, заявил, что ввиду малочисленности Совета считает возможным пользоваться только двумя решающими голосами. Впрочем, и этими голосами ЦК пользовался только в начале Совета. После того, как была принята в принципе его отставка, ЦК систематически воздерживался от подачи голоса по формальным соображениям. (Фактически ЦК пользовался только одним голосом, так как другой голос он уступил коллективу уполномоченных с ведома Совета.) Наконец, был дан решающий голос представителю партии в Международном бюро т. Рубановичу (но он от него отказался) и один решающий голос представителю заграничной конференции, остальные 4 представителя допущены на Совет с совещательным голосом. После своего конституирования Совет постановил пригласить для участия в Совете с совещательным голосом 5 товарищей (ЦК от подачи голоса по этому вопросу воздержался). Из них только двое прибыли на Совет и принимали участие в его заседаниях.

Все члены Совета вполне сознавали, конечно, всю тяжесть ответственности, которую они брали на себя, признавая Совет состоявшимся. Они понимали, что в данный момент, при решении данных вопросов, когда задачей является выведение партии из того тяжелого состояния, в котором она оказалась с раскрытием провокации Азефа, важны не столько формальные основания, по которым Совет мог состояться, сколько моральная сила решений Совета: результатом его должно было явиться стремление всех членов партии к единой цели — объединению и укреплению организации — возбуждение партийного патриотизма. Поэтому, чувствуя себя лишь малой частью партии, Совет и решил все свои постановления подвергнуть обсуждению всех существующих партийных организаций. Он решил, что вся партия должна принять участие в решении своих судеб. Тогда решения эти будут значительны и морально вески. Все решения Совета должны пройти через опрос всех существующих организаций. И лишь в случае утверждения их большинством этих организаций они будут считаться принятыми.

Важнейшим вопросом на 5 Совете являлось дело Азефа и отставка ЦК-та. К нему Совет и приступил непосредственно по выслушании докладов с мест и доклада ЦК.

Представитель ЦК дал обстоятельный отчет о всех действиях ЦК по делу Азефа, остановившись преимущественно на конспиративной стороне дела, недостаточно освещенной в выпущенном извещении ЦК и в № 15 «Знамя труда». Он проследил шаг за шагом все заседания ЦК и других более широких собраний, на которых обсуждалось дело Азефа; перечислил все предложения, которые вносились на этих собраниях, — какие из них отвергались и какие принимались. Члены Совета особенно интересовались вопросом, как могло случиться, что Азеф успел благополучно скрыться. Этот вопрос, как выяснилось из докладов с мест, наиболее смущает и местные организации и является для них наиболее темным и неясным во всей истории Азефа. Но именно на этот вопрос докладчик ЦК не мог дать такого ответа, который бы все объяснил и всех удовлетворил. От имени ЦК он заявил, что ЦК чувствует всю тяжесть своей ответственности перед партией в этом пункте. ЦК, как целое, глубоко сознает, что лишь благодаря его ошибкам Азеф успел скрыться от заслуженной им революционной кары, — благодаря тому, что в решительную минуту ЦК не проявил достаточного единодушия и решительности. Не было, конечно, разногласий относительно того, что если Азеф окажется провокатором, его следует уничтожить. Но степень уверенности в его виновности была разная, и различны были мнения насчет тех мер, которые следует принять для доведения до конца всего дела.

Не имея единого мнения в то время, когда история с Азефом постепенно разыгрывалась, ЦК, естественно, и в настоящее время не может иметь одного мнения насчет того, в какой именно момент была сделана ошибка, повлекшая за собой тяжелый для партии результат всего дела — бегство Азефа: один видит ее в одном, дру-

гой — в другом. Как целое, ЦК может сказать только одно: он сознает ответственность, падающую на него за то, что Азеф мог бежать, и предъявляет свое бесповоротное решение выйти в отставку. Пытаться идти дальше в этом вопросе значило бы индивидуализировать ответственность; для этого пришлось бы заставить пройти перед собой все прения, все те аргументации, которые в свое время имели место на заседаниях ЦК. А это уместнее сделать в заседании судебно-следственной комиссии, чем Совета партии.

Совет не пожелал углубляться в эти детали. На Совете не нашлось ни одного человека, который подверг бы сомнению добросовестность и чистоту мотивов членов ЦК в деле Азефа, и в этом смысле Совет единогласно выразил ему свое доверие. Но в оценке действий ЦК члены Совета разошлись. Большинство сходилось на том, что в ликвидации дела Азефа ЦК действовал менее решительно, чем того требовали обстоятельства. Но некоторые, кроме того, ставили в вину ЦК-ту и недостаток проницательности, мешавшей ему так долго открыть в своей среде провокатора, и недостаток чувства ответственности, позволивший ему поручать Азефу чрезвычайно важные дела тогда, когда против него были уже заявлены подозрения. Наконец, меньшинство полагало, что Совет не может выносить какого-либо осуждения действиям ЦК. В этом смысле и были вынесены две резолюции: резолюция Совета и резолюция меньшинства, которые обе по постановлению Совета и должны были быть напечатаны в резолюциях Совета.

Что касается отставки ЦК, то только один товарищ резко и решительно высказался против принятия ее Советом. При этом он исходил из следующих соображений. Совет уже выразил доверие ЦК-ту и не нашел в его действиях ничего незакономерного; принимать после этого отставку ЦК значило бы вступать в противоречие с самим собой. Притом Совет по уставу не имеет права это сделать и выбирать новый ЦК. Тем более, не должен этого делать настоящий Совет, очень немногочисленный и не авторитетный по своему составу. Переходя к существу вопроса, товарищ утверждал, на основании своего знания партии, что нет возможности избрать новый ЦК, который мог бы быть столь авторитетным, как прежний. В прежнем были фамилии, в новом — будут имена и отчества. ЦК-т должен быть идейным руководителем партии; но нельзя избрать рядового члена партии и сказать ему: будь идейным руководителем партии. В старом ЦК именно были собраны эти естественно выделившиеся руководители, лучшие силы партии и, устраняя их, Совет никем заменить их не может. Поэтому было бы безрассудно принимать отставку ЦК-та и лишить партию услуг его членов.

Но это был одинокий голос. Все остальные члены Совета высказались за принятие отставки ЦК. Принимая ее, Совет, по мнению этих товарищей, отнюдь не впадает в противоречие с самим собой, не выражает этим своего недоверия или порицания старому ЦК-ту. Нет, он принимает ее по чисто формальным и тактическим соображениям, считаясь с заявлением ЦК, что дело Азефа и созна-

ие допущенных в нем грубых, непоправимых ошибок деморализовало и дезорганизовало его, что дальнейшее его существование в старом составе, по его собственному сознанию, вредно для партии. Вопрос о компетентности Совета уже решен раньше, в момент конституирования Совета, и решен в положительном смысле при самом деятельном содействии того самого товарища, который теперь возражает против компетентности. Притом неприятие отставки окончательно дискредитировало бы и Совет и ЦК, дав почву для толков о подтасованности Совета. Что касается возможности выбрать новый ЦК, достаточно авторитетный в партии и в сферах, очувствующих и содействующих партии, то другие члены Совета овсем не смотрели на дело так мрачно. Прежде всего, старый ЦК после дела Азефа вовсе уже не пользовался таким бесспорным авторитетом. Наоборот, и в партийных организациях, и в сочувствующих нам сферах общества было очень популярно мнение, что ЦК-т должен выйти в отставку, что и выражено в целом ряде резолюций, и его решение в этом смысле было встречено одобрением. Затем, и партия не так уже бедна силами, чтобы не могла выставить другого состава ЦК, достаточно авторитетного. Наконец, отставка старого ЦК вовсе не означает, что партия лишается услуг его членов. Партия ко всем им лично относится с полным доверием; и потому ничто не мешает им работать в рядах партии и оказывать ей все те услуги, которые позволяют им оказывать их знания, их литературные и иные способности, их влияние и авторитет разных общественных кругах.

Что касается возможности переизбрания некоторых членов старого ЦК в новый, то на этот счет первоначально высказывались разные мнения. Одни находили это вполне возможным и желательным; другие же говорили, что этого ни в коем случае не должно быть, причем приводили, между прочим, и те соображения, что избирая одних, забаллотировывая других, Совет предвосхитит решение судебно-следственной комиссии, которая должна разобраться в деле Азефа и установить ответственность отдельных лиц и организаций; что таким образом Совет, отказавшись от разбора дела по существу и в деталях, в то же время вынесет приговор. Хотя по тому вопросу и не было вынесено формального решения, но, очевидно, в конце концов, Совет склонился к последнему мнению, как как ни один из членов старого ЦК избран не был²²³.

Так был ликвидирован важнейший вопрос, подлежащий решению Совета. Из других вопросов наибольшее значение имеет вопрос о терроре, стоящий в некоторой связи с делом Азефа. Пятый Совет оказался первым общепартийным собранием, на котором террор встретил возражения, и притом со стороны заметной части собрания: против террора высказалось 4 или 5 товарищей из 10 бывших на Совете. (Из делегатов из России, впрочем, лишь один был за временную приостановку террора.) Мы, однако, не будем здесь излагать интересных и горячих прений по этому вопросу, ввиду того, что от одного из противников террора поступи-

ла в редакцию статья по этому вопросу, которая и помещается в этом номере вместе с ответом на нее, излагающим точку зрения большинства Совета, высказавшегося за продолжение террористической борьбы²²⁴.

На Совете разбирались и вопросы организации и тактики партии в отдельных областях работы: крестьянской, рабочей, военной. Находя, что политическое положение России не изменилось существенно со времен 4-го Совета партии, бывшего в августе 1908 г., 5-й Совет не считал нужным дать свою резолюцию по оценке момента, а исходил во всех построениях из концепции, принятой на 4-м Совете. Поэтому вполне понятно, что его частные резолюции о разных видах работы идут в таком же направлении, что и резолюции предыдущего Совета, не отличаясь от них ничем существенным.

Есть лишь важные для практической работы частные дополнения и развитие некоторых положений. К ним мы вернемся в отдельных статьях в следующих номерах «Знамени труда».

Знамя труда, 1909. № 19, июль.

№ 11

ВОПРОС О ТЕРРОРЕ НА V СОВЕТЕ ПАРТИИ С.-Р.

(май 1909 г.)

От редакции [«Социалиста-революционера»]²²⁵

Печатаемая в настоящем номере, в качестве документа, извлечения из прений по вопросу о терроре на V Совете партии с.-р., редакция считает необходимым предпослать им краткое, чисто фактическое предисловие.

Первоначально предполагалось (но по обстоятельствам не было осуществлено) издание сокращенных протоколов заседаний V Совета партии. Самим Советом было избрано особое лицо для приготовления к печати для этого издания соответствующих выдержек из стенограмм. Эта редакционная работа была в свое время закончена.

Целиком ее результатами и пользовалась редакция «Социалиста-революционера», печатающая настоящие «извлечения».

Заседанию по вопросу о терроре предшествовало избрание докладной комиссии, в состав которой вошли два сторонника продолжения террористической тактики и один сторонник приостановки ее. Комиссия предоставила роль докладчика, пользующегося привилегией заключительного слова, представителю антитеррористического меньшинства т. Северскому²²⁶. Представитель большинства, т. Гарденин²²⁷, выступил в качестве содокладчика. Все остальные необходимые данные содержатся в нижеследующих «извлечениях».

Председатель т. Сергеев²²⁸.

Тов. **председатель**. На очереди вопрос о терроре. Прошу товарища докладчика начать доклад.

Тов. **Северский**. В комиссии мнения разделились как раз пополам: два человека держались одной точки зрения, а два — другой. Комиссия решила первое слово для доклада предоставить той точке зрения, которая предлагала временно приостановить террористическую деятельность. Вот от этой второй половины комиссии я беру себе слово.

Прежде всего, я должен обратить ваше внимание, товарищи, на то, что не делу Азефа обязан я той точке зрения, на которой я стою. Гораздо раньше дела Азефа мне лично пришлось мотивировать мою точку зрения в одном провинциальном городке Северной области перед группой эсеров. Там было решено произвести один крупный террористический акт. Этот акт был приостановлен как по совету Организационного бюро, которое, однако, не мотивировало своего совета, так и по совету областного бюро, которое мотивировало свой совет теми аргументами, которые я буду приводить здесь. Мой товарищ по комиссии тоже пришел к этому заключению не после дела Азефа. И поэтому мы просим, выслушивая нас, временно забыть совершенно о том, что было дело Азефа и специальные осложняющие его последствия, над которыми нам придется остановиться очень недолго.

Теперь я перехожу к существу дела. Я просмотрел все номера «Знамени труда», желая прежде всего проверить, правильно ли я понимаю задачи террористической деятельности, и совпадают ли мои воззрения на эти задачи с официальными воззрениями партии. Я убедился, что мои воззрения на эти задачи террористической деятельности вполне совпадают с официальными воззрениями партии, которые очень хорошо сформулированы в 1-м и 8-м №№ «Знамени труда» следующими словами: «Периоды откровенной реакции... развязывают нам руки как революционерам, как людям действия, и создают огромную сочувствующую среду для наших систематических вооруженных действий против правительственного защитного и боевого механизма власти. А только в таком всестороннем общенародном сочувствии вся сила террора. Отнимите эту опору, отнимите сочувственный резонанс — и акты террора сделаются бесплодными, ненужными и возбуждающими недоумение и отчуждение от партии».

Этим тут мотивируется усиление террора, которое намеривались провести. Теперь мне надо будет расчленить понятие террора, как средства борьбы, имеющего дело с выставленными против него средствами и употребляемого в определенные моменты. Значит, прежде всего, террор встречается с некоторыми выставляемыми против него средствами, затем террор ведется в определенной обстановке. Партия считает террор органически связанным только с

определенной обстановкой, и не признает террора в другой обстановке. С другой стороны, она рассчитывает на то, что те объекты, на которые направляется террор, будут террором определенным образом дезорганизованы и не смогут восстановить свои расстроенные ряды. Предполагается, что террор дезорганизует врага и что он вызывает сочувственный энтузиазм в массах. Теперь нам приходится задать вопрос: можем ли в рядах объектов, на которых направлен террор, произвести ту дезорганизацию, которую бы потом смогло бы использовать массовое движение, и другой вопрос: если мы можем произвести эту дезорганизацию, то имеются ли у нас те резервы, с которыми мы могли бы перейти в наступление? Я на эти вопросы отвечаю совершенно отрицательно. Правительство настолько уже приспособилось к быстрому реагированию на террористические акты, настолько быстро замещает опустевшие места, что в настоящее время трудно было бы предположить, что можно будет произвести дезорганизацию правительства. Я утверждаю, что даже временной растерянности правительства в настоящее время не может произойти в силу того, что правительство знает наши силы и положение дел у нас. Растерянность правительства во время первой террористической кампании партии с.-р. и сочувственный резонанс и энтузиазм могли объясняться тем, что и правительство не знало сил партии, не знало, что за люди эти эсеры, которые вдруг вздумали вести эту страшную кампанию террора, не знало их и общество, давно уже подготовленное 20-летним молчанием к тому, чтобы отозваться очень сочувственно на самую малейшую попытку революционного выступления. И те, и другие не знали, кто ведет эту боевую кампанию, и поэтому общество верило и надеялось, правительство не знало и боялось. И то, и другое было нам на руку, и мы, опираясь на веру и энтузиазм, с одной стороны, на страх и боязнь, с другой стороны, могли из своих маленьких средств и из своих незначительных, в сущности говоря, попыток вызвать в конце концов очень и очень большие следствия. Говоря о первых победах революции, автор одной статьи в «Знамени труда», между прочим, упоминает, что, по-видимому, первые победы русской революции были получены ею в кредит. Я добавлю к этому: и первые победы русского террористического движения были тоже получены партией с.-р. до известной степени в кредит. История партии, в особенности первый съезд партии, показали, насколько незначительной политической величиной была она, начиная свою террористическую деятельность.

Теперь я вас спрашиваю: можно ли снова надеяться на веру общества, на его сочувствующий энтузиазм и на незнание правительством наших сил, ибо у него теперь нет Азефа? Я отвечаю: общество слишком хорошо знает вас. Вы слишком хорошо известны обществу не только со стороны обывательской, но и с самых конспиративных сторон вашей жизни. Дело Азефа окончательно обнаружило вас перед обществом, сняло последние лоскутки одежды, которая могла облекать вас сколько-нибудь значительной вуалью.

Теперь общество окончательно и полно знает вас. Вы — определенные люди, поставившие себе определенные цели. Оно знает, что вы сейчас недостаточно сильны. Правительство, которое теперь, пожалуй, не может так уверенно манипулировать с партией с.-р., как манипулировала ею, когда имело в среде этой партии Лезефа, правительство в настоящее время, само собою разумеется, может быть, и опять начнет страшиться, но у него есть пока достаточно объективных данных для того, чтобы еще некоторое время не бояться террористических ударов. Эти данные правительством черпаются из настоящего положения дел. Ведь мы сами признали, что не одна только партия с.-р. делает революцию, а делает революцию партия с.-р. в связи с трудовым народом и массовым движением. Правительство же хорошо знает, что никаких инициативных, сплоченных революционных организаций сейчас в России нет — организаций, которые бы могли взять в свои руки руководство массовым движением. Может быть, они могли бы возникнуть, вызванные террористической борьбой? Но правительство хорошо знает, что если бы убрали Столыпина²²⁹ — оно могло бы послать на его место Горемыкина²³⁰ или еще кого-нибудь, и это не встретило бы никакого отзвука в стране, никакого движения не было бы, и правительство быстро сомкнуло бы расстроенные ряды, и только. Смерти агенты правительства не боятся, так же, как и мы не боимся, а в настоящее время и никто в России не боится. Это ж такая теперь особая эпоха.

Итак, если вы стоите исключительно на той точке зрения, что наша террористическая кампания всегда должна быть связана с предполагаемым за нею массовым движением, то в этом смысле вы должны признать, что мы теперь террористической кампании вести не можем. Если вы предполагаете, что наша террористическая кампания должна повести организацию масс, предпосылку будущего массового движения, возникновение маленьких инициативных революционных организаций, если вы хотите только уничтожить подавленное настроение в стране и вызвать небольшое брожение и на фоне его дать образоваться хорошо организованным маленьким ячейкам, то и в этом смысле вы должны отказаться от надежд на то, что вам удастся этого добиться по следующим основаниям. Лучший из авторитетов в области психиатрии Бехтерев²³¹, в своих добавлениях к книге о роли внушения, производит психологический анализ состояния в стране в настоящее время и констатирует, что наступило одностороннее переутомление, то самое переутомление, на которое всегда с особенной настойчивостью обращал наше внимание Михайловский²³², которое влечет за собою полную подавленность, и на фоне этой подавленности соответствующие гипнотические явления. Полная подавленность и переутомление в области, в которой психика человека прежде всего была наиболее уязвима, полная нечувствительность к убийствам и к смерти, полное отсутствие страха перед смертью, как своей собственной, так и перед смертью других — вот что все кон-

статирует Бехтерев, и я говорю, что это может каждый из нас констатировать по отношению к массе людей, проживших длительную полосу смертей, экспроприаций и террора. Это особенное состояние не может быть не учтено нами, и поскольку мы его учитываем, мы должны признать, что даже сильные террористические акты не производят в настоящее время никакого впечатления на русского обывателя. Если в 1905 г. убийство генерала Кошелева произвело бы необыкновенное впечатление, то теперь это убийство одного из наиболее жестоких председателей военного суда не производит никакого впечатления. И я вас спрашиваю, на что вы надеетесь, собираясь развивать ваш террор? Надеетесь вы, что вы все-таки получите нужный эффект? Я сомневаюсь лично, сможете ли вы при ваших силах достигнуть этого? Может быть, я согласился бы с вами, что развив до *plus ultra*²³³ концентрированный террор, вы смогли бы даже российского обывателя заставить поверить во что-то, и заставить правительство бояться. Но я не могу предположить, что у нас имеются для того средства и, не считая русского обывателя подавленным психологически настолько, чтобы на него уже нельзя было совершенно действовать террористическими актами, я утверждаю, что при наших силах мы превзойти эти границы не можем, и никаких решительных эффектов мы в настоящее время вызвать нашим террором не можем. Я могу напомнить вам простые физиологические законы, например, закон относительно возрастания ощущения по мере возрастания раздражения, который гласит, что ощущение растет не пропорционально раздражению, но гораздо медленнее. Значит, в настоящее время это раздражение должно быть слишком сильно, чтобы вызвать хотя бы слабый эффект. Я напомню, что при отсутствии раздражения, ощущение со временем даже от малейшего раздражения будет страшно сильным, напомню законы о памяти, что то, что остается в ней, пропорционально только логарифму протекшего времени. И я скажу: считаясь с действием этих психологических законов, нужно признать, что временная приостановка раздражения, вызываемого террором, могла бы повести только к тому, что обесцененный в настоящее время, как средство агитационное, террор получил бы снова всю ценность, и, может быть, даже удвоенную ценность. Поэтому я и предлагаю приостановить временно террор с тем, чтобы со временем, успевши организовать те инициативные группы, которые должны руководить массовым движением, начать затем полосу самого сильного, самого концентрированного, самого интенсивного террора, когда общество вновь сможет ощущать, когда общество вновь будет нас не знать и вновь надеяться и верить, а правительство вновь будет нас не знать и бояться.

Ввиду всего этого я и предлагаю партии с.-р. временно приостановить террор. Я говорю обо всем этом, как будто бы не было дела Азефа, и если вспомнить, что было еще дело Азефа, то мои аргументы должны еще в значительной степени усилиться. После дела Азефа мы имеем у себя полнейшую дезорганизацию, мы не

можем надеяться на то, чтобы взять в свои руки руководство массовым движением, и даже не можем надеяться на то, чтобы создать в ближайшее время маленькие единомыслящие партийные организации. В настоящее время нет единомыслия в нашей среде, а скоро нет единомыслия, не может быть и единого действия; и единомыслия мы достигнем, только изжив вполне период брожения и не торопясь организуя тем временем террор. Дело Азефа, кроме того, что оно дезорганизовало наши силы, еще поселило большое недоверие к некоторым из террористических выступлений в России. Говорят, что нужно при помощи террора реабилитировать террор. Я думаю наоборот, что при помощи террора можно его окончательно скомпрометировать. Я знаю, что можно реабилитировать только хорошим террором, но плохим террором можно только скомпрометировать. Я говорю, что террор не может быть скомпрометирован, если вы будете пытаться его реабилитировать.

Тех, кто мне будет возражать, я прошу не останавливаться совершенно на последнем моменте, прошу не говорить совершенно о необходимости реабилитаризации террора, якобы скомпрометированного делом Азефа, ибо я предполагаю, что он скомпрометирован этим делом. Я прошу только ответить на вопрос, может ли партия в настоящее время создать террором благоприятную террористическую обстановку, то есть может ли она сейчас террором поднять дух в ком-нибудь, и может ли она поставить в настоящее время дело террора на такую высоту, чтобы это дело оказалось не невыполнимым обещанием, а действительно делом, приводящим к определенным результатам? Если она не знает, что она могла бы сейчас довести дело до такой интенсивности и концентрации дело террора, чтобы вызвать и дезорганизацию, и смятение, то пусть лучше она ничего не начинает, а заявит: мы дадим сражение тогда, когда мы найдем это более целесообразным для себя; мы не отказываемся от террористической деятельности и ни от чего, с чем мы до сих пор оперировали, не отказываемся, но временно приостанавливаем свою террористическую деятельность для того, чтобы затем дать если не окончательное, то во всяком случае одно из решающих сражений. Это решающее сражение вновь восстановит ту тактику, которой мы до сих пор стяжали себе такую большую славу.

Тов. Гарденин. Товарищи! Комиссия, которая занималась вопросом о терроре, состояла из трех избранных Советом лиц и одного приглашенного товарища, отстаивавшего предложение приостановить террористическую борьбу. Среди избранных членов комиссии один разделял эту точку зрения, двое других ее отвергали. Та часть комиссии, от лица которой я говорю, не предлагает вам никакой резолюции. Мнение ее таково, что сейчас нет надобности в писании резолюций о терроре. Единственное заключение, которое мы предлагаем, — это отклонить резолюцию, представленную вам тов. Северским.

Мы исходим из той самой точки зрения, которая излагалась в «Знамени труда» и раньше, с гораздо большей подробностью, в «Революционной России». Отправной пункт всех моих рассуждений, конечно, будет тот же самый, на который пытался стать и т. Северский. Да и как бы мог быть он иным, когда все цитаты, приведенные им для обоснования этого отправного пункта, суть цитаты из моих собственных статей? Да, террор есть для нас нечто, органически связанное с массовым движением; но это значит только, что террор не есть для меня какое-то единоборство двух сил, двух отрядов — террористов и правительства. Это значит, что действия отряда террористов имеют для нас то или другое значение постольку, поскольку они служат потребностям массового движения. Но служить потребностям массового движения — не значит идти с этим массовым движением как раз в ногу: его много — и террора должно быть много, его нет — и террора не должно быть. И не только теория террора, но и практика его в партии с.-р. такой «механической» пропорциональности никогда не представляла. Во времена Сипягина²³⁴ массового движения не было; когда партия открыла свою террористическую кампанию, во что она верила? Она верила, она надеялась, что в стране есть достаточно глубокого, скрытого, потенциального недовольства. Но для того, чтобы это потенциальное, это скрытое недовольство перевести в открытое, эту энергию потенциальную перевести в энергию кинетическую, для этого — казалось партии — в русской жизни не достает кое-чего, кроме пропаганды и подготовки умов; не хватает того действенного примера, который делом еще больше, чем словом, **высвобождает** эти силы. С этой верой, с этим убеждением партия выступила на террористический путь, и в настоящее время мы вправе сказать, что эта вера, это убеждение — оправдались. Они оправдались несмотря на то, что правительство с первых же шагов нашей партии заручилось в самой сердцевине ее внутренним предательством, которое постепенно стало все больше и больше освещать перед глазами правительства ту силу, которая против него выступала, освещать все самые сокровенные тайны ее организации, ее замыслов, ее деятельности. Несмотря на все это, партия с.-р. стала в этой области тем, чем она была. И в целом ряде обвинительных актов правительства, и в реакционных органах, ненавидящих нас, как никого, и в разных секретных докладах — этих признаниях в четырех стенах — везде звучало, везде прорывалось, везде невольно срывалось время от времени с языка название — цитирую дословно: «эта страшная партия»...

Основываясь на моих словах о том, что русская революция перед периодом свобод победила в значительной мере «в кредит», товарищ старается эту точку зрения распространить на террор: доказать, что террористические наши успехи также были получены в кредит. В кредит у кого? Может быть, у нас? Может быть, у общества? Но, как вы видите, меньше всего у правительства, потому что для правительства с самых первых шагов наших Боевая орга-

низация менее всего была чем-то неизвестным, тем загадочным иксом, который прячется где-то и откуда-то мечет свои перуны. Вовсе нет! В обвинительном акте против Лопухина²³⁵ вы увидите, что хотя Азеф вплоть до известного периода времени не считал для себя выгодным выдавать, в полном смысле этого слова, многих революционеров и террористов, однако их, как таковых, — их общую роль и характеристику — он сообщал уже с самого начала. Произошел первый акт, Сипягинский²³⁶, и вскоре правительство получило от Азефа все данные. «Освещено», кто играл главную роль: за границей — Гоц²³⁷, в России — Гершуни²³⁸, «освещено», кто был помощником Гершуни и т.д. Так было и в различных террористических актах, которые не удавались. Да, мы были в это время, как численная сила, слабы; да, мы еще были в самой технике террористической борьбы неопытны: своего опыта еще не было, данные опыта «Народной Воли» были утрачены; все приходилось начинать сызнова; даже динамитная техника была в то время для партии с.-р. закрытой книгой. И еще одно «да»: в это самое время внутри партии была измена, — благодаря ей наши слабые пункты не были для правительства тайной. Можно ли здесь, товарищи, говорить о победах террора в кредит? Я полагаю, что нет; я полагаю, что если что-нибудь этим доказано, так только одно: несмотря на слабость партийных сил, несмотря на слабость тогдашней нашей организации, несмотря на то, что, как партия, мы тогда еще только-что родились, несмотря на то, что внутренняя измена уже начинала давать себя чувствовать, — несмотря на все это, террор дал то, что он дал. И какой вывод из этого следует? Только один: террор далеко не дал партии всего того, что он, как таковой, может дать, далеко не развил всей своей потенциальной силы. И когда не развил? Как раз в тот момент, когда его обнаружение, его проявление могло бы быть в наибольшей мере решающим. Мы имели центральный террор до того момента, как правительство зашаталось; но в тот момент, когда оно зашаталось, когда чашки весов судьбы качались в неустойчивом равновесии, как раз в этот момент мы уже были обезоружены. И мы могли только напрягать все террористические силы — и переживать трагедию, трагедию бессилия террора. Развивался террор массовый, террор местный, но террор центральный больше не действовал.

Обращаюсь к психологии общества. Для общества, конечно, истинное положение вещей не было так ясно. Но в обществе ли, в радостях ли общества, после смерти, скажем, убийства Плеве²³⁹, мы черпали что-либо? Оно ли давало нам силу для ведения террора? В этом отношении, мне кажется, можно сказать одно: все те, которым знакома партийная террористическая практика, знает, насколько огромной и колоссальной нелепостью является обычное представление антитеррористов, будто террор — это что-то такое, в чем партия живет на счет буржуазного общества, пользуясь от него деньгами и т.д. и т.д. Товарищи, я думаю, для всех здесь присутствующих не тайна, что именно от элементов либерального

общества для ведения террора мы, можно сказать, совершенно ничем не пользовались. Да, верно, общественное ликование, не столько либерального общества, сколько ликование в низах, нас одушевляло. Да, восторг и благолепие, с которыми крестьяне откликались на такие акты, как убийство Сахарова²⁴⁰, Луженовского²⁴¹ и других, конечно, питали энтузиазм партийных борцов террора. Но могло ли питать его ликование либерального общества, которому грош цена, которое рукоплещет, когда террор есть, и которое в лучшем случае брюзжит на революцию, когда террора нет, которое относится к террору с точки зрения посетителя ресторана, которому долго не несут вкусное блюдо. Это нам давало силы? Это нам помогало?

Говорят, что дело Азефа сняло последние лоскутки одежды, что нас теперь все знают без вуали, знают, насколько мы сейчас дезорганизованы и бессильны. Говорят, что дело Азефа дало возможность правительству и обществу заглянуть в самые сокровенные глубины нашей жизни. Правительству, я думаю, нет: правительство в эти глубины заглядывало и могло заглянуть в любой момент в последнее время деятельности Азефа. Обществу, пожалуй, да. Хотя во что заглянуло общество, которое все время азефиады питалось утками нашей легальной прессы? Оно не заглянуло ни в какие глубины, оно осталось все на той же безнадежной плоскости, в смысле знания и понимания того, что есть революция. Дело Азефа скомпрометировало в его глазах революцию? Конечно, да, и не удивительно: мы сами в наших глазах сильно скомпрометированы. Но скомпрометирован ли террор? Вот относительно этого я позволю себе сказать: мы скомпрометированы тем, что мог быть так долго в нашей среде не разоблачен провокатор, который встречался с разными составами и Центрального Комитета и Боевой организации и других верхов партии. Да, но по отношению к террору для каждого человека ясно и понятно совершенно иное заключение: если и при таком печальном положении вещей террор нанес так много ударов правительству, то чего же можно от него ожидать при более благоприятных обстоятельствах? Иное заключение возможно разве только для тех, которые устраивают нелепую гипотезу, что будто две части правительства боролись между собою и одна часть правительства пользовалась террором революционеров против другой части правительства. Это в то самое время, когда под ударами японцев, с одной стороны, под грозой народного волнения, с другой, правительство действительно висело на волоске и потому в терроре более, чем когда-либо, должно было видеть угрозу своему существованию!

Но какое сейчас настроение у общества? Может быть, оно действительно таково, что в нем существует некоторое одностороннее переутомление, граничащее с патологическим состоянием, близким к гипнозу? Может быть, действительно, развилась полная нечувствительность к своей и чужой жизни, может быть, его, действительно, нельзя разубедить никакими громами? Товарищ, поставив

тот вопрос, вместе с тем находит, что ответ на него всегда будет только субъективный, что объективных данных для этого ответа вовсе нет. Я с этим не мог бы согласиться без оговорок. Я думаю, что некоторые объективные данные все-таки есть. Несомненно, перед второй Думой мы пережили огромную полосу, в течение которой кровь лилась рекой. Но был в этой полосе момент, очень короткий момент, в течение приблизительно одного декабря месяца. В течение этого декабря месяца, перед выборами во вторую Думу произошло разом 4 террористических акта. Из них ни один не был центральным, не был убит ни один министр. Был убит очень ненавидимый всеми, олицетворяющий палачество, Павлов²⁴², был убит Гауниц²⁴³, был убит не стоявший в это время на особом боевом посту Игнатьев²⁴⁴ и был убит местный руководитель карательной экспедиции Литвинов²⁴⁵. Что же, как реагировала на это масса? Оказалась ли у нее восприимчивость настолько притупившейся, что она не подняла головы? Мы все знаем, что объективный результат был как раз обратный: это был огромный фактор для консолидации масс. Петербуржцы тогда говорили, что нашу избирательную агитацию в рабочей среде провели не столько они, сколько эти террористические акты. Товарищ пытается аргументировать все объективными данными, но это ему трудно, потому что кроме того аргумента у нас и фактов нет. Нельзя же называть фактом убийство где-то в городе Риге генерала Кошелева. Я спрашиваю всех здесь присутствующих: когда они слышали в первый раз имя этого генерала? Не тогда ли, когда на него уже было произведено покушение? Как же подобными фактами можно доказывать полную нечувствительность общества?

Я боюсь, что действительно в обществе есть односторонняя притупленность, обусловленная тем, что только с одной стороны ежедневно «смерть жатву жизни косит, косит». И если на народные массы что действует особенно подавляюще, так это именно то, что кровь льется только с одной стороны и удары обрушиваются только на одну сторону. В те моменты, когда борьба разгорается и когда масса жертв падает и с той и с другой стороны, — разве мы тогда видели эту притупленность? *A la guerre comme' a la guerre*²⁴⁶. Но разве каждый удар в это время, выбивающий у противника крупную силу, не вызывает энтузиазма? Теперь же односторонность, притупленность общества вызывается односторонним террором. Террор сейчас есть, и террор только правительственный. Эта односторонность белого террора действует, в силу очень долгого времени, гипнотизирующим образом. Но гипноз разрушается не выжиданием под односторонними ударами, а, я думаю, противопоставлением гипнотизирующим впечатлениям контрвпечатлений. Но если так, то как же можно сказать, что теперь террор ни у кого не поднимает духа?

Теперь посмотрим, можно ли сказать, что террор никого не дезорганизовал? «Смерти в России никто не боится, запугать никого нельзя». На нас на всех произвело довольно сильное впечат-

ление, когда Столыпин сказал в Думе: «Вы нас не запугаете!»²⁴⁷ Мы все, вероятно, подумали: а ведь, действительно, сколько там смелых людей... Но если бы мы тогда знали, что у Столыпина было некоторое великое подразумеваемое: «не запугаете, у нас Азеф», если бы мы это знали, то, может быть, эффектированное геройство Столыпина не в такой бы степени показалось нам геройством, и мы не поверили бы так, на слово, в кредит. (Смех.)

Товарищ, учитывая данные психологии, учитывая переутомление общества, говорит, с точки зрения расчета нам было бы выгодно создать некоторый антракт, а в это время подготовиться. Нужно приостановить террор, нужно дать обществу отдохнуть от впечатлений террора, и тогда каждый террористический акт производил бы гораздо большее впечатление. Но товарищ ломится в открытую дверь. Какой же он хочет еще приостановки? Слава богу, у нас была достаточно большая приостановка! Правда, не мы сами приостановили террор, нам его приостановили, но ведь приостановка-то была! И затем: ведь мы-то свой террор можем приостановить, но приостановим ли мы этим террор правительства? Этого мы не видели. В эпоху отсутствия террора, в эпоху полной власти контрреволюции мы видели такое колоссальное количество казней, какого никогда не было в истории России, какого не бывало во времена наших террористических успехов: тогда по делу генерала Трепова²⁴⁸ никто не был казнен, а во времена наших террористических неудач казнят черт знает за что! Так что с этой стороны расчет товарища, мне кажется, сделан без хозяина... «Хозяин», может быть, и не согласится на приостановку своего белого террора, не захочет этой приостановкой дать отдохнуть обществу, для того, чтобы оно могло лучше воспринимать наш, красный террор, и укреплять наши позиции.

При помощи террора, говорит товарищ, мечтают реабилитировать террор. Не скрою, есть настроения, или, лучше сказать, было такое настроение у отдельных людей в партии. Возникали планы, основанные на нервном порыве: не следует ли после такого дела, как дело Азефа, броситься хотя бы на отчаянную гибель, и этим показать, что и после Азефа есть люди, способные умирать. Но это стремление в партии не было сильно, собственно говоря, как течение, оно мне совсем неизвестно. Даже за границей, где было наиболее нервное отношение ко всему происшедшему, — и это естественно, так как в России меньше времени нервничать, — даже здесь была вынесена резолюция в прямо противоположном духе. Она говорит, что в деле возобновления террора прежде всего не должно быть никакой нервности, не должно быть азартного стремления во что бы то ни стало поправить дело какими-нибудь быстрыми актами; что за это дело должно браться серьезно, настойчиво и планомерно. И этот пункт резолюции на конференции Заграничной организации не встретил ни малейшей оппозиции, ни одного голоса против. Не реабилитация террора, не реабилитация нас, как террористов, может быть для партии двигательным моти-

ом в деле восстановления террора, а указание опыта, что партия не воспользовалась этим оружием, как следует, и не получила от него всего того, что оно может дать. Вот то простое и спокойное осознание, которое диктует партии и в настоящее время решение не покидать этого оружия. Для того, чтобы его покинуть, нет равно никаких серьезных оснований, нет в то же время и причины nervously бросаться в террористическую борьбу мелкими отрядами, заранее обреченными на гибель и верный неуспех. Обстоятельства заставляют относиться к этой борьбе осторожно и хладнокровно, может быть, слишком даже хладнокровно. Я бы как результат дела Азефа видел, пожалуй, в нашей партии по отношению к террору слишком большую, чрезмерную осторожность и хладнокровие.

Я думаю, кроме того, что дело Азефа деморализовало и дезорганизовало не только нас. Правительство в некотором отношении казалось в таком же положении, как и мы. Азеф часто также цинически играл интересами правительства, как цинически играл интересами революции; этого не подозревали у нас, но этого не подозревали и у них. Разница только в том, что мы это немедленно высказали, а правительство нет; боясь поколебать престиж власти, но до сих пор не может признать, что его собственные судьбы были часто во власти Азефа: донесет вовремя Азеф, и не будет террористического акта, а не донесет — и все пропало. Но что это за положение, что это за позиция, когда правительство, обладающее колоссальными силами, колоссальным сыскным механизмом, деле террора всецело зависит от того, соблаговолит Азеф предпринять его или не соблаговолит? Престиж силы правительства делом Азефа разрушен. Что оказалось? Несмотря на то, что Азеф давал правительству все общие данные, характеристики террористов, их имена, — все-таки стоит ему временно из предосторожности «отойти» от охраны, перестать предупреждать о каждом отдельном акте — и правительство терпит удар за ударом. Да, правительство тоже в достаточной мере дезорганизовано этим делом; об этом ясно свидетельствуют все факты; несмотря на все его уверения, что у него в области сыска все обстоит благополучно, мы видим в ней целый ряд пертурбаций. Правительство заглянуло к нам, да, но я могу сказать, что и мы за это время несколько заглянули в тайны правительственного сыскного механизма, и мы в том отношении теперь гораздо более вооружены, чем раньше, и мы можем этим воспользоваться. Товарищу приостановка террора особенно желательна для того, чтобы мы «подготовились»? На чем можно готовиться к террору? На том, что мы на каникулах будем читать теоретические статьи, или изучать книжки по взрывчатым веществам? На чем можно собрать контингент боевых работников? У нас есть остатки старого боевого контингента, у нас есть новые силы, которые хотят идти на террор. Но разве эти силы могут в чем-нибудь окрепнуть и приобрести тот опыт, которого им не хватает, кроме как в борьбе? Разве этот опыт дается

школьным путем? Нет, только на практике борьбы вырабатываются эти силы! Когда мы начинали свою борьбу, у нас не было этих сил. Здесь более, чем где-либо оправдывается, что в борьбе обретается не только право, но и силы для борьбы за право. Здесь это более ясно, чем где-либо.

Товарищ боится вместе с тем, что наши террористические успехи будут слишком преждевременны для того, чтобы мы могли воспользоваться ими. Я прежде всего думаю, что в этом отношении товарищ может успокоиться: пожинать плоды вряд ли придется так скоро. В террористической борьбе успехи не сваливаются с неба, приступ к организации, постановка ее на боевую ногу, приступ к самому делу и первые попытки актов обычно отделены, даже при самых благоприятных условиях, длительным периодом времени. А затем, я думаю, вот что. Если бы мы, начиная нашу террористическую борьбу, держались такого правила, — не начинать террора, пока мы не будем, как партия, достаточно сильны, чтобы его вполне использовать, — то, может быть, у нас не было бы никакого террора. Не сам ли товарищ говорил, и говорил совершенно справедливо, что, когда мы начинали террористическую борьбу, мы были слабы. Я скажу: конечно, но и когда мы вообще начинали борьбу, у нас сил почти совершенно не было. Их можно было пересчитать чуть ли не по пальцам; и если нельзя было всю нашу партию усадить на одном диване, то на десятке диванов оказалось бы даже много свободного места. Или мы ошиблись, приступив тогда к активной борьбе? Но ведь именно активность нашего выступления и привела к быстрому росту наших сил. Без него наша партия осталась бы бездейственной и безжизненной кучкой.

«Использование» террора есть очень растяжимое понятие. «Использует» террор не только тот, кто наносит им окончательные удары правительству в момент, когда напор масс готов совершенно смести его с лица земли. Использует террор и тот, кто посредством его ослабляет своих врагов, ободряет друзей, поднимает престиж собственной силы, подрывает престиж силы правительства и т.д., и т.д. Конечно, террор можно тем полнее использовать, чем полнее, активнее массовое движение и чем более окрепла партия. Но как ее укрепить, как снова стимулировать разбуженное, но подавленное массовое движение? Вечно испытывая чужие удары, без возможности ответить на них своими ударами? Что меньше всего укрепляет и больше всего возбуждает мучительное раздумье и сомнения в силе и террора, и партии, и партийной программы. Разве теперешнее настроение, с его разочарованием, уходом работников, апатией — не живая иллюстрация к этому положению? И если мы все это учтем, то скажем: как в эпоху зарождения нашей партии мы могли выступить с нашей террористической кампанией, не дожидаясь того времени, когда мы будем сильны, а уверенные в том, что при помощи террора мы скорее станем сильными, так вправе мы поступить и сейчас, в настоящее время.

Я разобрал все аргументы товарища, и разбор их меня приво-
ит к тому же основному выводу: у нас нет никаких серьезных ос-
ований временно отказываться от террора, приостанавливать тер-
рористическую деятельность. Я думаю, что мы попали бы в чрез-
вычайно странное положение, если бы попробовали как-нибудь
бъяснить перед внешним миром, почему мы прекращаем террор?
ведь сказать: мы прекращаем террор, так как хотим, чтобы вы от-
дохнули от террора, — это ничего не вызвало бы, кроме громкого
меха. Нам сказали бы: мы уж достаточно отдыхали, а вы когда
роснетесь? Я думаю, что в настоящее время отказ от террора, и
олько он один, грозил бы партии очень существенную опаснос-
ью. Эта существенная опасность представляется мне в том нездо-
овом течении, которое, пользуясь внешней аналогией, — вот был
рах «Народной Воли», вот крах п.с.-р., — пытаться наигрывать
а этой аналогии, и даже строить такого рода перспективы: была
огда-то партия «Земли и Воли», партия, которая пробовала соче-
ать террористическую борьбу с массовым движением, она распа-
ась, террористы пошли путем «Народной Воли», а социалисты
ошли путем «Черного передела». То же говорят эти люди, долж-
о случиться и с партией с.-р. Это мы — «Земля и Воля», и мы
олжны распасться: из нас выделится «Народная Воля» и «Чер-
ый передел». Я не думаю, чтобы это нездоровое течение имело
акие-либо шансы на успех. Видимость таких шансов оно могло
ы получить только в том случае, если бы партия с.-р., колеб-
енная внутри себя делом Азефа и прочими гнетущими впечатле-
иями окружающей действительности, решила бы приостановить
еррор на то неопределенное время, для определения которого нет
икаких данных, кроме ультрасубъективного глазомера, на то
ремя, пока общество отдохнет от одностороннего впечатления.
олько в этом случае мы рисковали бы тем, что в нашей партии
оявился бы разлад между террористами-антимассовиками и мас-
овиками-антитеррористами, только в этом случае мы искусствен-
о вздули бы этот разлад и дали бы пищу центробежным тенден-
циям, могущим воспользоваться тяжелым положением партии для
ого, чтобы развалить ее. Я уверен, однако, что этого не случит-
я...

Пятнадцатое заседание Совета

Председательствует тов. Соловьев²⁴⁹.

Тов. председатель. Товарищи! Собрание открыто.

Тов. Гарденин. Товарищи! Выступая перед вами вторично в за-
диту продолжения террористической тактики для переживаемого
момента, я, прежде чем перейти к рассмотрению аргументации сто-
онников приостановки террора, скажу, какими аргументами из
исла высказанных здесь я не буду пользоваться в защиту терро-
ристической тактики. Прежде всего, я, конечно, отмечаю тот аргу-
мент, как аргумент мнимый, фиктивный, что если мы на время от-

кажемся от террористической тактики, то тем самым мы будем не эсеры, — что без террора мы не эсеры. Несомненно, что террористическая борьба есть для нас лишь тактическое средство: она не есть что-то неизбежно вытекающее из нашей природы, как социалистов-революционеров. Принимать или отвергать ее мы можем не априори, а лишь исходя из оценки политической ситуации, конкретных условий времени и места, учета наличности как наших сил, так и сил противника. Само собой разумеется, что я не буду также пользоваться аргументом, который в упрощенном виде гласил бы: пока есть тирания, должен быть и террор. Не в зависимости от того, существует или не существует тирания, решается для нас вопрос о террористической тактике, а в зависимости от этого решается лишь вопрос о допустимости или не допустимости этой тактики, но необходимость или не необходимость ее требует аргументов совершенно другого порядка. Я не думаю так же, и потому не буду пользоваться и этим аргументом, — будто без террора мы не получим доступа в крестьянский или рабочий класс. Я считаю, что в программе и тактике нашей партии заключается достаточно богатое содержание, чтобы могли найти доступ и к крестьянству, и к рабочему классу, не прибегая для этого к какому-то экстраординарному средству в виде террора, без которого наша программа для крестьянства была бы обесценена. Отбрасываю я также и тот аргумент, что без террора массам нечего будет делать. Этот аргумент в особенности не может относиться к террору центральному, в котором, как таковые, массы непосредственного участия не принимают, в котором принимают участие лишь верхи партии, лишь единицы. Не буду я пользоваться и тем аргументом, что «масса этого требует, следовательно, мы должны это делать». Если массы этого требуют, то это может быть для нас счастьем или несчастьем, счастьем в том случае, если по расчету наших сил и сил противника мы решили вопрос о терроре, так как его решают массы; несчастьем — в том случае, если по тому же расчету мы решили его иначе. Но только таким счастьем или несчастьем, удачей или неудачей может для нас быть требование масс, но ничем другим, ибо наша сила должна быть в том, что мы там, где это нужно, идем против настроения масс. Массы хотели идти в первую Думу, мы не пошли в нее, зная, что в данный момент мы идем вразрез с настроением масс, но зная, что будущее покажет, кто был прав, и это будущее научит массы ценить нас, как своих истинных друзей, которые не подлаживаются к своему другу и советуют ему то, что ему нужно, а не то, что ему хочется. И наконец, я не стану даже аргументировать тем обстоятельством, что различные конференции и комитеты высказались в пользу продолжения террора. Мы здесь не имеем императивных мандатов, и партия, которая решила, что она на своих законодательных собраниях не допускает императивных мандатов, тем самым решила, что возможны случаи, когда на местах вопрос представляется в одном свете, а когда делегаты соединяются вместе и обсудят вопрос во всей его широте, то они

могут его решить совершенно иначе. И поэтому, если бы вам товарищи-делегаты тех самых конференций, которые решили вопрос за продолжение террора, выяснилось бы из настоящих прений, что следует его по разуму вещей прекратить, то вы должны были бы это сделать, и вы проявили бы неуважение к себе и неуважение к своему долгу делегатов, если бы вы этого не сделали.

После этих кратких замечаний я обращаюсь к существу вопроса, и прежде всего я констатирую, что наши прения переместились в другую плоскость, что переместился самый центр тяжести вопроса. Более того: в начале прений мы обсуждали один вопрос, а в конце стали обсуждать совершенно другой. Это были два различных спора. Первый спор, которому были посвящены речи докладчика и моя, и только эти две речи касались вопроса о **приостановке** террора. По существу, уже следующая речь тов. Борисова²⁵⁰, хотя формально и стояла на точке зрения вопроса о приостановке террора, но по существу тех аргументов, которые в ней приводились, по их логическому содержанию, защищала, конечно, не **приостановку** террора, а **прекращение террора**, отказ от террора. Этот характер новых дебатов был в особенности подчеркнут далее и вопросом т. Воронова²⁵¹, и в особенности аргументацией тов. Береславцева²⁵², который первый и поставил надлежащие точки над *i*, формулировав свое отношение к этому делу так: лишь по формальным мотивам он предлагает сейчас решить вопрос только о приостановке террора, но смысл его предложения, ясный и подчеркнутый, заключается в требовании общего пересмотра всего вопроса о терроре, его политической ценности и даже ценности моральной.

Но и в аргументах тов. Борисова нетрудно вскрыть тот же внутренний смысл. Он говорит: «Террором никого не запугаешь, всякое ремесло имеет свой профессиональный риск. Идут же сторонники существующего режима на войну, разве они не рискуют там смертью? А если находятся люди на опасные военные посты, почему же им не найтись на опасные посты административные?» Да разве же это аргумент для приостановки террора? Это аргумент против террора, в его внутренней сущности, при всяких условиях. Товарищ говорит: «Столыпина заместят, за ним стоит целый класс, он выдвинет другого, третьего, четвертого»... Но разве это аргумент за приостановку террора? Разве это не аргумент против террора, как такового, против его внутренней сущности? Разве это не тот аргумент, который выставлялся в самом начале против нас всеми нашими противниками, начиная с социал-демократов, которые говорили, что мы боремся с людьми, а люди сменяемы, что всегда на место каждого убитого найдется новый. И наконец, аргумент: «Что в сравнении с громадностью пережитых, а может быть, и переживаемых исторических массовых событий, что такое террор? Хлопушка!» И этот аргумент есть аргумент, который с равной силой может быть выставлен, да и выставлялся даже в этих самых словах нашими противниками в начале терро-

ристической кампании. Разве нам не говорили, например, социал-демократы, что в сравнении с 9-м января, убийство Сергея²⁵³ или Плеве было хлопушкой? Я упомянул, что эти аргументы выставались уже социал-демократами только для того, чтобы показать, насколько они не новы; отнюдь не хотел бы я, однако, апеллировать к чьей-либо марксистобоязни, и вместо разбора по существу, отстранить тот или иной аргумент ссылкой на его социал-демократическую генеалогию. Мне нужно было это только для того, чтобы возможно нагляднее иллюстрировать мою основную мысль: теперь у нас идет другой спор, не спор о приостановке, а спор об отказе от террора, тот самый спор, который нам приходилось вести, когда мы начинали нашу террористическую кампанию.

Обращаясь к существу этих аргументов, я скажу кратко, что все они просто бьют мимо цели сейчас так же, как они били мимо цели, когда были выставлены впервые их первоначальными авторами. В самом деле: «Террором никого не запугаешь и не принудишь к уступкам». Но разве для нас террор есть то, что он есть, скажем, для группы «Революционной мысли»²⁵⁴? Разве это для нас есть самодовлеющее средство борьбы, достаточное само в себе — тот конек, на который партия садится и едет до намеченной цели? Разве мы могли бы для оценки значения террора дать краткую формулу — «допугать правительство до реформ?». Если бы мы так смотрели на дело, тогда упомянутые аргументы, конечно, имели бы силу, но ведь мы на террор глядим не с этой точки зрения. Мы рассматриваем его в связи с массовым движением, мы находим, что, удовлетворяя определенным потребностям этого массового движения и тем самым стимулируя его, террор в то же время может облегчить натиск этого массового движения, способствовать хотя бы той временной дезорганизации правительственных сил, которую оно вызывает. Или перед нами будут отрицать самую возможность такой дезорганизации даже временной, при благоприятных для этого условиях? Но всякий, кто выступил бы с таким отрицанием, стал бы в такое колоссальное противоречие с фактами, которые у всех на памяти, что недостаточность, невозможность, тщетность подобных аргументов бросилась бы всякому в глаза. Да, бывают условия, при которых террор производит такую временную дезорганизацию в правительственных рядах, облегчает массовое движение и стимулирует его. Достаточно одного Плеве, чтобы понять и принять это. Итак, тот факт, что в правительственных рядах, может быть, могут найтись смелые и отважные люди, которых не устрашает «профессиональный риск» от террора, этот факт против самой сущности террора, как такового, не свидетельствует. Он свидетельствовал бы и имел бы ценность, повторяю, лишь против той упрощенной концепции террора, по которой это есть достаточное оружие, чтобы «допугать» правительство до реформ и до уступок. «В сравнении с громадностью массового движения террор — хлопушка». О, конечно, в особенности, если мы теперь будем обозревать нашим взглядом все то,

что случилось от первой всеобщей забастовки до конца массового революционного движения; в особенности, если мы всю эту громадную картину поставим с одной стороны, а какой-нибудь отдельный террористический акт поставим с другой стороны. Действительно, несоответствие окажется громадным, поразительным. Но правилен ли этот прием? Правильно ли часть противопоставлять целому? И даже не часть, а только часть части — террористическую борьбу в одном, единичном, случайном ее проявлении! Но это все равно, что вырвать из контекста одну фразу, более того, одно слово, — таким способом нетрудно лишить его живой связи со всем остальным и свести к нулю его значение. Прежде всего, из той полосы, которую мы пережили, нельзя исключить террористической борьбы, которая вносила свои штрихи во всю картину, которая интимно переплеталась со всем ее содержанием, всему придавала свой оттенок и на себе отразила смысл всего происходящего. Не умаляйте этой борьбы — она останется огромной, если мы и выбросим из нее всю полосу мелких экспроприаций и т.п. хулиганских актов, которые силы террора, конечно, в свое время не увеличили, а только помешали ему. Если отвлечься от этих актов, то оставшееся не уменьшится, а наоборот, скорее возрастет в своей морально-политической ценности. Да и что говорит этот аргумент? Террористический акт — убийство Плеве — будет ничтожной вещью в сравнении со всем тем, что пережито. А что не является ничтожным по сравнению с тем, что пережито? То, что мы будем сейчас входить в профессиональные союзы? Будем устраивать кооперативы? Все, что я могу сейчас делать, в сравнении с огромной картиной пережитой революции — ничтожно. Но разве это аргумент против каждого из этих атомов движения? И разве это свидетельствует о том, что из общего накопления всех этих атомов, вместе взятых, не получится в будущем такая же грандиозная картина?

Более серьезным, по крайней мере на первый взгляд, аргументом из всех тех, которые я слышал, является, по-моему, лишь один. Нам говорят о классовом характере самодержавия. Этот классовый характер в настоящее время вскрылся, обнаружился. Самодержавие не одиноко, вокруг него организовались силы, и с тех пор, как вокруг него появились эти организованные силы, говорят нам, террор политический является столь же малодействительным, сколь малодействителен террор аграрный и террор фабричный, вообще, террор противоклассовый. Класса терроризировать нельзя, а в особенности, если имеется не класс, а целый союз классов.

Классовый характер самодержавия? Но разве он был для нас тайной, когда мы открывали нашу террористическую кампанию? Разве мы с самого начала не стояли именно на этой точке зрения, разве мы все время не противопоставляли ее всем другим точкам зрения, с ней несогласным? С точки зрения «Революционной мысли», самодержавие есть «кучка», сильная только своей орга-

низованностью, поэтому ее может побороть другая, достаточно энергичная группа или «кучка». Вот эта теория, простите за выражение, «кучкизма», которая так же далека от нас, как и теория наших социал-демократов. С точки зрения последних, самодержавие тоже почти «кучка», оно таково потенциально постольку, поскольку буржуазия в своем внутреннем развитии должна сделаться силой, противопоставляющей себя самодержавию, и поскольку, таким образом, в распоряжении самодержавия остаются его собственные силы да часть дворянства, та часть, которая не перешла в класс капиталистических сельских хозяев. Но в чем же и заключалась сущность нашей точки зрения, как не в том, что в самодержавии мы усматриваем лишь особую форму, а именно диктаторскую форму владычества и буржуазии, и помещного класса во всех его основных разветвлениях и того своеобразного общественного слоя, каким является российская бюрократия. Мы говорили, что в настоящее время господствует этот тройственный союз, что самодержавие есть лишь диктаторская форма этого союза, та форма, при которой в известных условиях времени и места — этим классам легче отстаивать свои интересы. Бывают эпохи и бывают страны, когда и где данные классы находят в себе достаточно духовных сил, и находят в условиях жизни достаточно благоприятную для себя атмосферу, чтобы владеть над народом, не прибегая к грубому насилию, единственно благодаря своему духовному преобладанию. Тогда они уживаются с любыми, самыми широкими и свободными формами политической демократии. Бывают другие эпохи и другие страны, когда и где духовные силы этих классов сводятся к такому минимуму, а внешние обстоятельства делаются настолько неблагоприятными для идейного господства над народом, что для них единственным прибежищем является диктаторская форма владычества со всеми ее неудобствами. Вот что говорили мы. Почему же мы тем не менее считали возможным террор политический и не считали возможным террора аграрного и террора фабричного?

Я утверждаю, что мы думали так потому, что основным принципом нашей борьбы ставили именно необходимость разрушения боевого и защитного механизма этих классов. Мы говорили, что после того, как эти классы выработали свой боевой и защитный механизм и революция тоже выработала, в лице революционных партий, свой боевой и защитный механизм, и эти два механизма бьют и должны бить друг друга. Когда сломлен боевой механизм народа, правительство торжествует. Пока он не сломлен, правительство не торжествует. И пока не сломлен боевой механизм господствующих классов, можно бить сколько угодно по отдельным представителям этих классов — это будет только напрасная трата времени, что говорили мы, когда утверждали, что наша тактика, и в частности наша террористическая тактика, является правильной. И еще мы говорили: революционная партия, боевая партия не делает и не должна делать ответственной отдельную личность за

грехи истории; тот факт, что известное лицо при существующем режиме оказывается эксплуататором, не есть еще моральное основание для покушения на его жизнь. Поскольку это лицо нейтрально в борьбе двух боевых и защитных механизмов, постольку и мы уважаем его нейтралитет; и лишь постольку оно вмешивается в эту борьбу активно и постольку целесообразно с нашей стороны и это лицо, и это учреждение намечать как центр наших ударов. Вот та точка зрения, на которой мы стояли. При этом повторяю, что мы рассчитывали не «запугать» класс до уступок и реформ, а лишь облегчить и стимулировать массовое движение и облегчить его задачу дезорганизации правительственных сил. И вот почему нельзя этой точке зрения противопоставлять того элементарного верного утверждения, что класса не запугаешь отдельными убийствами.

Я слышал здесь против террора и еще один аргумент, аргумент этический, затрагивающий самое болезненное место, ибо вопросы этические всегда самые болезненные вопросы, а в революции более чем где-либо. Потому для меня совершенно понятно, что когда этот аргумент врезался в наши прения, они сразу приняли очень страстный характер, температура дебатов повысилась. Я лично должен сказать, однако, что я желал бы избежать всякого такого «повышения температуры», потому что оно вряд ли содействует достаточно обдуманному, исчерпывающему освещению вопроса. Справедливо было бы здесь замечено, что социалист, высоко ценящий человеческую личность, конечно, выше всего должен оценивать ценность, значение человеческой жизни, и с этой стороны отвращение к пролитой крови, к убийству, есть необходимая составная черта психологии социалиста. В этом смысле было сказано, что террор есть «печальное оружие». Да, печальное, да, тягостное, хотя однако же в том же смысле печальным и тягостным будет и всякое другое пролитие крови: и вооруженное восстание, и борьба на баррикадах. Если мы скажем только относительно террора «печальное оружие», то мы скажем только пол-истины; а если мы скажем только пол-истины, то тем самым мы погрешим против истины. Но, конечно, в терроре есть и нечто: партия, практикующая террор, не может все силы свои ухлопать на террор, она должна в то же время заниматься и другими видами работы. Стало быть, в ней должно установиться какое-то разделение труда. Но нет ли греха против справедливости, спрашивает тов. Береславцев, если в партии будет такое разделение труда: один идет на виселицу, а другой пропагандирует или пишет? Допустимо ли это этически? Нет ли здесь чего-нибудь, оскорбляющего наше нравственное чувство? И затем, говорит он, если установится такое разделение труда, то что из этого получится? Не получится ли в террористическом лагере специалистов, а если таковые специалисты получатся, то не получится ли у них особой унтер-офицерской или кавалергардской психологии, не получится ли психологии людей, которые к «штатским» относятся свысока и отрицательно? Наконец,

при дальнейшем разделении труда не получится ли какого-то, оскорбляющего наше нравственное чувство «антрепренерства» в таком деле, как террористическое? Вот те большие вопросы, которые, если я правильно понял тов. Береславцева, он здесь хочет снова поставить перед нами во всю их величину.

Обращаясь к этим вопросам, я прежде всего коснусь вопроса террориста. Я лично всегда держался того глубокого убеждения, что в общем, не только террористом, как таковым, но и социалистом-революционером-террористом может быть лишь человек, который не вошел в партию специально для террора, не вошел в партию «через террор», но который на себе, на собственной практике понял, узнал, оценил и перечувствовал всю ценность нашей основной органической работы; только такой человек, который такую работу работал. Все лучшие наши террористы тем и отличаются, что они пришли к террору не для террора и к революции пришли не через террор, а пришли к террору через опыт своей работы в массах, и только благодаря этому получили возможность «умирая, как террористы, продолжать дышать одной грудью с пролетариатом и крестьянством», как говорил когда-то Гершуни в своем прощальном письме. Я, вместе с тем, не менее тов. Береславцева отрицательно относился бы ко всякому проявлению такой, специально военной психологии, если бы она создавалась... Но значит, она может создаваться? Да, может. Да, человек остается человеком. Но разве только в терроре может создаваться для людей или слабых, или с какими-нибудь индивидуальными отклонениями в своей духовной природе, разве только в терроре может создаваться психология того, по выражению Козьмы Пруtkова, «философo-образного специалиста, полнота которого всегда односторонняя»? Разве практика кооперативов не может создать у людей слабых психологию мещанскую? Разве практика профессионализма не вырождалась в узкоцеховой дух? Разве психология пропагандизма не порождала неоднократно той мирной психологии, которая становилась, наконец, вразрез с революционными потребностями момента и производила книжников? **Всякая** отрасль работы может быть чревата такими опасностями, и люди неокрепшие или люди с определенными индивидуальными предрасположениями могут поддаться их влиянию. В терроре, я готов согласиться, может быть этих опасностей больше, чем где-либо. Но разве это аргумент против террора, как такового? Острой бритвой можно порезаться, но это не значит, что нужно скоблить себя тупой бритвой. И вот почему вопрос об организации террора есть с этой точки зрения очень серьезный, иногда очень больной вопрос для партии, практикующей террор. Но это — и все, что отсюда вытекает для террора и для партии. В самом терроре существует разделение труда: существуют организаторы — люди, обладающие исключительными способностями в этом направлении. В обвинительном акте против нашего незабвенного товарища Трауберга²⁵⁵ приводится письмо к нему одного члена боевого отряда, казненной впоследствии

девушки, в котором она снова и снова, по-видимому, продолжая какие-то бесконечные разговоры, старается убедить его: «Вы строитель, Вы не смеете, Вы не должны, Вы не можете идти сейчас на акт лично, Вы должны пойти последним». Из этого ясно, что для Трауберга тоже существовала определенная мучительная проблема: он, в силу того, что он наделен определенными способностями, должен идти в лучшем случае последним, и если нет недостатка в силах, которые «первыми» идут на акт — он **вовсе** не должен идти, потому что он по своим способностям — **строитель**. Спрашивается: может ли на этой почве возникать психология антрепренерства? Априори говоря, конечно, да, в зависимости от личности. У известных лиц, конечно, может, а у известных, как Карл, по-видимому, не может. Но есть ли в том самом факте, что он посылает, а лично не идет, что-нибудь оскорбляющее абсолютный нравственный закон? В данном случае я этого не вижу, хотя бы потому, что этих «антрепренеров» вешают за ту же самую шею, за которую вешают и неантрепренеров. Да и что нам за дело до того, как реагируют на террор наши враги? Сазонов²⁵⁶, убивший бомбою все-сильного министра, идет на каторгу; завтра разыгрывается беспощадная бойня над «семью повешенными», которые никого не убили; вчера Гершуни, не бросавший лично бомбы, осужден на смертную казнь, и «помиловав» его, в течение месяца скрывают это от него, чтобы как можно дольше продлить для него утонченную пытку, держа его несколько недель под Дамокловым мечом ожидания казни. Неужели для внутренней моральной ценности акта не является глубоко безразличным, как расценят его на своих фальшивых весах прислужники самодержавия? Неужели разница в степени присужденного им воздания может смущать нас? Не спорю, есть известная нравственная высота в нежелании пострадать меньше товарища; но есть и еще большая нравственная высота, с которой абсолютно безразлично, чем ответит на вашу деятельность враг. Правительство может повесить бесшабашного удальца-экспроприатора и сажать время от времени на двухмесячную высылку кого-нибудь из «незаметных героев», всю жизнь свою посвятивших неблагодарной, невидимой, черной работе революции, в четырех стенах уединенной от мира тайной типографии. Но разве эта разница в поведении правительства меняет что-либо в нашей нравственной оценке? Я не понимаю, как можно вводить в решение морального вопроса о терроре какой-то принцип механической уравнительной справедливости... применительно к Уложению о наказаниях!

Оно нас просто не касается — то есть, оно касается тел наших, но дух наш ни в каком отношении подвластен ему быть не может. Вот почему видеть здесь, в этом факте, что-либо оскорбляющее нравственный закон, я не могу. Но кроме того, я отвергаю, чтобы отсутствие «уравнительной справедливости» проявлялось правительством по отношению к **организаторам** террористической борьбы, «антрепренерам», — по вряд ли удачному выражению тов.

Береславцева. Если к кому-нибудь приложимо сказанное им, то не к организаторам террора, а к совершенно другим лицам. Есть и должно быть в партии, ведущей террористическую тактику, люди, которым приходится комментировать акты, совершенные террористами, обосновывать террор, писать о нем при условиях, конечно, в тысячу раз менее опасных, часто совершенно безопасных — «вне пределов досягаемости». Они знают, они не могут не знать, что каждая написанная строка в защиту террора есть, быть может, жизнь, отданная в террористической борьбе в будущем. Вот здесь — да, здесь действительно есть место, есть почва для той коллизии, которую я совершенно отрицаю, в так называемых «антрепренерах». И, расширяя далее этот вопрос, я говорю: в партии практический террор перед каждым встает в особенно рельефной форме и с особенной силой нравственной проблемы: «А ты сам, мог ли бы ты, и готов ли ты каждую минуту отдать свою жизнь?» Я говорю «с особенной силой», потому что я не согласен, будто такая же проблема не существует в партиях не террористических. Она существует, но в скрытом виде. В самом деле, партия, теоретически идущая на вооруженное восстание, но отрицающая террор, тоже ставит перед каждым такую проблему, но об этом забывают: вооруженное восстание когда-то еще будет! Но ведь каждая строка в защиту вооруженного восстания, ведь это тоже, может быть, жизнь, и не одна, а может быть, сотни, тысячи жизней. И по существу дела, в скрытом, менее обнаженном виде, я утверждаю, это проблема есть у каждой революционной, даже не террористической партии. Но у партии террористической тот факт, что она ведет эту борьбу сейчас, вскрывает эту проблему, напоминает о ней ежедневно, ежечасно, как вечное *momento mori*²⁵⁷, стоящее перед каждым ее членом. В этом смысле я данную проблему признаю. Я признаю ее как проблему, стоящую не только перед террористической партией, но перед террористической партией стоящую с особенной силой и яркостью. И для меня совершенно ясно, что в такой партии каждый, входящий в нее, должен себе поставить вопрос, готов ли он, когда это нужно, когда это потребуется, потребуется интересами партии, а не только собственным самочувствием, не приведенным в гармонию с интересами партии, отдать свою жизнь. И тот, кто этого вопроса не разрешил, кто о нем забыл, тот не решил для себя великой этической проблемы и тот не имеет права сказать, что он может быть членом такой партии. Вот лишь в какой форме я признаю эту проблему, и вот в каком отношении она должна быть решена для всякого. Но я бы не признал ее в такой, скажем, форме, что всякий человек, вступающий в партию с.-р., должен быть готов идти именно в **террористическую борьбу**. «Душу свою за други своя» положить можно всячески. Положить ее в длительной работе, относясь к этой работе ежедневно и ежечасно, как к самому святому в своей жизни, может быть, труднее, чем в мгновенном акте смерти с оружием в руках. Мы знаем образы работников, которые в вечных лишениях, капля

по капле, отдавали всю свою кровь на пользу любимого дела. Спросят: много ли таких? Не больше ли других, работающих такую работу «между прочим»? Может быть! Но ведь и среди террористов бывают такие, которые своим отношением к террору, как к революционному спорту, могут свою работу морально обесценить. Итак, моральное требование, предъявляемое к члену партии с.-р., я могу формулировать только так: «Готовность отдать свою жизнь». Эту общую формулу нельзя заменить никакой специальной. Террор, например, есть не просто способ отдать свою жизнь. Это есть специальный способ, требующий особого склада натуры, особых конспиративных способностей, которые не у каждого имеются. Есть люди, которые легко, свободно и героически отдают свою жизнь в массовом акте и которые органически неспособны вести террористическую работу, и которые для такой работы были бы только отягощением. Вот с такой оговоркой я признаю эту проблему, и она для нас должна быть определенным образом разрешена.

Но если я спрошу себя: вытекает ли из этой проблемы отрицание террора, отрицание морального права партии вводить в свою систему террор, я отвечу, я могу ответить только словом «нет». Для определенных лиц их безопасное положение, созданное законом «разделения труда», может создать тягостную психологию. Если они не могут продолжать борьбу в данный момент, если они не могут привести в равновесие свое самочувствие с интересами партии, партия не может их насиловать, партия должна освободить их, считаясь с их моральным самочувствием, если же могут, хотя бы и с трудом, то тем лучше!

Но, товарищи, все эти вопросы мне представляются, конечно, очень трудными и очень глубокими, но они не вытекают из данного момента; они стоят перед всякой сознательной личностью, которая должна прежде всего разрешить для себя этические проблемы. И я не понимаю, неужели мы для себя этого еще не разрешили? Неужели мы ангажировались в террористическую борьбу, даже не разрешив для себя этих вопросов? Прийти к такому убеждению было бы для меня глубоким ударом, и вот почему я боюсь, что эти вопросы всплыли здесь в некотором отношении не совсем законно, что они всплыли как вопросы якобы неразрешенные, тогда как они давно уже должны были быть разрешены для нас, всплыли под гнетущим впечатлением дела Азефа, которое нас заставило в этом отношении как-то несколько растеряться, так что мы еще не можем толком собрать своих мыслей.

Я не стану отрицать, однако, что в аргументации сторонников приостановки террора есть доводы и иного рода, не отвлеченные, а имеющие отношение к переживаемой действительности, и один из этих аргументов — это яркий пример, приведенный т. Береславцевым, например, с Галиффе²⁵⁸. В самом деле, яркое сопоставление: Галиффе расстрелял Коммуну, а Мин²⁵⁹ — массу людей в Москве во время вооруженного восстания. Мин убит Ко-

ноплянниковой²⁶⁰ на глазах громадного количества людей, Галиффе не убит. Что это значит, и можно ли из этого что-нибудь вывести? Конечно можно, и можно даже вывести многое, а именно следующее. Если бы московским восстанием революция была закончена, как расстрелом коммунаров была закончена Парижская Коммуна, если бы так было, то, может быть, в России не нашлось бы Коноплянниковой, а если бы она и нашлась, ее акт потерял бы в своем политическом значении. В самом деле, там, где революция закончена, террористические акты могут явиться с политической точки зрения запоздалыми, и если бы мы стояли на точке зрения, что революция сейчас закончена, то для нас *eo ipso*²⁶¹ должен был бы быть решен вопрос о терроре: террористические акты для данного момента не подходят — революция кончена, и мы опоздали с ними. Но раз мы не стоим на той точке зрения, что революция закончена, мы логически влечемся к противоположному выводу, и мы считаем, что агрессивной тактикой, в связи с теми условиями, которые существуют и продолжают действовать в России, мы можем вызвать непосредственно в связи с этими условиями, период нового общественного подъема и нового революционного кризиса. Я хотел бы отчетливее провести эту точку зрения, ибо в зависимости от этой, и только от этой точки зрения, мне кажется, может серьезно решаться вопрос о приостановке, или, лучше сказать, о прекращении или не прекращении террористической тактики. По отношению специально к генералу Галиффе и к тому, что он не был убит, я должен сказать, что самая наличность этого факта меня перед ним преклониться немало заставляет. Это факт, но о чем он свидетельствует? «Разве мало во Франции самоотверженных людей? Почему же не нашлось никого?» А, может быть, потому, что после того, как Коммуна потонула в море крови, был момент общественного приглушения, а когда оно прошло, генерал Галиффе уже стал обыкновенным генералом, сошедшим со сцены. Но разве из этого факта, что не нашлось руки, поднявшейся на Галиффе, можно сделать вывод за или против террора? Разве можно с торжеством повторить: вот как бывает, когда борьба категорий и групп сменяется борьбою классов? Я бы сказал, что хотя убийство Галиффе после Коммуны ничего не изменило бы в ходе вещей, поскольку революция была закончена, но в смысле правосознания и настроения масс это был бы фактор положительный, и по отношению к будущему это во всяком случае избавило бы Францию от того позора, который ею был пережит, когда Галиффе и под руку с ним социалист Мильеран²⁶² вошли в Палату, которая должна была кричать ему «Assassin» и «Долой»! Ведь от этого, как известно, он не пошел «долой», а гуляние под ручку с Мильераном и значительною частью французских социалистов продолжалось довольно долгое время. И вряд ли в этом факте сказывается «существо классовой борьбы», здесь сказывается, может быть, просто некоторый недостаток революционного энтузиазма. Может быть, между тем, что Галиффе не был убит, и тем, что он

позже вошел в Палату под ручку с социалистом Мильераном, — может быть, между двумя этими фактами есть некоторая связь. Только в этой связи классовая борьба немало неповинна.

Тов. Борисов задал нам вопрос: «Хорошо, пусть произошли террористические акты, пусть правительство расстроено, но кто этим воспользуется?». Ему представляется этот аргумент убийственным. Но тов. Борисов с одинаковым правом мог бы спросить это и перед делом Боголепова²⁶³ и перед делом Сипягина²⁶⁴. Кто в эпоху Боголепова мог воспользоваться убийством Боголепова? Что тогда было в смысле реальных сил, воспользовавшихся этой брешью? Кто был? Никто! Кто во время Сипягина мог воспользоваться этой брешью? Тоже никто. Так что, я повторяю, этот аргумент с одинаковым правом может быть выставлен и тогда еще. Вы говорите: цель была другая: разбудить общество. Но сейчас разбудены все, или многие еще спят? Это большой вопрос. Я думаю, что многие находятся в состоянии морального столбняка, и в этом смысле «разбудить» можно еще многих. И что значит «разбудить»? Ведь не говорим же мы здесь «разбудить» в том смысле, в каком мы говорим о возможности разбудить пропагандой. Тот факт, что убийство Сипягина разбудило многих, остается фактом. Но как разбудило? Идеино? Или дело идет о том, чтобы будить боевое настроение? Я полагаю, второе. И теперь второе. Поэтому на ваш вопрос: кто воспользуется террористическим актом теперь, — я говорю: те же, кто воспользовался и тогда, и таких «тех» сейчас не меньше, а гораздо больше.

Тов. Борисов говорит: террор скомпрометирован бесчисленными мелкими террористическими актами и экспроприациями. Вот почему от него хотя на время нужно отказаться. Товарищи! Террор не больше скомпрометирован, чем скомпрометировано народное восстание, чем военные восстания, чем революция вообще. Неудачное пользование определенным средством, не приводящее к результатам, всегда ведет к такому внешнему скомпрометированию. При успехе рукоплещут, при неудаче свистят. Но разве мы на этом основании можем отказаться от определенного средства? Мы можем говорить только одно: мы должны его употреблять, научившись, как надо его употреблять и как не надо. Нам все время говорят, что революция скомпрометирована. И на самом деле, разве она не скомпрометирована? А партии разве не скомпрометированы? Может быть, даже больше, чем террор, потому что партии суть персональные величины, потому что в терроре легче отделить истинный террор от хулиганского пользования им. И поскольку не аргумент против партий то, что они в глазах многих скомпрометированы, постольку же это относится и к террору.

Тов. Борисов говорит еще: «Не забывайте, что это были две разные эпохи: была эпоха романтизма, но она уже прошла и больше не вернется, наступила другая полоса — холодного, даже мещанского расчета». Однако в эту эпоху романтизма, возразил бы я, наряду с теми, кого называли революционными романтиками,

были люди, вообразившие, что они суть идеологи и представители холодного, почти мещанского расчета, — это герои мелкого расчета, это меньшевики. Правда, они тоже были романтиками, может быть, они и сейчас являются романтиками, романтиками морально-политического мещанства... И я боюсь, как бы тов. Борисов не попал из одного романтизма в другой. Я, конечно, согласен, что много наивного утрачено в истекший период революции. Однако было бы только очень плохо, если бы вместе со всем этим наивным, — или, если хотите, с этим романтизмом, был бы потерян и энтузиазм. И когда этому романтизму с такой силой и таким увлечением, с такой поэзией даже, противопоставляется лозунг «холодного», почти мещанского расчета, то я начинаю ощущать в душе некоторое беспокойство. Я слишком часто слышал этот лозунг выставленным против лозунга романтизма; и когда с одной стороны ставится романтизм, а с другой — почти мещанский расчет, и между этими двумя окошками третьего не оказывается, то я думаю, беспокойство является немного законным. Если же мы потеряли только романтизм, а не энтузиазм, то я скажу: для террора достаточно энтузиазма, и не нужно непременно романтизма. А романтизм и романтиков морально-политического мещанства ни для чего не нужно.

Затем, товарищи, нам говорят: решиться возобновить террор, даже в его наиболее резких формах, можно, конечно, но ведь есть другой вопрос, вопрос о том, что будет на завтрашний день после крупного террористического акта, после, например, удара в центр центров? Идя на такую вещь, нужно отдать себе полный отчет, что будет завтра, а если такого отчета не отдано, то или мы шарлатаны, которые обманывают других, или мы сумасшедшие, которые обманывают самих себя.

На такую авантюру политической партии слепа идти не полагается. Я совершенно подписываюсь под всеми этими словами тов. Береславцева, но прежде чем рассмотреть их по существу, я остановлюсь на минуту и скажу: не позвольте, товарищи, одно из двух: или террористические акты не более, как хлопушка, или это есть такое рискованное и чреватое громадными последствиями дело, которое нужно 20 раз примерить, прежде чем отрезать. Я усматриваю здесь у вас некоторое противоречие, я вижу, что вы, начавши за упокой, начавши с того, что террористические акты теперь мизерны и ничтожны, кончаете заздравие, кончаете тем, что по меньшей мере в некоторых своих проявлениях эти террористические акты есть нечто по последствиям своим чрезвычайно крупное, и в случае неудачи превращаются в самую рискованную авантюру, на которой партия даже может погибнуть. Да, я с удовольствием констатирую здесь это: не будем же больше говорить, что террор — хлопушка, иначе мы будем говорить то, во что, очевидно, сами не верим. Нам в свое время говорили то же самое социал-демократы; но когда наступили эти акты, когда наступило дело Плеве²⁶⁵ и когда наступило дело Сергея²⁶⁶, им не доставляло при-

ятности вспоминать свои слова про «хлопушку». Как бы нам, товарищи, тоже не пришлось испытать этого неприятного чувства. Вы говорите: «Убийство Столыпина будет хлопушкой». Столыпин еще не убили, так что говорить можно что угодно. Но если уж идти на такие субъективные построения, то позвольте и мне отважиться на одно, которое тем будет отличаться от ваших, что в основу его будут положены и некоторые объективные данные. Я припомнил хотя бы следующий простой факт: Столыпин — автор разгона первой Думы, той Думы, с которой массы, даже достаточно слепые, связывали множество надежд, и о которой сейчас даже в глухих местах, даже темные мужики иногда вспоминают с чувством сожаления. Столыпин — автор полосы военно-полевых судов; да если вы сосчитаете только число казненных и убитых, только число их самых близких родственников, знакомых и приятелей, то ведь мы будем иметь такую армию естественных пропагандистов для «использования» террористического акта против Столыпина, которую вряд ли можно переоценить. И если в свое время дело Плеве, сделавшего гораздо меньше зла, заставило морально выпрямиться такое количество народа, то я спрашиваю: оцениваете ли вы эту разницу, или вы оцениваете только ту разницу, что Плеве был убит до потрясающих событий, а Столыпин будет убит после этих событий? И вот почему ваши слова о хлопушке рискуют оказаться брошенными слишком легко и поспешно. Я бы не желал, товарищи, чтобы мы при разговорах в нашей собственной среде о таком оружии, как террор, бросали такие слова, которые потом нас могут заставить очень и очень раскаиваться.

И вот, товарищи, подводя итоги нашим по необходимости кратким прениям, и в частности, обращаясь к вопросу о нападении на «центр центров», я скажу: непосредственная задача, стоящая сейчас перед нами, это вопрос о восстановлении боевой деятельности и воссоздании Боевой организации. Я беру здесь Б.О. не в кавычках, не как название, а беру сущность этого слова. Я бы пригласил вас не смотреть на дело с точки зрения, что вот мы хотим сейчас, поскорее или не поскорее, «сделать» Столыпина или «сделать» царя, — нет! Мы хотим воссоздать, как нечто длительное и организованное, боевую деятельность, мы хотим сплотить имеющиеся боевые силы, мы хотим положить начало террористической кампании. Рассматривая положение вещей, я лично в более конкретных чертах представил бы себе эту террористическую кампанию следующим образом... *(Не подлежит опубликованию.)*

Еще несколько слов о способе ведения террористической борьбы с технической точки зрения. Если мы действительно хотим серьезно вести террористическую борьбу, то это нас ко многому обязывает. Мы не можем мириться с тем, чтобы в области боевой техники вечно господствовали одни и те же, раз найденные приемы. Нельзя, чтобы здесь царствовала рутинка. Примириться с

этим — значит обречь себя на поражение. Террор есть разновидность вооруженной борьбы, разновидность войны. И как в международной борьбе обрекает себя на разгром страна, застывшая на известном уровне в военном деле, так и в войне внутренней. Наши способы ведения террористической борьбы должны стоять на высоте современной технологии. А эта технология не стоит на месте. Когда-то война велась упрощенно, столкновением лицом к лицу на суше и на воде. Теперь война ведется и под землею, и под водою, а скоро будет вестись и над землею — в воздухе. Я уже не говорю о прогрессе во взрывчатых веществах и о возможностях действия на расстоянии. Что же? Неужели мы останемся безучастными зрителями этого технического прогресса, неужели он своими гигантскими шагами пройдет мимо нас, перешагнет через нас? Плохие же были бы мы в таком случае бойцы. Я не строю сейчас никаких воздушных замков, не предлагаю никаких прожектерских утопий. Я утверждаю лишь, что восстановить террористическую борьбу — это значит, между прочим, произвести ряд новых технических изысканий, иметь для этого специальную техническую группу (или группы), стремиться утилизировать последнее слово науки для прикладных задач нашей борьбы. Террор будет террором в действительном смысле этого слова только тогда, когда он будет революционным применением наивысшего для данного момента технического знания. Я понимаю, что такой высоты он не может достигнуть одним скачком. Но ведь я говорю не о завтрашнем дне, а о длительном процессе возрождения нашего террористического дела. И я утверждаю, что либо мы должны поставить своею задачей поднять террор на необходимую высоту, либо не из-за чего и огород городить.

Такова постановка вопроса, делаемая самой жизнью. Если правилен наш прогноз, если революция не кончена, если мы пережили только «пролог» ее, если начало наших террористических актов будет совпадать с началом общей нашей агрессивной тактики, и если, действительно, в окружающей нас обстановке имеются элементы для нарастания нового общественного подъема, если все это верно, то, решивши вопрос в смысле продолжения террористической тактики, мы не ошибемся. Как видите, здесь для меня все вопросы цепляются друг за друга. Если мы поставим своею задачею агрессивную тактику, то мы выдвинем не только террор, а, например, восстановление и военной работы, которая вместе с террором есть могучее средство подрывания защитного механизма правительства. И наоборот, пока мы не выдвинем всех этих видов агрессивной тактики, пока на это у нас не хватит или решимости, или сил — до тех пор мы будем переживать промежуточный, переходный период, вынужденный период политического прозябания. Не знаю, суждено ли нам пережить его силою внешних, тяготеющих над нами условий; но я знаю, что было бы ложно, даже преступно идти на него путем добровольного политического самооскопления.

Вот то заключение, которое, мне кажется, логически вытекает из наших прений.

Тов. Северский (заключительное слово). Когда я слушал речь тов. Гарденина в ее начале, я думал: ведь он говорит все, что я хотел сказать по поводу последних речей! Когда он дошел до середины речи, я думал: хорошо говорит тов. Гарденин, однако кое с чем можно и не согласиться. Но когда он кончил свою речь, я уже думал только одно: хорошо же рассказывает сказки тов. Гарденин! В самом деле, разве не сказки то, что говорил он о технической постановке террора в ближайшее время? Эта огромная система безупречных, последовательных, до конца продуманных и оборудованных согласно последним данным научной технологии мероприятий; эта система предварительных «расчищающих» актов; эти действия на земле, под землей, на воде, под водой и даже на воздухе — разве это не чудная сказка.

Я размышлялся, слушая тов. Гарденина; ведь и мне улыбается такой террор, — но что из того, что я размышлялся? Ведь я хорошо знаю, что сейчас такая постановка просто невозможна, и мне не легче оттого, что тов. Гарденин мыслит развитие террора так смело, так строго и последовательно, так многосторонне, но... не для данной минуты!

Но сначала надо обратиться к ораторам, говорившим раньше. Мне трудно было сразу выпукло высказать свою точку зрения перед вами. Ведь я начинал прения о терроре, да еще начинал, боясь той молчаливой силы сопротивления, которая была очень велика на этом собрании и которая, конечно, меня смущала.

Теперь я могу резче оттенить свою точку зрения, благодаря тому, что высказались сторонники полного прекращения террора, добавившие к моим аргументам ряд новых, которых, как будто бы, мне не хватало.

Я думаю, что мне нельзя было бы воспользоваться этими аргументами, за исключением аргумента моего содокладчика тов. Борисова, о котором я теперь с удовольствием упомяну; он отметил одно: теперь, говорит он, наступил **новый период**, период точных политических расчетов при оперировании всяким орудием борьбы, в том числе и террором; ибо правительство организовалось, а старый период, период романтики терроризма, период поэзии террора прошел безвозвратно. Террор больше не вызовет того восторга и энтузиазма, какой он вызвал впервые, и теперь может быть только орудием расчета, но не орудием «будирования». Я с удовольствием принимаю такой аргумент, хотя и не думаю, чтобы он был аргументом за полное прекращение террора.

Другие аргументы, по-моему, так же любопытны и характерны, но для меня они, конечно, неприемлемы. Я говорю здесь о двух речах, варьирующих концепцию «классовой борьбы» и выставляющих ее в виде «нового момента» — это речи тов. Береславцева и тов. Воронова.

Тов. Береславцев, заинтересованный особенно сильно выяснением нашей классовой точки зрения перед лицом международного социализма, чутко следящий за эволюцией партии, которая из маленького боевого коллектива, не совсем еще ясно представляющего себе свое собственное значение в общемировом движении, превращается в большую политическую партию, физиономия которой должна быть вполне определенной не только для нее самой, но и для других, — ставит вопрос ребром: «Первую свою задачу партия выполнила; массы разбужены; самодержавие и классы, тесно связанные с ним, соорганизовались как класс; может ли теперь партия считать, что и тактика, в связи с выполнением первой задачи, тоже должна быть изменена?» Лицом к лицу два организующихся класса, в борьбе которых террор, по мнению тов. Береславцева, будет пережитком. И он требует отмены террора в угоду той концепции «классовой борьбы», которая принята большинством социалистических партий — членом Интернационала.

Я понимаю тов. Береславцева. Он давно участвует в выработке мировоззрения партии, он представляет ее с честью в Международном Бюро, и ему дорого определенное воззрение на классовую борьбу в России в настоящее время. Он требует от партии формулировки такого воззрения, знакомя и ее со своей личной точкой зрения.

Мне представляется, что эта точка зрения тов. Береславцева есть перегиб палки в неэсэровскую сторону, ибо до сих пор я отличал воззрение с.-р. на борьбу за социализм от всех известных мне иных воззрений на эту борьбу, как отмечал интегрализм нашей концепции борьбы от примитивизма всех иных концепций и особенно от примитивизма ортодоксов-«классиков».

Тов. Воронов, типичный апологет концепции классовой борьбы в ее чистом и безупречном, как российская социал-демократия, виде, тоже спрашивал нас: не прошла ли уже пора террористических кампаний; больше того, он (отчасти с полным правом!) спрашивал, не прошла ли она уже давно, давно?

Я с грустью отмечаю эту тенденцию к примитивному, наивно-марксистскому «классовизму» без оговоров. Несколько дней тому назад на наших заседаниях особенно ярко выявилась эта печальная тенденция. Делались доклады с мест о впечатлении, произведенном в России делом Азефа, и почти все докладчики считали своим долгом, сообщив о тягостном впечатлении, произведенном на интеллигенцию, тут же всячески третировать ее, эту «развинченную», «размагниченную» и вообще ненавистную интеллигенцию. И, наоборот, утешали нас тем, что на крестьянина и городского рабочего дело Азефа совсем не подействовало, точно его и не было, и здесь по-прежнему к партии с.-р. — и любовь, и доверие. Особенно подчеркивалась ненависть к «неработающим» (понятно, поневоле!) интеллигентам тов. Украинцем²⁶⁷. Не менее оригинально докладывал и типичный крестьянский махаевец тов. Грехов²⁶⁸ (смех)...

Да, я замечаю здесь печальное явление: потерю синтетического чутья, — гений синтеза оставил нас, и в результате все то же разбитое корыто, примитивные историсофские построения, — слишком простое понимание, слишком несложное толкование явлений.

Часть из этих примитивистов, устранившись дисгармоний террора, стала искать успокоения в трафаретных концепциях. «Ведь класса бомбами не перебьешь, — говорят они, — зачем же террор?»

Тут с партией совершилась та же метаморфоза, какую пережил исторический человек с его наивным антропоцентризмом, а затем и обратной крайностью — космизмом. Было время, когда партия с.-р. со своим активным террором была в центре движения, возникшего в стране, — и она была наивно эгоцентричной, думая, что она всему виной и, в частности, что террор всему виной. Но вот класс-враг сплотился и надел непроницаемый панцырь, и она осталась бессильной со своим старым террором, и ее члены, товарищи Береславцевы и Вороновы превращаются в наивных космистов, подавленных внешними силами, против которых ничего не поделаешь боевым активизмом, террором.

Но фактически мыслима была бы уже и сейчас, да и раньше, третья позиция партии, считающей себя главным **сознательным** элементом среди массы элементов несознательных в общем стихийном движении, — **организующим** это стихийное движение, зная его. Партия, горячо борющаяся за свои идеалы, должна, однако, быть холодно расчетливой, не считая ни себя центром всего, ни внешний мир владыкой всего, но учитывая и себя, и все во внешнем мире, как равноправные творческие комплексы — факторы, дающие все многообразие жизни.

Вот этой, совсем не новой для нас, но здесь немного обиженной точки зрения я и держался, делая свой доклад. Держался ее и тов. Гарденин, но выводы его с моими не совпадают.

Я уже перестал считать партию главным «возбудителем» революции, «партией революционного действия по-преимуществу». Полагаю, и другие смотрят на нее не иначе. Но таким образом, я и террор не могу считать главным делом партии и главным «возбудителем» революции. Я хотел бы считать партию отныне **руководителем** революции, а террор не будирующим средством, а солидным орудием для руководства революцией, но не для бесцельного возбуждения ее ради возбуждения. Слава богу, она уже достаточно «возбуждена». Не то думает тов. Гарденин. Всеми своими иллюстрациями он хочет сказать другое. Он нам все указывает на замечательные акты над Плеве, Сипягиным, Боголеповым. Когда мы отвечали ему, что ведь все-таки теперь не 904 — 5-й годы, что надо же отличать нашу эпоху, эпоху послереволюционную от эпохи предреволюционной, — он мало смущается. Он обращает наше внимание тогда на другие эпохи, на эпоху перед II Думой, когда уныние быстро превратилось в живой восторг после 4-х зна-

менитых актов... Я считаю все эти иллюстрации тов. Гарденина²⁶⁹ методологически крайне неудачными и в этом смысле его первую ответную речь не опровергающей мои доводы. Ведь не мне же учить тов. Гарденина, что история пишется только один раз. Современные естествоиспытатели говорят, что «природа бывает только раз», что же и говорить про историю?!

Вот совершенно нельзя подкопаться под иные аргументы тов. Гарденина, и тут я его считаю неуязвимым. Он говорит: *primum agere* — а затем увидим, что из этого выйдет. Он говорит: «Ведь вы же не можете доказать, что акт в отношении Столыпина не вызовет движения, не можете потому, что не знаете из опыта аналогичного случая. А я вот утверждаю, что движение будет, — да еще какое! То же в отношении цареубийства!» Действительно, что скажешь против того, когда **опыта в аналогичных условиях** не было! Я вот думаю, что даже от цареубийства сейчас ничего, кроме скверного анекдота, не вышло бы, а тов. Гарденин от убийства Столыпина ожидает всего, чего хотите. Но если тов. Гарденину позволено надеяться, то и мне позволено сомневаться. Мы оба здесь одинаково неуязвимы, ибо тов. Гарденин **тоже не имеет еще опыта в аналогичных условиях** и моих, «от ума» идущих, сомнений опровергнуть не может.

Я, конечно, немного преувеличил. Цареубийство с двумя-тремя большими ударами, пожалуй, встряхнуло бы Россию. Но, во-первых, — что за толк из такого встряхивания без последствий и, во-вторых, — ведь чудные сказки тов. Гарденина — все-таки только сказки, а на деле вместо цареубийства и, больших ударов реальная «боевая организация» (а не сказочная) преподнесет нам по торопливости пяток-другой ничего не значащих актов и **еще больше обесценит террор**. Ведь сам тов. Гарденин признал, что мелкие акты и экссы недавнего времени «уменьшали силу террора». Не уменьшат ли силу террора и те акты, весьма для меня сомнительные, которые **сможет** совершить организация сейчас, при тех силах, которые у нас имеются? Не будет ли вместо сказочного надземного, подземного, подводного, воздушного и иного террора просто нечто самое земное? Но тов. Гарденин **верит** в наилучшие последствия от террора сейчас — и что мы можем ему возразить? Мой содокладчик (Борисов) уже отмечал, что не мешало бы в суждении о значении актов в данное время уяснить себе до мелочей историческую и взаимную зависимость самых разнообразных факторов и обстоятельств, их взаимное и последовательное влияние друг на друга. И не пытаюсь вовсе доказывать, ибо это значило бы ломиться в открытую дверь, я просто констатирую здесь следующее: у тов. Гарденина в его выкладках совсем нет этого самого исторического прагматизма, которого требует тов. Борисов, или если и есть, то очень мало. Зато у него максимум прагматизма философского, самого современного — и тут он действительно безупречен, неопровержим! «Сначала поставим террор,

а там вы увидите, что получится!» Действительно, увидим... Я думаю, однако, что со своим великолепно оборудованным террором тов. Гарденин витает где-то в теоретических облаках и настаиваю только на одном: чтобы он хотя одной своей ногой стал на практическую землю... (*Голос Береславцева: «Вы требуете от него невозможного!»*)

Он выставил против меня и частные аргументы, один из которых на все собрание и на меня произвел очень сильное впечатление. «Если мы прекратим террор сейчас, — говорил он, — то те, кто уже давно проповедует «черный передел» в партии, воспользуется случаем, чтобы действительно произвести этот передел и, объявив нас просто культурниками, оттянут от нас все боевые, активные силы». На это я отвечаю следующее: если наши «активные и боевые» силы таковы, что неспособны понимать того, почему приостанавливается террор в ту или иную эпоху, если их активизм состоит в том, чтобы делать нетерпеливые попытки, а боевизм в том, чтобы даже со скверными бомбами выступать на единоборство, — то нам давно пора сделать «черный передел». Я не думаю, однако, чтобы таков был наш боевизм. И поэтому я не боюсь никаких чернопеределов, и аргументу тов. Гарденина делаю отвод, хотя, повторяю, сначала он меня несколько озадачил.

И еще нападал на меня тов. Гарденин. В своей первой речи он говорил: «Тов. Северский, говоря об одностороннем переутомлении психики русского человека, не заметил главной односторонности: ведь односторонность тут не от прилития крови вообще, и тем более не от революционного террора, ибо его уже нет полтора года, а односторонность тут от одностороннего правительственного террора, которому нет отпора. Вот противопоставьте ему наш центральный террор, и всякий гипноз, всякая подавленность, всякий столбняк пройдет». Я, пожалуй, и в самом деле не особенно внимательно остановился над тем, что со стороны правительства террор в последнее время гораздо сильнее, чем со стороны революционеров. Да, на фоне общей переутомленности от обесценения жизни вообще, мы имеем еще настоящий столбняк всех, особенно потерпевших от силы правительственного террора, глубокий гипноз казнями. Но как с этим гипнозом бороться? Мне известно, что загипнотизированного будят, вызывая каким-либо образом большое потрясение его организма, и т.д. Может ли террор, который сейчас партия «противопоставит», встряхнуть столбняк масс? Сконцентрированный и интенсивный сможет, но экстенсивный и несимпатичный — не сможет. Чем же поручится тов. Гарденин, что террор, который партия может сейчас поставить, будет не экстенсивным? Так как я не верю в возможность постановки в ближайшее время интенсивного и концентрированного террора, то я и предлагаю «антракт», дабы, собравшись с силами, осуществить на деле все, что рассказывали нам в сказках. А торопливость только испортила бы дело.

Для меня не важно, как вы назовете антракт. Назовете ли вы его «приостановкой», скажите ли вы, что вы решили подготовить полосу сильнейшего террора и что пусть поэтому ваши друзья не ждут от вас в ближайшее время боевых сигналов, но что эти сигналы все-таки будут. Для меня важно, чтобы не было недоумения среди наших друзей. Для меня важно, чтобы они непременно были информированы о том, почему вы не бьете врага сейчас и собираетесь ли его бить потом, когда это будет выгоднее. Иначе, если вы объявите о своей решимости терроризировать врага, а у самих вас ничего не выйдет, то получится то же глухое недовольство вами, какое я наблюдал в России в последнее время. Ведь многие вас считали сознательно и молча прекратившими террор и ругали вас за то, что вы так «надували» народ. А если вы скажете, не умолчите, почему в ближайшее время не может и не должно быть террора, — вас никто не посмеет упрекнуть.

Заканчиваю. Как видите, я не отказываюсь от террора, как другие. Но кое от чего я все-таки отказываюсь. Я отказываюсь и отказываюсь навсегда от террора — несдержанного рефлекса, от террора мечтательного, романтического. Довольно размахивать руками. Террор — несдержанный рефлекс пусть умрет. Террор расчетливый, холодно-расчетливый, начинающий органические движения и тесно связанные с ними, террор сосредоточенно-вдумчивый да живет! Но сказки после, а сейчас перерыв для органической подготовки террора, который начнет последнюю полосу революции. И перерыв потому, во-первых, что нельзя мыслить себе постановку интенсивного террора в короткий срок и потому, во-вторых, что лучше сохранить средства и людей для большого террора, чем бесполезно их губить, разменивая на мелкие акты.

Мы не вносим никакой резолюции, ибо знаем, что мы в меньшинстве. Я прошу просто проголосовать вопрос о временной приостановке террора, с тем чтобы не торопливо, но целесообразно организовать его и из террора будирующего превратить в террор руководящий!!

Тов. председатель. Прения закончены. Я ставлю на баллотировку вопрос в самой общей форме: кто стоит за приостановку террора и кто **против** приостановки? (Голосование производится поименное)*.

Тов. от Северной области — за приостановку, Южной области — **против**, Волга — **против**. Заграница — **воздерживается****,

---

* Ввиду важности вопроса произведено было также голосование с участием всех присутствующих, которое дало следующие результаты: за приостановку — 4, против — 12, воздержалось — 3. — *Прим. док.*

** Делегация Заграничной организации заявила, что не считает себя вправе пользоваться решающим голосом в таком вопросе. Мнение же Заграничной организации известно: она стоит за продолжение террористической тактики. — *Прим. док.*

Украина — **против**. Представитель партии в Международном Бюро — **воздерживается** по формальным основаниям, но его мнение — **за** приостановку, Русский коллектив — **против**, Кавказ — **против**, Центральный комитет — **воздерживается** по формальным основаниям, но его мнение **против** приостановки, Петербург — **против**. Итого значит 1 — **за**, 6 — **против**, 3 — **воздержались**.

По просьбе т. Береславцева голосуется нижеследующий проект его резолюции о терроре:

«Принимая во внимание, что глубоко изменившиеся условия революционной борьбы социалистических партий требуют пересмотра вопроса о целесообразности тех или иных форм боевой тактики, в частности, формы террористической;

что только партийный съезд мог бы всесторонне рассмотреть и решить этот вопрос после обсуждения его в партийной литературе;

что при настоящих условиях необходимо прежде всего восстановить и укрепить расшатавшуюся организацию партии; что V Совет мог дать новому Центральному Комитету лишь ограниченные полномочия, что в этих условиях не может и быть речи о террористических актах от имени партии,

Совет заявляет, что Боевая организация, распущенная ЦК, остается и впредь до ближайшего съезда распущенной».

За эту резолюцию — 0, против — 6, воздержалось — 2.

Тов. Гарденин. Центральный Комитет воздерживается по формальным основаниям.

Тов. Андреев²⁷⁰. Я не принимал участие в голосовании.

Тов. Береславцев, представитель партии в М.С.Б. Я воздержался по формальным основаниям, но я, конечно, за свою резолюцию.

Тов. председатель. Закрываю заседание. После перерыва будет поставлен вопрос об организации террора.

Следующее, 16-е заседание Совета было посвящено прениям по организационному вопросу в терроре и выработке резолюции. Ни резолюция, принятая единогласно, — ЦК воздержался по формальным мотивам, — ни прения оглашению не подлежат. В конце заседания была выбрана конспиративная комиссия для рассмотрения некоторых конкретных террористических предложений.

Кроме того, по предложению тов. Андреева, большинством 5 голосов при 4 воздержавшихся были отменены ограничения, наложенные II съездом партии на боевую деятельность областных организаций. Теперь по решению Совета «боевые отряды при областных комитетах не нуждаются в санкциях ЦК для своих действий террористического характера».

*Социалист-революционер, Париж, 1910.
№ 2. С. 1—53.*

РЕЗОЛЮЦИИ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ V СОВЕТА ПАРТИИ С.-Р.

1. О судебно-следственной комиссии²⁷¹

Совет партии считает необходимым:

- 1) Образовать судебно-следственную комиссию из партийных лиц.
- 2) Поручить ей полную ликвидацию всех последствий раскрытия провокации Азефа.
- 3) Предоставить ей право по мере надобности привлекать к следствию и дознанию в качестве ли обвиняемых или свидетелей всех без исключения членов партии или ее коллективы.
- 4) Уполномочить ее на вынесение приговоров, подлежащих обжалованию только перед Советом и съездом партии.
- 5) Предложить новому ЦК приведение в исполнение приговоров комиссии.

2. О третьем съезде партии

V Совет партии постановляет в течение года, считая с 15 мая, созвать общепартийный съезд²⁷².

В целях скорейшего осуществления этого постановления Совет предлагает принять следующие меры:

- 1) В течение ближайших трех месяцев ЦК разрабатывает и рассылает по организациям проект порядка дня съезда для предварительного обсуждения его на местах и внесения поправок и дополнений.

Примечание. Желательно, однако, чтобы местные организации немедленно же самостоятельно приступили к разработке тех вопросов, которые выдвигаются ими, как наиболее существенные, для разрешения съездом.

- 2) Если съезду партии не будет предшествовать Совет, то ЦК по предварительному опросу областных и иных (где нет областных) организаций, а также своих представителей на местах, устанавливает окончательно как формы представительства на съезде, так и те организации, которые на нем должны быть представлены, учитывая при этом желательность самого широкого и полного представительства местной работы.

- 3) Местным организациям рекомендуется на предстоящих в течение этого года местных съездах или конференциях выбрать представителей на общепартийный съезд и кандидатов к ним, чтобы избежать таким образом необходимости устраивать для выборов делегатов специальные съезды, не всегда удобные для местных организаций.

4) Для материального обеспечения созываемого съезда все партийные организации, не исключая ЦК, должны отчислять 10% своих поступлений в неприкосновенный фонд.

3. Об Организационном уставе партии

V Совет п.с.-р., констатируя организационный кризис партии, обусловленный главным образом общим политическим положением страны, полагает, что выхода из этого кризиса необходимо искать, с одной стороны, в возбуждении самодеятельности всех частей партии, напряженной работы всех ее организаций, а с другой — в объединении их усилий, в создании из партийных организаций сплоченного органического целого.

Так как организационный устав партии, принятый на первом ее съезде, в достаточной мере обеспечивает оба эти условия здорового развития партийного строительства, V Совет п.с.-р. не находит нужным вносить в этот устав никаких изменений.

4. Об областях и областных представителях на Советах

Относительно следующего Совета партии V Совет считает нужным сделать следующие разъяснения к уставу:

Исходя из принятого деления России на 15 областей, V Совет устанавливает:

1) Что областью необходимо считать совокупность действующих в определенном географическом районе организаций, как бы мало количество их ни было. (Даже если существует одна губернская или равносильная ей организация.)

2) Что областным представителем на Совете должен считаться представитель, избранный конференцией этих организаций, или, в случае невозможности созыва конференции, утвержденный по особому соглашению между организациями.

3) Что при установлении правомочности или неправомочности Совета необходимо исходить из числа существующих в данный момент организованных областей.

5. Об областных и местных организациях

V Совет п.с.-р. отменяет всю организационную инструкцию IV Совета, за исключением § 1, гласящего: «Партийные комитеты должны состоять не менее, чем из трех членов; в случае сокращения личного состава комитета до двух, он впредь до выборов сохраняет право кооптации и до пополнения теряет свою правомочность, сохраняя лишь функцию временного бюро; комитет, от личного состава которого остался лишь один человек, должен быть переизбран, а в случае невозможности этого, заменяется назначенным коллективом».

Кроме того, Совет обращает внимание партийных организаций на необходимость следующих мер:

1) В основу всякой местной организации должен быть положен принцип строгого единства. Коллективы специальных работников (рабочих, крестьянских, военных) могут образовываться и получать известную внутреннюю автономию лишь с санкции местных организаций и действовать согласно уставам, утвержденным общими конференциями всех местных работников.

2) Областные, губернский и уездные комитеты при решении всех наиболее существенных и важных вопросов партийной жизни и тактики, в особенности местной, должны принять за правило обращаться к периферийным организациям путем предварительной передачи вопросов на места, устройства референдумов, конференций и т.п.

3) Областные комитеты и бюро обязательно представляют в Центр. Ком. полугодовые отчеты о деятельности местных партийных организаций.

6. О Центральном Комитете

I. В целях усиления практического и организационного руководства партией и упрочения связи центра с периферией Центральный Комитет:

а) (не подлежит опубликованию);

б) имеет по возможности во всех областях своих представителей;

в) вводит в правило обращение к организациям при разработке и осуществлении разного рода мероприятий путем предварительной передачи вопросов на места, путем широкого осведомления членов партии о положении дел и постановлениях ЦК, путем, наконец, устройства референдумов, конференций и т.д.

II. В области организационного строительства Ц.К.-т:

а) Ввиду необходимости экономии сил сосредотачивает свою работу главным образом на укреплении и восстановлении местных организаций. Областные же комитеты и бюро должны строиться на основе крепких местных организаций постольку, поскольку существование этих комитетов вызвано жизненными запросами организаций, представляется необходимым самим этим организациям и не связано с отвлечением сил в ущерб непосредственной работы на местах.

Примечание 1-е: При этом устанавливается следующий порядок работ: 1) по поддержанию и укреплению существующих прочных организаций и 2) по восстановлению разрушенных организаций — (не подлежит опубликованию).

Примечание 2-е: Особое внимание ЦК должен обратить на организационную постановку повсеместного распространения партийной литературы.

б) Организует работу в высших учебных заведениях, особенно важную в настоящий момент, ввиду недостатка партийных работников, но часто непосильную местным организациям.

в) Образует при себе, при непосредственном участии своих членов по мере возможности, различного рода комиссии — крестьянскую, рабочую, военную — для выработки планов работы, технических указаний и т.д.

7. О создании Центрального Крестьянского бюро при ЦК

Признается необходимым создание при ЦК Центрального бюро для объединения и руководства всей партийной работой в крестьянстве по возможности без отвлечения для этого работников от непосредственной работы в массах.

8. О рабочих комиссиях

Для общего направления партийной работы среди пролетариата и теоретической разработки рабочей программы желательно:

- а) образование при ЦК рабочей комиссии,
- б) образование таких же комиссий в наиболее важных рабочих районах для разработки различных вопросов русского рабочего движения.

9. Об организации работы среди пролетариата

1) В пределах территориального партийного района рекомендуется, где это возможно, создавать из основных ячеек рабочей организации — заводских групп — профессионально подобранные подрайоны, для приспособления организации к участию в текущей жизни и борьбе рабочих каждой данной отрасли промышленности и для ведения более конкретной и приуроченной к условиям места и времени социалистической работы.

2) Эти профессионально подобранные подрайоны объединяются в районы территориальные, для координирования своих действий и направления всей работы данной местности по единому плану.

3) Районы, в свою очередь, объединяются комитетами, ответственными за всю работу в данном центре и контролирующими ее.

4) При комитетах и под их ближайшим руководством рекомендуется образование местных профессиональных центров, объединяющих подрайоны каждой данной отрасли промышленности, в целях: а) образования из партийных с.-р.-ов, входящих в профессиональные союзы, компактных ядер, не расплывающихся в общей массе членов союза, но сохраняющих свое духовное единство и определенность, б) выработки планов для конкретной пропаганды, на почве союзных дел, партийной программы и образования таким путем в самом процессе повседневной борьбы сопутствующей партии периферии и в) выработки практических работников в союзах.

Примечание: В сфере чисто профессиональной члены партийных групп подчиняются директивам профессионального союза, в

который они входят, и главною своею целью, наряду с пропагандой партийной программы, ставят сохранение единства профессионального движения и повседневную практическую работу в союзах.

Такой тип организации, основанный на строгом единстве и соподчиненности всех своих частей, и в то же время утилизирующий, на разных своих стадиях, как территориальный, так и профессиональный подбор основных партийных ячеек, свяжет политическую борьбу партии с непосредственной жизнью масс, сохранит партию, как целостный организм, ведущий определенную политическую борьбу, и повлечет за собой перемену в методах пропаганды в кружках, которые вместо прежнего абстрактного решения социальных проблем будет вестись путем конкретизирования партийной программы сообразно условиям места и профессии.

10. Об организации работы среди крестьянства

1) V Совет партии рекомендует прежде всего, чтобы прием членов в сельские партийные первичные ячейки (братства) производился более внимательно, чтобы в них допускались лица вполне партийные и чтобы эти братства со строго подобранным личным составом привлекались к более активному участию в общепартийной жизни.

С другой стороны, вокруг этих сплоченных, чисто партийных ядер, по их почину и при их деятельном участии, желательно образование местных организаций, охватывающих возможно шире трудовое крестьянство для борьбы за его непосредственные интересы на беспартийной почве. Такие организации должны бороться: а) против аграрной политики правительства, б) против землевладельцев — за лучшие условия аренды земель и продажи крестьянской рабочей силы, в) за усовершенствование общинных распорядков и вообще общинной жизни, г) за развитие коопераций, против кулачества и ростовщичества, и т.п.

2) Ввиду того, что недостаток партийных работников служит одним из серьезных препятствий к успешному ведению партийной работы в крестьянстве, V Совет п.с.-р. обращает усиленное внимание партийных товарищей на организацию и привлечение к делам находящейся на местах деревенской интеллигенции (учителей, фельдшеров, врачей, писарей и т.п.) и на постановку работы в тех учебных заведениях, из которых выходят представители этой интеллигенции (учительские институты и семинарии, сель. хоз. школы, фельдшерские курсы и т.п.).

Восстановление работы в крестьянстве целесообразно вести из немногих центров, наиболее для этого благоприятных по предыдущей подготовке, ставя в них работу возможно полно и широко и распространяя затем ее на другие места путем последовательных почкования и выделения воспитавшихся на практической работе работников.

Для правильного ведения намеченной работы необходимо:

а) Образование в провинции возможно большего числа местных (областных и губернских) бюро из лиц, по возможности партийных и во всяком случае разделяющих нашу аграрную программу с целью: изучения местных аграрных отношений, общины и т.п., содействия местным крестьянским союзам, развитию коопераций в деревне, устройства справочных бюро по юридическим, экономическим и др. вопросам для крестьянства и т.п.

11. Об организации военной работы

Полагая,

что при развитии военной работы главное внимание должно быть обращено на постановку военной работы в тех местах, которые представляют особенно важное стратегическое значение для революции и где средствами местных организаций работа поставлена быть не может;

что в некоторых из таких пунктов приходится ставить военную работу при полном отсутствии других видов партийной деятельности, в других же приходится вести эту работу в таких крупных размерах, которые далеко превышают собою местные силы;

что при этом некоторые особенности военной работы заставляют иногда вести ее, как одно целое, в территориальных границах, не совпадающих с границами областей (флот, Варшавский военный округ, Финляндия и т.п.);

что ведение этого дела в некоторых его частях требует особой конспиративности,

V Совет партии находит:

1) что, кроме помощи местным организациям на общих основаниях, в некоторых случаях ЦК должен брать руководство работой, выходящей за пределы компетенции местных и областных организаций, на себя, направляя и поддерживая всю совокупность военной работы по единому плану, в котором должно быть учтено надлежащим образом стратегическое значение различных более крупных пунктов военной работы, в связи с общим положением в данных местах партийного дела и общим распределением партийных сил и средств.

Примечание: Направление и поддержка военной работы ЦК-ом, посылка на места работников и т.д. должны идти не помимо местных и областных комитетов, но по сношению и в согласии с ними.

2) Что для этого желательно выделение из состава ЦК специального заведующего военным делом, который бы сосредоточил вокруг себя особую комиссию из специалистов, соединяющих по возможности теоретическое знакомство с военным делом и практический опыт революционной работы в армии.

Примечание: Эта военная комиссия разрабатывает для партии все необходимые теоретические вопросы, связанные с военно-бое-

вым делом, способствует подготовке специальных работников, составляет проекты распределения и направления личных и материальных сил в области военной работы и т.п.

3) Что Центральный Комитет при содействии военной комиссии должен созывать конференции военных работников, постановления которых имеют совещательное значение и подлежат утверждению партийных съездов, Советов партии или ЦК-та.

4) Что военные работники, где это по ходу работ признает нужным местная организация, могут составлять особые коллективы и вести свои дела, обладая необходимою внутреннею автономией, требуемой как особенностями работы, так и соображениями конспирации, но, на общем основании с другими специальными группами работников, они принимают участие в выборе комитета, ответственного за все состояние партийной работы в данном месте и контролирующего ее.

Вместе с тем Совет партии, констатируя в прошлом, с одной стороны, некоторую обособленность и отчужденность военной работы от общепартийной, а с другой — не всегда достаточную оценку важности военной работы — полагает, что на указанных организационных основаниях военная работа делается существенной и неразрывной составной частью партийной деятельности, подчиненной ей, как часть — целому.

12. О работе в профессиональных союзах

1) Задачей партии является укрепление распадающихся профессиональных организаций путем образования и сплочения первичных ячеек на отдельных предприятиях.

2) Ввиду недостатка широких массовых профессиональных организаций следует для большей успешности работы выбирать отдельные предприятия или отдельные мастерские, имеющие особенно важное значение — в процессе ли производства или в каком-либо ином отношении — и потому могущие сыграть решающую роль в случае борьбы с предпринимателями.

3) Следует использовать легальные профессиональные организации не сводя, однако, их деятельности ради их сохранения, до уровня общества взаимопомощи, до полного отказа от принципов классовой борьбы с капиталом. Где же легальные союзы влачат лишь фиктивное существование рекомендуется внутри этих союзов устраивать нелегальные беспартийные ядра, проникнутые духом борьбы с капиталом, и при их помощи отстаивать профессиональные интересы работы, не увлекаясь стремлением во что бы то ни стало сохранить легальную видимость союза и не давая запугивать себя перспективой его закрытия.

4) Там, где легальные союзы не могут существовать, Совет партии рекомендует образовывать беспартийные нелегальные союзы.

13. О работе в кооперативах

В сфере кооперативного движения V Совет партии, подтверждая резолюцию о нежелательности самостоятельного развития производительных кооперативов, еще раз обращает внимание товарищей на печальные результаты попыток установления организационной связи между таковыми кооперативами и профессиональными союзами. Кроме того, Совет партии указывает на все растущую, благодаря реакции, изолированность кооперативного движения от остальных форм рабочей организации и на вытекающую отсюда необходимость установить более тесную идейную связь между партийными товарищами, работающими в кооперативах, и партийными организациями.

14. О постановке пропаганды

1) На первый план в области пропаганды должна быть выдвинута организация кружков высшего типа, целью которых должна быть выработка их наиболее передовых, развитых и способных рабочих, самостоятельных активных деятелей в рабочей среде. Развитие пропагандистской работы вширь должно быть поставлено в зависимость от степени успешности этой работы по образованию пропагандистов из самих рабочих. Соответственно этому система широкой организации кружков низшего типа должна быть признана несовершенной и устарелой, за исключением тех мест, где объектом работы является еще совершенно незатронутая масса.

2) В связи с этим, вместо прежней подпольной лекционной системы занятий, центр тяжести должен быть перенесен на реферативную систему и при возможности в рабочих кружках высшего типа должны устраиваться занятия по методу семинаров.

3) В основу подобных отдельных собеседований и докладов на собраниях подрайонов и районов должны ложиться какие-либо события текущей жизни как местной, так и общероссийской. При этом, ввиду особенной важности для партии отстоять свою тактику бойкота 3-й Думы против всей легальной печати и всех других партий, необходимо освещение с партийной точки зрения всей ее текущей деятельности. Равным образом Совет партии обращает внимание товарищей на необходимость освещения деятельности органов местного самоуправления.

4) Где существуют легальные общества, необходимо проникать в них, используя их для тех же целей и привлекая самих рабочих участию в направлении характера этих обществ.

15. Задачи партии в деревне

1) V-й Совет п.с.-р. полагает, что насущной задачей нашей партии в деревне должно быть: 1) создание прочных ядер вполне сознательных социалистов-революционеров, 2) широкое вмешательство их в местную жизнь сельских обществ как политическую

(выборы должностных лиц, выборы в земство, борьба с помещичьей политикой современных земств и т.п.), так и экономическую, и наконец, 3) организация на почве повседневной борьбы за классовые интересы крестьянства, в особенности против аграрного законодательства правительства и против местных землевладельцев.

Подтверждая в этом отношении решения IV Совета партии, V Совет обращает особенное внимание партийных товарищей на следующее:

Партийная пропаганда, устная и печатная, опираясь на анализ конкретных, близких массам явлений русской жизни, должна быть направлена к выработке целостного, охватывающего все запросы личности соц.-рев. мировоззрения в крестьянстве, причем особенное внимание должно быть обращено на те стороны крестьянской психологии, которые служат серьезным препятствием для партийной работы в деревне (локализм, религиозные предрасудки и пр.), и на удовлетворение этических запросов сознательного крестьянства.

2) Деревенская тактика как крестьянских партийных, так и руководимых партией беспартийных организаций, должна направляться следующими соображениями:

а) При решении вопросов, выдвигаемых перед местным крестьянством аграрной политикой правительства, упорное отстаивание непримиримых лозунгов («земли не покупать», «не арендовать» и т.д.), где оно практически безнадежно, должно уступить место выработке таких решений этих вопросов, которые, в условиях данного места и времени, наилучшим образом сохранили бы солидарность трудового крестьянства, не давали бы ему раскалываться на враждующие группы и в то же время были бы в наибольшем согласии с принципами нашей программы (напр., покупка земли обществами в общинную собственность, аренда обществами и т.п.).

б) При выделах из общины их заботой должно быть сохранение в распоряжении общества земель, выделяющихся из общины переселенцев и пролетаризированных элементов деревни путем выдачи им пособий на известных условиях и других соглашений, наиболее соответствующих принципам социализации земли и не лишающих окончательно выделяющихся права и возможности вернуться к земледелию в своем обществе.

16. О работе среди солдат и матросов

1) Сообразно изменившимся условиям исторического момента, партийная работа в армии и флоте должна по преимуществу направляться вглубь, на создание прочных партийных ячеек из передовых солдат и матросов, которые должны втягиваться в общепартийную жизнь, принимать в ней возможно более сознательное и активное участие и подчиняться общепартийной дисциплине.

2) Эти ячейки должны быть проводниками партийных идей в более широкую массу солдатства, непосредственное общение с ко-

торую для военных работников теперь крайне затруднено чрезвычайными мероприятиями правительства по охранению армии от революционной пропаганды. Они же наилучшим образом обеспечат партии возможность влиять на все более широкие движения и организации солдат и матросов, которые неминуемо снова должны быть вызваны к жизни в будущем, при новом общественном подъеме.

3) В данный же момент общее политическое затишье в стране и отсутствие широкого брожения в массах солдат и матросов делают несвоевременным образование широких беспартийных массовых военных организаций.

4) Пропаганда и агитация среди солдат и матросов на почве непосредственных, особенно материальных, нужд должна вестись с большой осторожностью во избежание таких обострений, которые могли бы привести к активным выступлениям на этой почве.

5) Ввиду крайней трудности ведения митингов, массовок и достаточного числа кружков, центр тяжести работы должен быть перенесен на распространение литературы как общей, так и специальной для солдат и матросов.

17. О работе среди призываемых

V Совет партии с.-р. обращает внимание организаций на то, что специальная работа среди крестьян и рабочей молодежи, подлежащей призыву, является не менее важной для революционизирования армии, чем работа непосредственно среди солдат. Поэтому необходимо ставить распространение военной литературы среди призываемых и составлять из них кружки для ведения специальной военной пропаганды, привлекая к ней по возможности товарищей, уже бывших на военной службе и знакомых близко и ее обиходом. С другой стороны, Совет обращает внимание товарищей на бесплодность такой формальной постановки работы среди рекрутов, при которой многие организации из года в год ограничиваются только выпуском прокламаций накануне самого призыва.

18. О работе среди офицерства

Считая пока преждевременным восстановление офицерской работы в ее полном объеме, V Совет партии считает, однако, необходимым:

1) поддерживать работу среди офицерства в пределах возможности, во всяком случае не допуская того, чтобы распропагандированные ранее офицерские силы были потеряны для партии;

2) обратить внимание военной комиссии при ЦК на необходимость снабжения их как общей, так и специальной литературой, с возобновлением, при первой возможности, офицерского органа;

3) перенести центр тяжести работы среди офицерства на пропаганду в военно-учебных заведениях;

4) непрерывно поддерживать старые и новые связи среди офицерства и военно-школьной молодежи как для использования их во всевозможных конкретных революционных целях, так и для того, чтобы облегчить в момент будущего нового общественного подъема создание офицерской революционной организации и обеспечение компетентными руководителями будущих народных активных выступлений.

19. О Центральном Органе и других изданиях партии

I. 1) ЦК назначает редакцию Центрального Органа. Редакция эта должна быть коллективной (из 3-х членов). Она ответственна за ведение ЦО и за все литературные предприятия, намечаемые центром.

2) ЦО и большинство других литературных предприятий ЦК переносится за границу, так как при всех отрицательных сторонах такого перенесения только в таком случае возможны при теперешних условиях регулярный выход и систематическое руководство литературой.

3) В ЦО ведется разработка следующих тем:

- а) теоретическая разработка отдельных вопросов программы,
- б) развитие длительно-тактических директив и освещение с точки зрения этих директив повседневной жизни и борьбы,
- в) разработка вопроса о двигательных силах революции, о соотношении классов, о роли их в предстоящей борьбе. Перспективы революционного движения в России. Рабочее движение. Крестьянское движение. Влияние новейшего законодательства на жизнь трудовых масс. Формы организации и задачи деятельности беспартийных крестьянских союзов и т.д.,
- г) проблемы организационного строительства,
- д) систематический обзор западноевропейского социалистического движения и выводы, существенные и важные для движения русского.

Примечание. При этом желательно, чтобы разработка тем носила более систематический характер и намечала и разрешала вопросы партийной теории и практики в известной последовательности, а не случайно.

4) В России ЦК предпринимает издание летучего листка, как органа боевого, быстро откликающегося на злобы дня как партийной, так и общеполитической жизни.

Совет партии находит желательным содействие редакции Центрального Органа и группирующихся около него партийных литераторов местным партийным периодическим изданиям.

II. Для правильной постановки партийной пропаганды Совет партии находит необходимым:

- а) возобновление центральной крестьянской газеты «Земля и воля»,

б) издание популярных легальных и нелегальных брошюр и сборников, разрабатывающих как общие, так и местные вопросы крестьянской политики.

III. Совет партии считает необходимым возобновление при первой возможности популярного рабочего органа.

IV. Совет высказывается в настоящее время за продолжение издания «За народ», как органа партийного, наряду с изданием специально военной брошюрной литературы для солдат и матросов.

20. Об организации финансовой комиссии при ЦК п.с.-р.

Ввиду увеличивающихся затруднений при добывании материальных средств для кассы партии, V Совет п.с.-р. предлагает ЦК организовать при себе постоянную финансовую комиссию.

Вместе с тем V Совет партии подтверждает постановление предыдущих советов о десятипроцентном отчислении из сумм всех местных партийных организаций в кассу ЦК.

Свод постановлений общепартийных советов и съездов //
Памятная книжка социалиста-революционера.
Выпуск I. Б.м., 1911. С. 45—70.

№ 13

ОТ РЕДАКЦИИ [«РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ»]

Россия переживает контрреволюцию. Николай II берет назад и свои клятвы, и вырванные у него народом реформы. Бюрократия, дворянство и высшее духовенство, очнувшись от испуга, организуются и захватывают власть. Самодержавие фактически восстановлено. Революционные партии снова загнаны в подполье, революционные организации расшатаны.

Народные массы пережили за последние 4 года столько событий, разрушивших их патриархальное мировоззрение, перенесли столько жестоких преследований за свои попытки сразу сбросить с себя вековое ярмо политического деспотизма и социального угнетения, что и среди них проявляется сомнение в близости такого переворота. Народ понял всю громадность предстоящей ему задачи и стоит перед ней в глубоком раздумье.

Все это вызывает даже в передовом обществе острое разочарование в революции и порой враждебное отношение к прожитому периоду активной революционной борьбы. Раздаются голоса, что революционное движение было грубой ошибкой, что нужны иные — мирные легальные пути для проведения политических реформ... Старая и нехорошая песнь!

С другой стороны — многие революционные рутинеры отстаивают целиком все старые способы борьбы, не признают необходи-

мости пересмотра и переоценки этих способов и уверяют, что ничего, в сущности, не изменилось.

Далеким от пессимизма одних и самодовольства других, мы — отстаивающие основы социального мировоззрения и тактики борьбы социалистов-революционеров — полагаем, что ни разочарование, ни революционная рутина не могут вывести нас из переживаемого нами кризиса.

Мы полагаем, что наступил момент выяснения причин этого кризиса, в особенности причин, наиболее близких к нашей революционной деятельности, обусловленных ошибками программы и тактики русских революционеров; и прежде всего для нас — социалистов-революционеров наступил момент пересмотра нашего теоретического мирозерцания, наших методов борьбы и организации.

Мы убеждены, что только такой пересмотр даст нам основы для новой творческой работы мысли и борьбы, борьбы победоносной, способной довести дело народного освобождения до конца.

Цель нашего органа — оказать посильное содействие этой критической и творческой работе революционной мысли.

Революционная мысль, Париж. 1908. № 1, апрель.

№ 14

А. ВОЛИН²⁷³

ВОПРОСЫ РЕВОЛЮЦИИ

История от времени до времени выдвигает вопросы, смысл которых полон глубокого трагизма. В эпохи общественных потрясений обнаруживается несоответствие между задачами, требующими неотложного решения, и характером энергий, призванных удовлетворить запросам момента. То освободительная борьба за высшие моральные ценности приводит к стремлениям, недостижимым при данном состоянии сил и способностей; то, напротив того, вопросы ставятся и решения предлагаются лишь после того, когда энергии израсходованы, и перспективы близкого будущего рисуются для многих в виде зияющей бездны отчаяния. В особенности же горькие моменты приходится переживать тогда, когда великое движение могло и должно было, руководствуясь историческим опытом и правильным пониманием средств и целей, привести к великому успеху, но в действительности, увлеченное в водоворот старых ошибок и изжитых заблуждений, кончилось пока что жестоким поражением. Вслед за потрясающей гибелью борцов и не менее потрясающею гибелью надежд, восстают призраки давно, казалось бы, решенных вопросов и облекаясь в плоть и кровь осиротевшей жизни, снова открывают цикл искания света и добра...

То беспримерное торжество реакции, которое мы ныне переживаем в России, возбуждает немало подобных, поистине трагичных вопросов.

Что стало теперь с нашей русской революцией? Куда делись все надежды, вся вера, весь энтузиазм? Каким образом случилось, что мы, недавно еще в своих социальных упованиях чувствовавшие себя в предверии Эдема²⁷⁴, почти сразу были низвергнуты в мрачные глубины Тартара²⁷⁵?

Каковы причины высоко поднявшей свою голову и прочно укрепившейся контрреволюции? Можно ли еще спасти революцию? И как ее спасти?

Излишне было бы доказывать, что настоящий кризис имеет самый серьезный характер и грозит самыми печальными последствиями. Россия снова покорена династиею и поддерживающею трон кастою угнетателей. Революция покамест разбита, партии подавлены, организации разгромлены, активная жизнь народа задушена, всюду проникают отчаяние и деморализация. С другой стороны, все темные силы реакции мобилизованы, самодержавие восстановлено, и восторжествовавшее правительство празднует свою победу кровавыми оргиями, не виданными миром со времени Каллигул²⁷⁶ и Неронов²⁷⁷. Самые неслыханные жестокости, самые неслыханные преступления правительства, топчущего ногами народ, топчущего ногами свои собственные «законы» вплоть до бонапартистских «coups d'état», убивающего без разбора взрослых, женщин и детей, — не встречают какого-либо серьезного противодействия измученной и забитой страны. И недавнее еще поле битвы словно преобразилось в кладбище, мертвая тишина которой прерывается только воплем: «Палач идет! Палач идет!..»

И пусть нам не говорят, что этот ужасный кризис, во всяком случае и несмотря ни на что, есть лишь временный эпизод, один из тех многочисленных частных зигзагов, которыми так богата всякая освободительная борьба, но которые существенно и надолго не нарушают поступательного шествия победоносной революции. Если только оставить в стороне — покамест — предположение о возможных неожиданных событиях, наступление которых не поддается никакому учету, или о целесообразном вмешательстве энергичной революционной инициативы, способной быстрым толчком вызвать перераспределение сил и перезарядку общественной психики, — то подобный оптимизм, основанный на противоположении фактам действительности революционной схоластической веры в самодовлеющий ход вещей, представляется нелепым и вредным самообольщением. Здесь дело не только в том, что огромные силы утрачены, что благоприятный момент, совпавший с периодом японской войны и с временем, непосредственно за нею последовавшим, давно прошел, и что то, чего не удавалось достигнуть при высшем напряжении сил и возбуждения, в стократ труднее отвоевать тогда, когда все достижение с ужасающей быстротою пошло на убыль, угрожая в будущем полной остановкой,

если не появятся новые могучие импульсы. Тут дело в том, что упадок чувства, упадок духа и понижение уровня сознания сопровождают политическую реакцию, все более и более засоряя источники живой силы, революции. Моральный кризис коснулся многочисленных групп и слоев населения, сказываясь то в мрачном отчаянии, то в тупом равнодушии, то в идейном вырождении и растущей деморализации.

Крестьянство, на массовое движение которого возлагалось столько надежд, не обнаруживает пока никаких признаков активного выступления; и если не будет внешних стимулов, исходящих из самостоятельного нападения на правительство, то трудно ожидать, чтобы подобное выступление крестьянства могло иметь место в близком будущем. Даже результаты того огромного идейно-революционного переворота, который в последние годы произошел в понятиях и взглядах народных масс, могут остаться мертвым капиталом, который долгое время будет совершенно не использован или даже произвольно растрочен в том случае, если полицейско-бюрократические тиски беспрепятственно будут по-прежнему сжимать творческие проявления народных сил и народного духа. И в стране, где воля самодержавной олигархии будет — все, и воля народа — ничто, самое крайнее обострение земельной нужды, самое крайнее возрастание народных бедствий и народных страданий может вести не к революционной катастрофе, как это вытекает из шаблонных выкладок, молчаливо допускающих, — в духе телеологических пережитков, — что появление народной потребности неизбежно ведет к благополучному ее удовлетворению, а вести к печальным последствиям совершенно другого рода, — примеров чего не мало имеется в истории, — а именно, к истощению народных сил, к вымиранию и вырождению... Мы не говорим уже о междудумском правительственном законе о выделении надела из общины и о других возможных реакционных мерах в области земельного законодательства, которые самодержавная политика не преминет выдвинуть против трудящегося крестьянства, если только она по-прежнему не будет встречать серьезного противодействия; подобная политика, упорно и продолжительно проводимая, грозит в достаточной степени поколебать расчеты, которые основаны на вере в революционную миссию общины и порождаемой ею психологии.

Усталость, апатия, уныние, признаки идейной аберрации среди рабочих. Развившийся было интерес к профессиональному объединению и к профессиональной работе, не совсем гармонизирующий с характером данной политической конъюнктуры и чуждый нормального соответствия слабому лишь подъему промышленности, — при всей желательности само по себе этого движения, — свидетельствует в данном случае, к сожалению, о том, что центр тяжести интересов и стремлений пролетариата передвинулся в сторону наименьшего сопротивления, далеко от роковой политической проблемы.

Но истинно чудовищные размеры принимает процесс морального шатания в интеллигенции и обществе. Разочарование, ренегатство, карьеризм, индифферентизм, мелкое и убогое филистерство, мистицизм, разврат физический и интеллектуальный.. В аду совершающихся жестокостей нервы притупились, и чувствительность уже парализована: самые казни и их психология становятся объектом эстетического интереса. Перед лицом злобствующей реакции, среди мучительных судорог революции и свирепой вакханалии «обновленного» самодержавия усердно культивируются теория и практика порнографии. Уже отступники и перебежчики открыто сжигают то, чему они недавно поклонялись, и патетически каются в своем революционном безумии; и скоро, быть может, возникнет спор о приоритете, о том, кто первый «мужественно» отрекся от иллюзий и заблуждений, чтобы удалиться в сторону или перейти в стан ликующих. Уж часть «оппозиции» рукоплещет заплечных дел мастеру Столыпину и приходит в ужас от мысли, что «либеральный» министр уступит свое место «союзникам» из клана Дубровиных²⁷⁸ и Пуришкевичей²⁷⁹. Уже имя этого кровожадного временщика льстиво сопоставляется в кадетском лагере, — правда, с укором, — с именем Наполеона. И как бы для того, чтобы доказать, что человеческая душа способна пройти через всю гамму низости и холопства, вплоть до раболепного преклонения перед всякою торжествующею силою, хотя бы эта сила «столыпинского воротника», уже являются, — все в оппозиционном лагере, — барды, воспевающие дифирамбы во славу нашего «Марата»²⁸⁰ наизнанку»...

Печальная картина, печальные симптомы! Как все это близко напоминает многие признаки, свойственные эпохам глубокой и длительной реакции, вроде периода Великой Французской революции после 9-го термидора²⁸¹ или контрреволюции после поражения 1848 года! Нечто в этом роде мы пережили у нас в России в 80-х годах после падения «Народной Воли»; но тогда, по крайней мере, не было той лжи, которая называется конституциею... столыпинского самодержавия.

Нет, — если только отчаянное усилие революционной инициативы не изменит в скором времени положения дел, — нам предстоит страшная и, может быть, страшно долгая реакция. Мы, конечно, не думаем сомневаться в существовании огромных сокровищниц творческой и боевой энергии в тайниках русского народа, о нет! Но эти энергии, может быть, на долгое время подавлены грубою организованною силою правящей касты, а в результате сколько погибших надежд! После борьбы нескольких революционных поколений, после стольких жертв и страданий, после целого моря пролитой крови, Россия, сумевшая стать авангардом европейской демократии и мирового социализма — теперь снова, как некогда, возможный оплот реакции, возможная цитадель мрака и угнетения!

Как и почему это случилось?

Причинная связь исторических событий включает в себе слишком разнородные и слишком сложные элементы, — как протекающие от целесообразно направленных действий людей, так и независящие от воли групп и личностей, чтобы причину того или другого общественного явления можно было свести исключительно на программные заблуждения или недостатки тактики отдельных борющихся партий. Но поскольку в определенной комбинации на конечный результат влияли деятельность и воля организованных общественных сил, законно и позволительно искать причину крупной неудачи в той или другой ошибке, том или другом тактическом приеме партии или группы.

Ошибка, общая почти всем революционным партиям, ошибка, сыгравшая пагубную роль в переживаемом ныне кризисе, заключается в преувеличенной вере в возможность и необходимость массового народного восстания и в недостаточном признании значения самостоятельной борьбы партии, непосредственно атакующей, как инициативное меньшинство, центральную правительственную систему в атмосфере народного возбуждения, питающего, поддерживающего, укрепляющего эту борьбу.

Это — горькая ошибка, неотступно сопровождающая традиционное миросозерцание русских революционеров, переходя от одного революционного поколения к другому. Петрашевцы 40-х годов²⁸², конспираторы 60-х годов, народники 70-х годов и революционеры последнего десятилетия руководствовались этим воззрением как символом веры в своей практической деятельности.

История неоднократно разбивала иллюзии борцов и опровергала их ожидания. Иллюзии лелеялись с упорством дорогого предрассудка. Тщетно раздавались предостерегающие голоса, тщетно предсказывали они грозную опасность истощения сил и победы реакции. Жертвы следовали за жертвами, катастрофы за катастрофами, а революционная мысль продолжала оставаться недоступной влиянию уроков жизни и велениям исторического опыта.

Те, кто веруют, что путь к политическому перерождению России ведет лишь через всенародное массовое восстание, но предвидят это восстание лишь в отдаленном будущем, фактически обречены на одну лишь культурную работу.

Те, кто веруют в необходимость и неизбежность близкого восстания народных масс, сообразуют с этим принципом свои мысли и действия. Нарождается и пускает корни соответственная тактика и соответственная психология. Все помыслы сосредоточиваются на ожидании революционного восстания народа, все энергии устремляются в эту именно сторону, и в трудный для самодержавия момент, те средства борьбы, которые могло бы использовать инициативное меньшинство с целью довести ненавистное правительство до полного изнеможения, терроризируя и травя его со всех сторон, отодвигается на задний план. Решительный удар не нанесен. Между тем силы революционеров рассеиваются, массы оказываются неготовыми и неспособными к организованному бою, наступает

расстройство в рядах, появляются признаки разочарования, момент упущен. Правительство пользуется ошибками революционеров, чтобы прийти в себя, стать на ноги, собраться с силами и беспрерывными ударами усилить расстройство неприятеля. Авторитет революционеров падает, разочарование переходит в панику, дело освобождения страны скомпрометировано, фонды правительства повышаются, слабые и нерешительные покидают поле битвы, число перебежчиков в революционном лагере растет, филистеры и гады открыто ликуют, а правительство справляет свой кровавый пир. Кризис в полном разгаре.

Не так ли именно было дело в последние годы?

Партия социалистов-революционеров оказалась увлеченною общим потоком. Партия, связанная традициями с «Народной Волей», партия, начертавшая на своем знамени принцип творческой роли инициативного меньшинства, — в момент, требовавший более, чем когда бы то ни было, беспощадно-трезвой критики и неуклонно последовательной тактики, — отдала дань тем же ошибкам, тем же иллюзиям, тем же заблуждениям.

В партийной печати, в публицистических очерках, в агитационных брошюрах, в устной пропаганде, на собраниях и митингах, — всюду проповедовалась идея народного вооруженного восстания. Целое поколение молодежи воспитывалось на этой идее, популяризовавшейся в трудовом народе. И еще ныне имеется среди социалистов-революционеров достаточное число наивных людей, которые каждую осень предвещают крестьянское восстание на ближайшую весну, а весною его переносят на ближайшую осень...

Даже программная платформа, в представлении социалистов-революционеров, так сильно амальгамировалась с характером и формой ее осуществления именно после победоносной народной революции, что расколы, возникшие на обоих — левом и правом — флангах партии, зависели в значительной степени от различия выводов, делаемых из предполагаемой связи.

Но если жизнь не оправдала ожиданий партии, то и партия в некотором отношении не оправдала надежд, которые возлагала на нее жизнь. В то время как народ ждал действий со стороны партии, партия ждала действий от народа.

Вспомним момент, последовавший за медовым месяцем октябрьских дней²⁸³ и совпавший с диктатурою Дурново²⁸⁴ и подавлением московского восстания. Самодержавие шло, как для всех ясно было, на контрреволюцию. Недвусмысленные симптомы общественной реакции, только что начинающейся, были налицо. Опасность тогда уже была очевидна. Удары в правительственный центр были тогда вполне уместны и могли спасти положение. Все их ждали, но тщетно. Еще более целесообразны и неотложны были решительные действия после разгона первой Думы²⁸⁵ и установления военно-полевых судов²⁸⁶. Все их опять ждали самым напряженным образом, но опять тщетно. Руководители партии, по видимому, решили декретировать народное восстание. И этот мо-

мент был поворотным пунктом в освободительной борьбе. Тогда именно кретин князь Мещерский²⁸⁷ высказал, что если после разгона первой Думы ничего не произошло, то отныне он, Мещерский, не будет бояться никаких революционных страхов. А после разгона второй Думы²⁸⁸, несмотря на *coup d'état*, на характер заявлений партий, от нее уже ничего не ждали, партия потерпела страшный моральный урон.

Но чем объяснить ту идейную пертурбацию, которая лишила деятельность партии твердой точки опоры и привела к расхождению между запросами момента и характером борьбы?

Ответ на этот вопрос заключается в истории партии социалистов-революционеров. В образовании партии принимали участие представители нескольких революционных поколений, из коих каждое накладывало отпечаток на ее миросозерцание. Народничество и социал-демократизм, идеи Лаврова — Михайловского и учение марксизма, народовольство и бунтарство входили составными элементами в теоретический багаж нового движения, определяя тактику и диктуя программу. Но это был огромный прогресс по отношению к социал-демократизму, монополю царившему у нас после реакции 80-х годов; и в начале можно было надеяться, что в процессе естественного развития разнородные элементы пестрого конгломерата распределятся по разным пластам, сообразно их удельному весу, и драгоценный металл истины очистится от примеси нерациональных пережитков. Не то, к сожалению, произошло в действительности. По мере роста партии, воззрения народнически-бунтарские, и в особенности социал-демократические, усиливались в ее миросозерцании, оттесняя или совершенно подавляя принципы тактики «Народной Воли» и теоретические взгляды нашей критико-инициативной школы. И опять-таки целое поколение молодых социалистов-революционеров воспитывалось на подобной эклектической системе марксизма с поправками и дополнениями, системе, чуждой гармонической цельности и не чуждой вносящих хаос противоречий. Подобное миросозерцание склонно строить социалистическую программу по марксистскому шаблону; оно склонно анализировать общественные явления с точки зрения методов и концепций экономического материализма; оно склонно строить представление о революции в отождествлении ее с массовым движением и массовым восстанием, вызываемом экономическими потребностями, правда, делая поправку на «инициативное меньшинство», — но ведь в водовороте «основных принципов» легко гибнут поправки и дополнения...

Это приводит нас к тому, что современный кризис показал крайнюю необходимость скорого и неотложного пересмотра программы и идейно-теоретического миросозерцания, в самом широком смысле этого слова, партии социалистов-революционеров.

Но каким образом может быть достигнут столь необходимый пересмотр? Каким образом может и должна быть осуществлена переработка идеологии, задача перевоспитания партии?

Для того, чтобы обновленное мировоззрение партии было не временным и поверхностным явлением, а именно прочным базисом в критическом сознании самих борцов и носителей идеи; для того, чтобы оно действительно отражало душу партии, а не было механически присвоенною ей официальной декларацией; для того, чтобы оно служило надежным маяком, непрерывно и ярко освещающим и направляющим путь наперекор стихиям, в ясную погоду и в мрачное безвременье, — необходимо, чтобы оно прошло через лабораторию критической мысли самой партии. Не сверху или извне, а из тайников своей мысли, своего чувства, своего опыта и всей своей жизни партия должна черпать надлежащую санкцию своей собственной психологии. Для этого необходима самостоятельная критика, активная работа ума лиц и групп, составляющих партию. Для этого необходимо, чтобы проявилась самая широкая инициатива со стороны партийной массы — отдельных личностей и союзов — и чтобы пробудившаяся инициатива своими постоянными импульсами направляла волю и сознание партии, определяя ее характер, ее физиономию и всю ее жизнь. Нужно ли пояснять, что партия социалистов-революционеров до сих пор в этом отношении заставляла желать многого, слишком многого? Ибо если в отношении теоретических дефектов и практических ошибок сыграли большую роль обстоятельства самого генезиса партии, то не меньшее значение имело и то, что инициатива партийных масс или «периферии» проявлялась, к несчастью, чересчур слабо и незначительно, и что в тех случаях, когда таковая возникала, она в создавшейся с самого начала иерархической атмосфере встречала почву, мало благоприятную для своего развития и успеха. Но только та партия сама создает для своей будущности гарантии и крепости и безболезненного роста, которая внутреннюю связь и партийную дисциплину усматривает не в автоматической согласованности движений военной шеренги, не в пассивном подчинении вождям, не в сектантском повиновении признанным авторитетам, а в единстве мысли и действия свободных, убежденных и способных к самостоятельной критике личностей. Партия должна быть реорганизована не столько в юридическом, сколько в моральном смысле. Побольше самостоятельности, побольше инициативы, побольше творческого вмешательства в планомерную работу партии!

Итак, развитие теории и практики активного действия инициативного меньшинства, пересмотр теоретического мирозерцания, перевоспитание и реорганизация партии — вот задачи, неотложное выполнение которых даст практический ответ на вопросы революции. Подробному рассмотрению намеченных тут вопросов будет посвящен ряд статей в следующих номерах нашего органа.

Лучше поздно, чем когда уже слишком поздно. В этом, и только в этом, заключается надежда на спасение от ужасных последствий начавшегося кризиса и возможность возрождения русской революции.

Революционная мысль, Париж. 1908. № 1, апрель.

Полтора года тому назад редакция «Революционной мысли» в № 1 охарактеризовала свою основную задачу: «Прежде всего — для нас, социалистов-революционеров, наступил момент пересмотра нашего теоретического мирозерцания наших методов борьбы и организации. Мы убеждены, что только такой пересмотр даст нам основы для новой творческой работы мысли и борьбы, борьбы победоносной, способной довести дело народного освобождения до конца. Цель нашего органа — оказать посильное содействие этой критической и творческой работе революционной мысли».

Редакция и сотрудники нашего органа не уклонялись от намеченной программы и работали, главным образом, над освещением основных вопросов социально-революционного мирозерцания и принципов социально-революционной организации.

Таким образом, постепенно около «Революционной мысли» объединилась группа социалистов. Они полагают, что официальная программа партии с.-р. плохо выражает основы русского социально-революционного учения, что она полна даже враждебных этому учению метафизических, марксистских и иных пережитков, что самая организация партии страдает многочисленными недостатками и, прежде всего, бюрократическим централизмом, все ужасающее зло которого с особенной яркостью проявилось в Азефской истории.

Но не одна критика официальной партии с.-р. объединяет сотрудников «Революционной мысли». Нам всем общо убеждение, что основной пружиной исторического процесса является творческая деятельность личности и активная борьба организованного инициативного меньшинства.

Мы выражали общее наше убеждение, когда в № 4 «Революционной мысли» писали: «Мы приписываем личности творческую роль, роль творца новых символов и идей, а организованному инициативному меньшинству роль бродила, фермента общественной жизни, благодаря которому массы получают ряд импульсов. Поскольку меньшинство является таким ферментом, поскольку оно играет лишь посредственную роль в изменениях общественных форм. Но, кроме этой роли фермента, у организованного меньшинства имеется еще и другая, более непосредственная, более активная роль — борьба с другими организациями: такая борьба им под силу».

Исходя из этого положения, мы считаем возможной и плодотворной борьбу революционных организаций с самодержавием, которое признаем внеклассовым институтом, лишь опирающимся в борьбе за свое паразитное существование на те или иные паразит-

ные группы (высшее дворянство, бюрократию, высшее духовенство), но способным, в случае надобности» вести политику и противную интересам этих групп.

В борьбе с самодержавием мы первенствующее значение отдаем боевым нападениям партии и в том числе специальному и испытанному оружию русских социалистов-революционеров, унаследованному ими от «Народной Воли» — террору.

Мы ставили нашим антитеррористам вопрос ребром: «Имеют ли они в настоящее время какой-нибудь иной способ непосредственной, прямой революционной борьбы с царизмом, кроме террора? И если нет, то считают ли они возможным и с моральной, и с политической точки зрения оставить без прямого революционного воздействия теперешнюю вакханалию царизма? Чего должны мы ждать, на что надеяться? На организацию пролетариата? Но возможно ли вести эту организацию, когда даже профессиональные союзы и потребительские общества должны закрываться вследствие полицейских преследований? Прямого ответа на этот прямой вопрос мы не получили.

Объединяет наших товарищей по «Революционной мысли» и убеждение, что так называемых «массовых революционных партий» в России не существовало и не существует. За такую ересь нас называли кадетами и еще более нехорошими именами.

И вот недавно мы не без удивления увидели в № 21 — 22 «Знамени труда», что, по крайней мере, часть наших хулителей — официальные представители партии с.-р. — стали теперь высказывать мысли, близкие нашим. Они сознаются теперь, что «значительный интеллигентский состав — «общая» беда для всех социалистических партий в России... «что до 1905 года обе партии — и с.-д. и с.-р. были массовыми лишь в потенции. Они обращались к массам, они пытались влиять на них; они пытались оформить массовое движение. Но охватить массы, создать действительно массовую организацию они не могли, ибо между массами и ими стояла полицейская стена».

Не сглаживает этого отречения от бывшего величия и осторожное указание на 1905 г., «когда партии встретились впервые действительно с массами и стали впервые *реально ощущать себя* (курсив наш. — Сив.) настоящими политическими партиями, большими массовыми партиями».

Но и «ощущения» эти оказались обманчивыми, в чем автор-передовик «Знамени труда» и сознается на следующей странице: «Но *организовано* массы, — говорит он, — не были в партии, и партии остались без масс. И вот теперь и мы, и социал-демократы, как *партийный организм*, насчитываем десятки членов там, где их было сотни и тысячи».

Мы убеждены, что и теперешний скромный подсчет представителя партии с.-р. грешит большим оптимизмом, но это уже болезнь всякой партийной статистики; — дело не в этом, важна сущ-

ность, важное признание, что массовой-то партии никогда и не было, даже и в 1905 году, так как, какая уж тут массовая партия, если «массы организовано не были в партии»?!..

Кто из читателей «Революционной мысли» поверит также инсинуации, что мы, кроме террора, ничего и не проповедуем, когда у нас черным по белому напечатано: «Но кроме непосредственной борьбы с самодержавием, у социалистов-революционеров есть еще и другие задачи: пропаганда и агитация своих целей в массах». Организацию этой пропаганды и агитации мы считаем не только возможной, но и обязательной для социалистов. Мы не раз на страницах нашего органа останавливались над вопросом, как построить подобную организации на принципах автономии отдельных групп.

Мы только скромнее оценивали силы революционеров, так как никогда не страдали манией величия и не считали современные революционные партии массовыми. Мы отказывались от той колоссальной задачи, которую ставят себе социал-демократы — организовать пролетариат, и тем более организовать крестьянство. Мы утверждали, что особенно в настоящий момент приходится говорить не об организации пролетариата и крестьянства, а лишь о пропаганде и агитации, а организацию уже предоставить самостоятельности крестьян и рабочих и не пытаться централизовать эти нарождающиеся ячейки. Когда настанет время объединения этих ячеек, оно пойдет снизу, а не сверху, не по директивам центральных комитетов — и только тогда оно будет крепким, а не фиктивным и не рассеется от первого столкновения с врагом.

Таким образом, не мы переоцениваем значение организованного социалистического инициативного меньшинства, когда приписываем ему роль фермента в социальных переворотах и роль активного борца против других организаций, объединявшихся для эксплуатации масс, — не мы, а те, которые создавали миф о массовой партии и, наклеив этот ярлык на кучку своих единомышленников, думают, что они могут организовать социальную революцию.

Но, с другой стороны, мы не впадаем и в обычный социал-демократический грех: мы не оцениваем героизм прошлого лишь с точки зрения успеха, для нас всякая героическая борьба против угнетателей является историческим плюсом даже и тогда, когда она потерпела поражение; мы никогда не станем обвинять революционеров 48-го года или коммунаров 71-года в нерасчетливой трате сил.

Наше отношение к русской революции 1905 — 1906 годов мы уже высказывали на страницах «Революционной мысли». Так, в № 3 мы писали: «И напрасно бухгалтеры и ренегаты типа г. Струве²⁹¹ с пеной у рта набрасывались на русских революционеров: вы-де своими социализациями и социалистическими утопиями погубили».

Ошибка революционеров была не в этом, а в том, что они обратили все внимание на социальную революцию и забыли, что прямому их воздействию доступна лишь политическая; они забыли, что прежде всего должен быть разрушен абсолютизм и уничтожена монархия, что главным объектом ударов революционных партий должна быть династия Романовых и что последняя, особенно в то время правительственной растерянности и общественного энтузиазма, была в пределах досягаемости наших ударов.

Но и ошибка эта вполне понятна, так как русские революционеры — прежде всего социалисты: немудрено, что они увлеклись возможностью близкого осуществления своих идеалов в ту весеннюю бурную годину, когда даже Милюков и Струве искренне проводили в своей кадетской программе принцип принудительного отчуждения. О гг. Романовых²⁹² забыли, в сравнении с развернувшимися мировыми перспективами стали считать эту банду duntite negliegeable, маленьким наростом, который сам свалится, когда наступит время... И Романовы отдышались.

Мы не обвиняем наших товарищей социалистов, что они вмешались в революционно-социальную борьбу, мы считаем только ошибкой, что была забыта прямая революционная борьба с самодержавием. Но разве это дает право называть нас политическими радикалами или 'кадетами-террористами'?! Мы не противопоставляем, как это делают многие другие русские социалисты, революционную борьбу с самодержавием борьбе за осуществление социалистических идеалов. Для нас первая есть неизбежный этап второй.

Самодержавие — самый главный и самый первый враг социализма не только для России, но и для всего мира, так как самодержавная Россия — оплот всякой, даже и чужеземной реакции.

И только социалисты, с их глубокой ненавистью к социальному угнетению и неравенству, с их неистребимой верой в торжество своих идеалов, с их самоотвержением и энтузиазмом, могут взять на свои рамена всю тяжесть борьбы с самодержавием — самой грубой, самой невыносимой формой угнетения.

Та работа, которую на Западе свершили иные силы, в России приходится брать на себя социалистам, что еще более осложняет их задачи, еще более затрудняет их борьбу.

Но несмотря на все это, а, может быть, отчасти и в силу этого, русские социалисты проявили творческую энергию и в самом социалистическом учении: они снова возвели на былую высоту категорию должного и пружиной и целью прогресса стали считать человеческую личность.

Для нас социализм является учением, которое отрицает современное государство, основанное на эксплуатации меньшинством большинства, и проповедует уничтожение частной собственности на землю и на орудия производства. Для нас идеал социализма —

оздание такого общественного строя, при котором станет невозможной эксплуатация одних людей другими, при котором каждый человек сможет удовлетворять все свои потребности и гармонически развиваться.

Только тогда, когда под ударами социальной революции исчезнет всякое угнетение и, прежде всего, падут цепи экономического рабства, когда все получат равную возможность принять участие в строительстве жизни, только тогда наступит золотой век, человечество постепенно станет приближаться к осуществлению высочайшего идеала — к наивысшей свободе и полноте индивидуального творчества и в то же время к наибольшему сближению другими людьми, с человечеством, к совершеннейшему пониманию и чувствованию всего мира.

Революционная мысль. Париж, 1909. № 6, декабрь.

№ 16

М.ИВИЧ

СТАТИСТИКА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ, СОВЕРШЕННЫХ ПАРТИЕЙ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Составление таблицы террористических актов было предпринято мною после разоблачения провокации Азефа, когда со всех сторон начались нападения на партию и на террор. Как крайние террористы, так и противники его исходили из одного и того же — провокации Азефа.

Первые говорили, что террор есть единственное оружие, против которого у правительства нет средств для борьбы. Против массовых выступлений у правительства есть достаточно преданного войска. Эти выступления не неожиданны, и правительство может отопить недовольства народа в его собственной крови. Против террора правительство бессильно. Террор своею неожиданностью носит хаос и смятение в его ряды.

Революция, утверждали крайние террористы, потерпела поражение благодаря тому, что Азеф стоял во главе БО и тормозил работу, своевременно предупреждая кого следует о всех приготовлениях.

Противники террора доказывали, что партия, признающая террор, обречена на провокацию в своих рядах. Террор, говорили ни, порождает и привлекает всяких авантюристов, ибо в его сторону обращены взоры охранного мира и т.д.

После трехлетней кропотливой работы мне удалось составить более или менее полную статистическую картину террористической работы партии. По этим таблицам легко убедиться, что ни Азеф, ни кто бы то ни был не имел и не мог иметь какого-нибудь

решающего влияния на исход русской революции, и эти реальные факты говорят, кроме того, что террор существует, развивается и питается массовым движением.

После долгого периода гробового молчания резко прозвучал выстрел Карповича. Этот неорганизованный акт имел огромное влияние и заставил партию с.-р. решительно взять в свои руки меч, выпавший из рук «Народной Воли».

Хроника арестов, ряд тайных циркуляров, нервность полицейского мира и, с другой стороны, то там, то здесь вспыхивающие протесты — все это ясно говорило о росте недовольства в стране. И партия с.-р., являясь организацией рабочего класса, стремясь отразить чувства и думы широких трудовых масс, должна была неизбежно выступить на путь активной революционной борьбы с самодержавием.

Акт 2-го апреля 1902 г. был первым актом организованного политического террора, и первым открытым шагом партии. В первые годы жизни партии террор составляет редкое явление (в 1902—1904 гг. было всего 6 актов) и только, начиная с 1905 года, наряду с выступлением народных масс на улицу, террор учащается, с каждым днем увеличиваются отдельные нападения на местных сатрапов, разливаясь по всей огромной территории России. Террор перестает быть делом отдельных личностей. Трудовая масса, народная армия берет террор в свои руки и, пользуясь им, наносит удар за ударом мелким и крупным, местным и центральным сатрапам России. Во весь период русской революции террор идет впереди, как показатель накопленной народом революционной энергии, готовой прорваться наружу.

Итак, террор не есть средство, кем-нибудь выдуманное, кем-нибудь созданное для своих целей. Террористические нападения — это авангардные стычки народной армии, это ее боевой клич: прочь с дороги, революция идет!

Начиная с 1908 г. революционная волна заметно идет на убыль, и это отражается на терроре. В то самое время, как в 1905 г. было 51 покушение, в 1906 г. их было уже 78, в 1907 — 62. В 1908 г. было всего 3 акта. Эти три покушения являются как бы отзвуками былой грозы...

Террор перестал практиковаться в России не по причинам провокации, а по более глубоким причинам, лежащим в психологии народных масс. И как только пройдет переживаемый момент застоя и народного молчания и наступит период подъема революционной волны, террор явится опять, как один из методов борьбы, снова займет свое место в авангарде революции.

Год	Число и месяц	Место	Против кого был акт		Убит, ранен, невредим	Личность террориста			Какой организацией совершен акт	Время и форма суда	Приговор суда	
			Чин и пост	Фамилия		Фамилия	Звание	Возр.			Казнь	Каторга
1902	2 апр.	Петербург	м.в.д.	Сипягин	убит	Балмашев	ст.	20	Б.О.	в.-о.	3 мая	—
"	20 июля	Харьков	губ.	Оболенский	ран.	Качура	раб.	26	"	—	—	веч.
1903	6 мая	Уфа	губ.	Богданович	убит	Дулебов	раб.	20	"	скрылся		
"	14 окт.	Бердичев	п. пр.	Кулишев	ран.	—	раб.	—	б.д.	скрылся		
"	31 окт.	Белосток	пол.	Метленко	ран.	—	раб.	—	"	скрылся		
1904	15 июля	Петербург	м.в.д.	Плеве	убит	Сазонов	ст.	25	Б.О.	с.п.	—	веч.
"	"	"	"	"	"	Сикорский	раб.	20	"	"	—	20 л.
1905	19 янв.	Одесса	пол.	Головин	ран.	Штильман	раб.	22	б.д.	в.о.	—	веч.
"	4 фев.	Москва	г.губ.	в.к.Сергей	убит	Каляев	ст.	27	Б.О.	в.о.	10 мая	—
"	20 фев.	Белосток	исп.	Елачин	"	—	раб.	23	б.д.	скрылся	—	—
"	5 мар.	"	п.исп.	Плоховский	ран.	Гринберг	раб.	18	"	с.п.	—	8 л.
"	22 мар.	Ветки	шпион	Кухаров	убит	Малеев	раб.	16	—	скрылся	—	—
"	31 мар.	Одесса	прист.	Ольшевский	ран.	Дубинский	раб.	18	б.д.	10 июня	—	веч.
"	24 апр.	Житомир	"	Куяров	убит	Сидорчук	инт.	19	"	19 июля	—	веч.
"	28 апр.	Н.-Новгор.	н.о.о.	Грешнер	"	Никифоров	уч.	—	"	—	12 авг.	—
"	28 апр.	Двинск	прист.	Курляндский	ран.	Першон	раб.	19	"	ав. в.о.	—	веч.
"	3 мая	Уфа	губ.	Соколовский	убит	Бубетов	раб.	—	"	скрылся	—	—
"	14 июня	Одесса	бр.бom. в отр.солд.		—	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	14 июня	"	стр.	—	убит	—	раб.	—	"	скрылся	—	—
"	14 июня	"	вольн.	—	ран.	—	раб.	—	"	скрылся	—	—
"	15 июня	"	гор.	Павловский	убит	4 арест.	—	—	"	—	—	—
"	"	"	ок.над.	Долгачев	ран.	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	16 июня	Витебск	прист.	Кудрявцев	"	—	—	—	"	скрылся	—	—

Год	Число и месяц	Место	Против кого был акт		Убит, ранен, невредим	Личность террориста			Какой организацией совершен акт	Время и форма суда	Приговор суда	
			Чин и пост	Фамилия		Фамилия	Звание	Возр.			Казнь	Каторга
1905	28 июня	Москва	град.	Шувалов	убит	Куликовский	уч.	36	б.д.	—	—	веч.
"	7 июля	Креславка	прист.	Челипенко	ран.	покушались двое раб.		—	"	скрылись	—	—
"	8 июля	Белосток	пол.	Пелонкин	"	—	раб.	—	"	скрылся	—	—
"	12 "	Тифлис	п.пол.	Ковалев	"	Херуладзе	ст.	—	"	—	—	—
"	14 "	Витебск	ж. рот.	Потрясов	"	—	—	—	—	скрылся	—	—
"	14 "	Кишинев	прист.	Соловкин	"	—	—	—	б.д.	скрылся	—	—
"	16 "	Лубны, Полт.	исправ.	Семенов	"	Добровольский	—	—	"	скрылся	—	—
"	18 "	Гомель	ж. рот.	Шебеко	ран.	Рабочие	—	—	"	скрылись	—	—
"	30 "	Самара	п. пр.	—	"	Марков	инт.	21	Л.о. п.о.	—	—	—
"	2 авг.	Борисово Минской губ.	бр.бом.	В разъед. др.	3 уб. 11 ран.	—	—	—	—	—	—	—
"	7 авг.	Ростов н/Д	ж. пол.	Иванов	убит	Собин	раб.	—	б.д.	скрылся	—	—
"	22 "	Вильна	provokator	Свядищ	ран.	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	24 "	Витебск	ж. вах.	Потрясов	убит	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	24 "	Белосток	прист.	Самсонов	ран.	Шляхтер	раб.	20	б.д.	—	—	10 л.
"	28 "	Баку	provok.	Петров	убит	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	7 сент.	Двинск	п.пр.	Овсянко	"	—	раб.	—	"	скрылся	—	—
"	27 "	Гомель	испр.	Еленский	"	двое	раб.	—	—	скрылись	—	—
"	27 "	Кишинев	прист.	Оссовский	"	—	—	—	б.д.	скрылся	—	—
"	29 "	Красноярск	пол.	ф.Дитнер	"	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	11 окт.	Гомель	бр.бом.	в казаков	1 "	Малеев	раб.	—	"	скрылся	—	—
"	"	Екатериносл.	"	в солдат	2 уб. 3 ран.	—	раб.	—	"	скрылся	—	—

Год	Число и месяц	Место	Против кого был акт		Убит, ранен, невредим	Личность террориста			Какой организацией совершен акт	Время и форма суда	Приговор суда	
			Чин и пост	Фамилия		Фамилия	Звание	Возр.			Казнь	Каторга
1905	29 окт.	Могилев	губ.	Клингенберг	ран.	Езерская	инт.	37	—	7 мая	—	13 ¹ / ₂
"	12 ноябр.	Саратов	губ.	Кнюль	невр.	Бакшанов	раб.	16	б.д.	3 марта	—	20 л.
"	22 "	"	г.-л.	Сахаров	убит	Биценко	инт.	—	—	3 марта в.о.	—	веч.
"	11 декаб.	Тамбов	В.-губ.	Богданович	"	Катин Кузнецов	кр. кр.	—	тамб.к.	23 декаб. в.о.	23 декаб.	—
"	14 "	Ростов	прист.	Снесоров	"	Собин	раб.	—	б.д.	скрылся	—	—
"	15 "	Ветки	шпион	Курятников	"	—	раб.	—	"	скрылся	—	—
"	"	Минск	п.пол.	Шклярович	ран.	—	раб.	—	"	скрылся	—	—
"	"	Самара	ген.	Сергеев	"	Власов	сол.	—	—	в.о.	—	15 л.
"	17 "	Минск	пол.	Норов	невр.	—	—	—	б.д.	скрылся	—	—
"	18 "	Сызрань	ген.	Сергеев	"	Жуков	кр.	—	Л.о. п.о.	в.о.	каз.	—
"	21 "	Уфа	губ.	Келеповский	ран.	Бушуев	раб.	30	"	в.о.	—	веч.
"	26 "	Иркутск	п.пол.	Драгомиров	убит	—	—	—	б.д.	скрылся	—	—
"	"	Н.Новгор.	н.с.о.	Камаев	ран.	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	"	Иркутск	в.-губ.	Мишин	"	—	—	—	"	скрылись	—	—
"	"	Яренск	стр.	—	убит	—	—	—	"	—	—	—
"	"	Белосток	п.о.о.	Ходоровский	невр.	—	раб.	—	"	скрылись	—	—
1906	1 янв.	Чернигов	губ.	Хвостов	ран.	Шпайзман Школьник Лейкин	раб. раб. раб.	— — —	Л.о. ч.о. " "	— — —	31 янв. — —	20 л. 10 л.
"	2 "	Пенза	г.-л.	Лисовский	убит	—	—	—	Л.о. п.о.	скрылся	—	—
"	6 "	Гомель	п.пр.	Асонов	"	Рабочие	—	—	б.д.	скрылись	—	—
"	14 "	Минск	губ.	Курлов	невр.	Пулихов	ст.	—	Л.о. с.-з.о.	в.о.	25 фев.	—

Год	Число и месяц	Место	Против кого был акт		Убит, ранен, невредим	Личность террориста			Какой организацией совершен акт	Время и форма суда	Приговор суда	
			Чин и пост	Фамилия		Фамилия	Звание	Возр.			Казнь	Каторга
1906	14 янв.	Минск	пол.	Норов	невр.	Измайлович	инт.	—	Л.о. с.-з.о.	в.о.	—	20 л.
"	16 "	Тамбов	губ.сов.	Луженовский	убит	Спиридонова	инт.	21	тамб. к.	"	—	20 л.
"	18 "	Полтава	"	Филонов	"	Кирил	—	—	—	скрылся	—	—
"	19 "	Самара	ж.пол.	Бобров	"	—	—	—	Л.о п.о.	скрылся	—	—
"	26 янв.	Пенза	пол.	Кондауров	убит	Васильев	инт.	21	Л.о. п.о.	скрылся	—	—
"	27 "	Севастоп.	г.-губ.	Чухнин	ран.	Измайлович	инт.	—	Л.о. ю.о.	—	—	10 л.
"	28 февр.	Ветки	шпион	Поляков	убит	Рабочие	—	—	б.д.	скрылись	—	—
"	12 марта	Казань	бр.бом. в жан.упр.		—	Катя	—	—	Л.о. п.о.	скрылась	—	—
"	17 "	Смоленск	ж.пол.	Гладишев	убит	—	раб.	—	б.д.	скрылся	—	—
"	22 "	Варшава	провока.	Татаров	"	—	—	—	Б.О.	скрылся	—	—
"	25 "	Тверь	губ.	Слепцов	убит	Ив.Бугачев	раб.	18	Л.о. ц.о.	18 нояб.	4 ян.	—
"	"	Екатеринос.	провока.	Курляндский	ран.	—	раб.	—	л.о.	скрылись	—	—
"	1 апр.	Борисоглеб.	офицер	Абрамов	"	—	—	—	Л.о. п.о.	скрылся	—	—
"	4 апр.	Ракишки	шпион	Димант	"	Рабочие	—	—	б.д.	скрылись	—	—
"	20 "	Велик.Луки	пом.пр.	Благовещенский	убит	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	23 "	Москва	г.-губ.	Дубасов	ран.	Вноровский	ст.	24	Б.О.	убит	—	—
"	"	Екатеринос.	"	Жолтоновский	убит	Двое рабочих	—	—	—	скрылись	—	—
"	4 мая	Тамбов	прист.	Жданов	"	—	—	—	Л.о. п.о.	в.о.	—	10 л.
"	6 мая	Казань	ок.наб.	Толмачев	ран.	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	9 "	Екатеринос.	н.и.о.	Кривенко-Яновский	убит	Рабочие	—	—	Л.о.	скрылись	—	—
"	"	"	нападение на конвой		—	—	раб.	—	"	скрылись	—	—
"	13 "	Саратов	н.тюр.	Шаталов	ран.	Скутельмин	уч.	—	б.д.	в.о.	5 янв.	—

Год	Число и месяц	Место	Против кого был акт		Убит, ранен, невредим	Личность террориста			Какой организацией совершен акт	Время и форма суда	Приговор суда	
			Чин и пост	Фамилия		Фамилия	Звание	Возр.			Казнь	Каторга
1906	15 мая	Бердянск	ок.над.	—	невр.	—	—	—	б.д.	1 убит и 1 скрылся	—	—
"	16 "	Кутаис.	ген.	Алиханов	ран.	Микаберидзе	—	23	"	скрылся	—	—
"	"	Лубны Пол.	провока.	Бутенко	"	Голобородко	кр.	18	"	—	5 янв.	—
"	28 июня	Севастополь	г.-губ.	Чухнин	убит	Акимов	матр.	—	"	скрылся	—	—
"	1 июля	Петергоф	ген.	Козлов	убит	Васильев	раб.	24	Л.о. б.о.	в.с.	19 сен.	—
"	4 "	Тифлис	пол.	Мартынов	ран.	Микаберидзе	—	23	б.д.	скрылся	—	—
"	21 "	Самара	губ.	Блок	убит	Фролов	раб.	—	Л.о. п.о.	в.о.	каз.	—
"	23 "	Коканд	т.прок.	Исаенко	ран.	—	—	—	б.д.	четверо скрылись	—	—
"	2 авг.	Чита	пол.	Городиченко	убит	Костин, Амнат, Богров	—	—	"	в.о.	каз.	—
"	8 "	Самара	комен.	Георгий	"	—	—	—	Л.о. п.о.	—	—	—
"	13 "	Петергоф	ком. С. полка	Мин	"	Конопляникова	уч.	28	с.л. б.о.	в.о.	29 авг.	—
"	14 "	ст. Инжавино	ст. пр.	Лебедев	"	—	—	—	л.б.о.	скрылись	—	—
"	"	"	стр.	—	"	—	—	—	"	"	—	—
"	"	"	жанд.	—	"	—	—	—	"	"	—	—
"	15 "	Мокшанск	зем.н.	Сабуров	"	Маркин	—	—	б.д.	—	—	—
"	27 "	Севастоп.	н.ж.у.	Рогольд	"	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	6 сент.	Ташкент	прок.	Шарыгин	"	Бодрицкий	ст.	18	"	—	—	20 л.
"	14 "	Севастополь	б.ком. флота	Анисимов	"	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	15 "	Псков	п.пр.	Соловьев	"	—	—	—	"	"	—	—
"	18 "	Севастополь	шпион	—	"	—	—	—	"	"	—	—
"	"	Ташкент	гл.ветврач	Курицын	"	Грюнберг	—	—	"	в.о.	—	веч.

Год	Число и месяц	Место	Против кого был акт		Убит, ранен, невре- дим	Личность террориста			Какой органи- зацией совершен акт	Время и форма суда	Приговор суда	
			Чин и пост	Фамилия		Фамилия	Зва- ние	Возр.			Казнь	Каторга
1906	19 авг.	Севастоп.	фл.ф.	Фролов	убит	—	—	—	б.д.	скрылся	—	—
"	20 "	"	урядн.	—	"	—	—	—	"	"	—	—
"	21 "	Симбирск	губ.	Старынкевич	"	—	—	—	Л.о. п.о.	"	—	—
"	24 "	Севастополь	шпион	—	"	—	—	—	б.д.	"	—	—
"	25 "	"	ком.Бр.пол.	Думбадзе	ран.	—	—	—	Л.б.о.	"	—	—
"	25 сент.	Казань	в.-губ.	Кобеко	ран.	Зефилов	ст.	—	Л.о. п.о.	скрылся	—	—
"	14 октяб.	Севастополь	н.о.л.	Михайлов	убит	—	—	—	б.д.	в.п.с.	15 дек.	—
"	20 "	Ив.-Вознес.	шпион	Лебедев	"	Башмаков	раб.	—	"	—	—	—
"	27 "	Иркутск	г.-губ.	Ранненкамрф	невр.	Коршун Н.	ст.	—	Л.о. с.о.	в.п.с.	31 окт.	—
"	30 "	Москва	град.	Рейнбот	"	Александров	—	—	Л.о. ц.о.	"	2 ноябр.	—
"	4 нояб.	Полтава	г.-губ.	Полковников	убит	—	—	—	—	скрылся	—	—
"	"	Петербург	ок.над.	Денисенко	ран.	—	—	—	б.д.	"	—	—
"	13 "	"	провока.	—	убит	—	—	—	"	"	—	—
"	"	Феодосия	г.-губ.	Давыдов	ран.	—	—	22	ю.б.д.	в.о.	15 ноябр.	—
"	22 "	Петербург	прист.	Шереметьев	"	Алек.	кр.	—	б.д.	застрелился		—
"	2 декаб.	Петербург	адмир.	Дубасов	ран.	Березин Воробьев	раб. раб.	— —	" "	в.п.с.	4 дек.	— —
"	"	ст.Конотоп	ж.вах.	Живодеров	"	Грицин	кр.	—	л.о.	—	—	—
"	"	Красноярск	жанд.	Терещенко	убит	Бейм	—	—	б.д.	—	3 янв.	—
"	9 "	Тверь	граф	Игнатьев	"	Ильинский	инт.	20	Л.о. ц.о.	—	каз.	—
"	15 "	Омск	г.-губ.	Литвинов	"	—	—	—	Л.о. с.о.	скрылся	—	—
"	21 "	Петербург	град.	Лауниц	"	Кудрявцев	—	—	Ц.б.о.	застрелился		—
"	26 "	"	гл.-пр.	Павлов	"	Егоров	кр. м.	—	С.л. б.о.	—	29 дек.	—

Год	Число и месяц	Место	Против кого был акт		Убит, ранен, невре- дим	Личность террориста			Какой органи- зацией совершен акт	Время и форма суда	Приговор суда	
			Чин и пост	Фамилия		Фамилия	Зва- ние	Возр.			Казнь	Каторга
1906	—	Екатеринос.	нападение на конвой			рабочие	—	—	Л.о. д.о.	трое скрылись	—	—
"	—	Красноярск	шпион	—	убит	—	—	—	б.д.	—	—	—
"	—	Тифлис	провока.	Ян	"	—	—	—	"	—	—	—
"	—	ст.Хилок	прист.	Щеглов	"	—	—	—	"	—	—	—
"	—	Пенза	н.ж.м.	—	"	—	—	—	"	—	—	—
"	—	Ставрополь	пристав	Авитонов	"	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	—	Ставрополь	стр.	—	ран.	—	—	—	б.д.	скрылся	—	—
"	—	Калишанск Витебск губ.	урядн.	Снедзе	убит	Волчек	раб.	—	"	скрылся	—	—
1907	8 янв.	Могилев	полиц.	Родионов	ран.	Бондаренко и неизвестный	уч. —	— —	Л.о. с.з.	застрелился скрылся	— —	— —
"	10 "	Одесса	"	ф.Госберг	"	—	—	—	б.д.	скрылся	—	—
"	12 "	Петербург	шпион	Гольевич	убит	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	17 "	"	н.тор.	Гудима	"	—	—	—	"	"	—	—
"	"	"	т.надз.	Сыров	ран.	—	—	—	"	"	—	—
"	26 "	Пенза	губ.	Александровский	убит	Гитерман	уч.	—	Л.о. п.о.	—	—	—
"	"	"	полиц.	Зарин	ран.	"	"	—	"	—	—	—
"	2 февр.	Петербург	шпион	Щетин	убит	—	—	—	б.д.	скрылся	—	—
"	"	Красноярск	"	Онуфриев	"	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	5 "	Нов-Маргелан	г.-губ.	Похотило	невр.	Яковлев	раб.	—	"	в.п.	—	—
"	10 "	Одесса	полиц.	Гесберг	"	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	13 "	Петербург	фельд.	Артемьев	убит	—	—	—	"	"	—	—
"	14 "	Красноярск	и.в.о.с.	Козловский	"	—	—	—	"	"	—	—

Год	Число и месяц	Место	Против кого был акт		Убит, ранен, невредим	Личность террориста			Какой организацией совершен акт	Время и форма суда	Приговор суда	
			Чин и пост	Фамилия		Фамилия	Звание	Возр.			Казнь	Каторга
1907	17 фев.	Харьков	город.	—	убит	—	—	—	б.д.	—	—	—
"	18 "	Уфа	т. инсп.	Кольбе	"	Алексеев	раб.	—	"	скрылся	—	—
"	26 "	Ялта	полк.	Думбадзе	ран.	—	—	—	Л.о. ю.о.	трое скрылись		—
"	"	Ярославль	губ.	Римский-Корсаков	невр.	Васильев	раб.	19	б.д.	в.о.	25 мая	—
"	2 марта	Петербург	прист.	Родзеевский	ран.	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	9 марта	Астрахань	н. тюр.	Прибыловский	убит	—	—	—	б.д.	скрылся	—	—
"	18 марта	Петербург	у.-оф.	Торлецкий	"	Розанов Смирнов	раб.	—	в. союз	—	—	веч. 12 ¹ / ₃
"	24 "	Луцк	н. тюр.	Желотовский	ран.	Бронштейн	—	—	б.д.	—	—	—
"	27 "	Брянск	ж. рот.	Агромаков	убит	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	9 апр.	Ростов	п. н. т.	Щербаков	ран.	Богданов Яковлев	уч.	—	"	—	дек. 1908	—
"	13 апр.	Бендеры	п. с. р. н.	Сварко	убит	Райнгольд Литвак	раб.	19 21	"	—	20 сент.	—
"	2 мая	Брянск	п. пр.	Цилинский	"	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	"	"	"	Соколин	ран.	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	3 "	Тамбов	ст. над.	Куйденко	"	Кузьмин	—	—	"	—	11 авг.	—
"	7 "	Одесса	прист.	Панасюк	убит	Чериков	раб.	19	л.о. ю.о.	убит на месте		
"	"	"	пом. прист.	Полянкевич	"	"	"	"	"	"		
"	"	"	ок. над.	Серокевич	ран.	"	"	"	"	"		
"	"	"	город.	—	убит	"	"	"	"	"		
"	11 "	Севастополь	кварт.	Болкаров	"	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	19 "	Оренбург	т. прок.	Исеев	"	—	раб.	—	"	—	—	—

Год	Число и месяц	Место	Против кого был акт		Убит, ранен, невредим	Личность террориста			Какой организацией совершен акт	Время и форма суда	Приговор суда	
			Чин и пост	Фамилия		Фамилия	Звание	Возр.			Казнь	Каторга
1907	25 мая	Ал.-Крушевск	полиц.	Колпиков	ран.	—	—	—	л.о.	—	—	—
"	28 "	Чита	н.кат.	Метус	убит	—	—	—	Л.о. с.о.	скрылась	—	—
"	29 "	Ашхабад	н.ж.д. ж.у.	Ульянов	"	—	—	—	л.о.	скрылся	—	—
"	30 "	Иркутск	н.кат.	Бородулин	невр.	—	—	—	Л.о. с.о.	двое скрылись		—
"	"	Новозыбков	п.надз.	Подберезовский	убит	—	—	—	б.д.	—	—	—
"	5 июня	Севастополь	кварт.	Моталевский	ран.	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	14 "	бр. бом в охр. от.		Гурчихин	убит	Ермоленко	раб.	—	"	убит на месте		—
"	"	"	шпион	Миткин	"	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	23 июня	Екатеринбург	ж.рот.	Пышкин	убит	Косотухин	кр.	30	л.о.	скрылся	—	—
"	"	Сарапул	п.пр.	—	ран.	"	"	"	—	—	—	—
"	"	Красноярск	н.тюр.	Смирнов	убит	—	—	—	б.д.	—	—	—
"	3 июля	Александровск	г.-губ.	Алиханов	"	—	—	—	Л.о. з.о.	скрылся	—	—
"	23 "	Пятигорск	"	Карангозов	"	—	—	—	Л.о. с.к.	скрылся	—	—
"	26 "	Тобольск	н.к.т.	Богоявленский	"	—	—	—	б.д.	скрылся	—	—
"	13 авг.	Петербург	н."кр."	Иванов	"	Макаров	—	—	л.о.	—	каз.	—
"	27 "	Екатеринодар	п.пол.	Журавлев	"	—	—	—	б.д.	скрылся	—	—
"	28 "	Псков	н.кат.	Бородулин	"	Иванов	—	—	Б.о.	—	каз.	—
"	29 "	Екатеринодар	прист.	Боняко	"	—	—	—	б.д.	трое скрылись		—
"	21 сент.	Екатеринодар	пр.кан.г.губ.	Руденко	"	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	10 окт.	Самарканд	прист.	Вишневский	"	—	—	—	Л.б.о.	—	—	—
"	15 "	Петербург	н.т.у.	Максимовский	"	Рагозинникова	инт.	21	л.о.	в.п.с.	18 окт.	—
"	17 "	Вятка	губ.	Горчаков	ран.	Левицкий	уч.	—	б.д.	убит на месте		—
"	21 нояб.	Москва	г.-губ.	Гершельман	"	Севастьянова	инт.	—	Б.о.	—	7 дек.	—

Год	Число и месяц	Место	Против кого был акт		Убит, ранен, невредим	Личность террориста			Какой организацией совершен акт	Время и форма суда	Приговор суда	
			Чин и пост	Фамилия		Фамилия	Звание	Возр.			Казнь	Каторга
1907	14 дек.	Кисловодск	прист.	Болдырев	убит	Рабочие	—	—	б.д.	—	—	—
"	—	Двинск	провока.	—	"	Рабочие	—	—	"	трое скрылись		
"	—	Минер. воды	шпион	Емец	"	—	—	—	"	скрылся	—	—
"	—	Севастополь	"	Гурский	"	—	—	—	"	"	—	—
"	—	Тамбов	"	—	ран.	—	—	—	"	—	—	—
"	—	Красноярск	"	—	—	—	—	—	"	—	—	—
"	—	Ярославль	т.надз.	—	убит	Тяжелников	—	—	"	—	18 дек.	—
"	—	Оренбург	д.ор.р.у.	Каненский	ран.	Летный	—	—	"	—	—	—
"	—	"	т.надз.	—	убит	—	—	—	"	—	—	—
"	—	с.Соколко	уряд.	—	убит	—	—	—	б.д.	—	—	—
"	—	Ярославль	город.	—	"	Батушков	—	22	—	—	—	—
1908	5 янв.	Красноуфимск	пр.с.р.н.	Свиридов	"	Рагозинников	уч.	—	б.д.	—	5 апр.	—
"	23 апр.	Воронеж	губ.	Бибилов	невр.	Федорова	учит.	—	л.о. п.о.	—	14 июня	—
"	—	Екатеринослав	п.надз.	—	убит	—	раб.	—	—	скрылся	—	—
1909	20 авг.	Тобольск	н.к.т.	Могилев	"	Шишмаров	—	—	л.о.	—	каз.	—
"	—	Екатеринослав	пров.	Глушкин	"	—	—	—	—	—	—	—
1910	3 мар.	Баку	ком.пор.	Колупатов	невр.	Нуждов	матр.	—	—	—	—	—
1911	15 апр.	Вологда	т.инсп.	Ефимов	ран.	—	—	—	л.о.	скрылась	—	—
"	18 авг.	Зерентуй	н.к.т.	Высотский	"	Логунов	инт.	31	Л.о. с.о.	в.о.	каз.	—

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ В ТАБЛИЦЕ

адмир. — адмирал

б.д. — боевая дружина

Б.о. — боевая организация

бр.бом. — брошена бомба

б.конд.флота — бывший кондуктор флота

в.о. — военно-окружной суд

в.п. — военно-полевой суд

в.союз — военный союз

вольн. — вольноопределяющийся

гл.пр. — главный прокурор

г.губ. — генерал-губернатор

губ. — губернатор

град. — градоначальник

город. — городской

г.-л. — генерал-лейтенант

ген. — генерал

губ.сов. — губернский советник

гл.вет.вр.пр. — главный ветеринарный врач, предатель

Д.Ор.р.у. — Директор Орловского реального училища

ж.вах — жандармский вахмистр

ж.пол. — жандармский полковник

ж.рот. — жандармский ротмистр

з.н. — земский начальник

исп. — исправник

инт. — интеллигент

ком.пор. — командир порта

каз. — казнь

кварт. — квартирмейстер

комен. — комендант

кр. — крестьянин

л.б.о. — летучий боевой отряд

л.о.п.о. — летучий отряд Поволжской области

л.о.с.з.о. — летучий отряд Северо-Западной области

л.о.ю.о. — летучий отряд Южной области

л.о.д.о. — летучий отряд Донской области

л.о.с.о. — летучий отряд Северной области

л.о. — летучий отряд

мат. — матрос

м.в.д. — министр внутренних дел

н.о.о. — начальник охранного отделения

нач.с.о. — начальник сыскного отделения

н.ж.у. — начальник жандармского управления

н.тюр. — начальник тюрьмы

н.и.о. — начальник исправительного отделения

н.ж.м. — начальник жел.-дор.мастерских

н.кат. — начальник каторги

н.кат.т. — начальник кат. тюрьмы

н. «кр» — начальник «Крестов»

н.т.у. — начальник тюремного управления

о.п.с. — особое присутствие Сената

ок.над. — околоточный надзиратель

п.в.-о.с. — председатель военно-окружного суда

пол. — полицеймейстер

п.пол. — помощ. полицеймейстера

прист. — пристав

п.пр. — помощник пристава

п.исп. — помощник исправника

провок. — провокатор

пр.с.р.н. — председатель «Союза русского народа»

прок. — прокурор

п.н.т. — помощник начальника тюрьмы

раб. — рабочий

с.л.б.о. — северный летучий боевой отряд

стр. — стражник

ст. — студент

сол. — солдат

с.п. — судебная палата

ст.пр. — становой пристав

ст.над. — старший надзиратель

Тамб.к. — Тамбовский комитет

т.прок. — товарищ прокурора

т.над. — тюремный надзиратель

т.инс. — тюремный инспектор

уч. — учащийся

учит. — учитель

урядн. — урядник

у.оф. — унтер-офицер

фельд. — фельдшер

фл.ф. — фельдфебель флота

ц.б.о. — центральный боевой отряд

ю.б.д. — южная боевая дружина

ЗАЯВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА П.С.-Р. ПО ДЕЛУ ДМИТРИЯ БОГРОВА²⁹³

Ввиду появившихся во всех почти русских газетах известий о причастности партии соц.-рев. к делу Дм. Богрова, Центральный Комитет п.с.-р. заявляет:

Ни ЦК-т, ни какие-либо местные партийные организации не принимали никакого участия в деле Дм. Богрова.

Знамя труда, 1911. № 38, октябрь.

П.А.СТОЛЫПИН (Вместо некролога)

В Киеве Столыпина ждал графский титул. Вместо графа он получил пулю. В этом противоречии — вся русская действительность. Здесь проступает трагический лик того единого и основного, что характеризует современную Россию независимо от заложенных в ней противоречий, противоположностей и несоответствий. Здесь сплелся узел жизни, в который от достижения высшей власти — вознесения Петра Аркадьевича до графских степеней — до низвержения во прах — преставления боярина Петра — всего один шаг. Поэтому сказать, за что Столыпин должен был получить графское достоинство, все равно, что рассказать, за что он получил пулю.

Среди бюрократов, камарильи и высших сфер Столыпин, несомненно, наиболее яркая фигура за последние десятилетия. Свои боевые способности он впервые обнаружил, будучи назначен губернатором над «губернией беспокойной»²⁹⁴. Крутыми мерами по отношению к саратовским обывателям и жестокой экзекуцией над крестьянами-аграрниками он обратил на себя всеобщее внимание. Крестьяне унесли в Нарымскую тайгу следы его начальственного попечения, а Столыпин по их спинам взошел на министерский пост. Испытанным чутьем Николай II нащупал и отличил именно Столыпина из девяти десятков равным ему по власти и схожих по жестокости губернских сатрапов. Выбор был удачен: министр оказался достойным своего монарха, монарх своего министра. Роспуск первой Думы, во тьме зачатый и в крови рожденный, окончательно спаял возлюбленного монарха с его первым министром. Ступив на стезю политических преступлений, Столыпин со ступеньки на ступеньку, чрез звание члена Государственного совета, гофмейстера и статс-секретаря, добился высшей почести: общественное мнение Европы признало его за Meister'a der Rechtsbeugung (мастером по части «нажима на закон»), «жонглером октябрьской конституцией», творцом беззакония, «подобие которому едва ли

знает история» («Berliner Tageblatt», № 471). А история ли не специалистка по этой части?..

Военно-полевая юстиция, кровавая расправа с повстанцами Свеаборга²⁹⁵, Кронштадта²⁹⁶ и Севастополя, гонения против иноверцев, угнетения инородцев, разгон второй Думы, преследование левых депутатов²⁹⁷, государственный переворот 3 июня, нарушение основных законов не только России, но и Финляндии²⁹⁸, Амурская дорога²⁹⁹, эпизод с морскими штатами³⁰⁰, роспуск по домам, как школьников, депутатов третьей («своей») Думы на 3 дня для проведения в указанном порядке пародии на земское самоуправление в Юго-Западном крае³⁰¹, тюремные ужасы, университетская разруха и т.д. и т.п. — все это лишь отдельные шаги и этапы, пройденные Столыпиным после 9 июля³⁰². Отныне не осталось преступления, слишком ничтожного для того, чтобы Столыпин не посягнул на него. Он прошел вдоль и поперек по всему кодексу законов гражданских и уголовных, писанных и не писанных, нарушая их с одинаковой последовательностью и одинаковым цинизмом.

Идеалом Столыпина, превзойденным им по жестокости, был великий авантюрист всех времен и народов — Наполеон III³⁰³. Столыпин не прочь был зачислиться и в Бисмарки³⁰⁴, но без его социального законодательства и всеобщего избирательного права. Либеральные канцеляристы забежали вперед и зарегистрировали Столыпина отечественным Бисмарком, опустив только персональные свойства Бисмарка наизнанку — дальновидность квартального и приемы Держиморды³⁰⁵... Отличительные черты русского Бисмарка не помешали его идеологу — Изгоеву³⁰⁶ признать, что от всех своих предшественников по министерству внутренних дел Столыпин отличается своей идеей. Если даже поверить Изгоеву, что свою «идею» — создать из русского крестьянина личного собственника — Столыпин принес с собой, а не нашел ее в министерской канцелярии, где извлек ее из-под густого слоя пыли, успевшей осесть за последние десятилетия, когда от общиноборства правительство переходило к покровительству общине и обратно — то и в этом случае Столыпин «идеалист», очевидно, из породы тех, о которых еще Достоевский заметил, что, стукнувшись лбом о действительность, они прежде других склонны предположить всякую мерзость. В период революционных 1905—1906 гг., стукнувшись лбом об общину, Столыпин не забыл этого удара и не только предположил, что община есть мерзость, но и не остановился сам ни перед чем, чтобы внести хаос и разложение в хозяйственную и правовую жизнь деревни. Всходы посеянного им местами проступают уже сейчас, а жатва еще впереди!.. Если бы Столыпин и обладал государственной идеей, себя посвятить бы ей он не мог: для этого он должен был бы отрешиться от своей натуры, перестать быть импульсивным авантюристом, который бросается от финляндоедства к полонофобству³⁰⁷, от борьбы против высшего образования к проекту национализации кредита с тем, чтобы с той же стре-

мительностью снова ринуться на общину. Избыток впечатлений, импульсов, подобно избытку масла, гасил в Столыпине всякие пробоlesки государственной идеи.

По компетентному свидетельству столыпинского идеолога, душа холопа определяется двойственной формулой: либо «в морду», либо «ручку пожалуйте!» (см. «Политическую заметку» А.С.Изгоева в «Русской мысли», 1908 г., кн. II). Лучший из бюрократов — как следует из слов того же идеолога — если «не обладал такой душой, то только потому, что холоп в ней вытеснен был лицемером, успешно совмещавшим и «в морду» и «ручку пожалуйте!» в одно и то же время. Столыпин заигрывал с Думами, готовясь им дать «в морду», и «давая в морду» основным и проч. законам (чуть ли не по всем постным дням — и 9 июля³⁰⁸, и 3 июня³⁰⁹, и 14 июня³¹⁰ (земельная реформа) и 17 июня (закон о Финляндии) и т.д.), нашептывая галантные и соблазнительные слова: о «всемерном осуждении произвола и самовластья» (I Дума), о правовом государстве и писаной свободе (II Дума), о верховенстве в России права (III Дума). В его глазах, как у щедринаского героя, виднелось, что-то среднее между «убью» и «боюсь». Когда он говорил: «Не запугаете», — он укрывался за спиной Азефа и избивал, и убивал пленных революционеров по всем застенкам обширной России: от Екатеринослава и до Вологды, от Риги и Варшавы до Зерентуя и Алгачей. Когда он говорил: «Вам нужны великие потрясения, нам — великая Россия», — он думал, — ему поверят на слово, что величие России требует сохранения его жизни, и самоуверенно вел русский народ к великим бедствиям и неизбежным потрясениям: через холеру и чуму к недороду и голоду.

Меньшиков³¹¹, болтливый паладин всякого капрала с того момента, как тот взял в руку палку, Меньшиков выдал секрет своего господина: «Мне кажется, повернись иначе его судьба, г. Столыпин мог бы быть замечательным актером», — восклицает он, захлебываясь от восторга после декларации Столыпина в III Думе (Новое время³¹², № 11381). Неизвестно, много ли выиграла бы Мельпомена, повернись судьба Столыпина иначе (о, если бы!), — но нет никакого сомнения, что актерско-акробатическое искусство с государственным умом не имеет ничего общего. Столыпин в роли государственного мужа или «исключительно великого исторического человека», как его стали величать некоторые «журналисты» после смерти — это могло бы быть интересной комедией, если бы с ней роковым образом не сплелась вся трагедия русской жизни. Подобно библейскому Саулу³¹³, оказавшемуся во пророках, Столыпин, благодаря фатальному повороту своей судьбы оказался не на сцене фарса в костюме арлекина, а на высшем гребне российской контрреволюции, вершившей судьбами 135 миллионов народа.

Не со Столыпина, конечно, началась русская реакция и не с его смертью она кончится, но, стоя у открытой могилы душиителя свободы, русская революция будет только справедливой по отно-

шению к нему, если скажет: бывали на Руси министры и похуже Столыпина, калибром мельче его, — но не было подлея!..

Знамя труда, 1911. № 38, октябрь.

№ 19

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА СТОЛЫПИНА

Столыпин убит. Сошел со сцены министр, в течение 5 лет стоявший в центре русской политической жизни, концентрировавший на себе небывалую массу самых острых и напряженных и самых противоположных чувств и страстей. Давно уже никто в истории не вызывал к себе столько ненависти, раздражения, негодования, как Столыпин, правда, гораздо меньше повезло ему по части любви, преданности, благодарности даже со стороны тех, от которых он имеет полное право ожидать этих чувств, но все-таки и в этом отношении он не был обижен.

После смерти эти чувства проявились даже весьма интенсивно: «государственный ум», «железная воля», «рыцарская честь», «благородная душа», «открытое, смелое сердце», «гуманность», «просвещенность», «титаническая работа», «героическая смерть» — вот эти и подобные выражения так и пестрят в статьях октябристских и националистических органов. Г.Сыромятников произвел Столыпина в «железные министры». Другой публицист «России»³¹⁴, характеризуя покойного как могучего оратора, уверяет, что «всякое выступление П.А.Столыпина в представительных учреждениях давало поворот мыслям и вызывало иногда даже перегруппировку партий». «Россия» в Петербурге и националист И.Ракович в Киеве, ничтоже сумняшеся, зачислили его уже в разряд «великих» и даже «исключительно великих людей». Наконец, тот тон бешеной злобы, с которым националистическая пресса встретила известие об убийстве Столыпина, показывает, как больно почувствовала этот удар новая правительственная партия. «Социал-демократию и еврейство Россия должна взять в железо!», — вопило «Новое время». «Страшно думать, а приходится думать, что честность, что гуманность, что просвещенность (это — в лице Столыпина!) уже не могут сдерживать бурный прилив зла, что лишь жестокая, железная и беспощадная воля может нас оградить». И рядом со всеми этими дикими призывами сквозит горькое сознание незаменимости потери, отсутствие достойного преемника и явное беспокойство за будущее.

Кто был Столыпин?

«Столыпин был прямой, честный, искренний человек». Это говорят не только его политические сторонники, — это говорят и его политические противники из либерального лагеря. Это говорят и некоторые солидные иностранные консервативные органы. И это

говорят про политического деятеля, прославившегося притворством и лицемерием.

Столыпин — либерал, «верный друг» свободы и конституции, — и — союз с черной сотней! Этот союз начался с Саратовской губернии. Ведя себя крайне осторожно и тактично с земскими и городскими деятелями и с либеральным обществом, поддерживая почти дружеские отношения с деятелями «Союза освобождения»³¹⁵, — настолько, что, когда осенью 1905 г. идут переговоры с Витте о кабинете из общественных деятелей, кандидатура Столыпина на пост министра внутренних дел выдвигается со стороны общественных деятелей. Столыпин в то же время поощряет под рукой образование в губернии союзов черносотенцев и относится терпимо даже к погромам. Во время избиения земских врачей и общественных деятелей в Балашеве в августе 1905 г. Столыпин, бывший на месте происшествия, вел себя так, что им остались довольны и избитый предводитель дворянства Н.Н.Львов³¹⁵, и черносотенцы: избиваемым он оказал видимость защиты — своей собственной персоной, хотя в его распоряжении были и полиция, и казаки, и войско, — немного недостаточно, но зато по-рыцарски, ведь он был даже сам ранен в палец! Черносотенцам он отдал должное за их патриотические побуждения. Когда после Манифеста 17 октября в Саратове разразился еврейский погром, сопровождающийся убийствами и грабежами, Столыпин явился только на третий день и прекратил его, можно сказать, одним мановением руки и несколькими дружескими словами, вызвавшими у громил громкое «ура». В появившейся на следующий день прокламации Столыпин очень сурово отнесся к потерпевшей интеллигенции и одобрял громил за их преданность царю и отечеству.

Эта двойственная политика ведется Столыпиным во всероссийском масштабе, после назначения его министром внутренних дел, а затем и премьером. Соглашение с «мавром», не им изобретенное, поддерживается им в полной мере. Союз русского народа³¹⁷ субсидируется деньгами из секретного фонда³¹⁸. Его боевые дружины получают от полиции по приказу свыше оружие, указания, содействие. Все его выступления покрываются. Убийцы доктора Караваева³¹⁹ разгуливают на свободе до сих пор. Убийцы Герценштейна³²⁰ были выданы финляндскому суду только тогда, когда дело приняло крайне скандальный характер, когда дальнейшее их укрывательство стало невозможным, а нужда в услугах «мавра» миновала. Когда подвиги черной сотни, несмотря на все, доходили до суда, обвиненные неизменно получали помилование. Черносотенцы со своим «престол-отечеством», с резиной и револьвером, с дебошем и погромом — всегда и везде оказывались «своими» людьми, которым «все можно». Эта наглая, распущенная шайка дебоширов, громил и насильников, стала характерным, неизменным ингредиентом «обновленного строя». И поверх всего этого — высокие речи о строгой законности, об уважении к законам, о сво-

боде, о «самых широких реформах»! И это — честное управление! Это — честный, прямой и искренний деятель!

Никогда провокация не достигала такого расцвета, как при Столыпине, и именно в то время, когда он, по свидетельству прославляющего его «Нового времени», сам непосредственно руководил политическим розыском. Никогда не шло такого открытого торга совестью. Никогда не сеялось свыше такого разврата в стране, такого морального разложения. Предложения давать сведения, подкрепленные угрозами и обещаниями, делались почти поголовно всем приходившим в соприкосновение с охранным отделением, начиная с 15-летних подростков и кончая выработанными революционерами. Преступник, приговоренный к смертной казни, выпускается из тюрьмы потому, что он нужен жандармам своим знанием революционного мира; он свободно приезжает для дачи свидетельских показаний чуть ли не в тот самый суд, который послал его на виселицу, и также свободно уезжает оттуда. Экспроприатору, которому угрожает смертная казнь, устраивается с ведома Департамента полиции побег, после которого он является в Петербург к своему новому начальству, а городской и жандармы, выпустившие его по приказу свыше, идут на каторгу. Азеф свободно проживает в Питере под крылышком охранного отделения в то самое время, когда вся читающая Россия знает об его участии в убийстве Плеве и вел. кн. Сергея и когда это обвинение подкрепляется с трибуны Государственной думы чтением его собственных признаний в частной переписке.

Говорят: Столыпин не знал всего этого, был введен в заблуждение своими подчиненными. Но государственный деятель — даже самый заурядный, не говоря уже о Столыпине, для которого у истории требуют эпитета «великий» — не имеет права злоупотреблять наивностью. Есть предел, за которым верить в искренность такой наивности было бы даже для простых смертных непростительной наивностью. Столыпин далеко перешел этот предел.

Панегеристы Столыпина нет-нет да и проговариваются. «Новое время» (№ 12754) сообщает, что «перед смертью П.А.Столыпин имел точные указания о том, что убийства вел. князя и В.К.Плеве были организованы Азефом». Несколько поздно! Но пусть так: что же предпринял этот пламенный монархист, сделав такое потрясающее для него открытие? Не должно ли было это открытие тем сильнее ударить по его совести, что ведь он сам был укрывателем Азефа? Что же он сделал? Начал ли он строжайшее расследование? Предпринял ли он основательную реформу всего охранного дела, чтобы подобные факты не могли впредь повторяться? Ничего подобного. Он похоронил свое открытие в себе.

Зато несколько раньше он, по сведениям «Нового времени», имел благоразумие передать Курлову³²¹ все руководство розыском, которое сначала держал в своих руках, после того как ярко обнаружились темные и грязные стороны его в деле Петрова³²², а

главное, опасность запутаться и скомпрометировать себя: ген. Герасимов³²³, основательно запутавшийся в этом деле, не попал под суд только благодаря «личному вмешательству Столыпина». Не характерно ли здесь для человека, желающего сохранить за собой право не знать и быть обманутым, и это устранение от грязного и компрометирующего дела, — вместо его очищения и реформирования, — и это спасение Герасимова «от тяжелых осложнений»? (А.Петров в своих «Записках»³²⁴ уверяет, что во время его переговоров с Герасимовым их подслушивал из соседней комнаты П.А.Столыпин). Не характерна ли эта боязнь личной скомпрометированностью в подобном деле отнять у себя право оставаться с ясным лбом на поверхности гладких, приличных канцелярских бумаг? А ведь во всех своих ответах на запросы Столыпин остается на поверхности канцелярских донесений.

Провокацией Столыпин развращал революцию, военно-полевыми судами он ее истреблял. При нем за 5 лет вынесено 6992 смертных приговора и 3741 человек казнены. За одно пятилетие в 7 раз больше, чем за 80 лет перед тем! «Ужасы» красного террора французской революции, так расписываемые всеми сторонниками старого режима, — детская игра в сравнении с белым террором Столыпина. Чтобы найти ему в истории параллель, пришлось бы обратиться ко временам Ивана Грозного³²⁵.

Руководящим правилом в своей борьбе с революцией Столыпин принял: «во время пожара — стекло не жалеть» или иначе: «лес рубят, щепки летят». Надо рубить сплеча, разбирать некогда. И введенная Столыпиным скорострельная юстиция отправляла на виселицу огромный процент ни в чем неповинных людей.

Столыпин не только был жестоким в борьбе с врагами, но и мелко и злобно мстителен в преследовании уже побежденных и пленных. Он не только истреблял революционеров, он не переставал их преследовать даже в плену — на каторге, в тюрьме. Заявив в первой Думе, что он вынужден и будет, как верный часовой, пользоваться имеющимся у него в руках заржавевшим «кремневым ружьем», пока законодательные палаты не дадут ему нового, — Столыпин скоро проявил особенное пристрастие именно к наиболее устаревшим, наиболее варварским особенностям своего оружия. Не было такой старой тюремной инструкции, которую он не извлек бы из архивной пыли и не ввел бы в действие, смакуя с истинно мучительским сладкострастием все их унижающие человека требования. «Тюрьма — не гостиница», и введенный Столыпиным тюремный режим: крайняя скученность, морение голодом, беспрестанные наказания карцером, избиения превратили тюрьмы в дома ужаса и смерти. Кошмарные тюремные истории, при которых пьяные тюремные надзиратели и солдаты врывались в камеры и расстреливали и прикалывали всех, кто имел несчастье не понравиться начальству, — прокатились почти по всей России и заставили вспомнить самые мрачные времена средневековья. Телесные наказания, не уничтоженные до сих пор для каторжан, вводи-

лись в практику с жестокой настойчивостью именно по отношению к политическим каторжанам, и отсутствие их служило доказательством «слабости» начальника и вело неминуемо к отставке. Наконец, уже совершенно незаконные пытки, в качестве средства открытия истины, — конечно, не предписанные свыше, но покрываемые и не преследуемые... Таков тюремный «быт» в правление «гуманного» и «благородного» Столыпина. Он не только умерщвлял всех, кого считал врагом своей «государственности», он старался их унизить, сломить, отнять у них уважение к самим себе.

Столыпин понимал хорошо, что, предпринимая такую жестокую, беспощадную борьбу, он вызывал неизбежно отчаянный ответный террор. Но рядом с ним был Азеф! Столыпин знал, что центральный террор партии социалистов-революционеров, террор против него и царя был парализован, — и смело шел через лужи крови и горы трупов, сквозь строй виселиц, среди стонов и проклятий, равнодушный к слезам и угрозам, широко развернув над собой знамя с изображением Иуды — предателя и надписью: «Сим победиши»!

Вера в Иуду-предателя заменила у Столыпина веру в Христа. И время его правления — время небывалого в истории торжества Иуды.

Конечно, Азеф гарантировал только жизнь царя и Столыпина. Жизнь даже ближайших его помощников и исполнителей оставалась не защищенной. Что же делать... Борьба требует и жертв. И Столыпин, сам огражденный Азефом, спокойно выставлял своих подчиненных под револьверы и бомбы революционеров.

Проявленные Столыпиным при расправе с революционерами свирепость, злобность, мстительность, конечно, вытекали не только из личных его свойств; они отражали настроение помещичьего класса, потревоженного в «свободном пользовании» своей собственностью. Ибо давно известно, что нет зверя свирепее и бесчеловечнее класса собственников, защищающих свою собственность. Но ведь для каждого «дела» правящий класс выдвигает пригодного для него человека. И для дела вешателя и усмирителя он выдвинул палача Столыпина.

Время «честного, благородного» Столыпина было временем небывалого нравственного упадка нашего общества. На поверхность жизни всплыло все самое грязное, низкое, пошлое. Все честное, нравственно порядочное спряталось, притаилось. Превыше всего ценилась «преданность царю и отечеству», — верховный принцип новой морали. Монархические организации наполнились шулерами, убийцами, казнокрадами, сутенерами, растлителями несовершеннолетних и малолетних и даже... изменниками отечеству, еще недавно продававшими его иностранным державам (минский Шмидт³²⁶). Всякий, у кого совесть нечиста, кому грозило скандальное разоблачение и, быть может, суд, кричал о своей преданности исконным русским началам — и все обвинения против него

объявлялись еврейской клеветой и наветами «левых». Полиция окончательно переплелась с преступными элементами, и ее местные руководители нередко оказывались в то же время атаманами разбойничьих и воровских шаек. Огромная доля пресловутых экспроприаций, которыми хотели загрязнить революцию, совершена при участии и по подстрекательству полицейских агентов. В служебном мире карьеру делали тупые и решительные исполнители, твердо помнившие правило своего высшего главы: во время пожара стекол не жалеть. От этой торжествующей моральной тупости и дикости распространялись в населении широкие волны нравственной заразы и разложения. Процент преступности в России за 5 лет столыпинского правления почти удвоился, и защитникам официального благополучия из «России» ничего не оставалось, как утешаться тем, что мы таким путем приближаемся к Западной Европе. (Конечно, не одними указанными влияниями объясняется рост преступности в России. На него повлияли и огромное увеличения количества политических преступлений, особенно в 1906 и 1907 гг., и еще больше общее направление столыпинской политики, направленной к поддержанию «сильных» и к насаждению частной собственности.)

Государственные идеи Столыпина!.. Но где они? Где эти идеи?

Октябристы, а с их голоса и некоторые консервативные органы Западной Европы, выдают Столыпина за верного друга и защитника русской свободы, за искреннего конституционалиста, впервые приобщившего Россию к представительному образу правления. Ему ставят в заслугу, что он совершил этот переход к конституционализму так спокойно, в таком порядке. Мы знаем, что значат это спокойствие, этот порядок! А что такое столыпинский конституционализм, это на мгновение прозрели даже октябристы после трехдневных мартовских каникул³²⁷. Это, по собственной теории Столыпина, «вполне законченная система законодательного бессилия», причем законодательный затор в нужных для правительства случаях прочищается при помощи трехдневных каникул и законодательства по 87 ст.

Даже октябристы в то время прозрели, что Столыпин «спокойно и в порядке» совершил переход от торжественных обещаний 17 октября к полному торжеству старого режима. Политическая работа Столыпина, не работа «обновителя», за что он ее выдавал, а работа «реставратора» старины.

Где искать государственные идеи Столыпина? Не в его ли собственных речах и программных заявлениях? Но в каких: в тех ли, какие он делал в I Государственной думе? — или во II-й? — или в III-ей? — в заявлениях 1906, 1907 или 1911 гг.? Они различны — эти заявления. По остроумному замечанию одного иностранного публициста, у Столыпина много мыслей, но мало убеждений. Мысли для него — приличный костюм, который он меняет, глядя по моде, по сезону, по погоде. Политической весне соответствует

один костюм, но хорошо воспитанный человек, как Столыпин, не станет в нем щеголять, когда на дворе давным-давно осень или даже лютая зима. И этих уборов из мыслей Столыпину не занимать стать. Он человек образованный, у него достаточно секретарей и сотрудников — перед ним открыта вся сокровищница человеческой жизни и мысли. И он черпает то из одного источника, то из другого, смотря по времени, по потребности. Сегодня говорит о «самых широких реформах», а завтра откладывает введение земства в Сибири до того времени, когда она приобщится в достаточной мере к благам частной собственности.

Как же сквозь этот узор мыслей или, точнее, слов, разглядеть истинные «убеждения» Столыпина, его настоящую программу, его духовную природу? Был ли он искренним либералом, который лишь попал в лапы реакции, после того как он сам прогнал с политической арены революционные силы, уравнивающие реакцию и делавшие возможной либеральную политику? Или он был всегда реакционером, убежденным сторонником самодержавия, лишь из политических соображений надевавшим маску либерала.

Столыпин пробежал значительную гамму политических настроений. Он был близок к кадетизму в первой Думе; он был затем единомышленником Гучкова³²⁸, чтобы перейти под конец к национализму Балашова³²⁹. И трижды правы «С.-Петербургские ведомости»³³⁰, когда они считают возможным, что Столыпин мог бы одобрить и новый государственный переворот, лишаящий Думу ее законодательных прав, если бы Тихомиров³³¹ убедил его в его безнаказанности. Ведь он только боялся. Только страх новой революции удерживал его.

Где же, в какой точке этого пути Столыпин был самим собой?

И даже в одно время: Столыпин произносит строго конституционные речи в I Думе и в то же время рассылает инструкции и открывает экстренные кредиты на случай разгона Думы. Столыпин ведет переговоры с кадетами об образовании кадетского министерства. О том же времени А.И.Гучков уверяет, что именно Столыпин провалил почти решенный вопрос о кадетском министерстве. А Булацель³³² клянется, что он «обещал монархическим организациям ту поддержку, которую впоследствии оказал октябристам и националистам». А благодарный ялтинский воевода Думбадзе³³³ торжественно открывает секрет своего всемогущества: «пользовался исключительной поддержкой дорогого покойника».

Где же собственный лик Столыпина и где маска? Праздный вопрос! Столыпин из тех «государственных людей» чисто русского покроя, об убеждениях которых не говорят. Он давал ту политику, которую от него требовали. Ибо, как говорит новый премьер Коковцов через посредство «России», «политическая программа в России определяется не министрами, а государем императором, и говорить о политике того или иного министра значит забывать о

том, что правительство России есть правительство его императорского величества».

Но ведь Столыпин своей аграрной политикой подводил фундамент под здание «обновленной» России! Ведь он настойчиво и энергично вызывал к жизни класс крепких земельных собственников на место усиленно разрушаемой общины.

Под какое же здание закладывал Столыпин фундамент? Под здание русской свободы, русской конституции, как думают октябристы? Или под ветхое здание подновленного и европеизированного самодержавия и самовластья?

Община насильственно разрушалась — ибо в период революционного брожения показала себя опасной, готовой формой грозного крестьянского «единомыслия». Личность «освобождалась от гнета мира», — но для того, чтобы попасть в злейшую кабалу к банку, к землеустроительному чиновнику. Община разрушалась, — чтобы очистить место и простор самовластного чиновника.

Но для безопасности помещичьей собственности и полицейского государства мало разрушить общину. Надо расселить и распылить крестьянство по хуторам. Семейная традиция в роде Столыпиных!

И вот для поднятия крестьянского хозяйства изобретается план: на нищее, хронически голодающее крестьянство, лишенное оборотного и основного капитала, возложить новый грандиозный расход на расселение — по минимальному расчету в 3 миллиарда рублей.

Затевается грандиозная, невиданная ломка народной жизни, народных обычаев и традиций, вносится небывалый разлад в деревенский мир, в крестьянскую семью, — и все в узких, близоруко понятых интересах борьбы с революцией, защиты самодержавия и помещичьей собственности.

Крах столь утопического плана не заставит себя долго ждать. И зловещие признаки уже возвещают приближение этого краха.

Столыпин не был «великим государственным деятелем», как его называют некоторые панегиристы. У него не было какого-либо единого великого государственного плана. У него были заемные мысли, много заемных мыслей, которыми он искусно украшал дела, требовавшиеся интересами самодержавия и поместного дворянства.

Он не был великим человеком. Но он был великим притворщиком и лицемером. И он был великим преступником против русского народа.

Он должен был кончить насильственной смертью. И можно только удивляться и сожалеть, что он встретил ее так поздно.

Знамя труда, 1911. № 38, октябрь.

ТЕРРОР И ДЕЛО БОГРОВА

Опять смута в умах и сердцах... Ее породило убийство Столыпина — неожиданное, осуществленное исключительными путями в исключительной обстановке.

Жестокий временщик лихого пятилетия, мстительный «успокоитель», вся «полнота власти» которого пошла на расправу с замиравшею «крамолой» и реставрацию сшибленных революцией позиций, — Столыпин был ненавистен не только всем честным людям, но зачастую и тем, на кого он периодически опирался в политике своей. Естественно поэтому, что весть об убийстве его вызвала облегченный вздох в сердцах многих миллионов россиян. Только органически сросшийся с лицемерием и ханжеством, исполненный двуязычного политиканства и изолгавшийся вконец либерализм кадетов поспешил заблаговременно, спозаранку, не разобравшись даже толком, в чем дело, прикрыть ливреей «оппозиции Его Величества» то двойственное чувство — страха и радости, — которое принесла ему киевская катастрофа.

«Катастрофа» эта тем не менее была надлежащим образом использована: ее кадеты взяли как аргумент, чтобы лишний раз дискредитировать и нежеланное правительство, и ненавистную революцию..., ту самую революцию, что подкатила их на гребнях своих мутною пеной к «высокому месту», с которого им разрешается «свободно» вырисовывать параллели между деятельностью охранников... и террористов.

Они говорят: стираются грани между модусом действия правительства и революционеров; насилие, откуда бы оно ни шло, справа или слева, подлежит одинаково суровому осуждению, ибо оно не только мешает правильному развитию государства, но и вносит полную деморализацию в страну.

Однако, говоря так, они знают, что лгут и клеветают на революцию; а лгут и клеветают они потому, что этого требует их политика. Здесь нет никакой «смуты в умах и сердцах»; здесь — один лишь голый расчет, продиктованный боязнью грядущей революции и одобренный максимами мещанской морали.

Совсем иное дело — широкие обывательские и трудовые массы. Тут киевская катастрофа действительно могла внести некое смятение в душу, заставивши сердца забиться безотчетною радостью и направивши умы по опасному уклону мысли.

И вот в самом деле.

С политической арены устраняется рукою никому не ведомого «мстителя» крупная историческая личность, с именем которой связано столько мук и страданий, разбитых жизней и надежд, столько насилий, слез и крови...

И вот израненное, но умиротворенное на мгновение сердце говорит: не хочу прислушиваться к голосу сознания, не могу разби-

ратся в сомнениях насчет тех средств, которыми было достигнуто устранение «злого гения России»; желаю только одного: забыться хоть на миг в сладком чувстве нравственного удовлетворения, — забыться и огласить всю землю радостным кличем — «Осанна неведомому мстителю за поруганную родину мою»!

А дальше на подмогу приходит лукавый, «лакействующий» разум и санкционирует властные требования сердца обычными в подобных случаях софизмами, весь смысл которых сводится к следующему: война есть, к сожалению, война, а на войне не приходится брезгать ни одним из средств, которым целесообразно пользуется противник; и если это правило оказывается приемлемым для обычных войн, то вдвойне, в стократ, приемлемее оно, когда речь идет о священных войнах, именуемых революциями; хорошо, конечно, вести «священную войну» и средствами «святыми», чистыми... Ну, а если они исчерпаны все? Как быть тогда?..

Так могут «стираться грани между модусом действий правительства и революционеров» в представлении широких трудовых и обывательских масс; так может преломляться в сознании их «киевская катастрофа»; так может осветить ее — с некоторыми нюансами в силлогизмах, конечно — и кто-нибудь из революционеров.

Вот почему мы считаем долгом сказать еще раз: — Нет, решительно и бесповоротно — нет!

Террор был и остается для нас одним из орудий революционной борьбы за лучшее будущее. Это верно.

Но если кадеты сознательно и тенденциозно «стирают грани», отделяющие действия охранников от действий террористов; если в смущенную суровою действительностью душе широких трудовых и обывательских масс эти грани порою затушевываются; если, наконец, они временами сливаются даже в представлении какого-либо революционера с расшатанным душевным равновесием и действующего под давлением кошмарных переживаний, то для нас тут всегда была и остается не «грань», а пропасть, целая бездна, которую ничем не засыплешь, не сгладишь.

Террористический акт полон глубокого драматизма не только для тех, против кого он направлен. Эту сторону террористического акта особенно энергично подчеркивают люди с мещанскою душой, украшенной мещанскими добродетелями, совершенно забывая о другой, несомненно более тягостной стороне его — забывая о той трагедии, которая падает на долю человека, поднявшего меч и нанесшего удар.

В муках, связанных с коллизией между императивами «не убий» и «не должен», в кристальной чистоте намерений, заставляющих преодолеть естественное чувство отвращения к убийству, в исполненной героизма личной ответственности, которую берет на себя всецело террорист, и наконец, в безупречности тех средств и путей, которыми осуществляется террористический акт, — ведь в этом и заключается моральное оправдание террора. Выкиньте из

данной схемы хотя бы один из элементов ее, и террористический акт неизбежно потеряет все свое моральное значение.

Деяние Богрова в эту схему не укладывается, и потому мы обязаны произвести тут свой решительный, строгий, но справедливый приговор.

Все киевское дело по сей день окутано глубокой тайной: сведения о личности Богрова идут из охранно-полицейских источников, а этого вполне достаточно, чтобы отнестись к ним с чрезвычайной осторожностью.

Мы не знаем, кто такой Богров. По одной версии, он — расклевывшийся охранник, по другой, — анархист, поступивший в охрану с революционными целями. Быть может, есть какая-либо третья, пока еще необнаруженная, но соответствующая действительности? Неизвестно...

Допуская даже, что Богров — анархист, решивший поступить на службу в охрану с революционными целями, мы все же не имеем никаких данных для суждения о том, что привело его к такому решению. Легкомыслие? Недостаток моральной чуткости? Наклонность к авантюрам? Или, быть может, безрассудная уверенность, что при наличности царящей кругом апатии и разрухи человеку с революционным темпераментом остается лишь одно: действовать на свой личный страх и риск? Опять-таки неизвестно...

Мы можем с уверенностью констатировать лишь два факта. Первое: Богров, несомненно, какою-то ценою — большою или малою, это существа дела не меняет — купил то исключительное доверие, которое оказала ему охрана и благодаря которому он сумел попасть на торжественный спектакль в Киеве. Второе: с момента выстрела в театре, вплоть до петли на шее Богров держал себя с достоинством, благородно, геройски.

Эти два факта ярко и определенно выступают на фоне догадок и предположений, связанных с киевским делом. По ним пусть судят Богрова — человека. Но Богров — революционер бесповоротно осужден. Ибо кто бы ни был он, какими бы мотивами и целями ни руководствовался, «заслуживая» доверие Департамента полиции, и как бы высоко ни оценивалось общественно-политическое значение совершенного им акта, — перед судом революционной этики нет и не может быть оправдания для действий, идущих от охраны или через охранку к революции. Нет и не должно быть точек соприкосновения, затушеванных, стершихся или слившихся воедино граней между двумя мирами, разобщенных навсегда бездною. Тут — межа, предел. Пусть перешедший ее держал себя с достоинством и благородно перед лицом озверевших холопов и продажных судей. Пусть умер он героем. Это ослабляет, смягчает приговор над человеком, но не примиряет с революционером...

Знамя труда, 1911. № 38, октябрь.

№ 21

ЕЩЕ РАЗ О ТЕРРОРЕ

Убийство Столыпина — особенно в первое время, когда повсюду этот акт был воспринят как акт партийного революционного террора, — вновь поставило перед всем миром вопрос о возрождении политического террора в России. Этот вопрос обсуждался, можно сказать, во всех странах, лицами различных направлений, с различных точек зрения. Многие из этих суждений были приведены нами в прошлом номере «Знамени труда». Мы умышленно обошли один отзыв, появившийся в центральном органе немецкой социал-демократии, и обошли мы его потому, что хотя появился он в немецком органе, но представляет не иностранное, а русское мнение.

В № 219 «Vorwärts'a» (19 Sept.) была помещена статья под заглавием «Возрождение политического террора в России». Редакция газеты предпослала ей замечание: «Из русского социал-демократического источника нам пишут».

Возвращаемся мы в настоящее время к этой статье не ради возобновления давно исчерпанной полемики с с.-д., а ради того крупного вопроса, который ставится в ней и который для нашей партии является одним из наиболее жизненных: имеет ли террор при современных политических условиях какое-либо политическое значение?

Вернемся к первым дням, последовавшим за событием в Киеве. Забудем все то, что мы теперь знаем о Богрове. Будем думать, как думал в то время весь мир, что покушение в киевском театре — акт партийного политического террора и что исполнитель его — верный революционной этике незапятнанный террорист.

В таком понимании убийство П.А.Столыпина, притом в глазах царя, произвело повсюду огромное впечатление. И в России, и за границей этот акт могли сравнить только с убийством В.К.Плеве. Но если по лицу, ставшему жертвой последнего террористического акта, и по силе впечатления, произведенного им, убийство Столыпина вызывает в уме параллель с 15-м июля 1904 г., то в других отношениях выступают очень большие различия.

Убийство Плеве произошло в эпоху растущего и вширь и вглубь общественного движения, начавшего проявляться в крупных, ярких фактах с самого начала нового столетия и лишь обострившегося под влиянием первых военных неудач. Оно стоит в самой середине восходящей линии волны. В эпоху убийства Плеве революционные и оппозиционные партии были в периоде энергичного роста и организационного строительства, а элементы консервативные и реакционные — в состоянии аморфном и рассеянном. В настоящее время, наоборот, организации реакционные после пережитых в 1905—1906 гг. страхов и под дождем всяческих милостей и «темных денег» расцвели пышным цветом, а партии ре-

волюционные все еще не вышли из тяжелого кризиса. Убийство Плеве ломало преграды и расчищало путь нараставшему революционному движению, убийство Столыпина заканчивает минувшее движение, сводя в могилу могильщика революции.

Это различие в политической конъюнктуре проявилось и на отношении различных слоев населения к убийству Плеве и Столыпина. Смерть Плеве от руки Сазонова приветствовалось тогда все наше либеральное общество. По свидетельству П.Б.Струве, русское «общество было охвачено чувством радости и удовлетворения», убийство было санкционировано всеобщим сочувствием. Теперь «общественное» сочувствие — притворно или непритворно, — несется по другому адресу; оно окружает семью убитого Столыпина — и это совершенно независимо от личности убийцы. Тогда взрыв бомбы Сазонова, по теперешнему признанию даже «русского с.-д. источника», «облегчил вследствие наступившего замешательства, также и массовые революционные действия рабочих и крестьян», был «искрой, зажегшей высокое пламя». Теперь мы ничего подобного не можем ожидать и не видим.

Значит ли это, что в настоящее время, при теперешней политической обстановке террор не имеет никакого политического значения? Автор разбираемой статьи так и думает. Он полагает, что «контрреволюция своей шестилетней интенсивной деятельностью создала себе основу, которая не даст устранить себя револьверными выстрелами отдельных революционеров. Крупная земельная собственность и крупная буржуазия в союзе с бюрократией... не согласны добровольно уступить ни пяди своего политического господства. Либеральная мелкая буржуазия... уже давно отреклась от своих «революционных грехов»... В то же время крестьянство совершенно истощено и раздирается сильными внутренними распрями, а рабочий класс находится еще в самом начале своего нового подъема». При таком положении страны киевское покушение, по мнению автора статьи, «имеет только ту политическую ценность, что является перед правителями, как угрожающее мене-текель».

Бесспорно, современная политическая конъюнктура неблагоприятна ни для какого революционного движения, в том числе и для террора, и для террора отнюдь не в большей степени, чем для всякого другого. Политическая атмосфера в настоящее время слишком густа, слишком затхла и плохо передает на расстоянии всякую энергию. Теперь нельзя ждать «вспышки высокого пламени» под влиянием террористического удара, как во времена Плеве. Но теперь нельзя ждать такого результата и ни от какого другого действия. Возьмем ли мы проявление аграрных волнений, фабрично-заводские забастовки, они также не имеют теперь той заразительности, той возбуждающей силы, какую они имели накануне русской революции. Еще менее находит отклика словесная пропаганда и агитация. Пока что район действия всех этих проявлений революционной энергии весьма невелик. Всякий результат требует в настоящее время затрат гораздо больших усилий, чем когда мы

находились на восходящей линии волны. Значит ли это, что мы должны оставить всякие усилия и сложить на груди ненужные руки?

Такой вывод был бы законен только в том случае, если бы наши усилия не давали никакого положительного результата, если бы они пропадали зря. Но ведь этого нет, это мы знаем. Потребность в нашем слове велика, еще больше потребность в нашем действии.

Таким образом, аргументы, почерпнутые автором из общего политического положения страны, ничего не говорят специально против террора. Против актов центрального террора они говорят даже гораздо меньше, чем против иного революционного действия. Ибо как-никак, а эти акты наиболее громки, наиболее волнуют и потрясают всех. Они слышны повсюду, и если они намечены и проведены удачно, если они понятны массам и действительно отвечают оскорбленной совести и попранному достоинству трудового народа, то их влияние, при самой неблагоприятной (для революции) политической конъюнктуре, не может не быть огромно и благотельно. Быть может, оно не проявится в немедленных действиях. Но нравственная атмосфера станет здоровее, нормальнее.

Автор статьи в «Vorwärts» вытаскивает, правда, из архива партийной полемики заезженное возражение, что террор будто бы может понизить самостоятельность рабочего класса. Не стану трогать эту давно исчерпанную тему. Скажу одно: с.-д.-ты выдвигали это возражение и во время Плеве, а вот теперь автор вынужден признать очевидность, что акт Сазонова «был искрой, зажегшей высокое пламя». Будем надеяться, что в будущем они признают неосновательность и теперешних своих опасений.

Вопрос о целесообразности террора в настоящее время сводится к вопросу, как мы это время понимаем. Террор есть борьба с оружием в руках, открытая гражданская война. Но есть ли класс в России, который был бы **ВЫНУЖДЕН** вести такую гражданскую войну, который хотел бы ее вести в настоящее время? Чтобы быть в таком положении, недостаточно одного непримиримого противоречия интересов рабочего класса с основами современного строя. Надо, чтобы это противоречие стало для него вопросом жизни и смерти.

Так это и было, по общему признанию, накануне революции. Крестьянство было доведено прогрессирующим малоземельем до полного разорения, и это разорение ставило крайне узкие рамки и для нашего промышленного развития. Россия оказалась в безвыходном кругу. Изменилось ли что-нибудь в этом смысле?

Если допустить, что аграрными мероприятиями правительства действительно раскованы производительные силы России, как утверждают апологеты правительственной политики, что Россия действительно вышла из тупика на путь широкого развития, то мы должны будем признать, что история достигла своих существенных целей, хотя и путями, очень мало удовлетворяющими нас.

Мы должны будем признать, что настоящим революционером, революционером для настоящего времени, явился Столыпин со своим землеустройством, как уверяет в том г. Меньшиков в «Новом времени»; а мы в лучшем случае поторопились со своей «музыкой будущего». Ближайшие десятилетия представили бы при таком понимании такую картину: крестьянство, разделяя общинную землю, расселяясь по хуторам, выпирает из деревни все слабые, негодные, неприспособленные для самостоятельного хозяйства элементы. Скупая наделы этих вытесненных элементов, расширяя свое землевладение на счет казенных, удельных и частновладельческих земель, оно складывается в класс крепкого, сильного крестьянства — истинную опору монархических и буржуазных начал. Осев на собственной земле в наилучших условиях для ее эксплуатации, оно колоссально разовьет производительные силы в земледелии и создаст огромный рынок для продуктов промышленности. В свою очередь, развивающаяся на этой базе промышленность без труда поглотит весь избыток сельского населения, вытесняемый аграрной реформой из деревни.

И если это не голая логическая схема, а живая, творимая и создающаяся действительность, если эта действительность уже дает себя чувствовать энергичным биением пульса во всех концах страны, в каждом городишке, указывая каждому его место и его дело, — то нового взрыва революции, по крайней мере, в течение ближайших десятилетий ждать не приходится. Этот грандиозный процесс перестройки всего хозяйственного организма России захватит всецело на много десятилетий и крестьянство, и рабочий класс. И не только захватит, но и поднимет уровень их жизни, притупит недовольство.

Если так мы смотрим на происходящее на наших глазах разрушение общины, то мы должны будем признать, что те горячие элементы, которые скопила предыдущая история, выгорели без малого дотла, что накипевшее недовольство вылилось вполне. Мы пока что идем к успокоению, а не к новому близкому обострению борьбы. Правда, репрессии еще жестоки, и тяжел гнет. Чувствуются еще страсти недавней схватки. Нет-нет, сверкнет молния, прогремит гром. Но гроза явно удаляется, и солнце уже блещет на освеженной земле.

В такой концепции для террора нет места. Он осужден на вымирание. Конечно, классовая борьба не прекратится. Но в условиях энергичного подъема земледелия и промышленности она лишится той остроты, той грубости и интенсивности, которая отличала ее в последнее время у нас. Европеизируется репрессивный аппарат власти, а рабочее движение примет обычные, повседневные формы.

Таково построение, энергично пропагандируемое правительственной и октябристской прессой. Но нельзя сказать, чтобы оно было вполне чуждо крайним левым. Тот взгляд, что разрушение общины может повести к образованию крепкого, зажиточного

крестьянства, нет-нет да и мелькнет в непрекращающихся толках о грядущих судьбах общины и крестьянства. И если из этого допущения не делаются все социально-политические выводы, то только вследствие недостаточной продуманности.

Ничто, однако, не предвещает, что эволюция идет в эту сторону.

Здесь не место разбирать этот вопрос во всем его объеме. Но нельзя не указать, что вместо могучего подъема крестьянского благосостояния — без чего Россия не сдвинется с мертвой точки, — мы имеем пока что неурожай и голод в 20 губерниях. Пусть впечатлительные экономисты, вроде Тугана-Барановского³³⁴, восклицают, будто «на смену господина Урожая» к нам пришел уже «господин Капитал». Более осмотрительный орган объединенных промышленников («Промышленность и Торговля»³³⁵) все еще ждет движения воды от прежнего «господина» и полагает, что «подъем сильного хозяйства... есть коренная задача нашего экономического будущего». И он, конечно, ближе к истине, чем ученый экономист. Неурожай уже повел за собой сжатие мануфактурного рынка и сокращение производства на целом ряде мелких и средних предприятий во Владимирской губернии, восточные города переполнены ищущими работы голодающими крестьянами — знакомые черты нашего старого дореволюционного быта! Все остается, как было. И даже по свидетельству самих реформаторов, гг. Столыпина и Кривошеина³³⁶, на насажденных ими хуторах возрождается старая рутинная сельская Русь, беспомощная, убогая, бескапитальная.

На этой ли основе перестроится наш политический быт, наши нравы, наши партии?

Англии после бурных волнений чартизма³³⁷ история подарила десятилетия «социального мира», в течение которых правящие классы могли по кусочкам осуществить почти все, чего требовала знаменитая «хартия». Грандиозное развитие производительных сил было материальной основой относительного «социального мира»; политическая опытность правящих классов, воспитанная веками конституционной практики, была его повивальной бабкой.

Германия, выступившая позже на дорогу промышленного развития успела все-таки протиснуться в первые ряды промышленных стран. Далекая от «социального мира», она, однако, могла на основе необычайно быстрого экономического роста, хотя под эгидой железного канцлера³³⁸, создать сравнительно свободные формы своего политического быта и поднять экономические, культурные и социальные условия существования своего трудового населения. Борьба рабочего класса могла здесь отлиться в формы широко организованного, сравнительно спокойного движения с ярко революционной идеологией.

Австрия, развившая свою промышленность, значительно более слабым темпом прошла этот путь развития далеко не так гладко и

спокойно, и классовая борьба рабочих очень долго была окрашена анархистскими выступлениями.

Россия начала развивать свою промышленность позже других стран. Велики ли ее шансы на такое же быстрое и могучее развитие ее, какое пережила Англия, не имевшая рядом с собой соперников и имевшая рынком весь мир? Велики ли ее шансы иметь свою эпоху «социального мира», когда и старшие ее братья уже вышли из нее, вступили в полосу новых обострений? Может ли она надеяться, что ее буржуазия, ее правящие классы вдруг проникнутся любовью к свободе и искренним, широким либерализмом?

Если кто и питает эти мечты, им не суждено осуществиться. Развитие России пойдет и впредь туго, тяжело, судорожно. Русская буржуазия, невежественная, политически неразвитая, если бы даже она обладала мудростью английских правящих классов, не смогла бы пожелать отказаться от тех средств, которые имеются в руках самовластной бюрократии. В тех великих социальных битвах, приближение которых чувствуется в западных странах и заставляет западную буржуазию вздыхать о «сильной власти», официальная Россия видит грозное предостережение против «излишней» уступчивости и мягкости.

«Начинайте вы, господа убийцы!», — говорило столыпинское правительство по адресу красного террора. Это любезное приглашение относилось и к нашей партии, поскольку она признавала террор. И если бы вопрос и в самом деле состоял в том, кому первому начать, мы бы высказались за прекращение террора.

Но мы знаем хорошо, что это не прекратило бы белого террора, это не повело бы даже к ослаблению репрессий. Ни правительство, ни правящие классы не пожелают уступить ни пяди из своей неограниченной власти. Ибо не изменились основные факты жизни, определяющие характер классовой борьбы в России.

А пока против незащищенных прав народа стоит вооруженный с ног до головы произвол власти, мы не можем отказаться от последнего оружия революции — террора.

Знамя труда. 1912. № 39, январь.

№ 22

ПРЕНИЯ НА 4-й ЗАГРАНИЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ГРУПП СОДЕЙСТВИЯ ПСР ПО ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПАРТИИ НА ВЫБОРАХ В 4-ю ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ³³⁹

Максимов³⁴⁰. Я являюсь сторонником бойкота Государственной думы. На разделяет от сторонников участия в ней прежде всего понимание современного момента, определеннее всего сказавшееся в речи т. Ант. Савина³⁴¹. По его мнению, силы, которые

были накоплены в предыдущий предреволюционный период, разряжены во время революции; мы вступили в период медленного и долгого накопления сил, нам предстоит продолжительная работа пропаганды, и вот ради этой-то пропаганды нас и зовут в Думу. Мы не так понимаем современное положение. Мы думаем, что силы отнюдь не растрчены, что то недовольство, которое накоплено предыдущими десятилетиями, отнюдь не разрядилось, жизнь не поднята до уровня сознания. Напротив, разрыв между сознанием и жизнью, между пробужденными потребностями и их удовлетворением теперь больше, чем когда-либо, благодаря тому подъему сознания, которое имело место в революционный период. Движение задерживается не отсутствием недовольства, не отсталостью сознания, а сознанием бессилия добиться чего-либо голыми руками против врага, вооруженного штыками и пушками. Нужна прежде всего организация сил в стране, организация нелегальная, организация на почве легальных возможностей, — но этой организации участие в выборах нам дать не может по самому характеру избирательной процедуры по многочисленным мелким куриям, по нескольким степеням и в атмосфере полного подавления свободы слова, печати, собраний, союзов.

Сторонники участия в Думе смотрят на нее, как на трибуну; они зовут туда для пропаганды. Но ведь эта трибуна может быть для нас ценна, если оттуда идет наша пропаганда. Но можем ли мы при теперешней нашей разбитости завоевать для себя эту трибуну? Ведь даже в 1907 г. во второй Думе, когда мы имели повсюду сильные организации и выборы происходили по гораздо более благоприятному для нас закону, мы имели представительство, стоящее далеко не на высоте тех задач, которые на нем лежали. И тогда нам приходилось часто краснеть за это представительство. Чего же можно ждать теперь, после того как репрессии так основательно очистили наши ряды, когда организации наши разбиты, свобода агитации стеснена более, чем когда-либо и избирательный закон искажен так, что за крестьянами и рабочими оставлено, в сущности, лишь право участвовать в выборной процедуре, но не прямо посылать своих представителей в Думу? Можно быть уверенным, что мы не будем иметь в Думе достойного представительства, которым мы могли бы гордиться. С этим считается и тов. Авксентьев, но говорит, что наша слабость не есть аргумент за бойкот: если мы не будем в состоянии провести своих депутатов, мы будем поддерживать на выборах другие партии. Это было бы логично только в том случае, если бы в Думе мы видели орган обновления России, а не только трибуну. Считая же ее исключительно трибуной, как может тов. Авксентьев призывать партию помогать другим партиям овладевать этой трибуной? Ведь депутаты других партий, прошедшие при нашей поддержке, поведут оттуда свою пропаганду, а не нашу. При таком взгляде на Думу, наше бессилие провести в Думу достойных представителей нашей пар-

тии, способных повести оттуда **достойным образом** нашу пропаганду — говорит против участия в Думе и в выборах в нее.

Тов. Авксентьев, указывая на рост абстенционизма (воздержания от участия) во время последних выборов в Москве³⁴², особенно резко проявившегося в рабочих кварталах, считает это явление реакционным, признаком понижения политических интересов в массе, ибо он не видит никаких других политических доказательств. Утверждение совершенно произвольное. Со своей точки зрения на переживаемый нами момент я могу дать этому факту совершенно произвольное толкование. Воздержание от участия в выборах увеличилось потому, что шире распространилось сознание, что Дума 3-го июня ни в коем случае не может явиться органом обновления России, что она не есть парламент, а лишь видимость парламента, что она не имеет даже и того организационного и агитационного значения, которое видели в ней некоторые в 1907 г. и которое заставляло их принимать участие в выборах 1907 г. Словом, я могу видеть в этом воздержании не рост политического индифферентизма, а рост политического понимания, рост сознания, что только путем вооруженного восстания может быть свергнуто самодержавие; и Россия может получить желанную свободу. Если же это сознание не проявляется ни в каких других «оказательствах», то только потому, что его сковывает сознание бессилия. Наша партия своим бойкотом 3-й Думы хотела укрепить и распространить это настроение в широких массах. И теперь, видя прогресс этого сознания, его распространение, видя успехи этой своей тактики, — неужели она откажется от бойкота и своим участием в 4-й Думе начнет игру на понижение? Мы хотели этого абстенционизма, — и теперь, видя его прогресс, неужели же мы испугаемся его, увидим в нем регресс политического сознания и рост индифферентизма?

Отказаться от бойкота и принять участие в выборах (притом без надежды провести достойных представителей партии) значило бы нанести удар тому самому революционному настроению в массах, которое мы укрепили бойкотом 3-й Думы.

Вот почему я призываю партию бойкотировать 4-ю Думу.

Дикий³⁴³. Вопрос об отношении к 4-й Думе — вопрос большой, сложный, весьма серьезной политической важности. Вот почему о нем приходится говорить осторожно, взвешивая всесторонне всю совокупность предъявляемых современной русскою действительностью «реальных возможностей» — если мы действительно желаем быть «реальными политиками». Вот почему и речь тов. Н.Д.[Авксентьева], настаивающая на необходимости нашего участия в выборах в 4-ю Думу, заставляет меня серьезно призадуматься и вызывает ряд вопросов, на которые желательно было бы иметь точные ответы.

Тов. Н.Д., говоря об отношении нашей партии к 3-й Думе, утверждает, что тогда мы не могли предвидеть, что реакция окажется столь решительной — тогда не дооценили мы размаха ее. Ну, а

теперь, предлагая идти в Думу, не переоцениваем ли мы размеры этого размаха? Не впадаем ли в другую крайность?

Тогда — продолжает тов. Н.Д. — была, по крайней мере, возможность бойкота, и мы, в меру сил своих, провели его. Теперь возможность бойкота падает. Если так, если возможность бойкота сейчас падает, то имеются ли серьезные основания предполагать, что возможность участия в выборах повышается?

Бойкот в настоящее время был бы лишь пассивным, говорит т. Н.Д., принимая, очевидно, в соображение и политическую «конъюнктуру» страны и состояние наших партийных организаций. Прекрасно. Но откуда видно, что при тех же условиях наше участие в выборах будет активным, а не призрачным?

Отвечая для себя лично (подчеркивая это) на все эти вопросы, я склонен думать, что наиболее правильное — политически правильное — отношение партии с.-р. к 4-й Думе должно было бы выразиться в лозунге: «Ни участие, ни бойкот!»

Основной постулат «реальной политики» — это более или менее правильный учет «реальных возможностей». И вот, учитывая в меру разумения своего и настроение широких масс по отношению к Государственной думе, и политические — точнее, полицейские условия страны, и размер наших партийных сил, и состояние наших партийных организаций, я сказал бы: идите мимо Думы, ведите себя так, как если бы никакой Думы у нас не существовало. Это, скажут, своего рода политическое мальтузианство, воздержание. Да — воздержание, но только не от политики вообще, а от выборов и бойкота Думы.

Н.Белов³⁴⁴. Когда четыре года назад партия решила бойкотировать Думу — она не могла поступить иначе. В этот момент еще не сознавалось нами достаточно ясно, что революционное движение клонится к полному упадку; этот упадок тогда еще только намечался и, казалось, стоило только революционной партии употребить какое-либо сильнодействующее средство, вроде удара в «центр центров» — и уклон этот будет задержан.

Что значила Дума 3-го июня, когда то, что одно только могло изменить коренным образом существующее положение — вооруженное восстание — казалось еще возможным и близким? И мы были правы, констатируя всеобщее равнодушие к Думе. Мы были правы, рассчитывая увлечь народные массы тактикой бойкота.

Мы были правы тогда, в июле 1907 года. Но мы ошиблись в прогнозе будущего. Наступила темная реакция. И если раньше политикой было пропитано все пространство земли русской, то в эти дни, когда массы ушли от политики, когда политические партии были разбиты, Дума явилась почти единственным местом, где плохо ли, хорошо ли, но все же продолжал еще биться пульс политической жизни страны. В первые два-три года существования Думы наше отсутствие в ней было еще почти безразличным, на Думу все равно не обращали внимания.

На предстоящих выборах в 4-ю Думу тактика бойкота не будет иметь ровно никакого успеха. Абсетеизм и индифферентизм избирателей не будут так велики, как это было на выборах в 3-ю Думу. Наоборот, можно предвидеть, что момент выборов будет сопровождаться большим политическим подъемом; что массы примут в нем участие; что избиратель приложит все усилия, чтобы Дума была возможно левее.

Кончая, мне хотелось бы сделать еще несколько возражений предыдущим ораторам. Прежде всего почти все они не являлись принципиальными противниками участия нашей партии в выборах. И если они высказывались против участия, то только исходя из фактической для нас невозможности провести в Думу своих депутатов.

Я не смотрю на дело так пессимистически. Но предположим, что мы действительно не сможем провести своих депутатов. Что же случится? Ничего. Мы можем сказать тогда: «Сделали, что могли». Нашею задачею было сделать Думу возможно левее — мы приложили к этому все усилия. И не наша вина, что правительство и избирательный закон оказались сильнее нас. Оказались... Но ведь может случиться, что и не окажутся. Почему же не попытаться?

Говорят, у нас нет сейчас организаций, нет сил, кто же будет участвовать в избирательной кампании? А найдутся силы для проведения бойкота? — спрошу я. Еще меньше. Наоборот. Все шансы за то, что для избирательной кампании сплотятся широкие слои сочувствующей партии публики, ушедшие от работы товарищи и т.д. И, быть может, выборы в Думу явятся одним из стимулов к объединению партийных сил.

Говорят еще: «Пусть партия, как таковая, не принимает участия в выборах. Но отдельные товарищи пусть проходят, и мы будем их проводить. Это и непонятно и нелогично. А почему же и партии не выставлять партийных кандидатур и не призывать избирателей к проведению их? По-видимому, в нежелании видеть это играет роль, главным образом, боязнь, что партия, может статься, совсем не будет в состоянии провести своих депутатов. Но что же, разве это послужит доказательством слабости партии, будет унижать ее авторитет, будет компрометировать ее? Еще раз: ничуть. Избирательный закон и правительственная политика всем ведь известны. И опять: почему же не попытаться? Ведь находят же и возможным и рациональным «пытаться» отдельным товарищам?»

Лаврецкий³⁴⁵. Я вполне разделяю точку зрения, что вопрос об участии партии в выборах в 4-ю Государственную думу — не есть вопрос принципа, а является вопросом тактики или, иначе говоря, вопросом политической целесообразности. Мы не анархисты, не антипарламентаристы, мы социалисты-государственники. И все-таки, несмотря на эту оговорку, я решительно высказываюсь против участия партии в 4-й Государственной думе. Партия не должна выставлять партийных кандидатов, не должна вести за них агита-

цию. Я не буду оспаривать многих доводов сторонников хождения в Думу, в том числе и тов. докладчика. Не менее их я признаю смысл и значение использования в интересах трудового народа такой гарантированной «легальной возможности», какою является относительно свободная трибуна даже нашей черносотенной Думы. Но при данных политических и полицейских условиях мы туда, как партия, без весьма значительных изменений в нашей тактике, попасть не можем.

Я не стою на точке зрения т. Ант. Савина и ради мнимых «легальных возможностей» — не считаю возможным вложить боевой меч в ножны, т.е. отказаться от тактики террора. А раз так, то надо быть последовательным: надо выбрать или путь приспособлений, или путь борьбы. Скажу более, о нашей последовательности позаботится само торжествующее правительство Столыпина и К^о. Оно, несомненно, найдет возможность так или иначе устранить ее. Примеры бывали уже на раз, и трудно понять, кому и зачем нужны еще новые и совершенно бесцельные жертвы на алтаре избирательной кампании. Свинья слопает эти жертвы охотно, и даже не поперхнется, а публику теперь ничем не удивишь: ни обилием белоснежных бюллетеней, ни безвременно погибшими агнцами — кандидатами левых партий. Словом, игра не стоит свеч, и наша партия в 4-ю Думу идти не должна.

Но это не значит, что она непременно должна объявить ей бойкот. Нет. Теперь тактика бойкота была бы нецелесообразной, ибо никаких иллюзий относительно Думы страна не имеет, и никто нынешнюю Государственную думу выразительницей народной воли не считает, но роль ее в качестве свободной трибуны, в качестве отдушины в затхлой атмосфере современной реакции, заметна всем. Вывод ясен: и не за выборы, и не за бойкот, а за продолжение революционной работы партии в массах в прежнем духе. В интересах же использования Государственной думы как легальной трибуны партия может разрешить отдельным своим членам выставлять свои личные кандидатуры и проходить в Думу за свой собственный страх и риск.

Н.Д.Авксентьев. (Заключительное слово докладчика.) Мое мнение, что партия должна принять участие в выборах в 4-ю Государственную думу, оспаривалось здесь с двух точек зрения: одни говорили, что надо сохранить нашу прежнюю тактику, т.е. бойкотировать и 4-ю Думу, а другие, как тов. Дикий и Лаврецкий, стояли за новую, своеобразную тактику, выраженную ими словами — ни бойкота, ни участия в выборах.

С этой последней точки зрения я и начну. Я не согласен с мнением о необходимости бойкотировать 4-ю Думу. Но я его понимаю. Ибо — правильно или нет — но это мнение, указывающее политической партии определенную политическую линию поведения. Но я отказываюсь понять то своеобразное политическое мальтузианство, как выразился сам тов. Дикий, которое защищает он. Пока политическая партия, как бы слаба она ни была, хочет жить

и проявлять себя, она не может, не имеет права не устанавливать совершенно определенно и недвусмысленно своего отношения ко всем явлениям и институтам политической жизни страны. А раз так, то она не может не делать из этого отношения и определенных выводов и не претворять их в действия. Поступать иначе — значит выдать себе *testimonium paupertatis*³⁴⁶, на которое не может идти ни одна политическая партия, не вычеркивая себя тем самым из числа живущих и действующих.

Тов. Дикий утешает нас, что это воздержание не от политики «вообще», а лишь от «выборов» и «бойкота Думы». Плохое утешение. Можно разное относиться к факту участия в выборах в Думу и в самой Думе. Но нельзя отрицать, что Дума и думская деятельность является крупнейшим политическим фактом в жизни страны, что на ней сосредотачивается внимание политически мыслящих людей. И этот-то крупнейший факт нам предлагают игнорировать. Нам предлагают своеобразную формулу: идти мимо Думы «вести себя так, как будто никакой Думы у нас не существовало». Едва ли этот рецепт может быть принят какой-либо политической организацией, достойной этого имени, ибо ее первая и повелительная обязанность — строго учитывать все элементы политической действительности, анализировать и использовать все видоизменения ее, строить свою тактику в зависимости от этих элементов и их учета, а не действовать вне времени и пространства, — так, как бы этих новых элементов и «не существовало».

Такая тактика и продиктована может быть только какой-то приватной, «домашней» точкой зрения на политическую партию. Смысл политической партии, ее значение: — или руководить теми массами населения, которые в нее входят, или — на худой конец, при невозможности включить пока в себя эти массы, по крайней мере апеллировать к ним, пытаться придать их действиям желательное для партии направление. Только этой связью и жива партия, только в ее силе и размерах и выражается сила и значение самой партии. Формируя свой взгляд на 4-ю Думу и необходимость той или иной тактики по отношению к ней, мы устанавливаем не частное правило поведения для того или иного кружка лиц, — мы апеллируем к стране, мы стремимся вызвать определенный политический результат, мы агитируем. Но какой же смысл приобретет в таком случае формула — «идти мимо»? Трудовая масса живет в тех реальных политических условиях, которые создались в стране. Для нее Дума — факт, к которому она должна проявить, в особенности во время выборов, определенное отношение и подкрепить это отношение своими действиями. Она стоит перед вопросом: как проявить себя во время выборов? Для нее возможна лишь такая альтернатива: или идти к урнам, или не идти, и, стало быть, бойкотировать выборы — пассивно или активно.

И в этот момент партия заявляет: а я просто «иду мимо», я веду себя так, как «если бы никакой Думы у нас не существова-

ло». В глазах населения это может и должно приобрести лишь одно значение: партия на этот чрезвычайно важный политический акт не имеет определенного ответа. Она отказывается решить его, она уходит от политической злобы дня, бессильная дать ту или иную директиву. Можно ли больше политически дискредитировать партию?

Но этого мало. Ведь и отдельные члены партии суть не только члены партии, но и граждане, которые могут так или иначе проявлять себя в общественно-политической жизни страны, в зависимости от точки зрения партии. Как же они должны понять эту директиву, вытекающую из соображений: «как будто Дума не существует»? Им тоже нужно или выбирать, или не выбирать и обосновывать то или иное свое отношение к выборам перед другими. Они не могут идти «мимо». Ясно, что они должны истолковать это решение партии только как *carte blanche*³⁴⁷ для себя: партия идет «мимо», а ты — как знаешь. К этому выводу действительно и приходит тов. Лаврецкий. По его мнению, «партия может разрешить отдельным своим членам выставлять свои личные кандидатуры и проходить в Думу за свой собственный страх и риск». Но отсюда вытекает, очевидно, и обратное: партия, идущая мимо Думы, не может запретить тем из своих членов, которые должны проявить то или иное свое отношение к выборам в Думу, бойкотировать эти выборы и проводить этот бойкот тоже «за свой собственный страх и риск». Таким образом, пока тов. Дикий «для себя лично» (?) решает, что некая отвлеченная партия должна идти «мимо» Думы, на деле конкретные члены партии будут предоставлены своему собственному «страху и риску», и одни будут агитировать за выборы и проводить своих кандидатов или проходить сами, а другие тут же будут подвергать этих кандидатов бойкоту и призывать к бойкоту население. Нечего сказать — хороший урок «реальной политики»! Нет — реальная политика выражается в политическом действовании, а не в воздержании от него, — частичном или полном — безразлично. Поэтому, в противоположность предлагающим формулу «ни бойкота, ни выборов», по-моему мнению, партия должна стоять лишь перед такой альтернативой: или участие в выборах или бойкот. Третьего для нее политически не дано.

Перехожу к доводам в пользу бойкота. Все соображения проповедника «воздержания», тов. Дикого, заставляющие его прийти к его решению, содержатся, в сущности, в аргументах бойкотиста тов. Максимова: только там они выражены в виде вопросов, а здесь в аподиктической форме. Самым важным пунктом, определяющим их тактику, является в глазах тов. Дикого, и в глазах тов. Максимова их оценка переживаемого момента. Тов. Дикий, цитируя мои слова, что отношение наше к третьей Думе диктовалось отчасти тем, что мы не дооценили размаха реакции, спрашивает меня, не переоцениваю ли я ее размаха теперь, рекомендуя идти в 4-ю Думу? А тов. Максимов совершенно определенно указывает, что по его мнению, его, бойкотиста, отделяет от сторонни-

ков участия в выборах прежде всего «понимание современного момента». Сторонники выборов (особенно ярко, по его словам, это сказалось в речи тов. Ант. Савина) думают, что мы вступили в период медленного накопления сил, так как раньше накопленные силы растрачены в революции. Наоборот, он полагает, что «силы отнюдь не растрачены», что «движение задерживается не отсталостью сознания», а лишь «сознанием бессилия добиться чего-либо против врага, вооруженного штыками и пушками». Поэтому прежде всего нужна организация сил в стране, организация нелегальная, организация на почве легальных возможностей. Дума же в этом направлении ничего дать не может. Таковы, коротко, его доводы.

Я полагаю, что все эти доводы бьют совершенно мимо цели, ибо можно быть в значительной мере согласным в оценке момента с тов. Максимовым и, несмотря на это, стоять в то же время на точке зрения необходимости участвовать в выборах в 4-ю Думу. Оставим тов. Ант. Савина, взгляды которого будет защищать он сам, ограничимся мною. Я в основном согласен с оценкой тов. Максимова. И по моему глубокому убеждению, недовольство, накопленное в дореволюционный период, отнюдь не разрядилось. Гордиев узел, завязанный русской политико-социальной действительностью, не только не разрублен революционным движением, а, наоборот, теперь затянулся еще туже. И я полагаю, что нужна прежде всего организация сил в стране: организация нелегальная и на почве легальных возможностей. Словом, и я думаю, что Россия не вступила на путь эволюции после революционной эпохи, нет: период революционный, период решительных столкновений еще впереди. Но что же из этого? Разве этой, общей точкой зрения можно ограничиваться, рассматривая такой конкретный факт, как участие в выборах в 4-ю Думу? Ведь и перед 2-й Думой мы не считали, что революционные силы растрачены, недовольство разрядилось; и тогда мы говорили о грядущей революционной борьбе. И однако мы шли в Думу! Очевидно, этих соображений недостаточно для определения тактики: необходимо принять во внимание еще специфические условия момента.

Для уяснения вопроса я позволю себе повторить вкратце аргументацию, развитую мною в докладе. Главным основанием для бойкота 3-й Думы являлось для нас тогдашнее положение страны. Население все еще находилось в состоянии острого революционного брожения: происходили там и сям вспышки, частичные движения, военные бунты. Вторая популярная Дума разогнана. Совершено грубое, неприкрытое клевтвопреступление: вопреки всем обещаниям и манифестам, изменен 3-го июня избирательный закон. При таком положении мы вправе были ожидать нарастания настроения и подъема революционного движения. Мы должны были использовать это положение. Мы должны были найти наиболее яркий фокус, на котором могло бы сосредоточиться движение, вокруг которого оно могло бы объединиться. Этим фокусом, этой

точкой опоры для нового объединенного подъема и должен был служить наш лозунг бойкота. На почве этого бойкота должно было соорганизоваться недовольство, вокруг него должен был создаться протест. Мы имели право ожидать этого, ибо настроение масс, с одной стороны, и яркость фактов, с другой, позволяли нам делать это. Бойкот 3-й Думы был методом претворить в объединенное действие революционную энергию масс. В результате бойкота мы надеялись получить новую революционную волну.

Не то положение теперь — ни со стороны фактов, ни со стороны настроения. Бойкот не может послужить теперь методом организации революционных сил. Бойкот не может стать теперь начальным пунктом нового движения. Несомненно, недовольство существует. Но нет брожения, нет вспышек. Внешне недовольство не выражается сейчас ни в чем. И бойкот приведет теперь только к тому, что мы оставим без использования одну — пусть и малую — возможность проявить себя, что мы не используем думской трибуны.

Мы отказываемся от всего этого. А что мы получаем взамен? Революционную работу, скажет, может быть, тов. Максимов? Поднятие революционного настроения? Ведь недаром же он кончает утверждением, что **«принять участие в выборах значило бы нанести удар тому самому настроению в массах, которое мы укрепили бойкотом 3-й Думы»**. Недаром, вторя ему, тов. Лаврецкий говорит, что он ни за выборы, ни за бойкот, а за **«продолжение революционной работы партии в массах в прежнем духе»**. Итак, может быть, замена здесь?

Нет, совершенно определенно отвечаю я: замены нет никакой. Ибо революционная работа, нелегальная организация, призыв к борьбе — все это необходимо, но все это не замена. Все это было, есть и должно быть **независимо** от того, каково наше отношение к выборам в Государственную думу. Между революционной работой, работой над нелегальной организацией и т.д. и выборами в Думу — нет исключającego противоречия — либо то, либо другое. Здесь не идет спор о двух методах борьбы: парламентском и внепарламентском. Для меня так же, как и для Максимова, ясно, что у нас, слава Богу, нет парламента. Не для органической работы над обновлением страны идет мы в Думу. Вопрос лишь в том, использовать ли в качестве орудия агитации и думскую трибуну **наряду** с другими методами воздействия и борьбы, или нет. Поэтому все рассуждения тов. Максимова об игре **«на понижение»** могут звучать для меня лишь как словесные **«жупелы»**, а отнюдь не как аргументы. Нам говорят: население должно сознать, что не в Думе спасение, что не через Думу войдет оно в новую жизнь. Совершенно верно. Но разве сторонники выборов в Думу держатся в этом вопросе иной точки зрения? Разве партия, участвуя во 2-й Думе, **«играла на понижение»** или через Думу хотела получить что-либо? Каждый политический шаг должен быть связан с возможным максимумом результатов в интересах победы. Бойкот

3-й Думы обещал многое: мы были за бойкот. Бойкот 4-й Думы не даст ничего, участие же в выборах обещает хоть некоторую возможность использования трибуны, возможность вести агитацию. И не запугивая себя и других разговорами об «игре на понижение», мы должны высказаться за участие в выборах.

Из сказанного ясен и мой ответ специально тов. Дикому. Он спрашивает, не переоцениваю ли я теперь размаха реакции. В этом случае, скажу я ему, опасно недооценивать, но не опасно переоценивать. Поскольку мы перед 3-й Думой недооценили размаха реакции, постольку мы не получили ожидаемых результатов бойкота, с одной стороны, а с другой, потеряли думскую трибуну, т.е. политически проиграли. Но какой вред может произойти от переоценки? Будем говорить конкретно. Пусть некоторые из сторонников выборов думают, что новый подъем революционного движения откладывается на десятилетия. Пусть это ошибочно, и он произойдет еще до истечения легислатуры 4-й Думы. Что же из того? Будут ли в 4-й Думе наши представители или нет, — 4-я Дума все равно существовать будет, и бороться с ней восставшему народу все равно придется. Только в случае нашего участия в ней борьба с Думой будет происходить и извне, и изнутри. Повторяю, воздержание от выборов обязывает больше, ибо оно может быть основано лишь точным прогнозом близкого наступления активного революционного брожения.

Мне остается сказать еще несколько слов о последнем аргументе — практического характера. Не будет ли при данных условиях, спрашивает тов. Дикий, наше участие в выборах призрачным? А тов. Максимов, развертывая эту мысль, указывает и на современный политический гнет, который стеснит предвыборную агитацию и устранил многих кандидатов, и на нелепую избирательную процедуру и на разбитость организаций, которые не сумеют провести выборы, и на возможный состав будущей думской группы, слабый не только количественно, но и качественно. К этому тов. Лаврецкий присоединяет еще соображение о «жертвах на алтаре избирательной кампании».

Все эти соображения, несомненно, правильны: и положение страны и разбитость организаций чрезвычайно умаляют и количество, и качество состава возможной группы в Думе. Но почему эти соображения применяются только здесь? Почему о них заговаривают только тогда, когда речь заходит о выборах? Почему здесь пытаются придать им решающую роль? А разве все эти политически-полицейские условия и разбитость организаций не сказываются столь же пагубно на всех других отраслях деятельности партии: на распространении ее литературы, на создании новых организаций, на использовании легальных и полуполициальных возможностей? И разве все эти роды деятельности не требуют тоже жертв? Но вероятно, всякий широко раскрыл бы глаза, если бы кто-либо, опираясь на все эти соображения практического характера, стал оспаривать необходимость и рациональность той или иной деятельности.

Если определенную тактику, определенную линию поведения мы признали принципиально правильной, мы следуем ей, мы пытаемся при данных условиях достичь на этом пути наибольших результатов. Таково было и всегда должно быть наше отношение. И если фактически условия слишком часто разбивают наши ожидания и урезают наши планы, мы все-таки в меру своих сил преследуем их и, поскольку можем, отстаиваем у современности право на существование и проявление.

За партийную группу во 2-й Думе, говорит тов. Максимов, порой приходилось краснеть. Но, во-первых, не только краснеть: были и другие моменты, когда она служила огромную службу — стоит вспомнить лишь проект земельного закона, представленный группой и собравший больше ста подписей членов Думы, который создал нашей аграрной программе такую популярность. А во-вторых, разве не делают неловкостей, ложных шагов и наши организации? Конечно, товарищи, которые пойдут в Думу, в новом для них положении, на новом поприще могут делать много упущений и ошибок. Конечно, могут быть и неудачные, и бледные выступления. Это так естественно. Но мы, другие члены партии и партийные организации, должны прийти им на помощь, мы должны работать над своей думской группой, не боясь ни ошибок, ни критики их. Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Кончая свой ответ, я еще раз повторяю: задача политической партии — не в воздержании от действия, а всегда в действенном проявлении себя. Бойкотируя 3-ю Думу, мы не просто воздержались от выборов и рекомендовали это воздержание другим: вместо выборов мы указывали иную, более прямую борьбу, которая по условиям была тогда непосредственно мыслима и возможна. Теперь такой бойкот — невозможен. И мы должны, изменив свою тактику, политически использовать в наших революционных интересах то небольшое, что дадут нам выборы и думская трибуна.

*Вестник Заграничной федерации групп содействия
партии социалистов-революционеров,
1912. № 16, март.*

№ 23

О ВЫБОРАХ В ЧЕТВЕРТУЮ ДУМУ

Третья Дума доживает свои последние дни. Близятся выборы в четвертую Думу. Встает вопрос: должна партия менять свою тактику по отношению к Думе? Должна ли она принять участие в выборах в четвертую Думу?

Вопрос этот обсуждался в течение минувшего года в партийных кругах и в России, и за границей. Насколько нам известны результаты этих обсуждений, их можно сформулировать так. Значительное большинство товарищей сходятся на том, что партия не

должна принимать участия ни в выборах, ни в Думе. Лишь меньшинство стоит за участие в четвертой Думе.

Однако, сходясь на отрицательном отношении к участию в выборах и в Думе, указанное большинство сильно расходится в дальнейшем. Тогда как одни стоят ясно и определенно на точке зрения бойкота четвертой Думы, другие, рассматривая Думу только как трибуну, считают неприложимой к ней тактику бойкота и отказываются от участия в ней лишь ввиду дезорганизованности партии и невозможности для нее при современных полицейских условиях и теперешнем избирательном законе, провести в Думу достаточно авторитетных своих представителей. Некоторые свою терпимость доводят до того, что готовы предоставить отдельным членам партии право, на свой страх и риск и отнюдь не от имени партии, выставлять свои кандидатуры и проходить в Думу или даже подавать свой голос за кандидатов других социалистических партий либо трудовиков.

Таким образом, настроение большинства товарищей по отношению к вопросу об участии или неучастии в четвертой Думе, по-видимому, не покрывается и словом «бойкот». В представлении многих товарищей бойкот предполагает неизмеримо более ярко враждебное, более действенное настроение по отношению к Думе и к выборам в нее, чем какое они находят в себе и в своих товарищах. Партия бойкотировала первую Думу, но тогда на первом съезде раздавались такие речи: «Всякий, кто примет участие в выборах, должен быть объявлен врагом народа». Вот оно, бойкотистское настроение, продолжают товарищи. И этого настроения теперь нет по отношению к четвертой Думе. Да и как можно бойкотировать трибуну, с которой можно говорить всему народу? Как можно бойкотировать легальную возможность? Ею можно пользоваться или не пользоваться, в зависимости от соображений целесообразности, и только. И товарищи, возражающие против бойкота и не высказывающиеся в то же время за участие в Думе, не видят никаких доводов в пользу бойкота.

Оставим же в стороне спор о словах. Будем считаться с несомненным фактом: многие и многие товарищи против бойкота Думы и выборов в нее, но они за неучастие в ней партии и за самую деятельную пропаганду этого неучастия. Вместе с бойкотистами они составляют — насколько можно судить по имеющимся у нас данным — внушительное большинство партии. И именно эту точку зрения принимает и редакция «Знамени труда».

Мы полагаем, что наша партия не должна принимать участия в четвертой Думе и в выборах в нее, если даже рассматривать Думу как простую «трибуну», как простую «легальную возможность» — громко, на всю Россию высказать свое слово по всем важным государственным и общественным вопросам.

Когда сторонники участия в Думе приводят в защиту предлагаемого ими решения это свойство Думы — быть всероссийской

трибуной, — они совершенно оставляют в тени то обстоятельство, что это во всяком случае трибуна совсем особого рода.

Для нас — да. Для нас теперешняя Дума может быть только трибуной, и ничем больше. И это огромный минус для нас, бесконечно умаляющий в наших глазах ее значение. Дума не может быть организующим центром для трудового народа, ибо всякие связи левых избранников — даже и несомненно крайних — со страстной тщательностью обрезаются и даже служат нитями для обнаружения и изловления неблагонадежных элементов в стране. — Выборы в Думу не могут служить той базой, на которой строится партийная организация, как они служат ею во всех истинно конституционных странах, ибо никакая организация для выборов партиям левее октябристов не разрешается, а левее кадетов и строго преследуется. Наконец, выборная кампания, при отсутствии свободы слова, печати, собраний, не может дать той драгоценной школы для политического воспитания широких масс, какой она неизменно служит в странах, обладающих политической свободой. А ведь это составляет самое драгоценное свойство парламентской системы, которое более чем что-либо другое, определяет принципиально положительное решение социалистическими партиями вопроса об участии в ней.

Все эти основания для положительного решения вопроса об участии в Думе для нас отпадают, и остается скромная роль трибуны, правда весьма стесненной, но все-таки наиболее свободной и наиболее высокой в стране.

Но ведь так суживается значение Думы для нас... Для правительства это прежде всего видимость парламента, видимость народного представительства, которое, ничем не стесняя самовластия царя и правящей его именем сановной камарилы, в то же время придает ему европейский облик. Дума поднимает престиж правительства за границей, укрепляет его кредит. Дума служит ширмой для правительства в стране, прикрываясь которой, оно действует гораздо смелее и решительнее, чем самые самовластные министры додумского периода. Являясь видимостью народного представительства, к которому притом привлечены все крупные слои населения, Дума отвлекает часть острого недовольства в стране на путь мнимой парламентской борьбы, ослабляя таким образом революционную напряженность в стране. Наконец, Дума организует общественное мнение дружественных правительству реакционных и консервативных кругов, дворянства и высшей буржуазии и придает ему неподобающий и совсем несоответственный силам этих слоев авторитет.

...Принимая участие в Думе, социалисты-революционеры не только использовали бы трибуну, но и укрепили бы и те стороны Думы, которыми она так дорога правительству и силам реакции. Отказываясь от участия в Думе, мы, правда, не используем трибуны, но зато резче разоблачим и подчеркнем иллюзорный, обманчи-

вый характер Думы в глазах всех, кому станет известно наше участие.

Таким образом, в отношении выборов в Думу приходится взвесить все эти *pro* и *contra*. Стоит ли игра свеч? Покроет ли ожидаемая выгода (использование трибуны) те несомненные минусы, которые несет с собой участие в Думе? Мы этот вопрос решаем отрицательно.

В самом деле, велика ли выгода, которую можно ожидать от участия в выборах в Думу? Мы видели отрицательные стороны. Взвесим положительные.

Все, даже сторонники участия в выборах, согласны, что шансы партии на предстоящих выборах, если бы она пожелала выступить на них в числе соискательниц депутатских полномочий, весьма и весьма не блестящи. Самые пылкие мечты не идут дальше проведения в Думу нескольких депутатов. При этом опять-таки для всех бесспорно, что и эти немногие депутаты с.-р. могут пройти только под чужим флагом или как беспартийные и только в Думе объявиться с.-р.-ами; что и в Думе они могут себя заявить просто лицами с.-р.-вского направления, не принадлежащими к партии и не ответственными за ее действия, (напр., террористические); что по составу своему это с.-р.-ское представительство может быть лишь весьма посредственным и бледным.

Но ведь это же окончательно обесценивает участие в выборах социалистической партии, которая шла бы в парламент при таких унижительных условиях. Все социалисты всего мира говорят, что не депутатское кресло само по себе им важно, и уже ни в каком случае не согласны они пробираться к нему в маске, под чужой личиной. Им прежде всего важно вести свою пропаганду и агитацию в моменты наибольшего пробуждения политических интересов в стране. Им важно вербовать себе сторонников, собирать голоса на своей программе. У нас именно это и отпадает, и остается только уловление депутатского места. И ради чего? Ради того, чтобы, пробравшись в Думу, вести оттуда с.-р.-скую пропаганду и агитацию, которая, по нашему убеждению, неизбежно будет посредственна, бледна и, что всего важнее, сильно урезана? Нет! Поистине игра не стоит свеч...

Таково то решение «думского вопроса», которое редакция рекомендует вниманию товарищей.

Знамя труда, 1912. № 41, март.

№ 24

ОТ РЕДАКЦИИ [«ПОЧИНА»]³⁴⁸

Ни одна революция не имела пред собой таких широких задач, как революция России. В этом ее слабость, в этом ее же сила. Этим объясняется та мучительная деятельность, с которой проте-

кает она. Первый подъем революционного движения 1905 г. вскрыл с очевидностью не только политическое, но и глубоко социальное содержание грядущего переворота. Логика революции вела к коренному изменению самих условий народного труда — особенно в области земельных отношений, — к созданию демократически-трудового государства. И это обстоятельство после первого удара бросило всех имущих в сторону реакции. Трудовая Россия осталась изолированной, а самодержавная бюрократия, обладающая колоссальным аппаратом подавления, приобрела более широкую социальную базу для дальнейшей борьбы. Защита священных прав собственности и эксплуатации спаяла неразрывно самодержавие, поместное дворянство и крупную буржуазию. Народ не смог противопоставить этому тройственному союзу ни достаточно организованной силы, ни достаточно политически сознательной мысли и воли в преследовании своей исторической миссии. Первый натиск был отброшен. Революционное движение расплылось и затерялось в отдельных бесплодных вспышках и выступлениях.

Но та же широта задач делает побежденную революцию непобедимой. Несмотря на реакцию, растут все новые культурные потребности, рождаются все новые противоречия, и реакционная политика не в силах ни устранить эти противоречия, ни удовлетворить эти потребности. Поэтому творческая эволюция России принимает форму разрушения. Созидание культуры, самое существование ее неразрывно связано с революционным очищением. История не имеет иных средств для выхода из тупика противоречий, она не может развязать затянувшийся узел задач и требований: она фатально принуждена разрубить его.

Поэтому и в 1912 году трудовая Россия стоит пред той же задачей — революционным освобождением. Но положение значительно изменилось. И прежняя задача требует новых методов своего решения. Натиск отброшен, но революция не возвратилась на свои прежние позиции. Годы революционного подъема создали новые элементы в жизни страны. С одной стороны, правящие классы более, чем когда-либо, осознали себя и организовались. Дворянство, энергично стремящееся использовать результаты победы, создает общероссийскую организацию; крупная буржуазия объединяется в съездах и создает синдикаты, принимающие тоже национальные размеры. Благодаря этому, борьба с противником становится более трудной, более упорной, необходимо требует широкой и планомерной организации трудящихся. Но благодаря этому же она открывает большие перспективы. Раз начавшись, она определенно ставит борющихся представителей труда не пред отдельным землевладельцем или капиталистом, а пред организацией класса, она принимает в их глазах непосредственно политический характер борьбы за право. В деревне к этому присоединяется новый элемент, еще резче и определеннее противопоставляющий трудящихся политике правящих классов и классового государства.

Указ 9-го ноября, стремящийся разрушить общинно-трудовой быт, вызывает крестьянство на непрерывную борьбу за трудовое право.

С другой стороны, и в среде самих трудящихся, и в политической обстановке страны не все осталось по-прежнему. И здесь мы можем наблюдать и констатировать новые элементы. Эти новые элементы можно характеризовать как общий рост культурно-общественных потребностей, большую политическую и классовую сознательность трудового народа города и деревни, появление новых ростков трудовой общественности, усложненность и дифференцированность самой политической жизни. Первый период революционного движения был силен стихийным устремлением и слаб своей неорганизованностью и малосознательностью. Годы революции поставили массы лицом к лицу с врагом, вскрыли противоречия и дали наглядный урок социально-политической науки. Но более важна другая сторона. Годы революции дали трудящимся предвкушение возможности и необходимости общественного самоопределения, вызвали усиленное стремление к выявлению своего социального лица. Внутренняя потребность организованного проявления общественной воли является прочным приобретением в социальной психологии трудящихся. На этой почве зарождаются массовые организации всевозможных типов и видов — профессиональные союзы, кооперативы, просветительские общества, на этой почве строятся различные формы объединения труда. Реакционная политика сегодняшних победителей душит и истребляет десятками эти рабочие организации. Но закрытые здесь, они открываются в другом месте, в другом виде. Уничтожаются легальные формы соединения, на их месте возникают нелегальные. Жизнь властно влечет в эту сторону проснувшуюся волю трудового народа и рвет тенета, расставленные правительственной властью. Усложнение политической обстановки дает новые конкретные формы политическому действию. Вопросы политики из области отвлеченной пропаганды перешли в жизненную повседневность, слились с нею, пропитали ее. Политически действующие силы самоопределяются и обособляются. На этой почве формируются партии, выражающие социально-политические интересы различных слоев населения и воздействующие на политическое сознание и самую политическую жизнь страны. Политическая печать растет и начинает играть все большую роль в этом процессе усложнения политической обстановки.

Каждая политическая группа, каждая партия, стремящаяся стать активным политическим агентом, не может не считаться с происшедшими изменениями, не может не соотносить своей тактики с новыми элементами, рожденными жизнью. Тяжелое политическое безвременье переживает в данное время Россия. И причина его не столько в недостатке политической сознательности, сколько в подавленности и распыленности политической воли. Поднять революционную энергию масс, помочь возродиться воле к действию — такова основная задача всякой социалистической и

революционной партии. И эта воля может родиться лишь из объединения. Только тесное организованное касание отдельных сознаний, отдельных недовольств может положить начало общему действию, которое разрастается в решительное наступление на общего врага. Поэтому-то для каждой партии центром ее работы и должны являться эти самопроизвольно возникающие трудовые организации. Несомненно, ни кооперативы, ни профессиональные союзы, ни просветительские общества, как таковые, не являются ни самодовлеющей целью, ни всеисцеляющим социальным лекарством. Но они важны, как первый толчок к объединению, как органически вырастающий плод пробудившейся воли; они важны как залог и обещание. Партия должна слить свои усилия с усилиями трудового народа, должна занять свое место в текущей жизни и борьбе рабочего класса. Партия должна стремиться перевести все эти формы единения в высший тип, помочь им развиваться, указать их задачи и цели. Только это слияние, только это взаимопроникновение может создать организованное революционное движение. Только здесь залог жизни социалистической партии, этого Антея, получающего свои силы от соприкосновения с землей, только в этом все ширящемся и усложняющемся организованном строительстве выход из современного положения. В связи с этой основной задачей изменяются и политическая пропаганда и политическое воздействие партии на рабочий класс. Участие в съездах общественных организаций, ведение широких политических кампаний по вопросам, непосредственно задевающим интересы рабочего класса (борьба за право союзов, борьба с дороговизной жизни, протест по поводу действий правительства в голодающей деревне и т.д.), устройство митингов и демонстраций, широкая агитация в специально рабочей и общей прессе и, наконец, использование Государственной думы — таковы важнейшие формы политического воспитания масс. Конечно, Государственная дума не заключает в себе элементов, способных органически развиваясь, дать ей характер народного представительства. Наоборот, она является орудием реакции, новой формы властвования тройственного союза над страной. Не последовательным развитием института теперешнего «представительства» придет Россия к правовому порядку, а уничтожением его вместе с уничтожением самодержавной власти... Социалистические партии не могут поэтому вести никакой органической работы в Думе. Но несмотря на это, использование Государственной думы как всероссийской трибуны является существенным и важным делом. Завоевание ее послужит новым толчком к политическому воспитанию трудовых слоев. Агитация на почве жизненных социально-политических вопросов, выдвигаемых в Думе, даст большую конкретность и осязательность политической пропаганде партии. Участие в выборах будет способствовать политическому самосознанию и сплочению трудящихся. Противопоставление законопроектам думского реакционного большинства требований, непосредственно вытекающих из жизни, понятых

и близких трудящимся, даст первый толчок к проявлению протеста. И в этом направлении конкретизация политических лозунгов облегчит слияние воли партии с формирующейся политической волей рабочего класса, даст партии возможность на этой почве обобщить эти слабые и разрозненные протесты, придать им более законченную высшую форму и спаяться на конкретных политических задачах с нарождающимся массовым потоком.

Новые формы жизни порождают новые методы деятельности. Они же делают ненужными многие из старых. Одним из таких методов необходимо признать политический террор. Историческое значение политического террора не может быть оспариваемо. Возобновленный в канун революции, он будил политическое сознание. Террористические удары сливались с возрастающим гулом надвигающегося народного движения. Во время открытого столкновения он развивался и шел вместе с массовым напором. Так было. И так может быть снова в момент революционного взрыва. Но не так обстоит дело теперь. Террор не может играть теперь своей прежней политически-воспитательной роли, ибо та сознательность, которую могла дать примитивная пропаганда путем террора, уже имеется, и не отсутствие сознательности обуславливает современную реакцию. Террор теряет свое возбуждающее значение, ибо революционное движение в стране далеко еще не достигло той степени напряженности, когда единичные революционные акты могут способствовать переходу накопившейся революционной энергии масс в действенное состояние.

Таковы общие положения, которые будет посылить защищать и развивать редакция «Почина».

В своих рассуждениях редакция исходит из партии и апеллирует к партии. Не «ликвидация» политической партии является нашей целью, так как партии, как сплоченному идейно и организационно кругу лиц, мы придаем большое значение, и не создание каких-то новых форм партийного бытия, ибо при настоящих условиях политически действенную революционную партию мы можем мыслить только нелегальной. Мы лишь утверждаем, что для одухотворения и развития этой существующей партийной организации, для превращения теперешней партии из группы лиц, связанных общей идеологией, в истинную народную партию, в действенного политического агента, должно быть изменено содержание работы в соответствии с изменением самой политической обстановки. Мы глубоко убеждены, что в развитии новых форм общественной самодеятельности трудящихся лежит развязка современной русской трагедии и в тесном слиянии партийного организма с этими трудовыми организациями — залог роста и жизни партии. Русская революция будет революцией объединенного труда. Партия социалистов-революционеров будет действенной силой этой революции, подготовив и осуществив свою живую связь с этим организуемым объединением.

Издание журнала мы считаем своим партийным делом и обязанностью. Не образованию какой-то особой «фракции» хочет служить группа «Почина», так как всякое организационное дробление, особенно в настоящий момент, было бы делом глубоко вредным. Оно только еще более ослабило бы и дезорганизовало наши и без того малочисленные ряды. Редакция преследует цель образования и отлития в определенные формы особого мнения внутри партии. Только ростом и усложнением мысли измеряется рост и усложнение и партийного организма. Только живой обмен мнений и создает в партии духовное движение и прогресс. Возбудить этот обмен, попытаться направить партийную мысль на новые проблемы и задания жизни и является единственной целью создаваемого журнала.

Апрель 1912 г.

Почин, Париж, 1912. № 1.

№ 24

Н.АКСЕНТЬЕВ

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ*

Новое партийно-тактическое течение, объединившееся под именем «Почина», нашло себе две оценки на страницах центрального органа. Одна из них появилась вскоре после выхода номера первого «Почина» и принадлежит перу тов. Н.М.³⁴⁹ («Новое течение социально-революционной мысли», «Зн. тр.», № 45, сент. 1912 г.), а другая помещена в предыдущем, пятидесятом номере «Знамени труда» и написана тов. Ин. Ритиной³⁵⁰ («Течения с.-р. мысли»).

Я остановлюсь почти исключительно на статье тов. Н.М., как более полно охватывающей и критикующей мои взгляды. Тов. Ритина лишь повторяет в несколько смягченном и сокращенном виде выводы тов. Н.М. Берясь за перо, я меньше всего хочу вести словесную полемику с тов. критиками. Мне лишь хотелось бы коснуться своей темы по существу, хотелось бы быть понятным до конца, так как, по моему мнению, многие из замечаний в статьях тт. Н.М. и Ритиной вызваны лишь словесными сочетаниями, а не существом дела. Кто в этом виноват — я или они: я ли не ясно писал, или они недостаточно внимательно читали — это, конечно, совершенно не существенно.

Тов. Н.М. усматривает разногласия, существующие между ним и мною, лишь в отдельных тактических пунктах — выборах в Государственную думу, терроре и т.д. и «попытку обобщения разногласий» считает «совершенно неудачной». Все это «обобщение»

---

* Редакция «Зн. Тр.» дает место настоящей статье в интересах выяснения точки зрения «Почина». — *Прим. док.*

тов. Н.М. сводит затем к двум выражениям, имеющимся во второй половине моей статьи: «массовому воспитанию» и «классовой политике» и, формулируя его так, естественно, находит, что я открыл давно, давно открытую Америку и вместо чего-то нового, отличающегося от обычной точки зрения, на самом деле сказал лишь «общее место не только всех с.-ров, но и всех социалистов».

Как же могло это случиться? Я ли до такой степени одержим желанием сказать во чтобы то ни стало «новое слово», что позабыл все, вплоть до «общих мест всех социалистов», или тов. Н.М. несколько упростил мою точку зрения? Позволю себе думать, что случилось именно последнее. Меня особенно убеждают в этом дальнейшие пояснения тов. Н.М. Он вспоминает о том противопоставлении социалистической работы задачам политического освобождения страны, которое, начиная с 70-х годов прошлого столетия «продолжало жить в революционно-социалистической интеллигенции и делить ее в пределах каждой партии, каждой группы на две категории — одни делали ударение на социалистической работе, другие — на борьбе с самодержавием». *Mutatis mutandis*³⁵¹ то же противоположение удержалось, несмотря на свою «теоретическую несостоятельность», и в нашей партии: здесь «массовизм» противопоставляется «утрированному боевизму». «Почин» и характерен, по мнению тов. Н.М., тем, что «делает ударение на социалистической работе». Это «ударение», правда, запоздало, ибо «утрированного боевизма» уже давно нет, но оно не бесполезно, и его тов. Н.М. готов приветствовать, если бы только «Почин» — и, в частности я, — этой своей работы не испортили неточностями передачи партийной точки зрения и некоторою сбивчивостью в области организационного вопроса. Последующие части статьи тов. Н.М. и направлены на опровержение этой отрицательной работы «Почина».

Все это построение тов. Н.М. имеет один недостаток: оно делает мою точку зрения донельзя плоской и примитивной. Происходит это потому, что тов. Н.М. все время скользит по поверхности, разбирает мелочи, а следовательно, так и не замечает истинного основания и обоснования не находит. А между тем в своей статье я как будто немало слов потратил именно на общее обоснование своих тактических взглядов. Попробую объяснить, исходя из построения двух психологических тактик («социалистической» и «политической»), которые дал тов. Н.М.

Много воды, конечно, утекло с 70-х годов до 1905 года. Много, очень многое переменялось и в жизни социальной, и в жизни политической. Эти изменения отразились очень сильно и резко и на социалистическом движении. Развился и усилился класс городских рабочих, появилась и привилась в значительной доле интеллигенции новая социалистическая идеология. На основе ее зародилась и выросла новая партия — социал-демократия. Старое народничество пересмотрело свои теоретические и практические выводы, восприняло отчасти марксистские взгляды, разработа-

ло новую программу новой жизни — партии соц. — революционеров. Словом, жизнь быстро шла вперед. Но за всем тем, среди всех этих изменений можно заметить все же характерную черту, общую всей этой эпохе. Говоря коротко, черта эта — **общественно-политическая аморфность** дореволюционной России. Самостоятельные общественно-политические группировки отсутствовали; перед теми или иными классами не могло стоять, по самим условиям жизни, конкретных задач организационного политического или социального действия. «Единственно политически организованной силой является бюрократическое правительство, — писал я в № 1 «Почина», — в стране ему не противостояло никакой другой самостоятельной общественной группы — ни дружественной, ни враждебной». Эта общая черта налагала свой особый отпечаток и на самый способ подходить, сказал бы я, к революционной работе, на самое «понятие» революционной деятельности. Причем, этот особый отпечаток был общ всем социалистическим партиям и группировкам, каких бы идеологий они ни придерживались и к каким бы слоям трудового народа ни обращались, так как этот отпечаток вызывался объективной неизбежностью. Пусть одна партия признавала некоторые методы борьбы, полезность которых другая оспаривала: выражая деятельность всех партий одной общей формулой, можно сказать, что «вся она (или почти вся) сводилась или к отвлеченной пропаганде идей революции и социализма, или к попыткам борьбы с существующим режимом своими силами, к стремлению резким ударом разбудить народную массу, вызвать в ней брожение». Революционные партии могли вести в рабочей и крестьянской среде социально-политическую пропаганду и организовывать небольшие группы приобретенных таким путем сторонников. Они могли призывать неорганизованную массу к действию. Но они не могли вести планомерной, организованной массовой политики, они не могли побудить к этому массу.

Так было до 1905 года — до момента первого открытого массового столкновения революционной России с Россией правительственной. Столкновение это окончилось тем, что первый натиск был отброшен, но старая власть не победила, так как она не могла уже удержать прежних позиций. Несмотря на видимое торжество правительства, на разбитость революционных сил, что-то новое неудержимо ворвалось в жизнь, и истребить это новое невозможно никакими бичами и скорпионами. Реальное переживание свободы самоопределения и действия, данное массам 1905-м годом, перестроило психологию. Революционная волна 1905 года внесла в политическую жизнь элементы, определившие собою ее существенное изменение.

«Ни пред одной революцией не стояло таких творческих задач, как перед русской», — писал я в своей статье в «Почине». И одну из наиболее глубоких причин неудачи первого натиска я видел именно в том трагическом противоречии, в каком стояли задачи

революции к ее возможностям: революция, призванная осуществить глубокие творческие задачи, оказалась творчески бессильной; она оказалась неподготовленной организационно. По своим задачам наша революция — трудовая. Но те классы, во имя которых и которыми совершалась она, не осознали себя, не нашли себя организационно до революции, не являлись органически спаянной, коллективно-творческой силой. И подавление их первого натиска было поэтому неизбежно. Но в результате его появились те именно элементы, которых не было раньше и отсутствие которых в значительной мере и обуславливало предшествующее поражение. Коротко формулируя эти новые элементы, мы можем сказать: с одной стороны, в трудовых массах родились творчески-организационные инстинкты, а с другой — стало возможным и практическое обнаружение их благодаря усложненности социально-политической жизни, благодаря открытому самоопределению классов, благодаря, наконец, конкретизации политических задач и интересов, благодаря тому, что жизнь, живая, повседневная жизнь стала пропитана политикой.

Все эти новые элементы и являются, по моему мнению, причиной **существенного** изменения самого метода революционной деятельности. Благодаря именно им появилась совершенно иная база этой деятельности. Здесь дело не в количественно большем поле деятельности, а в качественно ином характере ее. Раньше была словесная пропаганда, ибо иной быть не могла, словесное воспитание узких кружков, состоявших из представителей труда, и призыва к действию, призывы, которые не опирались на организованную деятельность масс, которые предоставлялись на волю стихии. Теперь — воспитание самих масс в действии, через это действие, теперь — выявление социально-революционной точки зрения во всей ее сложности и полноте в конкретной политической деятельности самих организующихся и приходящих к самосознанию масс. Раньше — прививка классовой точки зрения отдельным представителям труда, призыв к массам, исходящий из этой классовой, социалистической точки зрения. Теперь — практическая классовая политика, организующая класс и революционизирующая его на ряде конкретных, органически вырастающих из жизни и связанных с жизнью политических задач.

Такова моя точка зрения, таковы основания, на которых я строю необходимость новой тактики, таково то «**обобщение**», которое я давал всем своим конкретным разногласиям с принятой точкой зрения. Это «**обобщение**», это требование, существо новой тактики — ввиду новых элементов действительности можно, конечно, критиковать, можно признавать несостоятельным, но лишь при одном условии: предварительно вдумавшись в них и **опровергнув** их, а не проходя мимо них и не задевая их лишь поверхностно. Тов. Н.М. взял мое выражение о «**воспитании**» и т.д. и решил научить меня «азбуке социальных наук». «Лица, стоящие на «**ортодоксальной**» или «**обычной**» точке зрения, — пишет он, —

не менее тов. Авсентьева заботятся о проведении «классовой политики» и о «массовом воспитании», и их разногласия с ним не в признании или отрицании этих идей, а в пределах их: как вести воспитание трудовых масс? где лежит линия правильной политики?» Все это совершенно верно. Но именно на указание **как, в каком направлении и почему** именно в этом направлении нужно вести воспитание, я и употребил предварительно целых шесть страниц, и если бы т. Н.М. не сражался с вынутым из текста выражением, а вник бы в смысл статьи, то и учить меня «общим местом» не пришлось бы. Не пришлось бы также сводить точку зрения «Почина» к поверхностному противоположению «массовизма» «боевизму», к «ударениям» на «социалистической работе». Дело не в том ударе, действительно ставшим уже давно «общим местом всех социалистов», — здесь, я думаю, и тов. Н.М. не откажется «ударить», — а в раскрытии понятия этой социалистической работы в данный момент, в методе ее, исходящем из данных исторических социально-политических условий.

Этот метод у нашей партии остался почти неизменным, она, как писал я, «учла все вышеприведенные изменения в самой малой степени». Тов. Н.М. очень сурово отнесся к этому моему замечанию, найдя его, «выражаясь мягко, не точным». И в доказательство приводит ряд решений и постановлений конференции и Советов, которые свидетельствуют о «радикальнейших изменениях» в тактике. Я благодарю тов. Н.М. за его «мягкость», но все же позволю себе остаться при своем мнении. Дело здесь не в тех или иных постановлениях тех или иных партийных совещаний, в которых «тов. А. принимал слишком деятельное участие, чтобы об этом совсем позабыть», дело здесь не в перечислении тех партийных инстанций, которым в тот или иной момент предоставлялось право санкционировать террористические акты. О таких изменениях, лишь более коротко, и я говорю в своей статье: и о решении вести работу «вглубь», а не «вширь», и о решении, касающемся профсоюзных и кооперативных, и о решении участвовать во 2-й Государственной думе. Все эти возражения тов. Н.М. опять-таки останавливаются на частном и совершенно пропускают мимо общее. Вопрос идет о том, что я назвал раньше «большой дорогой тактики» и что теперь я называю «методом работы, основанном на установлении и оценке базы этой работы».

Наша партия производила те или иные изменения в формулировках, но оставляла прежнюю точку зрения на основу работы. Поэтому все новое являлось лишь как бы дополнением к той, старой работе, к тому, старому методу ее. Поэтому же на деле, на практике менялось гораздо меньше, чем в теории. Часто едва хватало времени на то, что продолжало считаться основой, и резолюционные «дополнения» оставались втуне. В противоположность этому, как я пытался выяснить и в своей статье в «Почине» и в данной статье, на мой взгляд, внутреннее перерождение трудовой России и той обстановки, в которой ей приходится жить, настоль-

ко радикально, что партия должна говорить не о дополнении, а о новой базе, новом методе работы, партия должна изменить самую основу работы.

Вот в чем истинная разница между моим и мнением Н.М., разница, которую он не хотел увидеть. Отсюда вытекают и все наши разногласия на тактику партии. Я этого разногласия не могу считать случайным именно потому, что самая основа тактики у нас различна. Не случайно я стою за выборы в Государственную думу, когда тов. Н.М. против них; не случайно я высказываюсь за ряд «кампаний», которые тов. Н.М. находит бесполезными или вредными. Все эти наши разногласия выходят из одного общего узла. И в дальнейшем поэтому каждый вновь назревающий **тактический** вопрос в большинстве случаев мы будем решать по-разному, если только тов. Н.М. не покинет своей точки зрения, или, что в данном случае вероятнее, не будет вопреки этой точке зрения делать чисто эмпирическим путем ряд конкретных уступок требованиям реальной жизни.

В доказательство вышеразвитых положений я позволю себе остановиться на некоторых сторонах той полемики, которая велась между тов. Н.М. и лично мной по поводу конкретных тактических мер — выборов в Государственную думу, политических «кампаний» и т.д. Я, конечно, не могу здесь во всей полноте воспроизводить аргументацию обеих сторон, да это и не нужно, ибо цель моя — показать на этих конкретных мерах, что разница между нами вытекает не из тех или иных конкретных соображений целесообразности, а из различного понимания самого метода работы вообще.

Я стоял и стою за участие в выборах в Государственную думу, за проведение различных политических «кампаний», исходя из тех видоизменений условий жизни и самоощущения трудовых масс, которые я охарактеризовал выше. Именно эти видоизменения дали возможность, — а поэтому и сделали необходимым для каждой революционной партии, — словесную пропаганду общих лозунгов заменить действенным проведением классовой политики масс. Выражениями этой классовой политики я и считал участие в различных видах политического оказательства, ставших возможным после 1905 года. Поясняя эту свою мысль, я писал, между прочим, о коалиционной кампании: «Коалиционная кампания... двинет рабочий класс на некоторые политические оказательства, произведет этим известное воспитательное и организующее действие и тем самым поведет их к дальнейшей борьбе, к дальнейшим политическим выступлениям. Кампания же демократической республики не двинет в данный момент никуда, так как эквивалентное ей действие есть вооруженное восстание, к которому рабочие массы не готовы, к которому они должны прийти путем все более растущего и спланиваемого движения». Казалось бы, мысль моя ясна и надо было, принимая во внимание все мое настроение, или

согласиться с нею, или опровергнуть ее по существу. Но тов. Н.М. и здесь предпочел вести бесплодную словесную полемику. И в этом случае ему на помощь пришло неудачное слово «эквивалентный», которое можно толковать так, что и все мое общее построение, и все рассуждения потеряют вообще всякий смысл. Тов. Н.М. именно так его и толкует. Поэтому существо спора уплывает в туманную даль, происходит словесный бой и дело, по собственному крылатому выражению тов. Н.М., «оказывается в шляпе». Он пишет: «Из этих слов приходится заключить, что будто бы в настоящее время у рабочего класса есть такой метод действий, который с такой же верностью приведет его к свободе коалиций, как удачное вооруженное восстание к демократической республике». И далее он пространно разъясняет мне, что и свободы коалиций нельзя добиться без вооруженного восстания, что действие, эквивалентное в этом смысле коалиционной кампании есть тоже вооруженное восстание, что «коалиционная кампания, отдельно взятая, в этом смысле нонсенс, ибо нонсенс — свобода союзов без свободы слова, печати и собраний и без неприкосновенности личности». Вот что пришлось заключить тов. Н.М. из моих слов. Полно, пришлось ли? Разве не читал тов. Н.М. в моей статье, что «и для нас революция впереди», что «наша задача та же, что и у всех социалистов и революционеров: приблизить момент революции»? Разве не читал он в обращении редакции, «что история не имеет иных средств для выхода из тупика противоречий, что она не может развязать затянувшийся узел задач и требований: она фатально принуждена разрубить его»? Разве из той же моей цитаты, которую по-своему комментирует тов. Н.М., не видно, что коалиционной кампании я придаю значение «воспитательного и организационного действия», а отнюдь не способа борьбы, дающего непосредственно реальное политическое завоевание? Разве не ясно это вообще из всего контекста моей статьи? Наконец, разве знает тов. Н.М. таких социалистов-революционеров или российских социал-демократов, которые думали бы, что в России возможна свобода коалиций и т.д. до уничтожения существующего строя, для которого нонсенс тов. Н.М. не был бы нонсенсом? Но зачем же в таком случае он «опровергает» меня таким способом? А между тем, тов. Н.М. чуть не на протяжении столбца, ломаясь таким образом в открытую дверь, забывает и на этот раз о главном и основном.

Несомненно, и тов. Н.М., и я совершенно согласны в том, что обновление русской жизни может явиться лишь в результате вооруженного восстания. Оба мы согласны и в том, что это вооруженное восстание может быть делом лишь самих масс и что поэтому наша революционная работа должна состоять в «воспитании» этих масс, в помощи им осознать свой путь, организовать для успешного прохождения его. Разногласие наше начинается, как много раз уже говорил я, с того момента, когда мы начинаем го-

ворить о методе этого воспитания, о методе ведения нашей революционно-социалистической работы. Теперь возможно воспитание масс на деле, организация на конкретных политических задачах. Но партия, принимая тактику тов. Н.М., этой возможности не использует, остается на старых позициях и тем, с моей точки зрения, не пускает в ход того могучего орудия, в котором залог успеха и которое сама судьба вкладывает ей в руки.

Поясним это на примере выборов в Государственную думу. Я утверждаю, что бойкотировать в настоящий момент выборы можно лишь стоя — сознательно или бессознательно, — на старой точке зрения, т.е. заменяя дело словом. Я уже не говорю о том «пассивном бойкоте», о том, в сущности, воздержании от какого-либо политического оказательства, которое приняла партия. Но даже «активный бойкот» не открывает никаких перспектив длительного политического действия на почве института Гос. думы. В самом деле, мы приглашаем к бойкоту выборов, мы провозглашаем, что делаем это в силу несовершенства Гос. думы, во имя Учредительного собрания. В результате нашего призыва известная часть избирателей отсутствовала на выборах, и кое-где происходит активная полемика выборам. Ну, а дальше что? Ведь, после выборов Гос. дума существует пять долгих лет. Учредительное собрание не может явиться лозунгом дня. Следовательно, дальше мы останемся при словесной пропаганде против Гос. думы; никак на практике не используя этого политического явления, мы не в состоянии на этой конкретной почве действительно воспитывать и организовывать массы. При участии же в выборах мы также можем вести нашу критику Гос. думы, но, помимо этого, мы проводим выборы на всех доступных нам стадиях, мы деятельно организуем на этой борьбе массы, мы детализируем лозунги, мы сталкиваем массу с различными представителями борющихся с нами партий. Далее, в самой Гос. думе по каждому конкретному вопросу, мы выдвигаем свою политическую точку зрения. Мы привлекаем внимание массы к нашим высказываниям, мы приводим ее в организующее брожение, непосредственно противопоставляя ее положение и социальные интересы, интересам и стремлениям ее врагов. Из нашего столкновения с этими врагами она на деле, в практической политике, учится определять свою классовую позицию, но это еще не все. Участвуя в Государственной думе, мы создаем открытую партийную группу, которая естественно становится одним из средоточий кристаллизации масс, сочувствующих нам: от нее исходят запросы и лозунги; к ней стекаются симпатии, требования, резолюции. Она становится в известной мере выразительницей, представительницей организующихся масс. Я ни на минуту не забываю, что все это может делаться у нас в России в очень и очень укороченном виде. Но это все же может делаться, делается, а стало быть, это должно делаться.

Тот же самый словесный метод работы можно показать и на другом примере, на примере с коалиционной «кампанией». Как я уже указывал в своей прошлой статье, тов. Павел Семенович, в № 2 «Рабочего»³⁵² высказывается против нее потому, что это «умаление лозунгов». И в противоположность этому предлагает сохранить «старый боевой лозунг»: — «Долой самодержавие и да здравствует демократическая республика!» А тов. Н.М. со своей стороны называет эту кампанию «шушуканием по углам». Но что значит в настоящих условиях «старый боевой лозунг», предлагаемый вместо той или иной конкретной политической «кампании»? Он значит лишь ведение словесной пропаганды, ибо этот лозунг не может быть в данный момент организующим массы на конкретном действии; он не может быть теперь лозунгом дня, и общий призыв к вооруженному восстанию ради него останется в настоящий момент лишь словесным призывом. Наоборот, политическая «кампания» во имя тех или иных лозунгов дня ведет к действиям, к появлению воли, и трудовые массы на этих действиях проходят путь организации и практической подготовки к сплоченной организованной борьбе за всю совокупность прав, борьбы, именуемой нами вооруженным восстанием. Конечно, эти кампании не дадут реальных результатов в смысле завоевания свободы союзов, собраний и т.д., но они дадут другие реальные результаты, которых не может дать словесная пропаганда общих лозунгов: они воспитывают массы в действии, они объединят их и поведут все выше путем реальной классовой политики.

Исходя из тех же самых оснований, я подхожу, наконец, и к способу возрождения и работы партии. Мое приглашение строить партийные организации, «исходя из элементов самоорганизации масс», т. Н.М. понимает, по некоторым местам моей статьи, как уклон к «ликвидаторству», как растворение партии в экономических организациях, и говорит, что моя формулировка «способна вызвать опасение, как со стороны лиц, дорожащих партийной организацией, так и сторонников самостоятельности профессионального и кооперативного движения». С своей стороны и тов. Ритина видит в этом пункте «недоговоренности и неясности» и ввиду них она даже спрашивает: «Идет ли речь о параллельном существовании партии и массовых экономических организаций (как это имеет место в Зап. Европе), или о полном слиянии партии с такими организациями, что неизбежно ведет к растворению партии, к уничтожению ее «фирмы»? Так как оба товарища согласно приходят к одним и тем же недоуменным вопросам, и оба готовы толковать мои слова «ликвидаторски», то очевидно, вина в этом лежит на мне. Охотно готов признать, что повод к недоразумению был подан не чем иным, как неясностью моего положения. Попробую теперь быть яснее. Не могу, однако, предварительно не сделать одной оговорки. Думается мне, что при более внимательном отношении к написанному мною, все же из моей неясности трудно

было сделать допущение о «растворении» партии. В самом деле, в «Почине» не только за меня, но и за всю редакцию сказано, что она в своих рассуждениях «исходит из партии и апеллирует к партии», что «партии, как сплоченному идейно и организационно кругу лиц, она придает большое значение», наконец, что цель редакции — «не создание каких-то новых форм партийного бытия, ибо при настоящих условиях политически действенную революционную партию можно мыслить только нелегальной». Как будто это не совсем похоже на «растворение»? Дальше, среди цитат, проводимых тов. Ритиной в подкрепление ее точки зрения на партию, имеется, между прочим, такая: «Условия изменились, но следует ли из этого, что должен измениться характер той спайки, которая делает из отдельных людей партию»? Механизм партии должен остаться нелегальным. «Отрицание нелегальности форм организации во имя открывшихся легальных возможностей ведет к отрицанию партии». Но эта цитата взята из статьи, написанной не кем другим, как тоже мною. И если читатель даст себе труд сравнить эту цитату с цитатой из обращения редакции «Почина», под которой тоже значится мое имя, он должен будет сказать, что моя точка зрения не изменилась, что она была и осталась все той же, и что она очень далека и от «растворения» и от «уничтожения фирмы».

Итак, об опасности «скатиться в ликвидаторство» говорить не приходится. Тем не менее приходится говорить, конечно, об «уничтожении фирмы». Вопрос не идет ни об уничтожении партии, ни о «характере спайки», ни о создании каких-то «новых форм партийного бытия». Разговор идет о методах организации партии, о круге деятельности ее органов. После пережитой реакции снова начинается общественное оживление, и в связи с ним усиливается и партийное строительство; партия начинает восстанавливаться. Как же плодотворнее вести процесс восстановления партии, какие задачи поставить партийным организациям, чтобы они могли стать действенным агентом в истории, чтобы они наиболее плодотворно приложили свои силы к борьбе освобождающегося труда? Вот вопросы, какие я ставил и ставлю. И отвечаю на них так же, как и на все другие вопросы — партийные вопросы, т.е. исходя из своих общих соображений, исходя из требования работы на новой базе, создавшейся после 1905 года, по новому методу. Я считаю нужным говорить об этом, так как, на мой взгляд, старые методы не пересмотрены, и вновь возникающие организации часто идут все по той же прежней дороге, не принимая достаточно во внимание изменений. Чтобы быть на этот раз понятным, я позволю себе выяснить эту разницу между старым и новым конкретно.

И тов. Н.М., и мне известно, как возникали и жили партийные организации до 1905 года. В городе NN образовалась небольшая группа, готовая вести нелегальную работу. Эта группа заводила

новые связи с рабочими, т.е., знакомилась с некоторыми рабочими, сочувствующими партии с.-р., или возобновляла старые связи. Пользуясь ими, она подбирала несколько кружков рабочих и начинала вести в них пропаганду. Дальнейшая жизнь этой группы, если она развивалась успешно, состояла в увеличении связей, т.е., в увеличении обслуживаемых ею кружков. Ради той же пропаганды в кружках налаживалось получение литературы. От времени до времени такая группа выпускала прокламацию по тому или иному поводу, и прокламации эти членами кружков распространялись в неорганизованной массе. Эта группа считалась сильной и солидной в том случае, если кружковая работа велась во всех районах, т.е. во всех частях рабочего города, если было много кружков, если центральная группа настолько усиливалась, что выделяла особый штат организаторов, устраивающих кружки, и пропагандистов, ведущих в них занятия, если имелась техника для печатания прокламаций, организация для получения литературы и т.д., если, наконец, руководил всем этим избранный или подобравшийся случайно комитет. Но еще задолго до такого состояния появлялась потребность связаться с другими такими же группами в других городах для обмена взглядов на работу и технической помощи. Создавались местные конференции и съезды, в результате которых появлялись те или иные общие центры, начиналась архитектурная работа.

Присматриваясь к возникающим теперь партийным группам, я нахожу, что в общем и целом они сохраняют прежний метод работы и, главное, прежнюю основу ее. Правда, жизнь внесла поправки: пропаганда в кружках стала несколько конкретнее; острее выдвигаются и трактуются текущие политические вопросы, кое-где возникают отдельные предприятия, имеющие своей целью ближе подойти к массе, связаться с нею. Но все эти отличия суть дополнения, делаемые без системы, эмпирическим путем. Нет общей точки зрения, из которой вытекало бы с необходимостью целостное построение тактики. Группы эти не принимают планомерного участия в органической жизни масс, наоборот, главной своей деятельностью они выделяют себя из нее. И поэтому они в том или другом месте не только не являются органической силой, спаянной с массами, они и не могут ей явиться по самому методу своей работы, так как в кружки массы не вступишь и не кружковая пропаганда, поставленная во главу угла, даст нужную спайку.

На этой же старой точке зрения стоит и т. Н.М.; более того, он даже не представляет себе иной без того, чтобы при этом в его представлении не мелькало одновременно с уничтожением этого метода, уничтожение и самой партии. «Если тов. А., — пишет он, — не желает действительно скатиться в ликвидаторство, может ли он предложить конкретно в этом смысле большее, чем сделал V Совет партии (1909 г.), рекомендовавший заводские рабочие группы объединять сначала в профессионально подобран-

ные подрайоны (в пределах целого района) и уже потом только переходить к территориальному принципу, свойственному партийной организации. Думаю, что в смысле конкретного плана тов. Авксентьев ничего большего не предложит».

Тов. Н.М. последним словом партийного строительства считает метод распределения рабочих кружков с.-р.: профессионально подобранные подрайоны, территориальные районы; и за всей этой архитектурой не замечает самого главного, что вопрос идет совершенно не о том, что он поставлен глубже. Дело не в том, как нам сесть, не в том или ином распределении частей работающей все же по-старому методу организации, а о самом характере этой работы.

Перед партией стоит ряд конкретных задач в области политической, социальной, просветительной задач, вытекающих из открытого массового действия. В области политической: выборы в Гос. думу, организация их, организация выборщиков, связь с избранными депутатами рабочих масс, организация различных политических «кампаний» — страховой, коалиционной и пр., издание политических легальных органов, организация общественного мнения массы на съездах, организация масс вокруг вопросов муниципального и земского самоуправления и т.д. В области социальной: профессиональное объединение, кооперативная деятельность, конкретные меры земельной политики. В области просветительной: клубы, народные университеты и т.д. Все эти задачи могут быть осуществлены, конечно, в очень урезанном виде благодаря нашей русской действительности, но они существуют, и они все же могут быть осуществлены. Вот осуществление этих задач и должно явиться основным делом партии, центром и базой ее работы. На этих задачах она прикоснется к действительности, она сольется с массовым потоком, она действительно сможет вести классовую политику, она станет органической силой. Такое «слияние», конечно, не влечет за собой ни поглощения партии массовыми организациями, ни обратного: партия, как партия, участвуя во всех открытых проявлениях масс, во всех их организациях, строя на этом свою работу, будет в каждой организации влиять и направлять ее деятельность согласно с характером этой организации. Но при этом получится не словесная пропаганда и не в кружках, а воспитание на конкретном социально-политическом деле и воспитание организующихся масс. Работа начнется, как говорил я, не сверху, не путем выделения отдельных единиц из массы, а снизу, исходя из задач момента. И для всей этой работы, конечно, необходимо объединение и для руководства, и для помощи работе и для обслуживания тех или иных сторон ее. Это партийное объединение может быть в данный момент лишь нелегальным. Это нелегальное объединение с задачами, которые я выше развил, и будет местным партийным органом. Если этому органу по условиям его работы надо будет разделиться на районы, подрайоны и

т.д. — пусть делает это. Но это будет выводом из потребностей обслуживания, руководства массовым движением. Если этому органу понадобится теоретически подготовить те или иные группы рабочих, он создаст кружки, но опять-таки эти кружки явятся не основой, а дополнением, вызванным потребностью основной работы — работы организации и массового действия.

Таково то новое, что предлагаю я, и вдумываясь в него еще раз, я вижу широкие перспективы, открывающиеся при этом той партии, которой мы с тов. Н.М. служим — Партии Социалистов-Революционеров.

На этом я мог бы, в сущности, и закончить свое и без того слишком растянувшееся изложение. Но мне хочется коротко ответить на один, поставленный тов. Н.М. вопрос, так как он задается, вероятно, не им одним. Зачем, спрашивает он, образовывать для разработки партийных вопросов особую группу и основывать особый журнал? Разве все эти темы социалистического воспитания не находили себе места на страницах ЦО? Разве все статьи первого номера «Почина» не могли быть помещены в «Зн. труда»?

Конечно, могли, отвечаю я, и лучшее доказательство этого — моя настоящая статья, появляющаяся в ЦО. Тогда в чем же дело? Может быть, мы хотели расколоть партию, мечтали об образовании особой партии и т.д.? Нет, все участники группы «Почин» считают себя верными солдатами этой партии и как таковые, больше всего хотят видеть ее сильной и единой. Именно во имя ее единства, чтобы не нанести ему ущерба, они явно и определенно заявили, что организационная работа не лежит в сфере их деятельности: это дело партии, и они подчиняются ей, они подчиняются ее директивам, согласны они с ними или нет — безразлично. Они хотят вести лишь пропаганду своих идей внутри партии, хотят указать партийным товарищам иную линию поведения, хотят свободной дискуссией обратить их внимание на подчеркнутые пункты и убедить их в правильности своих выводов. Они видят в этих выводах путь к быстрейшему и наиболее плодотворному возрождению партии. Именно поэтому они и объединились в особую группу. Они думали (и не ошиблись), что появление особого органа, особой литературной группы, явится новым фактом, который обратит на себя особенное внимание, с которым будут считаться и, таким образом, идеи, высказанные «Почином», вызовут больший обмен мнений, острее возбудят мысль, чем если бы они спорадически высказывались в «Зн. тр.». Вот единственная цель, которую преследовала группа «Почин». В этой тактике, которую она наметила, она искренне видит путь к укреплению и новой всесторонней и здоровой жизни партии и, создавая свое литературное предприятие, она думала по крайнему своему разумению служить этой партии.

Знамя труда, 1913. № 51, июль.

Искания «новых путей» в сфере с.-р. теории и практики, попытки критически пересмотреть положения, которыми до сих руководилась в своей деятельности п.с.-р., начались тотчас после того, как поражение революционных партий стало фактом, после того, как с полной очевидностью обнаружилась победа реакции по всей линии. Критика эта явилась естественным результатом того положения, в котором оказалась, наряду с другими партиями, партия с.-р., снова загнанная в подполье, снова далекая от жизни, снова разобщенная с народными массами.

Встал вопрос — в чем дело? Почему после таких невероятных усилий мы все же оказались побежденными и где выход из создавшегося положения вещей? Как нам снова, теперь же, войти в жизнь, снова стать нужными и близкими массам?..

Первыми и, прибавим, наиболее самобытными, выразителями этих сомнений и исканий явились статьи т. А-вой³⁵³ («Что теперь нужно», № 10, «Известия Заграничного областного комитета»³⁵⁴, март 1909 г. и «Прежде и теперь», «Знамя труда», № 21—22). Условия действительности резко изменились, но наша тактика осталась той же — вот положение, из которого исходит т. А-ва. Мы пережили одну революцию, ждем другую вторую «победоносную». Но нельзя видеть «в текущем процессе простое повторение уже пережитой трагедии».

Безрадостными глазами смотрит т. А-ва на русскую действительность и, анализируя эту действительность, она приходит к заключению, что «объективных данных для революционного подъема нет». Количество сознательных сил увеличилось, но «не сознание сдвигает революцию с мертвой точки». Нет организаций (и «смешно и мечтать о создании их»), изъяты из жизни более сознательные и активные элементы. — «Что же делать партии в целом?» — «Прежде всего, не то, что она делала до сих пор. Не все зараз». Деятельность наших комитетов слишком разносторонняя, она сводится «к бестолковой суете», «к судорожному метанию», она напоминает «бурление в стакане воды». Вывод — необходимо сузить функции, сосредоточиться только на распространении своих взглядов путем создания и распространения литературы.

Но масса нуждается в организации. «В конспиративную организацию массу не вместить», да это и не нужно. Народная жизнь течет вперед и, «несмотря на все преследования, существует целый ряд экономических организаций» — профес. союзов, потребительских об-в, товариществ для закупки, сбыта, наконец, производительных артелей. Теперь — период безвременья. И партия очень мало что может сделать для политического переворота. Но «для

социалистического строительства она и сейчас может, а стало быть — должна работать неустанно». «Мы должны быть там, в тех лабораториях, где незаметно вырабатываются внутренние предпосылки, которым наша теория придает большее значение, чем возможности внешней победы»... Нам необходимо укрепиться «у тех узлов, куда масса самопроизвольно стягивается, которые обещают стать центром ее кристаллизации».

Прежде — агитация, теперь — организация. Прежде — «разрушение», теперь — «социалистическое строительство». Прежде — героический период, «чудесный светлый праздник», теперь «трудовые будни». Она боится «возврата к старому», боится «подполья», окончательного разрыва с массами.

Но партия? — «Много и шибко поработала на своем веку партийная машина», — говорит т. А-ва. Но для наступающего периода она слишком громоздка, слишком поломана бурями жизни. Т. А-ва не отрицает взаимной связи между отдельными с.-р. «для взаимной информации, а может быть, и для более спаянного сотрудничества». Но связи, основанной на личном знакомстве, на доверии, «без всякой связи с прежней организационной машиной». Впрочем, «только бы впитались в массу наши идеи: нашей форме тогда можно и погибнуть». Однако она все же оговаривается, что в ее построениях «нет принципиального отрицания конспиративной политической партии со всесторонними задачами». С ее стороны это «только признание неуместности ее при данных обстоятельствах, для данного момента».

Вот основные мысли, положенные в статье т. А-вой. Я позволила себе остановиться на них подробнее потому, что со многим из высказанного в них мы встретимся позже, при изложении мнений, выраженных в статьях других товарищей, искавших, так же как т. А-ва, «новых путей». И многие из тех практических выводов, которые сделала она, делают и другие. Правда, что она замыкает работу в массах только экономическими организациями и ничего не говорит о всякого рода общественно-политических организациях. И в ее «легальных возможностях» совсем нет места вопросу об отношении к Государственной думе или о деятельности в связи с ней — вопросу, который ставился и решался определенно другими.

Правда и то, что в своем представлении об изменившихся условиях русской действительности т. А-ва исходит не из веры в грядущую революцию, а скорее из неверия в нее. Именно в силу неверия она допускает (хотя и «проблематично») возможность обновления жизни путем подъема национального чувства масс и широкого религиозного социального движения. И в ее призыве работать в экономических организациях скорее чувствуются ноты разочарования в прошлом и отчаяния за будущее, чем радостного «обретения» новой жизни. Не нужно, впрочем, забывать, что статьи т. А-вой писаны в самый разгар общественного «безвременья»

и реакции, в самый тяжелый период жизни партии, когда не изжит еще был Азеф, когда впереди не намечалось ни малейших признаков общественного подъема. Но из каких бы построений она ни исходила, практические выводы ее во многом те же, что и других, явившихся позже критиков и новаторов. И основные элементы, легшие в основу ее выводов:

1) изменение условий действительности, заключающей в себе элементы, радикально изменяющие характер с.-р. работы;

2) изменение в связи с этим с.-р. тактики, — центром, сосредоточением, основным содержанием которой должна быть работа в массовых трудовых организациях;

3) отрицание для данного момента задачи непосредственного строительства чисто партийных организаций, — эти три элемента являются основными и в построениях других товарищей.

Вслед за статьями т. А-вой, в апреле 1910 г. появляется статья Ключева³⁵⁵ («О партийных задачах времени», «Зн. тр.» № 27). Ключеву, в отличие от А-вой, дорого существование партии, как определенного коллектива. «Идею партии, как коллективного целого, мы должны сохранить во всей неприкосновенности», — пишет т. Ключев. Но и он, как и А-ва, считает непригодной для данного момента схему восстановления разрушенных партийных организаций... Также как А-ва, он думает, что изменились цели, которые должна себе ставить революционно-социалистическая работа. В 1902 — 1906 гг. целью революционной работы являлось вооруженное восстание. Но такой цели мы не можем ставить себе сейчас, «для непосредственного будущего», — нет веры в непосредственную близость народного восстания. Выход — «воспользоваться тем новым, что нам дала жизнь». Это новое — рост всей политической культуры России, рост сознательности народных масс. «Разбросанные всюду, мы сейчас должны глубже вращаться в органическую жизнь», мы должны, «оставаясь в то же время активными с.-р.», проявлять себя всюду — на деревенских сходках, в кооперациях и профессиональных союзах, в рабочих клубах, в школе, в повседневной фабричной жизни, словом, «во всяком соприкосновении с народом». В то же время он говорит о «поддержании существующих организаций, как ячеек организованного партийного действия». Таким образом, т. Ключев, призывая к массовой работе, не ограничивает этой работы одними экономическими организациями. Он исходит не из **растворения** партийного организма в массовых организациях, а из восстановления его путем массовой работы. И хотя он, также как и т. А-ва, говорит все же только о работе **отдельных** с.-р., а не партии в целом, но он ограничивает свои построения **данным моментом**, разбитостью партийных сил и невозможностью при теперешних условиях собрать их в единый, правильно действующий организм. В этом отношении т. Ключев ближе стоит к представителям явившегося позже «Почина», исходившего уже из партии.

Появившиеся вслед за этим статьи Воронова³⁵⁶ («Изв. обл. заг. К-та», № 12 и «Зн. тр.», № 30, «Нечто от догмы»), в сущности, развивают и дополняют взгляды, высказанные т. Ключевым. Тов. Ключев прав, фактически работа в России ведется по указанному им плану. И «надо признать раз навсегда..., что в ближайшее время у партии нет непосредственных политических задач, ибо таковые она не в силах выполнить». Т. Воронов не отрицает значения партии как целого и необходимости кое-какой «формальной скрепы», но, также как и т. А-ва, сводит роль партии в данный момент на «литературную пропаганду» и «поддержку связей».

До сих пор мы имели дело с исканиями новых идей главным образом в сфере организационного вопроса. Но рядом с этим встают вопросы тактики и даже программы. Так, Борисов еще в № 19 «Зн. тр.», июль 1909 (Г.Борисов. «Нужен ли еще террор?») заявил, что террор партии не нужен. Вслед за тем появляется ряд статей в «Изв. З.О.К.», отрицающих целиком не только прежнюю партийную тактику, но и некоторые пункты программы п.с.-р. Наиболее характерными в этом отношении являются статьи Ант. Савина.

«Наша партия, несомненно, переживает кризис всесторонний», — утверждает Ант. Савин. «...Размеры разногласия в наших рядах растут... уже создалась атмосфера крайнего взаимного непонимания» («Изв.О.З.К.», № 12). В сфере организационной дело обстоит не лучше. «Нет ни партии, ни сообщества»... «исчезли все моральные основания для того, чтобы кто-нибудь имел право считаться представителем партии» (№ 13); «жалкая комедия», «обломки», «словесность», «партийная неправда» — такими и подобными терминами и определяет Ант. Савин данное положение партии. «Официальная программа», рекомендующая «начать сначала», тем самым предлагает «продолжать развиваться и консервировать то, что осталось от некогда строившейся, но недостроенной и развалившейся партийной храмины» (№ 13).

В чем изменение? Социальное содержание пережитого и переживаемого — «укрепление буржуазной тенденции в жизни... уничтожение всех архаических форм жизни («община», «семья»); остатков дореволюционных феодальных отношений (№ 14). И характер революции 1905 г. «должен быть определяем, как характер революции буржуазной (пока даже не буржуазно-демократической)». Грядущая революция ускорит «темп социальных преобразований», но «самых принципов» наметившегося процесса она не изменит» (№ 14). В то время как раньше «перед обществом стояла задача свержения самодержавия», теперь — «преодоления дворянской и бюрократической реакции..., а вовсе не задача борьбы с «защитным механизмом»... («Вестник Заграничной федерации»³⁵⁷, № 16).

Таким образом, в этом пункте Ант. Савин стоит на совершенно с.-д. позиции. По его мнению, с.-р. воззрения на характер русской революции «начинают все больше и больше терять кредит в нашей собственной среде». Революция и последующая реакция не подкрепили наших воззрений и по аграрному вопросу. «Разрушается община, крестьянство распадается на категории крестьян-собственников и деревенский пролетариат... вместе с тем — наша программа реформирования отношений землевладения теряет свою главную опору» (№ 14). Ант. Савин объявляет себя решительным противником нашей прошлой тактики. Наша прошлая тактика, это тактика «вульгарного радикализма», тактика «галопирования» за стихийностью» («Вест. З.Ф.», № 17). Столь же, если не более отрицательно, относится Ант. Савин к данной тактике партии. По его мнению, — «мы все продолжаем заниматься крикливой самоагитацией» («Вест. З.Ф.», № 16). Господствующее в партии направление «предпочло ничего не изменять». Кроме того, в его среде господствуют «тенденции революционного аристократизма» («Изв. З.О.К.», № 15). И вот этому «антисоциалистическому» содержанию, этим чувствам и настроениям Ант. Савин объявляет войну и противопоставляет свою «программу социалистов» (№ 15).

В чем она и как понимает ее Ант. Савин? Надо сознаться, что в положительной программе А.С. уже не чувствуется той уверенности и смелости, которые так бьют в глаза в его отрицательной части. Кроме того, благодаря обилию полемических «выпадов» всякого рода, благодаря постоянным отклонениям в сторону, чрезвычайно трудно схватить реальное содержание его статей и понять, что он пытается дать на место отвергаемого и разрушаемого. Местами особенно трудно уловить содержание этого положительного. «Мы намерены звать наших товарищей к повседневности», — заявляет Ант. Савин, — «от поэзии к прозе» («Изв. З.О.К.», № 15). И дальше идет эта «реальная» программа действий. Прежде всего, «в противоположность стремлениям к внешней помпезности», А.С. призывает «быть скромными и, так сказать, действительными, обыкновенными»... — «Давайте забудем ранги, забудем о нашей мнимой иерархии и давайте соберемся просто и просто-напросто: все, кто знает еще друг друга, все, кто делает социалистическое дело, кто не раструсил (!) социализма своего и кто думает еще о какой-нибудь социалистической работе. Раньше чем собраться для решения, попробуем, может быть, подумать (у себя на дому лучше, чем на собраниях)...» И так далее. В конце концов, А.С. предлагает созыв «верховного собрания из всех деятелей с.-ров» (№ 15), которое и «выведет нас из тупика».

Но все же, если собрать и систематизировать все, что А.С. говорит по вопросу о положительной практической программе, то получаем нечто, весьма близкое к тому, что мы уже видели в статьях А-вой, Воронова, Ключева. И в самом деле.

Данный период не является периодом «застоя», «застой одновременно является и движением». Это — исходный пункт. И дальше. Центр приложения нашей энергии необходимо теперь переместить в сторону проявления массовой жизни. Лозунг использования общих легальных возможностей должен быть претворен в лозунг участия в легальных организациях и во всех легальных проявлениях массовой жизни («Изв. З.О.К.», № 15). Но Ант. Савин делает и дальнейшие шаги. Тт. А-ва и Ключев — террористы и даже ультратеррористы. Тов. же Ант. Савин — убежденный антитеррорист («в новых условиях он не нужен») и противопоставляет себя «временным» и «поверхностным» антитеррористам «Почина» (№ 17). Он же сторонник выборов в Думу — что является для него вопросом не тактики, а принципа. Интересно, часто отрицая, в сущности, все — и прежнюю партийную тактику, и программу, и самую партию, А.С. тем не менее протестует против обвинения его в «ликвидаторстве» — ведь он не отрицает значение нелегальной организации. «Но наша тактика должна быть такой, чтобы классовые организации могли использовать и воспользоваться нашими нелегальными возможностями» (№ 15).

Я не буду останавливаться на других критического характера статьях в «Изв. З.О.К.» и «Вест. З.Ф.» — они во многом являются построением и развитием тех же взглядов. Так тов. Алексеевский («Изв. З.О.К.», № 13), исходя из разрушения общины, утверждает, что «необходимо пересмотреть, переработать и изменить программу», необходимо «подвергнуться опасной, может быть, самой жизни партии угрожающей операции». По его мнению, «кристалльность теории непримирима с строительством жизни». По этому же вопросу тов. Андрей Иванович пишет (№ 13), что пункт социализации земли «потерял свою свежесть, потерял свою остроту, свой практический глубочайший смысл для наших дней, он потерял значение лозунга в политической борьбе». А по сему «необходимо пересмотреть лозунги» и «выработать новое на место тех, что уже потеряли силу».

Появившийся в апреле 1912 г. «Почин» является попыткой развить в определенную систему отдельные положения, частью уже высказывавшиеся другими. Особенностью «Почина» является 1) именно эта систематизация отдельных взглядов и мыслей; 2) последовательное рассмотрение и освещение разных сторон партийной деятельности с точки зрения партии, как целого, и 3) бережное отношение к программе п.с.-р. «В своих рассуждениях редакция исходит из партии и апеллирует к партии», — читаем мы в передовой статье «Почина». Существованию партии редакция придает большое значение, и при данных условиях партия мыслима только, как нелегальная. «Почин» лишь стремится «отлить в определенные формы особое мнение внутри партии». Сущность этого особого мнения изложена в редакционной статье. Задача — та же: революционное освобождение народа. Но методы дру-

гие, ибо «годы революционного подъема создали новые элементы в жизни страны». Это — организация правящих классов, с одной стороны, изменения в среде самих трудящихся — с другой. Годы революции создали «потребовать организованного проявления воли». Отсюда — массовые организации, профес. союзы, кооперации, просветительные общества и т.д., которые и должны явиться центром партийной работы. Но эти организации не являются целью сами по себе. Они только толчок к объединению. «Они важны как залог и обещание». Партия должна стремиться перевести эти формы единения в высший тип, помочь им развиваться, указать их задачи и цели.

В связи с этим изменяется и «политическая пропаганда и политическое воздействие партии на рабочий класс». Оно выразится в участии в съездах, ведении политических кампаний, устройстве митингов и демонстраций, агитации в прессе, наконец, в использовании Государственной думы. В этом состоят «новые методы действия».

И они упраздняют многие из старых, как-то: террор, который теперь не может играть «своей прежней политически-воспитательной роли». «Почин» все же допускает возможность его «снова в момент революционного взрыва».

В статье «О задачах партии» т. Авксентьев заявил, что «работа партии должна быть слита с этими массовыми организациями». Основа работы — в этих трудовых организациях, в этом путь к восстановлению партии. Но вместе с тем организации партии не ликвидируются, так как необходимо руководство этой работой, связь работающих с.-р. между собой, наконец, необходимо «политически-партийное проявление таких с.-р. групп».

Таким образом, основа партийной работы — массовые организации.

Но так же, как и в статьях, появлявшихся до «Почина», не выясняются взаимоотношения между партией и массовыми организациями. Как нужно понимать то, «что работа партии должна быть слита с этими массовыми организациями»? что «партия должна видеть основу работы в этих трудовых организациях»? Каждая социалистическая партия исходит, конечно, «из элементов самоорганизации масс». Тем не менее, мы видим на примере западноевропейских социалистических партий, что эти партии и всякого рода экономические организации трудящихся, находясь в постоянном взаимодействии, ставят тем не менее каждая себе определенные задачи, каждая живет и развивается самостоятельно. В этом вопросе в «Почине», как и в статьях других товарищей, чувствуется какая-то недоговоренность и неясность — идет ли речь о параллельном существовании партии и массовых экономических организаций (как это имеет место в Западной Европе) или о полном слиянии партии с такими организациями, что неизбежно ведет к растворению партии, к уничтожению ее фирмы. Если даже признать необходимость только «формальной скрепы», то ясно, что она вместе

с ростом работы в массовых организациях, будет расти тоже, а не оставаться в тех рамках, которыми ее ограничивают. Так это было и в прошлом — когда организации возникали и росли в процессе работы, вместе с ростом работы. Но ведь тогда никто не считал возможным эту зачаточную стадию работы, слабость и малочисленность организаций возводить в принцип, — на нее смотрели, как на переходную и стремились перевести в высший тип. Словом, тенденция к развитию, если только она искусственно не будет сдерживаться, приведет такую формальную скрепу, такой зачаточный организм, к высшей форме, к целостному организму, к партии, — со своими задачами, со своими целями, со своими средствами борьбы. Как же соединить эти свои задачи, свои цели, словом, свое самостоятельное существование с «слиянием»? А ведь редакционная статья «Почина» идет дальше «формальной скрепы». Она говорит «о политически-партийном проявлении» с.-р. групп, о «воздействии» партии на рабочий класс, о том, что партия должна стремиться перевести массовые формы единения в высший тип. Эта неясность и недоговоренность усугубляется еще тем обстоятельством, что в некоторых статьях «Почина» находятся заявления, приближающиеся по своему смыслу именно к представлениям «растворения» в данный момент партии в общей культурной работе. «Общественно-культурная работа и есть в настоящее время та печка, от которой приходится танцевать с.-р., если они хотят воплощать свою программу в жизнь». (С.Нечетный³⁵⁸. «На родине», «Почин», № 1). «Пропагандист общих истин уже не нужен, агитатор еще не нужен». Правда, «поле для нелегальной социально-революционной работы — необъятно», ибо «самым фактом общественного удовлетворения первичных потребностей трудовое население вовлекается в прямую борьбу с органами власти». Но нелегальные организации, п.с.-р.? — «Ее нет», — отвечает Нечетный, — и к этому нет я не прибавлю даже традиционного «увы». В данных условиях русской действительности в жизненном строительстве нет места нелегальным элементам. Да, кроме того, «еще не выработались в жизни те революционно-социалистические элементы», которые можно и стоило бы объединять в формальную политическую организацию».

Эти элементы — подрастающее свежее поколение, с одной стороны, и бывшие революционеры, возвращающиеся из ссылки, из тюрем. Таким образом, то, что признается в редакционной и другими статьями «Почина» — воздействие партии на рабочие организации и партийное руководство работой, необходимость «политически-партийного проявления» с.-р. групп, то отрицается статьями С.Нечетного, — ибо «нет элементов, которые стоило бы объединять в формальные политические организации».

На этом мы и остановимся и попробуем подвести итоги. Итак, есть ли то общее, что объединяло бы все эти искания новых путей? Несомненно, есть, несмотря на разницу исходных пунктов, разное понимание действительности, разное отношение к партии. Это

общее: 1) отрицательное отношение к данной тактике партии, 2) определение путей, которыми должна идти практическая работа. В этом отношении, как мы видим, существует большое единомыслие и между отодвигающей в бесконечную даль революцию т. А-вой, и теми, кто верит в ее неизбежную близость. Между теми, кто в своей критике не ограничивается тактическими вопросами, но подвергает сомнению и основные пункты с.-р. программы, и теми, кто заявляет, что «жизнь идет по тем путям, что были намечены основными началами программы п.с.-р.». («Почин», статья Нечетного «На родине»). Между теми, для кого вопрос о сохранении партийного бытия и партии в целом не играет существенной роли («фирмы хоть и не будь» т. А-ва) и теми, кто «исходит из партии и апеллирует к партии». Между теми, кто признает и ценит прошлую работу партии и только для данного момента отрицает прежние тактические приемы, и теми, кто видит в этом прошлом лишь материал для изощрения своего остроумия.

Какие же возражения шли по адресу «критического» течения со стороны «господствующего», по определению Ант. Савина, — в партии направления? Прежде всего, мне хотелось бы несколько оглянуться назад и вернуться к тому «докритическому периоду», когда в партии царило еще сравнительное единомыслие, и посмотреть, как тогда освещались вопросы о направлении партийной работы, партийного строительства. Еще в № 3 «Зн. тр.» (август 1907 г.) в статье «Задачи партии в деревне» указывается, что перед партией стоят новые задачи, что партии необходимо «внедриться в народную жизнь, если она не хочет, чтобы эта жизнь катилась мимо нее»... Партия — «не секта, замыкающаяся в круг узенькой, искусственной догмы... Она не кучка политиков... Она и не группа заговорщиков-революционеров, специализировавшихся на делании революции. Она должна организовать не только революцию, но и эволюцию; действовать не только методами катастроф, но и медленно накаплиющихся изменений. Естественно было в революционный момент увлечься исключительно боевыми задачами, сосредоточить на них свои силы. Но теперь партия не должна задерживаться на такой односторонности. Она должна стать не только отрядом воинов, но и армией строителей будущего». В № 20 «Зн. тр.» («Очерки по организационным вопросам») мы находим вместе с указанием на существование в партии «тенденции утрированного боевизма, подчеркивание и необходимости углубления социалистической работы, и настойчивой упорной пропаганды социализма... и организации трудовых масс на почве борьбы за непосредственные экономические, правовые и культурные интересы». В этом — центр тяжести партийной работы. «Не какие-либо мнимостратегические планы немедленных выступлений, а сама жизнь... указывает нашим организациям план работы...» Далее говорится о руководстве классовой борьбой трудового крестьянства, об организации коопераций и т.д. Еще более определенные заявления по этому вопросу содержались в статье

«К вопросу о беспартийных крестьянских организациях» («Зн. тр.», № 26), где пореволюционные изменения характеризуются как усложнения форм общественности, появление новых очагов кристаллизации общественно-трудовых коллективных стремлений. Использование этих новых форм является обязанностью всякой политической партии, неиспользование их — преступно.

Сущность того, что выдвигалось в ответ на начавшуюся критику, сводится к следующему. «Слиться с трудовой массой, жить одной жизнью с ней, — это составляло всегда самое страстное, самое сильное стремление русского социализма» («Зн. тр.», № 17, «Очерки по орг. вопросам»). Но нельзя урезывать деятельность партии; тем, кто работает над организацией масс «не приходится выбирать... или партию, или профес. союзы, а в каждый момент работать над политической и над профессиональной организацией трудового народа». Само кооперативное движение только тогда пойдет правильной дорогой и не подвергнется «буржуазному перерождению», когда будет связано с другими формами борьбы. И для будущего строительства нужны не одни только «навыки», но и «план строительства после победы». Что касается восстановления партийных организаций, то и те, кто выдвигает такие планы, считает эту задачу для ближайшего времени явно невыполнимой.

Условия изменились, читаем мы в статье «Задачи партии в связи с переживаемым моментом» (№ 27). Не следует ли из этого, что должен измениться характер той спайки, которая делает из отдельных людей партию. Механизм партии должен остаться нелегальным. «Отрицание нелегальности форм организации во имя открывшихся легальных возможностей ведет к отрицанию партии». Использование легальных возможностей не является культурничеством только тогда, когда оно проводится организованной партией. «Если же на место партийного использования поставить работу... отдельных лиц, хотя бы и с.-р., то этим уничтожается всякий политический смысл за всей работой и остается лишь культурное ее значение». «Сотнями путей может войти теперь партия в жизнь... Но необходимо за легальными возможностями ни в коем случае не забывать нелегальных необходимостей». Ни на чем не основана точка зрения на легальные и нелегальные организации, как взаимоисключающие друг друга. Наоборот, «объединяя их, или вернее, включая в задачи партийных организаций вращение в жизнь через все открывающиеся возможности, мы обогатим содержание деятельности партийных организаций».

Здесь, в этих «возможностях», бьет «живая струя двигающейся вперед жизни», читаем мы в редакционной статье «Партия и легальные возможности» (№ 36, «Зн. тр.») и в этой борьбе «мы должны быть вместе с трудовым народом». Но мы должны помнить, что нужна еще какая-то большая упорная подземная работа, чтобы из этих «легальных возможностей» сделать со временем «легальные реальности».

Итак, перемены есть, и характеристика их приблизительно такова же, какую делают представители нового течения. Но эти перемены не ведут к отрицанию нелегальной работы. Сама легальная работа, «неиспользование которой было бы преступлением», получает свой смысл и значение, не переходит в простое культурничество только при существовании такой нелегальной организации. Характер работы в партии должен быть синтетичный — этого требует жизнь, на запросы которой партия должна отвечать. Таким образом, не растворение и не слияние, а параллельное и независимое от «массовых» экономических организаций существование партии, — нелегальной партии, ибо другой при данных условиях быть не может, — партии, как самостоятельного целого, — вот что подчеркивается представителями этого течения. И не вопрос о «легальных возможностях», который, в сущности, никогда не был «вопросом», вызвал необходимость «отпора». Ведь в конце концов, этот вопрос практики, — практика, жизнь решает, что в данный момент необходимо выдвинуть на первую очередь. Вопрос в другом, — частью в психологии неверия и разочарованности, черты которой несомненны хотя бы в статьях тов. А-вой, частью и, главным образом, — в тех построениях, которые как бы исключали партию и делали ненужной, лишней ее работу.

Как решается на месте вопрос о «легальных возможностях» и «нелегальных необходимостях»? Тут мы найдем и жалобы на «прежнюю партийную интеллигенцию», так называемых, «стариков» и «бывших» революционеров («Зн. тр.», № 42, 43, 44, 47, 49), отошедших от работы и несклонных приступить к ней, безучастных не только к революционной работе, но и ко всякого рода общественным начинаниям. И указания на отсутствие розни между легальной и нелегальной работой (№ 47, «Корресп. из Петербурга»), так как участие в легальных организациях связано также с риском попасть в тюрьму и ссылку, а поэтому элементы, не желающие рисковать, отстраняются не только от нелегальной работы, но и от «легальных возможностей». И характеристику той работы, которую приходится вести теперь желающему работать (№ 49. «Из переписки с товарищами»), когда «всюду приходится поспевать самому» — и в организации нелегальных рабочих, и в организации профес. союзов и рабочих клубов, и в попытках поставить легальный орган, и в распространении нелегальной литературы и т.д. К сожалению, подробнее останавливаться на этом я сейчас не имею возможности. Но не могу все же удержаться, чтобы не привести одну, крайне характерную иллюстрацию того, как жизнь решает спор о легальных и нелегальных путях.

На заседании Совета Бакинской организации п.с.-р. (в июне 1912 г.) при обсуждении вопроса о дальнейшем направлении революционной работы между отдельными представителями организаций возник спор как раз о том, какими путями идти дальше. На съезде боролись три течения. Представители крайнего левого «боевого» говорили: «В стране, где нарушаются законы..., где высокий

идеал государственности — полицейский и шпион... в этой стране ничего делать нельзя... в такой стране может быть только борьба. Эта борьба будет террористическая первое время... Затем видно будет, что нужно делать». Нужен «призыв». Что касается професс. союзов, то «начать-то мы работу там начнем, да будет ли прок»... «Над ними носится что-то и это что-то: «Эх, начать бы уж» (№ 45, «Зн. тр.»). Это — типичное выражение «боевизма», здесь налицо все его элементы: представление, что «прок» может быть только от террора, отрицание массовой легальной работы, противопоставление боевой работы всякого рода другой, наконец, наивная вера в силу «призыва» сверху. На противоположном конце стоят «легалисты». «Оружие испробовано, и мы уже видели его ценность. Десятки тысяч жертв что дали? Революционную вспышку — волну... от которой ничего не осталось... Старые пути устарели для России, нужны новые... И они найдены... Професс. и экономич. организации — вот обитель, где мы можем найти приют и покой. Все же другие средства — это напрасная трата времени, не дающая желанной обители, покоя. Вне экономич. и професс. организаций работа бесполезная... Всякие политические стремления рабочей партии — это ее минус; и все, что только охватывается экономикой, это ее силы... Для масс чужд ваш идеал..., вы вокруг них со своими высокими идеалами человечества — ничто. Политика и социализм — это для избранных». Отрицательное отношение к прошлому, которое «ничего не дало». Уверенность, что теперь, наконец, найдены верные пути, и пути эти — в професс. и экономич. организациях. Отрицание политики и, в конце концов, и социализма, — вот основные черты этого легализма, вылившегося в форму чистейшего «экономизма».

Наконец, третье течение, считающее ошибочным отклонение как в сторону «боевизма», так и «экономизма». «Наше строительство должно развернуться по всей линии нашей программы, отступление здесь от чего-либо немислимо», — говорят представители этого течения. «Здесь переоценивается вся партия и признается, что все то, что в ней есть, — это заблуждение и держаться этого заблуждения вперед не стоит... Но если мы выбросим все, чему же мы тогда будем служить? Что будет нашей звездой-путеводительницей? Идя своей дорогой и находя ценности на ее пути, мы не имеем права их не поднять, это было бы преступлением, с нашей точки зрения. Значение професс. и экономич. движения всегда помнилось Бакинской организацией. И теперь момент для поднятия професс. союзов благоприятный. Но и путь нашей дальнейшей истории не из легких. У него есть уже своя история, которую необходимо вспомнить».

К какому же результату пришли прения? «Совет бакинских организаций признал работу в легальных экономических организациях равноценной с нелегальной партийной работой и нашел своевременным теперь же приступить к работе в существующих про-

фессиональных союзах, создавая на заводах и промыслах профессиональные непартийные группы».

Итак, если факты действительности имеют для нас цену, то вывод из них очень определенный, — жизнь сливает разные течения в одно русло и русло это — путь параллельной легальной и нелегальной работы. Возможно, что данный момент именно выдвигает «легальные» пути. Но это не устраняет необходимости и нелегальной работы даже для данного момента — ибо вся жизнь не вмещается в рамки легальной деятельности как бы мала и ничтожна ни была она по своим силам, все же всегда стремится давать ответы по возможности на все запросы жизни.

Подведем итоги. Искания в среде обновления партийной тактики (частью и программы) явились результатом того, что партия оказалась оторванной от участия в жизни масс. Нужно было решить вопрос, как теперь же, немедленно, найти путь к непосредственному общению с массами. И таким путем явились «легальные возможности». Поскольку это выдвигание легальных путей являлось лишь средством к социально-революционному воспитанию масс, поскольку это есть только подчеркивание одного из путей такого воздействия на массы; поскольку оно не теряет связи с целым — оно содержит в себе здоровые элементы. Поскольку же это есть движение, не дополняющее прежние методы борьбы, а целиком отрицающее их; движение, видящее для данного момента один способ борьбы, — легальные ее формы; поскольку оно, сверх того, вытекает из мировоззрения, по существу своему отрицающего с.-р. мировоззрение, — поскольку это движение является чуждым партии.

Не вопрос о «легальных возможностях» вызовет раскол в партии и не по этой линии пойдет дальнейшая дифференциация... Идя своей дорогой и находя ценности на ее пути, мы не имеем права их не поднять. Это было бы преступлением; но с другой стороны, не захотим мы расстаться и с нашей звездой-путеводительницей. Более серьезные разногласия проявились в двух других направлениях. Это, во-первых, тот боевизм, который, вопреки утверждениям некоторых товарищей, все же еще есть в наших рядах. Тот боевизм, который отрицает все стороны работы, кроме боевой, только в ней одной видит красоту, смысл и значение, только ее одну считает истинно-революционной. Этот боевизм, — мы должны в этом сознаться, еще держится в партии. Но вряд ли можно сомневаться в его дальнейшей судьбе: он, чуждый истинному духу партии, должен отмереть... естественным, нормальным процессом. Это, во-первых, — определенный уклон в сторону чисто социал-демократических настроений, в сторону отрицания того, что в каждой партии является самым дорогим и заветным, что составляет душу партии — ее программы.

Знамя труда, 1913. № 50, апрель.

№ 27

НОВЫЙ ПОДЪЕМ

Вот уже два года, как все говорят о подъеме. Факт его вне сомнения, никто против него, кажется, не спорит. И левые и крайне правые, все одинаково на него указывают: одни с выражением надежд на близкое обновление, другие — с требованием новых скорпионов.

Два года идет подъем — и однако колымага российского прогресса все ни с места. Как будто даже пятится назад. Крайние правые, сон которых еще тревожат видения пережитой революции, бьют тревогу и осаждают власть требованиями все новых репрессий, все новых попятных шагов. И не без успеха...

Если бы дело было только в этом, мы не имели бы оснований быть недовольными. Чем отчаяннее сопротивление реакции, тем решительнее будет неизбежная победа, тем бесповоротнее будет разгром пережившего себя крепостнического дворянства и связавшей с ним свою судьбу монархии.

Но здесь есть и другая сторона, — и она-то и должна сосредоточить на себе наше внимание. Это — односторонность переживаемого нами подъема. Подъем революционной волны не разливается вширь, он все еще сосредоточен в Петербурге, Варшаве, Риге и немногих других городах. Он не захватил даже всего фабрично-заводского пролетариата. Юг и Кавказ, игравшие такую роль в годы, предшествовавшие революции 1905 года, пока молчат или подают лишь слабые признаки жизни, парализованные недавно пережитой жестокой национальной борьбой. Даже Москва точно еще не оправилась от Дубасовского разгрома. Мы ничего не слышим о железнодорожном союзе, о союзе почтово-телеграфном. Многомиллионное крестьянство, раскрывшее было в 1905—1906 гг. так неожиданно для многих свой социальный лик, опять стало для русского общества загадкой сфинкса.

Особенно важен для нас последний пункт. Мы всегда держались того мнения, что в России невозможна революция без крестьянства, тем более против него. Как же отразилась на нем правительственная аграрная политики? Каково его настроение? И чем объясняется его политическая пассивность? Правительство, как известно, решило своей политикой помогать «сильным» крестьянам добивать слабых, надеясь в этих сильных создать твердую опору для своей власти. Кадеты жестоко нападали на эту политику, требуя дополнительного наделения малоземельных, но теперь, по-видимому, не прочь примириться с нею, только ожидают они от нее другого результата: создание развитого, самостоятельного, очень либерального зажиточного крестьянства, одинаково враждебного и реакции, и социализму; и вот, когда русский либерализм найдет опору в этом образующемся многочисленном классе, тогда, наконец, он станет силой, способной сдвинуть Рос-

сию с мертвой точки и повести ее путем мирного прогресса к радужному будущему. Даже в народническом лагере высказываются предположения, что под влиянием правительственной аграрной политики класс малоземельных полукрестьян, полупролетариев исчезает в деревне и что аграрный кризис может разрешиться мирным путем, если только правительство будет достаточно благоразумно, чтобы принять меры против образования нового избыточного населения в новых местах, на купленных через банк частных владельческих землях и на милиорированных землях, приобретенных для земледельческой культуры из бесплодных юго-восточных пустынь и северных лесов. Относительно социально-политических настроений, какие народники этого оттенка надеются найти в трудовом крестьянстве, когда оно уравновесит, наконец, свой труд с владеемой земельной площадью, они нам ничего не говорят; но, очевидно, эти настроения не будут, по их предположению, враждебны социализму.

Правительство может, как будто, поздравить себя с успехом: и справа, и в центре, и даже отдельные голоса слева пророчат удачу его аграрной политике. Только все они ждут от того результатов, диаметрально противоположных: каждый — укрепления своей партии, своего направления, сходясь, впрочем, в одном и очень важном пункте — в допущении мирного разрешения аграрного вопроса.

Если принять это мнение относительно успешности аграрной политики правительства, социально-политическая пассивность крестьянства была бы для нас понятна: крестьянство устремилось к тем выходам, которые открыла перед ним правительственная политика, и его активность всецело поглощена этим переустройством своей жизни на новых местах или новых началах. Но так ли это?

Мы не верим в этот успех аграрной политики. Где те выходы, которые открыла она перед крестьянством? Переселение, после короткого напряжения сведшегося, впрочем, к усиленному перебрасыванию избыточного населения за Урал без его устройства там, вернулось к размерам, лишь немного превышавшим те, которые оно достигло перед японской войной. Крестьянский банк после лихорадочного напряжения своей деятельности в революционные годы, также возвратился на зимние квартиры и проявляет энергию лишь в одном — в неукоснительном выколачивании недоимок самыми кулацкими средствами. Н.Огановскому³⁵⁹, давшему в XII кн. «Заветов» (1913 г.)³⁶⁰ план мирного разрешения аграрного вопроса, понадобилось для этого заткнуть прорехи в правительственной аграрной политике мелиорацией миллиона десятин негодной земли ежегодно — и что, конечно, останется праздной фантазией на многие и многие годы. И все это только для устройства ежегодного прироста сельского населения и освобождающихся от земли крестьян, притом в предположении, что 700—900 тыс. крестьян ежегодно находит занятие в городах и промыш-

ленности! При таких условиях трудно поверить, чтобы действительно класс малоземельных в деревне исчезал. Не вероятнее ли обратное: рост этого класса?

Но если малоземелье не только не исчезает, а скорее даже растет, чем объяснить спокойствие деревни? Спокойствие это только временное и объясняется оно разрозненностью крестьянства, его разбросанностью и полным отсутствием каких бы то ни было организаций (кроме коопераций). Ведь и до 1905 года крестьяне много десятков лет терпели спокойно и малоземелье, и невыносимый податной гнет, и хронические забастовки, проявляя свое настроение лишь единичными, разрозненными вспышками. Не наблюдаем ли мы и в последнее время учащение разных трагических «недоразумений» при землеустройстве? Не свидетельствует ли это об обострении недовольства у «землеустраиваемого» крестьянства?

Крестьянство не утратило своей революционности. Но чтобы эта революционность проявилась в широком движении, ему не хватает многого: ему не хватает организационной связи внутри себя, ему не хватает связи с городским рабочим классом.

Возвращаясь к подъему революционного настроения в городах, мы можем сказать, что этот подъем не безнадежен. Перед ним — не тупик, не глухая стена. Социально-политическая обстановка жизни рабочих и крестьянских масс не открыла перед ними перспектив широкого мирного развития; они по-прежнему имеют перед собою только революционное решение задач текущего дня. Но, чтобы этот подъем имел шансы на дальнейшее развитие, надо все силы направить на развитие его **вширь**, а не только **вглубь**. Надо не столько поднимать настроение в одном-двух пунктах страны; надо разливать этот подъем по всей стране. Надо охватить, по возможности, все пункты скопления фабрично-заводского пролетариата. Надо организовать железнодорожный и почтово-телеграфный персонал. А больше всего — надо нести революционную организацию в крестьянство. Без поддержки всей страны движение в двух-трех центрах, как бы ни были важны эти центры сами по себе, останется пустоцветом и скоро вызовет разочарование в самом пролетариате этих городов.

С этой совершенно бесспорной точки зрения нам представляется крайне опасным те ультрабойкотистские настроения, которые проявляются в некоторых организациях нашей партии. Не надо участвовать в больничных кассах: не через них мы придем к революции! Не надо работать в профес. союзах! Разве они приведут нас к Учредительному собранию? Тем более не надо кооперативов с их лавочками, торговыми оборотами и пр. Да здравствует вооруженное восстание и только оно!

Да, товарищи! Да здравствует вооруженное восстание, но тогда, когда трудовой народ всей страны объединен одной мыслью, одной страстью, когда он весь глухо волнуется и сотрясается,

готовый каждую минуту восстать на защиту своих прав, своего достоинства. Да здравствует вооруженное восстание, когда широко разветвленные организации быстро передадут этот клич в самые глухие уголки страны. Без такого широкого организационного базиса движение осуждено на жалкий крах.

Поэтому первой и самой насущной задачей социалистов-революционеров является организация. Прежде всего, организация партии, затем организация союзов, кооперативных обществ и т.д. Ибо необходимо возможно полный охват масс. И нужна всюду самая энергичная, настойчивая пропаганда идей вооруженного восстания и Учредительного собрания. Эти идеи должны быть альфой и омегой всех дискуссий, всех обсуждений. Ибо, как все дороги ведут в Рим, так все сколько-нибудь крупные вопросы упираются в Учредительное собрание и ведущее к нему вооруженное восстание. И чем на большем числе жизненных вопросов и чем более широкая масса упрется в эти лозунги, тем скорее, тем вернее они претворятся в действительность.

И только на почве этой общей организованности и возбужденности трудовых масс приобретет все свое значение организационная подготовка восстания. Но, чтобы заставить массу все острее и острее чувствовать, что без этого универсального средства она не разрешит ни одного своего сколько-нибудь крупного вопроса, надо не уходить от нее, не бросать ее одну в ее повседневной жизни и повседневной борьбе. Нет, надо принимать самое близкое, постоянное участие в этой жизни и в этой борьбе.

В разгар революции, когда социалисты-революционеры падали один за другим на передовых постах под ударами врагов, от некоторых наших товарищей приходилось выслушивать опасения: не суждено ли нашей партии сыграть роль тех славных трехсот воинов Леонида, которые пали все до единого, чтобы дать грекам время собрать силы для отражения нашествия персов? Смелая, последовательная революционная программа завоевывает те же умы и души, которые привлекаются в наши ряды крайними революционными методами действия. Не сведется ли все к тому, что наша партия истощит все свои силы на первом приступе? И когда враг будет, наконец, сломлен, и настанет время реализации, цвет нашей партии останется на поле сражения, и стоявшие за нами более умеренные партии, меньше пострадавшие в бою, пройдут по их телам и осуществят свои более умеренные программы. Не обратится ли наш боевой дух во вред нашей программе, превратив нас против нашей воли в простое орудие политического освобождения?

То, что вызвало в то время опасения, теперь принимается некоторыми товарищами с резиньязией, как predetermined историей свойства нашей партии. Мы не для мелкой упорной будничной работы, мы сгораем лишь в кратковременных, но ярких вспышках. Прочь эту резиньязию! Мы должны тем энергичнее

восстать против всякого отрыва от масс во имя непосредственного прямого боя с врагом, что в настоящее время — нечего закрывать глаза на это! Мы не в состоянии и дать этого боя. Мы напрасно, бесплодно растратим свои силы на одних приготовлениях. Не говорю уже о том, что сзади нас нет еще строящихся в боевые колонны масс, которые продолжили бы и закончили начатый бой. Еще гибельнее были бы преждевременные, спорадические вспышки в двух-трех местах, не поддержанные страной, если бы нам и в самом деле удалось увлечь на них сколько-нибудь заметные массы.

Мы переживаем пока момент, когда наш боевой дух должен гнать нас не на спорадические вспышки, а в широкие массы: рабочих, крестьян, железнодорожного пролетариата.

Знамя труда, 1914. № 53, апрель.

№ 28

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

(Доклад партии с.-р., подготовленный к Международному социалистическому конгрессу в Вене 1914 г.)³⁶¹

I

За период времени, протекший с Копенгагенского конгресса (1910 г.) внутренняя политика русского правительства ни в чем не изменилась. Позади официальной власти, представители которой сменялись, продолжал стоять союз объединенного дворянства³⁶², постоянно вдохновляющий в контрреволюционном направлении всю внутреннюю политику. В то же время интернациональный капитализм не переставал оказывать поддержку царизму своими финансами. Продолжались правительственные преследования и подавление всякого стремления к независимости. Число казней хотя и уменьшилось, но заключение в тюрьмы и ссылка на каторжные работы продолжали применяться безжалостно, для искоренения всякого проявления революционного духа...

Как и раньше, правительство не пренебрегает ничем для сеяния измены и провокации и все совершенствует систему шпионажа (под названием «секретного сотрудничества»). Даже пример со Столыпиным, павшим жертвой того самого полицейского режима, вдохновителем которого он был, не останавливает его последователей. Тюрьмы и ссылки продолжают быть местами, в которых царит дикий произвол...

Наиболее преследуются рабочая и крестьянская пресса. Буквально ни одного номера нельзя издавать без того, чтобы он не был конфискован... Добрая треть социал-демократических газет точно так же, как и издания нашей партии, конфисковываются.

В утверждении новым союзам рабочих отказывается систематически и, под лживыми предложениями, распускаются уже утвержденные. Члены союзов преследуются, арестовываются, высылаются. Также и органы союзов преследуются всеми способами и распускаются целиком. Даже стачки, несмотря на их вполне законный характер, вызывают репрессии.

Прибавьте к этому преследование евреев, выступления против Финляндии и поляков, дело Бейлиса³⁶³, массовое выселение евреев из областей, где они издавна жили, возмутительное удаление их из школ и университетов; в Финляндии хронический конфликт по внутреннему управлению³⁶⁴; отделение Холмской губернии от Польши³⁶⁵, обратившее польскую провинцию в русскую губернию; создание национальных курий в восточных земствах³⁶⁶ и польских муниципалитетах³⁶⁷ — таковы мрачные пагубные дела официального национализма...

Но наибольшее политическое значение в жизни страны имела аграрная политика, вдохновляемая объединенным дворянством. Разрушение общины («мира»), начатое указом 9/22 ноября 1906 года, еще усилилось законом 1910 года, в силу которого общины, в которых земли не переделывались в течение 24-х последних лет, считаются перешедшими в частную собственность, как будто общинная жизнь только и проявляется, что в периодических разделах земли и, как будто бы не нашлось других способов, кроме раздела, для урегулирования землепользования среди членов общины.

Тот же закон 1910 г. подчинил всю семейную собственность личной власти главы семейства таким образом, что остальные члены семьи, которые своим трудом способствовали приобретению фамильного достояния, и материальная доля которых устанавливалась обычным правом, отныне совершенно разорялись и отдавались на единоличную милость главы семьи.

В слепом стремлении уничтожить все, что кажется опасным для всесильного дворянства и буржуазии и низвести «гражданина» к роли «обывателя», наши защитники семьи, собственности и общества разрушают ту же семью, вводя в нее начала спора и конфликта восстановлением в XX веке патриархальной власти главы. Они увеличивают таким образом отход крестьян с земли и укрепление земли в личную собственность.

Для окончательного разрушения «мира», который дворянство почитает «постоянной коалицией» против крупных собственников, «центральный землеустроительный комитет», учрежденный Столыпиным, довел до крайних пределов рассеяние крестьян по отдельным отрубам и дезорганизацию старинных деревень, рассматриваемых как очаги революционного духа.

Крестьянский банк шел тем же путем. Для того чтобы поднять сильно упавшую продажную стоимость земель, он приобрел у крупных собственников несколько миллионов десятин по оценке,

превышавшей на четверть и даже на треть ценность тех же земель до революции. Земли, так приобретенные, были размежеваны на отруба и затем распроданы крестьянам в личную собственность, хотя во время революции крестьяне проявили вполне определенно стремление покупать и арендовать землю обществами и товариществами. Даже в тех случаях, когда банк являлся лишь посредником между крупными земельными собственниками-продавцами и крестьянами-покупателями, он не упускал случая советовать первым разбивать землю на участки для того, чтобы распродать их по цене в полтора раза высшей, чем это было возможно при общинной покупке; в подобных случаях банк даже предоставлял в распоряжение землевладельцев своих агентов по межеванию и землеустройству.

Правительство ведет повсюду одинаково политику, оно стремится развить частную собственность в Сибири, продавая все годные для возделывания земли в полную собственность переселенцев, вместо того чтобы, как это было ранее, предоставлять их даром в общинное пользование.

Более того, в тех стремлениях покончить с аграрным вопросом, который принес столько затруднений в 1905 и 1906 годах, правительство старалось усовершенствовать земледелие, развивая с необыкновенной энергией агрономическую помощь, до сего времени почти несуществовавшую, покровительствуя созданию обществ земледельческого кредита, усиливая это движение даже искусственно, регулируя торговлю зерном.

Надо признать, что деятельность его в этом отношении имела внешний успех. Она посеяла раздор между крестьянами, которые были доселе связаны в общем аграрном движении; наиболее богатые среди них, имевшие большие наделы, поторопились еще увеличить их личным приобретением и, таким образом, принудили бедных крестьян, не смогших вследствие бедности сохранить даже свой общинный надел, к выходу из «мира». Со своей стороны городские рабочие, не порвавшие еще своей связи с землей, хотя и не возделывали ее с давних пор, не смогли устоять перед искушением и также отделились от «мира», увеличивая тем еще более его распад. Становясь частными собственниками своих наделов, они торопились их перепродавать, свидетельствуя тем свое малосознательное отношение к своим же собственным интересам.

Аграрная политика правительства заронила сомнения и в самую социалистическую мысль. Так некоторые отдельные социал-демократы имели вначале тенденцию приветствовать указ 1906 года, как ускоряющий разрушение общины и содействующий развитию частной собственности. В дальнейшем их отношение к аграрной реформе стало несколько нерешительным, что объясняется тенденцией городских рабочих уничтожить вовсе свою связь с землей.

Что касается социалистов-революционеров, то решительная оппозиция указу была связана с известной долей беспокойства за возможный исход реформы: удастся ли ему перевести всю крестьянскую массу под власть экономического индивидуализма? Эти вопросы и многие другие подобные, вносили глубокое разногласие в среду наших товарищей.

Результаты, к которым в данный момент привела аграрная политика правительства, могут быть резюмированы следующим образом:

1. Выходы из общины, поднявшиеся очень быстро на ужасающую цифру в 50.000—55.000 в месяц, еще быстрее упали: за последние годы число их остается более или менее постоянным, именно, приблизительно 13.000 в месяц, считая в том числе крестьян и таких общин, в которых не было переделов за последние 24 года и которых закон 1910 г. автоматически переводил на частновладельческий режим.

2. Меры, принятые правительством для разрешения аграрного вопроса (переселение крестьян, продажа земель государственных, удельных и кабинетных, деятельность Крестьянского банка), оказались недостаточными для громадной массы крестьян, наполовину пролетаризованной (многие десятки миллионов в 1903 г.). Недостаток в земле не только не уменьшился, но даже возрос. В настоящее время переселение, с одной стороны, операции Крестьянского банка — с другой, после быстрого подъема вслед за аграрными беспорядками, упали почти до уровня дореволюционного.

3. Правительство и, еще более, земства развили за последние годы большую энергию для поднятия земледелия. Но усилия их не повысили ни на один пуд средний сбор с десятины. Это происходит вследствие того, что правительство поддерживает исключительно крестьян, перешедших на отруба, составляющих лишь незначительное меньшинство. Оно препятствует крестьянам оставаться верными общине, т.е. подавляющему большинству — ухудшает их экономическое положение, прямо ли запрещая новые переделы земли, необходимые для возможности перехода от трехпольной системы к высшему севообороту, или же косвенно — держа общину в состоянии вечной неустойчивости, неуверенности, когда каждому члену общины предоставлен свободный выход из нее, что составляет непрестанную угрозу разложением ее.

4. Несмотря на реформу, правительству не удалось создать довольных им крестьян; отдельные «хутора», созданные им в данный момент, крайне малочисленны и не выделяются ни усовершенствованным инвентарем, ни своим благоденствием.

Вообще же, смятение и неурядица, внесенные в деревенскую жизнь аграрной реформой, мало-помалу рассеиваются и уступают место возможному возрождению организованности и сознательности. Кооперативное движение, в котором преимущественно проявляется это возрождение, растет с небывалой до сего времени бы-

стротой и влияние его сказывается вплоть до выборов в земства, за последний год; и оно дает себя чувствовать во всех областях крестьянской жизни.

Еще более бесплодной оказалась правительственная политика в отношении городских рабочих. По отношению к ним правительство ограничивалось лишь постоянными репрессиями. Оно издало очень неудовлетворительный закон о страховании от болезней и несчастных случаев³⁶⁸. Настолько неудовлетворительный, что хотя и все социалисты, за исключением нескольких местных групп нашей партии, высказались против бойкота этого закона, все же пролетариат в сознании своих интересов и своих прав сделал крупную ошибку, препятствуя бойкоту, который возникал, т.о., самородно.

Рабочее движение росло; и в 1912 и в 1913 годах оно достигло размеров, превзойденных лишь бурным 1905 годом.

Вот каковы условия, при которых действует революционная партия с.-р. Безумно было бы даже и поднимать вопрос об открытой деятельности, так как самый факт принадлежности к партии наказывается заключением и гражданской смертью вплоть до каторжных работ. В общественной деятельности своей члены партии должны скрывать, что они соц.-револ., и излагать партийные идеи лишь замаскированным и отвлеченным образом.

Организация партийной работы, возможная только в условиях подпольного существования, затруднена шпионажем и преследованиями. Мы похожи на армию, рассеянную маленькими отрядами и ведущую партизанскую войну. Главный центр партии еще поддерживает сношения с некоторой частью этих отрядов, но он не может удержать в своих руках общее направление, а это приводит часто к тому, что отдельные группы, а подчас и единоличные члены партии, действуют по своей инициативе и за свой страх и риск.

II

К 1910 году, когда был Копенгагенский конгресс, русская контрреволюция достигла своего апогея. Казалось, реакция победила надолго. В 1914 г. в день первого мая в С.-Петербурге забастовало 140.000 рабочих, а по данным независимой прессы их было 250.000 человек. В настоящее время русский рабочий класс ведет экономическую и политическую борьбу, расширяющуюся с каждым днем. В 1912 и 1913 гг. число участников в стачечном движении превзошло миллион, число, которое было достигнуто лишь в 1905—1907 гг. во время революции. Образуются и ширятся рабочие союзы. Центрами их являются Петербург, Москва, Рига, Варшава, Баку, Киев, Ростов-на-Дону. Движение в особенности интенсивно в Петербурге, где существуют союзы рабочих металлистов, наборщиков, ткачей, булочников, горнозаводских

полировщиков по металлу, ресторанных служащих, деревообделочников, плотников, приказчиков, маляров и фармацевтов. Стачки и борьба за рабочее страхование составляют в 1913 г. главные задачи их деятельности. Наряду с утвержденными союзами существуют союзы незаявленные, среди которых следует отметить федерацию союзов моряков, которая объединяет большое число местных организаций моряков черноморских, азовских, каспийских, донских, волжских и балтийских и которая в августе 1913 г. вошла в интернациональную федерацию транспортных рабочих.

Нарождается и развивается рабочая пресса. Без нее никогда русские социалисты не смогли бы вмешиваться в политику, ни давать лозунги рабочим.

Среди форм политической борьбы, применяемых рабочим классом, следует отметить целый ряд стачек, в которых принимали участие сотни тысяч рабочих: в 1911 г. — 1-ое мая и в день смерти Толстого³⁶⁹. В 1912 г. — годовщина 9/22 января, 4/17 апреля после Ленского расстрела³⁷⁰, 1-ое мая и, наконец, осенью, после осуждения матросов Севастополя³⁷¹, в 1913 — 9/22 января, 17-го апреля (годовщина убийств на Лене), осенью, после дела кронштадских матросов³⁷², после гонений на рабочую прессу³⁷³ и после дела Обуховского завода³⁷⁴; в 1914 — 9/22 января, в марте, по случаю гонений на рабочую прессу и отравлений работниц на фабрике «Треугольник»³⁷⁵, в апреле, по случаю Ленской годовщины и в ответ на насилия, примененные к депутатам социал-демократам и трудовикам³⁷⁶, грандиозная майская стачка. Таков итог политических стачек за последние годы.

Если присовокупить к этим героическим стачкам, уличным манифестациям, митингам, старания усилить партийную организацию, широкую борьбу за страхование и за прессу, то следует признать, что русский пролетариат вновь вступил на путь революции.

Пробудилась и деревня. Доказательством этого являются цифры, свидетельствующие о росте кооперативного движения, которое, главным образом, есть движение крестьянское.

К 1910 г. в России было почти около 13.000 кооперативов. К 1 января 1914 г. было по «Вестнику кооперации»³⁷⁷ кредитных коопераций — 12.789; потребительских — 10.000; земледельческих обществ — 4.400; земледельческих союзов — 1.301; кооперативных молочных — 2000; ремесленных ассоциаций (артелей) — около 500. В общем — около 31.500. По тому же источнику ассоциации эти группируют более 10.000.000 кооператоров. Кредитные операции превосходят 600 млн рублей, операции потребит. кооперации — 250 млн рублей.

Это кооперативное движение, размеры которого абсолютно вне конкуренции во всем мире, являют нам, что деревня вышла из своего состояния апатии и что крестьяне начали организовываться. Укрепляя экономическое положение крестьян, кооперативы в то

же время побуждают их к политической борьбе. Влияние кооперативов сказалось уже на городских выборах.

Но, кроме того, крестьяне стараются заставить помещиков повысить заработную плату рабочим и уменьшить размер арендной платы. Это классовое движение разворачивается в деревне, как и в городе, под бдительным надзором полиции и преследуется потоком репрессий. Но ни одному правительству в мире еще не удалось остановить ход истории, и вот почему трудовые массы, наконец, восторжествуют над царским абсолютизмом.

III

Изложение состояния и деятельности партии с.-р., представленное на Копенгагенском конгрессе, простиралось до половины 1910 г. Начиная изложение с этой даты, мы прежде всего обращаем внимание на то, что ни в конце 1910, ни в начале 1911 г. не произошло никаких важных изменений в жизни партии.

Правительственная реакция и апатия русских демократических слоев в 1910 — 1911 гг. представляли тогда непреодолимые препятствия для социалистической пропаганды. Все социалистические партии ограничивали свои усилия реорганизацией подпольных групп, исчезнувших к тому времени и приобщением их к местной жизни; с таковой целью они стремились проникать в организации городских и деревенских рабочих, распространять социалистическую литературу.

Центр издательской деятельности партии оставался за границей, где Центральным Комитетом издавались «Знамя труда», «Рабочий» и много брошюр. В России, несмотря на безмерные преследования, организации старались всяческими способами издавать подпольные газеты, брошюры и листки. Назовем, исключая прокламации, газеты, издававшиеся в Баку «Современник»³⁷⁸, «Морские волны»³⁷⁹, «Морской листок»³⁸⁰ (предназначенные для пропаганды среди матросов торгового флота); крестьянские газеты — «Буревестник» — в Пензе, «Земля и Свобода» и «Борьба»³⁸¹ — в Поволжском районе; «Наша газета», «Крестьянская газета» — на юге; «Новости» и «Единство» — в Центральной области. Все эти газеты, которые все далеко еще не перечислены, существовали лишь эфемерно и большей частью принуждены были прекращаться с первых же номеров. С конца 1912 г., в особенности в середине 1913 г., начинает легально издаваться рабочая и крестьянская пресса, признающая наше направление. Нарождаются издания в провинции и в столицах. Ни гонения, ни конфискации, ни аресты редакторов не воспрепятствовали и не могли воспрепятствовать развитию этой прессы, в которой рабочие массы находят выражение своих чувств и своих нужд и существование которой поддерживается мелочными сборами на фабриках и в деревнях. Что касается нелегальных изданий, ввозившихся в Россию

с 1910 до 1914 г. из-за границы, то мы приводим следующий их список: «Знамя труда», центральный партийный орган в количестве 25 №№; «За Народ»³⁸² (предназначенный для военной пропаганды) в количестве 31 №№; «Земля и Воля»³⁸³ для крестьян — 6 номеров; «Рабочий» (предназначенная для городских рабочих) — 3 номера; «Дело Народа»³⁸⁴ (то же назначение) — 3 номера; «Социалист-революционер», издание, посвященное теоретическим вопросам и один номер «Инициатива». Из брошюр: «Письмо к Родине» Оникко³⁸⁵, бывшего депутата; «Dans des intrus» (?), «Заметки соц.-революционера» (два издания)³⁸⁶, «Заключение следственной комиссии по делу Азефа»³⁸⁷, «Донские казаки»³⁸⁸, «Казак»³⁸⁹, «Армия и Романовы»³⁹⁰ (два сборника), «Защита страны»³⁹¹ — эти четыре последние брошюры предназначались для пропаганды в армии. Сюда нужно прибавить несколько номеров «Вестника Заграничной федерации». Отметим также возобновление интернационального партийного органа «Русская трибуна»³⁹² (1912—1913 гг.), издание которой в настоящее время приостановлено за недостатком средств.

1911 г. был поворотным пунктом великого революционного движения, которое, благодаря учащейся молодежи и пролетариату, из больших центров начинает проникать в трудовые массы России. Три больших политических события в 1910—1911 гг. оказали сильное влияние как на общественное мнение, так и на деятельность партий. Это самоубийство нашего товарища Егора Сазонова³⁹³, который в июле 1904 г. убил министра фон Плеве, смерть Льва Толстого³⁹⁴ и убийство Столыпина.

Самоубийство Сазонова, который считал должным протестовать в такой форме против гнусного и жесткого обращения, применяемого царизмом к политическим преступникам, вызвало огромные манифестации для выражения симпатий со стороны учащейся молодежи и пролетариата. Партийные группы в университетских городах и рабочие социалисты-революционеры приняли деятельное участие в этих манифестациях.

В ответ на мучительства в тюрьмах было произведено партийными организациями два покушения против тюремной администрации: покушение (15 апреля 1911 г.) нашего умершего товарища Лидии Рудневой против тюремного вологодского инспектора Ефимова³⁹⁵; затем, в августе, покушение т. Лагунова против инспектора Высотского в Зерентуе³⁹⁶. Смерть Толстого явилась во многих городах, в особенности университетских, поводом к манифестациям, в которых равным образом приняли участие и партийные организации.

В 1912 г. партия была занята двумя крупными политическими событиями: выборами в Думу и Ленскими расстрелами. Вынужденная к подпольному существованию, партия не могла созвать общий партийный съезд для обсуждения избирательного вопроса, и должна была ограничиться опросом в местных организациях,

чтобы выяснить таким путем мнение партийных членов. Из опроса выяснилось, что относительное большинство наших товарищей стояло за мотивированный и демонстративный отказ от участия в выборах, все же признавая необходимым, с точки зрения пропаганды, участие партии в избирательной кампании для ознакомления населения с партийной тактикой. Вследствие этого партия не выставила кандидатур на выборы в IV Думу; но, благодаря несовершенству своей организации, точно так же, как и благодаря малому интересу к выборам со стороны населения, партия не смогла широко развить своей пропаганды.

Ленские события вызвали рабочие демонстрации, внушительные по своим размерам, но также и по духу солидарности, которыми они были охвачены. Демонстрации дали возможность нашим организациям самим или вкупе с другими социалистическими организациями активно вмешиваться в политическую жизнь, возобновлять свою пропаганду, войти в рабочие массы и расширить таким путем свое влияние.

Каково положение партии в настоящее время? Трудно его определить, так как при исключительных условиях существования и деятельности нелегальной партии трудно вести точную регистрацию всех ее организаций и точное исчисление всех ее членов и приверженцев. Деятельность партии охватывает огромную территорию и организации принуждены существовать одна вдали от другой; поэтому и трудно знать ее точную численность и оценить пределы ее деятельности.

На первом месте следует поставить деятельность партии в больших промышленных центрах, как Петербург, Москва, Баку, этот центр производства нефти и керосина в котором, наряду с организациями нефтяных рабочих, существует созданный нашими товарищами союз каспийских моряков. Эти три центра, в которых наши организации достигли наивысшего развития. Затем появляются с некоторых пор организации на уральских рудниках, в текстильном районе Владимира, в Одессе, Киеве, в Донской области, организации моряков черноморского каботажного флота.

Что касается специально земледельческих областей, то наши организации, продолжая деятельность среди рабочих и учащихся, стараются проникать глубже и в крестьянскую среду, сближаясь с многочисленными союзами, сетью которых со времени революции была покрыта вся деревенская Россия. Среди работающих, специально среди крестьян следует назвать организации в губерниях Полтавской, Киевской, Харьковской, Черниговской, Воронежской и части Херсонской; затем следуют организации Северного Кавказа, прибалтийских губерний, северо-поволжского района, губерний Могилевской, Витебской и многих городов и деревень в Сибири.

Партия, наконец, работает в рядах армии. Несмотря на суровые меры, принятые для предохранения от внешнего влияния,

пропаганда среди солдат и матросов приняла серьезные размеры. Пропаганда эта имеет целью бороться с авантюристской внешней политикой царизма и подготовку в ближайшем будущем торжество революции внутри. Газета «За народ», издаваемая партией с этой целью, распространена в рабочей массе, и некоторым организациям, именно в Петербурге, Москве и Одессе, удалось завязать постоянные сношения в местных гарнизонах и создать солдатские группы. С некоторого времени начинают работать сами офицеры.

За границей с.-р. со времени Копенгагенского конгресса имели случаи выступать с оппозицией против требования русского правительства о выдаче. Напомним о делах наших товарищей: Луцкого в Галиции, Сидорчук в Италии³⁹⁷, Гайвас, Тиманского и Бульского в Бельгии, Бабского во Франции³⁹⁸, Адамовича в Египте, Виноградова в Сербии. Мы не могли спасти двух последних товарищей, которые вопреки всем обычаям интернационального права и с нарушением прав убежища, были вероломно выданы агентам русского правительства.

Партия приняла деятельное участие в движении против войны. Ее представитель³⁹⁹ принял участие в митингах, организованных Интернационалом накануне Базельского конгресса (ноябрь 1912 г.) и в целом ряде других митингов, организованных во Франции социалистической партией.

Упомянем также, что партия содействовала организации больших митингов протеста против дела Бейлиса, в которых приняли участие Жорес⁴⁰⁰ и Фрасис де Прессане. По поводу этого дела Амьенский конгресс французской секции интернационала отправил партии телеграмму с выражением симпатий.

Партия организовала в больших Европейских центрах серию интернациональных митингов против введения пыток в русских тюрьмах, и совсем недавно она чествовала в больших народных собраниях 70-ти летие рождения нашего товарища Катерины Брешковской, совпавшей с ее попыткой бегства из Сибири, попыткой, закончившейся заключением ее в Иркутскую тюрьму⁴⁰¹.

IV

Революционное движение, начатое пролетариатом больших городов, стремится охватить и крестьянскую Русь. Оно заставляет партию с.-р. с ростом ее сил теснее сомкнуть свои ряды. Чувство невозможности действовать сообща, благодаря слабой организованности, вынуждает группы, действовавшие до сей поры изолированно, соединить свои усилия. Для примера можно указать на федерацию групп С.-Петербургского района, на попытку объединения партийных работников путем областных конгрессов в Донской области, в Харьковской, Полтавской, Киевской и др. губерниях. На очереди вопрос о съезде партии. Съезд этот призван сыг-

рать в жизни партии важную роль, послужить связующим звеном для всех групп, рассеянных по громадной России. Он же подготовит нас к грядущим политическим событиям.

Таковы, в общем, очень неполные сведения, которые мы можем дать интернациональному Венскому конгрессу о жизни и деятельности партии, которую обстоятельства вынуждают в настоящее время оставаться еще нелегальной организацией.

*Накануне мировой войны.
Доклад партии с.-р., приготовленный к международному
социалистическому конгрессу в Вене 1914 года. М., 1917.*

Раздел II

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ВОЙНА

(август 1914 г. — февраль 1917 г.)

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Не так давно мне случайно попал в руки документ, до настоящего времени нигде не опубликованный: протоколы конспиративного совещания видных эмигрантов с.-р., происходившего в 20-х числах августа 1914 г., посвященного вопросу... как же сочетать революционную непримиримость к антинародной власти с необходимостью считаться с нею в интересах защиты России от внешнего врага... Эпизод, документированный лежащими передо мною протоколами, будит у меня и личные воспоминания, с ним связанные: я проживал в то время за границей и, хотя не был эмигрантом, принимал участие в августовском совещании. Быть может, в качестве комментария к официальному документу, сохранившиеся в моей памяти обрывки воспоминаний помогут полнее восстановить психологию того времени.

Объявление войны застало меня в Швейцарии, в тихом университетском городе Базеле, с головой погруженного в свои занятия на медицинском факультете. Двери русских университетов из-за моей политической неблагонадежности оказались к этому времени наглухо для меня закрытыми. Здесь, в Базеле, после вынужденного многолетнего перерыва, заканчивал я курс, начатый когда-то в Московском университете.

Решению вернуться к медицине, с тем чтобы по окончании ее пойти на работу в земство, предшествовали долгие и малорадостные размышления относительно той революционной деятельности, которой был отдан добрый десяток предшествовавших лет моей жизни. От нее оставался в душе след двойственный. Правда, это были годы большого душевного подъема, идеальных устремлений, жизни в атмосфере революционного братства. Но была и обратная сторона, горькая и мучительная. Дело даже не в понесенном революцией 1905 г. поражении. Тяжелее было сознание, что в эти годы не произошло у нас и настоящей встречи, взаимного понимания с народом, действительным, а не созданным интеллигентской выдумкой. А тут еще подоспела Азефовская история... Перспектива вновь вернуться в отравленную атмосферу подполья казалась нестерпимой. Надо ту же работу в народе попробовать осуществить в путях еще остающихся, хотя бы и весьма ограниченных, «легальных возможностей»...

Внешние впечатления ни на мгновение не заслоняли сразу же вставший в душе с объявлением войны вопрос: что же будет с Россией и что в данных обстоятельствах следует делать мне? Было до жуткого холода в душе очевидно, что России грозит страшная, быть может, смертельная опасность, что на этот раз риск не ограничивается лишь возможностью потерять окраину, как в 1904 г.⁴⁰³, а на карту поставлено самое бытие России, как великой державы. Моральная ответственность правительства тоже была со-

всем иной, чем в 1904 г. Этой войны оно определенно не хотело и сопротивлялось вовлечению России в нее до последней возможности. И тогда, во время японской войны, пораженческие настроения мне были чужды. Сейчас же, перед страшной перспективой ожидающих Россию испытаний самые острые внутренние проблемы должны отойти на задний план. Во главе России стоит ненавистная нам антинародная власть? — Да, но в предстоящей борьбе не на жизнь, а на смерть, военное поражение правительства не может не быть разгромом самой России. Пока власть борется с внешним врагом, по каким бы она это мотивам ни делала, — недопустимо мешать ей, самые формы политической борьбы с самодержавием на время войны должны быть подчинены интересам обороны страны.

Что касается вопроса о том, что делать мне лично, то об этом долго размышлять не приходилось. Все решало непосредственное чувство, и оно было в полном согласии с велением совести. Кто бы ни был виноват в том, что Россия оказалась вовлечена в мировую войну, дурно или хорошо теперешнее правительство, — русский народ во всяком случае обречен на тягчайшие страдания и жертвы. Мое место в час испытаний для моего народа — там в России, вместе с ним на предстоящем ему крестном пути. Всякий иной, политический или тем более партийный подход к вопросу казался просто неуместным. Надо, бросив все свои университетские планы, возвращаться на родину. Как ратник ополчения, я не подлежал вызову из-за границы в Россию. Не знаю, хватило ли бы у меня решимости отправиться в качестве фельдшера или санитаря для службы на фронте. Так я должен поступить.

Потребность действовать, притом немедленно, была настолько повелительна, что, не откладывая дела в долгий ящик, я на следующий же день поехал в Берн и там в российском посольстве подал соответствующее заявление...

Забегая вперед, скажу, что из моего «добровольческого» жеста никакого толку не вышло. Через положенное число недель из Петербурга пришла бумага, объявленная мне через посольство, в которой надлежащее военно-санитарное учреждение, отдавая должное патриотическим моим побуждениям, вежливо однако отклоняло предложенные мною услуги. Поверить в искренность этих побуждений у революционера там, очевидно, никак не могли.

В ожидании ответа на поданное заявление, я с удвоенной энергией взялся за медицинскую работу, надеясь, быть может, успеть все же закончить ее до отъезда в Россию...

О войне же были и письма, приходившие от родных из России. Писали братья, уже мобилизованные; особенно волновали письма матери, — после них еще сильнее тянуло в Россию. Старуха-мать, проживавшая в своем имении, в глуши Н-ской губернии⁴⁰⁴, описывала настроения в деревне, сообщала о семейных событиях в связи с войной. Читая ее бодрые письма, верилось, что в народе война вызвала живое чувство тревоги за Россию, ощущение нависшей над нею страшной беды. На мобилизацию в наших местах

крестьяне шли, конечно, без воинственного угара, вряд ли свойственного натуре русского мужика, но в суровой сосредоточенности, с сознанием, что жертвы неизбежны и с готовностью пострадать «всем миром». Отмечала мать и еще одну, особенно для меня отрадную черту — война, уравнившая всех в общей судьбе, в обреченности страданиям и смерти, как бы стирала всегдашнюю грань, отделявшую «усадебку» от «деревни». Наша семья, помещичья, несла эту повинность крови в той же мере — если не в большей еще — как и любая крестьянская семья в соседней деревне: все без исключения взрослые мужчины в нашей семье были мобилизованы, мать оставалась в имении только с дочерью, невестками и малыми внучатами. Бабы-солдатки постоянно прибегали из деревни к нам в дом поделиться своими горестями, посоветоваться, попросить написать письмо в армию или прошение. Тогда же, в самом начале войны, постиг нашу семью первый удар. При вступлении русской армии в Галицию, во время боя у местечка, называемого, кажется, Гнилая Липа, был смертельно ранен мой старший брат, вскоре скончавшийся. Это было не последнее горе, обрушившееся на голову бедной матери: из пяти детей, отданных ею в те годы родине, погибли трое.

С с.-р. эмигрантскими кругами я, живя уже около года в Базеле, связей не поддерживал. Это ни с какой стороны не входило в мои планы, да и от двух-трех старых товарищей, с которыми я переписывался и изредка виделся при проезде кого-либо из них через Базель, знал о крайнем разложении, в котором с.-р. эмиграция находилась. Был мыслями и планами в России, чувствовал себя эмигрантской психологии чуждым.

Не знаю, кому в голову пришла мысль о созыве совещания. Приглашение на него я получил, если не ошибаюсь, через И.И.Фондаминского⁴⁰⁵. Советуя мне приехать, он подчеркивал, что совещание будет частным; иным, впрочем, оно быть и не могло ввиду дезорганизованности с.-р. эмиграции. В протоколе оно названо: «Заграничное совещание центральных работников п.с.-р. по вопросу о линии поведения в условиях мировой войны».

Я решил поехать на совещание по разным мотивам. Ввиду предстоящего возвращения в Россию казалось важным ориентироваться в настроениях с.-р. партийной эмиграции. Было, кроме того, интересно проверить в общении с политическими единомышленниками правильность уже установленной для себя собственной «линии поведения». Наконец, просто захотелось воспользоваться случаем, повидать многих из тех, с которыми было столько пережито в революционной работе в России в прошлом.

Местом для совещания была выбрана маленькая деревушка во французской Швейцарии, на Женевском озере. В Божии издавна проживал, занимаясь хозяйством на собственной молочной ферме, один из старейших наших товарищей Е.Е.Лазарев, поныне здравствующий в Праге. Радужный Егор Егорович предоставил для совещания свою ферму и наши заседания, продолжавшиеся с крат-

ким перерывом весь день 22 августа, происходили в уютном кабинете Е.Е., сплошь уставленном книжными полками. Съехалось нас, помнится, человек двенадцать, главным образом из числа проживавших в Швейцарии эмигрантов — въезд из Франции в то время уже был затруднителен. Протоколы, к сожалению, не дают поименного списка участников, расшифровать по памяти клички не всегда можно с достоверностью. По сохранившимся воспоминаниям могу с определенностью назвать среди присутствовавших, помимо уже упомянутого Е.Е.Лазарева, ныне уже покойного И.Ю.Старынкевича⁴⁰⁶, жившего тогда вместе с Лазаревым на ферме, И.И.Фондаминского, В.М.Чернова, Н.Д.Авксентьева, М.А.Натансона⁴⁰⁷, с меньшей уверенностью — А.А.Аргунова⁴⁰⁸. Остальных не помню.

Я с интересом присматривался к собравшимся, с большинством из которых не встречался уже много лет! Иной, далеко менее сплоченной, судя по первому обмену репликами, показалась мне партийная атмосфера. В собрании ясно чувствовалось два лагеря. В.М.Чернов, пользовавшийся в роли лидера бесспорным признанием в партии в первый период ее существования, еще и теперь пытался играть роль центра, призванного объединить правых и левых, но тщетно: слишком очевидна была его собственная зависимость от левого, «интернационалистического» крыла, представленного на совещании М.А.Натансоном. Дуумвирату Чернов — Натансон противостояли на собрании И.И.Фондаминский, Н.Д.Авксентьев и, если верно расшифрована одна из кличек, А.А.Аргунов. Я знал, что года за полтора до того ими издавался журнал «Почин», в котором защищалась мысль о необходимости усилить участие партии в легальных формах общественной деятельности — в земстве, кооперации, на выборах в Гос. думу. и пр. Не сговариваясь о частностях, я на совещании примкнул к этой близкой мне по общему настроению группе.

Несомненно, наиболее острым пунктом, вокруг которого шел достаточно страстный спор во время совещания, был вопрос: может ли партия, непримиримо относящаяся к самодержавию, сочувствовать и содействовать победе в настоящей войне «царской» России?.. Тогда, в 1914 году, не желать победы царского правительства, несмотря на опасное положение России, можно было только стоя на «интернационалистических» позициях, отвергающих верховенство идеи родины. Их и защищали Чернов и Натансон. «Война сама по себе, от начала до конца есть зло. Никакой исход никакой войны между культурными европейскими народами не может быть просто благом. Наш фронт — против войны вообще, в защиту угрожаемого войной социалистического Интернационала. Никакое участие в войне, даже косвенное, недопустимо. Оставаясь в стороне от нее, мы должны делать свое социалистическое дело» (Чернов).

Те же мысли у Натансона. «Интересы правящих классов и интересы народа, несмотря на войну, остаются противоположными.

Мы, социалисты, не можем стоять на позиции единства нации». Не с тем, чтобы в который уже раз «уличать» Натансона и Чернова, отметим, что в этих положениях они лишь повторяли то, что раньше их, с первых дней войны уже развивал Ленин. Впрочем, оба они оставались в данном случае только верны ложной доктрине Интернационала о трудящихся, не имеющих отечества.

Естественно, для Чернова и Натансона проблемы защиты России от внешнего врага вообще не существовало: воюет к тому же, утверждали они, не Россия, а царское правительство, ведет оно войну не оборонительную, а завоевательную, и защищает в ней интересы не народные, а династические. Если еще для Франции и Англии Чернов готов был желать «наименьшего» зла, т.е. победы, то к участи России он оставался равнодушен: «Благоприятные и неблагоприятные стороны того или другого исхода войны для России равносильны». «У нас не может быть и мысли об оказании активной поддержки правящим в России силам и самой войне», — категорически заявили Чернов и Натансон.

Таковы были исходные положения левого крыла совещания. Было ли это пораженчество? Сейчас, в исторической перспективе последовавшего, совсем не важно, чем в то время в их собственном сознании отличался этот специфический «интернационализм» от прямого пораженчества большевиков: их практическая тождественность установлена в одинаковом действии на неискушенные умы русских солдат на фронте.

Иная психология была у представителей другого течения на совещании, получившего впоследствии название оборончества. Для него война, в которой решалась судьба России, никак не могла быть «чужой», — в этом отношении оборончество, в противовес интернационализму Натансона — Чернова, с известным правом могло считаться движением национальным. Быть может, оно только страдало известной раздвоенностью в то время и не делало выводов, к которым его обязывала тревога за Россию. На совещании в Божии мне с Фондаминским и Аргуновым (?) пришлось занять наиболее непримиримую позицию по отношению ко взглядам Чернова, доказывая допустимость и обязательность для с.-р. сочувствовать и по возможности активно участвовать в деле защиты России. «Вступая в стихию войны вместе со всеми, социалисты не перестают быть социалистами, они лишь не отказываются от принадлежности к великому целому, к своему народу. Социалисты вообще против войны, и пока война не начата, должны принимать меры для ее предотвращения. Но злое несчастье случилось, и пока идет война, разумного выхода нет. Надо защищать родину против чужого империализма».

Цитируя по протоколам краткие выдержки из заявления других оборонцев, Аргунов (?) признавал, что участие в войне есть банкротство прежней социалистической идеологии, но другого выхода не видел: «Сейчас все народы живут только войной и самозащитой». — Фондаминский: «Никаких особых социалистических

задач у с.-р. теперь в России нет и быть не может. Социалисты, либералы, даже консерваторы одинаково рядом сражаются, чтобы народ, как целое, не погиб. У всего народа сейчас одинаковая для всех задача — война и успешное ее окончание». — Не вполне был согласен с нами Авксентьев. Он, разумеется, решительно отвергал всякое пораженчество, «мы не должны допускать со своей стороны ничего, что могло бы подвергнуть опасности благоприятный для России исход войны», но откровенно признал, что своего положительного ответа, что делать партии, у него нет. «В том, что сейчас делают немецкие, французские и английские социалисты, ничего социалистического нет... Но что же тогда делать русским с.-д.? Не драться же с немцем, и дело с концом!» Авксентьев видел для партии лишь длительную задачу — «содействовать образованию победоносной демократии в России». Совет был превосходный, но как его выполнить, и что партии все же делать, к чему призывать сейчас немедленно, когда Россия, хотя бы и «царская», изнемогает в борьбе с внешним врагом, а «победоносная демократия», как и «третья сила» Чернова — только музыка будущего?

Препятствие к тому, чтобы даже весьма умеренные с.-р.-оборонцы могли со спокойной совестью желать победы России и по мере сил содействовать ей, было очевидно: трудность совместить это с традиционной непримиримостью к существующей власти. Допустимо ли для революционеров во имя защиты России как бы внутренне разоружаться даже временно по отношению к самодержавию? Тогда, в 1914 г., в нерешительном ответе на этот вопрос я видел следствие непримиримости революционной. Теперь, проделав сам опыт эмиграции, спрашиваю себя, нет ли в этом больше неспособности чисто эмигрантской за временным обликом царской — или теперь советской — России видеть Россию просто? В давней традиции русской эмиграции была готовность радоваться любым ударам, наносимым извне «царской» России. Прodelать обратный путь до оборончества в 1914 г. было не так легко и просто.

Насколько важным казалось устранить это психологическое препятствие, показывает неудачная попытка обойти его, сделанная на совещании Фондоминским. Он уверял себя и безуспешно старался уверить других в том, что самодержавие, с момента объявления войны вынуждено было взять либеральный курс. Фондоминский предсказывал, что вслед за манифестом к полякам⁴⁰⁹ и обращения к евреям⁴¹⁰, вскоре последуют другие меры — отмена исключительных положений, всеобщая политическая амнистия и пр. «Вовлечение России в войну в союзе с Англией и Францией неизбежно и сразу демократизирует Россию». Поверить, однако, в такое чудо было трудно. Оставалось облегчать свою революционную совесть расчетом, что в Тройственном согласии пороки «царской» России с избытком покрываются демократическими добродетелями союзников. Русским эмигрантам естественно было чувствовать себя патриотами «европейской демократии», защищающей-

ся от «германского империализма». Но лишь условно, поскольку наша «царская» Россия оказывалась в хорошем обществе, можно было рискнуть позволить себе быть патриотом и русского дела. Как выразился на совещании Старынкевич или Лазарев: «Я желаю победы стороны, на которой находится Франция, и не боюсь победы этой стороны, хотя в ней находится Россия». Или, мягче, Авксентьев: «Мы желаем победы Тройственного согласия — следовательно, мы желаем победы России, как члена согласия».

Охотно готов допустить, что мое «сознание» того времени тоже в значительной мере определялось моим «бытием» легального человека, не успевшего оторваться от непосредственного чувства русской стихии, в любое время имевшего возможность вернуться в Россию и могущего выбрать связанную с наименьшими компромиссами форму приятия войны. Может быть, поэтому я мог легче, без неизбежных для эмигранта колебаний, ставить проблему в неприкрашенном виде, не обольщаясь иллюзиями насчет самодержавия и не прибегая к моральному кредиту у союзников, — и решать ее для себя утвердительно: да, во имя защиты России от нападения внешнего врага допустимо временное, на период войны перемирие с врагом внутренним. Перемирие, конечно, не абсолютное, не исключающее политической борьбы с самодержавием, но ограничивающее ее методами, не взрывающими непосредственно национальную оборону.

При столь резком принципиальном расхождении крайних флангов совещания во взглядах на войну и задачи партии в России, соглашения между ними на какой-нибудь общей платформе, естественно, произойти не могло. Оставалось обсудить практическое предложение, сделанное Черновым и горячо поддержанное Натансоном — отправить нелегально в Россию авторитетную группу, которая могла бы стать ядром для собирания партийных сил, издавать газету и быть готовой взять на себя руководство массовыми выступлениями.

Обсуждение этого вопроса дало повод уточнить многое из того, о чем раньше говорилось в общей форме. Вот несколько характерных выписок из протоколов. Проектируемая газета в России должна, по мнению Чернова, «социалистически освещать противонародную политику царизма в войне» и бороться с возможностью «националистических» увлечений в народных массах...

Авксентьев справедливо замечает: «Если бы мы пропитали всю народную массу сознанием того, что эта война дело противонародное, мы бы прекратили войну только с русской стороны, и немцы нас поколотили бы». Нелегальная группа должна была по проекту, учитывая неизбежность внутренних осложнений в России, «готовиться к революции и ее готовить». На мой вопрос, допускает ли Чернов поднятие восстания еще во время войны, оба, Чернов и Натансон, ответили утвердительно: «Надо использовать благоприятные моменты, пока война идет». Правда, что касается фронта, лишь один Натансон был за восстания в войсках, считая, что они

«имели бы большее значение, чем победа или поражение той или другой стороны». Уже Чернов признавал возможным такого рода выступления только при условии взаимности со стороны немцев. И, конечно, совершенно отрицательно к ним относились оборонцы: «Мы не можем во время войны желать восстания в войсках и не должны делать ничего, что могло бы вызвать его» (Авксеньев).

Не столь единодушно, однако, было отношение к возможности во время войны революции, опирающейся на воинские части. Некто «Складовский» (?) ставит вопрос, какой ответ партия должна давать солдатам, готовым восстать. Чернов и Натансон рекомендуют отвечать: «Сделайте революцию, если на это есть силы». Авксентьев ответил бы: «Идите, деритесь, но, вернувшись, принесите народу новый строй». Руднев заявляет в общей форме: «Нельзя делать восстаний во время войны». Чернов, поддержанный Натансоном и, на этот раз Авксентьевым, возражает: «Связывать себе руки отказом от восстания во время войны невысказано». Руднев: «Можно себя и не связывать наперед, но интересы восстания мы должны подчинить интересам войны». Чернов: «Это была бы формула Струве».

Сравнение со Струве предназначалось, разумеется, для моего посрамления. Но, по существу, Чернов был прав в том отношении, что в моей аргументации не было ничего специфически партийного. Первенство защиты своей страны перед внутриполитическими задачами, не имеющими непосредственного отношения к обороне, — мотив, объективно значимый для всякого русского одинаково, будь то революционер, либерал или монархист. С точки зрения «заветов Интернационала», чувствовать себя прежде русским, а потом уже социалистом, было, конечно, ересью.

В отношении каких-либо практических результатов совещание в Божии окончилось полной неудачей: никакой «общей линии поведения» по отношению к войне с.-р. эмиграция установить для себя уже не могла. Не знаю даже, была ли осуществлена посылка нелегальной группы, которая, к моему удивлению, была все же решена, несмотря на отсутствие какой-либо общей платформы, значительным большинством голосов (против голосовали Фондаминский, Аргунов (?) и я).

Но собрание 22 августа 1914 года с очевидностью показало, что отныне пути отдельных течений в с.-р. эмиграции резко расходятся в разные стороны. Каждый пошел своей дорогой: одни к Циммервальду, другие — к литературной работе в группе «Призыв», третьи — к волонтерству во французской армии.

Сдав вскоре свой докторский экзамен, я тронулся кружным путем через Балканы в Россию и в начале 1915 г. явился к воинскому начальнику своего уезда.

*Современные записки*⁴¹¹.
Кн. 56. Париж, 1934. С. 375 — 392.

ВОЙНА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ «ПЕРЕСМОТР» **(Несколько тезисов)**

Экономическая почва современной войны создана вступлением капитализма в национально-империалистическую фазу, тесно связанную с его развитием в передовых странах в сторону одностороннего индустриализма. Эпохе одностороннего индустриализма в народном хозяйстве соответствует эпоха одностороннего индустриального социализма в политике.

Основной особенностью этого одностороннего индустриального социализма является стремление, учитывая в свою пользу ход стихийной хозяйственной эволюции, дать крайне оптимистическую перспективу развития капиталистической индустрии, систематически переоценивая ее исторически-положительные, творческие стороны и недооценивая отрицательные, разрушительные. Этой первой позитивной особенности однобокого индустриального социализма соответствует вторая, негативная: недостаточное внимание к земледелию и деревне, обреченных по теории быть лишь пассивным зависимым придатком торжествующей индустрии; игнорирование тех трудовых слоев населения, формы приложения труда которых не привнесены с собою в жизнь капитализмом; узкая исключительность «чисто пролетарской» точки зрения; недоверие ко всяким проявлениям коллективной собственности и коллективного труда, возникающего не сверху, под ферулой капитализма, а снизу, по свободной инициативе трудящихся (общинная земельная собственность, социальное творчество в кооперации, муниципальном социализме и т.п.), — черты, обрекающие социализм в странах, для которых недоступно одностороннее развитие индустрии за счет добывающей промышленности, на относительную изолированность и бессилие. Прямым следствием этой позиции является усвоение социализмом характерной выжидательно-оборонительной линии поведения по отношению к капитализму.

Капитализм рассматривается как своеобразный друго-враг или враго-друг пролетариата. Пролетариат, как его естественный наследник, непосредственно заинтересованный в безостановочном и беспрепятственном росте наследства.

Соответственно этому принимается двойной критерий по отношению к минимальным требованиям социализма: они, во-первых, не должны затрагивать или тревожить роста и развития капиталистических форм долженствующих диалектически развивать из себя свое собственное самоотрицание; они, во-вторых, должны охранять физическое и духовное здоровье пролетариата, готовя его к моменту, когда логика стихийного развития призовет его к вступлению в управление наследством.

Эта двойственность в отношении к капитализму постепенно стирала революционность социализма; по мере того, как жизнь опровергала первоначальные надежды на быстрое прохождение капитализмом предположенного цикла его естественного развития вплоть до его неизбежного конца; по мере того, как разворачивалась во весь рост пластическая жизненная сила, приспособляемость и эластичность капиталистических форм, отодвигались в неопределенное будущее революционные возможности социализма и вступали в силу эволюционные, будничные, пошибистские, всеми своими корнями внедряющиеся в твердую почву прозаической буржуазной действительности.

С этим связано укрепление в социалистических партиях легалистских тенденций, наклонности к компромиссам и ярко выраженной неохоты решиться когда бы то ни было на средства борьбы, способные приблизить наступление столкновения с оружием в руках (яркие манифестационные выступления, всеобщая стачка, работа в войсках и т.п.).

Немецкий ревизионизм явился наиболее ярким выражением потребности приспособить былые, запечатленные революционной непримиримостью теоретические и принципиальные формулировки социализма к изменившейся будничной практике. Победы над ревизионизмом, одержанные ортодоксией на многочисленных конгрессах, были победами мнимыми, ибо разница между обоими течениями сводилась, главным образом, к разнице в фразеологии и не соединялась с соответственной разницей в практическом поведении.

Успехи ревизионизма в рабочих массах, выразившиеся наглядно в господстве его в профессиональных союзах, были наглядным выражением ахиллесовой пяты современного индустриального пролетариата, численность которого и уровень возможного благосостояния в каждой стране слишком непосредственно зависят от степени процветания национального капитализма.

В современной войне, где крупнейшими государствами Европы поставлены на карту все судьбы их национального капитализма, где исход войны обуславливает перспективы их дальнейшего слабого или сильного одностороннего индустриально-капиталистического развития, эта зависимость роста пролетариата от роста капитализма является причиной массового националистического грехопадения в рядах социализма.

Однобокий индустриализм современного национально-капиталистического развития, сбросив европейские государства в пропасть войны, увлекает за собой в эту пропасть и представителей однобокого индустриального социализма. В частности, в России в лице Плеханова⁴¹³, Маслова⁴¹⁴, Иорданского⁴¹⁵ и др. мы встречаемся с людьми, которые во имя будущего политического преуспевания русского пролетариата желают побед русского оружия, создающих возможность более выгодных торговых договоров и роста отечественной капиталистической индустрии.

Этой национально-социалистической точке зрения соответствует лозунг возможно более широкого участия русских социалистов в войне с целью придать ей возможно более народный характер. Аналогичные тенденции проявляются и в других государствах, достигая своего апогея в Германии, где большинство социалистов и большинство организованного пролетариата идет на поводу у правительства Вильгельма II, полагая, что служит этим самым коренным интересам своей родины.

Сосредоточить именно в своей стране максимум индустриально-капиталистических производительных сил и этим путем создать в ней передовой всемирный очаг самого развитого социалистического пролетариата, которому будет принадлежать идейная гегемония в мировом рабочем движении — таков единственный лозунг этого дегенерировавшего однобокого индустриального социализма.

Подрывая самые основы мировой рабочей солидарности, этот дегенерировавший социализм увлекает за собою слабых, и своим господством в одних странах связывает руки даже тем социалистическим партиям других стран, которых не захватило это националистическое грехопадение, но которые не могут достаточно энергично вести войну против войны в странах одного из воюющих лагерей, если одновременно не ведется такой же войны в странах другого лагеря.

Эта же, давно начавшаяся, «секретная болезнь» социалистического национализма или социалистического империализма, вместе с явной болезнью легализаторства, была главной причиной того, что длинный ряд международных социалистических конгрессов, обсуждавших вопрос о поведении социалистов в случае угрозы надвигающейся войны, ни разу не мог пойти дальше парадных платонических демонстраций или дипломатически растяжимых формул, приемлемых равно для всех лишь потому, что каждый мог в них влагать любое содержание.

Благодаря этому данная война является не только бедой, налетевшей на международный пролетариат и социализм, независимо от обнаруженной им доброй воли; социализм не сделал всего, что мог, для воспрепятствования этой войне; в ней есть доля и его ответственности, его вины, выразившейся в преступной слабости и попустительстве.

В связи со всем этим война и открыла собою период явного кризиса интернационального социализма и деморализации в его рядах.

Основной и неотложной задачей социализма, вопросом жизни или смерти, является теперь для него преодоление этого кризиса, воскрешение и вместе обновление его.

В идейной области эта задача рисуется, как переоценка всех ценностей социалистической теории, ее очищение от всех тех, глубоко в нее проникших влияний односторонне-индустриалистской и национально-империалистической фазы капиталистического раз-

вития, которые привели его к крайнему эволюционизму, оппортунизму и государственно-националистическому перерождению.

*Мысль*⁴¹⁶, 1914. № 3, 18 ноября.

№ 31

Ю.Г.

КАПИТАЛИЗМ И ВОЙНА

(Несколько тезисов)

Почва для современной международной войны подготовлена всей хозяйственной эволюцией последнего времени, благодаря которой капитализм вступил в национально-империалистическую фазу своего существования.

Характеризуясь разрывом между индустрией и земледелием, городом и деревней, подчиняя последнюю первому, как данницу и зависимую величину, капитализм в дальнейшем воспроизводит этот разрыв в международных размерах, сообщая передовым капиталистическим странам односторонне-индустриальный характер и превращая страны отсталые в их колонии, поставляющие сырье и служащие рынком сбыта индустриальных продуктов.

Растущая конкуренция передовых индустриальных стран между собой ведет к все более обостряющемуся соперничеству из-за раздела сфер влияния в отсталых странах и расширения колонии в странах некультурных.

Это обстоятельство ведет ко все большему развитию националистических тяготений капитала на счет его интернационалистических тенденций и создает новый — характерно буржуазный — тип национализма, империализма и даже цезаризма.

В этих своих стремлениях буржуазия легко находит точку опоры в социальных силах прошлого — династиях и связанных с ними бюрократии и крупной земельной аристократии.

Особенно ярко эта связь иллюстрируется политической эволюцией современной Германии, где Вильгельм II получил меткое прозвище «первого коммивояжера немецкой индустрии» и где воинственное юнкерство как нельзя более приспособлено для развития системы милитаризма, поставленного, однако, теперь историей преимущественно на службу интересам национального капитала. Промышленное соперничество передовых капиталистических наций осложняется в современной Европе тем обстоятельством, что в наследство от исторического прошлого ей достался неразрешенный национальный вопрос, в виде или ряда областей, находящихся под инациональным гнетом (Шлезвиг-Гольштиния, Эльзас-Лотарингия, Трентино-Триестская область, Финляндия и т.д.) или целых народов, стремящихся к национальному объединению и

разорванных между разными государствами (Польша, Армения, юго-славяне)...

Результатом данного положения вещей явилось создание двух громадных соперничающих политических трестов — Тройственнo-го согласия и Тройственного союза — которые старались утилизировать в свою пользу всякий инцидент во внутренней жизни и внешних взаимоотношениях всех остальных стран, и соперничество которых постоянно держало в опасности дело международного мира, представляющего собою состояние неустойчивого и вечно колеблющегося «европейского равновесия».

Внутри этих громадных трестов не переставало существовать глухое противоречие интересов и социально-политических укладов, скрадываемое лишь наличностью более крупной общей опасности и грозящее разложением по миновании такой опасности.

Вовлечение Италии на путь захвата Триполитании и войны с Турцией, с одной стороны, ослабило связь Италии с германо-австрийской группой, а с другой, ослабив Турцию, повлекло за собою Балканскую войну⁴¹⁷ и быстрое развитие великоэллинских, великоболгарских, великорумынских и великосербских притязаний, явившихся угрозой для соседних стран, и прежде всего для Австрии.

Создавшееся таким образом нарушение системы политического равновесия Европы поставило австро-немецкую группу лицом к лицу с опасностью изолированности и охвата кольцом враждебных государств и сделало в ней популярной идею «предупредительной войны».

Непосредственный исходный пункт войны — великосербская агитация в Боснии и Герцеговине и покушение в Сараеве⁴¹⁸ — был лишь поводом для того, чтобы австро-немецкая группа попыталась заблаговременно прорвать это кольцо и обеспечить себя со стороны Балкан, господство на которых является существенным условием успеха в распространении сферы австро-немецкого влияния в самых необходимых ее индустрии землях — Малой Азии и Месопотамии (великая Багдадская железная дорога).

Австро-немецкая группа могла рассчитывать при этом либо на невольную уступчивость держав Тройственного согласия, не успевших закончить своих больших военных программ, либо, в случае неуступчивости, на более благоприятные условия ведения войны, чем если бы момент ее был выбран противной стороной.

В этом заключается причина предъявления Австрией Сербии явно неприемлемого ни для какой страны ультиматума, ее крайней неуступчивости после примирительного ответа Сербии и дальнейшего агрессивного поведения Германии; в этом же заключается и объяснение крайней популярности в Германии этой войны, которая рассматривается населением как неизбежная и вынужденная война за самые основы ее жизненного существования.

Мысль, 1914. № 5, 20 ноября.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВОЙНЫ**(Несколько тезисов)**

Оценка всякой войны с социалистической точки зрения предполагает, что критерием оценки является не частный интерес той или другой страны, а общий интерес развития мирового социалистического движения, вырабатывающего новую культуру и новое общество и государство.

Вопрос о том, кто является виновником и инициатором данной войны, при всей его существенности, не предрешает еще собою окончательной оценки с точки зрения социализма дела борющихся сторон.

Решение этого вопроса предрешает лишь, на какую из национальных социалистических партий в первую очередь падал жребий — пустить в ход все средства для того, чтобы воспрепятствовать нарушению мира.

Когда война уже разразилась и с нею приходится считаться, как с совершившимся фактом, дело различных борющихся сторон подлежит оценке с точки зрения тех последствий, которых успех тот или другой будет иметь для дальнейшего исторического движения.

Что касается до возможных результатов данной войны, то победа двойственного союза угрожает прежде всего установлением во всей Европе единой по своему существу австро-немецкой гегемонии, как хозяйственной, так и политической, превращением Англии, доселе не знавшей тягостей европейского милитаризма и выступавшей неоднократно в роли примирительницы и с предложениями в духе частичного разоружения, — в страну с всеобщей воинской повинностью, в великую сухопутную военную державу, готовящуюся, с помощью побежденных Германией стран, свести с ней недоконченные счеты; новым ростом милитаризма, регрессом демократии, еще большей запутанностью национального вопроса, воцарением культа силы и опасности новой всемирной войны.

Что касается победы Тройственного согласия, то она не грозит Европе установлением чей-либо единой диктатуры, но чревата скорее разложением той противоестественной связи, которая соединяет две передовые демократии Запада с царским деспотизмом России; но она грозит увеличением международного и внутреннего престижа царизма, компрометирующим влиянием его на условия мира и, быть может, поддержкой с его стороны в будущем поколебленных войной среднеевропейских тронов.

Нерешительная по своему исходу война грозит тем, что мир обратится в временную передышку для новой войны, еще более упорной, и подчинит всю внутреннюю жизнь государств идее ее подготовки.

Таким образом, каждый из трех возможных исходов войны — если представить в его определении голос лишь правительствам — чреват большими (победа двойственного союза) или меньшими (победа Тройственного согласия) опасностями делу культуры, демократии и социализма, тем более, что правящие классы всех стран, естественно, пытаются извлечь из войны все возможные выгоды — в том числе стараются укрепить внутринациональное единство классов, неприязнь к другим национальностям, расовую гордость и самодовольство, воинственный дух и т.п. черты психологии, которые позволили бы на развалинах идеи международной трудовой и культурной солидарности поднять голову всем идеологиям отжившего прошлого — религиозным, национально-патриотическим и воинственно-цезаристским.

Только **вмешательство** сознательных социалистических элементов, встающих во главе способной к политическому отрезвлению демократии, может вырвать реакционное жало у того из этих трех возможных исходов, который осуществится в действительности. Поэтому долгом международного социализма было выработать единую позицию по отношению к современной войне; он не должен аннулировать себя, просто примкнув к одной из борющихся сторон или соответственно распределившись между ними; он должен наметить свою собственную линию поведения, указывающую каждой из национальных социалистических партий ее собственную роль, причем их деятельность в своей совокупности должна представляться как вмешательство в бешеную борьбу раскованных войной стихийных сил расовой ненависти и своекорыстно-захватных стремлений.

Цель этого вмешательства — возможно более скорое восстановление мира на началах возможно менее противоречащих принципу национального самоопределения и этим облегчающих проведение в жизнь в возможно больших размерах разоружения и принципа разрешения международных споров путем арбитража.

Подобное вмешательство поставит социализм во всех странах в столкновение с типично буржуазными и союзными им реакционными силами. Это столкновение в свою очередь выдвинет на первый план социалистическую политическую линию поведения, намеченную еще Штутгартским международным социалистическим конгрессом⁴¹⁹.

Возможно, что, не сумев предотвратить войну, социализм не сумеет и осуществить этого вмешательства в самый процесс войны или в его заключительную фазу — борьбу за те или иные условия мира. Но это будет означать практическое банкротство второго Интернационала и его политическую смерть. Для каждой национальной социалистической партии, не желающей нести тяжкую ответственность за эту смерть, обязательна попытка собрать разорванные войной социалистические силы для действенного вмешательства в события. И лишь те партии, которые в пределах своих сил сделают для этого все возможное, даже в случае полной гибели

ли нынешней международной социалистической связи будут иметь достаточно морального авторитета для немедленного воссоздания Третьего Интернационала.

Мысль, 1914. № 6, 21 ноября.

№ 33

Ю.Г.

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО СОЦИАЛИСТА

(Несколько тезисов)

Нижеприведенным заканчивается серия основных «тезисов», в которых пишуший эти строки зафиксировал свое отношение к вопросам, поднимаемым жизнью в связи с войной. Логический порядок, соединяющий между собою разные группы этих тезисов, не совпадает с тем фактическим порядком, в котором они появились одна за другой на страницах нашей газеты.

Исходным пунктом должны служить тезисы «Война и капитализм» («Мысль», № 5»). Затем следует логически «Социальная оценка войны» (№ 3). Далее — «Война и социалистический пересмотр» (№ 6). И наконец, «Положение русского социалиста», которой я сейчас заканчиваю серию «тезисов».

Я извиняюсь перед читателями за неизбежную сухость, отвлеченность и конспективность фельетонов с этими тезисами. Но иначе и быть не могло. Каждый из отдельных тезисов, каждая фраза, помещенная между двумя точками, есть программа, по меньшей мере, целой статьи. Она требует обширного развития, доказательств, пояснений, иллюстраций, комментариев.

Совокупность всех этих тезисов — вехи, указывающие направление большой теоретической работы; одни из этих вех суммируют ряд уже совершенных работ, другие составляют «проекцию в будущее».

Мне казалось, что имеет полный смысл **оголить** эти тезисы от всякой аргументации, иллюстраций и литературных украшений, чтобы заранее дать читателю возможность обозреть **полную совокупность** основных положений, из которых складывается всесторонний ответ на «проклятые вопросы», связанные с войною, с точки зрения **одного из направлений** социалистической мысли.

Было бы желательно, чтобы все другие направления захотели и сумели подобным же исчерпывающим, но строго конспективным образом суммировать свое отношение к этим вопросам...

Мои тезисы рассчитаны на читателя, который нуждается не в том, чтобы выбрать из спорящих «трибунов» того, за кем пойти, а читателя, который хочет **найти самого себя**. Ибо каждый, кто хочет обрести идейное равновесие, этот надежный компас, позволяющий твердо наметить **свой** путь среди хаоса жизни, — должен

сам себе ясно отчеканить, в этих или иных, но столь же связанных в целостную логическую систему тезисах, свое отношение к разывавшимся событиям, их причинам и последствиям в практической жизни и теоретической мысли.

Буду рад, если моя попытка поможет другим сделать для себя эту работу...

В теоретической области перед русским социалистом — та же настоятельная задача, которая стоит перед социалистами всех других стран: переоценки всех ценностей социалистического мирозерцания; безжалостного устранения из него всех тех элементов, которые обуславливали собою практическое банкротство социализма перед лицом надвинувшейся опасности войны; возврата социализма к утраченным истинно революционным позициям.

В практической области эта задача рисуется как восстановление социалистического единства между элементами, еще не потерянными для социализма, и выработка для них единой линии поведения, которая, не пытаясь втиснуть поведение всех социалистических партий в одну схему, не считающуюся с различием их условий, для каждой из них очертила бы их своеобразную политическую миссию.

Что касается до социалистических сил России, то, считаясь с неизбежной отрицательной ролью самодержавия во время войны и при определении условий мира, и с его ответственностью в обострении общего политического положения Европы, мы одобряем поведение трудовой и с.д. групп Государственной думы, воздержавшихся от вотирования военных кредитов, и отвергаем лозунг возможно более широкого участия социалистов в войне с целью придать ей возможно более народный характер.

Мы считаем, напротив, чрезвычайно желательным возможно более широкое участие социалистических элементов во всех общественных организациях, имеющих целью залечивание ран, наносимых войной, как населению, так и устоям его хозяйственного существования (уход за ранеными, помощь населению пострадавших от войны местностей, помощь семьям ушедших на войну, организация продовольственного дела, общественных работ, привлечение к этому делу коопераций, самоуправлений, всевозможных союзов и обществ и т.д.).

Мы надеемся, что по окончании войны, когда потребуются крупнейшие общественные и государственные усилия для возрождения потрясенной войной хозяйственной жизни народа, социалистические элементы страны, благодаря этому действительному участию, не будут застигнуты врасплох выдвинутыми логикой истории задачами, но станут лицом к лицу с ними, обогащенные опытом работы и непосредственной связью с жизнью. Полагая, что участие во всех перечисленных выше организациях крайне необходимо для партии, не желающей оторваться от жизни и от трудовых масс в такой тяжелый момент их существования, мы вместе с тем думаем, что силы партии не должны рассыпаться на атомы,

тонирующие в общей массе филантропически настроенных обывателей, с которыми придется вместе работать; напротив, необходимо установление между всеми этими социалистическими элементами возможно более живой и тесной организационной связи. Мы убеждены, что связь эта должна быть только нелегальной.

Сильные этой связью, социалистические элементы должны смело противостоять общему шовинистическому угару и всецело использовать свою связь с массами для создания в ней умонастроения, благоприятного будущим планам и начинаниям русского социализма.

Мы полагаем, что ввиду националистско-патриотического перерождения почти всей русской прессы и насильственного уничтожения легальных органов, не поддавшихся этому перерождению, необходимо создание в России нелегального органа пропаганды, существенной задачей которого будет борьба с охватившим общество воинственно-шовинистическим безумием.

Мы предвидим, что в течение войны могут наступить такие, недоступные пока предвидению, крупные события и потрясения, которые создадут для русских социалистов возможность или необходимость прямого активного вмешательства в жизнь (стремление правительства вести войну дольше, чем это оправдывается положением; внутренний переворот в Германии и возможная поддержка царизмом поколебавшихся среднеевропейских тронов; кризис в деле руководства военными силами; такая степень народнохозяйственного кризиса и недовольства народных масс, при которой не стать во главе их значило бы порвать живую связь с ними и т.п.). Социалистические организации должны готовиться к этому моменту, не быть захваченными событиями врасплох, но, по возможности, встретить их во всеоружии организованности и готовности к действиям.

Не претендуя заранее предрешить форм борьбы в момент, когда логика событий обострит зреющий в недрах общественно-политической жизни конфликт между Россией правительственной и Россией народной; чуждые нетерпеливого стремления искусственно форсировать его; столь же мало желая преждевременными и необдуманно действиями сыграть в руку прусско-австрийскому абсолютизму, как политикой пассивного примиренчества укрепить позиции царского деспотизма; но вместе с тем сохраняя готовность прибегнуть к самым героическим действиям, когда это будет единственным выходом, подсказываемым голосом социалистического и революционного долга... — мы приглашаем все партии Интернационала выработать, каждая применительно к своим условиям, соответствующую тактику, далекую от разоружения и рассчитанную на возможно более скорое и успешное вмешательство сил социализма и демократии для торжества принципов мира, культуры, национальной свободы и социальной справедливости.

Мысль, 1914. № 10, 26 ноября.

СОЦИАЛИСТЫ И ВОЙНА**(Резолюция группы с.-р.)**

Партия социалистов-революционеров — в силу политических условий своего существования, еще ухудшившихся в период войны, и в силу особой сложности стоящих перед ней вопросов, не могла до сих пор выступить с коллективным мнением по поводу совершающихся событий. Взамен этого мы имеем пока лишь мнение отдельных лиц и групп с.-р. направления. Будучи уверены, что открытый обмен мнений может содействовать установлению общепартийной точки зрения на вопросы первостепенной важности, связанные с войной, — мы сочли необходимым выступить с настоящим мнением, ограничиваясь пока рамками кратко сформулированных тезисов.

Современная война была подготовлена империалистической политикой великих европейских держав и была вызвана агрессивными действиями Австрии и Германии, в которых империалистический капитализм, заключивший прочный союз с юнкерством, отличается особо реакционным и милитаристическим характером.

Международный социализм оказался невооруженным перед фактом европейской войны, тот или иной исход которой неизбежно повлияет на условия международного действия демократии и рабочего класса и на условия социально-политической борьбы внутри каждой страны.

Победа Австрии и Германии явилась бы торжеством милитаризма, реакционно-монархических и сословно-классовых начал; она грозила бы чрезвычайной опасностью свободному развитию европейской культуры, демократии и социализма; содействовала бы порабощению слабых наций и крайнему обострению национальных вопросов. Вызывая настроение реванша в побежденных странах и отвлекая внимание и энергию трудящихся масс в сторону узконациональных идеалов, победа Австрии и Германии создала бы громадные затруднения на пути интернационального сближения рабочего класса и, быть может, надолго поставила бы общее развитие Европы под знаком милитаризма.

Победа Тройственного соглашения, несмотря на те препятствия, которые могут быть созданы участием в нем царизма, укрепит передовые европейские демократии, подавит одну из главнейших реакционных сил в Европе и тем самым облегчит завоевание демократических форм в политически отсталых странах, создаст более благоприятные условия для разрешения национальных вопросов. Вместе с тем эта победа может послужить исходным пунктом для энергичной борьбы масс против милитаризма. В демократических странах Европы правящие классы вынуждены были оправдывать рост вооружений угрозой со стороны германского милитаризма. Поражение Германии, не уничтожая основных причин современно-

го милитаризма, отнимет один из главных поводов к непрерывному росту вооружений, тем самым создаст почву для усиления борьбы против милитаризма и устранил существенные препятствия для скорейшего восстановления Интернационала на основе единой революционной тактики.

Имея в виду те перспективы и те задачи, которые связаны с победой над прусским милитаризмом и считая, что осуществление их возможно лишь при наличии самостоятельной борьбы трудящихся масс, социалисты, наряду с широким участием в организации национальной обороны и в действующих армиях, должны теперь же пропагандировать, что в основу будущего мира необходимо положить принципы разоружения, международного арбитража и свободного самоопределения национальностей при территориальных изменениях, должны продолжать укреплять свою социалистическую работу внутри страны, энергично борясь против шовинизма, национализма, клерикализма и других реакционных тенденций, усиливающих в обстановке войны.

Участие России является необходимым условием решительной победы над Германией и Австрией. И хотя русский царизм может ослабить непосредственные результаты этой победы, но для внутреннего развития России остается в силе общедемократическое значение поражения прусского милитаризма.

Победа Австрии и Германии, упрочив господство над Европой двух реакционно-милитаристских монархий, дала бы сильную опору царизму и тем чрезвычайно затруднила бы освободительную борьбу русской трудовой демократии, изменив систему европейского равновесия, лишит царизм его интернациональной опоры. И в то же время вызванный войной подъем общественной самостоятельности будет содействовать росту политической организации русской демократии. Известную роль сыграют и лозунги, воодушевляющие западную демократию в ее борьбе с прусским милитаризмом.

Русские социалисты не могут оставаться равнодушными зрителями войны, исход которой на долгое время определит судьбу демократии. Но они не могут забывать, что над их собственной страной тяготеет самодержавие. Поэтому, участвуя в войне против прусского милитаризма, русские социалисты должны продолжать и свою революционно-социалистическую работу.

Война накладывает особый отпечаток на характер этой работы. Непосредственные боевые выступления в ближайшее время и невозможны, и нежелательны, так как не могут дать иных результатов, кроме временного замешательства в стране, которое только усилит шансы победы австро-германского блока. Поэтому необходимо сосредоточить усилия на продолжении и развитии пропагандистской и организационной работы в массах. Хотя в настоящее время уничтожен целый ряд открытых массовых организаций, но рост общественной инициативы, направленной на борьбу с неизбежными спутниками войны — физическими страданиями ране-

ных и с расстройством хозяйственной жизни города и деревни — открывает перед социалистами возможности плодотворной работы во всех легальных и нелегальных формах.

Рядом с пропагандой общесоциалистической платформы мира должна стоять энергичная борьба с шовинистическими, монархическими и милитаристскими течениями, которые при вынужденном молчании прогрессивных элементов страны, а часто и при их добровольном попустительстве, находят себе легкую пищу в войне.

Особенно необходима борьба со всеми реакционными попытками проповедовать под предлогом высших интересов защиты страны «единение царя с народом», вместо непримиримости интересов трудового народа и царизма. Яркой иллюстрацией для пропаганды наших взглядов может служить политика царского правительства в занятых армией чужих областях, политика, подчеркивающая коренное противоречие между интересами демократии и самодержавия.

Авксентьев, Аргунов, Бах⁴²⁰, Билит⁴²¹,
Бунаков, Воронов, Евгеньев⁴²², Курсико,
Мадридов, Свежинкий.

Мысль, 1914. № 38, 30 декабря.

№ 35

РЕЗОЛЮЦИИ, ПРИНЯТЫЕ НА ПЕРВОМ НАРОДНИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ В ИЮЛЕ 1915 г.⁴²³

I

А. Обсудив свое отношение к мировой войне, совещание находит, что настоящая война является результатом, с одной стороны, всего хода развития капиталистических государств и их борьбы за политическое господство и за преобладание на экономических рынках, с другой стороны — недостаточного влияния демократии на управление государствами.

Б. Вместе с тем совещание с горечью отмечает, что часть социалистического Интернационала постоянно противодействует включению в программу деятельности Интернационала практических мер предупреждения самой возможности возникновения европейской войны.

В. Поэтому русские социалистические и трудовые организации должны стремиться к скорейшему воссозданию международной солидарности социалистических организаций для прекращения войны, признавая вместе с тем, до наступления этих условий, неизбежным участие в обороне страны от внешнего насилия.

Г. Совещание признает необходимым, чтобы все правительства отказались от завоевательных задач и принудительного присоединения захваченных земель и настаивает на предоставлении населе-

нию спорных территорий права самому определить свое государственное бытие после войны.

Д. В то же время русская демократия должна добиваться свободы обсуждения всех политических и социальных вопросов, связанных с войной, и в том числе вопроса об условиях будущего мира, отвечающего идеалам демократии.

Русское правительство, как показал год войны, не способно правильно организовать оборону государства, оградить армию от бесполезных жертв и предотвратить острую хозяйственную и финансовую разруху страны, так как решительно не желает привлечь к ответственной государственной работе живые силы народа.

Е. Поэтому совещание выражает убеждение, что все усилия демократии должны быть сосредоточены на создание новой исполнительной власти, ответственной перед народным представительством, избранным путем всеобщей подачи голосов и что без этого все жертвы будут бесцельны.

II

Обсудив внутреннее положение страны и признавая, что русское правительство, оказавшееся неспособным оборонить страну, вместе с тем ведет ее к полному расстройству, совещание находит, что в настоящее время наступил момент для борьбы за решительное изменение системы государственного управления и что ближайшими лозунгами этой борьбы должны быть:

А. Амнистия всех пострадавших за политические и религиозные убеждения.

Б. Осуществление основных гражданских и политических свобод.

В. Демократизация государственного строя сверху донизу. Принимая во внимание, что современная политика правительства ведет к тому, что экономические последствия войны лягут главной своей тяжестью на трудящиеся массы, совещание признает необходимым:

а) чтобы трудящимся классам была обеспечена возможность защиты их интересов, для чего необходима полная свобода профессиональных, кооперативных и других трудовых организаций,

б) чтобы налоговая тягота справедливо распределялась между всеми классами населения.

III

Резко осуждая политику разжигания националистических страстей и преследования отдельных народностей, особенно резко выразившую в отвратительной травле евреев, опасную в настоящий момент — совещание находит, что немедленное уравнивание перед законом всех граждан без различия национальностей и вероисповедания делается совершенно неотложным.

Крайняя острота и ответственность переживаемого момента вызывают необходимость тесного сплочения и единства действия всех демократических сил, почему совещание, состоящее из лиц разных народнических течений (с.-р., трудовиков, н.-с.) призывает всех народников к энергичной совместной работе и к местному, и центральному объединению на почве принятых резолюций.

V

А. Признавая, что Государственная дума, оторванная от народных масс, тесно связанная в своем большинстве и интересами правящих кругов и лишенная возможности влиять на ход государственной жизни, содействовала наступлению разразившегося кризиса, а ныне бессильна вывести из него страну. Совещание находит, что до созыва истинного народного представительства ввиду исключительной ответственности момента должна быть сделана попытка воспользоваться думской трибуной для выравнивания народных требований и организации таким образом народных сил.

Б. Депутаты, разделяющие мнения настоящего Совещания, должны раскрыть перед народом всю правду о войне и о внутреннем положении страны. Они должны требовать амнистии, созыва правильно избранного и полномочного представительства, осуществления гражданских и политических свобод и необходимых мер для скорейшей организации трудовых масс. Они должны кроме того, выдвигая требования гражданского равноправия, уделить особое внимание беспримерному надругательству над интересами евреев и украинцев.

В. Совещание выражает твердую уверенность, что трудовая группа явится выразительницей мнений Совещания с кафедры Государственной думы, а народнические группы войдут в тесное сношение с Трудовой фракцией для взаимного осведомления и совместных действий.

ГАРФ. Ф. 1807. Керенский А. Ф.⁴²⁴
Оп. 1. Д. 284. Л. 4.

№ 36

**РЕЗОЛЮЦИЯ О ТАКТИКЕ,
ПРИНЯТАЯ СОВМЕСТНЫМ СОВЕЩАНИЕМ С.-Д. И С.-Р.
(5—10.09.1915 г. Женева)⁴²⁵**

1) Международный социализм всегда признавал, что каждый народ имеет право и обязанность защищать себя от нападений. Этот взгляд Интернационала нашел себе выражение в резолюции, принятой на Копенгагенском съезде 1910 г.:

«Мы требуем, — гласит эта резолюция, — права на самоопределение всех народов и защиты всех стран от вооруженных нападений и насильственного подчинения». Эта же мысль в еще более определенной форме содержится в одной из революций Лиможского конгресса 1906 года Французской социалистической партии: «Народ и пролетариат страны, подвергшейся нападению, имеет право рассчитывать на поддержку рабочего класса всего мира».

2) Современная война, навязанная России аппетитами австрийских и германских империалистов и влекущая за собой массовое истребление человеческих жизней, весьма невыгодно отразится на экономическом положении тем, что разрушит огромное количество материальных ценностей и поведет к еще большему увеличению и без того тяжелого государственного долга, который целиком падет на трудящиеся массы страны.

3) Неудачный для России исход этой войны еще более увеличил бы ее вредные для нашего трудящегося населения последствия. К разрушению большого количества материальных ценностей и огромному увеличению государственного долга присоединилась бы уплата военной контрибуции, насильственное отторжение части государственной территории и заключение такого торгового договора, все выгоды которого достались бы победителям, а невыгоды побежденным.

4) Все это означало бы крайнее замедление, если не полную остановку дальнейшего экономического развития России. А это, в свою очередь, привело бы к крайнему замедлению, если не к полному прекращению, ее культурного и общественного развития.

5) Так как рост общественного и культурного развития России неизбежно ведет за собою усиление освободительного движения и расшатывает основы нашего старого политического порядка, то неудачный для России исход войны означал бы также укрепление позиции царизма. К тому же русский царизм был бы взят под покровительство германской реакцией, существенно заинтересованной в сохранении нашего старого порядка, являющегося одним из главных источников слабости нашей страны.

6) Победа центральных империй на Западном фронте была бы равносильна торжеству монархии, едва ограниченной конституционными учреждениями, над демократическим режимом, который все более и более упрочивается во Франции и Англии и был уже недалек от своего торжества в Бельгии. Поэтому победа союзников России так же желательна в интересах культуры, свободы и социализма, как и ее собственная победа.

7) И нынешние насущные интересы трудящейся массы России и интересы ее будущего экономического и политического освобождения делают, таким образом, обязательным активное участие в обороне страны как социалистов, так и для всей революционной демократии, авангардом которой является социализм.

8) Участие в обороне страны становится все более обязательным для российской демократии всех оттенков ввиду того, что с

каждым днем все более резко обнаруживается несостоятельность царизма даже в деле обороны страны от внешнего врага и все более проникает в народ сознание необходимости нового, свободного политического порядка. Рост этого сознания, а, следовательно, и ход борьбы с царизмом может быть ускорен не отказом демократии от участия в деле народной самообороны и не дикой проповедью «активного содействия поражению страны», а наоборот, самым деятельным участием во всем том, что так или иначе увеличивает шансы победы России и ее союзников.

9) Мы решительно отвергаем тактику, которая состоит в противопоставлении борьбы за осуществление демократических требований участию в деле народной самообороны. Успех революционной демократии в ее борьбе за свои общие социальные и политические требования будет зависеть от энергии ее участия в самозащите народа от неприятельского нападения. Путь, ведущий к победе, является и путем, ведущим к свободе.

10) Вследствие этого мы считаем очень вредной в настоящее время ту тактику революционной демократии, которая состояла бы в отказе от участия ее представителей в учреждениях, создаваемых для обороны страны. Революционная демократия нанесла бы непоправимый ущерб делу народной самообороны, она очень ослабила бы свою собственную позицию и укрепила бы позицию реакционных партий, если бы отказалась от участия в таких учреждениях на том основании, что простор самостоятельности их пока еще крайне ограничен.

Все новые, необходимые и неизбежные завоевания революционной демократии в том направлении могут быть достигнуты лишь посредством самого деятельного ее участия во всем том, что так или иначе совершается для действительной борьбы с внешним врагом. Все же лозунги, противоречащие этой тактике, являются бессодержательными и вредными.

11) Вышеприведенные положения и вытекающие из них задачи практической политики представляются нам одинаково несомненными с точки зрения существующих в России направлений социализма и революционной демократии. Поэтому каждое из этих направлений должно стремиться к планомерному объединению своих действий, в пределах указанных выше задач, с действиями всех прочих направлений. Было бы в высшей степени желательно, чтобы действующие на местах представители всех этих направлений теперь же сделали все зависящее от них для взаимного сближения. И не подлежит ни малейшему сомнению, что была бы неуместна и крайне вредна для общего дела взаимная борьба между ними.

12) Освобождение России от внутреннего врага (старого порядка и его защитников), достигаемое в процессе ее самообороны от иностранного нашествия, такова та великая цель, которой безусловно должны быть подчинены все частные задачи и все второстепенные соображения.

В интересах достижения этой цели революционная демократия ни в коем случае не должна пренебрегать усилиями тех общественных элементов, которые находятся в оппозиции или могут стать в оппозицию к нашему старому порядку и которые могли бы быть так или иначе полезными при решении указанной задачи. Наше стремление к победе над внешним врагом должно быть дополнено стремлением к изолированию внутреннего врага, т.е. всех сторонников царизма.

Эти положения будут защищаться и развиваться на страницах еженедельной газеты «Призыв»⁴²⁶, первый номер которой выйдет в Париже в ближайшем будущем. Газета будет выходить над редакцией Г.В.Плеханова, Г.А.Алексинского, А.Любимова (Марка 3-й)⁴²⁷, Н.Д.Авксентьева, И.Бунакова⁴²⁸, А.А.Аргунова и Б.Воронова.

*Россия и свобода*⁴²⁹, 1915. № 3, 16 сентября.

№ 37

К СОЗНАТЕЛЬНОМУ ТРУДЯЩЕМУСЯ НАСЕЛЕНИЮ РОССИИ⁴³⁰

**(Манифест социал-демократов
и социалистов-революционеров)**

Мы обращаемся к сознательным рабочим, крестьянам, ремесленникам, приказчикам — короче, ко всем тем, которые едят свой хлеб в поте лица своего, и страдая от недостатка материальных средств и от политического бесправия, борются за лучшее будущее для себя, для своих детей и братьев. Мы шлем им свой горячий привет и настойчиво просим их:

Выслушайте нас в это роковое время, когда, овладев западными крепостями России, неприятель занял значительную часть ее территории и угрожает Киеву, Петрограду и Москве, т.е. важнейшим центрам ее общественной жизни.

И прежде случалось нашей родине переживать кровавые ужасы неприятельского нашествия. Но никогда еще не приходилось ей отбиваться от врага, так хорошо вооруженного, так умело организованного и так заботливо обдумавшего свое хищническое предприятие, как теперь. Ее положение опасно до последней степени. И вот почему на всех нас, на всех сознательных детях трудового народа России, лежит огромная ответственность.

Если вы скажете себе, что вам и вашим менее сознательным братьям все равно, кто бы ни победил в происходящем теперь великом международном столкновении, и если вы поведете себя соответствующим образом, то Россия будет раздавлена Германией. А когда Россия будет раздавлена Германией, тогда плохо придется также и ее союзникам. Это не нужно доказывать. Если же, наобо-

рот, вы станете держаться того убеждения, что поражение России вредно отразится на интересах ее трудящегося населения и если вы всеми силами станете содействовать самозащите нашей страны, то ей и ее союзникам удастся избежать грозящей им страшной опасности.

Вдумайтесь хорошенько в создавшееся теперь положение дел. Вы очень ошибаетесь, если вообразите, что рабочему народу нет надобности защищать нашу страну. На самом деле, ничьи интересы трудящегося населения, так называемым высшим классам, т.е. более или менее богатым людям, — гораздо легче избежать невыгодных последствий поражения их страны. Возьмем для примера франко-прусскую войну 1870—71 гг.

Когда немцы осадили Париж и когда в нем поднялись в цене все предметы необходимости, то, разумеется, бедные страдали от этого гораздо более, нежели богатые. Точно также, когда Германия взыскала с побежденной Франции пять миллиардов военного вознаграждения («контрибуции»), то заплатила его, в последнем счете та же беднота: для уплаты контрибуции были значительно повышены косвенные налоги, тяжесть которых почти целиком падает, как известно, на низший класс.

Этого мало. Наиболее вредным для Франции последствием ее поражения 1870—71 гг. было замедление хода ее экономического развития, задержавшее рост освободительного движения ее рабочего класса. Вы понимаете, что чем медленнее растет это движение, тем более отдалится время освобождения трудящейся массы от ее эксплуатации высшими классами. Другими словами, поражение Франции вредно отразилось не только на тогдашних интересах ее народа, но и еще того больше — на всем его последующем развитии.

Разгром России Германией еще сильнее повредит нашему народу, нежели повредило французскому народу поражение Франции. В экономическом отношении наша родина является отсталой, по сравнению с государствами европейского Запада. Лишь после отмены крепостного права в 1861 году ускорилось развитие ее производительных сил, прежде совершавшееся крайне медленно. Более быстрый ход развития производительных сил способствовал пробуждению сознания в трудящейся массе. У нас появилось рабочее движение, родился сознательный элемент в крестьянстве. Буря 1905—1906 гг., сильно пошатнувшая наш старый порядок, была неизбежным политическим последствием экономического переворота, пережитого Россией во второй половине XIX века. И можно было с уверенностью сказать, что чем быстрее будут расти ее производительные силы, тем сознательнее будет становиться ее трудящееся население, и тем скорее наступит час окончательной гибели царизма. Но война, навязанная нам Германией, грозит прекратить это выгодное для народа течение дел. И в этом заключается главная опасность для России нынешнего момента.

Войны вообще вызывают теперь невероятно большие расходы. России, как стране экономически отсталой, гораздо труднее выносить эти расходы, нежели богатым государствам Западной Европы. На спине русского народа и прежде лежал очень тяжелый государственный долг, теперь долг этот растет не по дням, а по часам. Вдобавок, обширные местности России подвергаются сплошному опустошению. Если окончательная победа достанется немцам, то они потребуют от нас огромного военного вознаграждения: в сравнении с ним совершенным пустяком представляются те потоки золота, которые после войны 1871 года потекли из побежденной Франции в победоносную Германию. И этим не ограничатся наши победители. Наиболее последовательные и откровенные глашатаи политики германского империализма уже теперь говорят, что нужно потребовать от России уступки значительной территории, которая притом должна быть совсем очищена от ее нынешнего населения для большего удобства немецких колонистов. Никогда еще хищники, мечтавшие об ограблении побежденных народов, не обнаруживали такого циничного бессердечия.

Но нашим победителям недостаточно будет неслыханно большой военной контрибуции и отторжения наших западных окраин. Уже в 1904 году Россия, находившаяся тогда в затруднительном положении, вследствие преступной авантюры на реке Ялу⁴³¹, вызвавшей японскую войну, вынуждена была заключить очень невыгодный для нее торговый договор с Германией⁴³². Договор этот одновременно затруднял как развитие нашего сельского хозяйства, так и успехи нашей промышленности. А это значит, что он одинаково невыгодно отражался как на интересах земледельца, так и на интересах нашего промышленного рабочего. Легко представить себе, какой договор навяжет нам теперь победоносный германский империализм. В экономическом отношении Россия станет германской колонией. Ее дальнейшее экономическое развитие крайне замедлится, если не остановится совсем. Земледельцы, вытесняемые нуждой из деревень, утратят возможность находить себе заработок в промышленных центрах и вместо того, чтобы сделаться сознательными пролетариями, способными энергично бороться за свое освобождение, станут превращаться в жалких босяков, готовых служить бессознательным оружием в руках всякого рода погромщиков и авантюристов.

Вырождение и развращение значительной части ее трудового народа — вот чем грозит России германская победа. Этого, казалось бы, довольно. Однако и это не все. Победив Россию, Германия, конечно, расторгнет ее союз с Англией, Францией и другими странами европейского Запада. Тогда возобновится печальной памяти союз трех императоров⁴³³. Само собою разумеется, что крайне жалкую роль будет играть в этом союзе представитель побежденной России. Но не это печалит нас. Беда — великая, неизбывная беда будет в том, что под предлогом союза с Россией, Берлин возьмет на себя заботу о поддержании «порядка» в Петрограде.

Всем известно, какие твердые надежды возлагали на «бронированный кулак» германского императора наши реакционеры в своей борьбе с революционным движением 1905 — 1906 годов. И они были правы. Не говоря уже о веками испытанной международной солидарности реакционеров, германские империалисты существенно заинтересованы в поддержании нашего старого порядка, безмерно ослабляющего силу сопротивления России внешнему врагу. Если до сих пор освободительному движению пролетариата и крестьянства противостояли только силы российской реакции, то в случае победы Германии к ним присоединятся гораздо более могучие силы реакции германской. И тогда нам надолго придется сказать «прощай» своим освободительным планам.

А к чему поведет победа Германии на Западе Европы? После сказанного излишне распространяться о том, как много ничем незаслуженных экономических бедствий принесет она трудящемуся населению союзных с Россией западных стран. Мы хотим обратить ваше внимание лишь на следующее.

Англия, Франция и даже Бельгия с Италией далеко опередили в политическом отношении германскую империю, до сих пор еще не доросшую до парламентского режима. Победа Германии над этими странами была бы победой монархического принципа над демократическим, победа старого над новым. И если вам дорог демократический идеал, если вы стремитесь у себя дома устранить самодержавие царя и заменить его самодержавием народа, то вы должны желать успеха нашим западным союзникам, вы не можете не желать его.

Недавно один из крайних левых депутатов, по всей справедливости заклеив в своей речи полную несостоятельность царского правительства в деле защиты России, прибавил, что скоро народ станет решать вопрос о войне и мире⁴³⁴. Но это предполагает революцию, а первой задачей революционного правительства в России явилась бы борьба во чтобы то ни стало, борьба на жизнь и смерть с германским империализмом. Это было бы обязательно для него как в интересах союзных с нами демократических стран, так и для окончательного торжества российской революции над темными силами международной реакции.

Равнодушное отношение к исходу нынешней войны было бы для нас равносильно политическому самоубийству, т.е. отказу от роли вождей трудового народа в его движении к лучшему будущему. Самые важные, самые жизненные экономические интересы пролетариата и крестьянства требуют от нас действительного участия в обороне страны. Не смущайтесь доводами людей, утверждающих, что тот, кто защищает свою страну, отказывается от участия в борьбе классов. Эти несчастные сами не знают, что говорят. Во-первых, для успешного хода классовой борьбы необходимы известные политические условия, которых у нас не будет, если восторжествует Германия. Во-вторых, если трудящееся население России не может не защищать себя, когда его эксплуатируют рос-

сийские помещики и капиталисты, то непонятно, отчего ему следует оставаться бездеятельным, когда на его шею хотят накинуть аркан эксплуатации германские помещики («юнкера») и германские капиталисты, к величайшему сожалению, поддерживаемые теперь значительной частью германского пролетариата, изменившего своему долгу солидарности и пролетариям других стран.

Всеми силами стараясь перерубить накидываемый на его шею аркан германской империалистической эксплуатации, российский пролетариат будет вести классовую борьбу в том ее виде, который является теперь наиболее своевременным и наиболее плодотворным.

Те же неразумные люди скажут вам еще, что, защищаясь от немецкого нашествия, вы поддерживаете наш старый политический порядок. Они желают поражения России из ненависти к царскому правительству. Подобно одному из героев нашего гениального сатирика Щедрина, они смешивают отечество с начальством. Но Россия принадлежит не царю, а трудовому российскому народу. Защищая ее, он защищает самого себя, защищает дело своего освобождения. Мы уже показали, что упрочение нашего старого порядка явилось бы неизбежным следствием германской победы.

Это прекрасно понимают российские реакционеры. Лишь скрепя сердце обороняют они Россию от Германии. Рассказывают, что недавно отставленные министры Маклаков⁴³⁵ и Щегловитов⁴³⁶ еще в ноябре прошлого года подавали царю докладную записку, в которой объяснили выгоды заключения мира с Германией⁴³⁷. Если это и неверно, то хорошо придумано, так как поражение Германии было бы поражением дорогого реакционерам монархического принципа. Наш народ никогда не простит царизму его неспособности к роли защитника России от внешнего врага. Но если бы передовые, сознательные элементы населения не приняли участия в борьбе с этим врагом, то царское правительство сказало бы: «Не моя вина в том, что нас побеждает Германия; виноваты изменившие своей родине революционеры». И это оправдало бы его в глазах некоторой части населения и, следовательно, пошло бы на пользу реакции.

Вашим лозунгом должна быть победа над внешним врагом. В деятельном стремлении к такой победе будут освобождаться и крепнуть живые силы народа, что, в свою очередь, будет ослаблять позицию врага внутреннего, т.е. нынешнего нашего правительства. Повинуясь указанному лозунгу, вы должны быть мудры, как змеи. Хотя в наших сердцах горит огонь благородного негодования против ваших угнетателей, но в ваших головах должен неизменно царить холодный политический расчет. Вам необходимо знать и помнить, что усердие не по разуму иногда хуже полного равнодушия.

Всякое революционное «вспышкопускательство» в тылу армии, борющейся с неприятелем, по своему значению равнялось бы измене, так как было бы услугой внешнему врагу и сильно об-

егчило бы положение врага внутреннего, плодя недоразумения и разрыв между вооруженной силой России, с одной стороны, и передовой частью ее населения — с другой. Да что вспышки. Даже к тактикам можно прибегнуть теперь, во время войны, только всесторонне взвесив все их возможные военно-технические, нравственные и политические последствия.

Гром войны, конечно, не сделает российских предпринимателей более бескорыстными, чем были они в мирное время. При получении, распределении и исполнении множества казенных заказов, неизбежных при «мобилизации промышленности», господа предприниматели станут, по своему всегдашнему обыкновению, относиться очень заботливо к интересам капитала и совсем беззаботно к интересам наемного труда. Вы будете вполне правы, возмущаясь таким их поведением. Но во всех тех случаях, когда вам хотелось бы ответить на него стачкой, вам надо подумать, не погубит ли она делу обороны России.

Частное должно подчиняться общему. Рабочие всякой данной фабрики обязаны помнить, что они совершили бы, без сомнения, величайшую ошибку, если бы имели бы в виду только свой собственный интерес, позабыли о том, что жестоко пострадают от германской победы интересы всего русского пролетариата и всего русского крестьянства. Горе тем, которые, будучи ослеплены ображениями, имеющими лишь местное и временное значение, совершают действия, способные повредить всему будущему нашего освободительного движения.

Не прекращая своей справедливой борьбы за улучшение своего всегда тяжелого экономического положения и планомерно сопротивляясь всем попыткам ухудшить это положение, вам ни на одну минуту не следует забывать, что не только внешние, но и внутренние враги народа стараются использовать для своих целей каждое недобдуманное выступление и что, быть может, реакционеры сами мечтают о том, как бы вызвать рабочих на частичные выступления, разгромив по частям силы рабочих, иметь свободные руки для заключения позорного мира с Германией и для сохранения своей власти над трудовым народом.

При виде полной негодности царского правительства, как оружия национальной самозащиты, в наших передовых кругах высказывается иногда тот взгляд, что, пока существует это правительство, ровно ничего нельзя сделать для этой защиты. Возникновение такого взгляда весьма естественно. Однако это не мешает ему быть глубоко ошибочным. Если передовые элементы нашего населения откажутся принимать участие в обороне России вплоть до того времени, когда падет наше нынешнее правительство, то они тем самым отдаляют время его падения.

Тактика, которую можно характеризовать формулой: «все или ничего», есть анархическая тактика, совершенно недостойная сознательных представителей пролетариата и крестьянства. Генеральный штаб германской армии радостно приветствовал бы извес-

тие о том, что она усвоена этими элементами. Поверьте, что он готов оказать поддержку всем тем, которые вздумают проповедовать ее у нас. Ему нужны «беспорядки» в России, ему нужны стачки в Англии, ему нужно все то, что облегчает осуществление его завоевательных планов. Но вы не захотите его обрадовать. Вы не забудете слов дедушки Крылова: «Что враг советует, то верно худо».

Вам надо настаивать на том, чтобы все ваши представители самым деятельным образом участвовали во всех учреждениях, под напором общественного мнения создаваемых теперь для борьбы с внешним врагом. Чем прочнее утвердятся они в таких учреждениях, тем легче им будет также вести борьбу за избавление России от ее внутреннего врага.

Ваши представители должны, по возможности, принимать участие в работе не только специальных технических учреждений (военно-промышленных комитетов⁴³⁸ и пр.), которые создаются для обслуживания нужд армии, но и всех других организаций общественного и политического характера: органов сельского самоуправления, деревенских кооперативов, рабочих союзов и больничных касс, земских и городских учреждений и Государственной думы.

Положение таково, что к свободе нам нельзя прийти иначе, как идя по пути национальной самообороны. Заметьте, что мы вовсе не говорим: «Сначала победа над внешним врагом, а потом уже свержение врага внутреннего». Вполне возможно, что свержение этого последнего явится предварительным условием и залогом избавления России от германской опасности. Французские революционеры конца XVIII века никогда не справились бы с неприятелем, со всех сторон нападавшим на Францию, если бы не держались тактики самых крайних и самых смелых революционных выступлений. Но и они прибегали к таким выступлениям лишь в такой мере, в какой назревало всенародное движение против старого порядка. Они были сознательными и непримиримыми врагами необдуманного вспышкопускательства, и не без основания склонны были смотреть на проповедников вспышкопускательства как на сознательные и бессознательные орудия в руках внешних и внутренних врагов народа. Пусть они послужат нам примером как по части неукротимой революционной энергии, так и по части трезвой политической осмотрительности.

Мы, нижеподписавшиеся под этим воззванием, принадлежим к различным направлениям российской социалистической мысли. Между нами есть социалисты-революционеры и есть социал-демократы. Мы расходимся во многом. Но мы решительно сходимся в том, что поражение России в борьбе с Германией явилось бы также поражением ее в борьбе за свободу. И мы думаем, что, руководясь этими убеждениями, наши действующие на местах единомышленники должны были бы сблизиться между собою для друж-

ного служения народу в час переживаемой им смертельной опасности.

Члены Российской социал-демократической рабочей партии и Партии социалистов-революционеров: Г.Плеханов⁴³⁹, А.Бах, Л.Дейч⁴⁴⁰, Э.Зиновьева-Дейч⁴⁴¹, И.Аксельрод⁴⁴², И.Бунаков, Н.Авксентьев, А.Любимов (Марк 3-й), Б.Воронов, А.Аргунов.

Члены 2-й Государственной думы: Г.Белоусов⁴⁴³ и Г.Алексинский.

10 сентября 1915 г.

Россия и свобода, 1915. № 3, 16 сентября.

№ 38

ЗАЯВЛЕНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ЦК П.С.-Р.

Заграничная Делегация ЦК п.с.-р., обсудив положение, создавшееся образованием в рядах партии двух течений по вопросу о войне и, в частности, выступлением двух членов делегации совместно с с.-д.⁴⁴⁴ в Манифесте «К сознательному трудящемуся населению России» и в редакции «Призыва», — пришла к следующему заключению:

1) Делегация имеет в своей среде представителей обоих течений по вопросу об отношении к настоящей войне. Численное соотношение* голосов в Делегации не может рассматриваться, как выражение соотношения сил обоих течений в российской партийных организациях, которое может определиться лишь на общепартийном совещании.

Эти течения в настоящем разошлись настолько, что ни одно из них не может нести на себе никакой ответственности за политические выступления другого.

2) При таких условиях деятельность Делегации как целого — впредь до решения российскими правомочными собраниями п.с.-р., разделяющих ее вопросов, — ограничивается технической помощью партийным организациям России, содействием устройству партийных совещаний и съездов для решения текущих вопросов партийной политики и выполнением общепартийных обязанностей.

и 3) Не подлежит опубликованию.

Ноябрь 1915.

Бюллетень, издаваемый объединенными группами п.с.-р.⁴⁴⁶. Женева, 1916. С. 12.

---

* В настоящий момент голоса в Делегации делятся так: 4 и 2. В момент начала войны они делились поровну: 4 и 4. Ко времени Лондонской конференции деление было — 4 и 3⁴⁴⁵. За время войны из Делегации, по собственной инициативе, было 2 товарища. — *Прим. док.*

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ЗАЯВЛЕНИЯ

В последнем номере газеты «Отклики жизни»⁴⁴⁸ напечатано «заявление т. Боброва»⁴⁴⁹ в ответ на заявление т. Кубова⁴⁵⁰. Дело в том, что в русской прессе (в частности, в отделе иностранного обозрения журнала «Русских записок»⁴⁵¹) появились неверные сообщения о том, что на Циммервальдской конференции⁴⁵² был представлен Центральный Комитет п.с.-р. Подобное сообщение, могущее смутить умы наших российских товарищей, явились потому, что в отчете о конференции т. Бобров был изображен именно как делегат Центрального Комитета. Теперь тов. Бобров напоминает, что в газете «Жизнь»⁴⁵³ и «Berner Tagwacht»⁴⁵⁴ было опубликовано его опровержение, гласящее, что он присутствовал в Циммервальде лишь «в качестве представителя интернационалистического большинства» Заграничной Делегации Центрального Комитета российской п.с.-р.». Итак мы, члены партии с.-р., знаем отныне, что в нашей Заграничной Делегации Центрального Комитета есть, во-первых, «интернационалистическое» большинство, и во-вторых, это большинство, в качестве именно такового, как коллегия, считает возможным фигурировать на ответственных интернациональных съездах, со всеми вытекающими последствиями. Напрашивается, естественно, вопрос: это большинство Заграничной делегации, называющее себя «интернационалистическим», отражает ли или желает ли отражать мнение большинства ЦК, а за ним и партии, или это случайное, частное явление раскола в заграничном кружке товарищей по партии, явление, до судебных этой партии, особенно в России, отношение непосредственного не имеющее? Для всех, кто хоть немного знаком с положением партии (до и во время войны) и ее центральных и заграничных органов, ответ может быть только один. Положение этих органов, в особенности Заграничной Делегации, таково, что они и до войны не имели достаточного права на политические выступления и воздерживались от таковых, а с наступившим под вихрем военных событий расколом мнений в нашем лагере, потеряли и окончательно это право. Руководствуясь этим, а еще больше ответственностью момента и полной оторванностью от России, наша делегация на первой Лондонской конференции, в которой пишущему пришлось принять участие, справедливо не решалась ангажировать имени партии, ни ее центральных и иных органов, а выступила с двумя декларациями, отражающими два течения в партии: два течения равноправных, без всякого большинства, меньшинства. Так было условлено заранее и было заявлено на самой конференции. По этим же, по-видимому, мотивам Заграничная Делегация ЦК недавно опубликовала (в одном из номеров «Жизни») заявление⁴⁵⁵, в коем констатируя свое внутреннее неблагополучие, отказывается от политических функций, оставляя за собою лишь технические заботы по охране связей и имуще-

ства партии за границей. Решение, которое нельзя не одобрить. И вот мы читаем наряду с этим, «заявление» т. Боброва, который, отрицая приписанное ему звание «делегата ЦК», считает все же необходимым оповестить, что он был «в качестве представителя интернационалистического большинства Заграничной Делегации российской п.с.-р.», то есть ангажирует и имя Делегации, и имя партии, не без удара при этом на слове «большинство».

Если слова «делегат ЦК-та» были простой опечаткой составителей отчета о Циммервальде, то это разъяснение т. Боброва является новой корректурной погрешностью. Не входя, не желая входить в существо и детали характера представительства тов. Боброва, мы ограничимся лишь одним: т. Бобров был и мог быть в Циммервальде только как член партии с.-р., от себя лично и даже по поручению своих единомышленников; и не имеет в данном случае никакого политического значения тот факт, что он, т. Бобров, состоит членом Заграничной Делегации, и что таковых, как он, большинство. И если даже напираться на слово «большинство», то надо было разъяснить, что большинство это случайно, числом ничтожно и вся эта, вообще, «история» с большинством внутри Делегации имеет строго ограниченный, кружковый, заграничный, домашний характер и выносить его на политическую арену, да еще «в качестве интернационалистического большинства» на международных конференциях, нецелесообразно. И даже вредно; вредно для будущего, если не изменять старому уговору и нашей постоянной тяге к единству партии, которое пережило не один раскол, не одно испытание и которое выживет, «некоторые так думают, даже после современной катастрофы».

Пусть свободно складываются и выявляются наши группировки внутри партии, пусть это будет не только за границей, но особенно в России, и пусть пока такие остатки центральных учреждений, как Заграничная делегация, не вмешиваются.

Призыв, 1916. № 29, 15 апреля. С. 8.

№ 40

ДОКЛАД, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ДЕЛЕГАТАМИ П.С.-Р. (интернационалистами)* НА ВТОРУЮ ЦИММЕРВАЛЬДСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ**

В широких народных массах нет воинственного настроения. Прежде всего это относится к городским рабочим, которые только

---

* Делегатами на Конференции⁴⁵⁶ были тт. Бобров, Власов⁴⁵⁷ и Савельев⁴⁵⁸ по мандатам Заграничной Делегации ЦК П.С.-Р. (интернационалистической части) и некоторых российских организаций П.С.-Р.

** По понятным причинам мы, к сожалению, были вынуждены исключить из этого отчета все более точные указания, как на места, где революционное движение особенно сильно стало развиваться, так и о деятельности наших партийных организаций. — *Прим. док.*

на короткое время и очень поверхностно поддались шовинистическим настроениям. Явная тенденция господствующих классов использовать «гражданский мир» в своих собственных — политических и экономических — интересах, произвело быстрое отрезвление. В сущности, классовая борьба почти не прекращалась. В самых различных местностях России вновь вспыхнула стачечная волна, которая в некоторых местах (в Петрограде, в Донском бассейне, Иваново-Вознесенске, Туле, Николаеве и т.д.) приняла широкие размеры и сильную напряженность...

Настроение более сознательной части рабочих масс ярко проявилось при возникновении вопроса об участии рабочих в военно-промышленных комитетах. (Эти комитеты являются символом так наз. «защиты отечества» и «гражданского мира»)... Организация п.с.-р. была не только против участия в военно-промышленных комитетах, как и во всех других обслуживающих фронт учреждениях, — но выступила за прямой бойкот этих комитетов. При первых петроградских выборах наши представители вместе с большевиками составляли то большинство, которое решило не участвовать в военно-промышленных комитетах. А при вторичных выборах, устроенных под эгидой Гучкова и правительства, с.-р. группа выборщиков, заявив протест против насилия над волей рабочего класса, покинула собрание вместе с большевиками. Всего покинуло собрание более 80 выборщиков, другие были уже арестованы заранее. Только один из с.-р.-ских выборщиков согласился вступить в комитет, — и за это был исключен петроградскими организациями п.с.-р. из своей среды. ...Военно-промышленные комитеты не пользуются авторитетом среди широких рабочих масс, где на них смотрят, как на орудие буржуазии. Истинное настроение рабочих проявилось в резолюциях, принятых в разных местах России, в которых требуется созыв Совета рабочих депутатов (а во многих — созыв Рабочего съезда) и скорейшее заключение мира на началах справедливости и равенства всех народов.

Деревня также сильно взбуждена войной. Трудовое крестьянство и до войны сильно страдало от исторически сложившихся невыносимых земельных отношений; оно было вполне бесправным и легко доступным объектом всякого рода эксплуатации. Периодические голодовки были частым явлением. Война только ухудшила положение масс. Полное расстройство всей хозяйственной жизни и насильственный набор лучших мужских сил для нужд войны вызвало среди крестьян сильное брожение.

При таких условиях понятно, что воинственные настроения не нашли сочувственного отклика среди масс трудового крестьянства. Они более всего охвачены заботами об отыскании выхода из страшной нужды. Чтобы хоть немного улучшить свое положение, много крестьян стало группироваться около кооперативов. Но их узкие экономические задачи не удовлетворяли крестьян, среди которых многие выставляли более радикальные аграрные и политические требования. На первый план ими выдвинут вопрос аграр-

ный, причем во многих местностях вновь появились революционные лозунги 1905 года — о безвозмездном переходе всей земли в руки трудового крестьянства.

Это оппозиционное настроение русских рабочих и крестьян, которое местами начинает переходить в резко революционное настроение, не покидает их, когда, подчиняясь силе, они одевают солдатский мундир. И среди солдат заметно сильное брожение, особенно среди уроженцев центральных губерний...

Ввиду сильного брожения, охватившего всю страну, следовало бы ожидать могучего развития социалистических партий. На самом же деле это не так, что объясняется многими сложными причинами. Для нашей же партии главные причины этого явления следующие.

1. Внутренний раскол в Партии

Как среди всех социалистических партий, в нашей партии имеются оба течения — интернационалистическое и социал-патриотическое. Эти течения настолько разошлись, что Заграничная Делегация ЦК ПСР обнародовало заявление⁴⁵⁹, в котором оба течения слагают с себя всякую политическую ответственность друг за друга. Разделяющие их вопросы должны быть решены на общепартийном российском съезде или конференции, подготовительными работами, к которым и заняты в настоящем момент товарищи в России.

Социал-патриоты почти не участвуют в наших нелегальных организациях, так как до некоторой степени имеют возможность вести легально свою работу. Кроме их собственных органов, к их услугам почти вся либеральная буржуазная печать. Благодаря этому, их обращение к сознательному трудовому населению России получило широкую огласку. Но это воззвание нашло некоторый отклик только в наименее сознательной части пролетариата. Большинство же социалистически настроенных рабочих отнеслись к нему вполне отрицательно и не скрывало своего возмущения против их авторов.

Вообще, деятельность социал-патриотов в России была очень оживленная. В первые дни, во время вызванной войной умственной смуты, социал-патриоты пытались увлечь массы лозунгом: сначала прогнать врага, а потом вызвать революцию (или, как некоторые из них формулировали в России: сначала прогнать внешнего немца, а потом внутреннего). Когда же оказалось, что широкие народные массы не пошли на этот лозунг, выставлен был ими почтой: «революция для обороны».

Нашим товарищам-интернационалистам приходится вести широкую и интенсивную борьбу с этой затемняющей сознание масс деятельностью социал-патриотов, каковая имела некоторый успех, особенно, после занятия немцами западных губерний России.

2. Правительственные преследования

За время войны многие из наших товарищей осуждены на казнь и поселение за свою революционную деятельность. Другие еще томятся в тюрьмах в ожидании своей участи. Особенно значительные массовые аресты были в конце декабря 1915 г. и в начале января с.г. в Петрограде, Москве, Туле, Николаеве, Воронеже и некоторых других городах.

В Петрограде, где партийная работа энергично ведется с осени прошлого года и где функционируют правильные, на демократических началах основанные организации, полиция особенно свирепствует. Многие из наших товарищей сосланы в Сибирь, другим предстоят еще суды. В феврале и марте с.г., в связи со вспыхнувшей стачечной волной, опять начались массовые аресты.

В последнее время правительство стало прибегать к новой тактике: всех заподозренных в сочувствии к революции рабочих, в особенности интернационалистов, стали посылать прямо на фронт. Такой участи, напр., подверглись многие сотни путиловских рабочих.

Несмотря на тяжелую борьбу на два фронта, наши партийные организации развивали энергичную и разнообразную деятельность и, главным образом, вели широкую социалистически-революционную пропаганду. С наибольшим успехом эта работа велась, кроме Петрограда, в центральной России и в некоторых местностях юга; во многих местах распространялся — кроме брошюр, летучих листов, воззваний — и Циммервальдский манифест⁴⁶⁰. И все это несмотря на то, что товарищам-интернационалистам приходится работать исключительно в нелегальных организациях.

Особенно неотложным является созыв общепартийной конференции, которая не только должна высказаться по вопросу о размежевании с социал-патриотами, но, главным образом, разрешить целый ряд жгучих тактических вопросов. Но осуществление этой задачи крайне затруднено условиями военного времени и осадного положения, крушением многих партийных организаций, массовыми арестами, разгромами типографий и т.д. Но местные конференции состоялись уже в некоторых губерниях, как например, в Петрограде, где была выработана декларация против войны⁴⁶¹. В Петрограде же происходили совещания некоторых объединенных организаций. Принятые на этих совещаниях тезисы показывают, что эти организации совершенно определенно стоят на точке зрения Циммервальдской конференции. Подобные же резолюции приняты и некоторыми другими партийными организациями.

Понятно, что при этих условиях, когда сильное нарастание революционного настроения совпадает с беспощадной, до крайности доведенной политической реакцией, нашей партии не удалось пока достаточно развить организационную работу и выполнить требо-

вания, которые отовсюду ей предъявляются. Всюду дает себе чувствовать недостаток опытных организаторских сил и технических средств.

Во многих местах совершенно самостоятельно возникают инициативные группы, рабочие соединяются в небольшие революционные союзы; в крестьянских кооперативах имеются революционные элементы, которые там сближаются. Еще более замечательно, что такие революционные группы самостоятельно возникают среди солдат. Многие из этих групп примыкают к п.с.-р., которая издает для них периодический листок резко интернационалистического направления (листок Северной военной организации п.с.-р.), шестой номер которого вышел недавно.

По заявлениям многих наших российских товарищей, никогда еще, кроме, может быть, 1905 г., Россия не переживала такого напряженного состояния. Революционное движение может вспыхнуть внезапно; его все ожидают и нет сомнения, что в широких слоях населения оно встретило бы сочувственный отклик и поддержку.

Но сильно чувствуется отсутствие объединяющего революционного центра, который мог бы руководить крупными выступлениями рабочих масс. Теперешнее состояние социалистических партий в России и постоянная взаимная борьба их делают до сих пор невозможным объединение их деятельности для достижения общих целей.

Но сама жизнь начинает вынуждать к некоторому сближению между партийными организациями. Так, например, в декабре 1915 г. большевистские и с.-р. организации Петрограда устраивали совместные совещания: было решено устроить 9 января 1916 г. общую забастовку или крупные уличные демонстрации. Только вскоре начавшиеся массовые аресты не дали возможности осуществить это решение в задуманных широких размерах.

Несмотря на все преследования, товарищи в России одушевлены верой в успех своего дела; шлют свой братский привет всем товарищам, стоящим на точке зрения Циммервальдской конференции. Они полагают, что интернационалисты всех стран должны теперь особенно тесно сомкнуться.

В заключение мы должны упомянуть, что социалисты-революционеры считают необходимым распространять социалистические идеи среди сотен тысяч русских рабочих и крестьян, находящихся в плену в Германии и Австрии. С этой целью группа с.-р. — интернационалистов издает для них периодическое издание, которое встретило у военнопленных радушный прием⁴⁶².

Бюллетень, издаваемый объединенными группами п.с.-р. Женева, 1916. С. 14—18.

А.КУБОВ ОБ ОДНОЙ СКАЗКЕ

«Вести из России» — так называется лежащий перед нами документ. Напечатан от в № 9 газеты «Отклики жизни», с пояснением, что сие есть доклад, представленный на вторую Циммервальдскую конференцию гг. Бобровым, Власовым и Савельевым — депутатами от «интернационалистической части п.с.-р.».

Любопытен и поучителен этот «доклад» во многих отношениях, и в особенности потому, что в нем, как в зеркале, отразились и психология и мирозерцание наших российских «интернационалистов».

Начинается доклад широковещательным положением: «В широких народных массах нет воинственного настроения. Прежде всего это относится к городским рабочим». Не спрашивайте, на основании чего, каких материалов, наблюдений и пр. дается это обобщение. Указание на «источники» вы не найдете нигде в «докладе», ибо авторы его, как увидим дальше, не нуждались в этих источниках, творя все из себя, из своего «интернационалистического» духа.

«Более сознательная» часть рабочих не только настроена не воинственно, но она даже против всякого участия в обороне страны. Пример: военно-промышленные комитеты являются символом, так называемой, «защиты отечества и гражданского мира». «Сознательные» рабочие их бойкотировали, будучи принципиальными «интернационалистами» и сознательными пораженцами.

Чего же требовали эти «сознательные» рабочие, какова их программа? «Из различных (sic!) мест России, — повествует доклад, — присылались в промышленные центры, где должны были происходить выборы, всякого рода указания, в которых ярко выступило отрицательное отношение к войне». Затем идет подробный рассказ о том, как происходили выборы в Петрограде, как правительство по ходатайству некоторых социал-патриотических «выборщиков», назначило новые выборы и рабочие вошли в комитет, ибо все «при этом было так подстроено, что социал-патриоты получили большинство, хотя крайне незначительное».

Эсеры и большевики-с.-д. остались непримиримыми до того, что, например, один эсер, согласившийся вступить в число членов военно-промышленного комитета, был «за это исключен петроградскими организациями п.с.-р. из своей среды».

А когда правительство стало арестовывать «интернационалистически настроенных выборщиков», то «рабочие во многих местах стали бойкотировать выборы уже в первой стадии».

История выборов в военно-промышленные комитеты, в частности, в Петрограде, поведение рабочих групп в этих комитетах, — настолько общеизвестны, настолько освещены массою

опубликованного материала, что приходится просто удивляться той храбрости, с какою авторы «доклада» решились переделав все по своему, рассчитывая, очевидно, лишь на одно: на заранее сочувственную настроенную аудиторию своих слушателей в Циммервальде, для которой «тьмы низких истин дороже» свой «интернационалистический» обман и нет надобности, следовательно, в фактических доказательствах.

Ведь кто из этих слушателей знает, что несмотря на «подвохи» социал-патриотов в союзе с правительством, рабочие России взглянули на участие в организации военно-промышленных комитетов, как на свое гражданское и рабочее дело и везде, где успели состояться выборы в них, приняли в этих выборах самое серьезное и горячее участие, доказав лишний раз понимание политических задач и умение организоваться во имя их.

Разве циммервальдские слушатели могли знать, что, вступая в военно-промышленные комитеты, рабочие России предполагали превратить их не только в органы самообороны страны, но и самоорганизации рабочего класса во имя интересов рабочего движения и что везде рабочие члены комитетов заявляли об этом открыто и ясно.

И наконец, только доверчивые слушатели в Циммервальде могли поверить, что военно-промышленные комитеты, в особенности их рабочие группы, суть правительственные органы, а не преследуемые им учреждения.

Но дадим слово рассказчику... «Истинное настроение рабочих проявилось в резолюциях, принятых в разных местах России, в которых требуется созыв Совета рабочих депутатов (а во многих — созыв рабочего съезда) и скорейшее заключение мира на началах справедливости и равенства всех народов».

Тут что ни слово, то, выражаясь мягко, обман. Именно участники в военно-промышленных комитетах, все без исключения, рабочие группы (а не «разные» и «некоторые», «многие» и пр.) этих комитетов выставили лозунг рабочего съезда; они, а не бойкотисты и прочие «истинные революционеры», сделали этот политический шаг. И все они, конечно, за скорейший и за справедливейший мир, но нигде, никто, ни в «разных», ни во «многих» и даже ни в «некоторых» местах России, не требовал этого мира ценою отказа от самообороны, ценою самопоражения.

Итак, рабочие, и притом «истинные» рабочие, все вообще за циммервальдцев.

А как их дела в деревне?.. О, здесь, пожалуй, циммервальдцев еще больше, чем среди рабочих. «Воинственные настроения не нашли сочувственного отклика среди масс трудового крестьянства». Ему, этому крестьянству, нет дела до того, кто за что где-то там дерется, убивает, умирает. Ему, крестьянству, надо в это время спасти свое пошатнувшееся хозяйственное положение. И вот: «чтобы хоть немного улучшить свое положение, много крес-

трян стало группироваться около кооперативов». Тут рассказчик словно поперхнулся.

«Кооператив» — термин принципиально неприемлемый для «интернационалиста» из русских, ибо как еще своевременно на страницах «Мысли» т. И.Ритина писала, что интернационалист есть тот, кто левее всех, кто везде и всегда за революцию, переворот, бойкот и тому подобные сильные методы и слова.

И докладчик спешит исправить дело: «их (т.е. кооперативов) узкие экономические задачи не удовлетворяют крестьян, среди которых многие выставляют более радикальные аграрные и политические требования». А раз так, то уж приходится «горячить» слушателей, не давая им передохнуть: «во многих местностях вновь появились революционные лозунги 1905 года — о безвозмездном переходе всей земли в руки трудового крестьянства»; «полное расстройство всей хозяйственной жизни и насильственный набор лучших мужских сил для нужд войны вызывали среди крестьян сильное брожение».

Но этого еще мало: «это оппозиционное настроение русских рабочих и крестьян, которое местами начинает переходить в резко революционное настроение, не покидающее их, когда подчиняясь силе, они одевают солдатский мундир». Тут должно было быть самое сильное место рассказа. Подумайте: революция на самом фронте... Солдаты русские, братающиеся с немецкими, сдающие оружие во имя равенства народов или что-нибудь в этом, или еще более великолепном роде, но, к сожалению, цензор выкинул эту фантастическую часть, придав лишь незаслуженно заманчивый вид действительно пустому месту.

Рабочие все интернационалисты, крестьяне тоже, войско уже почти тоже. Дело, как говорится, «в шляпе», и надо было бы просто нарисовать состоявшуюся уже в «разных» и «многих» местностях России революцию, приведшую, конечно, к положительным результатам. Но храбрость покидает рассказчика и заставляет его сделать неловкий «вираж». «Ввиду сильного брожения, охватившего всю страну, следовало бы ожидать, — говорит он, — могучего развития социалистических партий. На самом деле это не так». И кратко прибавляет: «это объясняется многими сложными причинами». И больше ни слова. Объяснение краткое, простое.

Вторая часть сказки-доклада касается положения в России партии с.р. Эта часть, пожалуй, еще забавнее.

Оказывается вдруг, что дела интернационалистов в России не так уже безусловно блестящи.

Во-первых, мешают социал-патриоты, деятельность которых в России «была очень оживленная» и «имела некоторый успех, особенно после занятия немцами западных губерний России». Воззвание этих социал-патриотов нашло отклик, однако, только «среди наименее сознательной части пролетариата», и работа их вообще не имела успеха, несмотря на то, что они работают легально, избегая нелегальных организаций. Вот на борьбу, и притом «широкую

и интенсивную» с «затемняющей сознание масс деятельностью социал-патриотов», и приходится российским интернационалистам тратить массу сил.

В чем же выразилась эта «интенсивная» борьба — в докладе ни звука. И вполне понятно. Борьба ведь эта невидимая для посторонних глаз, ибо «товарищам-интернационалистам приходится работать исключительно в нелегальных организациях», которые, как водится, «развивали энергичную и разнообразную деятельность и, главным образом, вели широкую социалистически-революционную пропаганду... И это несмотря на то, что этим товарищам приходится вести тяжелую борьбу на два фронта»; не с внешним врагом, (такого у них не имеется), а с двумя внутренними: социал-патриотами и правительством. Правительство по отношению к интернационалистам прямо свирепствует: в «некоторых» городах — массовые аресты; «многие» осуждены на каторгу и поселение, «многие» ушли в Сибирь, «другим» предстоят суды. Но все это было бы полбедой и могучие интернационалистские организации, которыми покрыта вся Россия, (следует пояснение: «Петроград, Москва, Тула, Николаев, Воронеж и некоторые другие города»), конечно, справились бы со своей задачей, — но в них, оказывается, один маленький недостаток: «нет организаторских сил и технических средств».

Поверим на слово рассказчику, что российским интернационалистам приходится прибегать к нелегальной работе и согласимся признать, что кое-где и нелегальные организации существуют.

Но вот зачем же так неудачно вводить в обман читателей утверждением, что интернационалисты только и работают, что в подполье. Разве не издается открыто журнал «Летопись»⁴⁶³, книги и брошюры, вроде Сухановских⁴⁶⁴, не издавались ли достаточно долгое время легальная рабочая газета «Наш голос» и разве не пишут гг. интернационалисты в легальной, хоть, например, сибирской, прессе или в такой, как журнал «Запросы жизни»⁴⁶⁵ и проч. Конечно, издаются, конечно, пишут, и это всем известно.

Неправда, далее, что с.-р. — интернационалисты осуждены на подпольное жите-бытие. Чтобы не плодить лишних споров, прислушаемся к голосу одного из с.-р.-ов, живущего в России и заявляющего себя интернационалистом («Наш голос», № 14. Фед. Михайлов. «Из другого лагеря»). Упомянув о неудачной попытке издавать вместе с Черновым, Сухановым и др. легальную рабочую газету в Петрограде, Ф.Михайлов пишет: «Наша задача не культивировать своей «особенности» в глухом подполье, но ни на минуту не отрывать своей работы от массового движения русского рабочего класса, вынести свою программу, свои лозунги и методы на открытый суд и оценку всех трудящихся». И партия с.-р., подтверждает лишний раз интернационалист Михайлов, «погружаясь в работу профессиональных союзов и кооперативного движения, проделав наряду с другими страховую кампанию и связавшись в 912—14 гг. своей рабочей и крестьянской печатью с массами, пре-

одолевают в самой себе бойкотистские настроения недавнего времени».

От этих строк веет былью, не сказкой.

Если нет в России «интернационалистической» интенсивной работы, видимой для глаз, то не потому, что она течет в подполье, могуче разлившись по всей России, а просто потому, что нет ее, как таковой. Нет «интенсивной и широкой» работы, «широкой социалистически-революционной пропаганды» во «многих», «некоторых» и пр. городах. Нет «правильно функционирующих, на демократических началах основанных организаций» и т.д. Есть, пожалуй, одна крупница правды во всей этой выдумке: это необдуманно сделанное признание, что «нет организаторских сил и технических средств». Ну, а без сил и средств, как ни складно и бойко рассказывая сказку, никак не выходит, чтобы можно было вести интенсивную, да еще на два фронта, работу, даже в «некоторых» городах.

Приходится отдать под подозрение и рассказ о процессах, судах и ссылках интернационалистов. Дело, по-видимому, объясняется просто. Интернационалисты суть по своей натуре революционеры, и как таковые, в России преследуемы, ибо правительство преследует только революционеров и, следовательно, все аресты, суды, ссылки и пр., о которых пишут в газетах, суть, так сказать, политические акты интернационалистов. Привести для полноты и большей эффективности доклада соответствующую статистику этих «актов» дело, конечно, не лишнее.

И вот идут рассказы о многочисленных судах над интернационалистами и пр. Неважно, если читатель вспомнит, что в России была и есть масса политических дел, никакого отношения к «интернационализму» не имеющих, начиная с преследования легальных рабочих организаций и кончая каторжными приговорами над солдатами-добровольцами из бывших эмигрантов. Все это неважно для таких сочинителей, как авторы «доклада» — они и таких солдат запишут в число пострадавших «пораженцев».

Чтобы не быть голословным, — приведем последний факт: как известно, рабочие Путиловского завода подверглись репрессиям за устроенную забастовку. Что это была за забастовка, какую роль в ней сыграли провокационные элементы, — об этом подробно и открыто было рассказано в печати и с трибуны Государственной думы. И вот оказывается, что путиловцы не стачку устроили и не из-за своих рабочих интересов, а выступление революционное, будучи интернационалистами. И за это правительство покарало их жестоко, ибо «в последнее время правительство стало прибегать к новой тактике: всех заподозренных в сочувствии к революции рабочих, в особенности интернационалистов, стало посылать прямо на фронт; такой участи подверглись, например, многие сотни путиловских рабочих».

Видите, как легко налепить ярлык «интернационалиста» на любого рабочего, участвовавшего в стачке. И понятно теперь, от-

куда такая мощь у армии интернационалистов в России, если вспомнить, что в одном месте существуют «многие сотни» путиловских рабочих, в другом другие «многие сотни» других рабочих и если еще присовокупить перечень разных городов России с присоединением невинных слов «и в некоторых других» — то выходит довольно складно рассказанная сказка: в некотором царстве, некотором государстве...

Призыв, 1916. № 44 и № 45, 29 июля и 5 августа.

№ 42

НИКОЛАЙ АВКСЕНТЬЕВ

ГОД БОРЬБЫ

Тяжелое время переживала Россия год тому назад. Фронт русских войск был прорван в начале лета. Враг все настойчивее продвигался вглубь страны. Десятками, сотнями тысяч падали почти безоружные русские солдаты, отстаивая родину. Сухомлиновы⁴⁶⁶, Маклаковы, Мясоедовы⁴⁶⁷ привели страну к краю пропасти. Старый порядок вскрыл окончательно свою преступную неспособность. Мертвая и мертвящая Россия цепко держала живую и вела ее, казалось, к гибели.

Одно могло спасти Россию от разгрома — усилия организованной общественности, усилия демократии — великой, решающей силы в современной битве народов. Но русская демократия в сложной общественно-политической обстановке России все еще не могла найти свое место, все еще медлила самоопределиваться. А заграничные революционные группы, существующие под разными, более или менее громкими, названиями, продолжали свою пропаганду «интернационализма» и «пораженчества». Уверяли русскую демократию, что война не ее дело. Кричали о том, что военные силы России непоправимо разбиты. Звали к поражению собственной страны.

В такой момент медлить было нельзя. Патриотические элементы среди русских социалистов поняли, что необходимо употребить все свое влияние, чтобы убедить русскую демократию, чтобы указать ей правильный путь. И социалисты-эмигранты сочли своим долгом взять на себя почин.

5-го сентября было созвано совещание русских социалистических деятелей-патриотов без различия партий и направлений. 10-го ими было выпущено обращение «К сознательному трудящемуся населению России», а 1-го октября, ровно год назад, появился первый номер «Призыва», который должен был развивать тезисы этого обращения.

Собравшиеся не могли — да и не хотели — пользоваться громко звучащими, но реально ничего не значущими именами центральных учреждений партий. Они решили выступить с личными

подписями, положить на чашку весов все, чем они располагали, — свое имя, свой личный авторитет, взять на себя всю ответственность.

В основу воззвания, как и в основу журнала, положены были две главные мысли.

Первая. Социалисты имеют право и обязанность защищать свою страну, подвергшуюся нападению. Русские социалисты, русская демократия, кровно заинтересованы в этой защите не только потому, что их обязанность — отстаивать независимость родины. Но и потому, что участие в обороне создает для них прочную организационную базу для борьбы со старым порядком. «Успех революционной демократии в ее борьбе за свои общие социальные и экономические требования, — писали мы в своих положениях, — будет зависеть от энергии ее участия в самозащите народа от неприятельского нападения. Путь, ведущий к победе, является и путем, ведущим к свободе». Поэтому «освобождение России от внутреннего врага (старого порядка и его защитников), достигаемое в процессе ее самообороны от иностранного нашествия, — такова та великая цель, которой должны быть подчинены все частные цели и все второстепенные соображения».

И вторая. Во имя этой великой цели необходимы объединенные усилия всей революционной демократии России, необходим единый план и единый порыв. «Вышеприведенные положения, — писали мы дальше, — и вытекающие из них задачи практической политики представляются нам одинаково несомненными с точки зрения всех существующих в России направлений социализма и революционной демократии. Поэтому каждое из этих направлений должно стремиться к планомерному объединению своих действий — в пределах указанных выше задач, — с действиями всех прочих направлений. Было бы в высшей степени желательно, чтобы действующие на местах представители этих направлений теперь же сделали все зависящее от них для взаимного сближения».

Наше объединенное выступление, наш призыв к единству, вызвали сейчас же гневные реплики «интернационалистов» и «пораженцев», расколовшихся на течения и кланы. Эти люди, призывавшие к братству народов, не могли допустить товарищеского сотрудничества представителей двух социалистических партий. Дав самим себе право быть «хранителями святыни храма», они с гневом говорили нам: «Оглашенные, изыдите!» «Панические интернационалисты» из лагеря секретарей обвиняли социал-демократов, вошедших в «Призыв», в том, что они объединились с лицами, стоящими «вне партии», что они этим «объявили войну партии», и приглашали их «иметь мужество порвать с ней». «Интернационалисты» из лагеря социалистов-революционеров обращались с подобными же приглашениями к своим товарищам по партии.

Когда же не помог гнев, были пущены в ход другие средства: «уличение» социалистов-революционеров в том, что они «сдали позиции» социал-демократам и обратно; отыскивание противоречий, желание создать раскол на тех или иных конкретных вопросах. Наконец, обращение к высоким моральным чувствам.

Но, несмотря на все объединение, начало которому было положено на совещании 5—10 сентября 1915 года, продолжает существовать: оно окрепло и углубилось. Наши противники называли нас «малочисленной группой». Это правда. Но волею судеб все русские революционные организации в данное время, какими бы громкими именами они ни прикрывались, только «малочисленные группы». И однако наша «малочисленная группа» нашла сторонников в России. Она сумела создать родственную среду за границей. Народились организации, преследующие те же цели, что и подписавшие манифест, способствующие осуществлению той же задачи. И что важнее всего, призыв к единству действия этой «малочисленной группы» нашел сочувственный отклик в сердцах подлинной русской демократии. И разве не тем же настроением проникнута, например, резолюция 200 членов правлений московских больничных касс, резолюция, в которой «собрание признает, что рабочие представители в присутствиях должны стремиться к **объединению всего рабочего социалистического движения**»? Разве не те же тенденции приводят рабочие в военно-промышленных комитетах?

Конечно, наше объединение не кладет даже первого камня тому единству русского социалистического движения, о котором должен мечтать, к которому должен стремиться каждый русский социалист, достойный этого звания. Конечно, наше объединение есть объединение лишь на одной конкретной задаче. Но за всем тем, оно имеет большое значение. Пусть невелики его размеры и ограничен его объем. Оно все же показало возможность и плодотворность **общей длительной работы**. В среду борьбы оно внесло первый кристалл взаимного доверия и сотоварищества. Оно создало **факт общего выступления, общей деятельности**. А такие факты учитывает история. Такими фактами она дает наглядный урок.

Но гораздо больше нападков и вражды вызвал, разумеется, не факт нашего общего выступления, а те взгляды, которые объединили нас. Кажется, нет такого оскорбления, которое не наносилось бы революционному прошлому, стоящему за каждым из нас, нашей революционной чести. Мы оказались неокадетами, сторонниками министра внутренних дел Хвостова⁴⁶⁸, мы проповедовали священное единение с царизмом. Мы угашали дух борьбы с отживающим строем. Мы были «проходимцами», русскими Зюдекумами⁴⁶⁹, мы «принижали знамя революционного социализма».

С пренебрежительным спокойствием относились мы к этим выкрикам и оскорблениям. Они не могли ни задевать, ни заинтересо-

вать нас. Нам важно было другое. Отклик русской демократии, ее ответ на поставленный историей вопрос.

Наше обращение дошло до нее. По отзывам некоторых обозревателей русской жизни (см., напр. «Ежемесячный журнал»)⁴⁷⁰ оно произвело громадное впечатление. Оно совпало с теми чувствами и желаниями, которые окрыляли и многих представителей социалистической и трудовой демократии России. Но демократия сама еще не высказалась. А наши противники уверяли, что она не с нами, за нами не пойдет. Что она с негодованием отбросит наш призыв и вступит на дорогу, указанную ими. Они удесятерили свои усилия и заранее торжествовали победу.

Но торжество оказалось преждевременным. Правда, первые выборы в Петрограде в Центральный военно-промышленный комитет были сорваны. Но этим и ограничился их короткий успех. Последующие выборы в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, десятке других крупных городов, кооперативные съезды, профессиональные совещания показали с ясностью, что демократия твердо и решительно избрала свой путь, и что этот путь совпадает с указанным нами. Русская демократия не только действовала в согласии с нашими положениями. Она часто даже формулировала свое отношение к событиям и задачам, стоящим перед нею, почти буквально так же, как мы.

Областной съезд кооперативов, объединивший в Вологде около 300 представителей из восьми губерний, принял, например, такую резолюцию: «Деятели кооперации, невзирая на существующие весьма стеснительные и вредные для дела общественно-политические условия, должны немедленно браться за практическое дело обороны страны, помощи жертвам войны и борьбы с расстройством народного хозяйства, уже в самом процессе этой работы ведя борьбу за создание условий, необходимых для успешного ее выполнения».

Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета выпустила воззвание «К рабочим России». Вот что говорится, между прочим, в этом воззвании: «Оставаясь верными традициям международного движения, рабочие Петрограда считают в то же время, что разгром и гибель страны более всего угрожают интересам трудящихся и что в спасении ее более других общественных классов заинтересованы рабочие». «Самое же спасение страны от многочисленных опасностей, угрожающих ей, представляется рабочим как задача двухсторонняя, как задача внутренних и внешних препятствий».

Киевские, харьковские выборщики, представители на военно-промышленных съездах, съезды кооперативов, собрания представителей больничных касс также формулировали свои мнения. И во всех этих высказываниях звучала одна и та же мысль — мысль нашего воззвания. Необходимость защиты родины. Борьба на два фронта, связанные между собою. Важность объединения усилий всей демократии.

Мы говорили в своих положениях и в статьях «Призыва», что участие в обороне создаст новые организационные устремления, создаст условия борьбы за право со старым порядком. Факты подтвердили наши утверждения. Демократия, принявшая деятельное участие в организации обороны, тотчас же — именно на почве этой организации — расширила свои задачи и повела во имя их борьбу. Необходимость общения со своими избирателями, рабочий съезд, больничные кассы, вопросы практической политики — встали на очередь, привели рабочие массы в брожение и создали новые организационные очаги демократического движения. Более того, демократия, приняв участие в организации обороны, своим вмешательством, своими действиями, толкнула на политически более определенные выступления и буржуазную оппозицию, начала занимать позиции действительного и действенного авангарда освободительной армии.

Революционная демократия встала на верный путь — на путь, указать который стремились мы. О, конечно, мы далеки от горделивой мысли, что демократия России пошла за нами. Но мы счастливы радостной уверенностью, что она оказалась с нами. И мы удовлетворены, если в определении ее пути и наше обращение сыграло свою роль.

Революционная демократия на верном пути. Но враг еще силен. Черные силы старой России на каждом шагу пытаются разрушить созданное демократией, уменьшить ее силу сопротивления внешнему врагу, загасить ее борьбу за право. Тяжелая, великая задача стоит перед нею.

Каждый народ лучшие героические черты свои пытается воплотить в образы. Народ древней Эллады создал всем нам знакомый образ национального героя — полубога Геркулеса. Много подвигов совершил он, столь же прекрасных, как прекрасна сама подлинная история древней Греции.

Но русскому народу, русскому демократическому богатырю, выпадает на долю историческая миссия, гораздо более трудная, чем его эллинистическому собрату. Одновременно должен он совершать те подвиги, которые тот совершал один за другим. Он должен в одно и то же время чистить Авгиевы конюшни, в которые обратил старый порядок его страну, и бороться с обступившими его, закованными в железо и стало, великанами.

Тяжелая задача, требующая от демократической России в этот сложный час ее истории великих усилий. Но она победит, ибо она одушевлена верой в успех, она правильно держит в своих руках рычаг действия.

И мы, невольные изгнанники, оторванные насильственно от великого дела, которое делает наша родина, мы, с трепетом следя за ее усилиями и борьбою, можем, как и год тому назад, послать ей лишь свой братский, свой горячий привет.

Призыв, 1916. № 52, 1 октября.

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Мне хочется приоткрыть завесу с самого мрачного, быть может, периода жизни партии, когда для многих не только врагов ее, но и друзей казалось, что партия социалистов-революционеров находится в агонии. Я имею в виду тот страшный для партии период, который открылся с момента разоблачения предательства Азефа в декабре 1908 года.

Раскрытие провокаторской роли Азефа было для партии огромным политическим и моральным ударом. О силе его не могут составить себе представления те, кто тогда непосредственно сам не пережил этого. Теперь перед нами раскрылись все тайники департамента полиции, и мы хорошо знаем, какую сатанинскую роль играла провокация в работе всех революционных партий: дело Ма-линовского⁴⁷¹ показало нам, что провокация могла свить себе гнездо даже среди идейных руководителей социалистической партии. Но тогда всей роли провокации мы еще не сознавали. Член ЦК и один из руководителей Боевой организации, Азеф был всегда лишь деловой фигурой, не претендуя и фактически не играя роли одного из идейных руководителей партии. И тем не менее разоблачение провокации Азефа было для многих членов нашей партии равносильно политическому и моральному краху партии. Немало малодушных отошло под влиянием этого удара от партийной работы, были даже самоубийства и попытки на самоубийства со стороны некоторых наиболее впечатлительных наших товарищей.

Я вспоминаю ту страшную ночь, когда мы, в составе членов ЦК и ближайших к центральной работе в партии лиц, собрались в Париже для обсуждения создавшегося положения, решения судьбы Азефа и в поисках верного и достойного для партии выхода. Нас было двадцать с небольшим человек, взявших на себя огромную политическую и моральную ответственность революционного трибунала. После исчерпывающего доклада В.М.Чернова, в котором подробно изложены были все доводы за и против виновности Азефа, присутствовавшие по очереди подавали свой голос. Представленные тогда против Азефа данные не имели достаточного юридического веса, но обладали силой психологической достоверности. Помню, что трое высказались за немедленную смерть (Б.В.Савинков⁴⁷², М.А.Прокофьева⁴⁷³ и В.М.Зензинов), трое или четверо продолжали верить в невиновность Азефа, а подавляющее большинство высказалось за допрос Азефа с тем, чтобы в случае его уличения здесь же привести в исполнение и смертный приговор над ним. Как известно, события пошли быстрее, чем предполагали: обвинение Азефу пришлось предъявить раньше, чем это было желательно и ему удалось скрыться⁴⁷⁴.

По мотивам политического характера ЦК постановил тогда подать в отставку, потребовал назначения чрезвычайного следствия и поручил собрать за границей Совет партии для приема отставки, назначения над ЦК судебно-следственной комиссии и выборов ЦК. В то время ЦК состоял из А.А.Аргунова, Н.Д.Авксентьева, М.А.Натансона, Н.И.Ракитникова и В.М.Чернова, из которых трое последних были выбраны на втором партийном съезде в Таммерфорсе в 1907 году, а первые двое были ими кооптированы. Уполномоченными ЦК назначил И.Н.Коварского⁴⁷⁵, Л.В.Фрейфельда⁴⁷⁶, Б.Ю.Нестеровского⁴⁷⁷, А.А.Ховрина⁴⁷⁸ и В.М.Зензинова — и нам пятерым поручено было дело объезда России и созыва в течение ближайших нескольких месяцев Совета партии. Помню, с каким жутким чувством ехали тогда мы в Россию, не зная размеров провокации Азефа и пределов его выдач. В назначенный день мы встретились в Твери (это было в феврале 1909 г.), чтобы наметить ближайший план действий, а оттуда выехали в Петербург для информации некоторых из членов Государственной Думы (А.А.Булата⁴⁷⁹ и В.И.Дзюбинского⁴⁸⁰) по делу Азефа. Затем мы распределили между собой объезд России по областям с целью определения представительства от них для Совета партии. И.Н.Коварский и я взяли на себя Петербург, Москву и Центральную область, А.А.Ховрин — Киев, Одессу и Кавказ, Б.Ю.Нестеровский — Урал, Л.В.Фрейфельд — Поволжье и Юг.

Нас ждали при этих объездах жестокие испытания. Партийные организации были тогда почти повсеместно в разрушенном состоянии — настоящие, более или менее массовые организации сохранились лишь на Урале, кое-где в Сибири и в Баку. Кое-что имелось в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе и на юге. Но на слабость партийной организации нас испугала — мы привыкли к арестам, привыкли к постоянному разрушению и возрождению наших организаций. Тяжелее всего оказались встречи со старыми партийными работниками. Начиная с 1908 г., обнаруживался не только отход от партийной работы, но и психологический отлив от партии. Долго и упорно, бывало, мечтаешь о ком-нибудь, с кем связан и личными отношениями, и долгими годами совместной партийной работы, на которой вместе пережито и много радостного, и много тяжкого и страшного. Вот, думаешь, кто откликнется на призыв, вот с кем можно будет поработать вместе с полным взаимным пониманием и доверием. Достанешь, наконец, его адрес, иной раз нарочно едешь к нему куда-нибудь в провинцию — и первый же разговор убеждает, что надежды были напрасны. Один ссылается на семейные обстоятельства, другой — на необходимость сдать, наконец, государственные экзамены, третий указывает на расхождение с партией по аграрному вопросу в связи с разложением общины... И, наконец, холодный, явно недоверчивый прием со стороны тех, к кому имеются рекомендации от третьих лиц. То, что до сих пор с такой легкостью добывалось — квартиры для свидания или явки для ночлега, наконец, простой адрес

для переписки — все это теперь можно было получить лишь с большим трудом. Тяжелее всего, невыносимее всего было чувство психологической оторванности, которую приходилось переживать при встречах с товарищами и в атмосфере которой приходилось работать. И было ясное ощущение, что глубокую борозду в психологии партийных работников провело предательство Азефа. Это было одно из самых тягостных ощущений, которое мне пришлось переживать в общественной работе.

Два месяца ушло у нас на подготовку Совета партии, который и был созван в Париже в мае 1909 года. К сожалению, у меня нет сейчас под рукой ни извещения о созыве 5-го Совета партии, ни его резолюций и отчета. Помню только, что мы, собравшись в Париже, целых две недели ждали приезда делегатов от уральского и симбирского областных комитетов, без которых по уставу не мог составиться нужный для Совета кворум. Вместо 14 или 16 обязательных голосов от областных организаций налицо было только 9 или 10... Такова была организационная слабость партии.

Наконец, 5-й Совет партии состоялся. На нем принята была отставка ЦК, назначена была судебно-следственная комиссия в лице С.А.Иванова⁴⁸¹, А.Н.Баха, С.М.Блеклова⁴⁸² и В.В.Лункевича⁴⁸³ и с большим трудом выбран новый ЦК, в который вошли Л.В.Фрейфельд, В.С.Панкратов⁴⁸⁴, А.Б.Шимановский, И.Н.Коварский и В.М.Зензинов. Но из них В.С.Панкратов был тогда в якутской ссылке, а А.Б.Шимановский в Россию ехать отказался. Нами кооптированы были в ЦК А.А.Ховрин, Б.Н.Воронов и Б.Ю.Нестеровский. Страстные прения вызвал на Совете вопрос о возобновлении террора, среди участников Совета неожиданно оказались яростные противники, еще недавние его горячие сторонники. Помню, что особенно сильное впечатление произвела на Совете горячая речь против террора тов. Билита, старого партийного химика, организатора многих партийных лабораторий, инструктора нескольких поколений с.-р.-ов-террористов, самого ставшего в 1906 г. жертвой взрыва в партийной лаборатории в Женеве, которым ему оторвало кисть руки. Террор все же не был вычеркнут из тактики партии; мне и И.И.Фондаминскому-Бунакову было поручено вести переговоры с боевой группой, которая сделала тогда предложение партии поставить центральный террор; этой группой была тогда группа Б.В.Савинкова, в которую входили С.Н.Слетов, С.Н.Моисеенко⁴⁸⁵, М.А.Прокофьева, Е.И.Сомова⁴⁸⁶ и др.

Первым пунктом неписанного устава нового ЦК было обязательное пребывание всего состава ЦК в России, и поэтому, после выработки общего плана работы, мы все выехали вскоре в Россию. Заграничная делегация ЦК состояла из И.И.Фондаминского-Бунакова, А.Ю.Фейта и Е.П.Пешковой, редакция центрального органа — из Н.Д.Авксентьева, Н.И.Ракитникова и В.М.Чернова; транспортное бюро — из А.А.Аргунова, Я.И.Глотова⁴⁸⁷ и М.Ф.Селюк⁴⁸⁸. С боевой группой Савинкова за границей сносились И.И.Фондаминский, в России — я. На случай ареста ЦК об-

разование нового его состава было поручено Л.Э.Шишко⁴⁸⁹, Ф.В.Волховскому и М.А.Натансону.

Пунктом более или менее постоянного пребывания ЦК был нами намечен Киев. В пригородной дачной местности (Китаево) на Днепре я снял у местного рыбака-крестьянина избу и поселился под видом отдыхавшего от работ сотрудника столичных газет. Сюда ко мне нередко приезжали А.А.Ховрин, Л.В.Фрейфельд и Б.Н.Воронов. Что касается Б.Ю.Нестеровского, то он был арестован при переходе границы сейчас же после Совета.

Мы ставили себе скромные цели. Мы хорошо знали организационную слабость партии и не обольщали себя надеждами на большой успех организационной работы. Нашу задачу мы видели в поддержке существовавших еще кое-где организаций, в организации заграничного транспорта литературы и создании кое-какой издательской техники в России. С этой целью я ездил в Москву и Петербург к И.Н.Коварскому, в Баку и Одессу. Единственной нашей силой была наша горячая вера в силу идей партии с.-р. и их конечное торжество, и смысл нашего существования мы видели лишь в том, чтобы провести идеи партии в работе через глухое время до времен лучших. Мы старались прежде всего, чтобы тлеющий огонек нашей партии не погас окончательно в это глухое время.

Лето и осень 1909 года прошли в объездах России и встречах. Характерно, что дни полтавских торжеств⁴⁹⁰ мы провели вместе под Киевом как раз в то время, когда Николай II был проездом в Киеве в сопровождении многочисленных охранников и филеров. Население Киева было подвергнуто на это время строгому контролю, а мы, ЦК террористической партии, находились в 40 минутах езды от Киева, причем у меня, напр., за все время моей жизни в Китаеве никто даже не поинтересовался паспортом, никто, в том числе и хозяин, даже не знали моей фамилии, под которой я жил. В конце-концов нас все-таки выследили по Киеву. А.А.Ховрин был арестован на пристани (по процессу 1910 года он получил каторгу), когда собирался ехать к нам в Китаево, мне же пришлось ликвидировать свою дачу. На другой день после моего отъезда из Китаева соседняя с моей избой дача была окружена полицией, и ее жильцы (семья одного киевского профессора) были все захвачены. Я в это время уже жил в Киеве, откуда вскоре пришлось выехать после нескольких арестов тех лиц, с которыми у меня были через третьих лиц деловые сношения. «Алексея Михайловича» (такова была тогда моя кличка) уже упорно искали по Киеву. Позднее я кочевал между Москвой и Петербургом, затем ездил в Баку, съездил также осенью в Одессу. Всего интереснее в деловом отношении оказалась поездка в Баку, где я застал знакомого мне по пятому Совету С.П.Постникова⁴⁹¹ и где даже в это время существовала солидная рабочая организация. На Рождестве я был вызван за границу, куда и проехал через Торнео. И там небольшая кучка, горячо преданных партии людей, проводила ту же тактику

поддерживания идейных традиций партии, оберегания партийного огонька, еле тлевшего. Верными и горячими блюстителями этой тактики были И.И.Фондаминский и С.Н.Слетов. Если среди заграничного распада и развала партийной жизни удалось сохранить этот огонек и пронести его до лучших дней, то заслуга этого для заграницы принадлежит этой небольшой группе. Вспоминая теперь эти годы, положительно даешься диву, какая ничтожная кучка партийных работников, группировавшихся вокруг ЦК, заграничной делегации и центрального органа «Знамя Труда», могла пронести на своих плечах в эти критические годы все партийное бремя. Только горячая любовь к партии и вера в ее идеи помогали этой кучке выносить эту тяжесть и эту ответственность.

Мой приезд в Париж совпал с приездом туда Петрова, который, как известно, вступил тогда в фиктивные сношения по Саратову и Петербургу с охраной ради террористических целей. Мы отнеслись отрицательно к этой аванюре и предложили Петрову выйти из партии. Позднее, как известно, ради реабилитации своего имени, он произвел взрыв в одной из конспиративных квартир петербургской охраны, которым был убит начальник петербургского охранного отделения полковник Карпов.

Нужно сказать, что в этом период, после разоблачения Азефа, открылось вообще много темных историй — предательства, измены, двойной игры и старания департамента полиции вызвать дезорганизацию партии путем компрометации отдельных партийных работников. Кроме судебно-следственной комиссии по делу Азефа, выбранной на пятом Совете партии, работала в Париже еще следственная комиссия при ЦК, разбиравшая все эти дела, сделавшиеся уже очередными. Эта тяжелая, но необходимая работа по самоочищению собственных рядов партии вносила гнетущую атмосферу в затхлую и без того заграничную эмигрантскую жизнь. Этой работой руководили Н.С.Тютчев⁴⁹² и С.Н.Слетов.

В конце 1909 года часть боевой группы Б.В.Савинкова благополучно перебралась в Россию и вскоре стала на работу в Петербурге. Сношения с ней должен был в России вести я. Боевая работа была поставлена здесь на прежних основаниях — строго законспирированная группа состояла из нескольких извозчиков, разносчиков и проч. Мне долго не удавалось встретиться по делам этой группы в Петербурге со С.Н.Слетовым, который тоже меня разыскивал — и помог нашему свиданию удивительный случай. Как-то в феврале я по организационным вопросам и транспортным делам ехал в Москву и, садясь на Николаевском вокзале в вагон III класса, с удивлением и радостью увидел, что моим соседом в том же самом купе оказался... С.Н.Слетов, в своем картузе, обдерганном пальтишке и в сапогах бутылками, имевший вид, действительно, маленького хозяина нескольких извозъичьих запряжек, каким он и был в действительности. Надо было скорее закрыться газетой, чтобы скрыть от других улыбку радости. Подробно мы переговорили с ним в дороге и на свидании в одном из московских

трактиров возле Сухаревки за парой чая. Боевая работа была, по-видимому, поставлена удачно, и приготовления шли успешно.

В апреле 1910 г. я получил от И.И.Фондаминского, из Парижа, тревожную телеграмму, звавшую меня на свидание в Лондон. Я немедленно выехал и застал, к своему удивлению, в Лондоне всю боевую группу Савинкова в полном составе, включая и петербургских «извозчиков» и «разносчиков». Оказалось, что группа заметила за собой организованную слежку и должна была сняться*. Трудное дело надо было начинать сначала. Я вернулся в мае в Петербург и, по поручению группы, ездил в Выборг и Финляндию за документами, по которым члены группы должны были заново становиться на работу. По возвращении из Гельсингфорса я был в тот же день арестован в Петербурге. Как позднее оказалось, со мной в Гельсингфорсе случайно встретился на улице филер, который следил за мной еще в 1906 году во время моей работы в Б.О... За арестом последовала якутская ссылка, из которой я вернулся в Россию только в конце 1914 года.

Период 1910—1915 гг. тоже, как известно, не был периодом оживления партийной работы. Лишь кое-где сохранились партийные организации, не связанные между собой в одно целое. Среди партийных с.-ров, известных мне, лишь немногие остались верны партии, как единому политическому и идейному целому. Многие, наоборот, записались в бесславный стан «ликвидаторов» и не прочь были говорить вообще о необходимости отказаться от всех навыков и методов старой революционной России с революционной тактикой и подпольной нелегальной организацией.

В идейную жизнь партии внесли оживление лишь «Заветы»⁴⁹⁴ в 1912 г., настоящим же признаком революционного оживления явилось издание в Петербурге ряда так называемых «левонароднических» легальных газет: «Трудовой Голос»⁴⁹⁵, «Живая Мысль»⁴⁹⁶, «Смелая Мысль»⁴⁹⁷, «Бодрая Мысль»⁴⁹⁸ и проч. Упорство, которое было проявлено в издании этих рабочих газет, объяснялось тем, что они опирались на возрождавшуюся в Петербурге партийную рабочую организацию. Эта работа начинала находить отклики и в провинции, и мечты о восстановлении общероссийской партийной организации снова забродили в головах социалистов-революционеров.

Война, как известно, резко оборвала и эту работу, и эти мечты. За все годы войны почти нигде не существовало организаций партии с.-р., все попытки в этом направлении пресекались в самом начале и серьезного характера не носили. Недаром в официальном отчете департамента полиции, оглашенном в печати накануне революции, так гордо для департамента и так убийственно для социа-

---

* Уже много позднее, в 1913 году, из случайно попавшего ко мне в руки в якутской ссылке обрывка «Знамени Труда» я узнал, что один из членов этой группы, бывший матрос Кирюхин⁴⁹³, был объявлен в 1910 году провокатором... — *Прим. док.*

листов-революционеров звучала фраза: «что касается партии с.-р., то, по сведениям департамента полиции, таковой в России не существует».

Эта «несуществующая» партия в наши дни возродилась с такой силой, что, очевидно, для всех становится самой могущественной политической партией в России. И этим мы обязаны глубокой жизненности той пропаганды и той тактики, которые партию социалистов-революционеров отличали от всех других политических партий.

Дело Народа⁴⁹⁹, 1917. № 126, 13 августа.

- ¹ *III Совет п.с.-р* состоялся в начале июля 1907 г. в Финляндии. На нем присутствовали с правом *решающего* голоса: 5 членов ЦК, делегаты Петербургского и Московского комитетов, делегаты от областей: Северной, Центральной, Северо-Западной, Украинской, Южной, Поволжской, Уральской, Закавказской, Северо-Кавказской, Азовско-Донской; с правом *совещательного* голоса: представитель Дальневосточной обл., второй делегат Украины, 5 уполномоченных ЦК, представители Боевой организации, редакции центральной газеты для крестьян «Земля и воля», профсоюзной и военной работы, 2 члена Организационного бюро ЦК, заведующий литературной экспедицией, представители группы с.-р. во II Государственной думе, представитель Армянской организации п.с.-р. Не прибыли на Совет делегаты Сибирской области и Туркестана. Главной задачей Совета было определение характера ситуации, сложившейся в стране после третьеиюньского государственного переворота, и тактики партии в новых условиях.
- ² *III Государственная дума* (1907—1912) была избрана на основе нового, третьеиюньского избирательного закона, называвшегося самими его разработчиками «бесстыжим». Он значительно сокращал число выборщиков от крестьян и рабочих и увеличивал его от землевладельцев и от цезовых элементов города, обеспечивая за ними почти две трети выборщиков. Дума делалась также более русской по своему составу за счет уменьшения представительства от национальных окраин. Выборы в Думу происходили в сентябре-октябре 1907 г. Свою работу она начала с 1 ноября того же года и просуществовала полные пять лет, отведенные ей законом. По своему составу Дума была гораздо консервативнее, чем ее предшественники, I и II Думы. Большинство в ней составляли правые и октябристы. Эсеры бойкотировали эту Думу.
- ³ Речь идет о *Всероссийском железнодорожном союзе*, бывшем одним из самых крупных и влиятельных профессионально-политических союзов. Влияние эсеров в этом союзе было значительным с момента его образования в апреле 1905 г. и стало преобладающим с осени 1906 г.
- ⁴ Имеется в виду *Всероссийский союз почтово-телеграфных служащих*, созданный в ноябре 1905 г. В программе союза содержались не только экономические и правовые требования, но и политические, основным из которых было созыв Учредительного собрания путем всеобщих, равных, прямых и тайных выборов. За попытку организовать в ноябре 1905 г. всеобщую стачку союз практически был разгромлен правительством и в последующем не играл сколько-нибудь существенной роли ни в профсоюзном, ни в политическом движении. Эсеровские идеи пользовались большим влиянием в союзе.
- ⁵ Эсерами были созданы две Судоходные организации, объединявшие матросов и портовых служащих: Волжская и Каспийская. В данном случае речь идет о представителе от первой из этих организаций.
- ⁶ Вероятно, имеется в виду представитель от эсеровской профессионально-политической организации черноморских моряков гражданских судов и портовых служащих.

- ⁷ «*Знамя труда*» — газета, центральный орган партии эсеров, издавалась с июля 1907 г. по апрель 1914 г. Вышло 53 номера. До марта 1908 г. (№ 1—11) печаталась в нелегальной типографии ЦК в Петербурге, затем в Париже. В состав редакции до V Совета (май 1909 г.) входили В.М.Чернов, С.Н.Слетов, Воронов (Б.Н.Лебедев), Бунаков (И.И.Фондаминский) и А.В.Геденовский. На V Совете избраны Н.Д.Авксентьев, Н.И.Ракитников и В.М.Чернов.
- ⁸ Данная резолюция была принята Советом единогласно. (*Знамя труда*, 1907. № 2, 12 июля).
- ⁹ *Третьеиюньским государственным переворотом* принято считать роспуск царем 3 июня 1907 г. II Государственной думы и издание нового избирательного закона без одобрения Думы, что являлось нарушением Основных законов Российской империи.
- ¹⁰ II Государственная дума просуществовала 103 дня, с 20.2. по 3.6.1907 г. В ее выборах приняли участие левые партии и организации, ранее бойкотировавшие выборы в I Думу и по своему составу и настроению II Дума была более левой, чем I Дума. Эсеры образовали в Думе не фракцию, а группу, более автономную к партии, численностью 37 депутатов.
- ¹¹ Отдельного полного издания резолюций III Совета партии эсеров выявить не удалось. В связи с этим тексты первых двух резолюций «О тактике современного момента» и «О бойкоте Государственной думы» печатаются по их публикациям в «Знамени труда», а остальные по «Своду постановлений общепартийных Советов и съездов», содержащемуся в «Памятной книжке социалиста — революционера». Выпуск 1. Б., м., 1911. В «Своде» резолюции собраны по тематическому принципу, например, в разделе «Организация работы среди крестьянства» собраны в хронологическом порядке резолюции и постановления всех съездов и Советов по этому вопросу. Чтобы собрать в единый блок резолюции III (а также IV и V Советов, о которых речь пойдет ниже) пришлось из каждого раздела «Свода» вычленять те резолюции, которые приняты были именно III Советом.
- ¹² «*Памятная книжка социалиста-революционера*», издавалась одним из основателей и видных деятелей партии эсеров А.А.Аргуновым (А.Кубов), печаталась в типографии ЦК в Париже, небольшим форматом на тонкой бумаге. Вышло два выпуска: 1-й в 1911 г., 2-й в 1914 г.
- ¹³ Базаров, — Н.И.Ракитников (1864—1938), один из основателей и руководителей партии эсеров и ее Крестьянского союза. После разоблачения Азефа, вместе с другими членами ЦК, сложил с себя полномочия члена ЦК; член редакций всех центральных партийных печатных органов, в межреволюционный период активно отстаивал в печати программные, тактические и организационные основы партии, вновь избирался членом ЦК на 3 и 4 съездах партии в 1917 г., в 1919 г. вошел в группу «Народ», признававшую советскую власть. После 1920 г. отошел от политической деятельности, в 1937 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности, в следующем году расстрелян. Реабилитирован в 1989 г.
- ¹⁴ Ссылка сделана на Протоколы съезда, изданные в 1906 г. в Женеве, в типографии ЦК п.с.-р.
- ¹⁵ Волховский Ф.В. (1846—1914) — видный деятель партии эсеров, из поколения «старых народников», в революционном движении с середины 60-х годов XIX в., член «Рублевого общества», кружка «чайковцев», был осужден и сослан в Сибирь по «процессу 193-х», в 1889 г. бежал из ссылки, жил в Лондоне, член комитета «Фонда вольной русской прессы», редактор его «Летучих листков», член Аграрно-социалистической лиги, один из руководителей Заграничного комитета партии эсеров. Вер-

нувшись в Россию в 1906 г., входил в руководство Военной организации партии эсеров, редактировал газету «За народ». В послереволюционный период, находясь опять в эмиграции, входил в состав редакции «Знамени труда», был докладчиком от партии эсеров на конгрессах 2-го Интернационала в Копенгагене и Базеле. По отношению к первой мировой войне занял оборонческую позицию.

- ¹⁶ *Береславцев* — Рубанович И.А. (1859—1922), старый народоволец, эмигрировал из России в начале 80-х годов, один из учредителей и секретарь «Группы старых народовольцев», член Аграрно-социалистической лиги, один из редакторов «Вестника русской революции», бессменный, с 1904 г. по 1922 г. представитель партии эсеров в Международном социалистическом бюро, редактор заграничного эсеровского бюллетеня «Русская трибуна», издававшегося на французском языке. В годы первой мировой войны занимал оборонческую позицию.
- ¹⁷ *Народовольцева* — приглашенная ЦК из России, псевдоним не выяснен.
- ¹⁸ *Зотов* — приглашенный ЦК от заграницы, псевдоним не выяснен.
- ¹⁹ *Брешковская* — Брешко-Брешковская Е.К. (1844—1934), участница революционного народнического движения 70-х годов, была осуждена и сослана в Сибирь по «процессу 193-х». По возвращению из ссылки во второй половине 90-х годов активно пропагандировала народничество, участвовала в формировании ряда эсеровских организаций на Юге и Северо-Западе, затем партии эсеров и ее Боевой организации, во время первой революции вела большую пропагандистскую, агитационную и организационную работу среди крестьян Поволжья. Осенью 1907 г. была арестована в Симбирске. После содержания в течение двух с половиной лет в Петропавловской крепости была сослана в Восточную Сибирь, откуда вернулась лишь после Февральской революции. В 1917 г. поддерживала политику А.Ф.Керенского, примыкала к правому крылу партии эсеров, к большевикам и Октябрьской революции относилась враждебно, входила в Комуч, в 1919 г. выехала из России. В последние годы жила в Чехословакии.
- ²⁰ «*Рублевое общество*» — народническая организация конца 60-х годов XIX в., название связано с величиной членского взноса, организаторы Ф.В.Волховский и Г.А.Лопатин; издавала и распространяла литературу для крестьян.
- ²¹ «*Нечаевщина*» — одно из течений в революционном движении на рубеже 60—70-х годов XIX в., возглавлявшееся С.В.Нечаевым, проповедовавшим идею — «цель оправдывает средства», использовавшим провокации, мистификации и даже убийство в отношении тех участников движения, которые не разделяли его принципов.
- ²² «*Чайковщина*» — одно из течений народничества начала 70-х годов XIX в., не принимавшее нечаевский экстремизм, придававшее основное внимание революционной пропаганде. Название связано с именем Н.В.Чайковского, бывшим одним из организаторов и видных деятелей этого течения.
- ²³ О ком идет речь, выяснить не удалось.
- ²⁴ *Франжоли А.А.* (1848—1883), революционный народник, член кружка «чайковцев», участник «хождения в народ», вел пропаганду среди одесских рабочих и крестьян Черниговской губернии, член Исполкома «Народной воли». Умер в эмиграции.
- ²⁵ *Ланганс М.Р.* (1852—1883), участник «кружка чайковцев» и «хождения в народ», член Исполкома «Народной воли», приговорен к бессрочной каторге, умер в Петропавловской крепости.

- 26 *Желябов А.И.* (1851—1881), революционный народник, «чайковец», «земледелец», один из основателей и руководителей «Народной воли», организатор покушений на Александра II, казнен в Петербурге.
- 27 *Чайковский Н.В.* (1850—1926), один из видных представителей движения революционных народников 70-х годов. С 1874 г. по 1906 г. находился в эмиграции, член комитета «Фонда вольной русской прессы» и Аграрно-социалистической лиги, затем Заграничного комитета партии эсеров. Вернулся в Россию после издания Манифеста 17 октября, арестован осенью 1907 г. На суде, состоявшемся в 1910 г., отрицал свою принадлежность к партии эсеров и был оправдан. Легализовался, являлся активным организатором и деятелем кооперативного движения, во время войны занимал оборонческую позицию. После Февральской революции — трудовик, затем народный социалист, член большинства руководящих общественных демократических организаций. К Октябрьской революции относился враждебно, один из организаторов и руководителей антибольшевистского демократического движения. В 1920 г. покинул Россию, в том же году был заочно приговорен большевистским судом к смертной казни по делу т.н. «Тактического центра».
- 28 *Клеменц Д.А.* (1848—1914), революционный народник, «чайковец», один из организаторов «хождения в народ» и руководителей «Земли и воли».
- 29 *Морозов Н.А.* (1854—1946), революционный народник, «чайковец», «земледелец», член Исполкома «Народной воли», пробыл в заточении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях с начала 80-х годов до конца 1905 г.
- 30 *Перовская С.Л.* (1853—1881), революционная народница, член кружка «чайковцев», участница «хождения в народ», «землеволка», член Исполкома «Народной воли», одна из организаторов и участников покушений на Александра II. Первая женщина в России, повешенная за политическое преступление.
- 31 *«Народная воля»* — революционная народническая организация конца 70-х — первой половины 80-х годов XIX в. Первостепенными задачами считала политическое освобождение России: свержение самодержавия и созыв Учредительного собрания, а тактическими средствами пропаганду, агитацию и террор. Организовала несколько покушений и убийство Александра II 1.3.1881 г.
- 32 *Гершуни Г.А.* (1870—1908), один из основателей и вождей партии эсеров, организатор и глава до мая 1903 г. ее Боевой организации, руководил покушениями на министра внутренних дел Д.С.Сипягина и губернаторов — харьковского И.М.Оболенского и уфимского Н.М.Богдановича. В 1904 г. был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, после манифеста 17 октября 1905 г., срок каторги был ограничен 20 годами. Содержался в Шлиссельбургской крепости, в 1906 г. отправлен для отбывания каторги в Восточную Сибирь, в Акатуйскую тюрьму, откуда в октябре того же года бежал через Китай в США, затем вернулся в Европу, участвовал в работе 2-го съезда партии, где выступал против бойкота II Государственной думы и экспроприаций, за блок с оппозицией. Пытался вместе с Е.Ф.Азефом восстановить Боевую организацию, резко выступал против разраставшихся слухов о его провокации. Умер в Швейцарии от саркомы.
- 33 *Рагозинникова Е.П.* (1886—1907), бывшая слушательница Петербургской консерватории по классу рояля, член Летучего боевого отряда Северной области, возглавлявшегося А.Траубергом («Карлом»), убила 15.10.1907 г. начальника Главного тюремного управления Максимовского, казнена по приговору военно-окружного суда.

- 34 **«Карл» (Трауберг А.Д.)** (1881—1908), член Латышского социал-демократического союза, с лета 1906 г. — партии эсеров. Организатор и руководитель Летучего боевого отряда при Северной областной партийной организации, совершившего покушения на главного военного прокурора Павлова, начальника Петербургской одиночной тюрьмы («Кресты») полковника Иванова и начальника Главного тюремного управления Максимовского. Арестован при подготовке террористических актов против министра юстиции И.Г.Щегловитова и великого князя Николая Николаевича. Казнен по приговору военно-окружного суда.
- 35 **Кальвино (Лебединцев В.)** (1878—1908), из очень богатой семьи, ученый-астроном, долго проживал в Италии; приехав в Россию делать революцию, выдавал себя за корреспондента итальянской газеты Марио Кальвино, член Летучего боевого отряда «Карла», а после ареста последнего, его руководитель. По его предложению разрабатывался план взрыва правой фракции Государственного совета, участвовал в подготовке покушения на великого князя Николая Николаевича и министра юстиции Щегловитова, арестован в феврале 1908 г. при попытке осуществить эти террористические акты. Казнен по приговору военно-окружного суда.
- 36 Речь идет о членах Центрального Летучего боевого отряда: Б.Н.Никитенко, В.А.Наумове, Б.С.Синявском, Е.А.Бибергаль, В.В.Колосовском, А.С.Пигит и М.Д.Рогальском, арестованных по делу о «заговоре» против царя, великого князя Николая Николаевича и Председателя Совета министров П.А.Столыпина. По приговору военно-окружного суда Никитенко, Наумов и Синявский были повешены, остальные сосланы на каторгу.
- 37 **Синегуб Лева**, член Северного Летучего боевого отряда, арестован с разрывным снарядом на улице 20.2.1908 г. при попытке покушения на великого князя Николая Николаевича и министра юстиции И.Г.Щегловитова. Казнен по приговору военно-окружного суда. Один из «семи повешенных».
- 38 **Крафт П.П.** (1870—1907), один из основателей и руководителей партии эсеров, занимался в основном организационной и боевой деятельностью.
- 39 **Никитенко Б.Н.** (1884—1907), морской офицер, в 1906 г. перешел на сторону революции, член Центрального Летучего боевого отряда, возглавлявшегося Л.И.Зильбербергом, а после его ареста — Никитенко, готовил покушения на Столыпина и ряд других высокопоставленных лиц, собирал сведения с целью возможного покушения на великого князя Николая Николаевича и императора Николая II. Арестован 1.3.1907 г., повешен по приговору военно-окружного суда.
- 40 **Глинский Г.И.**, штабс-капитан артиллерии, член «Всероссийского офицерского союза». «Военным бюро» ЦК партии эсеров и ЦК «Союза» был направлен из Выборга в Севастополь для руководства готовившимся там вооруженным восстанием. Попытка восстания в ночь с 14 на 15 сентября 1907 г. закончилась неудачей. (См.: Былое, 1917. № 3, сентябрь.)
- 41 **Егоров Н.** — матрос, эсер, один из руководителей восстания в Кронштадте в июле 1906 г. В декабре того же года убил главного военного прокурора Павлова. Автор воспоминаний «Кронштадтское восстание» (Былое, 1917. № 4).
- 42 **Комарницкий Н.В.**, рядовой 5-го флотского экипажа, эсер, член Кронштадтской военной организации, участник вооруженного восстания в Кронштадте. В сентябре 1906 г. в числе 19 матросов, активных участников восстания, Временным военным судом был приговорен к смертной казни.
- 43 **«Гронский»** — Сулятитский В.М., бывший вольноопределяющийся 57 Литовского полка, член Симферопольского комитета партии эсеров,

помог Б.В.Савинкову бежать 16 июля 1906 г. из севастопольской главной крепостной гауптвахты и переправиться за границу, член Боевой организации партии, затем Центрального Летучего боевого отряда, арестован в январе 1907 г. при подготовке покушения на П.А.Столыпина и великого князя Николая Николаевича, казнен по приговору военно-полевого суда под фамилией «Гронский».

- 44 *«Штифтарь В.»* — Зильберберг Л.И. (1880—1907), участник студенческого движения начала 900-х годов, в партии эсеров с 1903 г., член БО с 1905 г., ее химик. Организатор побега Савинкова из севастопольской крепости, глава Центрального Летучего боевого отряда, арестован в январе 1907 г. Отказался от дачи показаний. Повешен по приговору военно-полевого суда под именем Владимира Штифтаря.
- 45 *«Сазоновская бомба»*, бомбой, брошенной 15 июля 1907 г. членом БО партии эсеров Е.С.Сазоновым, был убит в Петербурге министр внутренних дел В.К.Плеве.
- 46 Имеется в виду аграрный проект «104-х», внесенный эсерами во II Государственную думу. В литературе иногда он называется проектом «105-ти». Действительно, под проектом стоят 105 подписей, но одна из них повторяется дважды.
- 47 *Штейн* — ?, член президиума конференции, один из ее председателей, участвовал в работе конференции по приглашению ЦК, псевдоним не выяснен (возможно, И.Ю.Старынкевич или Геденовский-?).
- 48 *Соломин* — Минор О.С. (1861—1934), участник народовольческого движения второй половины 80-х годов, видный деятель партии эсеров. С начала 900-х годов жил за границей, вернулся в Россию после Манифеста 17.10.1905 г., активный участник 1-го и 2-го съездов партии, один из председателей 1-й (Лондонской) общепартийной конференции. После конференции, как уполномоченный ЦК, выехал в Поволжье для восстановления там партийной работы. Арестован 2.1.1909 г. в Саратове, сослан на каторгу в Восточную Сибирь. После Февральской революции член президиума 3-го съезда партии, член ЦК, председатель Московской городской думы, депутат Учредительного собрания. С начала 1919 г. в эмиграции, член Областного заграничного комитета партии эсеров, выступал за продолжение вооруженной борьбы с большевиками, против мирового признания Советской России, член редакции ряда эсеровских эмигрантских печатных органов, автор воспоминаний «Это было давно (Воспоминания солдата революции)». (Париж, 1933).
- 49 *Вронский* — Н.Д.Авксентьев (1878—1943), один из лидеров студенческого движения конца 90-х, член кружка студентов, обучавшихся в Германии в начале 900-х годов и оказывавших всяческое содействие эсерам. В партии эсеров с 1905 г., один из ее руководителей, впервые кооптирован в ЦК осенью 1905 г., замещал в Исполкоме Петербургского совета представителя ЦК М.А.Натансона. В начале декабря того же года арестован вместе с рядом других членов Исполкома и депутатов, осужден в 1906 г. по процессу Совета, сослан в Сибирь, бежал в 1907 г. и вновь занял руководящее положение в партии, член ЦК и редакции «Знамени труда», занимал правоцентристские позиции, член президиума, один из председателей 1-й общепартийной конференции, лидер меньшинства этой конференции, выступавшего против продолжения экстремистской тактики боевых выступлений масс, руководитель эсеровской «ликвидаторской» группы «Почин», во время войны «оборонец». В 1917 г. — сторонник войны до победы и коалиции социалистов с цензовыми элементами, член ЦК партии, председатель Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел третьего состава Временного правительства, председатель Демократического совещания и Предпарламента.

- К Октябрьской революции относился враждебно, возглавлял «Комитет спасения родины и революции», один из руководителей «Союза возрождения России», председатель Уфимского государственного совещания, глава Директории. С начала 1919 г. в эмиграции, выступал за продолжение политики коалиции, вооруженной борьбы с большевиками и иностранной интервенции. Прогресс постбольшевистской России связывал с цивилизованным, демократическим капитализмом.
- 50 *Фурман* — член секретариата конференции, участвовал(а-?) в работе конференции по приглашению ЦК от заграницы, псевдоним не выявлен.
- 51 *Семенова* — в «Списке» членов конференции значится не «Семенова», а «Семенов», приглашенный на конференцию от заграницы, член секретариата конференции, псевдоним не выявлен.
- 52 *Иванов* — участник конференции по приглашению ЦК от Петербурга, псевдоним не выявлен.
- 53 *Арагвин* — делегат от Заграничной организации партии эсеров, псевдоним не установлен.
- 54 *Лаврецкий* — приглашенный ЦК от заграницы, предположительно В.В.Руднев.
- 55 *Большов* — Ракитников Н.И., см. прим. 13.
- 56 *Грачев* — участник конференции по приглашению ЦК от Петербурга, псевдоним не выявлен.
- 57 *Хренов* — приглашенный ЦК от заграницы, псевдоним не выявлен.
- 58 *Юровский* — делегат от Ижевской организации, псевдоним не выявлен.
- 59 *Чижевский* — приглашенный ЦК из России, псевдоним не выявлен.
- 60 *Бюзанд* — делегат от Армянской делегации п.с.-р., псевдоним не выявлен.
- 61 *Оленин* — Чернов В.М.(1873—1952), лидер партии эсеров, ее главный теоретик, избирался в состав ЦК на всех съездах партии, в 1909 г. в связи с разоблачением провокаторства Е.Ф.Азефа, вместе с другими членами ЦК, избранными на 2-м съезде партии и кооптированными после него, вышел в отставку, после первой революции находился в эмиграции, входил в Заграничную делегацию ЦК, член редакции «Знамени труда», редактор журналов «Социалист-революционер» и «Заветы». Во время войны занимал интернационалистскую позицию, считал, что социалисты всех воюющих стран должны объединиться и стать «третьей силой», которая заставит враждующие правительства заключить справедливый, демократический мир без аннексий и контрибуций. Редактировал газеты «Мысль» и «Жизнь». В 1917 г. член ЦК, член Исполкома Петроградского совета, министр земледелия во Временном правительстве второго состава. К Октябрьской революции относился отрицательно, оценивал ее как реакцию слева. Председатель Учредительного собрания. В гражданскую войну выступал за то, чтобы партия эсеров, отстаивая демократию, играла роль «третьей силы», борющейся и против белых, и против красных. В связи с решением ЦК перенести издание центрального печатного органа за границу, 20.9.1920 г. покинул Россию, редактировал журнал «Революционная Россия», представитель ЦК в Заграничной делегации партии, после ее раскола в 1928 г. возглавлял Заграничный комитет партии эсеров, продолжавший левоцентристскую линию в партии.
- 62 *Голубев* — делегат от ЦК, псевдоним не выявлен.
- 63 *Нундман* (Гайндман Г.М.) (1842—1921) — один из организаторов английской Демократической федерации и Британской социалистической партии, ее представитель в Международном социалистическом бюро.

- ⁶⁴ *Green (Грин)* — один из видных деятелей Британской социалистической партии, член «Общества друзей русской свободы».
- ⁶⁵ *Par excellence (фр.)* — по преимуществу, преимущественно.
- ⁶⁶ Имеется в виду английский король Эдуард VII и его встреча с Николаем II в Ревеле 28.5.1908 г.
- ⁶⁷ *Шишко Л.Э.* (1852—1910) — революционный народник — «семидесятник», член Комитета «Фонда вольной русской прессы» и Аграрно-социалистической лиги, публицист, видный деятель партии эсеров, один из ее теоретиков по аграрному вопросу.
- ⁶⁸ *Лазарев Е.Е.* (1855—1937), революционный народник-«семидесятник», член Комитета «Фонда вольной русской прессы» и Аграрно-социалистической лиги, видный деятель партии эсеров, один из популяризаторов ее программы. В 1907 г. легализовался. В 1910 г., проживая в Петербурге, познакомился с Д.Г.Богровым, который просил связать его с ЦК партии с целью договориться о террористическом акте против П.А.Столыпина, однако Лазарев отказался сделать это. В годы войны — «оборонец». После Февральской революции примыкал к правому крылу партии, депутат Учредительного собрания, министр народного просвещения Кому-ча. Выехал из России в начале 1919 г., жил в Праге, один из редакторов и издателей журнала «Воля России».
- ⁶⁹ *Степняк-Кравчинский С.М.* (1851—1896), революционный народник-«семидесятник», 1878 г. убил шефа шандармов Н.В.Мезенцева, основатель и член Комитета «Фонда вольной русской прессы».
- ⁷⁰ *Бородкин* — делегат от Северной областной организации, псевдоним не выявлен.
- ⁷¹ *Алексеев* — 2-й делегат от Северной областной организации, раскрыть псевдоним не удалось.
- ⁷² *Февралев* — делегат от Вологодской организации, псевдоним не выявлен.
- ⁷³ Речь, видимо, идет о *Еремине А.М.*, генерал-майоре отдельного корпуса жандармов, находившегося на службе в корпусе с 1903 г. В 1906—1908 гг. находился при штабе корпуса. В 1908—1909 гг. — начальник Тифлисского губернского жандармского управления, с 1913 г. Начальник Финляндского жандармского управления.
- ⁷⁴ Каких-либо уточняющих сведений о Фалевиче и его террористическом акте выявить не удалось.
- ⁷⁵ Волжская судоходная организация — см. прим. 5.
- ⁷⁶ *Нечаич* — приглашенный ЦК от Псковской организации, псевдоним не выявлен.
- ⁷⁷ *Антонова* — делегат от Петербургского комитета, псевдоним не выявлен.
- ⁷⁸ *Симеоновский* — делегат от Петербургской рабочей организации, псевдоним не выявлен.
- ⁷⁹ *Егоров* — приглашенный ЦК от заграницы, псевдоним не выявлен.
- ⁸⁰ *Стеклов* — делегат от Южной областной организации, псевдоним не выявлен.
- ⁸¹ *Южанин* — делегат от Закавказской областной организации, псевдоним не выявлен.
- ⁸² *Сергеев* — представитель от Организационного бюро ЦК, псевдоним не раскрыт.
- ⁸³ *Федотов* — делегат от Бакинской организации, псевдоним не выявлен.
- ⁸⁴ *Картвели*, делегат от Грузинской организации п.с.-р.

- 85 *Алиханов* — генерал, временный кутаисский генерал-губернатор, начальник карательного отряда.
- 86 Имеется в виду *Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров*, образовавшаяся в 1904 г., считавшая себя партией трудящегося народа, требовавшая грузинской автономии в Российской Федерации, поддерживавшая Временное правительство, затем правительство грузинских меньшевиков. После ряда расколов прекратила свое существование в 1923 г.
- 87 В тексте протоколов допущена ошибка. Речь, видимо, идет о «*гначакистах*», членах армянской с.-д. партии «Гначак», существовавшей с 1887 г. по 1923 г. Кроме типичных демократических и социалистических требований, партия ставила задачу национального освобождения и объединения страны.
- 88 Имеется в виду *Армянская революционная федерация (Дашнакцутюн)*, национальная армянская социал-революционная партия, близкая по своей социальной программе и тактике к российской партии эсеров. Первостепенным требованием партии было создание самостоятельной и объединенной Армении. В 1918—1920 гг. — правящая партия Армении. В 1923 г. прекратила свою деятельность на родине, ныне партия вновь воссоздана, но ее легальная деятельность запрещена нынешним правительством Армении.
- 89 *Леман* — приглашенный ЦК от заграницы, псевдоним не раскрыт.
- 90 Речь, видимо, идет о Каспийской судоходной организации моряков и портовых служащих.
- 91 *Цензор* — делегат от Северо-Кавказской областной организации, псевдоним не раскрыт.
- 92 *Павлов* — представитель от Уральской области, приглашенный ЦК, псевдоним не раскрыт.
- 93 *Лбов А.М.* (1876—1908) — из крестьян, рабочий пермских и мотовилихинского заводов, активный участник революционных событий на Урале в 1905—1907 гг., один из руководителей вооруженного восстания в Мотовилихе, затем руководитель одного из отрядов «лесных братьев», осуществлявший партизанские нападения на административные, полицейские и финансовые государственные органы, а также экспроприации частных капиталов. Казнен в Вятке.
- 94 *Филантропов* — делегат от Златоустовской окружной организации, псевдоним не раскрыт.
- 95 *Антропов* — в «Списке членов I Общепартийной конференции п.с.-р.» не значится. Поскольку в тексте протоколов он указывается как представитель от Златоустовской организации, то не исключено, что *Антроповым* ошибочно назван *Филантропов*.
- 96 *Степанов* — приглашенный ЦК от заграничных эсеров, псевдоним не раскрыт.
- 97 *Чемезов* — приглашенный ЦК от заграничных эсеров, псевдоним не раскрыт.
- 98 *Абелева* — делегат от Тамбовской губ., псевдоним не раскрыт.
- 99 *Флерова* — приглашенная ЦК от заграничных эсеров, псевдоним не раскрыт.
- 100 *Корнев* — приглашенный ЦК от Южной областной партийной организации, псевдоним не раскрыт.
- 101 *Волгина* — делегат от Саратовской партийной организации, псевдоним не раскрыт.

- 102 *Родионова* — приглашенная ЦК от Центральной области, псевдоним не раскрыт.
- 103 *Васильева* — приглашенная ЦК от Московской партийной организации, псевдоним не раскрыт.
- 104 «*Труд*» — газета, издавалась в 1907 г. Петербургским комитетом партии эсеров.
- 105 *Рязанцев* — делегат от Украинской областной партийной организации.
- 106 *Савин, Саввин* — участник конференции от Организационного бюро ЦК, под таким псевдонимом был известен А.Б.Шимоновский, избранный на V Совете в состав ЦК, затем член группы «Почин», эволюционировал к меньшевикам.
- 107 *Ритина (Ракитникова, урожд. Альтовская) И.И.* (1870—1965), жена Н.И.Ракитникова, видный деятель партии эсеров, член Заграничной делегации ЦК в 1911—1914 гг., активно сотрудничала в нелегальной и легальной эсеровской печати. В период войны занимала интернационалистскую позицию. В 1917—1918 гг. член редакции центрального партийного органа — журнала «Партийные известия», делегат 2-го съезда Советов рабочих депутатов, член ВЦИК. В 1919 г. отошла от активной политической деятельности, преподавала, входила в «Кружок народовольцев» Всероссийского общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, занималась историей революционного движения, сотрудничала в ряде сборников по истории народовольчества и журнале «Каторга и ссылка».
- 108 *Бобров* — в «Списке» участников конференции не значится. Такой псевдоним обычно использовался членом ЦК партии, известным революционным народником М.А.Натансоном.
- 109 *Федоров* — в «Списке» участников конференции не значится, не исключено, что так ошибочно назван делегат от Бакинской организации *Федотов*.
- 110 *Ливин* — Я.Л.Юделевский (1868—1957), участник народовольческого движения второй половины 80-х — нач. 90-х годов, член Парижской группы партии эсеров, постоянный критик слева официального курса партии, один из лидеров группы «инициативного меньшинства» и редакторов газеты «Революционная мысль».
- 111 Личность *Никиты* установить не удалось.
- 112 Кто такая *Мария*, выявить также не удалось.
- 113 Под названием съезд «Революционной России» имелся в виду предполагавшийся съезд революционно настроенного крестьянства Воронежской губ.
- 114 *ППС* — Польская социалистическая партия образовалась в 1892 г., придавала большое значение борьбе за независимую Польшу. В 1906 г. раскололась на ППС-«левицу» и ППС-«революционную фракцию». В 1948 г. объединилась с Польской рабочей партией в Польскую объединенную рабочую партию (НОРП).
- 115 *Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР)* — первые группы украинских эсеров появились в 1903—1904 гг., среди них существовали разногласия по целому ряду вопросов, в том числе по национальному и аграрному. Окончательно партия оформилась лишь в 1917 г. на ее втором съезде, утвердившем программу и устав. Партия играла видную роль в Центральной раде, поддерживала политику Временного правительства. После Октябрьской революции в партии усилилось левое крыло, выступавшее против правительства гетмана П.П.Скоропадского и против правых в своей партии, шедших на соглашение с последним. После установления советской власти на Украине раскол в партии окон-

чительно оформился, левые образовали свою партию — украинскую партию социалистов-революционеров (коммунистов), а лидеры правых эмигрировали. Внутренняя борьба продолжалась и в эмиграции. Деятельность УПСР на Украине прекратилась с начала 20-х годов, после суда над членами ее ЦК, в эмиграции с начала 30-х годов.

- ¹¹⁶ *Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП)* — создана в декабре 1905 г. на основе большинства Революционной украинской партии. Лидеры партии: Д.В.Антонович, В.К.Винниченко, Л.О.Юркевич и др. Помимо общих для российских социалистических партий демократических и социалистических требований, партия выдвигала требование национально-территориальной автономии Украины. После первой российской революции партия переживала кризис, тем не менее к началу второй революции она оказалась самой влиятельной украинской партией и приняла активное участие в революции, до начала 1918 г. она играла лидирующую роль в правительстве Центральной рады. Партия решительно осудила Октябрьскую революцию, выступала против передачи власти Советам и социалистических преобразований на Украине, держалась тактики коалиции всех демократических сил. Партия находилась в оппозиции и к режиму гетмана Скоропадского, ее лидеры возглавили восстание против него, играли ведущую роль в Директории. УСДРП прекратила свою деятельность на Украине в 1920 г. Эмигрировавшая часть партии в 1921 г. вошла в Республиканско-демократический союз. Ее организации самораспустились в 1938 г.
- ¹¹⁷ *Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП)* — оформилась в 1906 г. Лидеры партии: Х.О.Житловский и М.Б.Ратнер. Основу программы партии составляли положения: свержение самодержавия; социализм, как конечная цель, и создание самостоятельного еврейского государства в Палестине. Важное место в программе занимали аграрный и национальный вопросы. Партия выступала за национально-культурную автономию евреев в составе федерации. Отмежевываясь от бундовцев и сионистов-социалистов, партия постоянно тяготела к блоку с российской партией эсеров. В 1917 г. партия объединилась с сионистами-социалистами, образовав вместе с ними Объединенную еврейскую социалистическую рабочую партию (ОЕСРП). После Октябрьской революции партия раскололась, одни из ее членов боролись с большевиками, другие, объединившись с левыми бундовцами, создали Объединенную еврейскую коммунистическую рабочую партию, вошедшую затем в украинскую компартию.
- ¹¹⁸ «*Спилка*» (*Украинский социал-демократический союз*), образовалась в 1904 г. в результате раскола Революционной украинской партии, в 1905 г. вошла в состав РСДРП на правах автономии, тяготела к меньшевикам, признавала их программу муниципализации земли. В межреволюционный период находилась в состоянии кризиса и упадка, а в 1913 г. фактически прекратила свою политическую деятельность.
- ¹¹⁹ *Украинская самооборона* — о чем идет речь, выяснить не удалось.
- ¹²⁰ Видимо, речь идет о профессионально-политической организации, объединявшей днепровских матросов и портовых служащих.
- ¹²¹ Во второй половине 1907 г. были ликвидированы полицией ЦК и почти все местные организации Украинской партии социалистов-революционеров. Уцелевшие лидеры партии эмигрировали во Львов и там вели активную деятельность. Выяснить какие-либо сведения о названной заграничной конференции этой партии не удалось.
- ¹²² *Белорусская социалистическая громада* — создана в 1902—1903 гг., характеризовала себя социально-политической организацией белорусского

трудового народа, выступала за свержение самодержавия, за демократические свободы, Российскую федеративную республику со свободным самоопределением и культурно-национальной автономией народностей, за создание областного земельного фонда из казенных, удельных, церковных и помещичьих земель и наделение крестьян землей на правах пожизненной аренды, за социализм, как конечную цель. В межреволюционный период партия фактически прекратила свою деятельность. В 1917 г. поддерживала Временное правительство, стояла на позициях революционного оборончества, выступала за автономию Белоруссии в составе Российской федеративной республики, играла ведущую роль в Центральной раде белорусских демократических организаций. По отношению к Октябрьской революции в партии существовали разногласия: одна часть ее осуждала, другая относилась более лояльно. В 1918 г. БСГ распалась на Белорусскую социал-демократическую партию, Белорусскую партию социалистов-революционеров и Белорусскую партию социалистов-федералистов.

¹²³ *Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России)* — основан в 1897 г. На первом съезде РСДРП в 1898 г. вошел в ее состав на правах автономии, в 1903 г. вышел из нее за отказ 2-го съезда РСДРП признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата. Сняв это требование, Бунд на 4-м объединительном съезде РСДРП вновь вошел в состав последней. В период первой революции тактика Бунда колебалась между тактиками большевиков и меньшевиков. В межреволюционный период в Бунде широко были распространены ликвидаторские настроения. В годы войны в нем существовало два течения — франкофильское и германофильское. В 1917 г. Бунд поддерживал Временное правительство, считал, что для социалистической революции в России еще нет предпосылок, не признавал Октябрьскую революцию, после нее тактика Бунда колебалась от мирных до вооруженных способов борьбы против большевиков. В марте 1919 г. Бунд признал советскую власть, одновременно зачислив себя в ряды ее тактической оппозиции. В 1920 г. волился в РКП(б).

¹²⁴ *Дашнакцутюн* — см. прим. 88.

¹²⁵ *Младодашнакцакан* — левое крыло Дашнакцутюн. Его представители считали дашнаков недостаточно социалистическими по своим взглядам и слишком увлекающимися национальным вопросом. Младодашнаки издавали газету. «Мшак» («Портной»). В июне 1907 г. состоялась совместная конференция армянских эсеров и младодашнаков, на которой было принято решение о слиянии этих организаций.

¹²⁶ В состав ЦК на 2-м съезде партии эсеров были избраны Е.К.Брешковская, Г.А.Гершуни, М.А.Натансон, Н.И.Ракитников и В.М.Чернов. Из пяти членов ЦК, кооптированных после съезда, нам удалось установить лишь четверых — Н.Д.Авксентьева, Е.Ф.Азефа, А.А.Аргунова и П.П.Крафта. Из избранных членов ЦК в тюрьме в то время находилась Е.К.Брешковская, арестованная в сентябре 1907 г. в Симбирске.

¹²⁷ Имеется в виду восстание в Севастополе летом 1907 г.

¹²⁸ Речь идет о руководителе Северного Летучего боевого отряда *А.Д.Трауберге* и членах этого отряда, арестованных 7.2.1907 г. и казенных по приговору военно-окружного суда за подготовку террористических актов против великого князя Николай Николаевича и министра юстиции И.Г.Щегловитова.

¹²⁹ *Штутгартский* конгресс 2-го Интернационала состоялся в августе 1907 г. Основными в его работе были вопросы о милитаризме, о колониализме и

- о взаимоотношениях социалистических партий с профсоюзами и ряд других.
- ¹³⁰ 2-й (экстренный) съезд партии социалистов-революционеров состоялся в Таммерфорсе 12—15.2.1907 г. Главными вопросами, рассматривавшимися на нем, были вопросы о тактике партии по отношению к II Государственной думе и организационный.
- ¹³¹ Имеется в виду *Латышский социал-демократический союз*, образовавшийся в 1900 г. в латышской социал-демократии. По своей программе и тактике был близок к российской партии эсеров. Во время первой революции активно действовали его боевые дружины — «красные отряды» и «лесные братья», громившие поместья, совершавшие террористические акты и экспроприации. После революции «Союз» прекратил свою деятельность, восстановив ее лишь в 1910 г. С этого времени в нем усиливается националистическая струя. В 1913 г. он был переименован в Партию социалистов-революционеров Латышского края. В годы войны ПСРЛК занимала оборонческую позицию. После Февральской революции ее комитеты объединились с местными эсеровскими комитетами. Партия окончательно прекратила свою деятельность в 1919 г.
- ¹³² Речь идет о *Сионистско-социалистической рабочей партии (ССРП)*, одной из влиятельных еврейских партий. Партия была образована в 1905 г. Одной из главных ее задач являлось создание еврейского государства в Палестине. В тактике партия допускала террористические акты в целях самообороны еврейского населения против черносотенных погромщиков. После первой революции в партии усиливаются приверженцы Сиона, «культурнической работы» и пропаганды идей идишизма. В 1917 г. партия объединилась с Социалистической еврейской рабочей партией в Объединенную еврейскую социалистическую рабочую партию.
- ¹³³ *Васильев В.П.* (1873—?), член партии эсеров. В январе 1908 г. он был арестован в Женеве по обвинению в убийстве 26.1.1906 г. пензенского полицмейстера Кандаурова. Царское правительство добивалось его выдачи, но власти Швейцарии под давлением широкой кампании протеста, в которой принял участие ряд видных европейских общественных и политических деятелей, пойти на этот шаг долго не решались.
- ¹³⁴ Имеется в виду III Совет партии. См. о нем прим. 1.
- ¹³⁵ Речь идет о покушении 12.8.1906 г. эсеров-максималистов на П.А.Столыпина, взорвавших его дачу на Аптекарском острове в Петербурге.
- ¹³⁶ Решение о временном прекращении террора на время работы I Государственной думы было принято в мае 1906 г. I Советом партии.
- ¹³⁷ Вице-адмирал *Г.П.Чухнин*, главный командир Черноморского флота и портов Черного моря, руководил подавлением восстания матросов на своем флоте в ноябре 1905 г. 28.6.1906 г. был убит матросом Я.Акимовым, членом Севастопольского комитета партии эсеров, не подчинившегося решению Совета партии о временном прекращении террора.
- ¹³⁸ Вопрос о продолжении террора и во время работы II Государственной думы был решен на 2-м съезде партии. Там же решено было все террористическое дело сосредоточить в руках ЦК, чтобы не допустить местного террора. Однако эти решения остались на бумаге, центрального террора не было, а на местах за время работы Думы было совершено более двух десятков террористических актов.
- ¹³⁹ Имеется в виду «Письмо ЦК ПСР», опубликованное в центральном органе партии «Партийных известиях» 24.5.1907 г., в котором говорилось о том, что в случае разгоны Думы депутаты-эсеры откажутся сложить с себя полномочия, подадут пример неповиновения и сопротивления «пра-

вительственной узурпации», а партия ответит на это вооруженным восстанием.

- ¹⁴⁰ Речь идет о прокламации «От думской группы социалистов-революционеров», в которой указывалось, что роспуском II Государственной думы и изменением избирательного закона император, нарушив основные законы, сделал власть лишенной всякой законности, и точный смысл основных законов обязывает всех русских граждан отказаться повиноваться такой власти и противопоставить ей свою организованную силу. (См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х томах. Т. 1. М., 1996. С. 228—230.)
- ¹⁴¹ С «Правительственным сообщением о заговоре» 7.5.1907 г. в Думе выступил Председатель Совета министров П.А.Столыпин. Он заявил о том, что раскрыто «сообщество» эсеров, готовившее покушение на царя, великого князя Николая Николаевича и на него самого. (См.: Петр Аркадьевич Столыпин. «Нам нужна Великая Россия». М., 1991. С. 83—84.) В «заговоре» обвинялись 18 членов Центрального Летучего боевого отряда во главе с Б.Н.Никитенко. ЦК партии эсеров со своей стороны отрицал наличие «заговора», утверждал, что арестованной группе лиц не давалось «никакого поручения на совершение террористического акта против царя» и эта группа «такого покушения не готовила». (Подробнее о «заговоре» см.: Спиридович А.И. «Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886—1916 гг.». Пг., 1918. С. 365—382.) В деле о «заговоре» немало неясностей, прежде всего по таким вопросам, как о роли провокации со стороны охранки и о степени искренности эсеровского ЦК относительно его непричастности к этому делу.
- ¹⁴² Речь идет о приговоренных к смерной казни через повешение по делу о «заговоре». См. прим. 36.
- ¹⁴³ Имеются в виду «семь повешенных»: члены Северного Летучего боевого отряда В.Лебединцев, А.Распутина, Л.Стуре, С.Баранов, Л.Синегуб и др., арестованные в феврале 1908 г. за попытку покушения на великого князя Николая Николаевича и министра юстиции И.Г.Щегловитова и казненные по приговору военно-окружного суда.
- ¹⁴⁴ «Земля и воля» — газета ЦК ПСР, издавалась в 1907—1912 гг. сначала в Петербурге, затем в Париже, вышло 26 номеров; предназначалась для крестьян, но печатала материалы по самым разным сторонам жизни и деятельности партии.
- ¹⁴⁵ См. прим. 143.
- ¹⁴⁶ *Pro domo sua* (лат.) — в защиту себя и своих дел.
- ¹⁴⁷ Вероятно, имеются в виду работы А.А.Николаева: «Кооперация». Спб., 1906 и 1908 г.; «Теория и практика кооперативного движения». Вып. 1-2. М., 1908 г. и др.
- ¹⁴⁸ Видимо, подразумеваются работы Д. Самойлова: «О рабочих профессиональных союзах». М., 1906; «О безработице» и др.
- ¹⁴⁹ Речь идет о трагедии, происшедшей 14.5.1906 г. при покушении членов боевой дружины Севастопольского комитета партии эсеров Фролова и Макарова на местного коменданта генерал-лейтенанта Неплюева. Покушение было приурочено к местному параду. Бомба, брошенная Макаровым в группу начальствующих лиц, не взорвалась, но взорвалась бомба, оброненная Фроловым среди зрителей. Погиб не только сам Фролов, но и еще семь человек. 37 человек получили ранения. Данная террористическая попытка была предпринята вопреки решению I Совета партии о временном прекращении террора на период работы I Государственной думы.

- ¹⁵⁰ Имеется в виду убийство 1.7.1906 г. в Петергофе ген. Козлова рабочим Васильевым, эсером-боевиком, ошибочно принявшим Козлова за дворцового коменданта ген. Д.Ф.Трепова.
- ¹⁵¹ Речь идет об убийстве 1.9.1906 г. выстрелами из браунинга, произведенными эсеркой-максималистской Т.Леонтьевой в отеле Юнгфрау в Интерлакене (Швейцария), рантье из Парижа, семидесятилетнего Ш.Мюллера. Психически не совсем здоровая, Т.Леонтьева ошибочно приняла свою жертву за бывшего российского министра внутренних дел П.Н.Дурново.
- ¹⁵² *A la guette, comme a la guette (фр.)* — на войне, как на войне.
- ¹⁵³ Оленин (В.М.Чернов) не совсем точен. Циркуляр ЦК о возобновлении террора был издан 6.7.1906 г., а Г.П.Чухнин был убит по постановлению Севастопольского комитета партии эсеров раньше, 28.6.1906 г. (см. прим. 137). Еще раньше, на 14.5.1906 г., планировался террористический акт против Чухнина группой Б.В.Савинкова, закончившийся для нее рядом арестов, в том числе и самого Савинкова. Названные дела против Чухнина велись в нарушение решения I Совета партии о временном прекращении террора на период I Думы. Дело против П.А.Столыпина было действительно начато после решения ЦК о возобновлении террора. Во главе этого дела встал сам Е.Ф.Азеф, встал, чтобы обречь его на неудачу, ибо боевиков он расставил на дороге, по которой Столыпин не ездил. Азеф в данном случае заботился не только о том, чтобы спасти главу правительства, но и стремился изнурить боевиков, исподволь подвести их, да и ЦК к выводу, что «старые» методы борьбы боевиков уже якобы неэффективны и потому деятельность Боевой организации надо прекратить до того времени, пока не будут найдены новые методы. И Азеф своего добился, осенью того же года Боевая организация была распущена, а Азеф уехал за границу, где занялся вопросом о применении нажитого воздуха в террористической деятельности, получив на это из партийной кассы 20 тыс. руб.
- ¹⁵⁴ *Церетели И.Г.* (1881—1959) из семьи знатных, но обедневших дворян. Бывший студент юридического факультета Московского университета, один из руководителей студенческого движения начала 900-х годов, с этого времени член РСДРП, один из видных деятелей ее меньшевистского крыла, председатель депутатской фракции социал-демократов во II Государственной думе, арестован вместе с другими членами фракции 3.6.1907 г. и отправлен на каторгу. Вернулся в Петроград после Февральской революции. Член Исполкома Петросовета, заместитель председателя ВЦИК, министр почт и телеграфа Временного правительства, депутат Учредительного собрания, один из организаторов Грузинской демократической республики. После падения правительства грузинских меньшевиков — в эмиграции, представитель грузинских социал-демократов в Международном социалистическом бюро и Исполкоме Социнтерна.
- ¹⁵⁵ *Алексинский Г.А.* (1879—1967), из потомственных дворян, сын врача, бывший студент историко-филологического факультета Московского университета, один из руководителей студенческого движения в начале 900-х годов. Член РСДРП — большевик. Депутат II Государственной думы от Петербургской рабочей курии. После первой революции один из лидеров «ультиматизма». Во время войны — «оборонец». Издавал журнал «Россия и свобода». Секретарь редакции и активный сотрудник газ. «Призыв». В 1917 г. член плехановской группы «Единство». В 1919 г. бежал за границу, заочно был обвинен по делу «Тактического центра». В эмиграции сотрудничал в ряде изданий, выступал с резкой критикой большевистского режима.
- ¹⁵⁶ Кого эсеровское руководство предполагало в лидеры своего представительства во II Думе, установить не удалось.

- 157 Эсеровскую депутатскую группу во II Думе курировали от ЦК ПСР В.М.Чернов, Н.И.Ракитников и М.А.Натансон.
- 158 *Ратимов*, казак царского конвоя, играл провокаторскую роль в деле о «заговоре» на царя, в котором обвинялись члены Центрального Летучего боевого отряда партии эсеров во главе с Б.Н.Никитенко.
- 159 *Распутин А.М.*, член Северного Летучего боевого отряда партии эсеров. Арестована 7.2.1908 г. в Петербурге вместе с другими боевиками при попытке осуществить покушение на великого князя Николая Николаевича и министра юстиции И.Г.Щегловитова. Казнена по приговору военно-окружного суда.
- 160 *Labour Party* — Лейбористская (Рабочая) партия Великобритании, образована в 1900 г. Ныне одна из двух ведущих партий страны и влиятельная партия Социинтерна.
- 161 Имеется в виду Великая Французская буржуазная революция 1789—1793 гг., уничтожившая абсолютную монархию и установившая республику (первую).
- 162 Речь идет о буржуазной революции во Франции в 1830 г., окончательно свергнувшей династию Бурбонов (короля Людовика XVIII).
- 163 Речь идет о Французской революции 1848 г., ликвидировавшей монархию, провозгласившей республику (вторую), утвердившей у власти буржуазию, которая в той же революции жестко расправилась с первым самостоятельным выступлением пролетариата (июньское восстание).
- 164 Имеется в виду *Парижская коммуна 1871 г.*, первая пролетарская революция и первое правительство рабочего класса.
- 165 Речь идет о Всеобщей политической стачке 2—7.11.1905 г., объявленной Петербургским советом рабочих депутатов в ответ на решение правительства о предании военно-полевому суду матросов — участников Кронштадтского восстания и о введении военного положения в Польше. Эсеры считали, что чрезмерное увлечение забастовочным движением приведет лишь к распылению и истощению революции, что главное внимание должно быть направлено на пропаганду и организационную работу в массах, особенно в крестьянстве.
- 166 Имеется в виду Декабрьская всеобщая стачка 1905 г., которая по замыслу ее инициаторов — Петербургского совета рабочих депутатов и большевиков должна была перерасти в вооруженное восстание. В ЦК эсеров единства по этому вопросу не было. Против стачки выступили члены Петербургского отделения ЦК; московское отделение ЦК и Московский комитет партии, наоборот, разделяли решение о стачке.
- 167 Речь идет о тактике правительства в персидской (иранской) революции 1905—1911 гг. В августе 1906 г. оно провозгласило конституцию и созвало парламент (меджлис). В июне 1908 г. шах Мохаммед Али произвел контрреволюционный переворот. После этого, в 1908—1909 г., произошло народное восстание в Тебризе. Иранская революция была подавлена совместными силами правительства, России и Великобритании.
- 168 Имеется в виду младотурецкая революция 1908 г., в ходе которой в июле того же года была провозглашена конституционная монархия. После попытки восстановить прежний, деспотический режим (апрель 1909 г.), султан Абдул-Гамид II был низложен и к власти пришли младотурки.
- 169 *Абдул-Гамид II* (1848—1918) правил в Турции в 1876—1909 гг.
- 170 Речь идет о трудовой народно-социалистической партии, созданной группой публицистов легального народнического журнала «Русское богатство». Партия открыто заявила о себе осенью 1906 г. Она представляла собой правое, умеренное крыло неонародничества, выступала за откры-

- тое, легальное существование. После первой революции партия фактически прекратила свою деятельность и распалась.
- 171 Подразумевается Совет министров под председательством С.Ю.Витте, созданный 18.10.1905 г. и являвшийся официальным правительством.
- 172 В данном случае имеется в виду Петербургский совет рабочих депутатов, председателем которого являлся, до ареста 26.11.1905 г., Г.С. Хрусталева-Носарь.
- 173 Речь идет о *Всероссийском крестьянском союзе*. Он образовался в августе 1905 г., являлся самой многочисленной политико-профессиональной демократической организацией. Союз постоянно подвергался различным репрессиям со стороны властей и в 1907 г. прекратил свое существование.
- 174 Имеется в виду группа «инициативного меньшинства», возникшая в конце 1907 г. в Париже во главе с Я.Л.Юделевским и В.К.Агафоновым. В 1908—1909 гг. группа издавала газету «Революционная мысль» (№ 1—6), в которой пропагандировались идеи отказа от одновременного решения политических и социальных вопросов, сосредоточения первоначально всех сил на борьбе против самодержавия. Подчеркивалось, что в этой борьбе решающую роль должны сыграть не массы, а «инициативное меньшинство», акцентировавшееся на терроре. В 1909 г. группа «инициативного меньшинства» вышла из партии, образовав «Союз левых с.-р.».
- 175 Речь идет о *Польской социалистической партии*. См. прим. 114.
- 176 *Врублевский (Wroblewski) В.* (1836—1908), польский революционер, участник Польского восстания 1863—1864 гг. и Парижской коммуны 1871 г. Член I Интернационала.
- 177 *Cum magno gaudio salis*, более точно данное выражение звучит «*Cum grano salis*» (лат.) — остроумно, с иронией.
- 178 *Григорович* — Житловский Х.О. (1865—1943), участник народофильского движения второй половины 80-х годов, основатель и руководитель эмигрантского «Союза русских социалистов-революционеров», член Аграрно-социалистической лиги, входил в делегацию эсеровской партии на Амстердамском конгрессе II Интернационала (август 1904 г.). Один из организаторов и руководителей Социалистической еврейской рабочей партии (СЕРП). С 1907 г. жил в эмиграции в США, играл видную роль в еврейском социалистическом движении и еврейской культурной жизни.
- 179 Имеется в виду визит английского короля Эдуарда VII в Ревель 28.5(10.6.).1908 г. для встречи с Николаем II.
- 180 Речь идет о визите в Россию французского президента Фальера менее месяца спустя после визита Эдуарда II.
- 181 Под «покойным товарищем» подразумевался Г.А.Гершуни (1870—1908), один из основателей и руководителей партии эсеров, создатель и глава ее Боевой организации. См. прим. 32.
- 182 *Энгельгард М.А.*, сын известного публициста и агронома, автора писем «Из деревни», участник народофильского движения, один из идеологов «максимализма».
- 183 Имеется в виду *Я.Е.Черняк*, обвинявшийся в участии в экспроприации большой суммы денег, осуществленной эсерами-максималистами в октябре 1906 г. во время нападения в Петербурге в Фонарном переулке на карету помощника казначея портовой таможни, и вывозе части этих денег за границу. По просьбе царского правительства 1.12.1906 г. Черняк был арестован в Швеции, однако под давлением европейского общественного мнения и социалистов-депутатов шведского парламента шведские власти отказались выдать его русской полиции. 7.2.1907 г. Черняк был освобожден.

- ден и пароходом выехал в Бельгию, однако по дороге, вместе с тремя другими пассажирами, был отравлен агентом петербургской охраны А.В.Викторовым.
- 184 *Коковцов В.Н.* (1853—1943), граф, министр финансов в 1904—1914 гг. (с перерывом в 1905—1906), председатель Совета министров России в 1911—1914 гг.
- 185 Речь идет о краткосрочном займе в размере 267 миллионов франков, подписанном Коковцовым с французскими банкирами в начале января 1906 г. Процент по займу составлял 5,5%. Русское правительство обязывалось полностью оставить сумму по займу во Франции для платежей по своим обязательствам. (См.: Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1992. С. 113—118.)
- 186 Имеется в виду заем в 2,25 миллиарда франков, заключенный Коковцовым в Париже в марте 1906 г. (См.: там же. С. 130—146.)
- 187 *Лавров П.Л.* (1823—1900), философ, социолог, публицист, один из идеологов революционного народничества, автор «Исторических писем», пользовавшихся большой популярностью у революционной молодежи, редактор журналов «Вперед» и «Вестника Народной воли».
- 188 «*Вперед!*», 1) журнал революционных народников, издавался в 1873—1877 гг. за границей, вышло 5 номеров, одним из его редакторов был П.Л.Лавров, 2) революционная газета, издававшаяся П.Л.Лавровым в 1875—1876 гг. в Лондоне.
- 189 «*Вестник Народной воли*», журнал, издававшийся народовольцами в Женеве в 1883—1886 гг. (№ 1—5).
- 190 *Милюков П.Н.* (1859—1943), историк, публицист, политический деятель, один из лидеров российского либерализма и партии кадетов. В конце 90-х—нач. 900-х годов был близок к народникам.
- 191 *Raison d'être (фр.)* — смысл, разумное основание.
- 192 *Лопатин Г.А.* (1845—1918), революционный народник, первый переводчик «Капитала» К.Маркса на русский язык, в 80-х годах глава Распорядительной комиссии «Народной воли». Арестован в 1884 г., приговорен к вечной каторге в 1887 г. До конца 1905 г. содержался в Шлиссельбургской крепости. После освобождения был близок к партии эсеров.
- 193 *Ошанина М.Н.* (1853—1898), революционная народница, член «Земли и воли» и Исполкома «Народной воли», его представитель с 1882 г. за границей. В 90-е годы одна из организаторов «Группы старых народовольцев».
- 194 *Ergo (лат.)* — следовательно.
- 195 *Ad calendas graecas (лат.)* — букв. «до греческих календ»; никогда.
- 196 Имеется в виду *Д.Ф.Трепов* (1855—1906), московский обер-полицмейстер, с января 1905 г. петербургский генерал-губернатор, автор известного приказа «патронов не жалеть» при подавлении революционного движения, после 17.10.1905 г. — дворцовый комендант.
- 197 *Дурново П.Н.* (1845—1915), действительный тайный советник, один из лидеров правых, министр внутренних дел с 23.10.1905 г. по 22.4.1906 г. Своими решительными действиями против революции во многом способствовал спасению царизма. С октября 1905 г. — член Государственного совета.
- 198 *Леман.* См. прим. 89.
- 199 *Воронежский* — делегат от Воронежской партийной организации, псевдоним не выявлен.

- 200 *Курский* — делегат от Курской партийной организации, псевдоним также не выявлен.
- 201 *Борисова* — делегат от Харьковской партийной организации, псевдоним не выявлен.
- 202 *Coup d'état (фр.)* — государственный переворот.
- 203 Имеется в виду указ Правительствующему Сенату «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г., предоставлявший крестьянам право выхода из общины. Этот указ, изданный по 87 ст. Основных законов, положил начало столыпинской аграрной реформе.
- 204 Речь идет о высочайшем Манифесте 26.2.1903 г.
- 205 Вероятно, имеется в виду указ 8.1.1904 г., передававший проекты Редакционной комиссии Министерства внутренних дел об пересмотре законодательства о крестьянах на обсуждение губернских совещаний для дальнейшей разработки и согласования с местными условиями при непременном сохранении оснований, изложенных в Манифесте 26.2.1903 г.
- 206 Речь, видимо, идет о мемории Совета министров «Об уголовной ответственности сельскохозяйственных рабочих за участие в забастовках» 14.3.1906 г. (См.: Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1936. С. 123—127.)
- 207 *Антонов* в «Списке» участников конференции не значится, псевдоним раскрыть не удалось.
- 208 О каком именно законе идет речь, выяснить не удалось.
- 209 Имеется в виду *Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров*. (См. прим. 86.)
- 210 «СЕРП» — Социалистическая еврейская рабочая партия. (См. прим. 117.)
- 211 Вероятно, речь идет о магометанской поволжской организации партии эсеров.
- 212 Имеется в виду Чувашская организация партии эсеров.
- 213 Подразумевается *Латышский социал-демократический союз*.
- 214 Видимо, речь идет об Эстонском союзе социалистов-революционеров.
- 215 О такой партии сведений найти не удалось.
- 216 *Качоровский К.Р.* (1870—?), из дворян, участник народовольческого движения конца 80—90-х годов. С начала 900-х годов примыкал к партии эсеров, автор ряда ее прокламаций и брошюр. Увлекался идеей теоретического обновления народничества, организатор «академии» по подготовке молодых теоретиков народничества. После первой революции жил за границей, отошел от политической деятельности, целиком посвятил себя научно-теоретической работе.
- 217 Имеется в виду Высочайше утвержденное 15.4.1906 г. мнение Государственного совета «По проекту правил против возникновения стачек среди сельских рабочих», предусматривавшее наказание от 2-х месяцев до одного года за участие в стачке и за порчу помещичьего имущества. Виновным в оказании сопротивления войскам, подавляющим стачки, грозила каторга от 6-ти до 8-ми лет. (См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 26., СПб., 1909. С. 391—393.)
- 218 «*Товарищ*» — газета, издавалась в Петербурге в 1906—1907 гг. По политической ориентации была левее кадетов и правее меньшевиков.
- 219 IV Совет партии социалистов-революционеров состоялся в августе 1908 г. в Лондоне сразу же после Первой общепартийной конференции. Состав этих двух партийных форумов был практически один и тот же.

- Однако он был недостаточен для того, чтобы придать обязательность решениям конференции. Такую силу они получили лишь после их утверждения Советом партии.
- 220 *Азеф Е.Ф.* (1869—1918), из мещан, сотрудник Департамента полиции, один из основателей и руководителей партии эсеров, глава ее боевой организации. Подробнее см. о нем в прим. 25 первого тома «Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы». М., 1996. С. 631.
- 221 *V Совет партии социалистов-революционеров* происходил в мае 1909 г. в Париже.
- 222 Речь идет об организации «Земля и воля», созданной в период выборов во II Государственную думу для поддержки партии лицами, формально не входившими в партию, но разделявшими ее идеи.
- 223 На V Совете партии эсеров принята была отставка старого ЦК (М.А. Натансон, Н.И. Ракитников, В.М. Чернов — избранные 2-м съездом партии, и А.А. Аргунов и Н.Д. Авксентьев, кооптированные в ЦК после съезда). В новый состав ЦК были избраны В.М. Зензинов, И.Н. Коварский, В.С. Панкратов, Л.Ф. Фрейфельд и А.Б. Шимановский и кооптированы Б.Н. Воронов, Б.Ю. Нестеровский и А.А. Ховрин.
- 224 Видимо, имеются в виду письмо в редакцию Г.Борисова «*Нужен ли еще террор*» (с. 4—5) и ответ на него, статья Б.Оленина (В.М. Чернова) «*Заметки о терроре*» (с. 6—11), опубликованные в том же № 19 «*Знамени труда*» за июль 1909 г., что и статья «*Пятый Совет партии*».
- 225 «*Социалист-революционер*» — литературно-политическое обозрение, издававшееся эсерами в Париже под редакцией В.М. Чернова в 1910—1912 гг. Вышли № 1—4.
- 226 Псевдоним «*Северский*» раскрыть не удалось.
- 227 «*Гарденин*» — псевдоним В.М. Чернова.
- 228 «*Сергеев*» — псевдоним выяснить не удалось.
- 229 *Столыпин П.А.* (1862—1911) — министр внутренних дел и председатель Совета министров в 1906—1911 гг.
- 230 *Горемыкин И.Л.* (1839—1917) — министр внутренних дел (1895—1899), председатель Совета министров (апрель—июль 1906 г. и 1914—1916 гг.).
- 231 *Бехтерев В.М.* (1857—1927) — невролог, психиатр и психолог. Исследовал личность на основе комплексного изучения мозга физиологическими, анатомическими и психологическими методами.
- 232 Имеется в виду *Н.К. Михайловский* (1842—1904), публицист, социолог, один из идейных вождей народничества, уделявший значительное внимание изучению психологии «героев» и «толпы», роли внушения на поведение «толпы».
- 233 *Nec plus ultra (лат.)* — до крайних пределов.
- 234 *Сипягин Д.С.* (1853—1902) — министр внутренних дел в 1899—1902 гг. Убит эсером С.В. Балмашевым.
- 235 *Лопухин А.А.* (1864—?) — директор Департамента полиции в 1902—1905 гг. После оказания В.Л. Бурцеву содействия в разоблачении Е.Ф. Азефа был осужден Особым присутствием Сената на пятилетнюю каторгу, замененную на ссылку в Сибирь. Помилован и восстановлен в правах по высочайшему указу в декабре 1912 г. Служил вице-директором Сибирского торгового банка. После Октябрьской революции эмигрировал.
- 236 Имеется в виду убийство 2.4.1902 г. эсером С.В. Балмашевым министра внутренних дел Сипягина.

- 237 Речь идет о *М.Р.Гоце* (1866—1906), одном из основателей и лидеров партии эсеров. Подробнее о нем см. прим. 40 первого тома «Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы». М., 1966. С. 636—637.
- 238 *Гершуни Г.А.* См. прим. 32.
- 239 *Плеве В.К.* (1846—1904), действительный статский советник, статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор. Директор Департамента полиции в 80-х годах, министр внутренних дел в 1902—1904 гг. Погиб от бомбы, брошенной 15.7.1904 г. членом Боевой организации партии эсеров *Е.С.Сазоновым*.
- 240 *Сахаров В.В.* — генерал-адъютант, руководил карательными войсками, подавлявшими крестьянские волнения в Саратовской губернии, убит 22.11.1905 г. *А.А. Биценко*, членом Областного Летучего боевого отряда партии эсеров.
- 241 *Луженовский Г.Н.* командовал карательным отрядом по подавлению крестьянских волнений в Тамбовской губернии. Убит *М.А.Спиридоновой* 16.1.1906 г. в г. Борисоглебске.
- 242 *Павлов* — генерал, главный военный прокурор, убит эсеровскими боевиками в Петербурге 26.12.1906 г.
- 243 *Лауниц фон дер В.Ф.* (1855—1906) — генерал-майор, в 1902—1905 гг. тамбовский губернатор, жестоко подавлявший крестьянские выступления в своей губернии в 1905 г. С 1906 г. — петербургский градоначальник. Убит 21.12.1906 г. членом Центрального боевого отряда партии эсеров *А.П.Кудрявцевым*.
- 244 *Игнатъев А.П.* (1842—1906) — граф, генерал-адъютант, член Государственного совета, представитель крайне правых, консервативных кругов, в 1905 г. председатель Особого совещания для пересмотра исключительных законоположений об охране государственного порядка и по веротерпимости, руководил подавлением крестьянских выступлений в Херсонской губ. и революционного движения в Одессе. Убит 9.12.1906 г. в Твери эсером *Ильиным*, членом Боевого Летучего отряда Центральной области.
- 245 *Литвинов* — генерал-губернатор, убит в Омске 15.12.1906 г.
- 246 См. прим. 152.
- 247 Словами «Не запугаете» *П.А.Столыпин* закончил свое выступление во II Государственной думе 6.3.1907 г. (См.: *Петр Аркадьевич Столыпин. «Нам нужна Великая Россия»*. М., 1991. С.64.)
- 248 Имеется в виду следующее. 16—17.3.1905 г. в Петербурге было арестовано 16 членов Боевой организации партии эсеров, готовивших покушение на генерал-губернатора *Д.Ф.Трепова*. Большая часть из них была освобождена по высочайшему указу 21.10.1905 г. и лишь трое были осуждены на каторжные работы.
- 249 *Соловьев* — псевдоним не выявлен.
- 250 *Борисов Г.* — *Б.Г.Билит* (1864—?), народоволец 80-х годов, главный специалист по пиротехнике в партии эсеров, участник Лондонской конференции и V Совета партии с совещательным голосом, выступал против продолжения тактики террора. С началом войны — оборонец. После Февральской революции остался за границей, в 20-х годах работал в торговом представительстве СССР в Париже, в 1932 г. вернулся на родину
- 251 *Воронов* — псевдоним *Б.Н.Лебедева*, видного деятеля партии эсеров. Кооптирован в ЦК на V Совете партии, член Заграничной Делегации ПСР и ликвидаторской группы «Почин», курировал революционную работу среди моряков торгового флота Каспийского и Черного морей, секретарь

- редакции газеты «Моряк», органа Союза русских моряков за границей. Во время войны — «оборонец».
- 252 *Береславцев* — псевдоним И.А.Рубановича, см. прим. 16.
- 253 Имеется в виду убийство 4.2.1905 г. великого князя Сергея Александровича, бывшего генерал-губернатора Москвы, членом Боевой организации партии эсеров И.П.Каляевым.
- 254 Имеется в виду парижская эсеровская группа «инициативного меньшинства», издававшая газету «Революционная мысль». Члены группы считали террор единственным эффективным средством борьбы за политическое освобождение России.
- 255 *Трауберг А.Д.* См. прим. 34.
- 256 *Са(о)зонов Е.С.* (1879—1910) — сын богатого лесопромышленника, бывший студент Московского университета, член Боевой организации партии эсеров. 15.7.1904 г. брошенной им бомбой был убит министр внутренних дел В.К.Плеве. Судом Особого присутствия Петербургской судебной палаты приговорен к вечной каторге. Протестуя против телесных наказаний в отношении политических заключенных, покончил жизнь самоубийством.
- 257 *Memento mori* (лат.) — помни о смерти.
- 258 *Галифе Гастон* (1830—1909) — французский генерал. Отличился особой жестокостью при подавлении Парижской Коммуны. В 1899—1900 гг. военный министр.
- 259 *Мин Г.А.* — генерал, командир лейб-гвардии Семеновского полка, командовал карательными действиями полка при подавлении Московского вооруженного восстания. Убит в Новом Петергофе 13.8.1906 г. членом эсеровского Северного летучего боевого отряда З.В.Коноплянниковой.
- 260 *Коноплянникова З.В.* (1879—1906) — учительница, в партии эсеров с 1902 г., в 1905 г. заведовала лабораторией взрывчатых веществ. С лета 1906 г. — член Северного летучего боевого отряда. После убийства Мина была арестована. Военно-окружным судом была приговорена к смертной казни через повешение. Приговор исполнен в Шлиссельбургской крепости. После С.Перовской Коноплянникова вторая женщина-революционерка, окончившая жизнь на эшафоте.
- 261 *Eo ipso* (лат.) — тем самым.
- 262 *Мильеран А.* (1859—1943) — французский социалист-реформист. Первый из социалистов вошел в 1899 г. в буржуазное правительство. В 1904 г. исключен из Французской социалистической партии. В 1920—1924 гг. президент Франции.
- 263 Подразумевается террористический акт против министра народного просвещения Н.П.Боголепова, совершенный 14.2.1901 г. бывшим студентом П.В.Карповичем.
- 264 Имеется в виду убийство 2.4.1902 г. бывшим студентом С.В.Балмашевым министра внутренних дел Д.С.Сипягина.
- 265 Речь идет об убийстве Е.С.Созоновым министра внутренних дел В.К.Плеве 15.7.1904 г.
- 266 Имеется в виду убийство И.П.Каляевым великого князя Сергея Александровича 4.2.1905 г.
- 267 *Украинец* — псевдоним не установлен.
- 268 *Грехов* — псевдоним не установлен.
- 269 *Гарденин Ю.* — псевдоним В.М.Чернова.
- 270 *Андреев* — псевдоним не установлен.

- 271 В состав судебно-следственной комиссии при ЦК ПСР по делу Е.Ф.Азефа вошли А.Н.Бах, С.А.Иванов (Берг), С.М.Блеклов (Сенжарский) и В.В.Лункевич (Аракатский).
- 272 Это постановление Совета не было выполнено. 3-й съезд партии эсеров состоялся лишь в 1917 г.
- 273 *Волин А.* — Юделевский Я.Л. См. прим. 110.
- 274 *Эдем* — синоним рая, в библейской мифологии страна, где обитали до грехопадения Адам и Ева.
- 275 *Тартар* — в греческой мифологии царство мертвых, бездна, куда Зевс низвергал титанов.
- 276 *Каллигула (Калигула)* — римский император, стремился к неограниченной власти и божественным почестям.
- 277 *Нерон* — римский император, славившийся своими жестокостями.
- 278 *Дубровин А.И.* (1855—1921) — сын полицейского, детский врач, основатель и председатель Союза русского народа.
- 279 *Пуришкевич В.М.* (1870—1920) — крупный землевладелец, филолог, депутат II—IV Государственных дум, один из основателей монархических организаций: Союза русского народа и Русского народного союза имени Михаила Архангела.
- 280 *Марат Ж.П.* (1743—1793) — один из вождей якобинцев и народного восстания периода Великой французской революции.
- 281 *Термидор* — контрреволюционный переворот 27—28.7.1794 г. (9 термидора II года по республиканскому календарю), свергший якобинскую диктатуру и положивший конец Великой французской революции.
- 282 *Петрашевы* — общество разночинной революционно-демократической молодежи 40-х годов XIX в. Руководитель — Буташевич-Петрашевский М.В.
- 283 Имеется в виду краткий период свобод, последовавших после издания Манифеста 17 октября 1905 г., декларирующего эти свободы.
- 284 См. прим. 197.
- 285 *Первая Государственная дума* была распущена 8.7.1906 г.
- 286 *Военно-полевые суды*, сводившие суд и исполнение приговоров над участниками революционных актов к трехсуточному сроку, были введены 19 августа 1906 г.
- 287 *Мещерский В.П.* (1839—1914) — князь, издавал крайне консервативный журнал «Гражданин».
- 288 *Вторая Государственная дума* была распущена 3.6.1907 г.
- 289 *Сиверский* — Агафонов В.К., профессор, публицист, один из основателей эсеровской группы «инициативного меньшинства»
- 290 См. прим. 146.
- 291 *Струве П.Б.* (1870—1944) — бывший «легальный марксист», затем один из идеологов и лидеров кадетской партии, редактор журналов: «Освобождение», «Полярная звезда», «Русская мысль» и др., один из авторов «Вех».
- 292 Имеется в виду царствовавшая тогда фамилия.
- 293 *Богров Д.Г.* (1887—1911) — сын крупного домовладельца и внук известного еврейского писателя, закончил юридический факультет Киевского университета, помощник присяжного поверенного, участвовал в анархических организациях, сотрудник Киевского охранного отделения. 1.9.1911 г. во время спектакля в Киевском оперном театре двумя выстрелами из пистолета смертельно ранил П.А.Столыпина.

- 294 Под «*губернией беспокойной*» подразумевается Саратовская губерния, начальником которой П.А.Столыпин был назначен в 1903 г.
- 295 Имеется в виду расправа над участниками восстания в Свеаборге 18—19 июля 1906 г. Из них 25 человек были приговорены к смертной казни, 22 — к бессрочной и долгосрочной каторге, 700 — к каторге и тюремному заключению.
- 296 За участие в вооруженном восстании в Кронштадте 19—20 июля к смертной казни было приговорено 29 человек, к каторге — 119, к тюремному заключению — 432.
- 297 Имеется в виду прежде всего расправа над социал-демократической фракцией II Государственной думы, члены которой были обвинены в подготовке вооруженного восстания. Сфабрикованное охранкой дело социал-демократической фракции было использовано правительством в качестве повода для роспуска Думы и совершения третьиюньского государственного переворота. Над арестованными членами социал-демократической фракции был организован суд, по которому 31 человек был приговорен к каторге и пожизненной ссылке.
- 298 Имеется в виду ряд законов, изданных в 1910 г., нарушающих автономию Финляндии, прежде всего законы об уравнивании в правах на территории Финляндии русских подданных с местным населением и о замене финнам воинской повинности платежами в государственную казну.
- 299 Амурская железная дорога Нерчинск—Хабаровск была построена в 1908—1916 гг. по левому берегу Амура. Закон о ее строительстве Столыпину с большим трудом удалось провести через Думу и Государственный совет.
- 300 Имеется в виду инцидент со штатами Морского генерального штаба, происшедший в 1908 г. Государственная дума и Государственный совет одобрили не только кредит для штаба, но и проект штата штаба. Николай II усмотрел в последнем нарушение прерогатив своей власти и законопроект не утвердил. Вместе с тем он поручил Столыпину выработать правила, разграничивающие сферу компетенции верховной власти и законодательных учреждений в делах военного управления. По этим правилам, утвержденным без согласования с Думой, штаты военные и морские полностью изымались из ведения Думы.
- 301 Речь идет о принятии в марте 1911 г. закона о введении земства в шести западных губерниях. Законопроект был одобрен Думой, но отвергнут Государственным советом. Тогда Столыпин на три дня распустил законодательные учреждения и провел закон по 87-й статье.
- 302 9 июля (1906 г.) — начало деятельности Столыпина на посту Председателя Совета министров.
- 303 Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808—1873), французский император в 1852—1870 гг.
- 304 Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815—1898) — 1-й рейхсканцлер Германии, укреплял господство в стране юнкерско-буржуазного блока, ввел исключительный закон против социалистов и в то же время проводил некоторые социальные реформы.
- 305 Держиморда — полицейский, жандарм; название пошло от полицейского Держиморды, персонажа гоголевской комедии «Ревизор».
- 306 Изгоев А.С. (1872—1935) — публицист, бывший «легальный марксист», член ЦК кадетской партии, один из авторов «Вех», в 1912 г. издал книгу «П.А.Столыпин. Очерк жизни и деятельности».
- 307 Имеются в виду прежде всего антипольские националистические законы о создании земств в западных губерниях (март 1911 г.) и о выделении из

- состава польских губерний Люблинской и Седлецкой их восточных частей и образовании из них русской Холмской губернии.
- 308 Подразумевается роспуск I Государственной думы 9.7.1906 г.
- 309 Речь идет о роспуске II Государственной думы и изменении избирательного закона в Думу 3.6.1907 г.
- 310 14.6.1910 г. законопроект о столыпинской аграрной реформе, одобренный III Государственной думой и Государственным советом был утвержден царем и стал законом.
- 311 *Меньшиков М.О.* (1859—1918) — публицист и критик в газетах «Неделя», а с 1901 по 1917 гг. «Нового времени».
- 312 «*Новое время*» — ежедневная газета, издавалась в Петербурге в 1868—1917 гг. А.С.Сувориным, имела проправительственную ориентацию.
- 313 *Саул* — первый царь Израиля, правивший в XI в. до н.э., был также музыкантом, считается и автором псалмов.
- 314 «*Россия*» — газета, издавалась в Петербурге в 1905—1914 гг., с 1906 г. официальный орган Министерства внутренних дел.
- 315 «*Союз освобождения*» — нелегальная либеральная организация, сложилась в 1903—1904 гг. вокруг журнала «Освобождение». В 1905 г. послужила одной из основ для образования партии кадетов.
- 316 *Львов Н.Н.* (1867—1944) — крупный землевладелец. В 1892—1900 гг. предводитель дворянства Балашевского у. Саратовской губ. С 1899 г. председатель Саратовской земской управы, активный участник земского либерального движения, один из основателей партии кадетов, затем партии мирного обновления. Депутат Государственной думы первых четырех ее созывов, после роспуска II Думы вел переговоры со Столыпиным о создании коалиционного правительства.
- 317 «*Союз русского народа*» — самая большая по численности и самая влиятельная правая черносотенная организация, функционировала с ноября 1905 г. по февраль 1917 г., официальный печатный орган — газета «Русское знамя», председатель Главного совета — А.И.Дубровин.
- 318 «*Союз русского народа*» финансировался из различных источников, в том числе и некоторыми государственными ведомствами. Значительные суммы выделялись на издание черносотенной прессы из секретного фонда Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел.
- 319 *Караваяев А.Л.* (1855—1908) — из крестьян, врач, общественный деятель, один из организаторов и активных деятелей Всероссийского Крестьянского союза и Трудовой группы, депутат II Государственной думы. 4.3.1908 г. смертельно ранен черносотенцами в Екатеринославе во время приема больных.
- 320 *Герцеништейн М.Я.* (1859—1906) — из бедной еврейской семьи, окончил юридический факультет Новороссийского университета, один из видных деятелей либерального движения и авторов кадетской аграрной программы, депутат I Государственной думы, выступал с резкой критикой земельной и финансовой политики правительства. Убит черносотенцами 18.7.1906 г.
- 321 *Курлов П.Г.* (1860—1923) — генерал, крупный административный, судебный и полицейский чиновник, киевский и минский губернатор, товарищ министра внутренних дел (1909—1911). Заведовал охраной киевских торжеств в 1911 г., во время которых был убит П.А.Столыпин; арестован в 1917 г. при Временном правительстве, освобожден при большевиках. С 1918 г. жил за границей.

- 322 Под «делом Петрова» имеется в виду следующее. А.А.Петров, бывший учитель, член партии эсеров с 1902 г., желая войти в доверие розыскных органов с целью получения сведений, полезных для партии, вступил в связь с охранкой, о чем поставил в известность ЦК партии. Считая в принципе не допустимыми связи членов партии с розыском, ЦК тем не менее разрешил Петрову поддерживать их и даже обещал ему всяческую помощь для того, чтобы ликвидировать одного из руководителей российского сыска. Петров вошел в доверие к начальнику Петербургского охранного отделения полковнику С.Г.Карпову. 16.12.1909 г. с помощью адской машины Петров совершил убийство Карпова во время встречи на конспиративной квартире.
- 323 *Герасимов А.В.* (1861—?) — генерал, с февраля 1905 г. по октябрь 1909 г. начальник Петербургского охранного отделения, затем генерал для особых поручений при МВД. В начале 1914 г. вышел в отставку. После Октябрьской революции жил за границей, автор воспоминаний, изданных в 1934 г. на немецком и французском языках, а в 1991 г. в России под названием «На лезвии с террористами».
- 324 *«Записки А.А.Петрова: К истории взрыва на Астраханской улице»* были опубликованы в 1910 г. в Париже.
- 325 *Иван Грозный* (1530—1584) — первый русский царь, отличался особой жестокостью при расправе со своими политическими противниками, создал для этого особый институт — опричнину.
- 326 *«Минский Шмидт»* — бывший морской офицер, затем депутат Государственной думы, обвинялся в том, что якобы продал англичанам план минных заграждений. В этом деле много неясного, будто бы и сам план был фальшивым. Сведения о деле Шмидта получены от С.А.Степанова.
- 327 Под *«трехдневными мартовскими каникулами»* имеется в виду роспуск Столыпиным в марте 1911 г. на три дня законодательных учреждений для того, чтобы провести по 87-й статье закон об учреждении земства в западных губерниях, встретивший оппозицию в Государственном совете.
- 328 *Гучков А.И.* (1862—1936) — из купеческой семьи, окончил историко-филологический факультет Московского университета, общественный и политический деятель, один из основателей и лидер партии «Союз 17 Октября», председатель Государственной думы с марта 1910 по март 1911 г. Первоначально безоговорочно поддерживал политику Столыпина, разошелся с ним по вопросу о проведении закона о земстве в западных губерниях в обход законодательных учреждений, оставил в связи с этим пост председателя Государственной думы. В период войны один из организаторов и председатель Центрального военно-промышленного комитета, один из авторов планов династического переворота. Военный и морской министр Временного правительства (март—апрель 1917 г.), член Предпарламента. Во время гражданской войны один из создателей и финансистов Добровольческой армии. С 1919 г. в эмиграции.
- 329 *Балашов П.Н.* (1871—1927) — из знатного дворянского рода, окончил юридический факультет Петербургского университета, отставной поручик лейб-гвардии Гусарского полка. В 1900—1909 гг. Брацлавский уездный предводитель дворянства; один из организаторов и руководителей Партии умеренно-правых и Всероссийского национального союза, председатель фракций умеренно-правых и русской национальной в III и националистов и умеренно-правых в IV Думах. Активный сторонник политики Столыпина. После раскола фракции националистов в 1915 г. возглавил ее правую часть, ярый противник Прогрессивного блока. После Октябрьской революции эмигрировал, жил в Париже.

- 330 *«Санкт-Петербургские ведомости»* — газета, орган министерства народного просвещения. Издавалась в 1728—1917 гг.
- 331 *Тихомиров Л.А.* (1852—1923) — один из теоретиков и руководителей *«Народной воли»*, в 1888 г. признал революционное мировоззрение и революционный способ преобразования жизни ошибочными, написал покаянное письмо царю, стал одним из ведущих идеологов монархического лагеря, в 1909—1914 гг. — редактор *«Московских ведомостей»*, советовал Столыпину пересмотреть Основные законы для того, чтобы ограничить Думу совещательными полномочиями.
- 332 *Булацель П.Ф.* (1867—1919) — из дворян, один из ведущих публицистов монархического направления и руководителей *«Русского собрания»* и *«Союза русского народа»*, в 1906—1907 гг. редактор газеты *«Русское знамя»*, а с 1914 г. — журнала *«Российский гражданин»*. После Февральской революции отошел от политики.
- 333 *Думбадзе И.А.* (1851—1916) — генерал-майор, градоначальник г. Ялты.
- 334 *Туган-Барановский М.И.* (1865—1919) — ученый-экономист, приват-доцент Петербургского университета, а с 1913 г. профессор экономического факультета политехнического института, один из идеологов *«легального марксизма»*, член кадетской партии, в конце 1917—нач. 1918 гг. — министр финансов Центральной рады, затем профессор Киевского университета, один из основателей Украинской академии наук.
- 335 *«Промышленность и торговля»* — журнал, издавался в Петербурге в 1908—1917 гг. советом съездов представителей промышленности и торговли.
- 336 *Кривошеин А.В.* (1858—1923) — статс-секретарь, гофмейстер, член Государственного совета, в 1906—1908 гг. товарищ министра финансов, с 1908 г. по октябрь 1915 г. — главноуправляющий землеустройством и земледелием; возглавлял правительство у Врангеля.
- 337 *Чартизм* (от англ. charter — хартия), первое массовое, политически оформленное революционное движение английских рабочих в 1830—1950-е годы. Требования рабочих были изложены в 1838 г. в законопроекте *«Народная хартия»*.
- 338 Речь идет о Бисмарке, см. прим. 304.
- 339 4-я заграничная конференция групп содействия ПСР происходила 14—19 апреля в Париже. На ней присутствовали 14 делегатов с решающими голосами (от Заграничного областного комитета, Нансийской, Льежской, Брюссельской, Мюнхенской, Тулузской, Цюрихской, Парижской, Лозаннской, Лондонской и Бернской групп) и 16 с совещательными. Вопрос об отношении к выборам в IV Государственную думу был одним из главных общепартийных вопросов, обсуждавшихся на конференции. Прениям по этому вопросу предшествовал доклад Н.Д.Авксентьева, сторонника участия в выборах. Содержание этого доклада были им изложено в статье *«Бойкот или участие в выборах?»*, опубликованной за подписью *«Н.Д.»* в № 35 *«Знамени труда»*, в апреле 1912. Суть своей позиции и ее аргументацию Авксентьев кратко изложил в своем заключительном выступлении по прениям, потому его доклад-статья не включены в настоящее издание.
- 340 *Максимов* — псевдоним Н.И.Ракитникова.
- 341 См. прим. 106.
- 342 Вероятно, речь идет о выборах в Московскую городскую думу, происходивших в ноябре-декабре 1908 г.
- 343 *Дикий* — псевдоним В.В.Лункевича.
- 344 *Белов Н.* — псевдоним выяснить не удалось.

- 345 *Лаврецкий* — предположительно, псевдоним В.В.Руднева.
- 346 *Testimonium paupertatis* (лат.) — свидетельство о слабости.
- 347 *Carte blanche* (фр.) — полная свобода действий.
- 348 «*Почин*» — журнал, орган заграничной группы партии эсеров. Издан всего один номер, в июне 1912 г. в Париже, в состав редакции входили видные деятели партии: Н.Д.Авксентьев, Б.Н.Лебедев (Б.Воронов), С.Н.Слетов (С.Нечетный) и И.И.Фондаминский (И.Бунаков).
- 349 *Н.М.* — один из литературных псевдонимов Н.И.Ракитникова.
- 350 *Ин.Ритина* — один из литературных псевдонимов И.И.Ракитниковой (урожд. Альтовской), жены Н.И.Ракитникова. См. прим. 107.
- 351 *Mutatis mutandis* (лат.) — внеся необходимые изменения.
- 352 «*Рабочий*» — печатный орган ЦК ПСР, предназначался для городских рабочих, издавался в Париже в 1911—1912 гг.
- 353 Псевдоним «*А-ва*» выяснить не удалось.
- 354 «*Известия Заграничного областного комитета партии социалистов-революционеров*» — издавались неперiodически в Париже в 1908—1911 гг. Вышло 15 номеров. Продолжением этого издания являлся «*Вестник Заграничной федерации групп содействия партии социалистов-революционеров*».
- 355 Псевдоним «*Клюев*» не раскрыт.
- 356 *Воронов* — псевдоним Б.Н.Лебедева. (См. прим. 251.)
- 357 «*Вестник Заграничной федерации групп содействия партии социалистов-революционеров*» издавался в 1912 г. в Париже Центральным Заграничным бюро социалистов-революционеров, являлся продолжением «*Известий Заграничного областного комитета*». Орган носил дискуссионный характер, вышло 2 номера (№ 16 в марте и № 17 в июне).
- 358 *С.Нечетный* — С.Н.Слетов (1876—1915), видный деятель партии эсеров, шурин В.М.Чернова по первой его жене, А.Н.Слевой. Большое значение в повороте внимания эсеров в сторону работы в крестьянстве имела его статья «У земли», опубликованная в «*Вестнике русской революции*» (№ 2, февраль 1902). Считал, что усилия партии должны быть направлены прежде всего на массовую социалистическую работу, на организацию крестьянства, а не на террористическую деятельность. На этой почве остро конфликтовал с Е.Ф.Азефом. После разоблачения последнего считая себя в определенной мере виновным за долголетие провокаторской деятельности Азефа и с целью реабилитации чести партии решительно выступил за возобновление террористической деятельности, стал рядовым членом Боевой организации. После неудачи партии воскресить террор, отказывается от него, примыкает к ликвидаторской группе «починовцев». С началом войны — последовательный «оборонец», ушел волонтером во французскую армию, погиб на фронте. Первый историограф партии эсеров, автор «Очерков по истории партии с.-р.», опубликованных в 1912 г. в четвертом номере «*Социалиста-революционера*».
- 359 *Огановский Н.П.* (1874—1938?) — статистик, экономист, один из неонароднических теоретиков по аграрному вопросу, считал, что возможно мирное, эволюционное разрешение аграрного вопроса путем вытеснения крупных нетрудовых хозяйств мелкими и средними крестьянскими трудовыми хозяйствами, а это якобы неизменно должно привести к децентрализации и демократизации государственной власти.
- 360 Имеется в виду статья Н.П.Огановского «К пересмотру аграрной проблемы», опубликованная в 12-м номере «*Заветов*», но не в 1913 г., как указано в тексте, а в 1912 г.

- 361 Доклад датирован 30(17) июня 1914 г., но так как Венский конгресс II Интернационала из-за начавшейся первой мировой войны не состоялся, опубликован был лишь в 1917 г. Московским эсеровским издательством «Земля и воля» под редакцией Е.К.Брешковской, О.С.Минора, В.В.Руднева и С.П.Маслова. Доклад составлен небрежно, страдает целым рядом сведений приблизительного характера.
- 362 Имеется в виду «Совет объединенного дворянства», постоянный орган съездов уполномоченных дворянских обществ (1906—1917), оказывавший большое влияние на политику самодержавия.
- 363 «Дело Бейлиса» — судебный процесс, организованный царским правительством и черносотенцами в 1913 г. в Киеве над евреем М.Бейлисом по ложному обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика. Суд присяжных оправдал Бейлиса.
- 364 См. прим. 298.
- 365 Законопроект о создании Холмской губернии был утвержден царем 23.6.1912 г.
- 366 См. прим. 307.
- 367 Видимо, речь идет о реформе городского управления в Привислинском крае, о которой говорилось в царском рескрипте, изданном в начале июня 1914 г.
- 368 Законы о страховании рабочих были изданы 23.6.1912 г.
- 369 В день похорон Л.Н.Толстого 9.11.1910 г. и в последующие за ним дни в столицах и ряде других городов состоялись массовые стачки и демонстрации, основным требованием которых была отмена смертной казни.
- 370 Речь идет о расстреле рабочих приисков «Ленского золотопромышленного товарищества» 4(17).4.1912 г. Огонь был открыт войсками по рабочим, шедшим просить об освобождении арестованных членов стачечного комитета. Было убито и ранено более 500 человек. В стачках протеста против Ленского расстрела приняло участие около 300 тыс. рабочих.
- 371 В мае 1912 г. охранкой была раскрыта подготовка восстания на Черноморском флоте, около 500 матросов было арестовано. В октябре Севастопольским военно-морским судом 17 арестованным были вынесены смертные приговоры. В ответ на это в Петербурге, Москве, Риге, Ревеле, Харькове, Киеве и ряде других городов состоялись стачки, митинги и демонстрации протеста рабочих и студентов. Тем не менее в отношении 11 матросов приговоры были приведены в исполнение.
- 372 Под «делом *кронштадтских матросов*» имеется в виду следующее. Еще в апреле 1912 г. на Балтийском флоте начались аресты в связи с готовившимся на нем вооруженным восстанием. Аресты шли до июня 1913 г., арестовано было 700 человек, 52 из них грозила смертная казнь. Благодаря многотысячным стачкам протеста ни одного смертного приговора вынесено не было.
- 373 Стачки против гонений на рабочую печать происходили в июле—сентябре 1913 г. Движение приобрело большой размах в связи с закрытием в сентябре московской легальной рабочей газеты «Наш путь».
- 374 «Дело Обуховского завода» заключалось в следующем. В ноябре 1913 г. был организован суд над рабочими оборонного Обуховского завода, обвинявшимися в подстрекательстве к забастовке. Под давлением стачек протеста суд ограничился вынесением мягкого приговора — трехнедельным арестом подсудимых.
- 375 Имеются в виду стачки протеста 17—20 марта 1914 г. в связи с массовым отравлением рабочих на резиновых предприятиях «Треугольник» в Петербурге и «Проводник» в Риге.

- 376 Речь идет о стачках протеста, происходивших в апреле 1914 г., в связи с исключением из работы Государственной думы на 15 заседаний группы левых депутатов.
- 377 «Вестник кооперации» — журнал, издавался в Петербурге в 1909—1916 гг. С.-Петербургским отделением комитета сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществ. Редактор проф. М.И.Туган-Барановский.
- 378 «Современник» — бюллетень, издавался в Баку в 1909 г. Закавказским областным комитетом партии социалистов-революционеров. Вышло 5 номеров.
- 379 «Морские волны» — печатный орган профсоюза моряков Каспийского торгового флота, формально беспартийный, но на деле находившийся под преобладающим влиянием эсеров. Издавался в Баку в 1909—1910 гг.
- 380 «Морской листок» — печатный орган моряков Каспийского торгового флота, издан всего один номер в июле 1912 г. типографией Исполнительного комитета Бакинской организации п.с.-р. Не исключено, что авторами доклада имелось в виду не это, а другое издание под таким же названием. «Морской листок» издавался в 1909—1910 гг. в Одессе местной организацией с.-р. Вышло 5 номеров.
- 381 «Борьба» — газета. Место ее издания указано неверно. Газета издавалась не в Поволжье, а на Юге Таврическим союзом партии с.-р. в 1909—1910 гг. Вышло 5 номеров.
- 382 «За народ» — газета, издавалась ЦК ПСР и Всероссийским союзом солдат и матросов в 1907—1914 гг. в Петербурге, затем в Париже, редактировалась Ф.В.Волховским, предназначалась для военных. Вышло 60 номеров.
- 383 «Земля и воля» — см. прим. 144.
- 384 «Дело народа» — название и тип издания указаны неверно. В межреволюционный период у эсеров не было периодического органа под таким названием. В 1909—1912 гг. в Париже под редакцией А.Н.Баха, Ф.В.Волховского, С.М.Блеклова и др. издавались сборники статей под названием «Народное дело» (№ 1—7).
- 385 Правильное название издания: «Чему учат нас правительство и III Государственная дума» (письмо депутата 1-й Государственной думы (Ф.Онипко) на Родину). Париж, 1911.
- 386 Выходные данные издания выявить не удалось.
- 387 «Заключение следственной комиссии по делу Азефа» издано было в Париже в 1911 г. Подробнее о ней см. в публикации Р.А.Городницкого «Б.В.Савинков и судебно-следственная комиссия по делу Азефа» (Минувшее. Исторический альманах. Кн. 18. М.-Спб., 1995. С. 198—242).
- 388 Видимо, имеется в виду брошюра «Донское казачье войско», изданная эсерами в Париже в 1913 г. по случаю 300-летия династии Романовых.
- 389 Эсеровского издания под названием «Казачи» выявить не удалось. Не исключено, что его и не было. Авторы или издатели доклада, возможно, допустили ошибку, превратили в название отдельного издания фамилию автора следующей по порядку текста доклада брошюры.
- 390 Точное название брошюры — «Романовы и Армия», издана была также по случаю юбилея царствующего дома. Псевдоним автора «Казак» установить не удалось.
- 391 Опять же в названии издания допущена неточность. В 1913 г. эсерами издавалась серия брошюр под общим названием «По военным вопросам». Первый выпуск этой серии составила брошюра «Оборона страны». Ее, видимо, и имели в виду авторы доклада.

- 392 *«Русская трибуна»* — бюллетень партии социалистов-революционеров, издавался с января 1904 г. по декабрь 1909 г. и с октября 1913 г. по июль 1913 г. в Париже на французском языке. Редактор-издатель И.А.Рубанович. Задачей издания было осведомление западноевропейского общественного мнения с деятельностью партии.
- 393 *Созонов Е.С.* покончил жизнь самоубийством (принял морфий) 26.11.1910 г., находясь в каторжной тюрьме Горный Зерентуй.
- 394 *Л.Н.Толстой* умер 7(20) ноября 1910 г.
- 395 Покушение Л.Рудневой на вологодского тюремного инспектора Ефимова (ранен) было совершено 15.4.1911 г. в ответ на применение к заключенным Вологодской каторжной тюрьмы телесного наказания. Террористке удалось скрыться. В извещении ЦК ПСР по поводу этого акта сообщалось, что он был совершен Летучим боевым отрядом.
- 396 *Б.И.Логунов*, бывший студент Киевского политехнического института, посланный в Сибирь на поселение, под видом просителя «инженера-механика Павлова» явился 18.8.1911 г. к начальнику каторжной Зерентуйской тюрьмы Высотскому и тяжело ранил его выстрелами из пистолета. Повод для покушения был тот же — применение телесного наказания к политическим заключенным. Террорист был арестован и казнен по приговору военно-окружного суда. По заявлению ЦК ПСР покушение было организовано Сибирским Летучим боевым отрядом (Знамя труда. № 39).
- 397 *Сидорчук П.К.* (1884—1911) — житомирский мещанин, член партии эсеров, 25.4.1905 г. во время еврейского погрома убил местного пристава, за что был отправлен на вечную каторгу в Восточную Сибирь. Через пять лет вышел на поселение и осенью 1910 г. бежал за границу. По доносу агентов русской охраны был арестован в Италии за хранение револьвера и кинжала. Русские власти добивались выдачи Сидорчука, однако под давлением общественного мнения итальянские власти на это не решились. После месячного пребывания в итальянской тюрьме Сидорчук был освобожден, но вскоре после освобождения он утонул, купаясь в море.
- 398 Речь идет о следующем. 4(17) марта 1911 г. *Бабский*, член партии с.-р., был арестован в Париже. В 1906—1907 гг. он работал в Северо-Кавказской области, был арестован и обвинен в убийстве екатеринодарского полицмейстера. Поскольку против него не было улик, дело ограничилось ссылкой его в Сибирь. Оттуда он бежал за границу и здесь был арестован французской полицией, как уголовный преступник-убийца, с намерением передать его русским властям. Представитель партии с.-р. в Международном социалистическом бюро И.А.Рубанович вместе с рядом французских общественных деятелей развернул кампанию в защиту Бабского и в итоге через неделю он был освобожден.
- 399 Этим представителем был И.А.Рубанович.
- 400 *Жорес Жан* (1859—1914) — лидер французской социалистической партии. Страстный борец против колониализма, милитаризма и войны. Убит французским шовинистом в канун первой мировой войны.
- 401 *Брешко-Брешковская Е.К.* была в сослана в Восточную Сибирь в 1910 г., находилась в Илимске, затем в Киренске, откуда зимой 1913 г. пыталась бежать, но неудачно. За попытку побега была осуждена на 1 год и 4 месяца одиночного заключения, которые отбывала в Иркутской тюрьме.
- 402 *Руднев В.В.* (1879—1940) — видный деятель партии эсеров, из дворян, исключен из числа студентов Московского университета за участие в студенческих волнениях 1899 г. В 1905 г. Возглавлял Московский комитет партии эсеров. Неоднократно подвергался арестам и высылкам. Последний раз был арестован 16.11.1908 г. и выслан на 4 года в Енисейскую губернию. После отбытия ссылки выехал за границу, где завершил свое ме-

дицинское образование в Базельском университете. С началом войны — оборонец, участник частного совещания видных деятелей партии эсеров в Божии в августе 1914 г., вернулся в Россию, служил врачом в госпитале, затем в Московском земстве. Во время Февральской революции возглавил МК ПСР, в июле 1917 г. был избран городским головой. Председатель комитета общественной безопасности, созданного во время Октябрьской революции для противодействия захвату власти большевиками в Москве, депутат Учредительного собрания, сторонник идеи создания единого национально-демократического фронта для борьбы с большевиками, поддерживал А.И.Деникина и одобрял иностранную интервенцию. Оставил Россию 5.4.1919 г., жил в Париже, примыкал к правому крылу эсеровской эмиграции, один из руководителей Земгора и редакторов журнала «Современные записки».

⁴⁰³ Имеется в виду русско-японская война 1904—1905 гг.

⁴⁰⁴ Имение Рудневых находилось при хуторе Волчьем, Бирючанского у. Воронежской губ.

⁴⁰⁵ *Фондаминский И.И.* (И.Бунаков) (1880—1940) — из богатой московской купеческой семьи, высшее гуманитарное образование получил в Германии, в 1905—1907 гг. член МК ПСР, до 1-го съезда партии кооптированный член ЦК, входил в комиссию, созданную ЦК в 1908 г. для расследования слухов о провокаторстве Азефа, с 1909 г. член Заграничной Делегации ЦК, посредник между ЦК и Б.В.Савинковым, пытавшимся после разоблачения Азефа воскресить Боевую организацию, входил в ликвидаторскую группу «Почин», во время войны последовательный оборонец, член редакции журнала «Призыв». Из своих личных средств неоднократно жертвовал партии крупные суммы. После Февральской революции член ЦК и редакции центральной газеты партии «Дело народа», комиссар Черноморского флота, депутат Учредительного собрания, член «Союза возрождения России», выехал из России в апреле 1919 г., примыкал к правому крылу эсеровской эмиграции, член редакции журналов «Современные записки» и «Новый град», один из организаторов журнала «Русские записки». Погиб в газовой камере Освенцима.

⁴⁰⁶ *Старынкевич И.Ю.* (1861—1920) — из семьи генерала, старый народо-волец, в начале 1900-х годов — член Саратовского комитета партии эсеров, игравшего роль ЦК, в 1906 г. выехал за границу, участник 1-й общепартийной конференции. С началом войны — оборонец, участник августовского 1914 г. частного совещания лидеров партии эсеров в Божии. Вернувшись после Февральской революции в Россию, примыкал к правому крылу партии.

⁴⁰⁷ *Натансон М.А.* (1850—1919) — из купеческой семьи, начал революционную деятельность в конце 60-х годов, один из организаторов и руководителей «Земли и воли», «Партии Народного права», с начала 900-х годов оказывал всяческое содействие партии эсеров, вступил в партию в ноябре 1905 г. и сразу же был кооптирован в ее ЦК, избирался в состав ЦК на 1-м и 2-м съездах. Во время войны — лидер интернационалистического течения в партии, участвовал в Циммервальдской и Кинтальской междуна-родных конференциях социалистов-интернационалистов. После Февральской революции — один из лидеров левых эсеров, активный сторонник сближения левых эсеров с большевиками, сторонник разгона Учредительного собрания. В 1918 г. после «мятежа» левых эсеров вышел из этой партии, был одним из организаторов Партии революционного коммунизма, выступавшей за тесное сотрудничество с большевиками.

⁴⁰⁸ *Аргунов А.А.* (1866—1939) — в революционном движении с конца 80-х годов, один из основателей эсеровского движения, организатор и автор программы «Союза социалиста-революционера», один из лидеров партии

- эсеров, член ЦК в 1905—1909 гг., с 1909 г. — член Заграничной Делегации ЦК, один из редакторов «Знамени труда». С началом войны — последовательный оборонец, член редакции эсеров-меньшевистского журнала «Призыв». После Февральской революции — один из лидеров правых эсеров, член редакции газеты «Воля народа». К Октябрьской революции относился враждебно, член «Союза возрождения России», участник Уфимского государственного совещания, товарищ председателя Директории. Арестован А.В.Колчаком и выслан из России, жил в Праге. В 1922 г. вышел из партии эсеров, один из создателей и руководителей организации «Крестьянская Россия», принявшей в 1927 г. году название «Трудовая крестьянская партия». Автор ряда воспоминаний, касающихся истории партии эсеров.
- 409 В действительности 1.8.1914 г. издан был не царский манифест, а воззвание к полякам великого князя Николая Николаевича, Верховного главнокомандующего русской армии, в котором возвещалось объединение всех трех частей Польши «под русским скипетром» с предоставлением объединенной Польше самоуправления.
- 410 О каком обращении к евреям идет речь, выяснить не удалось.
- 411 «Современные записки» — общественно-политический и литературный журнал. Издавался в 1920—1940 гг. в Париже под редакцией Н.Д.Авксентьева, М.В.Вишняка, А.И.Гуковского, В.В.Руднева и И.И.Фондаминского.
- 412 Ю.Г. — В.М.Чернов.
- 413 Плеханов Г.В. (1856—1918) — в революционном движении с 70-х годов, землевонец, чернопеределец, один из основателей и лидер первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда», один из основателей и теоретиков РСДРП, после раскола партии после некоторых колебаний перешел к меньшевикам, в первой революции выступал за союз пролетариата с буржуазией, осуждал большевиков за революционный максимализм, сектанство и бланкизм. После поражения революции главный идеолог революционного меньшевизма, сторонник восстановления единства партии. С началом войны оборонец. Один из редакторов эсеров-меньшевистской газеты «Призыв». После Февральской революции лидер группы «Единство», выступал за национальное примирение и единение всех патриотических сил в интересах доведения войны до победного конца, поддерживал Временное правительство, считал социалистическую революцию в России преждевременной, осуждал Октябрьскую революцию, роспуск Учредительного собрания и Брестский мир.
- 414 Маслов П.П. (1867—1946) — экономист, автор меньшевистской программы муниципализации земли, во время войны — оборонец, после Октябрьской революции занимался проблемами политэкономии социализма, академик АН СССР с 1929 г.
- 415 Иорданский Н.И. (1876—1928) — публицист, социал-демократ-меньшевик, во время войны — оборонец. С 1921 г. член РКП(б).
- 416 «Мысль» — ежедневная, политическая, общественная и литературная газета, орган эсеров интернационалистов, издавалась в Париже с сентября 1914 г. по март 1915 г. Редакторы: М.А.Натансон, Н.И.Ракитников и В.М.Чернов.
- 417 Имеется в виду 1-я Балканская война (1912—1913) между Балканским союзом (Болгария, Греция, Сербия и Черногория) и Турцией, в которой Турция потерпела поражение и потеряла все свои европейские владения, кроме Стамбула и небольшой части Восточной Фракии.
- 418 Речь идет об убийстве 28.6.1914 г. в г. Сараево наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда членом националистической органи-

- зации «Молодая Босния» Г.Принципом. Этот террористический акт был использован австро-германскими империалистами как повод для развязывания первой мировой войны.
- 419 *Штутгартский международный социалистический конгресс* состоялся в августе 1907 г. Одним из основных вопросов его работы был вопрос о милитаризме и об отношении к нему социалистических партий.
- 420 *Бах А.Н* (1857—1946) — один из организаторов и руководителей народо-вольческого движения 80-х годов, автор популярной брошюры «Царь-голод», являлся противником террора, в партию эсеров вступил лишь в начале 1905 г., секретарь ее Заграничного комитета. Председатель судебно-следственной комиссии по делу Азефа. С началом войны — оборонец, сотрудничал в газетах «Новости», «За рубежом», «Призыв» и др. В 1917 г. вернулся в Россию и постепенно с политической деятельности внимание перенес на научную работу, ученый-биохимик, основатель Физико-химического и Биохимического институтов, академик АН СССР с 1929 г.
- 421 *Билит Б.Г.* — см. прим. 250.
- 422 *Евгеньев* — псевдоним *Е.Е.Колосова* (1879—1938), в эсеровском движении с 90-х годов, арестовывался по делу Северного союза с.-р., участник 1-го съезда партии, один из разработчиков проекта ее программы, с 1906 г. жил за границей, сотрудничал в ряде эсеровских изданий, занимался изучением творческого наследия Н.К.Михайловского, готовил издание полного собрания его сочинений. С началом войны — оборонец. В конце 1915 г. получил разрешение вернуться на родину для поступления на военную службу, однако при переезде через границу в феврале 1916 г. был арестован и отправлен в Сибирь для отбывания ссылки. После Февральской революции один из активных политических деятелей в Красноярске, затем в Петрограде, выступал за поддержку Временного правительства. После Октябрьской революции вернулся в Сибирь, член Земского политического бюро, его представитель в Политическом центре. С 1922 г. в Петрограде, занимался главным образом литературной работой, сотрудничал в журналах «Былое», «Каторга и ссылка» и др., автор монографии «Народовольческая журналистика». Неоднократно подвергался различного рода репрессиям. В 1938 г. расстрелян в омской тюрьме.
- 423 Народническое совещание состоялось в Петрограде 16—17 июля 1915 г. по инициативе А.Ф.Керенского, присутствовало 30 представителей от эсеров, энесов и трудовиков Петрограда, Москвы, Киева, Самары, Саратова, Вологды, Вятки, Красноярска, Томска, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода. Было избрано «Центральное бюро народнических организаций». От Петроградской организации эсеров в бюро был делегирован видный деятель партии, бывший народоволец Брагинский М.А. По его воспоминаниям, заседания бюро происходили на квартире профессора Горного института Л.И.Лутугина, представлявшего в бюро трудовиков. Принимал в них участие и лидер энесов А.В.Пешехонов. (См. М.А.Брагинский. В октябрьские дни на фронте // «Каторга и ссылка», № 1(98), 1933. С. 45.)
- 424 *Керенский А.Ф.* (1881—1970) — из дворян, политический деятель, адвокат, лидер Трудовой группы в IV Государственной думе, в феврале 1917 г. перешел к эсерам, один из лидеров ее правого крыла, член Исполкома и один из товарищей председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, министр юстиции (март—май), военный и морской министр (май—сентябрь), министр-председатель (с 8 июля) Временного правительства,

425 *«Резолюция о тактике»* была выработана на совместном совещании ряда деятелей РСДРП (Г.В.Плеханов, Любимов (Марк 3-й), И.Аксельрод и Г.Алексинский) и ПСР (Н.Д.Авксентьев, И.Бунаков (И.И.Фондаминский) и Б.Воронов. Последний имел полномочие представлять на совещании А.А.Аргунова, который по случайным причинам не мог прибыть на совещание, но присоединился к принятым на нем решениям. Совещание происходило в Женеве 5—10.9.1915 г. Состоялось шесть заседаний под председательством Н.Д.Авксентьева. На первых заседаниях обсуждался вопрос об общей позиции русских социалистов в условиях войны и о той тактике, которой они должны придерживаться в России. В ходе обмена мнениями были выработан ряд разделяемых всеми пунктов:

1) Признание права и обязанности самообороны за народом, подвергшимся нападению; это признание санкционировано резолюциями социалистических конгрессов;

2) убеждение в том, что победа Германии была бы губительна для экономического и политического прогресса России и всей Европы;

3) неспособность старого порядка организовать оборону России;

4) вытекающая отсюда необходимость активного участия самого народа в деле борьбы с германо-австро-турецкой коалицией;

5) сплочение всех социалистических элементов России для содействия делу народной обороны;

6) блок социалистов со всеми революционно-демократическими элементами и поддержка ими всех оппозиционных по отношению к старому порядку элементов. Формулировка этих основных пунктов в виде ряда тезисов была поручена совещанием Плеханову и Авксентьеву. Выработанный ими текст был обсужден совещанием и, после принятия ряда поправок и дополнений, единогласно утвержден в виде публикуемой резолюции.

426 *«Призыв»* — газета, издавалась в Париже в 1915—1917 гг. российскими социалистами-оборонцами меньшевиками и эсерами, участниками выше-названного совещания.

427 *Любимов А.И. (Марк 3-й) (1879—1919)* — социал-демократ, в 1904 г. кооптирован в ЦК РСДРП. Делегат 3-го съезда РСДРП от Совета партии. Занимал примиренческую позицию по отношению к меньшевикам. В годы войны — оборонец, член редакции *«Призыва»*. После Февральской революции входил в плехановскую группу *«Единство»*.

428 *Бунаков И.* — см. Фондаминский И.И. (прим. 405).

429 *«Россия и свобода»* — газета, общественно-политическая и литературная, издавалась в Париже Г.А.Алексинским в августе—сентябре 1915 г. Вышло 4 номера.

430 Манифест социал-демократов и социалистов-революционеров *«К сознательному трудящемуся населению России»* был издан в сентябре 1915 г. в Париже совместным совещанием меньшевиков и эсеров. Текст манифеста был написан Плехановым, затем обсужден и утвержден совещанием.

431 Под *«преступной авантюрой на реке Ялу»* имеется в виду следующее. В 1898 г. группой лиц из ближайшего окружения царя во главе с А.М.Безобразовым было образовано акционерное общество для эксплуатации естественных богатств Кореи. *«Безобразовцы»* получали из Государственного банка безвозвратные ссуды под дутые предприятия в Корее и оказывали большое влияние на дальневосточную политику правительства, толкая ее на различные авантюры. Настаивая на захвате Маньчжурии, они в то же время предложили на границе между Кореей и Маньчжурией, по левому берегу р. Ялу, создать *«стратегический заслон»* от японцев. Якобы для осуществления полученной ими лесной концессии на Ялу под

- видом «лесорубов» были посланы русские солдаты. Эта авантюра способствовала еще большему обострению отношений России с Японией.
- 432 Речь идет о русско-германском торговом договоре, заключенном летом 1904 г. Германия, воспользовавшись тем стеснительным положением, в котором оказалось русское правительство в связи с японской войной, добилась от него снижения пошлины на свои товары. Для германских товаров и капитала открывался широкий доступ в Россию. Вместе с тем царизму предоставлялась возможность заключить заем на германских денежных рынках.
- 433 «Союз трех императоров» — совокупность соглашений, заключенных в 1873—1884 гг. между тремя монархиями — Россией, Германией и Австро-Венгрией. Фактически перестал существовать в 1885—1886 гг. В 1887 г. был продлен Перестраховочным договором на три года.
- 434 Вероятно, речь идет об А.Ф.Керенском.
- 435 *Маклаков Н.А.* (1871—1918) — из дворян, окончил историко-филологический ф-т Московского университета, с 1909 г. черниговский губернатор, а с конца 1912 г. Управляющий делами, затем министр внутренних дел, крайний монархист, один из лидеров правых. Неоднократно ставил перед царем вопрос о роспуске Думы и изменении Основных законов Российской империи. Отставлен от поста министра внутренних дел в июне 1915 г. В 1916 — нач. 1917 г. активно участвовал в правом движении, один из предполагавшихся лидеров планируемого правыми «Черного блока» из правых членов Государственной думы и Государственного совета. Во время Февральской революции арестован, затем расстрелян ВЧК.
- 436 *Щегловитов И.Г.* (1861—1918) — из семьи помещика. С апреля 1906 по июнь 1915 г. — министр юстиции, покровительствовал деятельности Союза русского народа. В 1915—1916 гг. председатель Совета монархических объединений. С начала 1917 г. председатель Государственного совета. Во время Февральской революции арестован, затем расстрелян ВЧК.
- 437 Сведений, подтверждающих, что докладная записка подобного содержания подавалась Маклаковым и Щегловитовым, выявить не удалось.
- 438 *Военно-промышленные комитеты* — организации, созданные в 1915 г. с целью мобилизации средней и мелкой промышленности для военных нужд.
- 439 См. прим. 413.
- 440 *Дейч Л.Г.* (1855—1941) — народник, член группы «Освобождения труда», один из лидеров меньшевизма. Во время первой мировой войны оборонец. После Октябрьской революции отошел от политической деятельности.
- 441 *Зиновьева-Дейч Э.М.*, жена Л.Г.Дейча, скульптор.
- 442 *Аксельрод И.И.* (1872—1917) — социал-демократка, литературный критик, философ. Примыкала к группе «Освобождения труда», после 2-го съезда РСДРП была с большевиками, затем перешла к меньшевикам. Во время войны занимала оборонческую позицию. В Россию вернулась перед Октябрьской революцией и вскоре умерла в Петербурге.
- 443 *Белоусов Г.Е.* (1876—?) — рабочий, сортировщик бутылочного завода при станции «Константиновка» Екатеринославской губ. Председатель профсоюза рабочих стекольного завода, социал-демократ, депутат II Государственной думы от Екатеринославской губ., член социал-демократической фракции Думы.

- 444 Речь идет о членах Заграничной Делегации ЦК ПСР И.И.Фондаминском и Н.Д.Авксентьеве, вошедших в редакцию «Призыва».
- 445 Трудно установить точно, кто на начало войны входил в Заграничную Делегацию ЦК ПСР, еще сложнее выявить, как конкретно, в личном плане, менялось в ней соотношение между интернационалистами и обонцами.
- 446 Нам не удалось выяснить, какие конкретно организации составляли «объединенные группы п.с.-р.».
- 447 Кубов А. — А.А.Аргунов.
- 448 «Отклики жизни» — газета, издавалась группой эсеров-интернационалистов в Париже с 12.3.1916 г. по 6.3.1917 г. Вышло 15 номеров.
- 449 Речь идет о следующем. Бобров (М.А.Натансон) напечатал в газетах «Berger Tagwacht» (№ 258, 4.11.1915 г.) и «Жизнь» (№ 21, 7.11.1915 г.) «Заявление», что на Циммервальдской конференции социалистов-интернационалистов, он, Бобров, «присутствовал в качестве представителя интернационалистического большинства Заграничной Делегации Центрального комитета российской партии социалистов-революционеров». На это «Заявление» Боброва А.Кубов (А.А.Аргунов) откликнулся заметкой в № 29 «Призыва» (15.4.1916 г.).
- 450 В ответ на заметку Кубова Бобров попросил редакцию «Откликов жизни» опубликовать то его «Заявление», которое было опубликовано им в «Berger Tagwacht» и «Жизни».
- 451 «Русские записки» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Издавался в Петрограде в 1914—1916 гг. вместо закрытого журнала «Русское богатство». Редактор В.Н.Цеховская, издатель Н.С.Русанов.
- 452 Циммервальдская международная конференция социалистов-интернационалистов состоялась 5—8 сентября 1915 г. в Циммервальде (Швейцария). Конференция была созвана по инициативе итальянских и швейцарских социалистов. На ней присутствовало 38 делегатов от 11 европейских стран. От эсеров-интернационалистов на ней присутствовали М.А.Натансон (от интернационалистического большинства Заграничной Делегации ЦК) и В.М.Чернов (от организации, издававшей эсеровскую эмигрантскую интернационалистическую газету «Жизнь»). Итогом работы конференции явились «Манифест» и резолюция сочувствия арестованным и преследуемым. Подпись под «Манифестом» поставил лишь один Натансон (Бобров). Чернов отказался подписать, ссылаясь на то, что не были приняты его поправки идеологического характера, отражавшие его взгляды на социализм и войну.
- 453 «Жизнь» — политическая, общественная и литературная газета, орган интернационалистического крыла эсеровской эмиграции. Издавалась еженедельно по воскресеньям в Париже (№ 1, 21.3.1915 г. — № 62, 6.6.1915 г.), затем в Женеве (№ 1(63), 20.6.1915 г. — № 27(89), 2.1.1916 г.). В состав редакции входили М.А.Натансон, Н.И.Ракитников, В.М.Чернов.
- 454 «Berger Tagwacht» («Бернский часовой») — газета, орган социал-демократической партии Швейцарии.
- 455 Данное заявление опубликовано в настоящем издании (см. док. № 38), но по публикации не в «Жизни», а в «Бюллетени объединенных групп с.-р.»
- 456 Под «второй Циммервальдской конференцией» имеется в виду международная конференция социалистов-интернационалистов, состоявшаяся 24—30 апреля 1916 г. в Кинтале (Швейцария). На конференции присут-

ствовало 43 делегата от 10 стран. От эсеров в ее работе принимали участие М.А.Натансон, В.М.Чернов и Б.Д.Камков. Конференция отвергла ленинские предложения о превращении империалистической войны в гражданскую, о поражении в войне «своих» империалистических правительств, о создании 3-го Интернационала. Конференция приняла ряд резолюций и манифест «К разоряемым и умерщвленным народам» следующего содержания:

«Два года мировой войны! Два года опустошения! Два года кровавых жертв и бешенства реакции!

Кто несет за это ответственность? Кто скрывается за теми, которые бросили пылающий факел войны и подготавливал ее?

Это — господствующие классы!

Когда мы, социалисты воюющих и нейтральных стран, в сентябре 1915 г., не взирая на кровавую свалку, протянули друг другу руки и среди бешенства разгоревшихся военных страстей объединились в Циммервальде, мы сказали в нашем манифесте: «Правящие силы капиталистического общества, в руках которых покоились судьбы народов, — монархические, равно как и республиканские правительства, тайная дипломатия, могущественная предпринимательская организация, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь — они все несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется во имя их интересов.

«Каждая нация, — сказал Жорес за несколько дней до своей смерти, — неслась с горящим факелом по улицам Европы».

Уложив миллионы людей в могилу, повергнув в горечь миллионы семей, превратив миллионы во вдов и сирот, нагромодив развалины на развалины и разрушив незаменимые культурные ценности, *война попала в тупик.*

Несмотря на горы жертв на всех фронтах, никаких решающих результатов! Чтобы только поколебать эти фронты, правительства должны были бы пожертвовать новые миллионы людей.

Ни победителей, ни побежденных или вернее, *все побежденные*, т.е. все изошли кровью, все разорены, все истощены, таков итог этой полной ужасов войны. Таким образом, фантастические мечты господствующих классов об империалистическом мировом господстве не сбылись.

И вновь обнаружилось, что только те социалисты сослужили службу интересам народов, которые, несмотря на клевету, выступили против националистического безумия и потребовали *немедленного мира без аннексий.*

Объединимся поэтому под боевым лозунгом:

Долой войну! Да здравствует мир!

Рабочие городов и деревень!

Правительства, империалистические клики и их пресса говорят вам, что нужно вести войну до конца, чтобы освободить угнетенные народы. Из всех средств обмана, пущенных в ход во время войны, это средство самое грубое. Истинная цель этой всеобщей бойни — это *обеспечение* для одних *того, что они награбили в течение столетий, в течение многих войн*; другие хотят *нового раздела мира*, чтобы увеличить свои владения; они хотят аннексировать новые области, разорвать на части народы, низвести их к роли простых рабов и илотов.

Ваши правительства и их пресса говорят вам, что войну необходимо продолжать, чтобы уничтожить милитаризм.

Не давайте себя обманывать! *Милитаризм той или иной нации может быть ниспровергнут лишь ею самой*, и во всех странах надо его преодолеть.

Ваши правительства и их пресса говорят также вам, что войну надо продолжать, чтобы сделать ее последнею.

Но и это обман. *Никогда война не убивала войны*. Наоборот. Она пробуждает желание возмездия, насилие порождает насилие.

Таким образом, после каждой жертвы наши мучители будут требовать от вас новых жертв, и из этого заколдованного круга не могут вывести вас и буржуазные пацифисты.

Существует одно лишь единственное средство помешать будущим войнам: это завоевание политической власти и отмена капиталистической собственности рабочим классом.

«Прочный мир» будет плодом победы социализма.

Пролетарии!

Кто проповедует «войну до конца», «до победы»? Это виновники войны; продажная пресса, военные поставщики и все те, кто наживается с войны; это социал-патриоты, повторяющие бужуазные военные лозунги; это реакционеры, которые в глубине души радуются, что на полях битвы погибают те, кто вчера еще был угрозой привилегиям господствующим классам: социалисты, члены профессиональных союзов, все те, кто сеял семена социализма в городе и деревне.

Вот сторонники политики войны до конца!

Они располагают государственной властью, они командуют лживой прессой, отравляющей народ, они пользуются свободой агитации за продолжение войны, за продолжение кровавых жертв и опустошений.

Жертвами являетесь вы: вы имеете право голодать и молчать, для вас цепи военного положения, цензурный намордник, мертвый воздух тюрьмы.

* * *

Вы, народ, трудящиеся массы, вы делаетесь жертвами войны, а *между тем, эта война не ваша*.

В траншеях, на передовых позициях находитесь вы, трудящийся сельский и городской люд.

Позади фронта видите вы богатых с их приспешниками, скрывающихся в безопасности.

Для них война — это смерть других!

И ведя свою классовую борьбу против вас еще в более острой форме, чем раньше, они проповедуют вам гражданский мир. Беспощадно эксплуатируя вашу беду, вашу нужду, они хотят побудить вас изменить вашему долгу по отношению к своему классу и вырвать у вас из души вашу лучшую силу, надежду на социализм.

Еще яснее, чем в мирное время, выступает во время войны социальная несправедливость и классовое господство.

Во *время мира* капиталистическая система отнимает у рабочего всякую радость к жизни, *во время войны* она отнимает у него все, даже жизнь.

Довольно убийств! Довольно страданий!

* * *

Довольно также опустошений!

Ибо на вас, на трудящихся, обрушиваются ныне и будут обрушиваться потом эти нагроможденные развалины.

Сотни миллионов бросаются теперь в пасть бога войны и пропадают таким образом для благосостояния народа, для культурных целей и социальных реформ, которые могли бы облегчить ваш жребий, улучшить народное образование и ослабить нищету.

Но завтра новые тяжелые налоги лягут на ваши обремененные плечи. Довольно растраты вашего труда, ваших денег, вашей жизненной силы.

Поднимемся на борьбу за немедленный мир без аннексий.

Пусть во всех воюющих странах трудящиеся мужчины и женщины выступят против войны и ее последствий, против нужды и лишений, против безработицы и дороговизны. Пусть они поднимут голос за восстановление отнятых у них гражданских свобод, за социальное законодательство, за требования трудящихся классов в городе и деревне.

Пусть *пролетарии нейтральных стран* помогают социалистам воюющих стран в их тяжелой борьбе и всеми силами противятся дальнейшему распространению области войны.

Пусть *социалисты всех стран* действуют согласно постановлениям международных конгрессов, которые гласят, что обязанностью рабочего класса является употребить все усилия, чтобы положить скорейший конец войне.

Оказывайте самое сильное давление, какое только можете, на ваших депутатов, на ваши парламенты, на ваши правительства.

Требуйте от представителей социалистических партий немедленного отказа от поддержки военной политики правительства. Требуйте от социалистических депутатов, чтобы они отныне голосовали *против* всех военных кредитов.

Способствуйте всеми имеющимися у вас в распоряжении средствами скорейшему окончанию человеческой бойни!

Требуйте немедленного прекращения войны! Поднимайтесь на борьбу, разоряемые и умерщвляемые народы!

Смелей! Помните о том, что вы большинство и, если захотите, можете стать силой.

Пусть правительства увидят, что во всех странах растет ненависть к войне и желание социального искупления.

Тогда приблизится час мира среди народов. Долой войну!

Да здравствует мир, немедленный мир без аннексий!

Да здравствует международный социализм!

1 мая 1916 г.

Вторая социалистическая международная Циммервальдская конференция (Вторая Циммервальдская конференция (Официальные документы). Пг., 1917.)

⁴⁵⁷ Власов — В.М.Чернов.

⁴⁵⁸ Савельев (Б.Д.Камков) (1885—1938) — участник эсеровского движения на юге России. В 1905 г. сослан в Туруханский край, откуда в 1917 г. бежал за границу. В 1911 г. окончил юридический факультет Гейдельбергского университета, в годы войны интернационалист, участник Циммервальдской конференции, член редакции газет «Мысль» и «Жизнь» и журнала для военнопленных «На чужбине». После Февральской революции один из лидеров левого крыла партии эсеров. Лидер левоэсеровской фракции на 2-м съезде Советов, избран во ВЦИК. Один из лидеров партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов).

⁴⁵⁹ См. док. № 38.

⁴⁶⁰ В Циммервальдском манифесте международной конференции социалистов-интернационалистов (сентябрь 1915 г.) говорилось следующее:

«Пролетарии Европы!

Более года длится война. Миллионы трупов покрывают поля сражений, миллионы людей превращаются на всю жизнь в калек. Европа превратилась в гигантскую человеческую бойню. Трудами многих поколений созданная культура отдана на расточение. Самое дикое варварство торжествует ныне свою победу над всем, что составляло гордость человечества.

Какая бы ни была правда относительно непосредственной ответственности за возникновение войны, — одно несомненно: война, породившая этот хаос, является плодом империализма, т.е. стремления капиталистических классов каждой нации удовлетворить свою жажду прибыли эксплуатацией человеческого труда и естественных богатств во всем мире.

Хозяйственно отсталые или политически слабые нации попадают при этом в кабалу к великим державам, которые стремятся в этой войне кровью и железом перекроить заново, в соответствии со своими интересами, карту Европы. Целым народам и странам, как Бельгия, Польша, балканские государства, Армения, грозит судьба стать предметом торговли в игре компенсаций и быть аннексированными целиком или кусками.

Движущие силы войны обнажаются в ее течении во всей своей наденности. Лоскут за лоскутом спадает тот покров, который должен был скрывать смысл мировой катастрофы от сознания народа. Капиталисты всех стран, которые из пролитой народной крови чеканят червонное золото барыша, утверждают, что война служит защите отечества, демократии, освобождению угнетенных народов. Они лгут. На самом деле они погребают на полях опустошения свободу собственного народа вместе с независимостью других наций. Новые путы, новые цепи, новые тяготы вырастают из войны и пролетариату всех стран победоносных, как и побежденных, придется владеть их на себе. Подъем благосостояния был возмещен при начале войны — нужда и лишения, безработица и дороговизна, голод и эпидемии являются действительным последствием ее. Военные расходы будут в течение десятилетий поглощать лучшие силы народов, угрожая уже завоеванным социальным реформам и препятствуя каждому шагу вперед.

Культурное опустошение, экономический упадок, политическая реакция — таковы благословенные плоды этой ужасающей резни народов. Так война раскрывает подлинную сущность новейшего капитализма, который стал несовместимым не только с интересами рабочих масс, не только с потребностями исторического развития, но и с элементарнейшими условиями человеческого общежития.

Правящие силы капиталистического общества, в руках которых покоились судьбы народов, — монархические, как и республиканские правительства, тайная дипломатия, могущественные предпринимательские организации, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь, — они все несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется во имя их интересов.

Рабочие!

Эксплуатируемых, бесправных, униженных — вас, при возникновении войны, когда нужно было посылать вас на бойню, навстречу смерти, называли товарищами и братьями. А теперь, когда милитаризм вас увечит, терзает, унижает и губит, правящие требуют от вас отказа от ваших интересов, ваших целей, ваших идеалов, словом: рабского подчинения так называемому национальному единству. Вас лишают возможности выражать ваши взгляды, ваши чувства, вашу скорбь, вам не дают выдвигать ваши требования и отстаивать их. Пресса подавлена, политические права и

свободы растоптаны ногами — военная диктатура правит бронированным кулаком.

Мы не можем, мы не смеем более молчаливо переносить это положение, которое угрожает всей будущности Европы и человечества. В течение десятилетий социалистический пролетариат вел борьбу против милитаризма. С возрастающей тревогой его представители занимались на национальных и интернациональных съездах вопросом о все более угрожающе выраставшей из имериализма опасности войны. В Штутгарте, в Копенгагене, в Базеле международные социалистические конгрессы указали пролетариату пути борьбы.

Социалистические партии и рабочие организации разных стран, участвовавшие в этих постановлениях, попрали, однако, с начала войны ложившиеся на них обстоятельства. Их представители призвали рабочих к приостановке классовой борьбы, единственного возможного и действительного средства освобождения пролетариата. Они голосовали за военные кредиты в распоряжение господствующих классов, они предоставили себя в распоряжение правительства для разных услуг, через посредство своей прессы и особых послов, они пытались перетянуть нейтральных на сторону политики своих правительств, они предоставили под видом социалистических министров своим правительствам заложников для охранения национального единения и таким образом они взяли на себя перед рабочим классом, пред его настоящим и будущим, ответственность за эту войну, за ее цели и за ее методы. И подобно отдельным партиям, несостоятельным оказалось также и призванное правительство социалистов всех стран — международное социалистическое бюро. Эти обстоятельства являются одной из причин того, что интернациональный рабочий класс, который не поддавался национальной панике первого периода войны или освободился от нее, еще до сих, во втором году резни народов, не нашел никаких средств и путей, чтобы приступить к решительной борьбе за мир одновременно во всех странах.

Ввиду этого нетерпимого положения собрались мы, представители социалистических партий, профессиональных союзов и их меньшинств, мы немцы, французы, итальянцы, русские, поляки, латыши, румыны, болгары, шведы, норвежцы, голландцы и швейцарцы, мы, которые стоим не на почве национальной солидарности с классом эксплуататоров, а на почве интернациональной солидарности пролетариата и на почве классовой борьбы, мы собрались для того, чтобы вновь восстановить порванные связи и призвать рабочий класс вспомнить о своем долге по отношению к самому себе и приступить к борьбе за мир.

Эта борьба — борьба за свободу, за братство народов, за социализм. Необходимо начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций. Такой мир возможен только при осуждении всяких помыслов о насилии над правами и свободами народов. Занятие целых стран или отдельных частей не должно вести к насильственному присоединению. Никаких аннексий, ни открытых, ни скрытых, никаких насильственных экономических присоединений, которые вследствие неизбежно связанного с ними политического бесправия, носят еще более невыносимый характер. Самоопределение наций должно быть непоколебимой основой национальных отношений.

Пролетарии!

С начала войны вы отдали вашу действительную силу, вашу отвагу, вашу выносливость на службу господствующим классам. Теперь вы должны начать борьбу за *свое собственное дело*, за священную цель социализма, за освобождение подавленных народов и поработенных классов, — путем непримиримой пролетарской классовой борьбы.

Задача и обязанность социалистов воюющих стран приступить со всей решимостью к этой борьбе, задача и обязанность социалистов нейтральных стран — поддержать всеми действительными средствами своих братьев в этой борьбе против кровавого варварства.

Никогда раньше в мировой истории не было более настоятельной, более высокой, более благородной задачи, выполнение которой должно явиться нашим общим делом. Нет таких жертв, нет таких тягот, которые были бы слишком велики для достижения этой цели: мира между народами.

Рабочие и работницы! Матери и отцы! Вдовы и сироты! Раненые и искалеченные! Ко всем вам, кто страдает от войны и через войну, ко всем вам мы взываем: через границы, через дымящиеся поля битв, через разрушенные города и деревни — Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Циммервальд (Швейцария).

Сентябрь 1915 года.

От имени интернациональной социалистической конференции: За немецкую делегацию: Георг Ледебург и Адольф Гофман. За французскую делегацию: А.Бурдерон, А. Меррегейм. За итальянскую делегацию: Г.Е.Модильяни, Константино Лацари. За русскую делегацию: Н.Ленин, Павел Аксельрод, М.Бобров. За польскую делегацию: Ст.Лапинский, А.Варский, Я.Ганецкий. За балканскую социалистическую федерацию: от имени румынской делегации Х.Раковский, от имени болгарской делегации Василий Коларов. За шведскую и норвежскую делегацию: З.Хеглунд и Туре-Нерман. За голландскую: Г.Роланд-Гольст. За швейцарскую делегацию Роберт Гримм и Шарль Нэн» (Левые в III Интернационале. Первая Циммервальдская конференция по заграничным материалам. Кронштадт, 1917).

461 Речь идет, видимо, о народнической конференции, состоявшейся в июле 1915 г. в Петрограде.

462 Имеется в виду журнал «На чужбине», издававшийся в 1916—1917 гг. в Женеве местной группой эсеров-интернационалистов для русских военнопленных. В лагерях, где содержались военнопленные, издание распространялось бесплатно. Вышло 16 номеров. Издание этого журнала инкриминировалось Б.Д.Камкову и В.М.Чернову Временным правительством как пособничество германскому правительству.

463 «Летопись» — ежемесячный, литературный, научный и политический журнал, издавался в Петрограде с декабря 1915 г. по декабрь 1916 г. Редактор А.Ф.Радзишевский, издатель А.Н.Тихонов.

464 Суханов Н.Н. (1882—1940) — член партии эсеров в 1903—1907 гг., один из ее теоретиков по аграрному вопросу, пытался идейно объединить марксизм и народничество. Во время войны интернационалист, эволюционировал к меньшевикам-интернационалистам. Автор ряда антивоенных статей и брошюр, резко критиковал позиции социал-оборонцев. (См.: Ник.Суханов. К кризису социализма (По поводу военных выступлений Плеханова). Пг., 1916.)

465 «Запросы жизни» — научно-популярный, технический и общественно-экономический журнал, издавался в Воронеже в 1916 г. местным обществом народных университетов. Журнал стоял на позициях эсеров-интернационалистов. Вышло 10 номеров.

466 Сухомлинов В.А. (1848—1926) — дворянин, генерал-адъютант, командующий войсками Киевского военного округа (с 1904 г.) и киевский генерал-губернатор (с 1905 г.), в 1908 г. начальник Генерального штаба, в 1909—1915 гг. военный министр. В апреле 1916 г. был арестован по обвинению в противозаконном бездействии, превышении власти, служеб-

- ных подлогах, лихоимстве и государственной измене и заключен в Петропавловскую крепость, в октябре того же года был переведен под домашний арест. После Февральской революции вновь арестован, предан суду, которым был признан виновным и приговорен к лишению всех прав состояния и к пожизненной каторге, в 1918 г. советской властью освобожден от наказания по старости, умер в эмиграции.
- 467 *Мясоедов С.Н.* (1865—1915) — полковник, в 1901—1909 гг. начальник пограничного Вержболовского железнодорожного полицейского управления, сблизился с военным министром В.А.Сухомлиновым, по протекции которого возглавил контрразведку. В 1912 г., в связи с тем, что стали распространяться слухи и появляться статьи в прессе, намекавшие на его шпионскую деятельность, ушел в отставку. В конце 1914 г. появились новые свидетельства против Мясоедова, он был арестован и военно-полевой суд, состоявшийся в марте 1915 г., признав его виновным в шпионаже и мародерстве, приговорил к смертной казни через повешение.
- 468 *Хвостов А.Н.* (1872—1918) — дворянин, действительный статский советник, камергер, член Государственного совета. В 1906—1910 гг. вологодский, затем до ноября 1912 г. нижегородский губернатор, председатель фракции правых в IV Государственной думе, министр внутренних дел в 1915—1916 гг. В 1918 г. расстрелян по постановлению органов советской власти.
- 469 *Зюдекум Альберт* (1871—1944) — один из лидеров правого крыла германской с.-д. партии; в 1900—1918 гг. депутат рейхстага, в 1918—1920 гг. министр финансов Пруссии.
- 470 *«Ежемесячный журнал»* — журнал литературы, науки и общественной жизни. Издавался в Петрограде в 1914—1916 гг. Редакторы З.С.Цыбульский, С.М.Проскурин, В.С.Миролюбов, П.А.Сальников. Издатель В.С.Миролюбов.
- 471 *Малиновский Р.В.* (1876—1918) — провокатор, агент охраны с 1910 г. В 1912—1914 гг. член ЦК РСДРП, лидер большевистской фракции в IV Государственной думе. Разоблачен в 1917 г.; расстрелян по приговору Верховного трибунала ВЦИК.
- 472 *Савинков Б.В.* (1879—1925) — видный деятель партии эсеров, публицист, писатель. В 1903—1906 гг. заместитель главы Боевой организации Азефа. После разоблачения Азефа, в 1909—1911 гг., безуспешно пытался возродить боевую деятельность партии. В 1911 г., восприняв опубликованное «Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа» как клевету на террористов, отошел от активной партийной деятельности. С начала войны занял последовательную патриотическую позицию.
- 473 *Прокофьева М.А.*, невеста Е.С.Созонова, в 1909—1911 гг. член Боевой организации Б.В.Савинкова, умерла в 1913 г. от туберкулеза.
- 474 Вкратце история разоблачения Е.Ф.Азефа такова. О нем еще с 1902 г. стали возникать недобрые слухи. В ЦК неоднократно приходили письма-предупреждения. Однако ЦК ПСР, принимая во внимание богатую партийную биографию Азефа, и прежде всего то, что он был одним из основателей и руководителей партии, главой ее Боевой организации, принимал активное личное участие не только в подготовке, но и в осуществлении ряда террористических актов, не обращал на это серьезного внимания, считал, что это дело рук полиции, стремящейся таким образом обезвредить одного из вождей революции. В мае 1908 г. о своих подозрениях в отношении Азефа заявил В.Л.Бурцев, к тому времени уже имевший большой опыт по выявлению провокаторов в революционной среде. ЦК посчитал доводы Бурцева не убедительными, но последний не успокоился, поделился имевшейся у него информацией с рядом эсеров. В ответ на

это ЦК ПСР решил устроить над Бурцевым суд чести. Судьями были избраны патриархи революционного движения Г.А.Лопатин, П.А.Кропоткин и В.Н.Фигнер. Представителями от партии на суде были В.М.Чернов, М.А.Натансон и Б.В.Савинков. Суд начал свою работу в конце октября 1908 г. Происходил он в Париже, сперва в помещении библиотеки имени П.Л.Лаврова, а затем на квартире Б.В.Савинкова. Чернов и Натансон не только защищали Азефа, но и обвиняли Бурцева в некорректности по отношению к партии, ЦК и одному из самых заслуженных его членов. Складывавшееся на суде настроение против себя Бурцев переломил сообщением о том, что он имел встречу с бывшим директором Департамента полиции А.А.Лопухиным и тот подтвердил сотрудничество Азефа с Департаментом полиции. После этого, в декабре того же года, с Лопухиным встретились в Лондоне Чернов, Савинков и А.А.Аргунов. Во время этой встречи Лопухин сообщил о своих личных встречах с Азефом, в том числе и о последней, состоявшейся совсем недавно, 11-го ноября 1908 г. Во время этой встречи Азеф слезно просил Лопухина отказаться от тех сведений, которые даны были им Бурцеву. Азеф упорно отрицал эту встречу, уверял, что он был в это время не в Петербурге, а в Мюнхене, но подтвердить эту версию сколько-нибудь убедительно Азеф не смог. В конце декабря состоялось расширенное заседание ЦК, на котором решался вопрос, надо ли убивать Азефа немедленно или необходимо провести дополнительное расследование, допросить обвиняемого. Большинство высказалось за продолжение расследования и одновременную подготовку его убийства. Произвести допрос Азефа было поручено Чернову, Савинкову и некому Николаю, бывшему члену Боевой организации. Названные лица произвели допрос Азефа вечером 5 января (н.с.) на его квартире в Париже. Однако никаких признаний добиться им не удалось. Дав срок Азефу подумать до 12 часов следующего дня, допрашивавшие удалились. Никакой охраны у квартиры или дома, где проживал Азеф, выставлено не было. Азеф воспользовался этим и в ту же ночь скрылся.

⁴⁷⁵ *Коварский И.Н.* (1880—1962) — из мещан, врач, один из видных эсеровских работников. В 1909 г. на V Совете партии был избран в состав ЦК.

⁴⁷⁶ *Фрейфельд Л.В.* (1863—?) — сын купца, бывший студент Харьковского университета, участник народовольческого движения второй половины 80-х годов, в 1890 г., по процессу С.М.Гинзбург и др., приговорен к смертной казни, замененной 10-летней каторгой в Восточной Сибири. В партии эсеров с начала 900-х годов, член ее ЦК в 1904—1905 гг. и с 1909 г. (избран V Советом партии). Во время войны занимал интернационалистскую позицию. Вернувшись в 1917 г. в Россию, отошел от политической деятельности, занимался врачебной практикой.

⁴⁷⁷ *Нестеровский Б.Ю.* — из дворян, бывший студент Петербургского университета, в партии эсеров с конца 1904 г. В 1907 г. был арестован в Петербурге по подозрению в организации боевой дружины при Петербургском комитете п.с.-р., был выслан на три года в Западную Сибирь, откуда бежал за границу, в качестве гостя присутствовал на Лондонской общепартийной конференции. После разоблачения Азефа один из уполномоченных ЦК по созыву V Совета партии. На этом Совете был избран в состав ЦК. В 1910 г. прибыл в Россию, где вскоре вновь был арестован, после этого отошел от партийных дел.

⁴⁷⁸ *Ховрин А.А.*, бывший студент Московского университета, высылался в Восточную Сибирь за участие в студенческих беспорядках начала 900-х годов, участвовал в экспроприации Чимкентского казначейства, после разоблачения Азефа был включен в число уполномоченных ЦК по созыву

V Совета партии, после Совета был кооптирован в состав ЦК. В 1910 г., по прибытию в Россию, был арестован

- 479 **Булат А.А.** (1873—1941) — из литовских крестьян, окончил юридический ф-т. Петербургского ун-та, неоднократно выступал защитником на политических процессах, видный деятель литовского автономистского движения, депутат 2-й и 3-й Государственных дум, в последней председатель Совета фракции Трудовой группы. В 1908 г. был командирован Трудовой группой в Париж для выяснения обстоятельств дела Е.Ф.Азефа. Выступал в Думе по запросу левых фракций по этому делу. В 1917 г. член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, член ВЦИК, в октябре того года перешел в партию эсеров, депутат Учредительного собрания от этой партии. В 1918 г. уехал в Литву. В 1940—1941 гг. заведующий юридическим отделом Президиума Верховного Совета Литовской ССР. Расстрелян немецкими оккупантами.
- 480 **Дзюбинский В.И.** (1860—?) — участник народовольческого движения, в 1882 г. был арестован и сослан на 3 года в Западную Сибирь, являлся вольнослушателем медицинского факультета Томского университета, служил помощником акцизного надзирателя. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум от Тобольской губернии. Член Трудовой группы.
- 481 **Иванов С.А.** (1853—1927) — из дворян, активный участник народовольческого движения 80-х годов. В 1887 г. по «процессу 21-го» был приговорен к смертной казни, замененной затем бессрочной каторгой. В 1887—1905 гг. содержался в Шлиссельбургской крепости. Примыкал к партии эсеров, оказывал ей различные услуги. С 1910 г. жил за границей. Под псевдонимом «*Берг*» входил в судебно-следственную комиссию по делу Азефа. Умер в Париже.
- 482 **Блеклов С.М.** (1860—1913) — из дворян, окончил физ.-мат. ф-т Московского ун-та, бывший народоволец, земский статистик, активный деятель Московской группы «Союза освобождения», один из организаторов и руководителей Всероссийского Крестьянского союза, участвовал в создании Трудовой группы в 1-й Государственной думе. В 1907г. выехал за границу, вступил в партию эсеров. Член судебно-следственной комиссии по делу Азефа (псевдоним — Сенжарский), активный сотрудник различных эсеровских периодических изданий.
- 483 **Лункевич В.В.** (1866—1941) — бывший народоволец, видный деятель партии эсеров, член судебно-следственной комиссии по делу Азефа (псевдоним Арагатский). В годы войны примыкал к интернационалистскому крылу партии, сотрудничал в газетах «Мысль», «Жизнь» и «Отклики жизни» (псевдоним Дикий), в 1917 г. На 3-м съезде партии избран в состав ЦК.
- 484 **Панкратов В.С.** (1864—1925) — из семьи рабочего, рабочий-металлист, участник народовольческого движения 80-х годов. По «процессу 12-ти» (1884) приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. С конца 1884 по 1898 г. содержался в Шлиссельбургской крепости, затем сослан в Восточную Сибирь, откуда нелегально вернулся в 1903 г., вступил в партию эсеров, член ее ЦК до 1-го съезда. Входил вместе с Е.Ф.Азевым и Б.В.Савинковым в Боевой комитет по технической подготовке вооруженного восстания в Петербурге, созданной ЦК в начале декабря 1905 г., участник Московского вооруженного восстания, в 1906 г. вновь кооптирован в состав ЦК. В 1907—1912 гг. находился в ссылке в Восточной Сибири. В 1909 г. V Советом партии был заочно избран в ЦК. Во время войны оборонец, вместе с В.Л.Бурцевым основал патриотическую организацию «Общество 1914 года». После Февральской революции принадлежал к правым эсерам, с августа 1917 г. по январь 1918 г. комиссар Временного правительства по охране бывшего императора Николая II

- и его семьи. После гражданской войны жил в Петрограде, член общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.
- 485 *Моисеенко С.Н.*, в 1909—1911 гг. член Боевой организации Б.В.Савинкова, брат известного боевика Б.Н.Моисеенко.
- 486 *Сомова* (в девичестве-Зильберберг) Е.И. — фамилия по первому браку, вторая жена Б.В.Савинкова, в 1909—1911 гг. входила в состав его Боевой организации.
- 487 *Глотов Я.И.* — член транспортного бюро ЦК ПСР.
- 488 *Селюк М.Ф.* (1872—?) — активный деятель «Союза социалистов-революционеров», одна из основателей партии эсеров, член ЦК до 1-го съезда партии, после первой революции жила за границей, член транспортного бюро ЦК.
- 489 *Шишко Л.Э.* См. прим. 67.
- 490 «*Полтавские торжества*» — происходили в 1909 г. в честь 200-летия Полтавской победы над шведами.
- 491 *Постников С.П.* — видный деятель партии эсеров, организатор и редактор ряда ее печатных органов: журнала «Заветы», газеты «Дело народа» и др.
- 492 *Тютчев Н.С.* (1856-1924) — из дворян, народник-семидесятник, с 1878 г. до 1890 г. отбывал ссылку в Восточной Сибири, один из организаторов партии «Народного права», снова был сослан в Сибирь, где в 1904 г. стал членом партии эсеров, был кооптирован в ее ЦК. С 1906 г. жил за границей, сотрудничал в журнале «Былое», в 1914 г. вернулся в Россию. После Февральской революции вместе с П.Е.Щеголевым участвовал в комиссии по разбору документов и дел бывшего Департамента полиции и возглавлял комиссию по раскрытию сотрудников этого департамента, сотрудник журнала «Каторга и ссылка».
- 493 *Кирюхин И.П.* (1883—?) — член партии эсеров, мещанин г. Николаевска Самарской губ., бывший писарь Черноморского флота. Приговорен к смертной казни по процессу о восстании на крейсере «Очаков», казнь была заменена бессрочной каторгой. В 1907 г. бежал с Амурской колесной дороги, в конце того же года вторично был арестован в Москве, завербован охранкой под кличкой «Пермяк». Она устроила ему побег из-под стражи. Осенью 1909 г. был принят в Боевую организацию Б.В.Савинкова, где через год был обвинен в провокаторстве. Объявление Заграничной делегации ЦК ПСР о его провокаторстве было опубликовано в ноябре 1910 г. В № 32 «Знамени труда».
- 494 «*Заветы*» — ежемесячный литературный и общественно-политический журнал эсеровского направления, издавался легально в Петербурге с апреля 1912 г. по июль 1914 г. Редакторы: П.П.Инфантьев, И.И.Краевский, Н.М.Кузьмин. Издатель С.А.Иванчина-Писарева. В редакцию журнала входили В.М.Чернов, В.С.Миролюбов, С.П.Постников, А.И.Иванчин-Писарев, С.Д.Мстиславский, Р.В.Иванов-Разумник.
- 495 «*Трудовой голос*» — легальная газета социалистов-революционеров, издавалась в Петербурге с 17 февраля по 23 июля 1913 г. Вышло 23 номеров. С номера 21 имела подзаголовок «крестьянская и рабочая газета». До этого номера издавалась еженедельно, после два раза в неделю. Редакторы: А.М.Кондратьев, Г.А.Воронов, Д.П.Прохоров, Я.В.Игнатьев. Издатель Е.Д.Хирьяков. Далее выходила под названиями: «Живая мысль», «Заветная мысль», «Вольная мысль», «Северная мысль», «Бодрая мысль», «Верная мысль», «Стойкая мысль», «Мысль труда», «Смелая мысль» и «Живая мысль труда».

- ⁴⁹⁶ *«Живая мысль»* — крестьянская и рабочая газета, продолжение *«Трудового голоса»*, издавалась в Петербурге в 1913 г. с 17 августа по 10 сентября, печаталась два раза в неделю. Вышло 7 номеров. Редактор: С.С.Приписной. Издатель Н.Л.Копытовский.
- ⁴⁹⁷ *«Смелая мысль»* — крестьянская и рабочая газета. Издавалась в Петербурге в 1914 г. с 14 мая по 6 июня, печаталась три раза в неделю. Вышло 9 номеров. Редактор И.Г.Лычев. Издатель Г.Н.Шестаков.
- ⁴⁹⁸ *«Бодрая мысль»* — крестьянская и рабочая газета. Издавалась в Петербурге два раза в неделю с 20.12.1913 г. по 19.1.1914 г. Вышло 12 номеров. Редактор Г.Я.Козаковцев. Издатель В.В.Теремов.
- ⁴⁹⁹ *«Дело народа»* — ежедневная газета партии социалистов-революционеров. Издавалась с 15.3.1917 г. по 30.3.1919 г. С июня 1917-г. орган ЦК ПС-Р. До закрытия в июне 1918 г. газета издавалась в Петрограде. В октябре того же года издание было возобновлено в Самаре. Последние 10 номеров были изданы в Москве.

А

А. — 438
 А-ва — 441—446, 449
 Абдул-Гамид II — 142
 Абелева — 79, 81—83, 97, 178, 251, 252, 257, 306
 Абрамов — 382
 Авитонов — 385
 Авксентьев Н.Д. (Вронский) — 7, 12, 13, 16, 21, 54, 71—73, 79, 148, 154, 184, 203—205, 209—211, 234, 239, 253, 259, 261—263, 286, 307, 410—412, 414, 428, 432, 439, 447, 473—475, 477, 490, 495, 502, 514, 519, 520, 521
 Агафонов В.К. (Сиверский) — 11, 373
 Агромаков — 386
 Адамович — 467
 Азеф Е.Ф. — 5, 8, 10, 11, 20, 309—311, 314—316, 318—322, 324, 325, 327, 328, 330, 340, 347, 353, 377, 392, 395—397, 443, 465, 519, 520, 523
 Акимов — 383
 Аксельрод И.И. — 502
 Алданский — 176, 196, 261, 307
 Алек. — 384
 Александров — 384
 Александровский — 385
 Алексеев — 59, 61, 63, 65, 169, 219, 264, 265, 306
 Алексеев — 386
 Алексеевский — 446
 Алексей Михайлович см. Зензинов В.М.
 Алексинский Г.А. — 128, 129, 495, 502
 Алиханов — 70, 383, 387
 Амнат — 383
 Андреев — 352
 Андрей Иванович — 446
 Анисимов — 383
 Антей — 234, 236
 Антонов — 253, 255—257, 259—261, 290

Антонова — 64—67, 227, 306
 Антропов — 76
 Арагвин — 54, 94, 307
 Аргунов А.А. (Кубов) — 13, 16, 24, 473, 474, 477, 490, 495, 502, 503, 509, 520, 521
 Артемьев — 385
 Асонов — 381

Б

Бабский — 467
 Базаров см. Ракитников Н.И.
 Балашов П.Н. — 399
 Балмаше(о)в С.В. — 379
 Батушков — 388
 Бах А.Н. — 490, 502, 521
 Башканов — 381
 Башмаков — 384
 Бейлис М. — 459, 467
 Бейм — 384
 Белов Н. — 412
 Белоусов Г.Е. — 502
 Березин — 384
 Береславцев (Рубанович И.А.) — 49, 53, 56, 58, 107, 109, 110, 148, 173, 176, 178, 181, 182, 261, 262, 269, 307, 313, 332, 336, 337, 339, 343, 346, 347, 348, 350, 352
 Бехтерев В.М. — 320, 321
 Бибилов — 388
 Бисмарк О.Ш. — 391
 Биценко А.А. — 381
 Благовещенский — 382
 Блеклов С.М. — 521
 Блок — 383
 Бобров — 90,
 Бобров — 382
 Бобров см. Натансон М.А.
 Богданов — 386
 Богданович — 381
 Богданович Н.М. — 379, 381
 Боголепов Н.П. — 342, 348
 Богоявленский — 387
 Богров — 383

Богров Д.Г. (М.Г.) — 390, 401, 403, 404

Бодрицкий — 383

Болдырев — 388

Болкаров — 386

Большов см. Ракитников Н.И.

Бондаренко — 385

Боняко — 387

Борисов Г. (Билит Б.Г.) — 332, 342, 343, 349, 444, 490, 521

Борисова — 214, 216, 227, 256, 260, 268, 290, 306

Бородкин — 59, 61, 62, 65, 77, 90, 117, 122, 123, 152, 153, 169, 215, 223, 227, 250, 251, 257, 259, 261, 273, 306

Бородулин — 387

Брешко-Брешковская Е.К. — 49, 183, 467

Бронштейн — 386

Бубетов — 379

Бугачев И. — 382

Булат А.А. — 520

Булацель П.Ф. — 399

Бутенко — 383

Бушуев — 381

Буяльский — 467

Быстренин — 261, 265, 307

Бюзанд — 55, 70, 73, 77, 87, 161, 187, 215, 255, 261, 288, 306

В

Васильев — 307

Васильев — 382

Васильев — 383

Васильев — 386

Васильев В.П. — 109

Васильева — 83, 84, 306

Вильгельм II — 480

Виноградов — 467

Витте С.Ю. — 142, 174, 394

Вишневский — 387

Власов — 381

Власов (Чернов В.М.) — 504

Вноровский Б.У. — 382

Волгина — 80–82, 178, 182, 186, 306

Волжский — 85, 87, 90, 119, 306

Волин А. см. Ливин

Волховский Ф. В. — 49, 54, 55, 58, 110, 235, 236, 237, 257, 258, 307, 522

Волчек — 385

Воробьев — 384

Воронежский — 212, 216, 306

Воронов (Лебедев Б.Н.) — 332, 346–348, 444, 445, 490, 495, 502, 521, 522

Врублевский В. — 148

Высоков — 307

Высотский — 388, 465

Г

Гайвас — 467

Гайндман Г.М. — 55, 56, 58

Галиффе Г. — 340, 341

Гарденин см. Чернов В.М.

Георгий — 383

Герасимов А.В. — 396

Геркулес — 234, 236

Герценштейн М.Я. — 394

Гершельман С.К. — 387

Гершуни Г.А. — 50, 51, 97, 109, 131, 324, 337, 338

Гесберг — 385

Гитерман — 385

Гладищев — 382

Глинский Г.И. — 51

Глотов Я.И. — 521

Глушкин — 388

Голобородко — 383

Головин — 379

Голубев — 55, 90, 92, 94, 178, 183, 215, 216, 241, 307

Гольевич — 385

Горемыкин И.Л. — 320

Городниченко — 383

Горчаков — 387

Госберг — 385

Гоц М.Р. — 324

Грачев — 55, 72, 77, 87, 90, 94, 113, 114, 121, 124–126, 128–130, 133, 136, 152, 153, 155, 167, 173, 184, 188, 189–191, 208, 215, 224, 255, 257, 261, 265, 268, 290, 306

Грехов — 347

Грешнер — 379

Григорович (Житловский Х.О.) — 156, 164, 177, 209, 260, 261, 264, 287, 307

Грин — 58

Гринберг — 379

Грицин — 384

Гронский (Сулятитский В.М.) — 51

Грюнберг — 383

Гудима — 385

Гурский — 388

Гурчихин — 387

Гучков А.И. — 399

Д

Давыдов — 384
 Девет — 50
 Дейч Л. — 502
 Денисенко — 384
 Джунковский В.Ф. — 73
 Дзюбинский В.И. — 520
 Дикий (Лункевич В.В.) — 411,
 414—416, 419
 Диков — 307
 Димант — 382
 Дитнер — 380
 Добровольский — 380
 Долгачев — 379
 Достоевский Ф.М. — 391
 Драгомиров — 381
 Дубасов Ф.В. — 382, 384
 Дубинский — 379
 Дубровин А.И. — 194, 368
 Дулебов Е. — 379
 Думбадзе И.А. — 384, 386, 399
 Дурново П.Н. — 125

Е

Евгеньев (Колосов Е.Е.) — 490
 Егоров — 65, 113, 306
 Егоров — 384
 Егоров Н. — 51
 Езерская Л. — 381
 Елачин — 379
 Емец — 388
 Еремин А.М. — 59
 Ермоленко — 387
 Ефимов — 388, 465

Ж

Жданов — 382
 Желябов А.И. — 50
 Живоделов — 384
 Жолтоновский — 382
 Жорес Ж. — 457
 Жуков — 381
 Журавлев — 387

З

Зарин — 385
 Зензинов В.М. (Алексей Михайлович) — 18, 519—522
 Зефилов — 384
 Зиновьева-Дейч — 502
 Зотов — 49, 54, 58, 208, 230, 237,
 307

Зорге Ф. — 128
 Зюдекум А. — 516

И

Иван Грозный — 396
 Иванов — 54, 79, 114, 182, 208,
 250, 251, 257, 259, 261, 275, 287,
 306
 Иванов — 380
 Иванов — 387
 Иванов-2 — 387
 Иванов С.А. — 521
 Игнатъев А.П. — 326, 384
 Изгоев А.С. — 391, 392
 Измайлович А.А. — 382
 Измайлович Е.А. — 382
 Ильинский — 384
 Иорданский Н.И. — 479
 Исаенко — 383
 Исеев — 386
 Иуда — 397

К

Кальвино (Лебединцев В.) — 50
 Каляев И.П. — 125, 379
 Камаев — 381
 Каненский — 388
 Караваев А.Л. — 394
 Карангозов — 387
 Карл (Трауберг А.Д.) — 50, 106,
 197
 Карпов С.Г. — 523
 Карпович П.В. — 378
 Картвели — 70, 306
 Катин — 381
 Катя — 382
 Кача(о)ровский К.Р. — 266
 Качура Ф. — 379
 Келеповский — 381
 Керенский А.Ф. — 17, 19, 492
 Кирилл — 382
 Кирюхин И.П. — 524
 Клеменц Д.А. — 50
 Клингенберг — 381
 Ключев — 443—446
 Кноль — 381
 Ковалев — 380
 Коварский И.Н. — 520, 521, 522
 Козлов, ген. — 125, 383
 Козловский — 385
 Коковцов В.Н. — 174, 399
 Колпилов — 387
 Кольбе — 386
 Коллюпатов — 388

Комарницкий Н.В. — 51
 Кондауров — 382
 Коноплянникова З.В. — 341, 383
 Коренев — 80, 160, 234, 290, 306
 Коршун Н. — 384
 Косотухин — 387
 Костин — 383
 Кошелев, ген. — 321, 326
 Крафт П.П. — 50
 Кривенко-Яновский — 382
 Кривошеин А.В. — 408
 Крылов И.А. — 234, 501
 Кубов см. Аргунов А.А.
 Кудрявцев — 379
 Кудрявцев А.П. («Адмирал») — 384
 Кузнецов — 381
 Кузьмин — 386
 Куликовский — 380
 Кулишев — 379
 Курицын — 383
 Курлов П.Г. — 381, 395
 Курляндский — 379
 Курсико — 490
 Курский — 213—216, 306
 Курятников — 381
 Кухаров — 379
 Куяров — 379

Л

Лаврецкий — 54, 67, 77, 87, 90, 158,
 160, 186, 208, 220, 307, 412—414,
 416, 418, 419
 Лавров П.Л. — 64, 175, 181, 194,
 195
 Лазарев Е.Е. — 13, 58, 472, 473, 476
 Ланганс М.Р. — 50
 Лауниц В.Ф. — 326, 384
 Лбов А.М. — 75
 Лебедев — 383
 Лебедев — 384
 Левицкий — 387
 Лейкин — 381
 Леман — 72, 208, 261, 287, 307
 Ленин В.И. — 10, 138, 474
 Летный — 388
 Ливин (Юделевский Я.Л., Волин А.) —
 11, 90, 120, 130, 132, 152, 161—
 163, 170—173, 175—177, 180, 188,
 190—200, 207, 208, 250, 251, 262,
 265, 289, 291, 307, 365
 Лисовский — 381
 Литвак — 386
 Литвинов, губ. — 326, 384
 Логунов — 38

Ло(а)гунов Б.И. — 465
 Лопатин Г.А. — 182, 207
 Лопухин А.А. — 324
 Луженовский Г.Н. — 325, 382
 Лункевич В.В. — 521
 Луцкий — 467
 Львов Н.Н. — 394
 Любимов А. — 495

М

Мадридов — 490
 Макаров — 387
 Маклаков Н.А. — 499, 514
 Маковеев — 50
 Максимов см. Ракитников Н.В.
 Максимовский А.М. — 387
 Малеев — 379, 380
 Мария — 90
 Маркин — 383
 Марков — 380
 Маркс К. — 128, 175, 182, 194, 207
 Мартынов — 383
 Маслов П.П. — 138, 479
 Масокин — 208
 Меньшиков М.О. — 392, 407
 Метленко — 379
 Метус — 387
 Мещерский В.П. — 371
 Микаберидзе — 383
 Мильеран А. — 341, 342
 Милюков П.Н. — 175, 196, 376
 Мин Г.А. — 340, 383
 Миткин — 387
 Михайлов — 307
 Михайлов — 384
 Михайлов Ф. — 512
 Михайловский Н.К. — 64, 175, 182,
 194, 195, 320
 Мишин — 381
 Могилев — 388
 Моисеенко С.Н. — 521
 Морозов Н.А. — 50
 Моталевский — 387
 Мюллер Ш. — 125
 Мясоедов С.Н. — 514

Н

Наполеон III — 391
 Народовольцева — 49, 52, 307
 Натансон М.А. (Бобров) — 13—15,
 473, 474, 476, 477, 503, 504, 509,
 520, 522
 Нестеровский Б.Ю. — 520—522

Нечаич — 61, 63, 65, 72, 154, 206,
255, 259—261, 264, 265, 306
Никита — 90
Никитенко Б.Н. — 51, 131, 132
Никифоров — 379
Николаев А.А. — 122
Николай II — 390, 522
Норов Д.Д. — 381, 382
Нуждов — 388

О

Оболенский И.М. — 379
Овсянко — 380
Огановский Н.П. — 455
Оленин см. Чернов В. М.
Олешевский — 379
Онипко Ф. — 465
Онуфриев — 385
Оссовский — 380
Ошанина М.Н. — 182

П

Павел Семенович — 436
Павлов — 326, 384
Павлов — 75, 76, 77, 90, 229, 306
Павловский — 379
Павловский — 114, 119, 153, 170,
183, 205, 208, 222, 259—261, 291,
306
Панасюк — 386
Панкратов В.С. — 521
Парвус — 139
Пелонкин — 380
Перовская С.Л. — 50
Першон — 379
Петров — 238
Петров — 380
Петров А.А. — 395, 396, 523
Пешкова Е.П. — 521
Писарев — 281
Плеве В.К. — 189, 324, 334, 343,
344, 348, 379, 395, 404—406, 465
Плеханов Г.В. — 479, 495, 502
Плоховский — 379
Подберезовский — 387
Покотило — 385
Полковников — 384
Поляков — 382
Полянкевич — 386
Постников С.П. — 522
Потрясов — 380
Прессане Ф. — 467
Прокофьева М.А. — 519, 521

Прибыловский — 386
Пулихов И.П. — 381
Пуришкевич В.М. — 368
Пышкин — 387

Р

Рагозинников — 388
Рагозинникова Е.П. — 50, 387
Райнгольд — 386
Ракитников Н.И. (Базаров, Боль-
шов, Максимов, Н.М.) — 35, 55,
77, 171, 180, 243, 250, 251, 261,
307, 409, 416—420, 428, 429,
431—440, 520, 521
Ракович И. — 393
Ранненкамф — 384
Распутина А.М. — 132
Ратимов — 131
Рейнбот А.А. — 384
Римский-Корсаков А.А. — 386
Ритина (Ракитникова И.И.) — 90,
93, 94, 306, 428, 436, 437, 441, 511
Рогольд — 383
Родзевский — 386
Родионов — 385
Родионова — 83, 306
Розанов — 386
Рубанович И.А. см. Береславцев
Руденко — 387
Руднев В.В. — 13, 23, 470, 477
Руднева Л. 465
Рязанцев — 88, 90, 92, 112—114,
154, 158, 178, 179, 183, 185, 186,
200, 201, 203, 234, 238, 240, 306

С

Сабуров — 383
Савельев (Камков Б.Д.) — 504, 509
Сав(в)ин (Шимоновский А.Б.) —
90, 94, 111, 176, 181, 230, 231,
234, 261, 307, 409, 414, 417, 444—
446, 449, 521
Савинков Б.В. — 8, 519, 521, 523,
524
Са(о)зонов Е.С. — 338, 379, 405,
406, 465
Самойлов Д. — 122
Самсонов — 380
Саул — 392
Сахаров — 381
Сахаров В.В. — 325
Сварко — 386
Свежинский — 490

Свиридов — 388
 Свядищ — 380
 Севастьянова А.А. — 387
 Северский — 317, 318, 322, 323, 346, 350
 Селюк М.Ф. — 521
 Семенов — 87, 113, 114, 307
 Семенов — 380
 Семенова — 54
 Сергеев — 67, 113, 184, 185, 204, 208—211, 290, 307, 318
 Сергеев — 381
 Сергей, в. кн. — 333, 343, 379, 395
 Сорокевич — 386
 Сиверский см. Агафонов В.К.
 Сидоров — 307
 Сидорчук — 379
 Сидорчук П.К. — 467
 Сикорский — 379
 Симеоновский — 64, 65, 208, 261, 262, 306
 Синегуб Л. — 50
 Сипягин Д.С. — 323, 342, 348, 379
 Складовский — 477
 Скутельмин — 382
 Слепцов — 382
 Слетов С.Н. (Нечетный) — 12, 448, 449, 521, 523
 Смирнов — 386
 Смирнов — 387
 Снедзе — 385
 Снесоров — 381
 Собин — 380, 381
 Соколин — 386
 Соколовский — 379
 Соловкин — 380
 Соловьев — 330
 Соловьев — 383
 Соломин (Минор О.С.) — 54, 55, 72, 85, 94, 120, 169, 183, 188, 215, 234, 240—242, 261, 263, 306
 Сомова Е.И. — 421
 Спиридович А.И. — 19
 Спиридонова М.А. — 382
 Старынкевич — 384
 Старынкевич И.Ю. — 473, 476
 Стеклов — 65, 77—79, 119, 183, 208, 210, 221, 225, 227, 255, 257, 261, 306
 Степанов — 77, 176, 307
 Степняк-Кравчинский С.М. — 58
 Столыпин П.А. — 22, 126, 128, 131, 145, 196, 320, 327, 332, 344, 349, 368, 390—401, 404, 405, 407, 408, 465

Струве П.Б. — 375, 376, 405, 477
 Суханов Н.Н. — 512
 Сухомлинов В.А. — 514
 Сыров — 385
 Сыромятников — 393

Т

Татаров Н. — 382
 Терещенко — 384
 Тиманский — 467
 Тихомиров Л.А. — 399
 Толмачев — 382
 Толстой Л.Н. — 465
 Торлецкий — 386
 Трауберг А.Д. (Карл) — 50, 337, 338
 Трепов Д.Ф. — 125, 190, 327
 Троцкий Л.Д. — 139
 Туган-Барановский М.И. — 408
 Тучкин см. Чернов В.М.
 Тютчев Н.С. — 523
 Тяжельников — 388

У

Украинец — 347
 Ульянов — 387

Ф

Фалевич — 59
 Февралев — 59, 62, 63, 65, 87, 120, 153, 215, 225, 243, 262, 306
 Федоров — 90, 225
 Федорова — 388
 Федотов — 68, 72, 73, 118, 119, 121, 212, 220, 227, 306
 Фейт А.Ю. — 521
 Филантропов — 76, 268, 306
 Филонов — 382
 Флерова — 79, 307
 Фольер — 159
 Фондаминский (Бунаков) И.И. — 10, 12, 13, 16, 472—475, 477, 490, 495, 502, 521, 523, 524
 Франжоли А.А. — 50
 Фрейфельд Л.В. — 520—522
 Фролов — 383
 Фролов — 384
 Фурман — 54, 65, 121, 208, 289, 307

Х

Хвостов А.Н. — 381, 516
 Херуладзе — 380
 Ховрин А.А. — 520—522

Ходоровский — 381
Хренов — 87, 155, 156, 160, 184,
208, 256, 289, 307
Хрусталеv Г.С. — 142

Ц

Цензор — 73, 229, 306
Церетели И.Г. — 128
Цилинский — 386

Ч

Чайковский Н.В. — 50, 58
Челипленко — 380
Чемезов — 77, 307
Чериков — 386
Чернов В.М. (Гарденин, Оленин,
Тучкин, Ю.Г., Власов) — 7, 10,
11, 13—15, 55, 72, 79, 95, 109,
113, 114, 121, 137, 148, 152, 162—
166, 188, 198, 201, 208—210, 233,
234, 236, 237, 240, 241, 260, 261,
267, 268, 307, 317, 322, 330, 346,
348—350, 352, 473—478, 481, 483,
485, 504, 509, 512, 519—521
Черняк Я.Е. — 166, 172, 193
Чижевский — 55, 72, 158, 160, 161,
187, 203, 208, 233, 236, 238, 261, 306
Чухнин Г.П. — 128, 382, 383

Ш

Шарыгин — 383
Шаталов — 382
Шебеко — 380
Шереметьев, гр. — 254
Шишко Л.Э. — 58, 522

Шишмаров — 388
Школьник — 381
Шляхтер — 380
Шмидт — 397
Шпайзман — 381
Штейн — 54, 59, 117, 212, 231, 241,
262, 307
Штильман — 379
Штифтарь В. (Зильберберг Л.И.) —
51
Шувалов П.П. — 380

Щ

Щеглов — 385
Щегловитов И.Г. — 499
Щедрин (Салтыков) М.Е. — 499
Щербаков — 386
Щетин — 385

Э

Энгельгардт М. А. — 163
Энгельс Ф. — 128, 182
Эдуард VII — 58, 159

Ю

Ю.Г. см. Чернов В.М.
Юделевский см. Ливин
Южанин — 65, 67, 68, 73, 180, 227,
306
Юровский — 55, 76, 169, 232, 306

Я

Ян — 385
Яковлев — 385

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение .	20

Раздел I ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ в 1907—1914 гг.

№ 1. III Совет партии социалистов-революционеров. Резолюции и постановления	26
1. О тактике современного момента	26
2. О бойкоте Государственной думы.	28
3. О боевых дружинах	29
4. Об экспроприациях	30
5. Об организации работы среди пролетариата	30
6. Работа в профессиональных союзах	30
7. Об организации при ЦК бюро по профессиональному делу.	31
№ 2. Из материалов Совета П.С.-Р. .	32
№ 3. От Центрального Комитета П.С.-Р. По вопросу об аграрном и фабричном терроре	35
№ 4. Извещение Центрального комитета П.С.-Р. о созыве общепартийной конференции	36
№ 5. Программа вопросов и проекты резолюций, подлежащих обсуждению на предстоящих конференции и Совете	38
К современному моменту и тактике партии .	38
Вопросы рабочей и крестьянской политики .	40
О локаутах	42
О фабричном терроре .	43
О коллективном договоре	43
О борьбе с земельным законодательством .	44
О борьбе с землевладельцами	45
Кооперация в деревне .	45
Об экономическом терроре вообще и аграрном терроре в частности .	46
К организационному вопросу .	47
Порядок дня	48
№ 6. Первая Общепартийная конференция П.С.-Р. (Париж, август 1908 г.) Протоколы конференции	49
№ 7. Приложения к Протоколам Первой общепартийной конференции	271
I. Сводка данных, полученных при опросе лиц, участвовавших на Первой общепартийной конференции.	271
II. Доклад т. Бородкина .	273
III. О сельскох[озяйственных] стачках (доклад т.Иванова)	275

IV. Проекты резолюций, представленные членами конференции	286
1. По вопросу об оценке момента .	286
2. По организационному вопросу	290
3. По вопросу рабочей политики	290
V. Резолюции, принятые 1-й Общепартийной конференцией и утвержденные IV Советом партии социалистов-революционеров	293
а) О текущем моменте и общей тактике партии	293
б) Об организационном вопросе .	295
в) Вопросы крестьянской политики	295
г) Вопросы рабочей политики	298
д) Кооперативное движение .	303
е) Отношение к национальным социалистическим партиям .	304
ж) О Третьем съезде партии	305
VI. Список членов 1-й Общепартийной конференции П.С.-Р.	306
№ 8. Решения IV Совета П.С.-Р., не включенные в «Приложение V» «Протоколов первой общепартийной конференции П.С.-Р.»	308
№ 9. От Центрального Комитета П.С.-Р. Объявление о провокаторстве Е.Ф.Азефа .	309
№ 10. Пятый Совет партии.	309
№ 11. Вопрос о терроре на V Совете партии с.-р	317
№ 12. Резолюции и постановления V Совета партии с.-р.	353
1. О судебно-следственной комиссии .	353
2. О третьем съезде партии	353
3. Об организационном уставе партии .	354
4. Об областях и областных представителях на Совете .	354
5. Об областных и местных организациях .	354
6. О центральном Комитете	355
7. О создании Центрального Крестьянского Бюро при ЦК	356
8. О рабочих комиссиях	356
9. Об организации работы среди пролетариата .	356
10. Об организации работы среди крестьянства .	357
11. Об организации военной работы .	358
12. О работе в профессиональных союзах .	359
13. О работе в кооперативах .	360
14. О постановке пропаганды	360
15. Задачи партии в деревне	360
16. О работе среди солдат и матросов	361
17. О работе среди призываемых .	362
18. О работе среди офицерства	362
19. О центральном органе и других изданиях партии.	363
20. Об организации финансовой комиссии при ЦК П.С.-Р.	364
№ 13. От редакции [«Революционной мысли»].	364
№ 14. А.Волин. Вопросы революции .	365
№ 15. Сиверский. Pro domo sua	373

№ 16. М.Ивич. Статистика террористических актов, совершенных партией социалистов-революционеров	377
№ 17. Заявление Центрального Комитета П.С.-Р. по делу Дмитрия Богрова .	390
№ 18. П.А.Столыпин (Вместо некролога).	390
№ 19. Политическая карьера Столыпина	393
№ 20. Террор и дело Богрова .	401
№ 21. Еще раз о терроре	404
№ 22. Прения на 4-й заграничной конференции групп содействия П.С.-Р по вопросу об участии партии на выборах в 4-ю Государственную думу	409
№ 23. О выборах в Четвертую Думу	420
№ 24. От редакции [«Почина»]	423
№ 25. Н.Авксентьев. Наши разногласия	428
№ 26. И.Ритина. Течения с.-р. мысли	441
№ 27. Новый подъем .	454
№ 28. Накануне войны. (Доклад партии с.-р., подготовленный к международному социалистическому конгрессу в Вене 1914 г.)	458

Раздел II

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ВОЙНА (АВГУСТ 1914 г. — ФЕВРАЛЬ 1917 г.)

№ 29. В.Руднев. Двадцать лет тому назад	470
№ 30. Ю.Г. Война и социалистический пересмотр (Несколько тезисов.) . .	478
№ 31. Ю.Г. Капитализм и война (Несколько тезисов.) . . .	481
№ 32. Ю.Г. Социалистическая оценка войны (Несколько тезисов.) .	483
№ 33. Ю.Г. Положение русского социалиста (Несколько тезисов.) .	485
№ 34. Социалисты и война. (Резолюция группы с.р.) .	488
№ 35. Резолюции, принятые на первом народническом совещании в июле 1915 г. .	490
№ 36. Резолюция о тактике, принятая совместным совещанием с.-д. и с.-р. (5—10.9.1915 г. Женева) .	492
№ 37. К сознательному трудящемуся населению России (Манифест социал-демократов и социалистов-революционеров) .	495
№ 38. Заявление Заграничной делегации ЦК П.С.-Р.	502
№ 39. А.Кубов. По поводу одного заявления . .	503
№ 40. Доклад, представленный делегатами ПСР (интернационалистами) на Вторую Циммервальдскую конференцию	504
№ 41. А.Кубов. Об одной сказке.	509
№ 42. Николай Авксентьев. Год борьбы.	514
№ 43. В.Зензинов. Из недавнего прошлого.	519
Примечания.	526
Указатель имен	574

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Т. 2.

Июнь 1907 г. — февраль 1917 г.

Редактор *Т.В.Хордина*

Художественное оформление *А.К.Сорокин*

Технический редактор *В.А.Юрченко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.03.2001.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 36,5. Уч.-изд. л. 46,2. Тираж 1000 экз.

Заказ № 1409

Издательство «Российская политическая энциклопедия»

(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция)

Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

ППП типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

